

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ.

1913

СЕНТЯБРЬ

№ 9

„РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ“, „ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ“ и „ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“

въ 1913 году

(Циркуляръ Главнаго Штаба 1912 года № 194).

Въ 1913 году издаваемые съ Высочайшаго соизволенія газета «Русскій Инвалидъ» и журналъ «Военный Сборникъ» будутъ выходить по-прежнему: газета—ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, журналъ—ежемесячно. При «Военномъ Сборникѣ» будутъ даны 4 книги «Военно-Историческаго Сборника».

Высочайше утвержденнымъ 23 сентября 1912 г. положеніемъ Военнаго Совѣта, объявленнымъ въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 5 октября за № 552, установлено, что печатаемые въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ приказъ по военному вѣдомству и циркуляры Главнаго Штаба *принимаются къ руководству со времени получения въ частяхъ и учрежденіяхъ названнй газетъ.*

«Русскій Инвалидъ» сообщаетъ главныя официальныя извѣстія и слѣдитъ за многосторонними текущими событіями въ военномъ мірѣ, и также за всѣми явленіями, имѣющими интересъ для служащихъ военнаго и морскаго вѣдомствъ. «Военный Сборникъ» посвящаетъ свои страницы всесторонней разработкѣ военнаго дѣла. «Военно-Историческій Сборникъ» будетъ имѣть задачей давать матеріалъ по исторіи Русской Арміи.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ, Литейный, уголъ Пантелеймонской, № 21. Телефонъ 672.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

На «Русскій Инвалидъ»:

Въ Россіи:		За границей:	
На годъ	9 р. — к.	На годъ	15 р. — к.
„ 11 мѣсяцевъ	8 „ 50 „	„ 11 мѣсяцевъ	14 „ — „
„ 10 „	8 „ — „	„ 10 „	13 „ — „
„ 9 „	7 „ 50 „	„ 9 „	12 „ — „
„ 8 „	7 „ — „	„ 8 „	11 „ — „
„ 7 „	6 „ 50 „	„ 7 „	10 „ — „
„ 6 „	5 „ 75 „	„ 6 „	9 „ — „
„ 5 „	5 „ — „	„ 5 „	8 „ — „
„ 4 „	4 „ 25 „	„ 4 „	6 „ 50 „
„ 3 „	3 „ 25 „	„ 3 „	5 „ — „
„ 2 „	2 „ 25 „	„ 2 „	3 „ 50 „
„ 1 „	1 „ 25 „	„ 1 „	2 „ — „

Съ доставкой въ Петербургъ и съ пересылкою иногороднымъ. Съ пересылкою.

Подъ годовой подпискою надлежитъ разумѣть подписку съ 1-го янв. по 1-е янв. слѣдующаго года. Подписка на сроки менѣе года принимается лишь на цѣлые мѣсяцы, съ 1-го числа каждаго мѣсяца, не далѣе конца года.

На «Военный Сборникъ» съ «Военно-Историческимъ Сборникомъ» принимается попрежнему *только годовая подписка*, съ тою же платою въ годъ: внутри Россіи 6 рублей съ пересылкою (въ С.-Петербургѣ съ доставкою на домъ), за границу 8 руб. съ пересылкою; *на срокъ менѣе года и отдѣльно на «Военно-Историческій Сборникъ» подписка не принимается.*

СРОКИ ВЗНОСА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ:

Подписная плата вносится *полностью* при подпискѣ.

Но при подпискѣ на годъ *отдѣльныхъ военно-служащихъ допускается разсрочка платежа* по слѣдующему расчету:

На «Русскій Инвалидъ».		На «Военный Сборникъ».	
не позже 1 января	2 р.	не позже 1 января	2 р.
„ „ 1 марта	1 „	„ „ 1 марта	1 „
„ „ 1 мая	1 „	„ „ 1 мая	1 „
„ „ 1 іюля	1 „	„ „ 1 іюля	1 „
„ „ 1 сентября	1 „	„ „ 1 сентября	1 „
„ „ 1 ноября	1 „		
Итого	9 р.	Итого	6 р.

См. далѣе на 3-й страницѣ обложки.

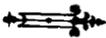
ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ

№ 9 СЕНТЯБРЬ 1913

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ КНИЖКИ.

I.

	СТРАН.
I. Атака и оборона населенныхъ пунктовъ. (Со схемой). (Окончаніе). Б. НИКУЛИЩЕВЪ.	1
II. Стрѣлковыя замѣтки. (Съ чертежомъ). (Продолженіе). В. СТУПИНЪ.	19
III. Упрощенный способъ повысить стрѣльбу. ВОИНСКІЙ.	33
IV. О боковыхъ движеніяхъ: «плечомъ въ манежъ» и «приниманіе». ШИШКО.	37
V. Выѣздка строевой казачьей лошади. (Съ планомъ). П. КРАСНОВЪ.	43
VI. Элегія. (Стихотвореніе). Г. УСАЧЕВЪ.	58
VII. Кадетскіе корпуса, ихъ невзгоды и нужды. (Окончаніе). Н. ПОПОВЪ.	59
VIII. Опасный симптомъ. (Окончаніе). С. СТАНКОВСКІЙ.	67
IX. Объ упражненіяхъ въ стрѣльбѣ изъ армейскихъ ружей во время олимпійскихъ игръ въ 1912 г. въ Стокгольмѣ. (Переводъ съ нѣмецкаго). —НЪ.	79
X. Въ старину. (Стихотвореніе). В. ПЕТРОВЪ.	86
XI. Гимнастика по Наставленію 1910 года. М. ДЪЛОВЪ.	87
XII. Герой рѣшимости. (Военный историко-психологическій этюдъ). Д-ръ Г. ШУМКОВЪ.	97
XIII. Пользуемся-ли мы уроками исторіи. А. ДМИТРЕВСКІЙ.	109
XIV. Воспоминанія добровольца. (Окончаніе). ЧИНТУЛОВЪ.	123
XV. Письма изъ Сибири. (Окончаніе). Л. БѢЛКОВИЧЪ.	131
XVI. Гиссарскій край. (Очеркъ горной Бухары). (Продолж.). Д. ЛОГОФЕТЪ.	147
XVII. Страна Льва и Солнца. Провинція Керманшаханъ. (Краткій географическій очеркъ по персидскимъ и армянскимъ источникамъ). (Продолженіе). Ѡ. ЧЕРНОЗУБОВЪ.	165
XVIII. Хургумъ и Ёршикъ. (Продолженіе). ТРИЛИЦКІЙ.	183
XIX. Спортъ за границей (Съ рисунками). ВРОНСКІЙ.	197

II.

I. БИБЛИОГРАФІЯ. Обзоръ иностранныхъ военныхъ журналовъ. А. СВѢЧИНЪ; В. Н.	203
II. ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. (Со схемой). М. Б.	221

Главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ»,
Генеральнаго Штаба Генераль-Маіоръ *Б ѣ л я в е з*.

Помощникъ Главнаго редактора, Ген. Шт. полковникъ *Шеманскій*.

АТАКА И ОБОРОНА НАСЕЛЕННЫХЪ ПУНКТОВЪ.

(Окончаніе) ¹⁾.

Борьба за обладаніе внутренностью деревни.

Когда противникъ прорывается въ окраину, бой, въ сущности говоря, уже переходитъ въ борьбу за обладаніе одной изъ частей селенія, почему и подчиняется общимъ правиламъ этой борьбы.

Занимая внутренность селенія, обороняющійся подготавливаетъ себѣ заранее намѣчаемое имъ для боя пересѣченное пространство, приспособленное къ оборонѣ, въ коемъ большинство преимуществъ будетъ находиться уже на его сторонѣ, какъ, напри- мѣръ, рядъ опорныхъ пунктовъ и хорошее знаніе мѣстности.

При подготовкѣ селенія къ оборонѣ, обороняющійся, для опорныхъ пунктовъ, выбираетъ предметы солидной постройки, по воз-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 8.

возможности не подверженные огню неприятельской артиллеріи: дома, церкви, различныя зданія, парки, кладбищенскія ограды и сады съ прочной оградой, имѣющіе достаточный обстрѣлъ. Такъ какъ весьма выгоднымъ представляется обстрѣливать улицы, по которымъ долженъ будетъ пройти противникъ, продольнымъ огнемъ, поражая подступы—перекрестнымъ, и находиться въ то же время во взаимной огневой связи съ другими опорными пунктами, то и является удобнымъ занимать для обороны угловыя зданія, находящіяся на пересѣченіи улицъ, по срединѣ площадей и въ уступномъ положеніи другъ къ другу.

Крупныя зданія занимаются *ротами и полуротами*, а иногда еще и большими частями, значительные парки—*баталіонами*, средней величины двухъэтажныя зданія (до 10 сажень въ каждую сторону)—*взводами*, а меньшія—*отъ одного до двухъ отдѣленій*. Входы въ каждую улицу должны быть обороняемы особенно сильно изъ прилегающихъ къ нимъ домовъ и при помощи баррикадъ. Баррикады устраиваются въ мѣстахъ, не подверженныхъ артиллерійскому огню, обыкновенно на заворотахъ улицъ и защищаемыхъ съ фланговъ огнемъ изъ прилегающихъ домовъ. Онѣ должны быть подготовлены къ свободному пропуску своихъ войскъ и служить препятствіемъ противнику.

Онѣ занимаются взводомъ пѣхоты, иногда, въ случаѣ надобности, съ пулеметами. Прилегающіе къ баррикадамъ дома занимаются во всякомъ случаѣ сильнѣе, чѣмъ сами баррикады; то же относится вообще ко всѣмъ домамъ, защищающимъ какіе либо входы въ обороняемыя пространства (мосты и разнаго рода сообщенія). Парки, приспособленные къ оборонѣ со всѣхъ сторонъ, дѣлятся на участки и усиливаются окопами и искусственными препятствіями. Весьма выгодными представляются опорные пункты, прикрывающіе собою широкое развертываніе своихъ войскъ, а также и тѣ, которые расположены уступомъ за флангами, на краяхъ деревни, предохраняя войска отъ атакъ съ тыла и фланговъ.

Слабо или вовсе не приспособленные къ оборонѣ дома довольно легко овладѣваются штурмомъ; столь же легко берутся и дома, не представляющіе собою достаточныхъ средствъ къ оборонѣ; поэтому, выбирая, надлежитъ съ полной осмотрительностью опредѣлять ихъ боевую пригодность.

Правила приведенія въ оборонительное состояніе всѣхъ этихъ мѣстныхъ предметовъ общеизвѣстны; укажемъ только, что при приспособленіи домовъ къ оборонѣ слѣдуетъ принимать *особыя мѣры*

противъ пожара, напримѣръ, не закладывать окна тѣфяками, подушками и т. п. легко воспламеняемыми матеріалами, а совершенно удалять ихъ изъ зданія, заготовляя въ изобиліи воду; наружную поверхность домовъ слѣдуетъ обсыпать землею до оконъ, окружая само зданіе достаточной ширины рвомъ для предохраненія стѣнъ отъ динамита; устраивать блиндажи въ противоположныхъ артиллерійскому огню частяхъ дома, въ окружающемъ его ровѣ, съ возможностью обстрѣливанія ихъ изъ зданія; самому рву придавать неправильную, извилистую форму, достаточной глубины, для предохраненія людей отъ фланговаго огня съ разныхъ сторонъ; оборону вести, начиная съ подвальныхъ этажей; если дома соприкасаются другъ съ другомъ, то принимать съ этой стороны, также, какъ и въ ближайшихъ къ ней комнатахъ, особо усиленныя мѣры къ оборонѣ, на случай прорыва противника въ этихъ направленіяхъ ²⁾).

При оборонѣ японцами въ 1905 году ханшиннаго завода въ селеніи Сандепу, послѣдній былъ приспособленъ къ оборонѣ слѣдующимъ образомъ: укрѣпленное зданіе, затѣмъ толстая глинобитная стѣна съ бойницами, валъ, ровъ, засѣка и проволочная сѣть.

Нечего и упоминать, что, обороняя дома, отнюдь не слѣдуетъ встрѣчать атаку крикомъ «ура» и выходить изъ нихъ, какъ производилось это нами во многихъ деревенскихъ бояхъ минувшей войны.

Сообщеніе дома съ улицей и рвомъ производится при посредствѣ нѣкоторыхъ оконъ; двери же наглухо запираются и баррикадируются. На каждое окно и бойницу обыкновенно назначаютъ по два человѣка, на дверь—звено изъ пяти человѣкъ. Находящіяся вблизи укрѣпленнаго дома постройки, почему либо необороняемая, должны быть сдѣланы непригодными для занятія противникомъ въ качествѣ стрѣлковыхъ позицій. Обороняющійся долженъ пользоваться въ широкой степени ручными гранатами, бросаемыми во врага съ верховъ зданія. Хорошимъ средствомъ передвиженія обороняющагося отъ одного зданія къ другому могутъ служить соприкасающіяся между собою крыши домовъ, являющимися образомъ для этого приспособленныя и имъ обороняемыя, тогда какъ средствомъ связи—телефоны, проложенные по поверхности земли и соединяющіе опорные пункты съ наиболѣе изъ нихъ сильными. Въ случаѣ прорыва противника между домами, отнюдь не слѣдуетъ оставлять

²⁾ Сверхъ того, должны быть приняты мѣры къ отводу дыма изъ помѣщений, для чего, по возможности, всѣ выходныя отверстія открыты и продѣланы новыя надъ бойницами.

ихъ, а, напротивъ того, пользоваться этимъ случаемъ для обстрѣливанія его во флангъ и тылъ и недопуская къ нему подкрѣпленій, чтобы, встрѣченный съ фронта другими препятствіями и резервами, противникъ былъ поставленъ въ критическое положеніе. Вообще, имѣя въ виду содѣйствіе резервовъ, со взятіемъ одного участка обороны, *другой не долженъ очищаться ни въ какомъ случаѣ*, хотя и былъ бы окруженъ противникомъ со всѣхъ сторонъ.

Войска, обороняющія селеніе, какъ было упомянуто нами, должны быть снабжены значительнымъ количествомъ патроновъ, ручными гранатами, продовольствіемъ, водой, перевязочными средствами, мѣшками съ пескомъ и шанцевымъ инструментомъ. Особенно важень значительный запасъ патроновъ, такъ какъ неоднократно наблюдалось, что, только вслѣдствіе истощенія ихъ, сопротивленіе въ деревнѣ преждевременно ослабѣвало. Сверхъ этого, гарнизонъ селенія долженъ быть усиленъ саперами и легкими ручными пулеметами. Всѣмъ войскамъ, обороняющимъ селеніе, должно быть внушено, что *отъ силы сопротивленія и упорства ихъ зависитъ успѣхъ цѣлаго дня*.

Силы, необходимыя для обороны внутренности селенія, всецѣло будутъ зависѣть отъ размѣровъ его, степени обороноспособности и числа занятыхъ опорныхъ пунктовъ, а также и силы нападенія противника. Какъ предѣлъ этихъ силъ, полагая $\frac{1}{3}$ на занятіе опорныхъ пунктовъ и $\frac{2}{3}$ на резервы, можно считать, что для упорной обороны приспособленной къ тому деревни достаточно имѣть на каждыя 100 сажень протяженія ея площади—одинъ баталіонъ, кромѣ еще двухъ, отдѣльно,—на резервы. Такой расчетъ подтверждается и военно-историческими примѣрами. Для обороны, напри- мѣръ, селенія Асперна въ 1809 году, имѣвшаго 900 шаговъ длины и 450 шаговъ ширины, въ концѣ сраженія, противъ 40 австрійскихъ баталіоновъ, потребовалось до 34 баталіоновъ дивизій Молитора, Леграна, Кара, С.-Сира и гвардейскихъ стрѣлковъ, изъ которыхъ болѣе половины, слабаго состава, непосредственно обороняли деревню. Селеніе С.-Прива въ Гравелотскомъ сраженіи, 18 августа 1870 года, размѣромъ 900—800 шаговъ, противъ 35—40 баталіоновъ пруссаковъ и саксонцевъ, оборонялось двумя дивизіями корпуса Капробера, изъ коихъ непосредственно въ деревнѣ находилось не болѣе 10 баталіоновъ. Наконецъ, селеніе Базейль въ Седанскомъ сраженіи, величиною 1.200—1.800 шаговъ, непосредственно (противъ 26 баталіоновъ баварцевъ) оборонялось 12—18 баталіонами французовъ.

Для успѣшной обороны, все внутреннее пространство селенія должно быть разбито на участки, ввѣренныя каждый одному лицу, во главѣ же всей обороны — поставленъ энергичный комендантъ. Участки назначаются въ зависимости отъ плана обороны и мѣстныхъ рубежей. Они не должны быть разграничены улицами и рубежами, по коимъ вѣроятно наступленіе противника, а естественными рубежами и условными линиями, представляющими менѣе важное значеніе.

Каждый участокъ, въ зависимости отъ своей величины и важности, занимается однимъ или нѣсколькими баталіонами съ пулеметами и саперами, часть коихъ (не менѣе половины) назначается въ резервъ этого участка. При пользованіи пулеметами необходимо имѣть въ виду достаточный обстрѣлъ для нихъ (вдоль улицъ, аллей, крышъ) и обезпеченіе ихъ отъ артилерійскаго огня. Къ содѣйствію оборонѣ могутъ привлекаться и жители селенія; всѣ же прочіе, не участвующіе въ оборонѣ, обыватели ея должны быть заблаговременно удалены на значительное разстояніе и за линію расположенія войскъ. Участковые резервы, заботясь о сохраненіи своихъ участковъ, одинаково съ этимъ, не должны забывать и о взаимной поддержкѣ, чтобы совокупными усилиями поставить врага въ затруднительное положеніе и нанести ему пораженіе.

Общей поддержкой всѣхъ участковъ является общій резервъ обороняющагося, расположенный за тыловой окраиной селенія, питающій бой и старающійся, посредствомъ ударовъ съ фланга, склонить успѣхъ въ свою пользу. Расходовать общій резервъ, если у противника имѣются подъ рукою значительныя поддержки, слѣдуетъ, однако, скупно и въ мѣрѣ дѣйствительной необходимости, остерегаясь также и затяжного боя съ равными силами.

Участковые резервы располагаются на улицахъ, которыя неприятель не можетъ анфилировать ни ружейнымъ, ни артилерійскимъ огнемъ, въ крайнемъ же случаѣ, въ дворахъ какихъ-либо крупныхъ укрѣпленныхъ зданій, по возможности, въ серединѣ участка. Весьма выгоднымъ представляется также ставить резервы за закрытія, откуда, послѣ нѣсколькихъ залповъ, они могли бы непосредственно бросаться въ атаку.

Извѣстное Суворовское правило «въ дома не ходи, а бей на площадяхъ», нынѣ, во многомъ, утратило уже свое прежнее значеніе. Атакующій, послѣдовавшій въ буквальномъ смыслѣ этому правилу, понесъ бы такія ужасающія потери отъ перекрестнаго ружейнаго и пулеметнаго огня въ улицахъ и переулкахъ се-

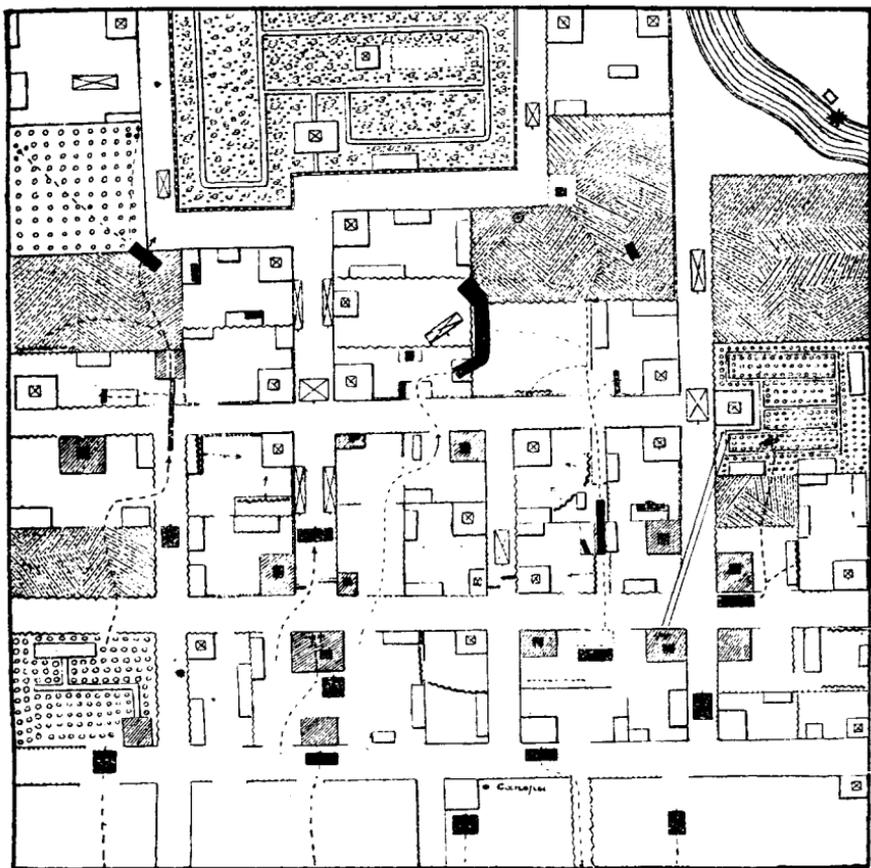
ленія, что легъ бы прежде, чѣмъ добрался до предметовъ атаки. Самому Суворову правило это при штурмѣ Нови обошлось въ немалое количество жизней, даже и при несовершенствѣ тогдашняго вооруженія; подъ Сарагоссой же стояло 24.000 убитыхъ и раненыхъ французамъ; что же сказать теперь, при современныхъ способахъ вооруженія и развитія техники?

Послѣ овладѣнія окраиной селенія, атакующій продолжаетъ дальнѣйшее движеніе впередъ не прежде развитія успѣха на флангахъ, особенно въ тыловой части селенія (противъ общаго резерва противника), конечно, если не представится какихъ-либо особенныхъ данныхъ къ немедленному использованию первоначальнаго успѣха ³⁾.

Для успѣха атаки внутренности селенія, по флангамъ и вдоль его, направляются особыя части для скорѣйшаго занятія выходной части селенія или обхода въ тылъ обороняющаго внутренность селенія противника. Атакующіе направляются широкимъ фронтомъ по всѣмъ параллельнымъ улицамъ и задворкамъ селенія, ведущимъ къ противоположной окраинѣ. На мѣстѣ прорыва, кромѣ частей на взятой и укрѣпляемой окраинѣ и гарнизона нѣсколькихъ опорныхъ пунктовъ при входахъ въ деревню, первое время окажутся и резервы атакующаго, слѣжащіе для поддержки и усиленія натиска штурмовыхъ колоннъ, между тѣмъ, какъ общій резервъ въ это время, если возможно, подводится къ самому селенію.

Еще при преслѣдованіи сбитаго съ окраины деревни противника, главныя усилія атакующихъ направляются на незацищенныя части селенія, которыми они и стараются овладѣть внезапно, на плечахъ отступающаго, распространяясь затѣмъ далѣе по задворкамъ, съ оставленіемъ на улицахъ лишь самаго необходимаго количества войскъ. Въ дальнѣйшемъ, система атаки остается такой же. Роты атакующаго дѣйствуютъ цѣликомъ, самостоятельно, въ предѣлахъ указанныхъ имъ направленій и подъ непосредственнымъ руководствомъ своихъ ротныхъ командировъ, оказывая другъ другу всевозможную взаимную поддержку и устремляя всѣ усилія, чтобы завладѣть возможно большимъ пространствомъ деревни.

3) Если противникъ обороняетъ главнымъ образомъ окраину и не приспособилъ въ достаточной степени къ оборонѣ дома, то по овладѣніи окраиной, части атакующаго, оставивъ достаточныя силы для обороны ея, немедленно, на плечахъ же отступающаго, стараются быстро достичь противоположной окраины селенія, не обращая уже вниманія на нѣкоторое сопротивленіе изъ домовъ; затѣмъ, сами занимаютъ наиболѣе важныя пункты, между тѣмъ, какъ слѣдующіе позади резервы стараются отбить всѣ контръ-атаки противника.

ВТОРЖЕНІЕ ГОЛОВЫ КОЛОННЫ ВО ВНУТРЕННОСТЬ СЕЛЕНІЯ.

 Отъѣздки отъ обороняющагося дома

Наступленіе войскъ по улицамъ обыкновенно предшествуется, если необходимо, пулеметнымъ и орудійнымъ огнемъ, для чего нѣсколько орудій и доставляютъ къ окраинѣ. Хорошимъ обезпеченіемъ орудій отъ огня, можетъ послужить здѣсь способъ, примѣненный при штурмѣ Броллето въ Миланѣ во время возстанія въ мартѣ 1848 года, а именно ввозъ ихъ черезъ дворъ въ ворота или въ нижнія комнаты зданій. Поставленныя здѣсь, онѣ, какъ и пулеметы (для послѣднихъ болѣе выгоднымъ представляется болѣе высокое помѣщеніе), могутъ безнаказанно продольно обстрѣливать улицы.

Обезпеченныя съ фланга и тыла резервами, постепенно слѣдующими за ними, штурмовыя роты, въ сопровожденіи командъ рабочихъ и саперъ, черезъ задворки, стараются овладѣть наиболѣе

важными изъ зданій, при посредствѣ которыхъ возможно бы было значительно легче завладѣть внослѣдствіи и прочими. Съ этою цѣлью, снабженные кирками, топорами, ломами, каменщичьими молотами и переносными лѣстницами, рабочіе и саперы, при помощи пироксилина и динамита, пробиваютъ бреши въ домахъ, въ которые затѣмъ и вторгается штурмующій *частью* своихъ силъ. Во время пробиванія брешей, стрѣлки атакующаго занимаютъ всѣ близлежащія укрытія и дома, непрерывно оттуда безпокою обороняющагося стрѣльбою по всѣмъ отверстіямъ зданія. Хорошимъ побочнымъ средствомъ къ овладѣнію домомъ представляется также и проникновеніе въ него со стороны крыши, куда часть людей, при всякой къ тому возможности, и взбирается по приставнымъ лѣстницамъ. Обыкновенно, съ проникновеніемъ въ домъ и съ занятіемъ выходовъ изъ него, обороняющійся уже прекращаетъ свое сопротивленіе.

Такимъ же образомъ, шагъ за шагомъ, овладѣваютъ и прочими домами, преграждающими какіе либо входы на улицы и имѣющими другое какое-либо важное значеніе, пользуясь, кромѣ того, какъ возможностью перехода изъ дома въ домъ, посредствомъ пролома соприкасающихся другъ съ другомъ стѣнъ, такъ и движеніемъ по крышамъ и стрѣльбою изъ занятыхъ уже домовъ и разныхъ закрытій. Въ то же время происходитъ штурмъ баррикадъ и прокладываніе колонныхъ путей для резервовъ. Баррикадами овладѣваютъ по вторженіи атакующихъ въ прилегающіе къ нимъ дома или обходами съ тыла, а также и огнемъ артилеріи ⁴⁾.

Во время означенныхъ дѣйствій, резервы, слѣдующіе непосредственно за штурмующими колоннами, и по мѣрѣ надобности, выдѣляющіе изъ своего состава все новыя, при первой попыткѣ противника атаковать эти послѣднія, бросаются, въ свою очередь, въ атаку. Въ штыковой схваткѣ уличнаго боя охваты фланговъ столь же полезны, какъ и огневые въ открытомъ полѣ, съ тою лишь разницею, что значительно болѣе, чѣмъ тамъ, должны опираться *на свободные или обезпеченные пути отступленія*, предпринятые же на удачу, легко ведутъ къ неудачѣ.

Здѣсь, пользуясь разнаго рода закрытіями и разбросанностью дерущихся, кромѣ штыка, весьма пригодной является и ружейная пуля съ близкаго разстоянія, также какъ и ручная граната. Схватка

⁴⁾ Обстрѣливая артилеріей прилегающіе къ баррикадѣ стѣны зданій, можно, при посредствѣ осколковъ камней отъ нихъ, усилить правдивое впечатлѣніе артилерійскаго обстрѣла и заставить противника ихъ очистить.

становится иной разъ весьма продолжительной и только ударъ съ фланга или съ тыла прекращаетъ ее. Весьма выгодной поэтому представляется *встрѣча атаки среди расположенія собственныхъ войскъ и въ сферу вліянія занятыхъ этими послѣдними оборонительныхъ пунктовъ.*

При борьбѣ внутри селенія надо не только преслѣдовать своего непріятеля, но и помогать сосѣдямъ атакой, по возможности, въ тылъ противника. Послѣднее, какъ и дѣйствія въ прямыхъ направленіяхъ противъ указанныхъ цѣлей, на одной высотѣ съ сосѣдями, во всякомъ случаѣ, служить однимъ изъ лучшихъ средствъ обезпеченія фланговъ. Особенно выгодны дѣйствія въ тылъ противника, *когда резервы обороняющагося уже оттъснены вѣшними дѣйствіями атакующаго*, что и наблюдалось, на примѣръ, у японцевъ при атакѣ селеній. Для охвата, какъ и для обхода противника, назначаются части резервовъ, двигающіеся по другимъ параллельнымъ путямъ, въ томъ числѣ и по колоннымъ, пробитымъ саперами черезъ задворки. Однако, какимъ бы образомъ обходъ ни предпринимался, непосредственно за нимъ, какъ и за частями, атакующими съ фронта, должна непременно находиться часть, занимающая удобный опорный пунктъ на случай прикрытія отступленія и затрудненія противнику, въ свою очередь, обхода. Послѣдняя можетъ быть выдѣлена или изъ резервовъ или обязанность ея можетъ быть исполнена штурмовыми ротами, которыя, во всякомъ случаѣ (если занимаютъ какой либо опорный пунктъ), *мѣшаютъ прибытію къ противнику подкрѣпленій и совершенію имъ охвата.* Чтобы отвлечь угрожающую сосѣдямъ опасность въ «деревенскихъ» бояхъ, какъ и вездѣ, лучшимъ средствомъ служить немедленное же вступленіе съ противникомъ въ бой, хотя бы угроза эта еще непосредственно и не распространялась на атакующихъ. Въ уличныхъ бояхъ, среди лабиринта узкихъ проходовъ и разныхъ мѣстныхъ предметовъ, должно избѣгать всякаго излишняго скопленія войскъ, противопоставляя всегда непріятелю *широкій фронтъ, ряды небольшихъ резервовъ въ глубину и неудержимое стремленіе впередъ;*

На улицахъ и въ узкихъ проходахъ чрезвычайно трудно сразу развернуть значительное число штыковъ и ружей (этому будутъ препятствовать дома и постройки), а потому вся тяжесть боя необходимо падеть на переднихъ; задніе же только увеличатъ собою глубину колоннъ, а съ нею вмѣстѣ и потери; поэтому, занимая возможно чаще всю ширину улицъ, надо избѣгать глубокихъ строевъ. Связь колоннъ между собою достигается, кромѣ обык-

новенныхъ мѣръ, еще и движеніемъ особыхъ наблюдателей по крышамъ, а также и отдѣльными небольшими частями, обстрѣливающими противника сверху.

Кромѣ обходовъ, дѣйствія на путь отступленія противника вообще, приводятъ къ самымъ осязательнымъ результатамъ. Поэтому, успѣхъ дѣйствій одной изъ колоннъ или колонны, дѣйствующей противъ тыловой части деревни, неминуемо поведетъ за собою и къ успѣху дѣйствій въ самой деревнѣ; при этомъ, атакующія части различныхъ колоннъ, вторгнувшіяся въ деревню съ разныхъ сторонъ, *должны также оказывать другъ другу самую дѣятельную взаимную поддержку быстрымъ продвиженіемъ впередъ и атакою противника съ тыла.*

Во время боя въ деревнѣ слѣдуетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы не было ни излишества силъ, ни частей, приведенныхъ въ разстройство, равно какъ и недостатка въ патронахъ. Достигается это своевременной высылкой частей изъ резервовъ, присмотромъ за людьми (особенно старшихъ въ звеньяхъ), возможно болѣе частымъ приведеніемъ людей въ порядокъ и пополненіемъ патроновъ у отведенныхъ въ резервъ частей, между тѣмъ, какъ излишнія силы отводятся на фланги деревни.

Энергичныя дѣйствія колоннъ, имѣющихъ своею цѣлью резервы противника, а не его укрѣпленные дома, чрезвычайно важны для успѣха боя внутри селенія. Эти колонны не должны задерживаться передъ укрѣпленными позиціями непріятеля, а постоянно дѣйствовать противъ его живой силы, олицетворенной резервами. Въ силу этого, каждая изъ колоннъ, встрѣтившая на своемъ пути значительное сопротивление противника, преодолѣть которое сразу она не въ силахъ, ищетъ мѣста прорыва въ другомъ мѣстѣ, выдѣляя лишь штурмовую роту противъ препятствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и атака во флангъ бываетъ удачной только тогда, если не подвергается, въ свою очередь, атакѣ противника или перекрестному огню съ занятыхъ послѣднимъ позицій, почему и требуетъ предварительной развѣдки, какъ подступовъ, такъ и позицій непріятеля.

Пожары представляютъ собою одно изъ нежелательныхъ явленій боя въ деревнѣ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и оказываютъ громадныя услуги атакующимъ, препятствуя мѣткой стрѣльбѣ противника и вынуждая его къ преждевременному ея очищенію. Однако, и атакующему, послѣ взятія деревни, они доставляютъ однѣ лишь развалины и, не позволяя въ деревнѣ хорошо утвер-

даться, *облекаятъ* *вмѣстѣ* съ *тѣмъ* и *противнику* *обратное* *овладѣніе* *ею*. Сверхъ того, пожары затрудняютъ сообщеніе и поддержаніе связи между частями, почему обращаться къ нимъ слѣдуетъ лишь въ крайнемъ случаѣ и, главнымъ образомъ, въ видахъ изоляціи какой нибудь опредѣленной площади деревни для принужденія ея къ скорѣйшему прекращенію сопротивленія или какъ къ средству прекращенія сообщеній врагу.

Атаки съ внѣшней стороны селенія производятся колонной, дѣйствующей противъ общаго резерва противника и тыловой окраины селенія, и боковыми колоннами, наступающими по его сторонамъ. Дѣйствія этихъ колоннъ по внутренней части деревни мало отличаются отъ изложенныхъ нами выше. Общее назначеніе ихъ облегчить дѣйствія внутри деревни войскамъ, наступающимъ съ фронта, внезапными атаками съ тыла и съ фланговъ, оттягивая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и войска противника отъ посылки на подкрѣпленіе въ деревню. Не обращая вниманія на засѣвшія вдоль по окраинѣ его войска, если, конечно, они не мѣшаютъ движенію, наступающія колонны стараются, скрытно приблизившись, ударить въ подходящую минуту на тѣ пункты окраины деревни, со вторженіемъ въ которые возможно было бы оказать наиболѣе существенную поддержку войскамъ. Для дальнѣйшаго обезпеченія атаки своей съ фланговъ и съ тыла, онѣ высылаютъ въ необходимыхъ для того направленіяхъ отдѣльныя небольшія части (взводы, роты) и дозоры, которые уже (приспособленіемъ къ оборонѣ подходящихъ предметовъ и развѣдкой) и охраняютъ войска отъ всякой, грозящей имъ, неожиданности.

Въ видахъ согласованія дѣйствій колоннъ между собою, начальникамъ боковыхъ должны быть преподаны ясныя инструкціи, устанавливающія связь ихъ и колоннъ, дѣйствующихъ въ деревнѣ. Связь эта, техническимъ путемъ, осуществляется при посредствѣ телефона: отъ нихъ къ начальнику отряда, а отъ него къ занятой уже части окраины деревни. Кромѣ того, средствами ея могутъ служить: посты оптической сигнализациі, ординарцы, мотоциклетки и автомобили. Связь эта продолжается и далѣе—до позицій своей артилеріи съ цѣлью своевременнаго увѣдомленія ея о желательной поддержкѣ.

Войска должны быть воодушевлены (этому долженъ будетъ оказать поддержку предыдущій успѣхъ дѣйствій артилеріи); знамена и начальники отдѣльныхъ частей войскъ должны находиться при штурмующихъ, постоянно увлекая послѣднихъ къ по-

бѣдѣ. Начальникъ всего отряда также не долженъ значительно удаляться отъ атакуемой деревни, будучи отъ нея (во время боя внутри деревни) на разстояніи, во всякомъ случаѣ, не далѣе версты. Мѣсто его должно быть хорошо обозначено и извѣстно его подчиненнымъ. Онъ долженъ единолично распоряжаться общимъ резервомъ, направляя его на тотъ или другой флангъ атаки, чтобы окончательно склонить на этомъ мѣстѣ успѣхъ въ свою пользу. Послѣ ввода общаго резерва въ бой, начальникъ отряда долженъ принимать всѣ мѣры къ удержанію за собою во что бы то ни стало разъ уже взятаго, продвигая ближе къ деревнѣ артилерію и жертвуя, въ крайнемъ случаѣ, даже лично собой.

Селеніе должно быть взято непременно до начала темноты, такъ какъ ночью уже будетъ значительно труднѣе привести части въ порядокъ, ночью колебанія самага боя — интенсивнѣе, нежели днемъ, моральныя силы болѣе напряжены, случайностей болѣе, между тѣмъ какъ сами ночныя дѣйствія противъ редюита (если таковой имѣется), какъ это показываетъ опытъ боевъ подъ Суману и Сандепу, 12 — 14-го января 1905 года, являются невыгодными *безъ подготовки*. Ночныя дѣйствія въ деревнѣ могутъ только тогда привести къ успѣху, если противникъ не подготовленъ къ ихъ встрѣчѣ, разстроены, деревня не укрѣплена, нападеніе же на нее произведено внезапно и со всѣхъ сторонъ.

Препятствуя противнику утвердиться на окраинѣ, въ зависимости отъ плана обороны, окраинный резервъ обороняющагося или всѣ его силы ⁵⁾ стараются выбить противника изъ занятыхъ послѣднимъ позицій. Лучшимъ для этого средствомъ послужать прорывъ атакующей линіи и атака ея съ фланга. Прорвавшіяся части обороняющагося, распространяясь въ стороны отъ мѣста прорыва, стараются выбить непріятеля фланговыми ударами, не преслѣдуя его однако, внѣ ограды, иначе, какъ огнемъ. По отступленіи противника, резервы обороняющагося подкрѣпляютъ частью своихъ силъ сражавшіяся войска, тогда какъ остальная ихъ часть отводится назадъ, подготавливаясь къ новому отраженію атаки. Въ случаѣ неудачи, окраинный резервъ обороняю-

⁵⁾ Если обороняется главнымъ образомъ, окраина селенія, то общій резервъ обороняющагося долженъ еще задолго до паденія ограды ударить во флангъ атакующему, между тѣмъ, какъ всѣ частныя резервы его, энергичнымъ наступленіемъ по всей линіи — не допускать противника утвердиться въ оградѣ. При оборонѣ же главнымъ образомъ, внутренней площади селенія, окраина его удерживается лишь въ мѣрѣ необходимости, чтобы насколько возможно болѣе ослабить предстоящій ударъ противника на внутренность селенія.

бѣдѣ. Начальникъ всего отряда также не долженъ значительно удаляться отъ атакуемой деревни, будучи отъ нея (во время боя внутри деревни) на разстояніи, во всякомъ случаѣ, не далѣе версты. Мѣсто его должно быть хорошо обозначено и извѣстно его подчиненнымъ. Онъ долженъ единолично распоряжаться общимъ резервомъ, направляя его на тотъ или другой флангъ атаки, чтобы окончательно склонить на этомъ мѣстѣ успѣхъ въ свою пользу. Послѣ ввода общаго резерва въ бой, начальникъ отряда долженъ принимать всѣ мѣры къ удержанію за собою во что бы то ни стало разъ уже взятаго, продвигая ближе къ деревнѣ артилерію и жертвуя, въ крайнемъ случаѣ, даже лично собой.

Селеніе должно быть взято непременно до начала темноты, такъ какъ ночью уже будетъ значительно труднѣе привести части въ порядокъ, ночью колебанія самаго боя — интенсивнѣе, нежели днемъ, моральныя силы болѣе напряжены, случайностей болѣе, между тѣмъ какъ сами ночныя дѣйствія противъ редюита (если таковой имѣется), какъ это показываетъ опытъ боевъ подъ Суману и Сандепу, 12 — 14-го января 1905 года, являются невыгодными *безъ подготовки*. Ночныя дѣйствія въ деревнѣ могутъ только тогда привести къ успѣху, если противникъ не подготовленъ къ ихъ встрѣчѣ, разстроенъ, деревня не укрѣплена, нападеніе же на нее произведено внезапно и со всѣхъ сторонъ.

Препятствуя противнику утвердиться на окраинѣ, въ зависимости отъ плана обороны, окраинный резервъ обороняющагося или всѣ его силы ⁵⁾ стараются выбить противника изъ занятыхъ послѣднимъ позицій. Лучшимъ для этого средствомъ послужать прорывъ атакующей линіи и атака ея съ фланга. Прорвавшіяся части обороняющагося, распространяясь въ стороны отъ мѣста прорыва, стараются выбить непріятеля фланговыми ударами, не преслѣдуя его однако, внѣ ограды, иначе, какъ огнемъ. По отступленіи противника, резервы обороняющагося подкрѣпляютъ частью своихъ силъ сражавшіяся войска, тогда какъ остальная ихъ часть отводится назадъ, подготавливаясь къ новому отраженію атаки. Въ случаѣ неудачи, окраинный резервъ обороняю-

⁵⁾ Если обороняется главнымъ образомъ, окраина селенія, то общій резервъ обороняющагося долженъ еще задолго до паденія ограды ударить во флангъ атакующему, между тѣмъ, какъ всѣ частныя резервы его, энергичнымъ наступленіемъ по всей линіи — не допускать противника утвердиться въ оградѣ. При оборонѣ же главнымъ образомъ, внутренней площади селенія, окраина его удерживается лишь въ мѣрѣ необходимости, чтобы насколько возможно болѣе ослабить предстоящій ударъ противника на внутренность селенія.

щагося, уцѣпившись за наиболѣе важныя и прочныя предметы окраины (редюють окраины), упорно обороняется до послѣдняго человѣка, стараясь при этомъ облегчить (уже потерявшимъ свою позицію войскамъ) отступленіе во внутрь деревни. Выбитыя съ окраины, передовыя части обороняющагося также со своей стороны употребляютъ всѣ усилія, чтобы очистить ее не раньше, пока орудія или пулеметы, находившіеся здѣсь, не будутъ убраны въ тылъ — въ болѣе надежныя мѣста или же приведены въ полную негодность.

Сила обороны внутри деревни заключается въ резервахъ, которые, дѣйствуя подъ прикрытіемъ хорошо занятыхъ, прочныхъ и упорно обороняемыхъ опорныхъ пунктовъ, стремятся сильнымъ натискомъ или внезапнымъ появленіемъ своимъ на болѣе угрожаемыхъ мѣстахъ — чаще всего съ фланга — остановить натискъ противника. Вообще, слѣдуетъ принять за правило: подвижность, натискъ и свобода дѣйствій принадлежать, главнымъ образомъ, резервамъ, тогда какъ стойкость, упорство, выдержанность и сила сопротивленія — опорнымъ пунктамъ. Въ бою за внутренность деревни, войска, обороняющія опорные пункты, должны почти всегда *отстаивать свои позиціи съ крайнимъ упорствомъ — до послѣдняго человѣка*. Исключенія допустимы здѣсь лишь въ слѣдующихъ, хорошо провѣренныхъ самимъ обороняющимся, случаяхъ: когда, не представляя собою особенной важности, занятые малыми силами, опорные пункты *не могутъ болѣе рассчитывать на выручку извнѣ* или, въ силу пожара и другихъ неблагопріятныхъ условій боя, не дозволяютъ *сколько нибудь удовлетворительно* использовать поставленную задачу; если они недостаточно приспособлены къ оборонѣ, между тѣмъ, какъ противникъ *уже ворвался въ помѣщенія*, и, наконецъ, если своевременнымъ выступленіемъ изъ опорнаго пункта можетъ быть оказана существенная помощь другому опорному пункту въ то время, какъ свой, *по выяснившимся уже обстоятельствамъ*, оказывается недостаточно полезнымъ для обороны. Во всякомъ случаѣ, въ виду противника, выходя изъ опорныхъ пунктовъ сопряженъ съ чрезвычайными трудностями, почему даже и при наличіи обстоятельствъ, оправдывающихъ его, *къ нему слѣдуетъ прибѣгать лишь съ величайшей осторожностью*. Чѣмъ меньше часть, занимающая какой нибудь опорный пунктъ, тѣмъ легче ей пробиться или пройти незамѣченной; крупныя же части (рота и болѣе) почти всегда будутъ обречены на неудачу, почему и оставлять опорныя пункты должны не иначе,

редь, и отрѣзывать части его отъ всякихъ сообщеній съ подкрѣпленіями.

Борьба за редюитъ и выходъ изъ селенія.

Для воспрепятствованія отрѣзыванію своихъ войскъ отъ подкрѣпленій занятіемъ тыловой окраины селенія, а также и для болѣе легкаго обратнаго овладѣнія ею, обороняющійся долженъ одно изъ самыхъ большихъ, прочныхъ и скрытыхъ на этой окраинѣ зданій, обыкновенно — церковь, фабрику, заводъ и пр. (иногда редуть), особенно сильно приспособить къ оборонѣ, назначая это зданіе своимъ «редюитомъ». Такіе редюиты, впрочемъ, выгодно бываетъ устраивать и на передней окраинѣ селенія (для предохраненія отъ артилерійскаго огня, отступя немного отъ нея вглубь селенія), какъ для затрудненія противнику овладѣнія окраиной, такъ и для облегченія своимъ войскамъ обратнаго овладѣнія ею съ тыла.

Редюитъ селенія долженъ удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: 2) быть, со всѣхъ сторонъ, весьма сильно приспособленнымъ къ оборонѣ, съ примѣненіемъ искусственныхъ препятствій; 2) быть обезпеченнымъ отъ пожара; 3) быть незамѣтнымъ съ поля и находиться въ сторонѣ отъ направленія пути отступленія; 4) господствовать надъ всей окраиной селенія, облегчая обратное овладѣніе ею, и быть въ состояніи продольно и въ тылъ обстрѣливать окраину; 5) имѣть нѣкоторое обезпеченіе отъ огня полевой артилеріи противника и затруднять прицѣливаніе по себѣ ⁶⁾.

Войска, обороняющія редюитъ, должны быть обильно обезпечены: патронами, ручными гранатами, продовольствіемъ, не менѣе чѣмъ на трое сутокъ, водой и перевязочными средствами. Редюитъ долженъ обороняться, *не рассчитывая ни на какую поддержку извне, въ теченіе не меньше двухъ сутокъ* или пастъ, вмѣстѣ со своими защитниками, съ честью.

Для обороны его назначается, смотря по обширности, отъ двухъ ротъ и до полка пѣхоты, съ пулеметами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и съ артилеріей. Въ сраженіяхъ подъ Асперномъ и Эслингеномъ въ 1809 году, церковь и кладбищенская ограда с. Асперна были заняты полутора полками пѣхоты, лѣсный же островокъ южнѣе

⁶⁾ Въ бою подъ Дижономъ, 23-го января 1870 года, фабричное зданіе противъ деревни Raucilly осталось почти совершенно не тронуту артилерійскими выстрѣлами, благодаря дыму и холму, закрывавшему всю его нижнюю часть. <

этого селенія, исполнявшій также роль редюита, на второй день боя, всей дивизіей Молитора; житница с. Эслингена, представлявшая собою редюитъ, также была занята двумя полками дивизіи Буда.

Обороняющійся, занимая редюитъ, долженъ обезпечивать себя отъ возможныхъ покушеній противника со стороны близъ лежащихъ домовъ, съ цѣлью его окруженія и обстрѣливанія, для чего, если послѣдніе не приспособлены къ оборонѣ, заблаговременно снять съ нихъ крыши, проломать потолки, разрушить взрывами и вообще приводить ихъ въ состояніе мало пригодное для обороны.

Атакующій, выбивъ обороняющагося изъ внутренности селенія и наткнувшись на редюитъ, не долженъ останавливаться передъ нимъ, а, обложивъ, немедленно же пробиться далѣе впередъ, до предѣловъ досягаемости изъ него огня. Содѣйствовать этому должна его артилерія и всѣ (сохранившіе еще извѣстный порядокъ) резервы, наступающіе по флангамъ селенія и въ обходъ редюита. Помимо даже указаній начальника, въ благородномъ соревнованіи батарей между собой, полевая артилерія должна уже стремиться къ этому времени къ позиціямъ на фланги селенія: *для закрѣпленія за собою всего уже добытаго, подготовки атаки редюита и дальнѣйшаго движенія впередъ.* Непосредственно редюитъ штурмуется или ночью, или подъ покровительствомъ могущественнаго сосредоточеннаго артилерійскаго огня—днемъ. Во всякомъ случаѣ, подготовка къ штурму должна производиться особенно тщательно, съ полнымъ вниманіемъ къ его особенностямъ: должны быть заготовлены фашины, переносные мосты, лѣсенки, щиты, подрывныя средства, должны быть распредѣлены роли отдѣльныхъ колоннъ, ихъ задачи и т. п.

Штурмы редюитовъ крайне кровопролитны, такъ какъ всегда сопровождаются большими потерями; прибывать къ нимъ слѣдуетъ въ крайнихъ случаяхъ, ограничиваясь, по возможности, лишь обложеніемъ ихъ и разрушеніемъ артилеріей, въ надеждѣ, хотя такимъ образомъ, принудить ихъ къ сдачѣ. Однимъ изъ хорошихъ средствъ къ овладѣнію редюитомъ служить и выкуриваніе изъ него обороняющагося при посредствѣ пожара или распространенія ядовитыхъ газовъ, получаемыхъ при сгораніи различныхъ веществъ. Взятый наступающимъ редюитъ, если только не представляетъ для него извѣстныхъ выгодъ, долженъ быть имъ *уничтоженъ*, чтобы, на случай вторичнаго его занятія непріятелемъ, не дать послѣднему новыхъ средствъ къ оборонѣ. Занявшія селеніе войска наступаю-

щаго немедленно же укрѣпляются въ немъ, приспособляя его для собственной своей обороны, и приводятся въ порядокъ. Тоже производится и войсками, занявшими позиціи въ полѣ. По окончательномъ утвержденіи въ селеніи, изъ него должны быть выведены всѣ излишніи для обороны войска, изолированы пожарища, выставлены въ необходимыхъ мѣстахъ караулы для пресѣченія всякихъ безпорядковъ, высланы дозоры. Въ то же время производится весьма тщательный обыскъ всего селенія, не взирая на ночь или утомленіе войскъ. Пренебреженіе этимъ правиломъ, какъ показываетъ, на примѣръ, бой подъ Сервиньи, 31-го августа 1870 года, весьма часто приводитъ войска къ неудачамъ.

При первой возможности войска, только что выдержавшія бой въ деревнѣ (особенно на передовыхъ позиціяхъ), *слѣдуетъ замѣнить болѣе свѣжими войсками*: продолжать бой хотя бы съ побѣдоносными, но утомленными, какъ уже указывалось нами, крайне невыгодно. Точно такимъ же образомъ поступилъ и Наполеонъ I въ сраженіи подъ Асперномъ. Въ ночь на 22-е мая, сражавшіяся у Асперна и Эслингена французскія войска были замѣнены значительно болѣе свѣжими, а именно: дивизія Молитора — войсками Леграна и Кара С. Сира, дивизія же Буда — С. Иллера и гвардейскими фузилерами, причемъ обѣимъ смѣненнымъ дивизіямъ даны были болѣе легкія задачи въ тылу этихъ селеній.

Б. Никулицевъ.

СТРѢЛКОВЫЯ ЗАМѢТКИ.

(Продолженіе) ¹⁾.

Практическій курсъ стрѣльбы.

а) Обученіе стрѣльбѣ на кучность и на мѣткость.

сновой всего стрѣлковаго обученія необходимо считать слѣдующее: каждый одиночный стрѣлокъ долженъ умѣть мѣтко и кучно класть свои пули; каждый начальникъ долженъ умѣть мѣтко направить снапъ пуль своихъ подчиненныхъ. Мѣткость есть способность, учитывая всѣ условія стрѣльбы, правильно выбирать прицѣлъ и точку прицѣливанія. Кучность есть свойство однообразія прицѣливанія.

Изъ этихъ опредѣленій уже видно, что кучность безъ мѣткости совершенно не гарантируетъ хорошихъ результатовъ: стрѣлокъ всегда сможетъ очень кучно промахнуть свои пули мимо цѣли. При наличіи же мѣткости кучность повышаетъ вѣроятность попа-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 8.

данія. Такимъ образомъ, наилучшіе результаты достигаются совмѣщеніемъ этихъ двухъ свойствъ.

Необходимо подчеркнуть, что кучность есть индивидуальное свойство, основанное прежде всего на хладнокровіи, рѣзкости зрѣнія, а затѣмъ уже, въ зависимости отъ большей или меньшей привычки къ тѣмъ или другимъ условіямъ стрѣльбы, кучность повышается при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ была наибольшая практика. Въ подтвержденіе такого мнѣнія можно привести слѣдующій фактъ: при повѣркѣ обученія молодыхъ солдатъ въ стрѣлковомъ отношеніи ихъ испытывали стрѣльбой въ тирѣ на 200 шаг. по офицерской мишени; въ двухъ ротахъ были получены такіе результаты: въ одной—85%, въ другой—68%, проценты, показывающіе очень хорошую кучность. Но за три-четыре дня до смотра, когда молодыхъ заставили въ первый разъ стрѣлять по этимъ мишенямъ, то результаты были: въ первой отъ 20 до 30%, во-второй около 40%. Затѣмъ въ теченіе этихъ трехъ-четырехъ дней молодыхъ успѣли натаскать до вышеуказанныхъ процентовъ.

Что же показываетъ этотъ примѣръ?

Конечно, въ этихъ ротахъ обученіе было поставлено основательно, ибо иначе не удалось бы натаскать на такіе проценты. Но по существу такіе проценты все-таки являются самообманомъ, ибо они получены потому, что заранѣе была извѣстна мишень, по которой стрѣляли на смотру: къ ней успѣли приучить стрѣлковъ. Иначе говоря, молодые на кучность стрѣльбы были натасканы хорошо, но результаты первой стрѣльбы показываютъ, что пока они не привыкли къ точкѣ прицѣливанія результаты были гораздо хуже, т.-е. стрѣлки именно не были достаточно обучены на мѣткость.

Затѣмъ; нельзя не отмѣтить, что для мѣткости нисколько не меньшее, а скорѣе больше, чѣмъ для кучности, имѣетъ значеніе правильность производства прикладки, прицѣливанія и выстрѣла, ибо въ послѣднихъ отношеніяхъ у стрѣлка возможна все время какая-либо однообразная ошибка, которую ему легче учитывать при хорошо извѣстной, подсказанной ему, точкѣ прицѣливанія, чѣмъ при самостоятельномъ выборѣ послѣдней. А при такихъ условіяхъ именно и получится, что въ первомъ случаѣ онъ стрѣлялъ прежде всего на кучность, ибо точку прицѣливанія ему уже указали; во второмъ же случаѣ онъ стрѣляетъ и на мѣткость и на кучность.

Итакъ, необходимо обучать стрѣльбѣ и на мѣткость и на кучность и старательно избѣгать всего того, что даетъ только одну куч-

ность. Въ первомъ случаѣ мы получимъ дѣйствительно самостоятельныхъ стрѣлковъ; во второмъ же обученіе будетъ одностороннее съ подсказкой и только на опредѣленное условіе.

б) Тиръ и стрѣльбище.

Прохожденіе приготовительныхъ къ стрѣльбѣ упражненій и занятій является какъ бы теоріей стрѣлковаго обученія. Чистой же практикой этого дѣла необходимо признать стрѣльбу боевыми патронами.

Въ послѣднее время пришли къ убѣжденію, что стрѣльба боевыми патронами должна вестись круглый годъ въ тирѣ, если стрѣльбище далеко отъ стоянки. Послѣднее же слѣдуетъ во многихъ случаяхъ считать правиломъ.

Результатъ пользованія тиромъ зависитъ отъ положительныхъ и отрицательныхъ его качествъ, какъ извѣстнаго рода постройки, въ смыслѣ вліянія на обученіе стрѣльбѣ на мѣткость и на кучность.

Въ текущей литературѣ уже отмѣчена главнѣйшая особенность стрѣльбы въ тирѣ. Именно, въ тирѣ стрѣлки обучаются лишь одной кучности и все на одну и ту же дистанцію. Это безусловно вѣрно по отношенію тировъ ограниченной длины (100, 200 ш.). Нѣсколько лучше обстоитъ вопросъ въ тирахъ на полную дистанцію прямого выстрѣла. Въ такихъ тирахъ стрѣлки имѣютъ возможность изучить хотя точки прицѣливанія по высотѣ на всѣ промежуточные дистанціи. Во всѣхъ же тирахъ безусловно исключается обученіе на выносъ точки прицѣливанія въ сторону.

Существуютъ мнѣнія, что люди обучаются выносу въ сторону на стрѣльбищѣ. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ.

Время прохожденія курса на стрѣльбищѣ ограничено. Обученіе ведется на спѣшку; въ одинъ пріемъ проходитъ по два, а то и три упражненія. При такихъ условіяхъ едва ли можно говорить, что люди обучены практически выбору точекъ прицѣливанія. Мало въ этомъ отношеніи помогаютъ и приготовительныя къ стрѣльбѣ упражненія; какъ бы рационально они ни были поставлены, но, въ силу безконечнаго разнообразія свойствъ стрѣлка, повѣряющаго его, всевозможныхъ приспособленій для повѣрки съ различными допусками, фактически стрѣлокъ готовится лишь къ извѣстному роду мышленія и дѣйствія, *но отсутствуетъ самая важная оцѣнка послѣдняго — попаданіе. Дѣйствительное обученіе*

стрѣлка достигается лишь практикой въ стрѣльбѣ боевымъ патрономъ, при наиболѣе естественныхъ условіяхъ.

Однако и стрѣльбу на стрѣльбищѣ нельзя считать подходящей при такихъ условіяхъ. Извѣстныя разстоянія, ровное мѣсто, удобныя линіи огня, въ нитку вытянутыя мишени—все это сильно облегчаетъ стрѣльбу. Единственно же нормальный способъ веденія стрѣльбы, это есть стрѣльба на мѣстности. Но выводъ людей сразу на мѣстность невозможенъ: необходима предварительная подготовка.

Очевидно, первоначально стрѣлокъ долженъ получить увѣренность въ себѣ при болѣе легкихъ условіяхъ. Средствомъ въ данномъ случаѣ можетъ служить или стрѣльба въ тирѣ или на стрѣльбищѣ. Послѣднему, конечно, должно быть отдано предпочтеніе. Указанную увѣренность въ стрѣлкѣ съ успѣхомъ можно поддержать, начиная стрѣльбу сразу на стрѣльбищѣ. Лишь необходимо постепенно увеличивать дистанціи и уменьшать размѣры мишеней. При такомъ порядкѣ обученія сразу отпадутъ условности тировой стрѣльбы.

Необходимость такой предварительной подготовки вызывается еще и тѣмъ, что сравнительно немногія части могутъ ее пройти. Вслѣдствіе же этого ротный командиръ выводитъ людей на стрѣльбище, не имѣя никакой увѣренности въ томъ, что они сумѣютъ выбрать точку прицѣливанія самостоятельно. Указанная же ограниченность во времени при прохожденіи подготовительныхъ стрѣльбъ не способствуетъ увеличенію довѣрія со стороны ротнаго командира къ стрѣлкамъ. Въ результатѣ получается боязнь, дабы стрѣлки не выпускали даромъ пуль, и стрѣлковъ водятъ все время на помочахъ. Такое вожденіе на помочахъ примѣняется и при прохожденіи одиночной боевой стрѣльбы, совершенно вопреки указаніямъ Наставленія. Итакъ, малая практическая подготовленность къ прохожденію даже курсовой стрѣльбы сводитъ на нѣтъ значеніе послѣдней.

Изъ сказаннаго видно, что и прохожденіе курсовыхъ стрѣльбъ требуетъ подготовки практической, а не теоретической. Если такую подготовку нельзя произвести на стрѣльбищѣ, то необходимо примѣненіе тира.

Выше уже было отмѣчено, что подготовка должна сразу вестись на мѣткость и на кучность.

Въ какой же степени удовлетворяетъ этому условію стрѣльба въ тирѣ?

Прежде всего имѣетъ значеніе длина тира. Она должна дать возможность обучить стрѣлковъ выбору точекъ прицѣливанія по вы-

сотѣ на всѣ дистанціи прямого выстрѣла. Поэтому, въ виду слабженія острою пулею, строить тиры менѣе, какъ на 600 шаговъ, не рационально.

Козырьковая покрывка и амбразуры въ тирѣ утвержденного типа вредно вліяютъ въ смыслѣ освѣщенія и правильности зрительнаго впечатлѣнія стрѣлка о размѣрахъ мишени. Но съ этимъ приходится мириться.

Въ тирѣ отсутствуетъ наблюденіе за паденіемъ пуль.

Затѣмъ большимъ недостаткомъ стрѣльбы въ тирѣ является то, что отсутствуетъ вліяніе бокового вѣтра не только въ смыслѣ отклоненія пули въ сторону, но и по отношенію устойчивости винтовки въ рукахъ стрѣляющаго. Нѣтъ надобности говорить о томъ, насколько выбиваемый ртами процентъ понижается при вѣтреной погодѣ. Съ другой стороны, нижніе чины трудно усваиваютъ величину выноса точки прицѣливанія въ сторону на разныя дистанціи. У нихъ мало развито представленіе о томъ, какимъ по величинѣ долженъ представляться съ линіи огня требуемый выносъ при той или другой дистанціи и при различныхъ условіяхъ. Опять таки приготовительныя къ стрѣльбѣ упражненія не дадутъ стрѣлку полной увѣренности въ правильности выноса; для послѣдней необходима большая практика въ стрѣльбѣ.

Въ виду указанныхъ недостатковъ стрѣльбы въ тирѣ, мною предлагается использовать особую организацію стрѣльбы въ послѣднемъ, которая стремится дать возможность болѣе рационально использовать тиръ въ цѣляхъ обученія стрѣльбѣ на мѣткость и на кучность.

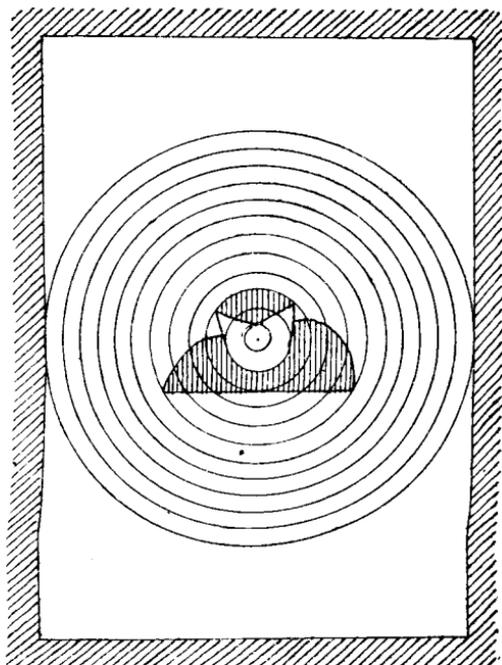
в) Особенности стрѣльбы по мишенямъ германскаго типа.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію предлагаемой организаціи, необходимо сказать нѣсколько словъ вообще объ установкѣ мишеней.

Существуетъ мнѣніе, что прежде всего необходимо добиться кучности. Подготовка же къ мѣткости якобы можетъ быть достигнута приготовительными къ стрѣльбѣ упражненіями и при прохожденіи курсовой стрѣльбы. Насколько послѣднее справедливо было уже выяснено выше.

Для обученія же кучности рекомендуется пользоваться круглыми мишенями, подобно германскому типу съ начерченной въ центрѣ

головною или главною мишенью (черт. 1). При этомъ говорятъ, что стрѣлки одновременно будутъ обучаться и мѣткости относительно головной или глазной мишени. Но послѣднее, какъ показываетъ опытъ обученія, можно съ увѣренностью сказать, не будетъ достигнуто. Зависитъ это отъ личныхъ свойствъ обучаемыхъ, которые всегда стараются облегчить себѣ обученіе.

Черт. 1.

При стрѣльбѣ въ полѣ необходимо, дабы стрѣлокъ *на общемъ фонѣ* поверхности, окружающей мишень, сумѣлъ отложить въ ту или другую сторону требуемую часть послѣдней, напр. $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$, 1, 2 мишени. Такой выборъ точки прицѣливанія *на общемъ фонѣ* сильно разнится отъ выбора точки прицѣливанія *на ограниченномъ рѣзкою линіею и сильно выдѣляющемся фонѣ*, какимъ именно будетъ щитъ, на которомъ наклеивается круглая мишень. Стрѣлокъ, и это вполне естественно, несмотря на увѣренія обучающаго—цѣлиться на $\frac{1}{2}$ мишени ниже или въ сторону, будетъ пригонять точку прицѣливанія не относительно мишени, а относительно промежутка между мишенью и нижнимъ или боковымъ краемъ щита, и будетъ разсуждать примѣрно такъ: «Надо цѣлиться въ середину промежутка (или въ край щита или чуть прихватить щитъ!»). Въ зрительной памяти его,

какъ рѣзко бросающійся въ глаза, запечатлѣтся только указанный промежутокъ. На мишень же и на окружающій за предѣлами щита фонъ стрѣлокъ никакого вниманія обращать не будетъ. Обучающіе тоже скоро собьются съ частей мишени на части этого промежутка, ибо, пользуясь ими, гораздо легче и понятнѣе указать точку прицѣливанія. При прохожденіи подготовительныхъ стрѣльбъ нерѣдко можно слышать, какъ, желая указать точку прицѣливанія съ выносомъ на $\frac{1}{2}$ мишени, приказываютъ стрѣлку цѣлиться въ середину обочины щита, ибо обочина по ширинѣ какъ разъ равняется 10 вершкамъ. Въ результатѣ же получается, что стрѣлки не запечатлѣютъ въ зрительной памяти частей мишени на различныя дистанціи, а вѣдь это именно и нужно для мѣткости.

Такимъ образомъ, при установкѣ мишеней нельзя примѣнять небольшихъ по размѣрамъ, рѣзко выдѣляющіеся фоны, вродѣ небольшихъ щитовъ, иначе обученіе всегда приметъ указанный характеръ. Въ этихъ видахъ раціональнѣе всего примѣнять большіе щиты, а точки прицѣливанія первоначально отмѣчать ярко-краснымъ кружкомъ. Большой щитъ, однообразіемъ своего фона, далеко распространяющагося во всѣ стороны отъ мишени, не будетъ обращать на себя вниманія стрѣлковъ. Послѣдніе поневолѣ будутъ считаться съ видимой мишенью и только относительно ея и выбирать точку прицѣливанія, ибо только она и будетъ обращать на себя ихъ вниманіе.

Итакъ, къ рекомендуемому виду мишеней можно отнести лишь отрицательно, тѣмъ болѣе, что цѣль, преслѣдуемая этимъ предложеніемъ, можетъ быть вполне достигнута ниже приводимой организаціей стрѣльбы въ тирѣ.

г) *Организація стрѣльбы въ тирѣ, способствующая обученію стрѣльбѣ на мѣткость и на кучность.*

Подробности организаціи стрѣльбы зависятъ отъ длины тира.

Сперва разсмотримъ случай, когда тиръ длиною 200 шаг. Въ такомъ тирѣ, не прибѣгая къ предлагаемой организаціи, мы можемъ вести обученіе по мишенямъ нормальныхъ размѣровъ только на 100 и 200 шаг., практикуя стрѣлковъ въ выборѣ точекъ прицѣливанія только по высотѣ, а не по боковому направленію.

Въ подобномъ тирѣ, на линіи 200, мною былъ построенъ щитъ изъ полѣнъ длинныхъ дровъ, оструганныхъ съ одной стороны подъ доску. Длина щита 8 арш., высота 3 аршина. При ежедневной стрѣльбѣ

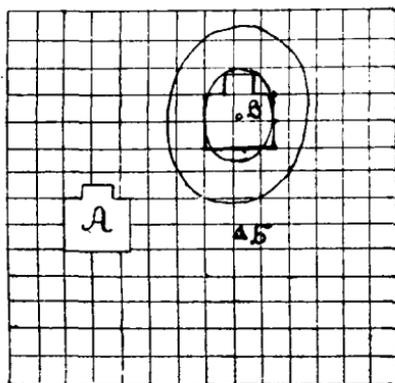
по щиту постепенно всё полѣнья обмѣнивались за ново въ теченіе мѣсяца. Полѣнья вставлялись въ пазы бревенчатыхъ вертикальныхъ стоекъ.

Подобный щитъ, разграфленный цвѣтнымъ карандашемъ на 2-хъ верхковые квадраты и перехватывающій всё выпускаемая пули, дѣлаетъ стрѣльбу въ тирѣ болѣе поучительной въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

1) Даетъ возможность показать точно каждую пулю и, въ зависимости отъ уклоненія, указать ошибку стрѣлка.

2) Даетъ возможность обучать стрѣлковъ *выбору точки прицѣливанія на всѣ дистанціи прямого выстрѣла и не только по высотъ, но и по боковому направленію, подобно тому, какъ бы стрѣльба велась въ поле при полномъ вліяніи бокового вѣтра.*

Пояснимъ сказанное на примѣрѣ стрѣльбы тупою пулею.

Черт. 2.

Предположимъ, что мы хотимъ стрѣлять на 400 шаг. по головной мишени при сильномъ вѣтрѣ справа. Уменьшенную въ 2 раза головную мишень (А) прикалываемъ къ щиту (черт. 2). Отъ центра этой уменьшенной мишени откладываемъ вправо двѣ ея ширины, получаемъ точку прицѣливанія (В). Отъ этой точки прицѣливанія откладываемъ 8,5 вершк. (высота полета пули на 200 шаг.) вверхъ, получимъ среднюю точку попаданія (В). Вокругъ точки попаданія мы накалываемъ контуръ, опредѣляющій площадь попаданій. Послѣдняя должна быть равна уменьшенной мишени. Контуръ легче всего получить такъ: на листѣ бумаги (сѣрой, защитнаго цвѣта), изъ котораго вырѣзается мишень, очерчиваются размѣры послѣдней. Затѣмъ мишень вырѣзается съ каймою снаружи въ $\frac{1}{4}$ вершк. ширины. Отдѣливъ эту кайму отъ мишени, получимъ контуръ.

Благодаря такому приему установки мишени (А) и контура, мы можем практиковать стрѣлковъ въ стрѣльбѣ аналогично тому, какъ бы они стрѣляли въ полѣ по-головной на 400 шаг. при сильномъ вѣтрѣ сивава. Очевидно, уменьшая соответствующимъ образомъ мишень и задаваясь различными условіями относительно боковаго вѣтра, мы можемъ въ тирѣ пройти всѣ шесть упражненій подготовительной стрѣльбы, причемъ стрѣльба можетъ вестись не спѣша съ каждымъ стрѣлкомъ, добываясь съ его стороны наибольшаго пониманія. Такой путь является значительнымъ пособіемъ для обученія мѣткости.

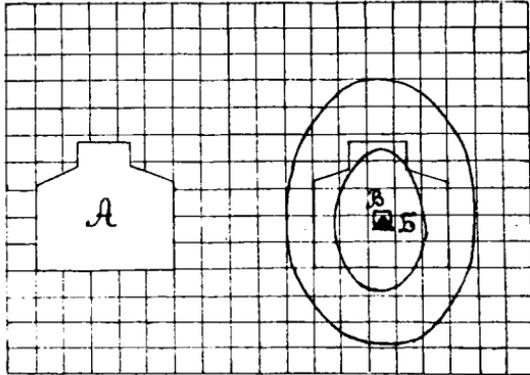
Одновременно съ обученіемъ мѣткости, благодаря щиту же, мы можемъ слѣдить и за кучностью попаданій.

Дляэтого (подобно контуру мишени) накальваются контуры эллипсовъ попаданія. Во внутреннемъ эллипсѣ—хорошихъ попаданій—полуоси равны половинѣ вѣроятнаго отклоненія на 200 шаг. при одиночномъ огнѣ. Въ наружномъ эллипсѣ—среднихъ попаданій—полуоси равны одному вѣроятному отклоненію на ту же дистанцію. Комбинируя условія попаданія въ эллипсѣ, можно раздѣлить стрѣлковъ на разряды по стрѣльбѣ на кучность. Вѣроятныя отклоненія берутся: для вертикальныхъ полуосей—по высотѣ; для горизонтальныхъ—въ стороны.

Для показа попаданій необходимо имѣть на каждую мишень три указки разныхъ цвѣтовъ: красная—хорошія попаданія; бѣлая—среднія; черная—промахи. Отмѣчаніе же на щитѣ попавшихъ пуль дѣлается цвѣтнымъ карандашомъ, прикрѣпленнымъ къ длинной палкѣ. Показка пуль дѣлается соответствующей указкой, только не на контурѣ, а въ соответствующей точкѣ видимой мишени или относительно ея на щитѣ. Махальнымъ это не трудно сдѣлать, ибо они увидятъ какъ пуля легла относительно контура и также покажутъ ее относительно видимой мишени. Между тѣмъ это далеко не маловажно, ибо даетъ возможность повѣрить—какъ стрѣлокъ понимаетъ то или другое свое попаданіе?

Если часть для стрѣльбы пользуется тиромъ, длиною на полную дистанцію прямого выстрѣла, то приведенная организація стрѣльбы становится еще болѣе рациональной, ибо отсутствуетъ искусственное уменьшеніе мишеней, иногда можетъ быть и вызывающее не совсѣмъ точное зрительное впечатлѣніе у стрѣлка.

Не требуетъ особыхъ поясненій организація стрѣльбы въ данномъ случаѣ. На чертежѣ 3 показана установка мишени и контура

Черт. 3.

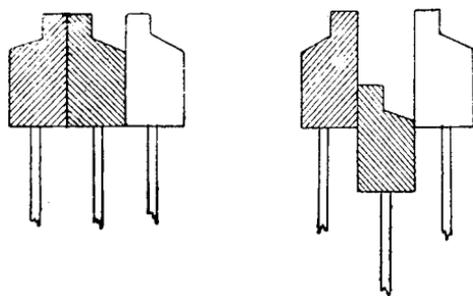
для стрѣльбы на 400 ш. по головной, при сильномъ вѣтрѣ справа; мишень, очевидно, нормальныхъ размѣровъ. Если мы упражняемъ стрѣлковъ только въ выборѣ точекъ прицѣливанія по высотѣ безъ вѣтровыхъ данныхъ, то контура, очевидно, въ данномъ случаѣ накальвать не приходится, а лишь необходимо наколоть на мишень эллипсы попаданій. Наоборотъ, въ тирѣ въ 200 ш. контуръ всегда приходится накальвать, ибо площадь попаданій совпадетъ съ видимою мишенью лишь тогда, если мы и зададимся условіями стрѣльбы на 200 ш.; въ противномъ случаѣ мы всегда должны принимать во вниманіе превышеніе тупой пули въ 8,5 вершковъ или соотвѣтствующее превышеніе острой пули. Въ тирѣ на полную дистанцію прямого выстрѣла контуры накальваются лишь при стрѣльбѣ съ вѣтровыми данными. Размѣры для полуосей эллипсовъ попаданій высчитываются на каждую дистанцію отдѣльно по таблицѣ № 7 Наставленія и согласно вышесказанному.

Итакъ, при описанной организаціи стрѣльбъ въ тирѣ, мы позволяемъ стрѣлку не спѣша присмотрѣться къ выносу точки прицѣливанія при различныхъ условіяхъ, научиться выбирать точку прицѣливанія на *общемъ фонѣ щита, схожемъ съ фономъ песка, не имѣя никакихъ другихъ выдѣляющихся линій, кромѣ границъ видимой мишени.*

Сводя все сказанное о тировой стрѣльбѣ, можно придти къ слѣдующему выводу: лучше имѣть возможность пользоваться тиромъ круглый годъ, чѣмъ ограничивать время стрѣльбы боевыми патронами лишь короткимъ періодомъ прохожденія курсовыхъ стрѣльбъ. Но тиръ замѣнить стрѣльбища не можетъ; обязательно послѣ тировой стрѣльбы одиночное обученіе на стрѣльбищѣ.

Приведенная здѣсь организація стрѣльбы въ тирѣ вводитъ значительную поправку въ обученіе. На стрѣльбище стрѣлки выйдутъ гораздо болѣе подготовленными въ смыслъ самостоятельнаго выбора точекъ прицѣливанія и раціональнаго пользованія ими.

Для обученія прицѣливанію по линіи праваго или лѣваго обрѣза, въ тирахъ на полную дистанцію прямого выстрѣла, удобно примѣнить слѣдующій приѣмъ: головная (черт. 4) или какая-либо другая мишень разрѣзается по срединной вертикальной линіи пополамъ, каждая половинка держится высунутой изъ блиндажа на шестѣ, какъ показано на черт. 4. Положимъ, мы хотимъ цѣлиться

Черт. 4.

по линіи праваго обрѣза. Изъ чертежа видно, что къ правому обрѣзу приставляется еще половинка (правая), окрашенная въ бѣлый цвѣтъ, которая также держится на шестѣ. На лѣвой половинѣ чертежа показана установки до выстрѣла, на правой — послѣ выстрѣла и при попаданіи. Очевидно, попаданія считаются только въ среднюю и крайнюю правую половинки. При этомъ способѣ стрѣльба проходитъ очень быстро.

Для стрѣльбы уменьшеннымъ зарядомъ (пулей съ просальникомъ или картечью) мишеньки такимъ же образомъ, какъ при тировой стрѣльбѣ, уменьшаются пропорціонально разстоянію; затѣмъ опредѣляются такимъ же порядкомъ точки прицѣливанія. Средняя же точка попаданій опредѣляется «окольнымъ» путемъ — помощью пристрѣлки; соответственно ей очерчивается контуръ площади попаданій.

д) Учебно-показная стрѣльба на стрѣльбищѣ.

Въ текущей литературѣ по стрѣлковому дѣлу вполне признана необходимость болѣе осмысленно вести стрѣлковое обученіе. Подчеркивается, что въ настоящее время необходимо пониманіе бал-

листяческихъ свойствъ оружія, какъ одиночными стрѣлками, такъ и начальниками. Съ другой же стороны, я думаю никто спорить не будетъ о томъ, что всякія словесныя объясненія, не сопровождаемые опытомъ, проходятъ безслѣдно и быстро забываются.

Основываясь на сказанномъ и является крайняя необходимость въ организациі учебно-показныхъ стрѣльбъ. Въ этомъ отношеніи необходимо пополнить пробѣлъ въ Наставленіи.

Учебно-показная стрѣльба раздѣляется: 1) для рядовыхъ и старшихъ звеньевъ; 2) для отдѣленныхъ и взводныхъ командировъ. Кромѣ того, стрѣльбы раздѣляются на стрѣльбы на стрѣльбищѣ и на мѣстности.

Для рядовыхъ и старшихъ звеньевъ важно, дабы былъ поясненъ полетъ пули и законъ разсѣванія на ближнія дистанціи. При помощи же станка Ливчака могутъ быть показаны наглядно ошибки въ прицѣливаніи. Организациа такихъ стрѣльбъ разобрана во второй части «Методики стрѣлковаго дѣла» г. Степанковскаго; поэтому на ней я не буду останавливаться.

Рѣшеніе тактическо-стрѣлковыхъ задачъ отдѣленными и взводными всегда связывается еще и съ вопросами тактическаго свойства—важность цѣли, условія расположенія на мѣстѣ своей части или условія движенія, условія управленія. Очевидно, и организациа учебно-показныхъ стрѣльбъ для этихъ лицъ должна быть болѣе сложная и обладать извѣстною послѣдовательностью.

Необходимою подготовкою вообще для отдѣленныхъ и взводныхъ к—ровъ являются занятія по рѣшенію тактическо-стрѣлковыхъ задачъ на планахъ и на мѣстности (съ холостыми патронами). Но первоначально должны быть преподаны въ опредѣленномъ объемѣ свѣдѣнія изъ теоріи стрѣльбы, которыя и должны быть освѣщены цѣлымъ рядомъ опытовъ. Такія учебно-показныя стрѣльбы возможно производить на стрѣльбищѣ.

Объемъ свѣдѣній по теоріи стрѣльбы, подлежащій изученію, ограничивается стрѣлковой линейкою ген. Филатова.

Свѣдѣнія, даваемая этою линейкою, можно подраздѣлить на слѣдующія группы: 1) величина площади разсѣванія, поражаемое пространство, отклоненія въ зависимости отъ атмосферическихъ данныхъ, степень вліянія разрѣженности цѣлей; 2) стрѣльба по движущейся цѣли; 3) стрѣльба по цѣлямъ маскированнымъ и по площадямъ; зависимость прицѣла отъ высоты точки прицѣливанія и правила использованія обоймы съ дѣленіями; 4) стрѣльба по высотамъ; 5) ночная стрѣльба и 6) пробивная способность.

Стрѣльба первыхъ четырехъ группъ должна быть проведена на три дистанціи—1.500, 2.000 и 2.500 ш.ш. Для организаціи стрѣльбы первой группы, во избѣжаніе мѣшкотности или перемѣны линіи огня, желательно имѣть на указанныхъ дистанціяхъ длинные блиндажи, въ которыхъ можно было бы помѣстить по 50 человекъ рабочихъ, съ условіемъ установки мишеней на рукахъ (§ 12 приложенія 3) съ интервалами не менѣе 3—5 шаговъ. У каждаго рабочаго должно быть по три рода мишеней—въ ростъ, поясная и головная. При такой организаціи легко будетъ измѣнять высоту цѣли, показывая этимъ различную вѣроятность попаданія. Также можно показать зависимость послѣдней отъ величины разрѣженности цѣли.

Для опредѣленія вліянія ошибки въ прицѣлѣ удобно примѣнить слѣдующій пріемъ. Считая, что средняя траекторія будетъ проходить черезъ подошву цѣли, на границахъ сердцевины площади разсѣиванія передъ и за концами длиннаго блиндажа ставятся переносные блиндажи, въ которыхъ помѣщаются махальные.

Махальные имѣютъ по четыре указки. Они замѣчаютъ гдѣ ложится большинство пуль и согласно замѣченному показываютъ: 1) при попаданіи въ блиндажъ—бѣлую; 2) недолетъ—красную; 3) перелетъ—чѣрную; 4) уклоненіе вправо—на половину черная и красная; 5) уклоненіе влѣво—на половину бѣлая и красная. При одновременномъ уклоненіи и по дальности и въ сторону показываются соотвѣтствующія двѣ указки. Каждый блиндажъ даетъ показанія относительно себя.

Благодаря такому пріему является возможность выяснитъ вліяніе ошибки въ прицѣлѣ и сравнитъ стрѣльбу при одномъ или съ нѣсколькими прицѣлами.

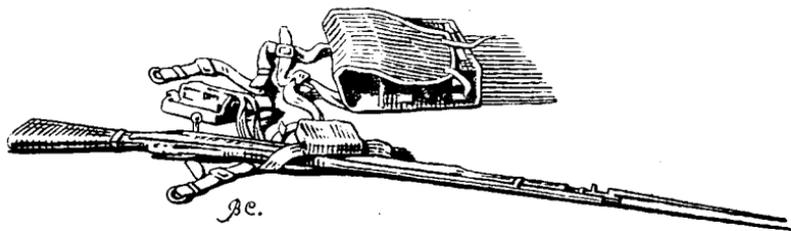
Какъ результатъ показныхъ стрѣльбъ первой группы должны быть даны опредѣленные выводы по слѣдующимъ вопросамъ: 1) на какихъ дистанціяхъ, по какимъ цѣлямъ выгодно открыть огонь; какое въ этомъ отношеніи можетъ имѣть вліяніе тактическое значеніе цѣли и степень обезпеченія патронами? 2) Въ какихъ случаяхъ возможно вести пристрѣлку и въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ вести огонь съ нѣсколькими прицѣлами и со сколькими именно и какая разница между прицѣлами? 3) Какой видъ огня и когда наиболѣе выгоденъ? 4) Методъ опредѣленія прицѣла и точекъ прицѣливанія въ зависимости отъ атмосферическихъ данныхъ и свойствъ цѣли.

Стрѣльба второй группы должна выяснитъ способъ веденія огня въ данномъ случаѣ.

Въ стрѣльбахъ третьей группы долженъ быть поясненъ § 77 Наставленія; должно быть показано, что сравнительная успѣшность пораженія маскированныхъ и видимыхъ цѣлей одинакова при правильномъ направленіи снопа пуль.

Организація остальныхъ показныхъ стрѣльбъ не требуетъ особыхъ поясненій.

В. Ступинъ.

УПРОЩЕННЫЙ СПОСОБЪ ПОВЫСИТЬ СТРЕЛЬБУ.

Пришли новобранцы — и началась страда командира роты. Умыты, одѣты, обуты, подстрижены молодые, и кое гдѣ учителя уже вѣдряют мудреную словесность въ немудренныя головы первой партіи. Ротный командиръ съ озабоченнымъ видомъ въ сопровожденіи фельдфебеля и латыша-переводчика опрашиваетъ новую партію молодыхъ, только что приведенныхъ въ роту послѣ «дезинфекціи» въ полку. Слѣдуютъ вопросы: «какой губерніи», «имя», «фамилія», «грамотный»? Большинство молодыхъ этой партіи оказывается не только неграмотными, а даже не умѣющими говорить по-русски. Ротный обращается къ фельдфебелю съ вопросомъ: «а сколько въ той партіи пришло неграмотныхъ, кажется половина?» — Такъ точно, ваше высокоблагородіе...

Это, или почти это, повторяется изъ года въ годъ, и комплектъ грамотныхъ часто не превышаетъ 40% новобранцевъ.

Чѣмъ же помочь этому горю?

Въ отвѣтъ намъ, стрѣлкамъ, поднесли: «методику Степановскаго, лекціи Петрова» и *tutti quanti*...

Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ таблицъ съ громадными, занимающими цѣлыя стѣны, чертежами по стрѣлковому дѣлу, лекцій

офицеровъ, окончившихъ стрѣлковую школу. Завели стрѣлковыя книжки, раздѣлили винтовки по ихъ бою, увеличили «словесность» знаніемъ высоты боя винтовки, точекъ прицѣливанія, но забыли одно, что голова нашего бывшего «пахаря и пастуха», нынѣ солдата, осталась почти та же, и что въ ней, послѣ вдалбливанія этой словесности, получился полный сумбуръ.

«Учить надо показомъ, а не рассказомъ», говаривалъ Драгомировъ.

Зрительная память больше помогаетъ дѣлу, чѣмъ эта зубристика, легко улетающая изъ неразвитой головы ученика.

Вотъ этимъ-то послѣднимъ обстоятельствомъ и воспользовался одинъ изъ старыхъ ротныхъ командировъ и предложилъ стрѣлять дробинками, уменьшеннымъ зарядомъ и боевыми патронами въ мишени на щитахъ, расчерченныхъ концентрическими кругами. Всѣхъ круговъ на щитѣ 12. Круги эти перенумерованы отъ середины вправо и влѣво, причемъ центръ фигуры помѣченъ № 12. Сверху внизъ круги, за исключеніемъ 12-го, помѣчены буквами русскаго алфавита, причемъ 1-й кругъ помѣченъ вверху буквой *A*, а внизу буквой *B* и т. д.

Такимъ образомъ въ центрѣ круга вверху будутъ буквы, стоящія въ серединѣ азбуки, а внизу—въ концѣ азбуки.

Стрѣляя въ такую мишень и отмѣчая цифрами и буквами мѣсто пробоины, легко по записи опредѣлить—переводить или недоводить стрѣлокъ мушку, да и самъ стрѣлокъ легко замѣчаетъ насколько его винтовка бьетъ выше или ниже.

Для опредѣленія—кто изъ стрѣлковъ лучше бьетъ въ намѣченную точку (въ данномъ случаѣ, въ центрѣ мишени), стоитъ только сложить сумму цифръ тѣхъ круговъ, куда попали его пули, и выбившій бѣльшую сумму, понятно, стрѣляетъ лучше выбившаго меньшую. Буквы же покажутъ переводъ или недоводъ мушки или высокій бой винтовки.

Стрѣлки, стрѣляя въ эти мишени, легко запоминали бой своей винтовки и знали куда имъ надо цѣлиться, чтобы бить въ намѣченную точку. Результатъ стрѣльбы сразу повысился въ первомъ же году.

Въ этомъ же полку для улучшенія стрѣлковаго дѣла было предложено слѣдующее:

1) Ежедневно съ 8 до 9 час. утра повѣрка и занятія прицѣлкой и прикладкой со всѣмъ ежедневнымъ расходомъ роты (нарядъ рабочихъ съ 9 час. утра).

2) При занятіяхъ прицѣлкой со спускомъ курка и при стрѣльбѣ требовать, чтобы обучаемый каждый разъ непременно докладывалъ: куда уклонилась мушка и куда попала пуля.

3) Безусловная грамотность всѣхъ стрѣлковъ (по статистикѣ неграмотные всегда почти—последніе по стрѣльбѣ).

4) Занятія гимнастикой, въ особенности подтягиваніемъ на лѣстницѣ, трапеціи, кольцахъ, сведеніемъ и разведеніемъ рукъ съ винтовками въ обѣихъ рукахъ, вести послѣ занятій прицѣлкой (во избѣжаніе утомленія).

5) Расширить курсъ знаній теоріи стрѣльбы для унтеръ-офицеровъ и стрѣлковъ.

6) Ознакомить при помощи приборовъ со свойствами траекторіи, величиной разсѣиванія выстрѣловъ на разныя дистанціи, вліяніемъ вѣтра, температуры и высоты мѣстности.

7) Ознакомить съ теоріей одиночнаго выстрѣла и стрѣльбы сосредоточеннымъ огнемъ.

8) Вести правильную и быструю установку прицѣла, скорое заряжаніе, умѣнье справляться съ вліяніемъ вѣтра.

9) Обучать молодыхъ солдатъ стрѣльбѣ передъ постановкой ихъ въ строй (важно для несенія караульной службы).

10) Стрѣльба уменьшеннымъ зарядомъ по особому курсу:

а) по мишенямъ, расчерченнымъ концентрическими кругами;

б) непременно на условія;

в) снабдить каждого стрѣлка тетрадью съ мишеньками для отмѣтокъ: куда попала пуля по заявленію стрѣлка и куда въ дѣйствительности;

г) стрѣльбу производить, сообразуясь съ боемъ винтовки, а не прицѣливаясь въ одну для всѣхъ стрѣлковъ точку;

д) производить стрѣльбу по мишенямъ, движущимся, появляющимся, падающимъ и вертящимся;

е) учить стрѣлять изъ-за бруствера и бойницы;

ж) проходить курсъ учебной стрѣльбы на условія въ тирѣ;

з) съ лучшими стрѣлками проходить особый курсъ, отличающійся отъ курса худшихъ стрѣлковъ (тоже можно зимой въ тирѣ);

и) стрѣльба по пузырямъ (надутымъ воздухомъ) и шарамъ разной величины;

і) стрѣльба на кучность (состязаніе).

11) Показываніе пуль махальными, не выходя изъ-за закрытій (для сокращенія времени).

12) Упражненіе въ стрѣльбѣ въ продолженіе цѣлаго года.

13) Къ боевой стрѣльбѣ подготовиться занятіями съ холостыми патронами, съ особыми переносными (холщевыми и картонными) мишенями.

Энергичное веденіе стрѣлкового дѣла по этой програмѣ довело полкъ до прекрасной стрѣльбы, и нѣкоторыя роты выбивали до 20% сверхъ отличнаго.

При подготовительной стрѣльбѣ боевыми патронами щиты тоже расчерчиваются кругами такъ, чтобы кругъ съ цифрой 12 былъ въ центрѣ фигуры.

Показчики при стрѣльбѣ показываютъ буквы и цифры азбукой «Морзе». Въ пробойну вставляется кружокъ яркаго цвѣта достаточной величины, легко видимый съ линіи огня, чтобы стрѣляющій могъ ясно видѣть и помнить куда попала его пуля; при слѣдующемъ выстрѣлѣ показывается вторая пробойна, въ которую переставляется кружокъ, вынимаемый изъ первой пробойны, а первая заколачивается колышкомъ и т. д.

Полезьа отъ такого способа показки слишкомъ очевидна и не требуетъ поясненія.

Показываніе пуль азбукой Морзе укрѣпить солдатъ въ знаніи сигнализациі.

Результатъ стрѣльбы записывается въ видѣ дроби, числителемъ которой будетъ буква, а знаменателемъ цифра того круга, куда попала пуля, напримѣръ, $\frac{K}{10}$, $\frac{\Phi}{9}$ и т. п.

Стрѣльба въ обрѣзныя мишени записывается тоже буквами, такъ: пули, попавшія въ голову—буквой *I*, въ плечи—буквой *II*, въ животъ—буквой *Ж*, въ колѣни—буквой *К*, въ ноги—буквой *Н*. При этой записи всегда можно узнать, насколько стрѣлокъ переводить или не доводить свою винтовку и научился ли онъ бить въ намѣченную точку.

Прочитавъ эту замѣтку, мнѣ скажутъ, что подобная показка займетъ много времени. На это отвѣчу, что не такъ уже много, а стрѣльба такая важная отрасль обученія солдата, что тутъ нельзя «отбивать номеръ» и только терпѣніемъ можно добиться благихъ результатовъ.

Войскій.

О боковых движенияхъ: «плечомъ въ манежъ» и «приниманіе».

Въ виду недавней полемики по поводу этихъ упражненій, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о томъ же предметѣ.

О привиманіи направо или налѣво и черезъ манежъ въ статьѣ кн. Д. Багратіона ¹⁾ говорится: «упражненія эти необходимы для выработки гибкости, поворотливости и полного повиновенія силъ лошади искусству и деспотической волѣ чело-вѣка». Въ этой характеристикѣ заключается, конечно, и уравни-вание лошади, какъ основное условіе ея устойчивости, гибкости и поворотливости и, въ нѣкоторомъ отношеніи, какъ бы итогъ всѣхъ гимнастическихъ упражненій при выѣздкѣ. Какъ же приходится смотрѣть съ этой точки зрѣнія на «плечомъ въ манежъ»?

Уравниваемость лошади заключается въ надлежащемъ рас-предѣленіи ея собственной тяжести и лежащаго на ней груза между ея конечностями. Сколько изъ общаго вѣса придется на пе-

¹⁾ «Русскій Инвалидъ» 1912 г., № 226.

реднія ноги и сколько на заднія, это зависитъ отъ: а) природнаго равновѣсія молодой лошади; б) измѣненій, внесенныхъ въ него выѣзкою; в) вѣса, тѣлосложенія и посадки ѣздока; г) его воздѣйствія поводомъ, шенкелями и корпусомъ, сообразно желаемой степени свободы или собранности въ постановкѣ лошади и ея движеніяхъ. Движеніе впередъ допускаетъ на всѣхъ аллюрахъ весьма широкое разнообразіе въ нагрузкѣ переда и зада, но боковыя движенія требуютъ непремѣнно равновѣсія: общій центръ тяжести коня и всадника долженъ находиться приблизительно подъ послѣднимъ, т.-е. подъ серединою спины лошади, разумѣя спину отъ задняго конца холки до начала поясицы, такъ что у начала кавалерійской лошади, даже уравновѣшенной, центръ тяжести все-таки ближе къ переднимъ конечностямъ, нежели къ заднимъ. Подъ серединою спины долженъ находиться и центръ тяжести лошади на боковыхъ движеніяхъ безъ всадника. Только при такомъ положеніи центра тяжести, лошадь можетъ свободно принимать въ сторону сокращенной, строго двухтемпной, рысью, легко и упруго отталкиваясь ногами отъ земли. Невыѣзженная же лошадь, лежащая вся на переду, обыкновенно, принимая, валится передомъ въ сторону движенія, а задъ тащитъ вслѣдъ за нимъ. Поэтому приниманіе право и влѣво и представляетъ одно изъ существеннѣйшихъ гимнастическихъ упражненій для приученія лошади къ равновѣсію тамъ, гдѣ оно требуется, и даетъ вѣрный признакъ успѣха въ этомъ отношеніи. Кромѣ того, способность лошади къ этому движенію характеризуетъ природныя качества ея спины и связи (почки), и развитіе выѣзкою ихъ мышцъ, а также мышцъ затылка и шеи. На пользу правильныхъ боковыхъ движеній для подчиненія лошади дѣйствіямъ шенкеля и повода, ея равновѣсія, гибкости, легкости, ловкости, свободы движеній въ плечахъ и для выработки всѣхъ перечисленныхъ мускуловъ ²⁾ указывается въ нашемъ новомъ Наставленіи для выѣздки кавалерійской лошади съ тѣми ясностью и точностью, которыя отличаютъ это краткое руководство.

Кромѣ распредѣленія общаго вѣса лошади со всадникомъ между ея передними и задними конечностями, для свободнаго и отчетливаго приниманія, имѣютъ значеніе: 1) устойчивость лошади въ боковомъ направленіи; 2) просторъ въ движеніяхъ наружныхъ ³⁾

²⁾ Относительно шеи въ Наставленіи говорится только о мускулахъ верхней части ея у ганашей, но такъ какъ при сгибаніи въ боку мускулы спины реберъ тянутъ лопатку назадъ, то ихъ антагонисты—мускулы, связывающіе лопатки съ шей и укрѣпляющіе послѣднюю въ плечахъ, также должны напрягаться.

³⁾ Относительно направленія приниманія.

ногъ и усиленная работа двигающихъ ихъ мышцъ, сравнительно съ ногами внутренними, черезъ которыя наружныя должны кругообразно переноситься. И то, и другое достигается: 1) постановкой въ сторону приниманія; 2) сгибомъ въ ребрахъ съ той же стороны. Вліяніе этого сгиба на устойчивость становится нагляднымъ, если представить себѣ скамью на четырехъ ножкахъ, но не прямоугольную, а вырѣзанную дугообразно, какъ будто имѣли въ виду прислонить ее плотно къ стѣнѣ внутри круглой башни. Очевидно, такая скамья легче опрокинется, если толкать ее въ сторону выгнутого ея края, нежели когда она движется въ сторону края вогнутого, такъ какъ въ первомъ случаѣ, при колебаніяхъ скамьи, вертикаль, проходящая черезъ ея центръ тяжести, скорѣе можетъ оказаться внѣ опорной площади ножекъ. Ясно также, что движенія ногъ лошади со стороны вогнутой болѣе ограничены, нежели съ выгнутой, такъ какъ плечо и бедро со стороны вогнутой болѣе стѣснены въ своемъ положеніи, и мышцы ихъ при этомъ до нѣкоторой степени уже сокращены, между тѣмъ какъ съ противоположной стороны онѣ растянуты и, слѣдовательно, могутъ значительно болѣе сокращаться. Для одной изъ главныхъ мышцъ, двигающихъ плечо—затычно-плечевой, этому способствуетъ и самая постановка.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что при упражненіи «плечомъ въ манежъ» лошадь поставлена и согнута, какъ разъ обратно тому, какъ требуется для ея равновѣсія и свободы движенія плечъ. Между тѣмъ, по нашему прежнему Наставленію для выѣздки ремонтной кавалерійской лошади, изд. 1889 г. (§ 169), такой пріемъ бокового движенія долженъ служить именно для того, чтобы выработать въ лошади эту свободу, а ниже, въ § 171, предписано исполнять это упражненіе «нѣсколько ускореннымъ шагомъ (тротомъ)», хотя, вслѣдствіе неправильности постановки и сгибанія, живой аллюръ для лошади въ этомъ случаѣ затруднителенъ. Сверхъ того, она даже не можетъ смотрѣть какъ слѣдуетъ въ ту сторону, куда идетъ.

Лѣтъ десять тому назадъ, въ одной изъ газетныхъ статей по разсматриваемому вопросу, предлагалось, для смягченія послѣдней несообразности, при поворотѣ плечъ и шеи лошади, положимъ, направо, сгибать ей голову въ затылкѣ на лѣвый ганапшъ, но какимъ образомъ авторъ рекомендовалъ достигать этого—не помню.

Въ статьѣ г. Н. П.⁴⁾ по поводу первыхъ уроковъ откидыванія зада при выѣздкѣ по системѣ Филлиса, указывается на то, что

4) «Русскій Инвалидъ», 1913 г., № 5.

реднія ноги и сколько на заднія, это зависитъ отъ: а) природнаго равновѣсія молодой лошади; б) измѣненій, внесенныхъ въ него выѣздкою; в) вѣса, тѣлосложенія и посадки ѣздока; г) его воздѣйствія поводомъ, шенкелями и корпусомъ, сообразно желаемой степени свободы или собранности въ постановкѣ лошади и ея движенійхъ. Движеніе впередъ допускаетъ на всѣхъ аллюрахъ весьма широкое разнообразіе въ нагрузкѣ передъ и зада, но боковыя движенія требуютъ непременно равновѣсія: общій центръ тяжести коня и всадника долженъ находиться приблизительно подъ послѣднимъ, т.-е. подъ серединою спины лошади, разумѣя спину отъ задняго конца холки до начала поясницы, такъ что у начала кавалерійской лошади, даже уравновѣшенной, центръ тяжести все-таки ближе къ переднимъ конечностямъ, нежели къ заднимъ. Подъ серединою спины долженъ находиться и центръ тяжести лошади на боковыхъ движеніяхъ безъ всадника. Только при такомъ положеніи центра тяжести, лошадь можетъ свободно принимать въ сторону сокращенной, строго двухтемпной, рысью, легко и упруго отталкиваясь ногами отъ земли. Невыѣзженная же лошадь, лежащая вся на переду, обыкновенно, принимая, валится передомъ въ сторону движенія, а задъ тащитъ вслѣдъ за нимъ. Пстому приниманіе вправо и влѣво и представляетъ одно изъ существеннѣйшихъ гимнастическихъ упражненій для пріученія лошади къ равновѣсію тамъ, гдѣ оно требуется, и даетъ вѣрный признакъ успѣха въ этомъ отношеніи. Кромѣ того, способность лошади къ этому движенію характеризуетъ природныя качества ея спины и связи (почки), и развитіе выѣздкою ихъ мышцъ, а также мышцъ затылка и шеи. На пользу правильныхъ боковыхъ движеній для подчиненія лошади дѣйствіямъ шенкеля и повода, ея равновѣсія, гибкости, легкости, ловкости, свободы движеній въ плечахъ и для выработки всѣхъ перечисленныхъ мускуловъ ²⁾ указывается въ нашемъ новомъ Наставленіи для выѣздки кавалерійской лошади съ тѣми ясностью и точностью, которыя отличаютъ это краткое руководство.

Кромѣ распредѣленія общаго вѣса лошади со всадникомъ между ея передними и задними конечностями, для свободнаго и отчетливаго приниманія, имѣютъ значеніе: 1) устойчивость лошади въ боковомъ направленіи; 2) просторъ въ движеніяхъ наружныхъ ³⁾

²⁾ Относительно шеи въ Наставленіи говорится только о мускулахъ верхней части ея у ганашей, но такъ какъ при сгибаніи въ боку мускулы спины и реберъ тянутъ лопатку назадъ, то ихъ антагонисты—мускулы, связывающіе лопатки съ шей и укрѣпляющіе послѣднюю въ плечахъ, также должны напрягаться.

³⁾ Относительно направленія приниманія.

ногъ и усиленная работа двигающихъ ихъ мышцъ, сравнительно съ ногами внутренними, черезъ которыя наружныя должны кругообразно переноситься. И то, и другое достигается: 1) постановкой въ сторону приниманія; 2) сгибомъ въ ребрахъ съ той же стороны. Вліяніе этого сгиба на устойчивость становится нагляднымъ, если представить себѣ скамью на четырехъ ножкахъ, но не прямоугольную, а вырѣзанную дугообразно, какъ будто имѣли въ виду прислонить ее плотно къ стѣнѣ внутри круглой башни. Очевидно, такая скамья легче опрокинется, если толкать ее въ сторону выгнутого ея края, нежели когда она движется въ сторону края вогнутого, такъ какъ въ первомъ случаѣ, при колебаніяхъ скамьи, вертикаль, проходящая черезъ ея центръ тяжести, скорѣе можетъ оказаться внѣ опорной площади ножекъ. Ясно также, что движенія ногъ лошади со стороны вогнутой болѣе ограничены, нежели съ выгнутой, такъ какъ плечо и бедро со стороны вогнутой болѣе стѣснены въ своемъ положеніи, и мышцы ихъ при этомъ до нѣкоторой степени уже сокращены, между тѣмъ какъ съ противоположной стороны онѣ растянуты и, слѣдовательно, могутъ значительно болѣе сокращаться. Для одной изъ главныхъ мышцъ, двигающихъ плечо—затылочно-плечевой, этому способствуетъ и самая постановка.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что при упражненіи «плечомъ въ манежъ» лошадь поставлена и согнута, какъ разъ обратно тому, какъ требуется для ея равновѣсія и свободы движенія плечъ. Между тѣмъ, по нашему прежнему Наставленію для выѣздки ремонтной кавалерійской лошади, изд. 1889 г. (§ 169), такой пріемъ бокового движенія долженъ служить именно для того, чтобы выработать въ лошади эту свободу, а ниже, въ § 171, предписано исполнять это упражненіе «нѣсколько ускореннымъ шагомъ (тротомъ)», хотя, вслѣдствіе неправильности постановки и сгибанія, живой аллюръ для лошади въ этомъ случаѣ затруднителенъ. Сверхъ того, она даже не можетъ смотрѣть какъ слѣдуетъ въ ту сторону, куда идетъ.

Лѣтъ десять тому назадъ, въ одной изъ газетныхъ статей по разсматриваемому вопросу, предлагалось, для смягченія послѣдней несообразности, при поворотѣ плечъ и шеи лошади, положимъ, направо, сгибать ей голову въ затылкѣ на лѣвый ганапъ, но какимъ образомъ авторъ рекомендовалъ достигать этого—не помню.

Въ статьѣ г. Н. П.⁴⁾ по поводу первыхъ уроковъ откидыванія зада при выѣздкѣ по системѣ Филлиса, указывается на то, что

⁴⁾ «Русскій Инвалидъ», 1913 г., № 5.

«лица, обходящіяся безъ работы въ рукахъ, примѣняютъ этотъ принципъ при первоначальной выѣздкѣ, сидя на лошади, на подобіе того, какъ мы практиковали «плечомъ въ манежъ», но уклоняютъ при этомъ обычно не плечи, а задъ, и двигаются такимъ образомъ лишь нѣсколько шаговъ». Этотъ приемъ представляетъ ничто иное, какъ упражненіе по § 180 упомянутаго Наставленія. Назвавъ его «подготовительнымъ къ боковымъ движеніямъ», составители Наставленія почему-то помѣстили это упражненіе во 2-мъ періодѣ доѣздки, а самое движеніе «плечомъ въ манежъ» — въ 1-мъ періодѣ.

При сгибаніи лошади, положимъ, въ правомъ боку съ соответствующей постановкой, центръ тяжести ея перемѣщается нѣсколько въ ту же сторону. Передавая во время приниманія часть своей тяжести на правое стремя, всадникъ исправляетъ несоответствіе въ положеніи своего собственнаго центра тяжести, относительно центра тяжести лошади. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предупреждаетъ сдвиганіе своего корпуса, вслѣдствіе инерціи, въ сторону обратную движенію. Здѣсь соблюденіе обоихъ условій совпадаетъ.

При упражненіи же «плечомъ въ манежъ», всадникъ, передаваясь на стремя съ той стороны, куда движется лошадь, еще болѣе удаляетъ свой центръ тяжести отъ центра тяжести лошади, и безъ того уже перемѣстившагося въ обратную сторону, вслѣдствіе сгибанія и постановки со стороны наружной, относительно направленія движенія.

Все сказанное относится къ сравнительной пользѣ тѣхъ и другихъ боковыхъ движеній, съ гимнастической точки зрѣнія. Что же касается цѣлесообразности ихъ для пріученія лошади подчиняться волѣ всадника, то этотъ вопросъ вполне разобранъ въ статьѣ кн. Д. Багратіона. Можно только добавить по поводу трудности бороться съ лошадью, которая «претъ», навалившись на внутреннее⁵⁾ плечо. выгнувъ съ той же стороны бокъ и загнувъ шею въ обратную сторону, что при этомъ ѣздокъ имѣетъ дѣло съ упрямымъ лошадью, подкрѣпляемымъ могущественнымъ союзникомъ—ея вѣсомъ, отчего борьба дѣлается трудною. Конечно, при выѣздкѣ, когда всадникъ самъ заставляетъ лошадь принимать «плечомъ въ манежъ», онъ въ большинствѣ случаевъ и прекращаетъ движеніе въ любой данный моментъ по своему желанію; предосторожность—не дѣлать при этомъ болѣе двухъ, трехъ шаговъ также уменьшаетъ возможный вредъ отъ практикованія лошади въ такой манерѣ принимать; тѣмъ не менѣе, еще лучше совсѣмъ избѣгать

⁵⁾ Относительно не постановки, а направленія бокового движенія лошади.

упражненій, совпадающихъ съ тѣми приѣмами борьбы, къ которымъ инстинктивно прибѣгаетъ лошадь, какъ къ наиболѣе удобнымъ для сопротивленія волѣ всадника ⁶⁾, чувствуя, что они ставятъ его, въ отношеніи воздѣйствія на нее, въ условія невыгодныя. Правда, мы учимъ лошадь движенію назадъ, но правильное осаживаніе не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, какъ *пятится* упрямая или испуганная лошадь. Въ послѣднемъ случаѣ она прежде всего *садится* на крупъ, упираясь передними ногами чтобы сопротивляться посылу впередъ, и затѣмъ все-таки, по большей части, наровитъ стать бокомъ къ испугавшему ее предмету или къ направленію, куда она не желаетъ идти,—повернувъ туда же голову и навалившись на противоположное плечо. Такимъ образомъ она и здѣсь какъ будто бы дѣлаетъ то же неправильное приниманіе въ сторону отъ нежелательнаго ей направленія, пятясь въ то же время крупомъ назадъ. Между тѣмъ, при правильномъ осаживаніи, иначе говоря, отступаніи назадъ, крупъ лошади идетъ между шенкелями по прямой линіи, и выносъ заднихъ ногъ, умѣренно согнутыхъ въ скакательныхъ суставахъ, долженъ быть свободный. Осаживаніе представляетъ для лошади движеніе очень трудное и неестественное, къ которому она никогда не станетъ прибѣгать по своей волѣ, на что и указывается въ § 172 нашего новаго Наставленія. Въ этомъ случаѣ мы заставляемъ ее конечности выполнять роли, обратныя ихъ устройству: переднія ноги обращаются въ двигатели, вмѣсто того, чтобы служить опорками, которыми являются уже заднія, по механизму своему представляющія совокупность рычаговъ, приспособленныхъ для толканія лошади головою впередъ при всѣхъ прочихъ движеніяхъ, въ томъ числѣ и боковыхъ, которыя поэтому и не могутъ надлежащимъ образомъ выполняться иначе, какъ облически. Вслѣдствіе противоестественнаго обмѣна функций между передними и задними конечностями ⁷⁾, движеніе задомъ впередъ для четвероногихъ рысью невозможно, хотя двуногія свободно продѣлываютъ такое движеніе бѣгомъ. Самовольный поворотъ кругомъ также дѣлается лошадью неправильно. Постановка ея при этомъ обратна той, къ кото-

⁶⁾ Надо замѣтить, что лошадь дѣлаетъ совершенно тоже самое и въ запряжкѣ.

⁷⁾ Неспособность переднихъ ногъ къ отталкиванію не безусловна, по механическое устройство ихъ рычаговъ таково, что дѣйствіе это незначительно въ сравненіи съ количествомъ движенія, получаемого лошадью отъ быстрого распрямленія заднихъ конечностей, и направлено болѣе вверхъ, нежели параллельно землѣ, почему и проявляется преимущественно на сокращенныхъ аллюрахъ: На аллюрахъ широкихъ, мускулы и сухожилья переднихъ ногъ напрягаются главнымъ образомъ въ моментъ встрѣчи послѣднихъ съ землею, чтобы выдержать ударъ.

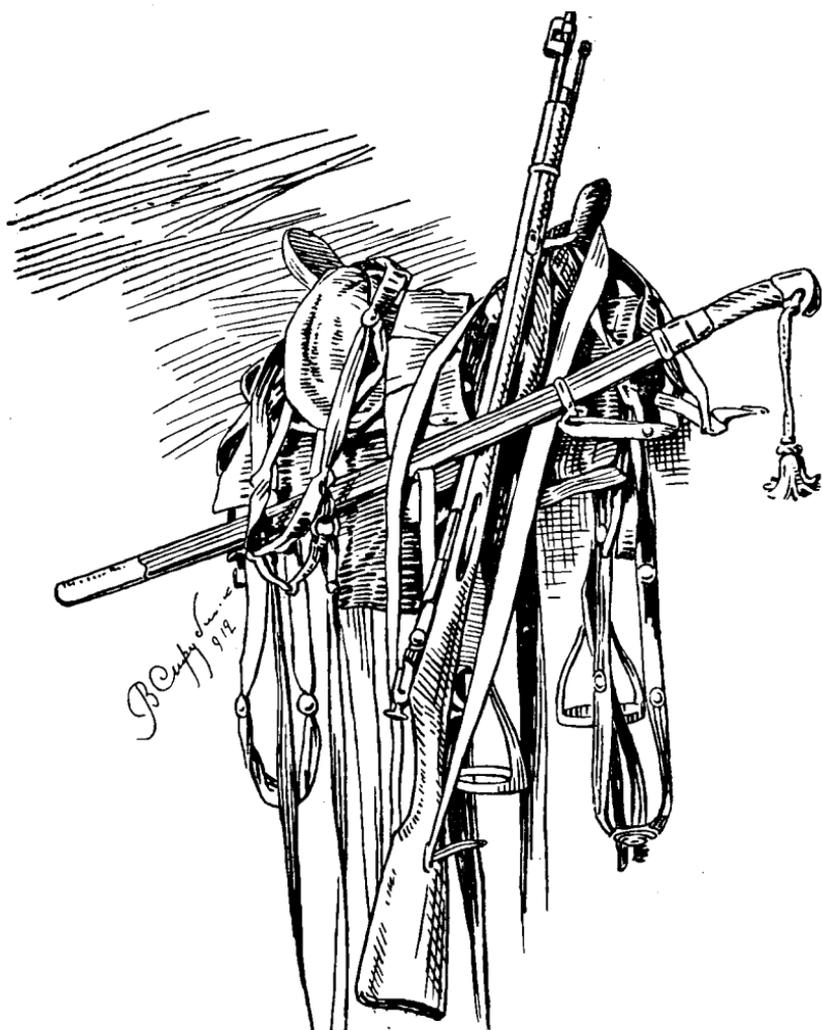
рой приучаютъ ее при исполненіи этого движенія во время выѣздки. Кромѣ того, повернувшись отъ испуга или упрямства, она обыкновенно хочетъ броситься впередъ. При выѣздкѣ же, ее заставляютъ ждать посылы всадника. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, осаживаніе и повороты кругомъ нельзя отнести къ упражненіямъ лошади въ тѣхъ тѣлодвиженіяхъ, къ которымъ она и безъ того склонна инстинктивно, въ случаяхъ выхода изъ повиновенія ѣздоку⁸⁾. Точно также, если при первоначальной работѣ лошади «въ рукахъ», заставляя ее откидывать задъ въ сторону, допускаютъ постановку головы, одностороннюю съ боковымъ дѣйствіемъ хлыста, то при этомъ передъ удерживается обучающимъ на мѣстѣ, и лошадь во всѣхъ отношеніяхъ находится въ условіяхъ, благопріятствующихъ ея повиновенію. Въ цѣлесообразности этого простого ознакомительнаго для лошади упражненія, такъ легко приводящаго къ желаемымъ результатамъ, врядъ ли можно сомнѣваться; но постановка и сгибаніе, которыя указывались нашимъ оппонентомъ, представляютъ недоразумѣніе въ области и гимнастики и дрессировки.

Отсутствіе приниманія по барьеру въ нашихъ прежнихъ Наставленіяхъ для выѣздки и уставахъ кавалерійской службы представляло несомнѣнный пробѣлъ. Въ сущности, это приниманіе и «приниманіе черезъ манежъ» — одно и то же движеніе, съ той лишь разницей, что въ первомъ изъ нихъ (правильности облическаго движенія) помогаетъ барьеръ, во второмъ — это уже зависитъ единственно отъ управленія лошадыю. Поэтому приниманіе по барьеру — упражненіе, предшествующее «приниманію черезъ манежъ» и по кругу или, вообще, посреди манежа или въ полѣ. Барьеръ передъ головою лошади препятствуетъ ей излишне подаваться впередъ, а при боковомъ движеніи, крупомъ къ барьеру, послѣдній не позволяетъ принимать слишкомъ круто.

Упражненіе «плечомъ въ манежъ» указывалось нашимъ прежнимъ Наставленіемъ только по барьеру, а гдѣ нѣтъ барьера, то по контуру того круга или квадрата, на которомъ производится ѣзда. При исполненіи заурядными ѣздоками подобнаго движенія «черезъ манежъ» особенно рельефно обнаруживались бы неудобства, во всѣхъ отношеніяхъ, неправильной постановки, и сходство такого упражненія съ замашками пугливой или упрямой лошади.

Шило.

⁸⁾ Не говоря уже о томъ, что эти движенія, т.-е. приниманіе и осаживаніе, необходимы въ строю, чего про «плечомъ въ манежъ» нельзя сказать.

ВЫЪЗДКА СТРОЕВОЙ КАЗАЧЬЕЙ ЛОШАДИ.

Глава I.

Введение.

Въ продолженіе трехъ лѣтъ, будучи начальникомъ казачьяго отдѣла Офицерской кавалерійской школы, я преподавалъ ѣзду и выѣздку казачьей лошади подъ казачьимъ сѣдломъ и на уздечкѣ и, съ разрѣшенія начальника школы, читалъ составленный мною курсъ

теоріи казачьей ѣзды и выѣздки строевого казачьяго коня. Мои слушатели не разъ просили меня издать этотъ курсъ для того, чтобы имѣть подъ рукою справки при работѣ въ полкахъ. Я не рискнулъ сдѣлать этого потому, что, выѣзжая лошадей высокихъ кровей, при всѣхъ удобствахъ для работы, какими располагаетъ Офицерская кавалерійская школа, имѣя наѣздниками опытныхъ офицеровъ, я не могъ судить насколько приемы, предлагаемые мною, будутъ примѣнимы тамъ, гдѣ нѣтъ манежей, гдѣ наѣздниками явятся простые казаки, никакихъ пособій не будетъ, самая выѣздка должна вестись съ поразительною быстротою, и въ 4 мѣсяца лошадь должна быть поставлена въ строй, вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ — молодымъ казакомъ.

Провѣривъ теперь выѣздку надъ самымъ неблагопріятнымъ матерьяломъ для этого дѣла въ теченіе двухъ лѣтъ и убѣдившись, что теорія, примѣненная къ тупымъ, неповоротливымъ киргизскимъ лошадямъ, даетъ прекрасные результаты, я рѣшаюсь опубликовать ее, какъ наставленіе для тѣхъ казачьихъ офицеровъ, которые пожелаютъ, *сохранивши въ цѣлости силы коня и не разстроивши его конечностей*, сдѣлать его совкимъ, ловкимъ, смѣлымъ, легко преодолевающимъ барьеры до 1½ аршинной высоты.

Теорія моя не представляетъ ничего новаго для кавалерійской лошади и введена въ «Наставленіе для выѣздки кавалерійской лошади», издан. Офицерской кавалерійской школой въ 1909 г., по основамъ выѣздки, преподаннымъ знаменитымъ наѣздникомъ, покойнымъ Джемсомъ Филлисомъ, примѣненная мною для работы на уздечкѣ, и лишь нѣкоторые отдѣлы — именно работа лошади въ вертикальной плоскости и напрыгиваніе лошади на препятствіе мною взяты изъ основъ выѣздки лошади итальянской кавалерійской школы въ Пинеролѣ, по работамъ знаменитаго наѣздника, графа Каприлли.

Итакъ, для выѣздки казачьей лошади не надо почти ничего казачьяго, ничего того, что вѣками выработали казаки, усмиряя своего непокорнаго степного коня, ничего изъ тѣхъ снарвовъ, которыми пользуются калмыки и киргизы, не слѣзающіе съ лошадей и проводящіе полъ-жизни на лошади, ничего азіатскаго — все европейское. Да — ничего. И умышленно — ничего. Прежде, чѣмъ приступить къ столь отвѣтственной работѣ, какъ созданіе наставленія, прежде, чѣмъ отрѣшиться отъ вѣкового опыта, я бесѣдовалъ со многими казаками, наблюдалъ и изучалъ казачье наѣздничество. И я убѣдился въ томъ, что «приемовъ», строго опредѣленныхъ, выработанныхъ, могущихъ

быть поставленными въ *строую систему, годную для созданія теоріи*, у нихъ нѣтъ. Всякъ молодець на свой образецъ. Рядомъ съ совѣтами пріучать коня силою и изморомъ, «выѣздка», если только это можно назвать выѣздкой строевого коня, идетъ грубо, неровно, съ первыхъ шаговъ на карьерѣ, очень часто разрушаетъ коня и не всегда даетъ одинаковые результаты. Когда казаки, какъ теперь калмыки и киргизы, владѣли табунами, когда лошадь казачья цѣнилась въ десятки рублей—эта выѣздка была возможна. Испортилъ одного коня—бросилъ, пустилъ въ табунъ, у калмыковъ и киргизъ просто отдалъ бы его на маханъ—съѣлъ его, и все; теперь, когда казачья лошадь обходится не въ одну сотню рублей, казаку необходимо дать такую выѣздку лошади, которая въ полной мѣрѣ покрывала бы ему коня, *не портя его*.

Уставъ строевой казачьей службы, часть I, изданіе 1899 года, въ главѣ «о выѣздкѣ казачьяго коня» на стр. 210—236 даетъ совершенно правильныя указанія для работы надъ лошадыю, но (къ сожалѣнію) изложенныя не систематично, написанныя не какъ уставъ или хотя бы руководство, а какъ «совѣты». Указанія эти не вошли въ жизнь и я, прослуживши 24 года въ строю казачьяго полка (имѣя возможность близко познакомиться съ работою донцовъ, терцевъ, кубанцевъ, оренбурцевъ, уральцевъ, сибирцевъ, забайкальцевъ, амурцевъ, уссурійцевъ и семирѣченцевъ, слѣдовательно, 11-ти казачьихъ войскъ), не выдавши работы только одного—Астраханскаго войска, убѣжденно говорю, что «*выѣзкою*» лошадей нигдѣ не занимаются. На лошадяхъ «ѣздить», вотъ и все.

Можетъ быть это правильно?

Мой учитель, покойный Джемсъ Филлисъ, не разъ говорилъ, если ѣздить каждый день, безъ всякой системы, то лошадь настолько привыкаетъ къ человѣку, что становится какъ бы выѣзженной. Извѣстныя снаровки при выѣздкѣ необходимы для того, чтобы сдѣлать лошадь выѣзженной въ извѣстный, кратчайшій срокъ, во-первыхъ, а—во-вторыхъ, чтобы сдѣлаетъ это безъ всякаго вреда для здоровья лошади, безъ надрыва ея силъ, выражающагося въ появленіи наливовъ, растяженій въ суставахъ и сухожиліяхъ, преждевременной слабости ногъ.

Подъ выѣзженной лошадыю мы подразумѣваемъ такую, которая пойдетъ подъ всадникомъ тѣмъ аллюромъ, какимъ всадникъ хочетъ, и туда, куда всадникъ хочетъ. Понятіе о выѣздкѣ исключаетъ возможность «*закидки*». Лошадь можетъ упасть, можетъ свалить пре-

большая часть выѣздки посвящена выработкѣ легкихъ, свободныхъ движеній и мягкаго, ровнаго повода.

Эти данныя (въ связи съ непрерывно идущей работой въ полѣ) и готовятъ казаку черезъ четыре мѣсяца такого коня, котораго въ полной мѣрѣ можно назвать выѣзженнымъ.

Тутъ уже говорить о подѣздкѣ и доѣздкѣ не приходится, періоды скомканы, а потому и свою работу я называлъ *выѣздкой* и разбиваю ее по періодамъ, чисто механически, по недѣлямъ, что, конечно, неправильно, такъ какъ выѣзка лошади, какъ и вообще работа надъ всякимъ живымъ существомъ, не можетъ укладываться ни въ какія математическія рамки. Но «обстоятельства повелѣваютъ»; необходимость закончить работу въ 16 недѣль заставляетъ примириться со многими неудобствами такого дѣленія и гнать выѣздку въ этотъ короткій срокъ.

Однако, практика показала, что результаты, несмотря ни на что, поразительны, а потому я смѣло приступаю къ изложенію своего наставленія....

Глава II.

М а н е ж ъ .

Выѣзжать лошадь можно, какъ въ манежѣ, такъ и непосредственно въ полѣ. Однако, выѣзка лошади въ манежѣ имѣетъ такія громадныя преимущества, что говорить о выѣздкѣ прямо въ полѣ не приходится.

Для того, чтобы работать молодую лошадь прямо въ полѣ, необходимо на каждаго наѣздника, много на двухъ, имѣть опытнаго учителя на старой лошади—возможно ли это? Молодая лошадь въ полѣ развлекается, мѣстные предметы, канавки, кусты, камни, собаки, скотъ—все ее интересуетъ, она мало прислушивается къ тому, что дѣлаетъ съ нею всадникъ, можетъ закинуться, понести, испугавшись, и всаднику придется съ мѣста примѣнить къ ней крутыя мѣры, тянуть за поводъ, быть можетъ даже дергать поводъ. Не говоря про то, что при такой скачкѣ лошадь можетъ получить ушибы, растяженія, засѣчки, она теряетъ сразу довѣріе къ человеку, начинаетъ его бояться и неохотно выполняетъ его требованія.

Напротивъ—въ манежѣ лошадь относится къ уроку съ полнымъ вниманіемъ. Ничто ее не беспокоитъ, ничто не развлекаетъ, она вся—вниманіе къ тому, что дѣлаетъ съ нею всадникъ. Въ манежѣ, во всякое время года, можно поддерживать одинаково мягкій

грунтъ: зимою—снѣгъ, весною и осенью—навозная и соломенная настилки, лѣтомъ—песокъ. Этотъ грунтъ мягкій и ровный, чуть влажный, благотворно вліяетъ на копыта, конечности лошади крѣпнуть на немъ, сухожилія укрѣпляются, сумочныя связки не растягиваются отъ произвольныхъ движеній. Къ лѣту лошадь имѣетъ конечности окрѣпшими и легко переноситъ и полевою ѣзду и строевую работу. Манежъ при сотнѣ, или общій на полкъ, позволяетъ вести ежедневную интенсивную, продолжительную работу въ теченіе 45 минутъ или 1 часа. Поле или совсѣмъ (временами) не позволить работать интенсивно, или, если и позволить, то лишь по прямому направленію, по дорогамъ. Вотъ почему, если мы захотимъ заняться выѣздкой, намъ необходимо имѣть манежъ. Выгоды манежа еще въ томъ, что въ манежѣ на глазахъ одного учителя можетъ одновременно съ пользою для дѣла работать отъ 8 до 12 молодыхъ лошадей—всѣ онѣ на виду, замѣчанія учителя слышны каждому наѣзднику, его поправки видны, урокъ одинъ для всѣхъ.

Всѣ эти соображенія заставляютъ признать, что *манежъ необходимъ для выѣздки* и безъ манежной ѣзды нельзя имѣть лошадь покорную волѣ всадника, мягкую, сильную, ловкую въ полѣ. Но какъ увидимъ дальше, манежъ отнюдь *не исключаетъ поля и служитъ лишь подготовкою къ нему.*

Манежи бываютъ—*закрытые, полузакрытые и открытые.*

Закрытый манежъ это каменная или деревянная постройка съ крышею, со стѣнами, снабженными окнами, иногда съ печами, поддерживающими въ ней всегда одинаковую температуру, позволяющую работать въ легкомъ платьѣ; такой манежъ это роскошь, изнѣживающая и всадника и лошадь, и говорить о немъ не приходится.

Полузакрытый манежъ это площадка отъ 20 на 30, до 40 на 60 саженей по сторонамъ, обнесенная стѣнами отъ 1½ аршинъ до 2 саженей вышиною.

Открытый манежъ—это прямоугольная площадка земли такихъ же размѣровъ, какъ у полузакрытаго манежа, обозначенная по угламъ кольями, шестами, флагами, чучелами, расчищенная отъ снѣга, въ гололедицу посыпанная навозомъ и соломой, очищаемая весною и осенью отъ грязи.

Для уснѣшности той выѣздки, о которой мы будемъ говорить, желательно (однако не необходимо) имѣть манежъ полузакрытый.

Для полузакрытаго манежа слѣдуетъ выбрать прямоугольный

кусокъ двора или учебнаго плаца указанныхъ выше размѣровъ. Не слѣдуетъ стѣсняться ни величиною, ни формою манежа. Нужно стремиться лишь къ тому, чтобы периметръ его (окружность) былъ не меньше 60 сажень—180 шаговъ, а затѣмъ будетъ ли онъ круглый, прямоугольный, квадратный, будетъ ли имѣть форму трапеціи или ромба, не слишкомъ растянутого—это все равно. Нужны стѣнки прямая и достаточно длинная, которыя указывали бы лошади направление и не позволяли сойти съ прямой линіи. Конечно, идеальнымъ манежемъ (по формѣ) будетъ прямоугольный манежъ, короткая сторона котораго равна $\frac{2}{3}$ длинной.

Тамъ, гдѣ для устройства манежа можно воспользоваться уже готовыми заборами, стѣнами зданій, какими либо постройками, старыми валами, этимъ слѣдуетъ пользоваться въ полной мѣрѣ. Самыя стѣнки, дѣлаемые нарочно, должны быть не ниже $1\frac{1}{2}$ аршинъ. Уже полутора аршинная стѣнка даетъ возможность правильно работать лошадь. Но, конечно, высокая стѣнка, вышиною въ 2 сажени, предохранитъ отъ вѣтра, отъ метели, предохранитъ до нѣкоторой степени отъ косога дождя.

Материаломъ для созданія стѣнокъ манежа можетъ быть все, что угодно: снѣгъ, земля, навозъ, хворостяные плетни, соломенные щиты, циновки; жерди, камышь, доски—словомъ, въ зависимости отъ средствъ части, манежъ можетъ быть болѣе или менѣе роскошнымъ.

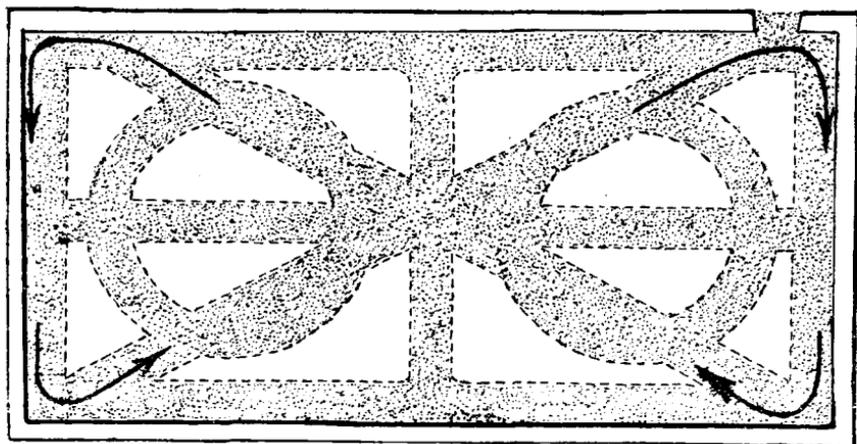
Полю манежа долженъ быть непременно ровнымъ и по возможности мягкимъ. Всѣ камни, пни, корневища должны быть тщательно удалены изъ него, а рѣзкія покатоности и ложбины заровнены. Однако, хорошо, если манежъ будетъ имѣть ровный, еле замѣтный скатъ въ одну сторону; это будетъ способствовать его лучшей и полнѣйшей осушкѣ.

Если грунтъ манежа жесткій, скалистый, твердый, слѣдуетъ свозить на него солому съ навозомъ и ровно разбрасывать по нему; сначала образовавъ мягкія дорожки въ сажень шириною вокругъ его стѣнъ, потомъ провести діагонали, поперечники, а затѣмъ засыпать и все пространство манежа, чтобы образовалась мягкая подушка (см. рис. № 1).

Если грунтъ сырой, болотистый, съ торфянымъ основаніемъ, придется окопать манежъ канавами, устроить стоки воды, быть можетъ, даже проложить деревянныя трубы дренажа.

При сыпучемъ песчаномъ грунтѣ придется укрѣпить песокъ навозомъ съ соломою, связать его, сдѣлать болѣе упругимъ.

Рис. № 1.

Масштабъ 10 саж въ дюймъ.

10 8 6 4 2 0 10 саж.

Планъ манежа съ насыпанными изъ навоза дорожками.

За поломъ манежа нужно постоянно слѣдить. Послѣ дождей выметать воду, сгоняя ее въ сточныя канавы, излишній снѣгъ вывозить, при гололедицѣ насыпать навозъ, въ оттепель убирать этотъ навозъ, переворачивать его, наконецъ, снимать совсѣмъ, чтобы не было грязи. Если постоянно внимательно слѣдить за манежемъ, то не потребуется ни много рабочихъ, ни много работы: часъ въ день — и два казака очередныхъ могутъ держать манежъ въ порядкѣ. Если запустить манежъ — понадобится нарядъ цѣлой сотни на всѣ послѣобѣденныя занятія цѣлаго дня.

Въ манежѣ должны быть ворота, одни или двое, шириною одни — полторы сажени для ввода и вывода смѣны.

Кромѣ манежа, для выѣздки потребуются *корды, бичи и палочки*.

Подъ *кордою* разумѣется тесемочная или веревочная возжа длиною 10 аршинъ съ петлею на одномъ концѣ и крючкомъ (или пряжкой съ ремнемъ) для пристегиванія на другомъ. Предвидя замѣчанія, что въ казачьихъ полкахъ кордъ нѣтъ и отпуска денегъ на нихъ не положено, замѣнимъ ихъ прямо фуражными арканами, связывая ихъ по два, и мы получимъ корды для прогонки лошадей.

Бичъ можетъ быть также свободно сдѣланъ каждымъ казакомъ изъ гибкаго, 2½—3 аршина длиною, кнутовища и ременнаго кну-

тика, которымъ можно было бы щелкнуть или послать лошадь, а также наказать неповинующуюся.

Наконецъ, первое время каждому наѣзднику необходимо имѣть *палочку въ 1 аршинъ 4 вершка длиною*, подобную стеку или хлысту, для приученія лошади къ шенкелю.

Вотъ и всѣ снасти, необходимыя для выѣздки молодой лошади—манежъ, корда, бичъ и палочка.

Все это не должно быть новымъ для казака, потому что на стр. 215 «Устава строевой казачьей службы 1899 года» значится:

...«Существенно важно не давать коню застаиваться и лучше всего брать его въ поводу на проѣздку съ выѣзженной лошадейю или гонять его по кругу, на арканѣ-кордѣ, сажени три длиною.

«Гоняя коня по кругу, не давать ему поблажекъ, но не раздражать его и не утомлять. Надо, чтобы онъ охотно подавался по направленію, данному ему, чтобы кругъ былъ на всю длину аркана отъ руки стоящаго въ серединѣ круга до коня, бѣжалъ бы конь неторопливо и, постепенно приучаясь къ удилу, охотно держалъ бы его на языкѣ...

...«Пока конь не научился мѣрно бѣжать по кругу, полезно гонять его вдвоемъ: одинъ стоитъ въ серединѣ круга, а другой ходитъ за арканомъ въ серединѣ его, между человѣкомъ и конемъ, подгоняя его арапникомъ или бичемъ»....

Изъ этой выдержки видно, что и самый уставъ нашъ предусматриваетъ выѣздку молодой лошади и, какъ пособіе этой выѣздки, считаетъ полезнымъ гонять коня на кордѣ.

Ниже мы опишемъ какое громадное значеніе имѣетъ при выѣздкѣ молодой лошади корда и бичъ, и всякій, кто провѣритъ это на опытѣ, убѣдится въ томъ, что терпѣливая и внимательная работа на кордѣ окупается сторицею во время работы лошади подъ всадникомъ.

Глава III.

Сущность выѣздки молодой лошади. Воспитаніе и гимнастика. Душа и тѣло.

Выѣзка строевой казачьей лошади состоитъ: а) изъ воспитанія ея (хотите, назовите это дрессировкой);

б) изъ подготовки ея мускуловъ для принятія на себя всадника и выработки широкихъ, свободныхъ движеній подъ всадникомъ (уравновѣшиваніе лошади);

в) изъ выработки мягкаго повода и полной покорности волѣ всадника—какъ результата воспитанія (работа надъ душою лошади, ея интеллектомъ) и подготовки мускуловъ (работа надъ тѣломъ—гимнастика пассивная и активная, которую мы заставляемъ дѣлать лошадь).

а) *Воспитаніе лошади.*

Умное или глупое животное лошадь—это по существу вопросъ совершенно праздный. Какъ всякое животное, какъ, наконецъ, человѣкъ, лошадь можетъ быть и умная и глупая. Есть тупыя, лѣнивыя лошади, которыя невнимательны къ вашему уроку, и есть лошади, которыя и глазами и ушами и всѣмъ видомъ своимъ показываютъ стремленіе угадать ваше желаніе. Научившись двумъ, тремъ новымъ для нея движеніямъ, эта лошадь, когда вы ей показываете четвертое, ей незнакомое, передѣлаетъ всѣ три и смотреть на васъ и какъ бы ждетъ похвалы и недоумѣваетъ, чего вы хотите? Развѣ и дѣти не такія же? Есть лошади понятливыя, съ полуслова понимающія ваши требованія, и есть лошади глупыя. Одно дознано точно: лошадь животное, обладающее памятью, во-первыхъ, и, во-вторыхъ, лошадь животное, цѣнящее ласку человѣка, понимающее его похлопываніе по шеѣ и по щекамъ, какъ поощреніе, и понимающее голосъ человѣка. Не слова—нѣтъ, а интонацію голоса. Говорите ласковыя слова жесткимъ, сердитымъ голосомъ и лошадь будетъ пугаться и обратно, браните лошадь ласковымъ голосомъ и она приметъ брань за похвалу.

Память, любовь къ ласкѣ человѣка и пониманіе тона его голоса—вотъ то, чѣмъ долженъ пользоваться человѣкъ при воспитаніи лошади. Лошадь любитъ холу, чистку, кормъ, но свободу и движеніе любитъ больше этого. Она привязывается къ вѣстовому, который кормитъ и чиститъ ее, но еще больше она привязывается къ наѣзднику, къ хозяину, который ѣздитъ на ней. Онъ покоришь ея волю, плѣнилъ ея умъ, и она преданная раба его. Не нужно быть въ этомъ отношеніи сантиментальнымъ. Лошадь лижетъ ваши руки не потому, что она любитъ васъ и тѣмъ выражаетъ вамъ свою любовь, а потому, что ваши руки сохранили сладость сахара, который вы держали, потому что потъ вашихъ рукъ слегка солонать. Надушите вашу руку уксусомъ, и лошадь долго не подойдетъ къ вашей рукѣ. Будетъ бояться ея. Лошадь не знаетъ вашего вида, не сумѣетъ распознать васъ въ толпѣ другихъ людей и будетъ подходить къ чужимъ; но позовите ее «своимъ» голосомъ и она придетъ на зовъ—она знаетъ вашъ голосъ, но не знаетъ васъ.

Мои лошади знаютъ звукъ моихъ шаговъ и ржутъ, когда я прохожу по двору. Но, если я стою среди другихъ людей и онѣ пущены ко мнѣ, онѣ подходятъ къ постороннимъ и довърчиво нюхаютъ имъ руки.

Значить, безъ голоса, молча, не слѣдуетъ выѣзжать лошадь. Съ лошадью надо говорить, лаская ее за повиновеніе и браня за протесты, мѣняя не слова, а интонацію голоса.

Джемсъ Филлисъ при выѣздѣ говорилъ одно слово— «ай бравъ» (ай, bravo) и, подражая ему, въ Офицерской кавалерійской школѣ и офицеры и наѣзники-солдаты говорятъ это «ай бравъ»; оно имѣетъ интонацію ласки и лошади его понимаютъ.

Мы сказали: лошадь цѣнить и любить человѣка, дающаго ей холу и кормъ, но болѣе того цѣнить и любить человѣка, который ѣздитъ на ней; если же наѣзникъ въ одно и тоже время и конюхъ— лошадь ему покоряется вполнѣ; вотъ почему въ Офицерской кавалерійской школѣ ремонтъ, работанный солдатами, за рѣдкимъ исключеніемъ, лучше выѣзженъ, нежели ремонтъ, работанный офицерами, хотя офицеры, какъ наѣзники, много выше солдатъ.

Сказывается сила воспитанія, привычка лошади къ человѣку.

Какихъ же великолѣпныхъ результатовъ можно достигнуть казачу, обладателю «доморощенной» лошади? И мы эти чудеса дрессировки видимъ нерѣдко у казаковъ во время джигитовки, когда лошадь покорно ложится по приказанію, когда, во время нагибанія къ землѣ, темповъ, «вертуновъ», лошадь покорно идетъ, всѣми силами помогая своему хозяину.

Итакъ память, пониманіе голоса, чувство и любовь къ ласкѣ— вотъ тѣ основанія воздѣйствія на лошадь, которыя должны лечь во всю выѣздку. Одного и того же движенія надлежитъ требовать одними и тѣми же приемами, строго уставными. На выѣзженной такимъ образомъ лошади побѣдетъ всякій, обученный ѣздѣ. За всякое повиновеніе—ласка, похлопываніе по шеѣ, ласковое слово; за непсполненіе вашей воли—наказаніе, и тѣмъ болѣе суровое, чѣмъ упряме отказывается лошадь выполнить вашу волю.

Въ жизни часто видишь наоборотъ. Лошадь горячится, пляшетъ, танцуетъ, отдѣляется отъ повода, несетъ, а всадникъ говоритъ ей ласковыя слова, хлопаетъ по шеѣ. Онъ ласкаетъ лошадь, и лошадь, съ ея памятью, запоминаетъ: когда она горячится, когда несетъ—ее гладятъ, значить, чтобы получить ласку человѣка, надо горячиться, носить; такая лошадь спокойно никогда не будетъ. Накажите ее ударомъ шенкелей, нагайки, легкимъ цукомъ и, когда она хотя три шага сдѣлаетъ спокойно, шагомъ, огладьте ее, при-

ласкайте, и лошадь запомнить это. Въ три, четыре урока лошадь ваша станетъ спокойной (особенно молодая).

Такъ и во все время выѣздки: наказаніе немедленно во время непослушанія; ласка, когда исполнена ваша воля. Лошадь бьетъ задомъ. Ударьте бичомъ въ то мгновеніе, когда ея заднія ноги на воздухъ,—она пойметъ, но ударьте секундою позже, и лошадь будетъ недоумѣвать, за что получила наказаніе.

Весь смыслъ выѣздки въ быстрой ласкѣ за покорность и такомъ же наказаніи за протестъ. Только тогда выѣздка будетъ, такъ сказать, одухотворенная, достигнетъ своей цѣли.

При выработкѣ строевого казачьяго коня, громадное значеніе имѣетъ *кормъ*. Кормъ, по возможности, долженъ быть всегда равномерно даваемъ. Старый обычай осенней закормки лошадей и весенняго голоданія на травѣ, которой нѣтъ, не выдерживаетъ критики. Правильно будетъ развиваться та лошадь, которая будетъ всегда получать одинаковую дачу: повышаемую во время усиленной работы.

Нормальная дача армейской казачьей лошади заключается въ 10 фунтахъ 30 золотникахъ овса, 10 фунтахъ сѣна и 4 фунтахъ соломы. Тамъ, гдѣ эта дача полагается на 12 мѣсяцевъ, съ нею можно держать лошадей въ большомъ порядкѣ.

Молодая лошадь, прибывшая изъ табуна, совсѣмъ, не ѣвшая или мало ѣвшая овесъ, первое время отказывается отъ него, ѣсть неохотно, и усиленное питаніе ея овсомъ не только не принесетъ ей пользы, но, напротивъ, повредитъ ей. Вотъ почему лошадямъ молодыхъ казаковъ, особенно молодымъ, слѣдуетъ овсяную дачу давать постепенно, начавъ съ 4—6 фунтовъ, и, по мѣрѣ вытягиванія лошади въ работу, довести ее, примѣрно къ концу 3-й недѣли, до 10 фунтовъ. вмѣсто овса хорошо давать первое время больше сѣна: такъ—дачу сѣна начать съ 15 фунтовъ и постепенно уменьшить до 10 фунтовъ.

При нашей малой дачѣ овса слѣдуетъ зимою, когда работа лошади не превышаетъ 1—1½ часа въ день, давать 10 фунтовъ овса. сберегая 30 золотниковъ на лѣто, чтобы въ періодъ сотенныхъ и полковыхъ сборовъ довести дачу до 12 фунтовъ овса, а если 3-й отдѣлъ хозяйственной суммы, благодаря выгодной закупкѣ фуража. позволить, то на время маневровъ довести дачу до 13—14 фунтовъ. При этой дачѣ наша казачья лошадь можетъ дѣлать ежедневные переходы въ 60—80 верстъ, проходить полевымъ галопомъ 6—7 верстъ, атаковать съ пыломъ, и не потеряетъ рабочаго тѣла.

Въ болѣе тяжеломъ положеніи находятся тѣ казачьи части, ко-

торыя живутъ по архаическому закону, получаютъ сухой фуражъ на 10 мѣсяцевъ, а два мѣсяца, обыкновенно самыхъ рабочихъ, въ лагерное время, пасутся въ табунѣ. Хорошихъ пастбищъ обычно не бываетъ, и лошадей переводятъ на 15 фунтовъ сѣна. Этотъ двухмѣсячный постъ такъ выбиваетъ лошадей изъ силъ, что онѣ теряютъ всякую работоспособность, а по вѣшнему виду становятся похожими на конскіе скелеты, обваленные шерстью.

Принявъ часть, именно такъ обиженную судьбою, и лошадей слабосильныхъ и вялыхъ, я перевелъ ихъ на дачу 9 фунтовъ овса, вмѣсто полагавшихся 10 фунтовъ 30 золотниковъ, но давалъ эти 9 фунтовъ круглый годъ, т. е. и тѣ два мѣсяца, на которые отпуска овса отъ интендантства не положено. Результаты получились прекрасные. Лошади весь годъ были работоспособны и въ сравнительно хорошихъ тѣлахъ. Обрастанія шерстью, повальной слабости, паденія на ученьяхъ не замѣчалось. Вотъ почему желательно было бы, чтобы овесъ давали круглый годъ.

Дача овса должна быть разбита на три дачки. Въ нѣкоторыхъ частяхъ, въ видахъ экономіи времени, зерновой фуражъ выдаютъ два раза въ день. Это неправильно. Лошадь не успѣваетъ переварить его, не усваиваетъ питательныхъ веществъ и лишь перегружается кормомъ. Наиболѣе правильная раскладка 10 фунтовой дачи зерна будетъ слѣдующая: утромъ 3 фунта, за часъ, или за два до утренней работы; днемъ, послѣ ѣзды, черезъ 3 часа—3 фунта и на ночь 4 фунта. Можно давать утромъ 2 фунта и днемъ и вечеромъ по 4, но отнюдь не наоборотъ.

Въ нѣкоторыхъ казачьихъ частяхъ, расположенныхъ на югѣ, вмѣсто овса выдается ячмень. Опытъ показываетъ, что ячмень менѣе питателенъ, нежели овесъ, трудно усваивается, а ячмень поливныхъ полей Средней Азіи настолько грубъ и жестокъ, что совершенно не переваривается лошадьми и выбрасывается въ цѣломъ видѣ. Кромѣ того лошадь, стоящая на такомъ ячменѣ, имѣетъ плохую шерсть, всегда вяла и невынослива. Ячмень часто вызываетъ у лошадей колики, нерѣдко со смертельнымъ исходомъ. Вотъ почему всѣми силами нужно стремиться, чтобы кормленія ячменемъ не было. Если же добиться этого нельзя, слѣдуетъ давать ячмень непременно въ дробленомъ видѣ и малыми дозами, не болѣе 3-хъ фунтовъ заразъ.

Дача сѣна, въ особенности молодымъ лошадямъ, должна производиться маленькими дачками въ теченіе цѣлаго дня. Степная лошадь, бродившая дни и ночи въ табунѣ, привыкла кормиться непрерывно, пощипывая травку. Не имѣя передъ собою постоянно

корма, она скучаетъ, начинаетъ грызть ясли, хвататься за нихъ и за стѣны зубами, потомъ глотать воздухъ. Это обращается въ привычку, является прикуска, неприятная сама по себѣ и влекущая за собою и болѣе тяжкія заболѣванія и пороки.

Въ первичномъ своемъ развитіи прикуска—это только дурная привычка, подобная куренію у человѣка, но тѣмъ не менѣе зубы портитъ, неправильно стачиваетъ, а впослѣдствіи становится и со-всѣмъ неприятной. Лучшимъ средствомъ излѣчить отъ прикуски является именно постоянное развлеченіе лошади сѣномъ и пребываніе ея возможно больше времени на свѣжемъ воздухѣ.

Движеніе, свѣжій воздухъ, солнечный свѣтъ составляютъ столь же важныя условія для здоровья и развитія силъ лошади, какъ и кормъ. «Наставленіе для выѣздки кавалерійской лошади» рекомендуетъ «производить движеніе лошадямъ ежедневно, избѣгать, по возможности, темныхъ конюшенъ, обращая тщательное вниманіе на ихъ провѣтриваніе» (§ 35). Но, кромѣ этого, всѣмъ казачьимъ частямъ, имѣющимъ теплыя крытыя конюшни, рекомендуемъ уборку лошадей во всякое время года и при всякой погодѣ производить на воздухѣ, на коновязи, и, кромѣ того, днемъ, особенно въ солнечные дни, держать лошадей отъ обѣденной до вечерней уборки на денной коновязи на воздухѣ. За это время успѣетъ просохнуть подстилка и провѣтриться конюшня, и лошадь по приходѣ съ мороза охотно ляжетъ. А лежать молодой лошади весьма полезно.

Задавая какой бы то ни было кормъ, казакъ долженъ говорить съ лошадыю, чтобы лошадь приучалась къ его голосу и приучалась узнавать его. Полезно, при обученіи чему-либо трудному для лошади, имѣть торбу съ овсомъ или кусокъ хлѣба, чтобы сейчасъ же, по исполненіи лошадыю того, что отъ нея требуютъ, наградить ее за послушаніе и стараніе. Въ этомъ постоянномъ вниманіи къ лошади, заботливомъ кормѣ лошади и состоитъ ея воспитаніе. Параллельно съ воспитаніемъ идетъ выработка мускулатуры лошади, для чего ее ежедневно работаютъ. Но прежде, чѣмъ говорить объ этой работѣ надъ лошадыю, необходимо сказать нѣсколько словъ о равновѣсіи лошади.

П. Красновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Э Л Е Г И Я.

Въ небесахъ умирающимъ лѣтомъ не найдешь ты былой красоты—
И въ разбитомъ измученномъ сердцѣ не воскреснуть былыя мечты.
Пролетѣло то время, какъ птица, стало мрачно и сыро кругомъ.
Милый другъ, пожелтѣлые листья—это память о блескѣ быломъ...

* * *

На поляхъ опустѣлыхъ не сыщешь прежнихъ яркихъ и пестрыхъ
цвѣтовъ,
И въ душѣ только отзвукъ остался отъ забытыхъ, непонятыхъ
словъ.
Все прошло, что такъ дорого было этой ранней роскошной весной...
Милый другъ, посмотри этотъ дождикъ—слезы неба надъ бѣдной
землей!

* * *

Пусть же вѣтеръ холодный гуляетъ, на широкомъ просторѣ
шумить.
Никогда и никто не узнаетъ, что разбитое сердце таить.
Никогда... это странное слово—символь близкаго вѣчнаго сна...
Милый другъ, жизнь назадъ не вернется, какъ вернется обратно
весна.

Г. Усачевъ.

Кадетскіе корпуса, ихъ невзгоды и нужды.

(Окончаніе) ¹⁾.

Баталіонный командиръ. Военное освѣдомленіе кадетъ требуетъ отъ руководителя широкаго знакомства съ военной специальностью, пріобрѣтеннаго не однимъ чтеніемъ учебниковъ; хорошаго дара слова и полнаго знакомства съ жизнью кадетскихъ корпусовъ; нуженъ человекъ со здоровыми нервами, благовоспитанный и тактичный. Задача руководителя военной подготовкой кадетъ включаетъ организацію и постановку дѣла, подыскиваніе и указаніе офицерамъ-воспитателямъ необходимыхъ имъ матеріаловъ, корректуру дѣятельности лицъ исполнительнаго состава и поддержаніе его строевой свѣжести. Въ кругъ обязанностей этого лица войдутъ сверхъ того и непосредственные шаги на поприщѣ педагогической работы; мы подразумѣваемъ тѣ сообщенія на военные темы, которыя ему предстояло бы предлагать старшимъ кадетамъ.

При всемъ уваженіи къ компетентности въ педагогической области и добросовѣстному труду корпусныхъ ротныхъ командировъ мы принуждены сказать, что для указанной роли они не могутъ оказаться достаточно подготовленными, и авторитетность ихъ не достигла бы поэтому необходимой полноты. Въ кадетскихъ корпусахъ слѣдуетъ учредить должности баталіонныхъ командировъ.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 8.

На эти мѣста надлежитъ назначать отличныхъ штабъ-офицеровъ генеральнаго штаба, засвидѣтельствовавшихъ свою склонность къ педагогическому дѣлу и ознакомившихся съ его ходомъ въ кадетскихъ корпусахъ, путемъ прикомандированія къ одному изъ нихъ на срокъ не менѣе одного года. Такіе баталіонные командиры наладятъ военное освѣдомленіе кадетъ настолько, что надлежащая подготовленность воспитанниковъ къ переходу въ военныя училища станетъ дѣломъ, а не словомъ, какъ теперь.

Завѣдывающій хозяйственной частью. Мы останавливались уже на сложности обязанностей директора корпуса, обремененнаго прежде всего множествомъ заботъ по хозяйству и канцеляріи. Все это до крайности сокращаетъ время, которое начальникъ заведенія долженъ бы посвящать центральной своей задачѣ — воспитанію кадетъ, очень широкой области, требующей разнообразной и напряженной работы. Если директоръ ограничивается раздачей педагогическихъ указаній, дѣятельность его оставляетъ едва замѣтные слѣды; онъ не только инстанція, разрѣшающая сомнѣнія, столкновения и пререканія; болѣе важное значеніе имѣетъ его непосредственное участіе въ воспитаніи всей массы и отдѣльныхъ воспитанниковъ, въ изслѣдованіи сложныхъ случаевъ, ставящихъ такія затрудненія, которыя превышаютъ средства и авторитетъ офицера-воспитателя; тутъ нерѣдко бываетъ, что только личное участіе директора обнаруживаетъ плотно прикрытую правду и приводитъ къ педагогически правильному разрѣшенію вопроса.

Къ директору зачастую приходятъ родители питомцевъ заведенія подѣлиться серьезными, иногда ужасными, данными, касающимися ихъ дѣтей; къ нему же нерѣдко и кадеты несутъ свою бѣду и ищутъ у него помощи въ борьбѣ съ мрачными настроеніями, гнетущими юношескую душу. Вотъ для чего особенно необходимъ директоръ; здѣсь центръ значенія его, здѣсь можетъ сказаться сила его, здѣсь же лежатъ причины, обязывающія директора напрягать пристальную внимательность, сохранять ледяное самообладаніе и самоотверженно расходовать свои нервы, не щадя времени.

Нельзя требовать, чтобы директоръ корпуса, оставаясь въ высокой мѣрѣ педагогомъ, въ то же время являлся бдительнымъ интендантомъ и канцелярскимъ чиновникомъ; нельзя безнаказно размѣнивать человѣческую душу на множество монетъ самаго разнообразнаго значенія. Чтобы создать директору возможность выполнить свою трудную роль начальника и руководителя ввѣреннаго ему большого дѣла, необходимо дать ему въ помощь завѣдующаго

хозяйственной частью, который вмѣстѣ съ тѣмъ велъ бы и часть переписки, неимѣющей распорядительнаго или педагогическаго характера.

Упраздненіе должности ротнаго командира. Учрежденіе должности баталіоннаго командира и завѣдывающаго хозяйственной частью совершенно устранило бы основанія для сохраненія въ корпусахъ должностей ротныхъ командировъ и чрезвычайно упростило бы рѣшеніе вопроса о распредѣленіи обязанностей, исполняемыхъ теперь командирами ротъ. Помимо педагогическихъ функцій, о которыхъ уже было говорено, эти обязанности слагаются изъ командованія собранною ротой, дежурства по корпусу, завѣдыванія ротнымъ имуществомъ и участія въ дѣятельности хозяйственнаго комитета заведенія.

Командованіе ротой на ученьяхъ и во время военныхъ прогулокъ безъ всякихъ затрудненій можетъ быть возложено на старшаго въ ротѣ офицера-воспитателя, замѣняющаго и теперь отсутствующаго ротнаго командира.

Обязанность дежурнаго присутствовать при сборѣ всего корпуса во время завтрака и обѣда и въ немногихъ другихъ случаяхъ перейдетъ по принадлежности къ баталіонному командиру. Наконецъ, дежурный по корпусу разъ или два обходить ночью помещенія; такіе обходы могли бы поочередно дѣлать баталіонный командиръ, завѣдывающій хозяйственной частью, помощникъ инспектора классовъ, лазаретный и два запасныхъ офицера-воспитателя, оба корпусныхъ врача и смотритель зданій.

Что касается завѣдыванія ротнымъ имуществомъ, то надо сказать, что если существующій порядокъ будетъ уничтоженъ, это окажется только выгоднымъ. Чтобы сдѣлать это совершенно очевиднымъ, достаточно въ самыхъ краткихъ чертахъ пояснить, кто въ сущности блюдетъ корпусное имущество, временно остающееся въ вѣдѣніи ротныхъ командировъ. Книги и классныя принадлежности находятся на отвѣтственности помощника инспектора классовъ, который ихъ пріобрѣтаетъ, заботится объ ихъ исправности и ведетъ имъ учетъ. Въ началѣ года необходимыя для роты учебныя пособія принимаются яко бы ротными командирами и передаются ими офицерамъ-воспитателямъ для раздачи кадетамъ, а по окончаніи года обратнымъ путемъ сдаются опять помощнику инспектора классовъ. Участіе ротнаго командира сводится, собственно говоря, къ распискѣ въ двухъ мѣстахъ книги класснаго имущества, остальное исполняютъ офицеры-воспитатели; почему бы не поручить имъ расписываться

и въ книгахъ? Сказанное пришлось бы повторить и относительно ротной мебели; только о завѣдываніи кадетскимъ платьемъ приходится сдѣлать отдѣльное замѣчаніе.

Во времена военныхъ гимназій заготовленіе, учетъ, чистка и исправленіе платья, какъ и бѣлья, составляли заботу завѣдывающаго обмундированіемъ, на которомъ лежала и пригонка воспитанникамъ обмундировки въ присутствіи воспитателей. Всѣ вещи находились въ однѣхъ рукахъ и въ необходимомъ количествѣ хранились въ возрастахъ (теперь роты), подъ надзоромъ каптенармусовъ. Дѣло устроено было удобно и гибко, такъ что, если въ одномъ изъ возрастовъ оказывался недочетъ или излишекъ въ какихъ-либо предметахъ, передвиженіе имущества производилось просто и быстро. Съ преобразованиемъ военныхъ гимназій въ корпуса, почему-то потребовалось изувѣчить описанный порядокъ попеченія о кадетскихъ вещахъ: вещи, которыя попали въ роты, поступаютъ теперь въ завѣдываніе ротнаго командира, принявшаго начальствованіе и надъ каптенармусомъ, и надъ пригонкою платья. Понятно, что отъ такой реформы кадетское обмундированіе ничего не выиграло и, хотя каждый ротный командиръ находитъ интересъ въ кадетскихъ вещахъ, однако этотъ интересъ меньше всего является почвою для объединенія стремленій командировъ ротъ. Неудивительно поэтому, что директору корпуса нерѣдко приходится посвящать вниманіе возникающимъ въ этой области вопросамъ и конфликтамъ, а передача предметовъ, ненужныхъ одной ротѣ, въ ту, которая въ нихъ ощущаетъ недочетъ, не можетъ обойтись безъ усилій начальника заведенія. Намъ всегда представлялось очевиднымъ, что завѣдываніе ротнымъ имуществомъ было возложено на ротныхъ командировъ ради воображаемой послѣдовательности преобразовательныхъ мѣръ, но ни нужды, ни пользы въ этомъ не оказывалось. Въ видахъ несомнѣнной выгоды для дѣла, все имущество непрерывно должно оставаться въ вѣдѣніи тѣхъ лицъ, которыя, подъ руководствомъ завѣдывающаго хозяйственной частью корпуса, фактически будутъ имъ заниматься.

Остается упомянуть, что ротные командиры состоятъ членами хозяйственнаго комитета заведенія и каждый изъ нихъ свидѣтельствуетъ доброкачественность предметовъ, заготавливаемыхъ по одной изъ отраслей хозяйства, и удостовѣряетъ негодность бракуемыхъ вещей. Эти занятія составляютъ прямыя обязанности завѣдывающаго хозяйственной частью и, конечно, послѣдній будетъ имѣть возможность съ лучшимъ успѣхомъ исполнять ихъ.

Такимъ образомъ, упраздненіе должностей ротныхъ командировъ, при учрежденіи должностей баталіоннаго командира и завѣдывающаго хозяйственной частью, будетъ имѣть единственную отрицательную сторону въ томъ, что число членовъ хозяйственнаго комитета уменьшится на двѣ единицы; но такое послѣдствіе, очевидно, не окажетъ сколько нибудь ощутительнаго вліянія на интересы кадетскихъ корпусовъ.

XIII.

Выдвигая мысль о желательности упраздненія должностей ротныхъ командировъ въ кадетскихъ корпусахъ, мы замѣтили, что мѣра эта нарушаетъ нѣкоторые частные интересы. Мы подразумѣвали при этомъ преимущественно интересы офицеровъ-воспитателей, для которыхъ возможность стать командиромъ роты составляетъ единственную перспективу служебнаго успѣха. Мы не преминемъ вслѣдъ за симъ удѣлить вниманіе этому важному обстоятельству, но предварительно изложимъ схему того способа, какимъ, по нашему мнѣнію, надлежало бы комплектовать воспитательскій составъ кадетскихъ корпусовъ.

Успѣшная работа офицера-воспитателя имѣетъ огромное значеніе для арміи, и на эту должность необходимо брать лучшихъ людей изъ строя. Нельзя при этомъ надѣяться, чтобы способный офицеръ, цѣнимый за свой отличный трудъ въ строю и знающій себя цѣну, пренебрегъ выгодами строевой карьеры и только во имя высшей пользы отдалъ себя тяжелой педагогической дѣятельности; необходимо, чтобы она сулила ему реальныя преимущества. Напрасно поджидать на воспитательскія мѣста полуангеловъ въ образѣ офицеровъ, пламенѣющихъ въ порывахъ фанатическаго самопожертвованія; надо довольствоваться способными земными созданіями, надо обставить ихъ педагогическую службу благами земной, а не загробной жизни. Человѣкъ ищетъ гдѣ лучше; еще незабвенный Суворовъ и самъ не довольствовался ролью и положеніемъ сержанта, и другимъ заповѣдалъ не толочься на мѣстѣ, а стремиться впередъ. Службу офицера-воспитателя слѣдуетъ оплачивать лучше, чѣмъ службу строевого офицера. Но въ такомъ случаѣ обязательно съ серьезной тщательностью готовить избираемыхъ на воспитательскія должности кандидатовъ, давать имъ мѣста послѣ убѣдительной провѣрки ихъ пригодности и, отбросивъ филантропическую мечтательность, всецѣло предавать ихъ военно-педагогической дѣятельности, уничтоживъ всякую похотливость къ возвращенію въ строй.

Воспитательскіе кандидаты. Избраніе лучшихъ строевыхъ офицеровъ для служебнаго испытанія на должность офицера-воспитателя можно было бы предоставить и директорамъ корпусовъ, и строевымъ начальникамъ подъ строжайшей отвѣтственностью начальниковъ дивизій. Выборъ можетъ падать только на тѣхъ, кто прослужилъ въ строю не менѣе пяти лѣтъ, состоитъ въ чинѣ не выше штабсъ-капитана арміи и, при безупречныхъ нравственныхъ качествахъ, обладаетъ хорошимъ здоровьемъ и не имѣетъ внѣшнихъ недостатковъ. Намѣченныхъ офицеровъ надлежитъ на два года прикомандировывать (съ сохраненіемъ всего полагающагося имъ въ строю довольствія) къ кадетскимъ корпусамъ, къ каждому корпусу по два человѣка. Если испытуемый офицеръ въ теченіе указаннаго срока не обнаружитъ своей пригодности или откажется отъ намѣренія посвятить себя педагогической карьерѣ, онъ возвращается въ свою часть; въ иномъ случаѣ онъ подлежитъ отправленію на воспитательскіе курсы (для теоретической подготовки) и зачисляется въ списокъ воспитательскихъ кандидатовъ. Послѣ успѣшнаго окончанія курсовъ, воспитательскій кандидатъ, отбывъ лагерный сборъ въ своей части, возвращается, уже въ качествѣ и. д. запаснаго офицера-воспитателя, въ тотъ корпусъ, гдѣ онъ подвергался испытанію.

Очерченная схема даетъ возможность создать достаточный контингентъ подготовленныхъ замѣстителей воспитательскихъ должностей и уничтожить нынѣ существующій безобразный порядокъ (если, впрочемъ, такой терминъ можетъ тутъ быть умѣстенъ), при которомъ педагогъ-новичекъ, совершенно еще незнакомый съ дѣломъ, явившись въ корпусъ, иной разъ немедленно вступаетъ въ исполненіе отвѣтственныхъ обязанностей воспитателя, съ которыми попутно и знакомится.

Обратимся теперь къ вопросу о выгодахъ воспитательской службы. Центръ преимуществъ педагогической службы долженъ заключаться въ степени матеріальной обезпеченности и затѣмъ уже можетъ касаться и чинопроизводства. Основное содержаніе воспитателя достаточно опредѣлить въ 1.500 рублей въ годъ при казенной квартирѣ съ отопленіемъ; черезъ каждые четыре года службы слѣдуютъ прибавки по 250 рублей въ годъ, и, по полученіи четвертой прибавки, офицеръ-воспитатель остается въ должности не долѣе пяти лѣтъ. Полная пенсія въ размѣрѣ 80% получаемаго на службѣ содержанія жалуется только при отставкѣ, за 25 лѣтъ учебной службы, по существующему теперь расчету.

Въ каждомъ кадетскомъ корпусѣ тремъ старшимъ по службѣ

воспитателямъ необходимо сверхъ того компенсировать утрату возможности повышенія въ должность ротнаго командира; это можетъ быть достигнуто увеличеніемъ содержанія прибавкою по 400 рублей въ годъ. Мы ограничиваемъ число такихъ воспитателей тремя, по тѣмъ соображеніямъ, что, если будетъ учреждена должность завѣдывающаго хозяйственной частью, замѣщать ее будутъ кандидаты изъ числа старшихъ воспитателей, такъ что въ сущности исключаются только три должности, доставляющія офицерамъ-воспитателямъ возможность служебнаго повышенія.

По отношенію къ чинопроизводству намъ думается, что до штабъ-офицерскаго чина повышенія должны слѣдовать черезъ каждые два года, какъ и въ настоящее время. Производить капитановъ въ подполковники надлежало бы по выслугѣ четырехъ лѣтъ, независимо отъ какого бы то ни было процентнаго соотношенія штабъ и оберъ-офицерскихъ чиновъ.

Нельзя обойти молчаніемъ, что упраздненіе должностей ротныхъ командировъ тягостно отразится на матеріальномъ положеніи лицъ, уже занимающихъ эти мѣста. Было бы безчеловѣчной несправедливостью пренебречь интересами людей, отдавшихъ дѣлу свой добросовѣстный и усердный трудъ, истощившій ихъ силы. У насъ, къ несчастью, не очень стѣсняются такимъ пренебреженіемъ, когда дѣло касается авторитетовъ скромной величины; это грубая ошибка: отсутствіе въ служащихъ увѣренности въ безопасности завтрашняго дня подрываетъ ихъ довѣріе и уваженіе къ поставленнымъ надъ ними властямъ и лишаетъ тружениковъ душевнаго спокойствія и энергіи.

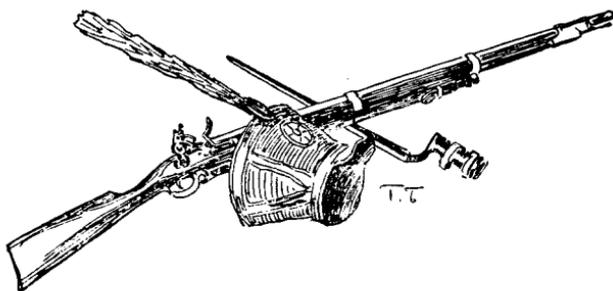
Въ заключеніе сказаннаго нами по поводу упраздненія должностей ротныхъ командировъ и учрежденія въ кадетскихъ корпусахъ должностей баталіоннаго командира и завѣдывающаго хозяйственной частью, нелишнимъ будетъ отмѣтить, что мѣра эта совершенно не ставитъ вопроса о денежныхъ ассигнованіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, допустивъ, что баталіонному командиру при квартирѣ съ отопленіемъ натурою назначено будетъ содержаніе въ 3.000 руб. въ годъ, а завѣдывающій хозяйственной частью (вдобавокъ къ такому же довольствію) будетъ получать еще 300 рублей въ годъ за исполненіе обязанностей казначея, опредѣлимъ ежегодную трату въ 6.300 рублей; присоединяя 1.200 рублей, составляющихъ до- бавки къ окладамъ трехъ старшихъ офицеровъ воспитателей, будемъ имѣть расходъ въ 7.500 рублей. Именно такую сумму и составятъ содержаніе четырехъ ротныхъ командировъ (7.200 рублей)

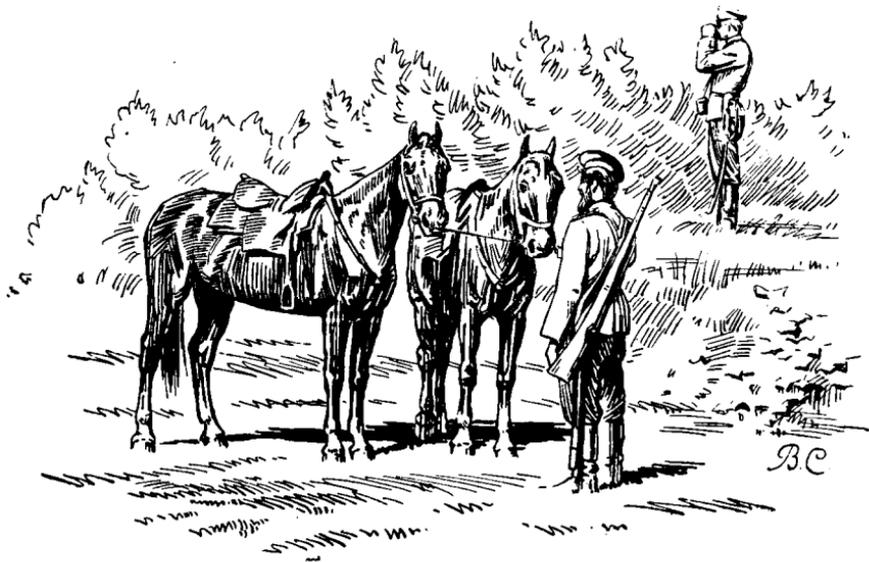
и вознагражденіе (300 рублей) одному изъ нихъ за исполненіе должности казначея. Приведенное соображеніе существенно въ томъ смыслѣ, что устраняетъ всякія затрудненія для безотлагательнаго осуществленія реформы, какъ только она была бы признана умѣстной.

Въ настоящую минуту мы исчерпали основныя мысли, которыми намъ хотѣлось подѣлиться съ лицами, интересующимися судьбами военно-учебныхъ заведеній.

Скажемъ еще, что мы нисколько не намѣревались настаивать, чтобы для уврачеванія невзгодъ, тормозящихъ успѣхъ работы корпусовъ, нельзя было указать средствъ, болѣе цѣлительныхъ, чѣмъ намѣченныя нами мѣры, въ полезности которыхъ мы вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко убѣждены. Все изложенное внушено намъ не желаніемъ отдаться критикѣ существующаго, но потребностью высказать, что всѣ школьныя преобразованія, какъ и вся работа школы, должны быть проникнуты драгоцѣнной идеей Пирогова: «Чтобы судить о ребенкѣ справедливо и вѣрно, намъ нужно не переносить его изъ его сферы въ нашу, а самимъ переселиться въ его духовный міръ». Этотъ великій принципъ, указанный безсмертнымъ педагогомъ, пусть навсегда останется свѣтильникомъ, озаряющимъ всякій шагъ на нивѣ труда во благо юношества.

Н. Поповъ.

ОПАСНЫЙ СИМПТОМЪ.

(Окончаніе) ¹⁾.

Авторъ можетъ возразить, что «офицеры-воспитатели дежурятъ черезъ 2 дня въ третій, что педагогическая работа вся основана на нервахъ и т. д.» Что же дѣлать? Каждая медаль имѣетъ свою обратную сторону. Знаете ее—не беритесь быть воспитателемъ и, скажу прямо, честный работникъ и не возьмется, ибо онъ честный, и останется при своемъ дѣлѣ, хотя бы впереди и не мечталъ даже о фельдмаршалствѣ. Теперь и офицеру въ строю приходится не мало работать нервами, ибо отъ него требуется быть не только учителемъ, но и воспитателемъ солдата.

Если воспитатель и не получаетъ движенія впередъ, если его содержаніе не увеличивается по мѣрѣ повышенія въ чинахъ, то вѣдь, строго говоря, и его работа не увеличивается, а остается тою же и даже облегчается: по мѣрѣ приобрѣтенія опыта, успѣхъ работы достигается легче, ибо, говоря словами автора, «машина нала-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», 1913 г., № 7.

жена» и то, что вначалѣ требовало и напряженія и вниманія, съ теченіемъ времени достигается болѣе легко...

Слова о «самочувствіи подполковника въ строю, если бы ему пришлось командовать все время, начиная съ чина подпоручика взводомъ», фраза, не болѣе, и притомъ весьма не убѣдительная. Если бы офицеру пришлось командовать все время взводомъ, онъ и не былъ бы подполковникомъ и командиромъ баталіона; если бы было установлено, что взводами командовали бы подполковники, то врядъ ли ихъ самочувствіе было бы иное, чѣмъ у подпоручиковъ.

И въ корпусѣ дѣльный воспитатель не вѣчно остается на своей должности, а занимаетъ должность и командира роты, становясь въ роль руководителя болѣе молодыхъ и менѣе опытныхъ офицеровъ-воспитателей. Это почетная и въ высшей степени отвѣтственная роль, хотя быть можетъ и не приводящая ни къ особымъ матеріальнымъ, ни къ служебнымъ преимуществамъ. Такъ вѣдь нужно признать, что и въ строю, въ рядахъ арміи, неизмѣримо большее число порой незаурядныхъ работниковъ никогда не увидитъ должности не только полкового, но и даже и баталіоннаго командира, и сотнями уходитъ въ отставку съ пенсіей капитановъ и подполковниковъ. Здѣсь, въ строю, повышение въ чинахъ влечетъ за собой и повышение въ должностяхъ и расширеніе круга правъ и обязанностей—строевыхъ, хозяйственныхъ и дисциплинарныхъ. Это объясняется весьма понятнымъ соображеніемъ, что чѣмъ больше число людей, чѣмъ больше войсковая единица, тѣмъ болѣе трудныя задачи ей приходится выполнять въ бою, тѣмъ труднѣе ея управлять, тѣмъ болѣе авторитетъ власти и болѣе служебный опытъ требуется дать лицу, коему она ввѣрена.

Въ дѣлѣ воспитанія дѣтей иное; здѣсь одна цѣль, одно стремленіе—правильно развить всѣ духовныя и физическія силы ребенка и сдѣлать изъ него человѣка; слѣдовательно, будетъ ли офицеръ-воспитатель подполковникъ или штабсъ-капитанъ, сущность его обязанностей одинакова; будетъ ли ему поручено 10 или 30—35 дѣтей, нужны то же разумное примѣненіе принциповъ воспитанія и нравственный авторитетъ личности воспитателя, какъ для малыхъ, такъ и для взрослыхъ дѣтей, съ тѣмъ неперемѣннымъ условіемъ, чтобы въ его воспитательныхъ приѣмахъ не было ничего шаблоннаго, «машиннаго», а чтобы эти приѣмы разумно видоизмѣнялись въ зависимости отъ возраста и индивидуальныхъ особенно-

стей воспитанниковъ. Конечно, чѣмъ послѣднихъ больше, тѣмъ работа воспитателя труднѣе, если только онъ будетъ воспитывать, а не огульно надзирать и дресировать ихъ. Крайне желательно и безусловно необходимо уменьшить численность отдѣленій, но это уже другой вопросъ...

И конецъ статьи не даетъ точнаго отвѣта—какъ же уничтожить некомплектъ офицеровъ-воспитателей? «Прежде стремились въ корпуса потому, что у насъ было лучше, туда шли охотно, но это развивало спортъ: переходили въ корпуса, чтобы, обогнавъ товарищей въ чинахъ, вновь вернуться въ строй», т.-е. такимъ образомъ создать себѣ карьеру и удовлетворить «честолюбивымъ стремленіямъ»; теперь въ строю лучше, поэтому никому нѣтъ охоты идти въ корпуса, гдѣ и содержаніе мало и трудъ великъ и «впереди—ничего». Отсюда такой выводъ—такъ какъ воспитателей подвижниковъ, которые хотя рѣдко, но идутъ въ корпуса, теперь мало, то... надо же *чѣмъ нибудь* (чѣмъ же и какъ именно, въ этомъ вся суть) привлечь сюда «честныхъ работниковъ, знающихъ свое дѣло *и себѣ цѣну*, которые добросовѣстно выполнять свои обязанности, если ихъ на себя примутъ».

Такъ какъ основная цѣль статьи доказать необходимость привлечь въ корпуса честныхъ работниковъ, «знающихъ себѣ цѣну» и «честолюбивыхъ», надо полагать, *путемъ увеличенія матеріальныхъ и служебныхъ выгодъ*, то есть полное основаніе поставить вопросъ: а не возродится ли опять тотъ же спортъ, не будутъ ли «знающіе себѣ» цѣну воспитатели, черезъ извѣстное число лѣтъ, находить, что ихъ мало цѣнятъ, а въ такомъ случаѣ, не рѣшатъ ли, что «честно исполнили принятыя на себя обязанности и могутъ вновь вернуться въ строй и тамъ поискать болѣе широкаго поприща для своего честолюбія? Но, если они пробыли въ корпусѣ хотя 5—7 лѣтъ, то, пожалуй, поотстанутъ и отъ строя, а тогда болѣе чѣмъ вѣроятно, что и корпуса и армія только проиграютъ отъ этихъ будущихъ фельдмаршаловъ. Возможно, что послѣднихъ изъ нихъ и не выйдетъ, но что въ ряды арміи внесетъ элементъ зависти и другихъ прелестей, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Отсюда не трудно заключить, что предлагаемый способъ привлеченія «лучшихъ» офицеровъ въ корпуса на должности воспитателей представляетъ обоюдоострое средство, уже испытанное на практикѣ.

Для правильнаго рѣшенія воспитательскаго вопроса въ корпу-

сахъ горячо хотѣлось бы вѣрить, что еще не «прошли времена энтузіастовъ воспитательскаго дѣла, что въ рядахъ арміи, да и въ рядахъ русскаго общества, съ пробуждающимся въ немъ чувствомъ національности, еще найдется не мало воспитателей-подвижниковъ, т.-е. людей, по любви, по призванію, берущихся за дѣло воспитанія нашей военной молодежи. Дать имъ возможность широко и основательно подготовить себя къ трудному подвигу служенія Царю и Родинѣ на этомъ поприщѣ, открыть имъ широкій путь въ корпусъ, это значить рѣшить воспитательскій вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ условій подготовки будущихъ офицеровъ арміи...

Кадетскіе корпусъ и военныя училища, готовя будущихъ офицеровъ, выполняютъ задачу такой государственной важности, въ сравненіе съ которой могутъ идти весьма немногія. Тяжелые уроки войны особенно даютъ чувствовать всю важность работы корпусовъ и училищъ. Какъ показываетъ недавнее время, на нихъ не менѣе, чѣмъ на командный составъ арміи, обрушиваются обвиненія въ неумѣлой подготовкѣ офицеровъ и неудачахъ войны, хотя при этомъ большинство забываетъ, что за корпусами и училищами слѣдуетъ еще школа войсковая, въ которой офицеры окончательно формируются, какъ практическіе дѣятели.

Всѣ сознаютъ эту важную задачу корпусовъ и училищъ, всѣ знаютъ, что тѣ и другіе, для выполненія этой задачи, нуждаются въ спеціально-подготовленныхъ работникахъ, что послѣдніе не придутъ сюда ни со стороны, ни изъ другихъ вѣдомствъ, что ихъ не дастъ и армія, ибо, имѣя много своего отвѣтственнаго дѣла, сама нуждается въ хорошихъ работникахъ. Слѣдовательно, военно-учебное вѣдомство должно само позаботиться о подготовкѣ такихъ работниковъ въ большемъ, чѣмъ теперь, числѣ.

Кажется никогда такъ много не говорили и не писали о нашихъ офицерахъ, какъ послѣ неудачной кампаніи 1904 — 1905 гг., никогда такъ дружно не бросали имъ упрековъ въ безличіи, отсутствіи инициативы, халатности отношенія къ дѣлу, въ слабости развитіи духа предпримчивости, самостоятельности и любознательности. Но очень рѣдко кто останавливается на мысли, что всѣ эти качества не приходятъ къ человѣку сами собой, что они закладываются и развиваются въ немъ всѣмъ характеромъ отношеній воспитателя къ воспитаннику—въ корпусѣ и училищѣ, а на службѣ—начальника къ офицеру.

Серьезнѣйшимъ недостаткомъ нашей арміи признается также, что «офицеры далеко стоятъ отъ нижнихъ чиновъ, чужды имъ, не понимаютъ ихъ духа и склада понятій, а потому не пользуются довѣріемъ и не имѣютъ надлежащаго авторитета». Недостатокъ этотъ объясняютъ потерей связи между школой военной и школой войсковой—арміей, т.-е. постановкой воспитанія и образованія нашей военной молодежи въ кадетскихъ корпусахъ и военныхъ училищахъ и условіями работы молодыхъ офицеровъ въ войсковыхъ частяхъ. Каждому понятно, насколько важна, какъ въ мирное, такъ, особенно, въ военное время, духовная близость офицера и солдата—этотъ вѣрнѣйшій залогъ успѣховъ арміи на томъ и другомъ поприщѣ.

Послѣ тяжелыхъ неудачъ войны 1904—1905 гг. и подъ вліяніемъ критики нашихъ военныхъ недостатковъ въ обществѣ и печати, естественно явилось желаніе возстановить эту утраченную связь, но, къ сожалѣнію, многіе забываютъ при этомъ—какимъ путемъ устанавливалась она и какъ поддерживалась въ прошломъ; это послѣднее обстоятельство, какъ видно изъ вышесказаннаго, не остается безъ вліянія на характеръ предлагаемыхъ мѣропріятій къ устраненію замѣченныхъ недостатковъ.

Теперь всѣмъ горячо хочется найти и указать причину нашихъ неудачъ и недуговъ и почти всѣ видятъ ее въ недостаткахъ нашего семейнаго и общественнаго воспитанія. Постоянно приходится слышать и читать: «воспитывайте волю», «развивайте характеръ», «духа не угашайте въ молодомъ, подростающемъ поколѣніи», и хочется сказать такъ: дайте же, найдите людей, способныхъ выполнить эту задачу, способныхъ изъ ребенка прежде всего воспитать человѣка. Готовьте, прежде и больше всего, воспитателей, учителей, и не для одной военной, но и для гражданской школы, не жалѣя никакихъ средствъ, никакихъ силъ, ибо тѣ и другія сторицею возвратятъ вамъ въ будущемъ разумно воспитанное поколѣніе... При рѣшеніи вопроса всеннаго воспитанія нерѣдко забываютъ, что это воспитаніе должно имѣть основой общечеловѣческое развитіе, что офицера-воина, въ современномъ смыслѣ этого слова, можно подготовить только тогда, когда въ питомцахъ кадетскихъ корпусовъ будутъ правильно развиты общечеловѣческія способности.

Грустящіе надъ недостатками офицерскаго состава нашей арміи, въ силу сложившихся у нихъ взглядовъ, ищутъ источни-

ковъ этихъ недостатковъ въ постановкѣ дѣла въ корпусахъ и въ военныхъ училищахъ и, какъ это ни странно, желаютъ найти средство исцѣленія отъ болѣзни тамъ, въ школѣ войсковой, гдѣ «постановка дѣла безпросвѣтна» ⁶⁾).

Одни ⁶⁾ признають, что «не каждый способенъ быть воспитателемъ», и предлагаютъ, чтобы офицеры назначались воспитателями не ранѣе 5 лѣтъ службы въ строю. Если не каждый способенъ къ педагогической дѣятельности, то допускать на должности воспитателей нужно только «способныхъ», а для болѣе широкаго и лучшаго подбора воспитателей не слѣдовало бы ограничивать выбора одними офицерами, окончившими военное училище по первому разряду, но допускать лицъ и другихъ знаній, лишь бы они имѣли соотвѣтствующее образованіе, специально педагогическую подготовку, а главное, обладая безупречными нравственными качествами, шли бы на это дѣло не изъ-за однихъ матеріальныхъ и служебныхъ преимуществъ, а по любви къ дѣлу, по призванію.

Затѣмъ, въ виду признаваемой тѣми же критиками кадетскихъ корпусовъ «безпросвѣтности постановки строевой службы въ арміи, что можетъ дать эта служба, въ смыслѣ педагогической подготовки, офицеру, хотя бы онъ прослужилъ въ строю не пять, а десять лѣтъ? И не лучше ли было бы въ такомъ случаѣ, если бы офицеръ, чувствующій призваніе къ педагогической дѣятельности, послѣ трехъ лѣтъ въ строю, поступалъ въ высшее учебное заведеніе, именно вродѣ военно-педагогической академіи, въ теченіе 2—3 лѣтъ получалъ здѣсь специальную подготовку, да не теоретическую только, а чисто практическую, и затѣмъ уже прикомандировывался къ кадетскому корпусу.

Съ своей стороны я сказалъ бы, что для привлеченія воспитателей въ корпуса нужно шире открыть двери педагогическихъ курсовъ, создать изъ нихъ высшій разсадникъ хорошо подготовленныхъ воспитателей и учителей не для однихъ кадетскихъ корпусовъ, а для всей русской средней школы, поставить ихъ такъ, чтобы оттуда выходили люди не только широко образованные въ научномъ и специально педагогическомъ отношеніи, но и до глубины души проникнутые чувствомъ любви къ родинѣ, къ ея славному прошлому, ко всему родному, которые не стыдились бы быть русскими и только русскими. Пусть туда идутъ молодые и старые офи-

⁶⁾ Д. Парскій. «Что нужно нашей арміи».

перы и лица гражданскія, лишь бы каждый изъ нихъ, по выходѣ съ курсовъ, шелъ на *честную* работу воспитанія и образованія будущихъ поколѣній народа, по любви, по призванію къ этого рода дѣятельности.

Всякому дѣлу съ успѣхомъ можно научиться только на этомъ же дѣлѣ; поэтому, при организаціи высшаго педагогическаго заведенія, необходимо создать и особую школу, въ которой одни практически исполняли бы роль воспитателей, а другіе, предназначившіе себя къ учительской дѣятельности, занимались бы преподаваніемъ. Этимъ путемъ, думается, установился бы правильный взглядъ, что, воспитывая дѣтей, нужно многому ихъ учить, обучая—воспитывать; при разумномъ пониманіи дѣла, одно, неотдѣлимое отъ другого, должно идти рука объ руку; только при этомъ условіи можно достигнуть гармоническаго развитія физическихъ и духовныхъ силъ ребенка и юноши. Незнаніе или непониманіе основнаго правила разумно поставленной школы—прежде развить умъ, образовать сердце, выработать волю воспитанника и только потомъ готовить его къ тому или другому роду дѣятельности, въ зависимости отъ его природныхъ наклонностей и дарованій (и въ теоріи и еще больше въ дѣйствительной жизни)—приводитъ къ весьма печальнымъ результатамъ.

Нынѣ офицеръ, даже молодой, но съ положительнымъ умомъ, твердой волей и характеромъ, способный жить не изо-дня въ день, а ставить себѣ впереди опредѣленную цѣль жизни, зная, что возвратъ въ свою часть для него, если не совсѣмъ закрытъ, то сильно затрудненъ, очень и очень серьезно подумаетъ, прежде чѣмъ рѣшится перейти на службу въ корпусъ. Если въ его натурѣ имѣются задатки чисто военнаго человѣка, то онъ полюбитъ военную среду, военную—и именно строевую—службу такъ, какъ она есть, со всѣми ея радостями и лишеніями, съ товариществомъ, съ трудомъ и не частымъ отдыхомъ, съ движеніемъ, перемѣной мѣстъ и впечатлѣній, особенно лѣтомъ, словомъ со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, и никогда не промѣняетъ на хотя бы болѣе спокойную и лучше обезпеченную, но однообразную, малоподвижную службу воспитателя въ корпусѣ.

Имѣя это въ виду, можно сказать, что, если офицеръ рѣшится оставить строй и поискать другого рода дѣятельности, то не по тому что за пять лѣтъ онъ дастъ себѣ ясный отчетъ, что его ожидаетъ въ строю, а быть можетъ много ранѣе рѣшитъ другой, болѣе

важный, вопросъ—оцѣнить и хорошо пойметъ, что строевая служба ему не по душѣ, что сердце его не лежитъ къ ней. Разъ это наступитъ, онъ будетъ искать выхода изъ своего положенія и рано или поздно, а сбѣжить изъ арміи. Куда—все равно, но сбѣжить непремѣнно...

Вотъ, если при этихъ условіяхъ у него явится твердое, сознательное желаніе послужить на пользу родной арміи на воспитательскомъ поприщѣ, то можно съ увѣренностью сказать, что онъ избретъ именно его, а не службу на желѣзной дорогѣ, въ банкѣ, въ конторѣ, въ полиціи и т. п. Это будетъ дѣйствительно офицеръ-«воспитатель»: его не остановятъ и меньшія преимущества службы въ корпусѣ, разъ онъ почувствуетъ, что именно здѣсь, работая надъ воспитаніемъ дѣтей и юношей, онъ найдетъ себѣ дѣло по душѣ.

Помочь такому стремленію офицера, дать ему возможность хорошо подготовиться къ предстоящей работѣ, значить открыть широкой доступъ въ корпуса лучшимъ офицерамъ - воспитателямъ.

Отсюда не трудно понять, что было бы много лучше, если бы будущіе офицеры воспитатели до прикомандированія къ корпусу получали основательную педагогическую подготовку въ высшемъ педагогическомъ учебномъ заведеніи, подъ руководствомъ лицъ, теоретически и практически опытныхъ въ дѣлѣ воспитанія. Только при этомъ условіи и можно разсчитывать дать корпусамъ такихъ воспитателей, которые будутъ обладать единствомъ взглядовъ на воспитаніе дѣтей, а послѣдніе будутъ избавлены отъ разнаго рода экспериментовъ надъ собой. Врядъ ли можно сомнѣваться, что при такомъ единствѣ взглядовъ кадеты, по окончаніи курса, будутъ выходить одинаково подготовленными въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, а это неизбѣжно отразится въ будущемъ и на подготовкѣ юнкеровъ въ военныхъ училищахъ и на однородности, по духовнымъ качествамъ, офицерскаго состава арміи, объ отсутствіи чего теперь такъ много говорятъ и еще больше пишутъ.

Но для достиженія этого необходимо, чтобы офицеры сами прошли образовательную и воспитательную подготовку *повыше* военно-училищной. Окончаніе военнаго училища по первому разряду и пять лѣтъ службы въ строю далеко не обезпечиваютъ, ни той, ни другой. Нельзя забывать, что лучшіе изъ кадетъ, по окон-

чаніи корпуса уходятъ въ высшія гражданскія учебныя заведенія и въ спеціальныя военныя училища, а потомъ—въ академіи; въ военныя же училища поступаетъ элементъ только средній или слабый по научной подготовкѣ, что доказывается постояннымъ изъ года въ годъ пониженіемъ оцѣнки по разрядамъ выпускныхъ юнкеровъ. Прислушиваясь къ отзывамъ печати по поводу большого процента лучшихъ изъ выпускныхъ кадетъ, отказывающихся отъ военной карьеры, въ виду указаній, что это печальное явленіе съ каждымъ годомъ принимаетъ все болѣе и болѣе тревожный характеръ и что почти нѣтъ средствъ удержать молодежь на военной службѣ, нельзя не согласиться, что, пожалуй, и лучше дать свободный выходъ этой молодежи—куда она желаетъ выйти, куда влечетъ ее внутреннее настроеніе, нежели удерживать въ рядахъ арміи и увеличивать въ послѣдней элементъ недовольныхъ или «отбывателей номера». Но, съ другой стороны, нельзя не прислушаться и къ голосамъ самихъ дѣятелей на военно-педагогическомъ поприщѣ, что значительная доля вины въ указанномъ печальномъ явленіи падаетъ на воспитательскій составъ кадетскихъ корпусовъ, который семь лѣтъ ведетъ воспитаніе молодого человѣка и не можетъ развить въ немъ глубокой привязанности къ воинскому званію, приготовить вѣрнаго слугу Царя и родины. Если это такъ, то думается, не однимъ подъемомъ чисто строевой подготовки самихъ офицеровъ, не однимъ усиленіемъ строевыхъ занятій въ корпусахъ, воспитатели въ состояніи будутъ создать такое настроеніе въ среднемъ и слабомъ элементѣ кадетъ, поступающихъ въ военныя училища; это возможно лишь тогда, когда въ нихъ самихъ и эти качества и ихъ образовательный и воспитательный уровень будутъ стоять на нной высотѣ, чѣмъ они стоятъ теперь въ средѣ строевыхъ офицеровъ арміи, изъ коихъ и пополняется учебно-воспитательскій составъ корпусовъ. Пять лѣтъ службы въ строю едва ли особенно поднимутъ научную подготовку офицеровъ. Лучшие изъ нихъ стремятся подготовиться въ академіи; болѣе заваленные работой, они едва ли успѣютъ и сумѣютъ расширить свое образованіе за предѣлы чтенія кое-какихъ газетъ и журналовъ, сложенныхъ на столахъ въ читальной комнатѣ офицерскихъ собраній, да кое-какихъ сочиненій по спеціально военнымъ знаніямъ, къ тому же выписываемыхъ безъ строгаго выбора и безъ всякой системы.

Изъ сказаннаго, смѣю думать, ясно насколько необходимо дать офицеру, пожелавшему избрать педагогическую дѣятельность, воз-

возможность расширить (полученное въ военномъ училищѣ и изрядно забытое за 5 лѣтъ службы въ строю) образованіе, и главное, не въ узкихъ рамкахъ курса кадетскаго корпуса, а много шире, и по спеціальнымъ отраслямъ знаній, необходимыхъ для разумнаго веденія воспитанія дѣтей. Короче говоря, чтобы корпуса успѣшно выполняли возложенную на нихъ задачу (образовательную подготовку и воспитаніе кадетъ въ военномъ духѣ), офицеры-воспитатели должны быть *отборными*, какъ по образованію, такъ по воспитанію вообще и по военному въ особенности, что должно повѣряться лицами компетентными.

При такомъ испытаніи на поступленіе въ высшее педагогическое заведеніе, или даже въ простой, обстоятельной бесѣдѣ съ руководителемъ его, офицеру придется доказать, что онъ дѣйствительно обладаетъ основательными знаніями, научной подготовкой, умственнымъ развитіемъ и начитанностью; наконецъ, и послѣ того теоретическія занятія и практическая работа въ дѣлѣ воспитанія, подъ наблюденіемъ опытныхъ руководителей въ теченіе 2—3 лѣтъ, лучше опредѣлили бы дѣйствительно ли способенъ онъ быть воспитателемъ. Такъ подготовленный, такой искусъ прошедшій офицеръ полнѣе докажетъ твердое, сознательное желаніе работать на педагогическомъ поприщѣ.

Не только теоретическія, но и чисто практическія соображенія, опытъ жизни, говорятъ именно за такой порядокъ подготовки будущихъ офицеровъ-воспитателей. Чтобы быть хорошимъ практическимъ работникомъ въ какой либо дѣятельности, нужно многое изучить теоретически, чтобы не дѣлать тѣхъ ошибокъ, которыя дѣлались предыдущими работниками. Если инженеру, технику, артиллеристу, нужно многое изучить въ теоріи, чтобы быть хорошимъ практикомъ, тѣмъ болѣе этотъ путь необходимъ для человѣка, избирающаго педагогическую дѣятельность. Если имъ необходимо всесторонне изучить предметы ихъ будущей практической работы, то воспитателю, въ будущемъ работающему надъ живой воспріимчивой природой дѣтей, нужно хорошо изучить и твердо знать законы развитія ребенка и юноши съ первыхъ дней и до того времени, когда изъ нихъ долженъ выйти человѣкъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова...

Думать, что людей съ такой подготовкой могутъ дать «никто иной, какъ сама армія», или военныя училища съ годичнымъ воспитательскимъ курсомъ — большое самообольщеніе. Корпуса

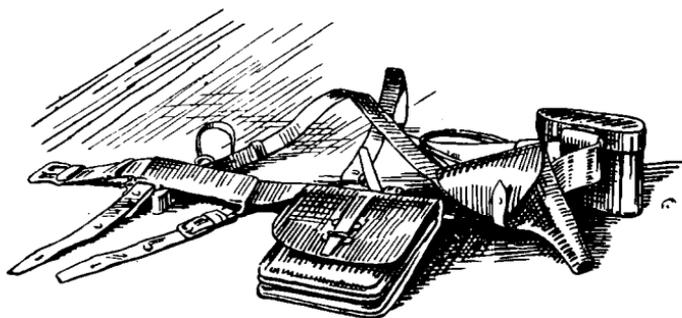
имѣють цѣлью воспитывать дѣтей, а не на дѣтяхъ практиковать подготовку воспитателей. Послѣднихъ имъ нужно дать болѣе или менѣе готовыми, не рассчитывая, что они свалятся сюда изъ рядовъ арміи, въ видѣ какихъ-то самородковъ, или что ихъ можно привлечь сюда расширеніемъ матеріальныхъ и особенно служебныхъ преимуществъ. Опытъ въ послѣднемъ направленіи уже былъ сдѣланъ въ 1883 г. и врядъ ли нужно еще повторять его, чтобы лишній разъ убѣдиться въ томъ, что «было много званыхъ, да мало избранныхъ»... Если бы это было не такъ, незачѣмъ было бы восстанавливать въ 1900 г. и поддерживать до сего времени воспитательскіе курсы въ Петербургѣ...

Чтобы привлечь въ корпуса такихъ работниковъ, опять повторю, нужно шире открыть двери педагогическихъ курсовъ, педагогической академіи, чего хотите, и пусть офицеръ, рѣшившійся «твердо и сознательно» посвятить себя педагогической дѣятельности, свободно входитъ туда. Хотя бы по окончаніи подготовки здѣсь, онъ и оставилъ ряды арміи, не поступилъ въ корпусъ воспитателемъ, его трудъ, время и средства, затраченные на такую подготовку, не пропадутъ даромъ: разъ онъ будетъ чувствовать призваніе къ педагогической дѣятельности, онъ найдетъ для себя соотвѣтствующее мѣсто на нивѣ воспитанія и образованія подрастающаго поколѣнія народа, лучшій цвѣтъ котораго теперь обязательно проходить черезъ ряды арміи; слѣдовательно, хотя и косвенно, офицеръ будетъ работать на пользу послѣдней. При этихъ условіяхъ военно-учебное вѣдомство, пропуская чрезъ имъ же руководимое высшее педагогическое учрежденіе офицеровъ, избирающихъ педагогическую дѣятельность, будетъ вѣрнѣе обезпечено въ числѣ и качествѣ воспитательскаго состава кадетскихъ корпусовъ, нежели въ томъ случаѣ, когда они будутъ приходиться къ нему съ благословенія «товарищеской полковой среды» или по «выбору и аттестаціи строевого начальства», которыя—болѣе чѣмъ вѣроятно—далеко не всегда будутъ компетентны въ вопросахъ воспитанія, а, слѣдовательно, и въ оцѣнкѣ тѣхъ качествъ, коими должны обладать офицеры, какъ воспитатели.

И можно пожалѣть, что у насъ до сего времени нѣтъ еще именно такого высшаго педагогическаго заведенія, которое бы спеціально готовило учителей и воспитателей для корпусовъ и военныхъ училищъ. Мы имѣемъ нѣсколько военныхъ академій, нѣсколько офицерскихъ школъ, чтобы готовить знающихъ и прак-

тически опытныхъ работниковъ по всѣмъ отраслямъ дѣятельности арміи, и не имѣемъ военно-педагогической академіи, которая давала бы знающихъ педагоговъ для образованія и воспитанія военной молодежи, изъ среды которой потомъ и выходятъ работники арміи.

С. Станковскій.

АС.

Объ упражненіяхъ въ стрѣльбѣ изъ армейскихъ ружей во время олимпійскихъ игръ въ 1912 г. въ Стокгольмѣ.

(Съ нѣмецкаго).

Во время олимпійскихъ игръ въ 1912 году въ Стокгольмѣ происходили между прочимъ также упражненія въ стрѣльбѣ изъ армейскаго оружія. Стрѣльбы эти, полагаемъ, представляютъ извѣстный интересъ для читателей «Военнаго Сборника». Поэтому въ нижеслѣдующемъ описаны, какъ организациія этихъ упражненій, такъ и особенно выдающіеся ихъ результаты, а также разобранъ вопросъ, каково значеніе устройства подобныхъ состязаній съ точки зрѣнія военной.

Стрѣльба изъ армейскихъ ружей происходила:

- а) въ видѣ групповаго состязанія;
- б) въ видѣ одиночнаго состязанія на разстояніи въ 600 метровъ (845 шаговъ);
- в) въ видѣ одиночнаго состязанія на разстояніи въ 300 метровъ (423 шаг.).

Каждый стрѣлокъ обязанъ былъ пользоваться исключительно принятымъ въ арміи его государства оружіемъ; всякое измѣненіе прицѣльнаго приспособленія было строго воспрещено. Допускалось употребленіе ружейнаго ремня для поддержки одной руки, однако лишь ремня принятаго въ арміи (соотвѣтствующаго государства) образца. Наименьшій спускъ ружья 1,8 килогр. (4,4 русск. фунт.); патронъ произвольный.

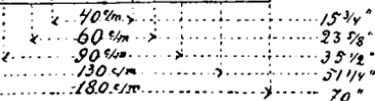
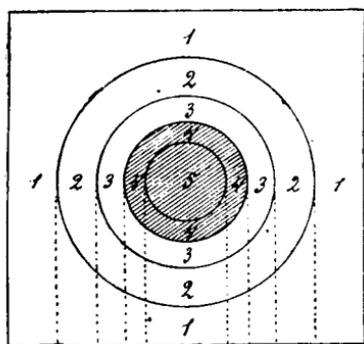
Стрѣлбы производились при слѣдующихъ условіяхъ:

а) *Групповое состязаніе:*

Каждое государство могло выставить группу въ 6 человѣкъ.

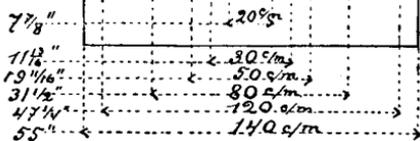
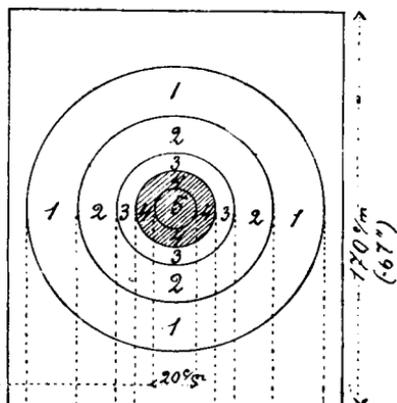
Стрѣляли на разстояніяхъ въ 200, 400, 500 и 600 метровъ (282, 564, 705 и 845 шаговъ).

Черт. № 1.

Мишень на 200 метр.
(282 шага).

Черт. № 2.

Мишень на 400, 500 и 600 м.
(564, 705 и 845 ш.).

Каждый участник долженъ былъ произвести на каждой дистанціи по 2 пробныхъ и по 15 дѣйствительныхъ выстрѣловъ. Выборъ тѣлоположенія былъ произвольный, однако стрѣлба съ подставки не допускалась. Результатъ каждаго выстрѣла показывался немедленно. Побѣдительницею считалась та группа, которая на всѣхъ дистанціяхъ, вмѣстѣ взятыхъ, выбьетъ наивысшую цифру круговъ.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ помѣщены результаты групповой

стрѣлбы трехъ премированныхъ націй (выраженные въ суммѣ круговъ):

Нація.	Дистанція.				Сумма.
	200 (282)	400 (564)	500 (705)	600 (845)	
М е т р о в ь (шаговъ).					
Америка . . .	438	444	424	381	1687
Англія	428	410	391	373	1602
Швеція . . .	417	416	384	353	1570

Изъ достигнутыхъ въ вышеприведенномъ состязаніи результатовъ попаданій, при предположеніи, что въ состязаніи участвовали лишь наилучшіе стрѣлки, можно сдѣлать заключеніе о мѣткости употребленнаго ими оружія; сравненіе же результатовъ стрѣлбы отдѣльныхъ стрѣлковъ между собою является невозможнымъ, вслѣдствіе употребленія ими оружія, совершенно различнаго относительно калибра, патроновъ, прицѣльныхъ приспособленій, спуска и т. д.

Достигнутые ружьями премированныхъ государствъ результаты должно признать выдающимися. Такъ напр., изъ изслѣдованія результатовъ стрѣлбы на разстояніе въ 600 метр. (845 шаговъ) оказывается, что на этомъ значительномъ разстояніи среднее достоинство каждаго выстрѣла соотвѣтствуетъ кругу 4-му, т.-е. 60 сантим. въ діаметрѣ. Изъ этого ясно, что, при подобномъ состязаніи, стрѣлки арміи, ружья или патроны которой не обладаютъ на столь значительныхъ разстояніяхъ подобною высокою мѣткостью, будутъ находиться съ самаго начала въ невыгодныхъ условіяхъ.

Для объясненія выдающихся результатовъ попаданія, достигнутыхъ иностранными армейскими ружьями, можетъ служить нижеслѣдующее.

Значительною *первоначальною скоростью* современныхъ остроконечныхъ пуль, сравнительно съ упстреблявшимися до сего времени оживальными пулями, достигается не только увеличеніе скорости, но большею частью также и улучшеніе точности траекторіи.

Извѣстно, что возможно легкой *спускъ* ружья желателенъ каждому стрѣлку, именно при подобныхъ стрѣлбахъ въ цѣль. Въ особенности это относится къ стрѣлбѣ стоя.

Кромѣ того, нужно подчеркнуть, что — лишь при серьезныхъ цѣ-

лесообразныхъ и непрерывныхъ упражненіяхъ можно надѣяться на успѣхъ въ подобныхъ состязаніяхъ. Такъ какъ армейскія ружья мало пригодны для употребленія при частныхъ занятіяхъ стрѣлковымъ спортомъ, то поэтому и находится лишь немного дѣйствительно желающихъ усовершенствоваться въ употребленіи армейскаго ружья. Чѣмъ удачнѣе армейское ружье соединяетъ въ себѣ важнѣйшія въ военно-полевомъ отношеніи требованія, касательно простоты конструкціи, прочности, вѣса и т. д. съ таковыми, предъявленными специально стрѣлковымъ спортомъ (напр. тонкость прицѣльныхъ и спусковыхъ приспособленій и т. д.), тѣмъ болѣе увеличится кругъ желающихъ освоиться съ армейскимъ ружьемъ. Въ частныхъ кругахъ стрѣльба изъ армейскихъ ружей встрѣчаетъ однако въ настоящее время препятствія еще и по той причинѣ, что на многихъ частныхъ стрѣльбищахъ мѣры безопасности при употребленіи армейскихъ патроновъ оказались бы недостаточными.

б) *Одиночное состязаніе на 600 метровъ (845 шаговъ).*

Каждый участникъ—не болѣе 12 на каждое государство—долженъ былъ сдѣлать по 5 пробныхъ и 20 дѣйствительныхъ выстрѣловъ по мишени (черт. 2), въ произвольномъ положеніи, но непременно съ руки. Послѣ каждаго выстрѣла сообщался его результатъ.

Это состязаніе было выиграно американцемъ, выбившимъ 95 круговыхъ единицъ изъ возможныхъ 100.

Успѣхъ этой стрѣльбы, вѣроятно, долженъ быть приписанъ также, прежде всего, качеству оружія и патроновъ.

в) *Одиночное состязаніе на 300 метровъ (423 шага).*

Къ состязанію этому допускалось также не болѣе 12 стрѣлковъ каждой націи.

Цѣль: круговая мишень и половинчатая фигура.

Попаданія въ фигуру засчитывались цифрою 5.

Каждый участникъ долженъ былъ выпустить 2 серіи по 10 выстрѣловъ. Сначала производилась стрѣльба серіею по круговой мишени, а затѣмъ, какъ только оканчивалась отмѣтка этихъ выстрѣловъ, серія по половинчатой фигурѣ. Серія по мишени состояла изъ 4 выстрѣловъ лежа, 4 выстрѣловъ съ колѣна и 2 выстрѣловъ стоя, съ руки, которые должны были быть произведены въ промежу-

токъ времени не болѣе 3 минутъ (включая и время на заряжаніе и перемѣну тѣлоположенія).

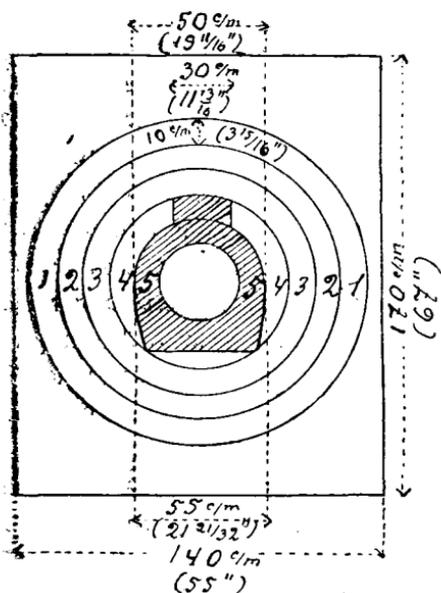
Серія по половинчатой фигурѣ состояла изъ 5 выстрѣловъ лежа и 5 выстрѣловъ съ колѣна, которые также должны быть произведены въ промежутокъ времени не болѣе 3-хъ минутъ (включая сюда и время на заряжаніе и перемѣну тѣлоположенія).

Окончательное положеніе послѣ каждой серіи должно было быть «стоя, ружье къ ногѣ», затворъ открыть, ружье не заряжено.

Полученныя изъ обѣихъ серій цифры складывались.

До начала каждой серіи допускались 2 пробныхъ выстрѣла.

Черт. № 3.

Круговая мишень.

Черт. № 4.

Половинчатая фигура.

Ширина: 50 с/т. (19 11/16").

Высота: 90 с/т. (35 1/2").

Побѣдителемъ въ этомъ состязаніи оказался Прокопъ (Венгрія), выбившій 97 изъ возможныхъ 100 (онъ пользовался штуцеромъ М. 95); вторымъ былъ Осбернъ (Америка), третьимъ—Скогстадъ (Норвегія), съ суммою по 95 каждый.

Определенное въ этомъ состязаніи ограниченіе времени съ трое и двукратнымъ измѣненіемъ тѣлоположенія и двукратнымъ заряжаніемъ составляетъ, во всякомъ случаѣ, особое испытаніе стрѣлка; искусство стрѣльбы отдѣльныхъ состязующихся могло при этомъ выказаться лучше, такъ какъ при данномъ, менѣе значительномъ,

разстояніи въ 300 метровъ (423 шага) точность пристрѣлки различныхъ образцовъ армейскихъ ружей уже немного разнится другъ отъ друга. Лучшій кругъ мишени въ 50 сантиметровъ ($19\frac{1}{4}''$) діаметромъ можно считать достижимымъ для всѣхъ вообще образцовъ ружей.

Въ заключеніе разберемъ вопросъ: какую пользу можетъ извлечь армія изъ состязательныхъ стрѣлъбъ, подобныхъ вышеописаннымъ?

Прежде всего необходимо напомнить, что такія и подобныя имъ упражненія носятъ представительный характеръ. Военное значеніе подобныхъ состязательныхъ стрѣлъбъ съ армейскимъ оружіемъ можно усмотрѣть лишь въ томъ, что онѣ способствуютъ примѣненію армейскаго ружья также и въ штатскихъ кругахъ и поощряютъ интересъ къ военной стрѣльбѣ; подобными, всѣмъ доступными, состязательными стрѣльбами должно быть привлечено возможно большее число соискателей изъ всѣхъ сословіи.

Ни одна армія не можетъ рассчитывать на значительную пользу отъ обученія отдѣльныхъ специалистовъ употребленію единичныхъ же экземпляровъ армейскихъ ружей; однако для подготовки въ военно-стрѣлковомъ отношеніи, а слѣдовательно и въ интересахъ арміи, безъ сомнѣнія полезно, если не только въ ея рядахъ, но и въ возможно большемъ кругу штатскихъ стрѣлковъ будетъ практиковаться стрѣльба изъ армейскаго ружья. Для первоначальной военной подготовки юношества, для практики въ стрѣльбѣ запасныхъ и т. д., подобныя упражненія въ штатскихъ кругахъ очевидно весьма желательны.

Поэтому, вообще, подобныя упражненія, рассчитанныя на поощреніе стрѣльбы изъ армейскаго ружья, въ принципѣ должны быть признаны полезными.

При устройствѣ-же подобныхъ упражненій необходимо согласовать предъявляемыя требованія съ качествами оружія. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, что условіе стрѣльбы съ разстоянія въ 600 метровъ (845 шаговъ) при кругѣ наивысшей оцѣнки, діаметромъ лишь въ 40 сантим. ($15\frac{3}{4}''$), было слишкомъ высоко для нашего ¹⁾ армейскаго ружья. Армейскія ружья составляютъ прежде всего боевое оружіе и не изготовляются спеціально для стрѣльбы въ цѣль.

При обученіи воинскихъ чиновъ стрѣльбѣ, одиночная стрѣльба, конечно, играетъ важную роль, какъ основное воспитательное средство; однако примѣненіе его на дѣлѣ будетъ ограничиваться по всей

¹⁾ Т.-е. австрійскаго ружья.

вѣроятности лишь единичными случаями и на ближайшихъ дистанціяхъ. По этой причинѣ воинское обученіе стрѣльбѣ и производится большею частью на близкихъ разстояніяхъ; у насъ (т. е. въ Австріи) — до 450 метровъ (635 шаговъ), въ Германіи и во Франціи до 400 метровъ (564 шага), въ Италіи до 450 метровъ (635 шаговъ). Лишь въ Англіи обучаютъ отдѣльныхъ лицъ также на разстояніяхъ до 600 ярдовъ (546 метровъ=770 шагамъ).

Для этихъ разстояній мѣткость всѣхъ армейскихъ ружей такова, что при стрѣльбѣ по возможнымъ при этомъ цѣлямъ она можетъ быть признана достаточною.

Вышесказаннымъ, конечно, отнюдь не отрицается значеніе большей точности боя оружія и на болѣе значительныхъ разстояніяхъ.

Наконецъ, необходимо принять еще въ соображеніе, что даже при существованіи армейскаго ружья съ большою мѣткостью на весьма значительныхъ разстояніяхъ, немногимъ, вѣроятно, стрѣлкамъ удастся при современномъ состояніи стрѣльбищъ упражняться въ стрѣльбѣ на разстояніяхъ болѣе 600 метровъ (845 шаговъ).

Въ заключеніе можно поэтому сказать, что при устройствѣ подобныхъ состязаній, въ случаѣ употребленія на нихъ нашего ²⁾ современнаго армейскаго ружья, должны выбираться разстоянія не болѣе 300 метровъ (423 шага). Въ военномъ отношеніи гораздо полезнѣе, вмѣсто увеличенія дистанцій стрѣльбы, требовать быстрой зарядки и самой стрѣльбы, одинаково высокое искусство стрѣльбы при различныхъ тѣлоположеніяхъ, выносливость при болѣе продолжительныхъ періодахъ стрѣльбы и т. п.

Въ этомъ отношеніи описанное выше одиночное состязаніе на 300 метровъ должно быть признано чрезвычайно цѣлесообразнымъ.

Примѣчаніе. Въ изданной въ прошломъ году брошюрѣ: «Правила для упражненій въ стрѣльбѣ учащихся въ армейской стрѣлковой школѣ» было изложено, какимъ образомъ школа эта рекомендуетъ устраивать и вести подобныя состязательныя стрѣльбы.

— нѣ.

²⁾ Австрія.

Въ старину.

Вотъ на конѣ казакъ летить,
Надвинувъ на бекрень папаху;
Въ его груди огонь разлить,
Въ его глазахъ презрѣнье къ страху.

* * *

Чу! Слышенъ выстрѣлъ за рѣкой,
За перелѣскомъ пыль клубится...
И, какъ стрѣла, казакъ лихой
Въ атаку бѣшенную мчится...

* * *

Оконченъ поискъ. Пиръ — горой;
Добычу дѣлить вся станца.
Пируютъ шумною толпой,
Горятъ огнемъ казачьи лица...

* * *

Такъ было на родномъ Дону,
Въ странѣ приволья, въ старину.

* * *

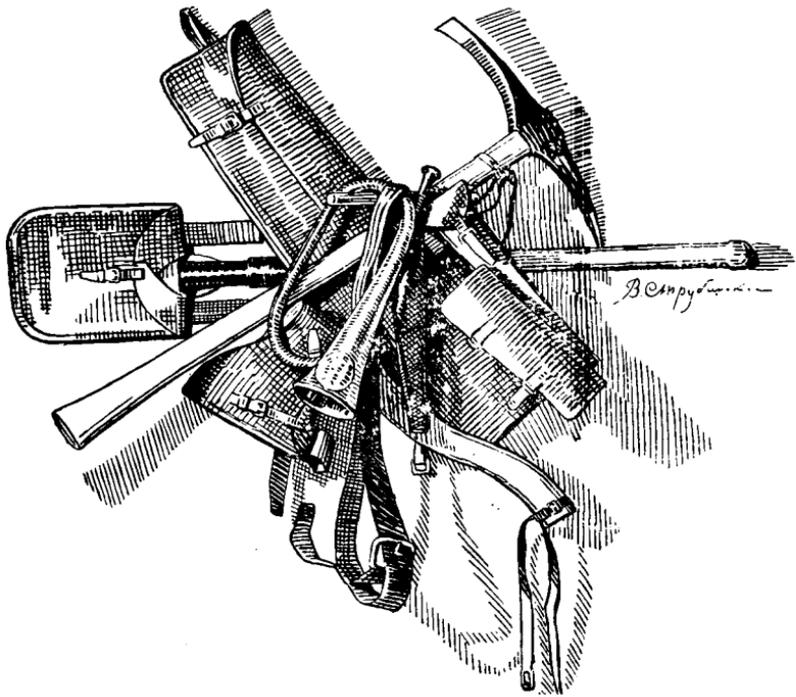
Люблю казачью старину
И предковъ шумныя забавы,
Люблю читать, какъ на Дону
Росли герои громкой славы.

* * *

Они войною только жили,
Сибирь сумѣли покорить,
И этой были, славной были,
Ни намъ, ни внукамъ не забыть!

В. Петровъ.

ГИМНАСТИКА ПО НАСТАВЛЕНІЮ 1910 ГОДА.

Наставленіе для гимнастики, введенное въ 1910 году, теперь вполнѣ усвоено арміей и результаты его уже замѣтны.

Интересныя и здоровыя упражненія увлекли нашего пахаря и рабочаго, и гимнастика теперь—любимѣйшее занятіе и времяпрепровожденіе у нижнихъ чиновъ. Сложныя вольныя движенія, составленныя изъ твердо и правильно усвоенныхъ упражненій, рекомендованныхъ 12 таблицами Наставленія (хотя это и отрицается многими, но все больше людьми, далеко стоящими отъ самой гимнастики), тоже сыграли важную роль въ поднятіи интереса къ гимнастикѣ и вообще спорту въ арміи.

Раньше въ гимнастикѣ всѣ такъ и хотѣли видѣть только одиночныя упражненія, т.-е. такія, которыя развиваютъ отдѣльныхъ лицъ, не приучая ихъ къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ и взаимопомощи.

Этотъ именно пробѣлъ и заполнило Наставленіе, введя массовыя упражненія и полевую гимнастику. Сложнымъ вольнымъ движеніямъ нельзя, конечно, приписывать исключительное значеніе

и увѣрять, что они могутъ замѣнить всякую гимнастику и стать русской системой физическаго воспитанія арміи. Но сложнымъ движеніямъ, кромѣ захватывающаго интереса, мы обязаны развитіемъ у нижнихъ чиновъ ловкости и поворотливости.

Благодаря новой гимнастикѣ, поднялся у насъ также интересъ къ прыжкамъ и бѣгу. Я, напримѣръ, теперь знаю прыжки въ ширину, доходящіе до 6 метровъ! И это прыгаетъ оторванный отъ сохи мужикъ и въ казенныхъ сапогахъ! Такихъ прыжковъ раньше въ арміи не знали.

Гимнастика на снарядахъ тоже и настолько увлекла нашего солдата, что въ ротахъ отъ снарядовъ не отгонишь и, изъ боязни паденій, приходится въ свободное время снаряды запирать. Упражненія, до которыхъ дошли наши мужички, удивляютъ своей виртуозностью и ловкостью исполненія. И, дѣйствительно, шансы паденій стали вѣроятными и понятными. Но не бойтесь, не запирайте снарядовъ, не препятствуйте здоровому дѣлу, не угашайте духа!...

Падаютъ люди не отъ того, что дѣлаютъ безъ надзора (практика показала, что процентъ паденій гораздо больше въ присутствіи офицера и страховщиковъ, такъ какъ въ этихъ случаяхъ всегда является элементъ принудительности и отсутствіе свободы движеній; страховка нужна иногда и по просьбѣ, а не въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она практикуется у насъ. Страховщики—это гимнастическій развратъ), а падаютъ потому, что приходится дѣлать гимнастику, такъ сказать, въ «казенныхъ» условіяхъ, т. е. въ тяжелыхъ сапогахъ, въ неудобныхъ брюкахъ и въ длинной, за все цѣпляющейся рубахѣ, надъ тонкимъ и короткимъ матрасомъ, а зачастую и совсѣмъ безъ него, такъ какъ матрасовъ не хватаетъ, или на какихъ-нибудь первобытныхъ брусьяхъ ротнаго приготовленія, или на турникѣ невѣроятной толщины.

Вотъ гдѣ главная причина паденій и ушибовъ! А не въ томъ, повторяю, что люди *одни* дѣлаютъ гимнастику, или слишкомъ увлекаются. Надо согласиться, что не падаетъ только тотъ, кто никогда не дѣлаетъ гимнастики. Вотъ, сравните съ гимнастикой конный спортъ, сколько тамъ паденій?!... А если наше дѣло требуетъ развитія силы и ловкости, то пусть занимаются гимнастикой, пусть падаютъ и ушибаются. Никакой спортъ, повторяю, безъ риска существовать не можетъ.

Что значитъ, если въ годъ будетъ 1 процентъ паденій (при нормальныхъ условіяхъ больше и не будетъ)? Зато 99% за годъ становятся рабами здоровья!

Пусть лучше свободное время солдатъ убиваетъ въ спортѣ, чѣмъ въ куреніи! Спросите у нижнихъ чиновъ, какъ они бываютъ огорчены, когда имъ запрещаютъ, въ свободное время, подходить къ снарядамъ или, если и позволяютъ, то стѣсняють въ упражненіяхъ?

Заведите хорошіе брусья, которые можно было бы ставить по развитію каждаго. Заведите турники, покрытые фанерой или нарѣзкой, а не гладкіе, съ которыхъ соскальзываютъ люди, буквально, каждый день. Имѣйте матрасы, самые простые, хотя бы соломенные, но большіе, чтобы они вполне обезпечивали всѣ паденія на махѣ. Имѣйте «кобылы» съ центромъ тяжести внизу или съ широко-раздвинутыми ножками, чтобы онѣ не заваливались при прыжкахъ и не давили людямъ ногъ и рукъ. Наконецъ, полки должны имѣть свои гимнастическіе костюмы (а они есть во всѣхъ арміяхъ Европы), чтобы брюки и рубаха не закручивались на турникѣ и не цѣплялись за ручки кобылы и концы брусевъ. Тогда, о повѣрьте, не надо будетъ запрещать дѣлать гимнастику! Паденія тогда станутъ также рѣдки, какъ самоубійства... Я знаю, сейчасъ скажутъ: «Что же мы въ циркъ что ли готовимъ!» Или: «Намъ не надо виртуозовъ!»

Да, совершенно вѣрно—въ циркъ! Но только въ другой—полевой циркъ, съ виртуозной боевой гимнастикой. А ее дѣлають хорошо только тѣ, которые развили въ себѣ силу и ловкость, и тогда еще, когда есть другіе, могущіе показать и своей ловкостью увлечь слѣдующихъ. Съ существованіемъ виртуозовъ вводится во всякій спортъ составительное начало, а за нимъ всегда слѣдуетъ подражаніе. Дѣйствительно, обратите вниманіе, кто изъ нижнихъ чиновъ слабъ въ полевой гимнастикѣ? Это все, какъ ихъ называютъ учителя, «калѣки» зимней гимнастики.

Упражненія зимней гимнастики такъ остроумно составлены, что, если ихъ строго исполнять, они вполне подготавливаютъ людей къ полю.

Параллельные брусья съ турникомъ въ силовыхъ движеніяхъ готовятъ къ преодоленію забора, шлагбаума и подобныхъ препятствій; маховыя движенія на тѣхъ же снарядахъ укрѣпляютъ мышцы корпуса и развиваютъ чувство равновѣсія и, необходимое для ловкихъ движеній, чувство темпа, т.-е. готовятъ насъ къ прыжкамъ. Вольныя движенія, увеличивая интересъ къ гимнастикѣ, готовятъ людей къ машинной гимнастикѣ, а послѣдняя, убивая чувство страха, готовитъ къ полевой.

Итакъ, новое Наставленіе дало намъ полную возможность поднять гимнастику и интересъ къ ней въ арміи, и, слѣдовательно, подготовить нижнихъ чиновъ къ полевой гимнастикѣ—нашей гимнастической цѣли. Нужно только не мѣшать любить гимнастику и всячески поощрять нижняго чина въ этомъ здоровомъ дѣлѣ.

* * *

Теперь собственно о полевой гимнастикѣ... Если открыть въ Наставленіи отдѣлъ о полевой гимнастикѣ, то мы тамъ найдемъ только размѣры препятствій; почти ничего не сказано о способахъ преодоленія ихъ. Сдѣлано это, конечно, съ цѣлью дать возможность выработать самимъ обучающимся и обучающимся наиболѣе естественные приемы преодоленія препятствій. На практикѣ же мы сталкиваемся съ причинами, опять сильно стѣсняющими руководство и обученіе этой гимнастикѣ. Хотѣлось бы и здѣсь получить болѣе свободы, быть поближе къ дѣйствительности при обученіи этому важному отдѣлу подготовки бойца.

Дѣло въ томъ, что, какъ я уже говорилъ, въ Наставленіи нѣтъ способовъ преодоленія препятствій; основываясь на этомъ, высшіе руководители рекомендуютъ принимать къ руководству старое Наставленіе по гимнастикѣ, мнѣ кажется, отмѣненное уже выходомъ новаго. Вѣдь составляющіе новые уставы и наставленія руководствуются же чѣмъ-нибудь, не помѣщая того или другого? Неужели все, что не указано, должно искаться въ старыхъ наставленіяхъ или отмѣненныхъ уставахъ?

Дальше я остановлюсь на тѣхъ архаическихъ, уже отмѣненныхъ, способахъ преодоленія препятствій, которые усиленно намъ прививаются только потому, вѣроятно, что прививающіе учились этимъ приемамъ. Затѣмъ приведу приемы, мнѣ кажется, болѣе отвѣчающіе духу новаго Наставленія, а, главное, военному времени.

Начну съ забора.

Какъ мнѣ приходилось наблюдать, въ частяхъ требуется слѣдующій порядокъ: люди роты, подойдя къ забору, составляли ружья. Затѣмъ каждый преодолевалъ заборъ съ выжиманія въ упоръ и, какимъ то трюкомъ, бросая ноги вверхъ, садился по ту сторону. Врядъ ли въ дѣйствительности мы будемъ такъ брать заборы? Какъ же ружья очутятся по ту сторону забора? И придется ли брать заборы всегда по одному?

Въ лучшемъ случаѣ я видѣлъ, что винтовки одѣвались черезъ

плечо на спину, съ отомкнутыми штыками, но съ особой пригонкой ремня. Послѣдній случай, мнѣ кажется, тоже далекъ отъ дѣйствительности...

Винтовка, согласно строевого устава, носится или «на плечо» или «на ремень». Переходъ изъ перваго положенія во второе и быстрый и уставной.

Въ боевомъ порядкѣ, да и въ походѣ, вѣроятно, винтовка всегда будетъ на ремнѣ, т.-е. висѣтъ на скаткѣ на лѣвомъ плечѣ. Если же у насъ и носятъ еще въ боевомъ и походномъ порядкахъ винтовки— «на плечо», то пора бы отъ этого отказаться. Вѣдь это даетъ и блескъ штыковъ и совершенно идетъ въ разрѣзъ съ заботами о сбереженіи силъ нижнихъ чиновъ.

Способомъ наиболѣе отвѣчающимъ дѣйствительности, мнѣ кажется, будетъ слѣдующій: препятствіе—заборъ застаётъ нижнихъ чиновъ, двигающихся или въ походномъ порядкѣ, или цѣпью, съ винтовками въ положеніи «на ремень» или у ноги. Люди безъ команды (въ зависимости отъ длины забора находится число перелѣзающихъ) поднимаются на заборъ въ упоръ и перебрасываютъ лѣвую ногу впередъ. Тутъ, если будетъ нужно, можно, перенося лѣвую ногу, лѣвой рукой перенести также впередъ и винтовку. Говорю «если будетъ нужно» потому, что при обученіи слѣдуетъ добиваться, чтобы съ лѣвой ногой, одновременно, переходила и винтовка.

Затѣмъ, каждый изъ преодолевающихъ дѣлаетъ поворотъ направо на правой ногѣ и, перенеся руку, спускается плавно внизъ. Въ мирное время, когда винтовки приходится беречь, особенно при обученіи, надо требовать плавнаго поворота направо; это будетъ и труднѣе и избавитъ винтовку отъ возможнаго удара о заборъ.

Добавлю еще, что при обученіи слѣдуетъ пускать на заборъ сначала по одному, а потомъ, по мѣрѣ усвоенія, по два и болѣе чело-вѣка, чтобы въ концѣ концовъ перейти къ преодоленію забора цѣлымъ взводомъ сразу, «на скорость», гдѣ одинъ долженъ помогать другому. При этомъ, слѣдя по часамъ, необходимо добиваться наибольшей скорости переправы. Въ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ пускать впередъ болѣе слабыхъ, которыхъ просто подсаживать, и затѣмъ уже остальныхъ.

Маленькимъ ростомъ можно рекомендовать еще способъ: взбираться на заборъ съ толчка о него одной изъ ногъ.

Изъ способовъ подсаживанія могу указать только одинъ.

Устройство же живыхъ лѣстницъ всѣми тремя способами, которые у насъ практикуются и которые (кто подсаживалъ, тотъ знаетъ)

только утомляютъ и ушибаютъ подсаживающихъ, право, надо оставить въ области преданій.

Способъ, о которомъ я хочу сказать, весьма простъ.

Берутъ короткую толстую палку, если ея нѣтъ, берутъ носимую лопатку съ чехломъ, еще лучше двѣ, и кладутъ ихъ одна на другую, лотками въ разныя стороны. Затѣмъ, концы лопатокъ передаютъ двумъ нижнимъ чинамъ, которые становятся у самаго забора, упираясь плечомъ въ заборъ. Такихъ паръ можно ставить нѣсколько, въ зависимости отъ длины забора.

Каждый изъ нижнихъ чиновъ подбѣгаетъ къ парѣ, имѣя винтовку «на ремень», и, взявшись за плечи «пары», ставитъ одну ногу на лопатки. Тогда подсаживающая «пара», дружнымъ движеніемъ вверхъ, поднимаетъ преодолевающаго наверхъ; послѣдній, поступая, какъ было указано, спускается на ту сторону. Стоящіе же въ очереди люди помогаютъ влѣзающимъ руками, чтобы послѣдніе не могли опрокинуться назадъ.

Способъ такого подсаживанія очень практиченъ, особенно при заборахъ съ большой высотой.

Укажу еще, что при групповомъ преодоленіи забора, когда позволить это сдѣлать величина его, можно для винтовокъ устраивать особую, одновременную съ людьми, переправу.

Въ этомъ случаѣ одинъ человекъ садится на заборъ, а двое становятся по обѣимъ сторонамъ его и одинъ изъ нихъ передаетъ сидящему винтовки прикладомъ вверхъ, а другой ихъ принимаетъ.

Препятствія за №№ 5 и 6, почему то названныя въ Наставленіи «камями» и «кочками на болотѣ», мнѣ кажется, не соотвѣтствуютъ своимъ назначеніямъ. Врядъ ли придется когда-либо скакать черезъ рѣчку по камнямъ, разбросаннымъ въ разныхъ направленіяхъ? Невольно будешь стараться, по возможно прямой линіи, перебраться на ту сторону, т.-е. упражненіе это приближается скорѣе къ препятствію № 6.

И, наоборотъ, врядъ ли можно встрѣтить болото, у котораго всѣ кочки будутъ въ створѣ, т.-е. какъ разъ такъ, какъ указано въ препятствіи № 6. Скорѣе всего препятствію № 5 должны соотвѣтствовать — «кочки на болотѣ», а № 6 — «камни».

Но дѣло не въ названіи!...

Преодоленіе *препятствія № 5.*

При обученіи, въ устройство этого препятствія желательно ввести болѣе разнообразныя условія, чѣмъ предлагаетъ Наставленіе.

Распределение кочекъ или камней по Наставленію для преодоленія ихъ съ фронта слишкомъ легко, и люди скоро привыкають, а—съ фланговъ, кочки стоятъ на слишкомъ далекихъ и неестественныхъ дистанціяхъ. Поэтому, при обученіи лучше всего, имѣть особыя прочныя мѣшки или куски толстой матеріи, которые разбрасывать каждый разъ въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ, не сближая ихъ болѣе, чѣмъ на 2—2½ аршина. Тогда будетъ труднѣе преодолевать и это избавитъ нижнихъ чиновъ отъ однообразія, столь вреднаго при обученіи полевой гимнастикѣ.

Во всякомъ случаѣ, для преодоленія этого препятствія, надо ставить слѣдующія условія: нижніе чины, какъ всегда, должны быть въ полномъ походномъ снаряженіи, съ винтовкой у ноги. Скачки съ кочки на кочку дѣлаются одной ногой и обязательно со взмахомъ рукъ впередъ.

Нѣтъ необходимости требовать отъ нижнихъ чиновъ безостановочнаго преодоленія кочки за кочкой, т. к. это только облегчитъ упражненіе; главное же проскакать подрядъ безъ утомленія можно только нѣсколько кочекъ. Въ природѣ же придется встрѣчать цѣлыя кочковатыя болота, которыя сразу не проскачешь.

Препятствіе № 6.

Тутъ надо требовать, чтобы обучающійся, съ разбѣга оттолкнувшись ногой, скакалъ съ кочки на кочку не останавливаясь. Говорю «не останавливаясь» потому, что камни, которые часто прокладываются для перехода черезъ рѣчку, не отличаются большой величиной и не представляютъ удобствъ для остановки, а могутъ служить только точками опоры толчкамъ, кромѣ того, рѣчки, черезъ которыя придется прыгать, не будутъ имѣть значительной величины.

Ходы сообщенія—должны браться съ такой ловкостью и скоростью, чтобы обучающій, стоя сбоку въ 10 шагахъ, не могъ видѣть скатки передвигающагося. Самое передвиженіе должно быть — одинъ за другимъ.

Земляной валъ, по Наставленію, имѣетъ три размѣра.

Два меньшихъ размѣра слѣдуетъ брать прыжкомъ съ толчка одной ногой и имѣя винтовку у ноги. Черезъ высшій же размѣръ не слѣдуетъ перепрыгивать, какъ это обыкновенно у насъ требуется. Всѣхъ перепрыгивать эту высоту научить невозможно, и лучше потратить время на другое упражненіе, которое постоянно встрѣчается на практикѣ. Высоты, подобныя этому размѣру валика, всегда берутся или вспрыгиваніемъ на нихъ или влззаніемъ. Последнее здѣсь неумѣстно, а потому надо обратить вниманіе на вспры-

гиваніе. Обучающій, при преодоленіи наибольшей высоты уставного валика, долженъ требовать отъ нижнихъ чиновъ, чтобы послѣдніе съ толчка одной ногой и взмаха руками вверхъ, а не впередъ, вспрыгивали на валикъ. Затѣмъ, подойдя къ другому гребню, спрыгивали съ валика въ полуприсѣданіе.

Положеніе винтовки въ полуприсѣданіи будетъ указано въ прыжкахъ въ ширину.

Земляная горка — ласисъ.

Горка эта служитъ для вспрыгиванія или влѣзанія и сбѣганія или спалзыванія.

Преодолюющіе подходятъ къ горкѣ и кладутъ ружья на скатъ на правый бокъ, штыкомъ впередъ и перпендикулярно гребню гласиса; затѣмъ, взявшись руками за гребень, толчкомъ (съ присѣданія) вспрыгиваютъ или влѣзаютъ на горку и, не поднимая корпуса, лежа, взявши винтовку, сползаютъ внизъ къ подошвѣ гласиса. Сбѣганіе производится пригнувшись, держа «штыки на себя».

Препятствіе № 8.

Мостовыя переводины даны Наставленіемъ очень узкими, т.-е. предусмотрѣнъ самый неблагопріятный случай, какой можетъ встрѣтятся. Для преодоленія этого препятствія можно дать слѣдующія указанія: при прохожденіи по переводинѣ обязательно имѣть ноги слегка согнутыми въ колѣнахъ впередъ; это сильно облегчитъ поддержаніе равновѣсія. Носки, при движеніи, имѣть направленными по переводинѣ; самое передвиженіе должно быть быстрое и одинъ за другимъ; всякое замедленіе въ движеніи вызоветъ только потерю равновѣсія. Руки, при движеніи, лучше всего имѣть совершенно непринужденно опущенными внизъ, но можно, для большей устойчивости, передавать конецъ винтовки въ лѣвую руку и нести ее въ полусогнутыхъ рукахъ спереди.

Вообще же, надо помнить, что чѣмъ толще попадутся переводины, тѣмъ больше надо разводять въ стороны носки; но разведеніе носковъ на переводинахъ, по Наставленію, будетъ только затруднять движеніе.

При обученіи слѣдуетъ имѣть переводины трехъ размѣровъ.

Прыжки въ ширину:

Разбѣгъ для прыжковъ долженъ быть совершенно свободнымъ, т.-е. требованіе имѣть лѣвую руку согнутой въ локтѣ, а винтовку прижатою къ плечу, совершенно противорѣчитъ этому условію.

Для полного использованія разбѣга и наибольшаго толчка, надо требовать свободного маханія руками, а послѣ толчка — отчетливаго выбрасыванія руки и винтовки впередъ.

Для этого, при толчкѣ, лѣвую руку и правую съ винтовкой надо уклонить возможно больше назадъ такъ, чтобы винтовка была горизонтальна; затѣмъ съ силой послать руки впередъ, чтобы винтовка, опять была горизонтальна и упиралась прикладомъ въ подмышку. Такое же положеніе имѣютъ руки и въ моментъ самаго прыжка. Но какъ только прыгающій коснется земли, онъ садится въ полуприсѣданіе, имѣя лѣвую руку вытянутою впередъ, а правую, съ винтовкой, прижатою къ правому паху.

Положеніе винтовки въ полуприсѣданіи слѣдующее: правой рукой, у нижняго ложевого кольца, винтовка прижата къ паху правой ноги такъ, чтобы штыкъ винтовки уклонился влѣво и былъ на высотѣ пояса и противъ лѣваго глаза.

Горка для взбѣганія (вспалзыванія) и спрыгиванія. На этомъ препятствіи нѣтъ необходимости, при взбѣганіи требовать выбрасыванія рукъ впередъ (требованіе это предъявляется во многихъ частяхъ). На маленькой горкѣ, съ малымъ уклономъ и безъ винтовки, такое требованіе еще допустимо, но учить держать руки впередъ, да еще съ винтовкой, при преодоленіи даже уставныхъ горокъ, не имѣетъ смысла. Посланными впередъ руками только стѣсняется быстрота движенія и неестественно перемѣщается центр тяжести. Свободное же маханіе руками не будетъ связывать преодолевающаго въ движеніяхъ и наоборотъ, толчками, будетъ посылать корпусъ впередъ, вверхъ.

При спрыгиваніи, надо требовать, чтобы обучающійся спускалъ одну ногу внизъ, присѣдая на другую (чтобы уменьшить глубину прыжка), и, уже на лету, прижималъ винтовку къ правому паху.

Садиться послѣ прыжка надо обязательно въ полуприсѣданіе, чтобы сопротивленіемъ ногъ вполне обезпечить плавный переходъ въ полное присѣданіе, который получается въ силу инерціи.

Шлагбаумъ или барьеръ—нѣтъ необходимости брать съ упора руками и толчка ногами одновременно съ выбрасываніемъ ногъ въ сторону. Проще и практичнѣе вставать съ толчка въ упоръ и, взмахнувъ съ силой ногами, выбросить ихъ въ сторону.

Такой способъ преодоленія этого препятствія вполне обезпечитъ нашего солдата отъ всѣхъ барьеровъ — меньше малаго деревяннаго забора и больше уставнаго размѣра шлагбаума; тѣмъ болѣе, что прыгнуть въ полномъ походномъ снаряженіи, черезъ уставной размѣръ барьера, съ одновременнымъ упоромъ и толчкомъ, представляетъ большой трудъ и требуетъ большой тренировки.

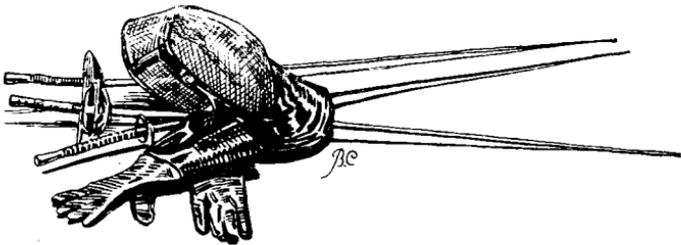
Въ арміи, гдѣ процентъ маленькихъ ростомъ преобладаетъ, черезъ барьеръ уставнаго размѣра прыгаютъ далеко не всѣ и, слѣдовательно, всякій барьеръ, чуть больше уставнаго, поставить нижняго чина въ тупикъ. Поэтому я и предлагаю барьеръ брать съ толчка въ упоръ и потомъ, съ выбрасыванія ногъ въ сторону. Последнее не будетъ противорѣчить и Наставленію, въ которомъ поставлено «и» («и вынося ноги и т. д.») и пропущено слово «одновременно».

Для прыжковъ же съ выбрасываніемъ ногъ въ сторону, въ зимней гимнастикѣ, есть на «кобылѣ» много упражненій, развивающихъ нижнихъ чиновъ въ этомъ направленіи и позволяющихъ думать, что при болѣ легкихъ условіяхъ, чѣмъ уставной барьеръ, большинство нижнихъ чиновъ въ частяхъ арміи перепрыгнетъ его.

На этомъ препятствіи каждый переноситъ сначала винтовку и ставитъ ее по ту сторону барьера и затѣмъ прыгаетъ самъ.

Въ заключеніе скажу: полевая гимнастика — наша гимнастическая цѣль — одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ боевой подготовки бойца, взвода и роты.

М. Дѣловъ.

ГЕРОЙ РѢШИМОСТИ.

(Военный историко-психологическій этюдъ).

Герой рѣшимости, описываемый нами, участникъ русско-японской войны, офицеръ N-го Восточно-Сибирскаго полка, штабсъкапитанъ N ¹⁾.

Въ ноябрѣ 1904 г., подъ Мукденомъ, русскія войска стояли близко къ японцамъ, почему были приняты всѣ мѣры къ возможно лучшему укрѣпленію своихъ позицій и болѣе удачному, сообразно мѣстности, распредѣленію воинскихъ частей.

На сторонѣ японцевъ находилась кумирня, которая, возвышаясь надъ окрестностями, служила прекраснымъ наблюдательнымъ пунктомъ для японцевъ. Всякое передвиженіе войскъ на нашей сторонѣ, малѣйшая переменѣна въ обстановкѣ были замѣчаемы японцами. И, конечно, ими тогда принимались соотвѣтствующія контръ-мѣры.

¹⁾ Хотя герой нашъ лицо дѣйствительное, но, въ силу нѣкоторыхъ обетоятельствъ, фамиліи не приводимъ.

Въ интересахъ русскихъ было или завладѣть кумирней, или уничтожить ее. По общимъ соображеніямъ, предполагалось за лучшее—уничтожить, взорвать ее, дабы она не служила наблюдательнымъ пунктомъ для противника.

Вступить въ открытый дневной бой изъ за кумирни считалось нежелательнымъ, а потому было предположено овладѣть этой мѣстностью ночью на короткій срокъ и съ помощью саперъ взорвать башню. Предполагали, что около кумирни находится около баталіона японцевъ.

Рѣшено: ночью послать охотниковъ на подвигъ.

Далѣе передаю по рассказамъ очевидцевъ.

Штабсъ-капитанъ N, его помощникъ и заурядъ-прапорщикъ съ 40 охотниками-солдатами вызвались взорвать кумирню.

Имъ позволили. И они ночью пошли.

На успѣхъ предпріятія, мы-очевидцы, да и они сами рассчитывали мало. Мы думали, что они идутъ на вѣрную гибель. Ибо, что могли сдѣлать 40 человѣкъ противъ предполагаемаго баталіона, укрытаго при томъ же въ окопахъ?

Но они пошли... Ночью, выйдя изъ заставы, раздѣлились на три отряда и пошли къ непріятелю. Одинъ отрядъ во главѣ со штабсъ-капитаномъ N пошелъ прямо, другой съ заурядъ-прапорщикомъ пошелъ справа въ обходъ, для демонстраціи, а третій составилъ резервъ на случай помощи тому или другому.

Прежде другихъ достигъ кумирни нашъ храбрый герой съ 12 солдатами-охотниками и, не дождавшись другихъ на помощь, смѣло вступилъ въ бой, какъ оказалось впоследствии, съ двумя ротами японцевъ (около 250 человѣкъ), которыя не выдержали смѣлаго натиска и бѣжали...

Наши храбрецы быстро заняли оставленные окопы и открыли по убѣгающимъ японцамъ огонь... Вскорѣ японцы опомнились и, догадываясь по стрѣльбѣ, что русскихъ въ окопахъ немного, повернули обратно и стали наступать, стремясь овладѣть только что потерянными окопами.

Но герои мужественно сдерживали натискъ японцевъ, пока наши саперы подошли къ кумирнѣ, притащили семь пудовъ пироксилина, провертѣли въ стѣнахъ дыры, вложили въ нихъ пироксилинь, зажгли его и взорвали кумирню.

Когда цѣль была достигнута—кумирня уничтожена, храбрецы счастливо отступили и благополучно вернулись къ своимъ позиціямъ.

Не правда-ли, героическій и красивый подвигъ!

Офицеръ— герой N съ отрядомъ въ 12 солдатъ *смѣло* идетъ на явную смерть, *храбро* выбиваетъ изъ окоповъ около 250 японцевъ, довольно продолжительное время *мужественно* сдерживаетъ обратный натискъ ихъ и, какимъ то чудомъ, уходитъ отъ непріятеля на свои позиціи.

Дѣйствительно, примѣръ, достойный подражанія!

Въ статьѣ: «Двѣ доктрины боевого воспитанія войскъ»—М. Энварльдъ ²⁾ останавливаетъ вниманіе на одномъ насущномъ вопросѣ: «что, именно, предпринимается, чтобы скорѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ образомъ подготовить армію къ предстоящей ей тяжелой дѣятельности на войнѣ, въ психологическомъ, или, если угодно, моральномъ отношеніи? Чѣмъ, помимо физической тренировки и выучки всѣмъ техническимъ тонкостямъ боеваго ремесла, обеспечивается, чтобы воображеніе, нервы и сердце бойцевъ за родину оказались въ состояніи выдержать внушительныя впечатлѣнія жестокой обстановки современнаго боя?»

М. Энварльдъ, разбирая воспитательныя системы, приходитъ къ выводу, что при воспитаніи, какъ въ прошломъ, такъ и настоящимъ, руководятся двумя доктринами: первая — *романтическая* и вторая—*реалистическая*.

Абрисъ первой, *романтической*, доктрины:

Если хотите имѣть армію, морально готовую къ побѣдамъ, то въ такомъ случаѣ— и прежде всего— позаботьтесь, во-первыхъ, о суровой дисциплинѣ (субординаціи), а во-вторыхъ, о томъ, чтобы каждый воинъ, до послѣдняго, гордо поднялъ голову и заразился нѣкоторой дозой самоувѣренности. Внушите ему покрѣпче мысль о величіи его назначенія, объ исконной побѣдной славѣ и чести родныхъ знаменъ, о почитаніи отечествомъ героевъ воиновъ и ихъ громкихъ подвиговъ и т. п. Почаще выражайте увѣренность, что въ лицѣ вашихъ слушателей вы ожидаете увидѣть, въ будущемъ, такихъ же героевъ, и постарайтесь довести ихъ до того, чтобы каждый сказалъ себѣ въ сердцѣ своемъ: «да я буду героемъ, ибо я этого хочу!»

... Научите, конечно, арміи всему, что нужно для побѣды въ техническомъ отношеніи, но, ради Бога, остерегайтесь преждевременно развращать ея воображеніе (въ бесѣдахъ, уставахъ и тѣмъ болѣе въ постановкѣ учений и маневровъ) постыдными и тягостными картинами боевой дѣйствительности. Къ чему эти постоянныя рассу-

²⁾ М. Энварльдъ. «Двѣ доктрины боевого воспитанія войскъ». «Военный Сборникъ», 1911 г. № 1.

Въ интересахъ русскихъ было или завладѣть кумирней, или уничтожить ее. По общимъ соображеніямъ, предполагалось за лучшее—уничтожить, взорвать ее, дабы она не служила наблюдательнымъ пунктомъ для противника.

Вступить въ открытый дневной бой изъ за кумирни считалось нежелательнымъ, а потому было предположено овладѣть этой мѣстностью ночью на короткій срокъ и съ помощью саперъ взорвать башню. Предполагали, что около кумирни находится около баталіона японцевъ.

Рѣшено: ночью послать охотниковъ на подвигъ.

Далѣе передаю по рассказамъ очевидцевъ.

Штабсъ-капитанъ N, его помощникъ и заурядъ-прапорщикъ съ 40 охотниками-солдатами вызвались взорвать кумирню.

Имъ позволили. И они ночью пошли.

На успѣхъ предпріятія, мы-очевидцы, да и они сами рассчитывали мало. Мы думали, что они идутъ на вѣрную гибель. Ибо, что могли сдѣлать 40 человекъ противъ предполагаемаго баталіона, укрытаго при томъ же въ окопахъ?

Но они пошли... Ночью, выйдя изъ заставы, раздѣлились на три отряда и пошли къ непріятелю. Одинъ отрядъ во главѣ со штабсъ-капитаномъ N пошелъ прямо, другой съ заурядъ-прапорщикомъ пошелъ справа въ обходъ, для демонстраціи, а третій составилъ резервъ на случай помощи тому или другому.

Прежде другихъ достигъ кумирни нашъ храбрый герой съ 12 солдатами-охотниками и, не дождавшись другихъ на помощь, смѣло вступилъ въ бой, какъ оказалось впослѣдствіи, съ двумя ротами японцевъ (около 250 человекъ), которыя не выдержали смѣлаго натиска и бѣжали...

Наши храбрецы быстро заняли оставленные окопы и открыли по убѣгающимъ японцамъ огонь... Вскорѣ японцы опомнились и, догадываясь по стрѣльбѣ, что русскихъ въ окопахъ немного, повернули обратно и стали наступать, стремясь овладѣть только что потерянными окопами.

Но герои мужественно сдерживали натискъ японцевъ, пока наши саперы подошли къ кумирнѣ, притащили семь пудовъ пироксилина, провертѣли въ стѣнахъ дыры, вложили въ нихъ пироксилинъ, зажгли его и взорвали кумирню.

Когда цѣль была достигнута—кумирня уничтожена, храбрецы счастливо отступили и благополучно вернулись къ своимъ позиціямъ.

Не правда-ли, героическій и красивый подвигъ!

Офицеръ— герой N съ отрядомъ въ 12 солдатъ *смѣло* идетъ на явную смерть, *храбро* выбиваетъ изъ окоповъ около 250 японцевъ, довольно продолжительное время *мужественно* сдерживаетъ обратный натискъ ихъ и, какимъ то чудомъ, уходитъ отъ непріятеля на свои позиціи.

Дѣйствительно, примѣръ, достойный подражанія!

Въ статьѣ: «Двѣ доктрины боевого воспитанія войскъ»—М. Энварльд²⁾ останавливаетъ вниманіе на одномъ насущномъ вопросѣ: «что, именно, предпринимается, чтобы скорѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ образомъ подготовить армію къ предстоящей ей тяжелой дѣятельности на войнѣ, въ психологическомъ, или, если угодно, моральномъ отношеніи? Чѣмъ, помимо физической тренировки и выучки всѣмъ техническимъ тонкостямъ боеваго ремесла, обеспечивается, чтобы воображеніе, нервы и сердце бойцевъ за родину оказались въ состояніи выдержать внушительныя впечатлѣнія жестокой обстановки современнаго боя?»

М. Энварльдъ, разбирая воспитательныя системы, приходитъ къ выводу, что при воспитаніи, какъ въ прошломъ, такъ и настоящемъ, руководятся двумя доктринами: первая — *романтическая* и вторая—*реалистическая*.

Абрисъ первой, *романтической*, доктрины:

Если хотите имѣть армію, морально готовую къ побѣдамъ, то въ такомъ случаѣ— и прежде всего— позаботьтесь, во-первыхъ, о суровой дисциплинѣ (субординаціи), а во-вторыхъ, о томъ, чтобы каждый воинъ, до послѣдняго, гордо поднялъ голову и заразился нѣкоторой дозой самоувѣренности. Внушите ему покрѣпче мысль о величій его назначенія, объ исконной побѣдной славѣ и чести родныхъ знаменъ, о почитаніи отечествомъ героевъ воиновъ и ихъ громкихъ подвиговъ и т. п. Почаще выражайте увѣренность, что въ лицѣ вашихъ слушателей вы ожидаете увидѣть, въ будущемъ, такихъ же героевъ, и постарайтесь довести ихъ до того, чтобы каждый сказалъ себѣ въ сердцѣ своемъ: «да я буду героемъ, ибо я этого хочу!»

... Научите, конечно, арміи всему, что нужно для побѣды въ техническомъ отношеніи, но, ради Бога, остерегайтесь преждевременно развращать ея воображеніе (въ бесѣдахъ, уставахъ и тѣмъ болѣе въ постановкѣ ученій и маневровъ) постыдными и тягостными картинами боевой дѣйствительности. Къ чему эти постоянныя рассу-

²⁾ М. Энварльдъ. «Двѣ доктрины боевого воспитанія войскъ». «Военный Сборникъ», 1911 г. № 1.

денія объ ужасахъ и «невозможностяхъ» современнаго боя, преждевременно возбуждающія трусость и малодушіе?»...

Вторая доктрина, *реалистическая*, для психологической подготовки будущихъ бойцовъ къ боевой обстановкѣ, считаетъ нужнымъ «честно, откровенно, правдиво и дѣловито познакомить воиновъ съ ихъ будущей дѣятельностью и ея обстановкою».

Они должны отчетливо сознавать, что война — не торжественная прогулка и даже не рядъ возвышающихъ душу боевъ, а сплошная мука бивачной, походной, сторожевой и боевой службы съ ея тягостями, лишениями, болѣзнями, потерями и.... кажущейся безцѣльностью и непонятностью. Что современныя войны выигрываются не лихими, самоувѣренными наскоками съ музыкой и распущенными знаменами, какъ пишутъ на картинкахъ, а настойчивымъ изморомъ врага, подползаніемъ къ нему шагъ за шагомъ, день за днемъ, ночь за ночью, нерѣдко подвергаясь крайнему истощенію, частнымъ неудачамъ и даже пораженіямъ, захлебываясь порою въ крови... Пусть, словомъ, будущіе бойцы знаютъ не только о величїи, но и великой трудности и самоотверженности своего призванія! И (пусть) на фонѣ реальнаго воспитанія ярче блестятъ для арміи имена историческихъ героевъ военнаго долга...

«Что же касается «воинственнаго» духа, то онъ состоитъ... въ сосредоточенной, серьезной рѣшимости, готовности на все. Только такая рѣшимость и даетъ побѣду».

Приведенное описаніе геройскаго подвига (со словъ очевидцевъ) отвѣчаетъ *романтической* доктринѣ.

Теперь же приведу описаніе того же подвига въ духѣ *реалистической* доктрины.

Вотъ описаніе, по личному признанію самого героя.

«Я самъ и товарищъ мой офицеръ, также какъ и я, доброволецъ, вмѣстѣ съ другими охотникамп-солдатами вызвались во чтобы то ни стало уничтожить кумирню, которая служила для японцевъ хорошимъ наблюдательнымъ пунктомъ.

Мы не знали силъ противника, но предполагали не меньше батальона. Насъ же всего — сорокъ. А такъ какъ сорока противъ батальона сражаться трудно и на успѣхъ прямой борьбы надѣяться было нельзя — мы рѣшились обмануть японцевъ.

Для этого предполагалось: ночью, пользуясь темнотой, напасть неожиданно на японскій редутъ, выбить японцевъ оттуда штыками и, выбивъ, удержать редутъ въ своихъ рукахъ столько времени, сколько

потребуется саперамъ для взрыва кумирни пироксилиномъ. Мы поставили себѣ задачей: «или достигь, или умереть».

Мы раздѣлились на три отряда.

Бывшій съ нами заурядъ-прапорщикъ пошелъ въ обходъ, производить демонстрацію сбоку. Я съ 12-ю охотниками надвигался прямо, то ползкомъ, то на четверенкахъ, съ перебѣжкой.

Товарищъ офицеръ шелъ сзади, составляя резервъ, имѣя задачей—прийти на помощь тому или другому.

Лишь только я добрался съ 12-ю охотниками до японцевъ на разстояніе 150—200 шаговъ, на душѣ стало жутко. Разстояніе 150—200 шаговъ позволяло намъ броситься на японцевъ въ атаку. Но подмоги, на которую я могъ рассчитывать изъ резерва или сбоку отъ заурядъ-прапорщика, я не видѣлъ и не слышалъ. Какъ оказалось впоследствии, заурядъ-прапорщикъ, старавшійся сдѣлать демонстрацію сбоку, попалъ въ ловушку. Другой—офицеръ съ резервомъ—заблудился и не могъ успѣть ко времени.

Настала критическая минута.

Итакъ, была пора идти въ атаку. Пули изъ окоповъ, гдѣ сидѣли японцы, летѣли какъ мухи. Подмоги никакой. И мнѣ стало *особенно жутко*.

Противъ воли, въ головѣ сидѣла мысль, что мы ничего сдѣлать съ японцами не сможемъ. Что значить 12-ть противъ 250—300, а мы тогда предполагали еще и батальонъ? Можно ли было надѣяться на успѣхъ? Конечно, нѣтъ.

И вотъ у меня наступила *минута тяжелой внутренней борьбы*—идти *впередъ* или отступить *назадъ*. Идти впередъ—неминуемая смерть... Идти назадъ—кличка «трусъ... струсилъ»... Идти впередъ—погубить всѣхъ 12-ть охотниковъ: имѣю ли я право? Идти назадъ—подвергнуть всѣхъ позору: «струсили». Въ эту минуту душевное состояніе самое отчаянное...

Секунды колебанія казались мнѣ бесконечно длительными. И мнѣ думается, въ эти немногія секунды я ужасно постарѣлъ... «И ты рѣшаешься запятнать себя позоромъ трусости»... ярко предстало у меня въ головѣ. Эта мысль о позорѣ «трусости» прошла *холодомъ* по всему тѣлу... *И потомъ не помню* ясно, что было дальше. Я не колебался больше. Я бросился впередъ на вѣрную смерть... Я не посмотрѣлъ даже, есть ли со мною тѣ 12-ть охотниковъ, съ которыми я пришелъ; идутъ они за мною или отстали? Я стремглавъ бѣжалъ, имѣя въ головѣ лишь одну мысль не кричать и не стрѣлать,

чтобы одиночнымъ голосомъ или одиночными выстрѣлами не выдать своей малочисленности.

Когда я достигъ окопа, я ждалъ неминуемой смерти... Вскочивъ же въ окопъ, я безотчетно закричалъ во все горло команду, какъ будто командовалъ не 12-ю солдатами, а цѣлымъ батальономъ. Голосъ команды, какъ потомъ говорили, былъ слышенъ ясно на нашихъ позиціяхъ.

Бросившись въ окопы, мы сверхъ всякаго ожиданія, встрѣтили слабое сопротивленіе. Японцы при нашемъ появленіи разбѣжались. Мы заняли японскіе окопы и начали стрѣлять по убѣгающему неприятелю. Тутъ только я увидѣлъ, что со мной были всѣ 12-ть охотниковъ и никто изъ нихъ не отсталъ.

Японцы вскорѣ поняли, что насъ немного, и двинулись обратно выбивать изъ окоповъ. Исполняя намѣченную задачу, мы держались въ окопахъ, отражая наступающихъ японцевъ. Держались изо всѣхъ силъ, стараясь выиграть время, необходимое для взрыва кумирни саперами.

Казалось ужъ очень медленно шли саперы, таща семь пудовъ пироксилина. Казалось, ужъ очень медленно сверлили кирпичную стѣну кумирни; не спѣшили готовить взрыва, но все же... подошли; начали буравить дыры въ фундаментъ. Вложивъ пироксилинъ въ дыры фундамента, зажгли фитиль и рассчитавъ на 5 мин. до взрыва, давая возможность тѣмъ временемъ отступить, не подвергшись дѣйствию взрыва, закричали: «готово».

Какъ только я скомандовалъ «готово», мы всѣ бросились бѣжать отъ кумирни къ своимъ позиціямъ, стремясь убѣжать на разстояніе 500 шаговъ, чтобы не подвергнуться дѣйствию взрыва. Необходимо было бѣжать, какъ можно скорѣе; но я, горя нетерпѣніемъ, на нѣкоторомъ разстояніи обернулся, чтобы посмотреть, какъ взорвется кумирня? И я видѣлъ, какъ вдругъ все кругомъ освѣтилось: кумирня полетѣла въ воздухъ. Взрывомъ все смело и тамъ, гдѣ стояла кумирня, осталась ровная поверхность.

Убѣгая назадъ къ своимъ позиціямъ, мы узнали, что японцы, пользуясь нашимъ замедленіемъ въ окопахъ и получивъ резервы на подмогу, двинулись въ обходъ и насъ окружили. Намъ пришлось прокладывать путь штыками. Какъ все это было? И что было дальше? Не помню. Не помню даже, какъ я попалъ назадъ на свои позиціи. Припоминается смутно, что наши, принявъ насъ за японцевъ, встрѣтили ружейнымъ огнемъ. Не помню также и того, какъ говорили

потомъ, что, по прибытіи къ себѣ, у меня случился припадокъ съ судорогами».

Кто же такой нашъ герой помимо геройскаго подвига?

I. Свидѣтельство товарищей-сослуживцевъ.

«Истинныхъ героевъ въ настоящую войну немного, говорилъ офицеръ того же полка М—въ. Какъ на одного изъ такихъ укажу на штабсъ-капитана N-го Восточно-Сибирскаго полка N. Этотъ офицеръ—истинный герой войны и не по моему только личному признанію, но и по мнѣнію всего полка, въ которомъ онъ служить съ начала войны до настоящаго времени (11 мѣсяцевъ кампаніи). Онъ принималъ участіе во всѣхъ сраженіяхъ, выпавшихъ на долю полка, и всюду былъ на высотѣ призванія».

II. Свидѣтельство самого героя.

Черезъ два мѣсяца послѣ слышаннаго разсказа о героѣ офицерѣ N, судьба привела меня увидѣть его самого.

Теперь, черезъ годъ и одинъ мѣсяцъ войны, герой нашъ, физически и нервно ослабъ и былъ привезенъ солдатами его роты на леченіе въ госпиталь, хотя онъ самъ хотѣлъ: «лучше умереть со своими, чѣмъ оставлять ихъ».

Штабсъ-капитанъ N—37 лѣтъ, роста средняго, съ виду сухощавый, блѣдный лицомъ; говоритъ немного заикаясь и во время разговора замѣтно волнуется, учащенно дышетъ и временами, то краснѣетъ, то блѣднѣетъ.

Вотъ его краткій *разсказъ о своей дѣятельности на войнѣ.*

«Приѣхалъ я на войну съ Кавказа, по собственному желанію, имѣя стремленіе послужить военному дѣлу по совѣсти. Въ то время былъ совершенно здоровъ; ничѣмъ никогда не болѣлъ и вышивалъ лишь изрѣдка въ компаніи. Прибылъ я на войну въ самомъ ея началѣ въ N-й Вост. Сиб. полкъ во время стоянія на Ялу и, начиная съ Тюренчена, принималъ участіе во всѣхъ сраженіяхъ, выпавшихъ на долю нашего полка.

Терпѣлъ голодь и холодъ; спалъ подъ дождемъ; какъ пѣхоти-

нець, дѣлалъ большіе переходы на своихъ ногахъ; лѣтомъ жилъ въ палаткѣ; зимой въ землянкахъ. Нѣсколько разъ легко контужень. 16-го августа 1904 г. подъ Ляояномъ былъ раненъ двумя пулями (согласно медицинскому свидѣтельству—раненъ въ ноги двумя пулями на вылетъ). Черезъ 9 дней послѣ раненія пошелъ снова въ строй. 14-го ноября—съ охотниками солдатами взрывалъ кумирню у дер. Нангандзы (описанный выше, по разсказу очевидцевъ и его собственному, подвигъ)».

29-го января 1905 г. въ землянку, въ то время, какъ только что онъ вышелъ, попалъ снарядъ осадного орудія. Всѣ его товарищи по землянкѣ были убиты или ранены. Начиная съ Ляояна (когда онъ былъ раненъ) сталъ особенно нервничать и раздражаться. Съ половины декабря 1904 г. сталъ страдать куриной слѣпотой; ночью ничего не видѣлъ. За послѣднее время сталъ заикаться, чего раньше не было; сталъ нервнымъ; появились припадки, съ потерей памяти во время припадка.

«По пріѣздѣ изъ Россіи на войну я легко переносилъ всѣ виды и ужасы. Убитые и раненые не производили впечатлѣнія. Но, начиная съ Ляояна, когда я сталъ болѣе нервнымъ и впечатлительнымъ, видъ крови и страданія раненыхъ, стоны и крики стали на меня дѣйствовать крайне непріятно».

«Да, пришлось много перенести всего», говорилъ герой: «терпѣть физически и морально, въ настоящую войну, было не легко. Но что же дѣлать? *Долгъ службы и военныя обязанности должны быть выше всѣхъ нашихъ невзгодъ*».

«Изъ 20 офицеровъ нашего полка, по моемъ пріѣздѣ, теперь въ живыхъ остались только трое. Да и тѣ расшатали свое здоровье».

«Я... съ разбитыми нервами. Другого видѣлъ на вокзалѣ... кричалъ: «я—японецъ... берегитесь... всѣхъ убью!»». Третій, оставшійся на позиціяхъ, непьющій и некурящій, за послѣднее время разговариваетъ самъ съ собой... И вотъ теперь я попалъ къ вамъ въ госпиталь, но я самъ, по собственной инициативѣ, никогда бы не пошелъ въ госпиталь съ позицій. Я не допустилъ бы заклеить себя «трусомъ и лодыремъ». Однако, мое *душевное состояніе* въ послѣднее время было настолько *тяжелымъ и невыносимымъ*, что *искренно желалъ умереть*. Въ послѣдніе дни я чаще выходилъ изъ за прикрытій... *Я жаждалъ смерти, какъ чего-то желаннаго и пріятнаго*... Оказалось, товарищи офицеры и мои друзья-нижніе чины давно наблюдали за мной и слѣдили, чтобы я не рисковалъ

жизнью. Когда я вышелъ на опасное мѣсто, они силой стащили меня въ окопы и силой увели къ врачу, прося его отправить меня въ Харбинъ—въ госпиталь, какъ несомнѣнно больного. Мнѣ было страшно *стыдно* ѣхать въ госпиталь, но было и *отрадно видѣть заботу* и жалость со стороны солдатъ и товарищей офицеровъ. Я согласился и поѣхалъ лечиться...

III. Къ характеристикѣ героя изъ замѣтокъ въ дневникѣ ³⁾.

Въ офицерскомъ отдѣленіи харбинскаго N-го госпиталя лежать на койкахъ въ одной и той же комнатѣ офицеръ казакъ, участникъ сраженія при Инкоу, В. и нашъ герой. Направленіе мыслей обоихъ совершенно противоположное. Въ то время, какъ казакъ всюду видитъ неуспѣхъ и не вѣритъ въ будущее счастье русскаго оружія, находя его не на высотѣ своей задачи, другой—нашъ герой—вѣрить, *горячо вѣритъ*, по дѣтски, *въ успѣхъ* счастливаго окончанія войны для насъ, русскихъ. Вѣрить, что съ нашими стрѣлками, «*отличными солдатами*», можно дѣлать чудеса. Если бы были хорошіе генералы, то все сразу бы перемѣнилось. Лишь... отчужденность солдатъ отъ начальства вредитъ дѣлу. Но онъ вѣритъ въ счастье; вѣритъ, что русскій солдатъ съ вѣрой «въ папашу Линевиича» сдѣлаетъ чудеса... И нужно было видѣть, чтобы понять, какъ онъ глубоко чувствовалъ и переживалъ всѣ событія войны. При радостныхъ и утѣшительныхъ извѣстіяхъ о счастіи нашего оружія, въ первые дни мукденскаго боя, былъ веселъ; болѣе того, былъ просто въ восторгѣ. Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ съ восторженнымъ лицомъ, жестикулировалъ руками и заплетающимся языкомъ увѣрялъ, что еще немного и японцы будутъ биты. При печальныхъ извѣстіяхъ—скучный и молчаливый, лежалъ на своей койкѣ и не говорилъ. На насмѣшки своего товарища сердился и увѣрялъ, что сегодня плохо, но завтра навѣрно наши побѣдятъ.

Несмотря на очевидную болязнь, онъ упорно просился на выписку, и даже съ трудомъ удалось удержать его. Онъ непремѣнно хотѣлъ ѣхать сражаться «со своими отличными солдатами» и ни за что не хотѣлъ уступить «своей сонки» японцамъ.

По мѣрѣ теченія мукденскаго боя, интересъ его къ военнымъ

3) Изъ записей въ личномъ дневникѣ во время войны, отъ 27-го февр. 1905 г.

событіямъ повидимому все болѣе и болѣе возрасталь. Всякаго входящаго свѣжаго человѣка онъ останавливалъ и разспрашивалъ: «нѣтъ ли чего хорошаго?» Но вотъ пришли извѣстія объ оставленіи Мукдена японцамъ и объ отступленіи русскихъ... Начали критиковать дѣйствія военачальниковъ... Онъ не выдержалъ... и заплакалъ навзрыдь. Бросился въ постель лицомъ въ подушки, заткнулъ себѣ уши и, болтая ногами, кричалъ: «не говорите, не говорите... о пораженіи»...

Реально-естественное направленіе, какъ видно изъ описанія, снимаетъ съ героизма весь «возвышающій самообманъ» и представляетъ подвигъ просто и открыто, хотя какъ выдающуюся военнo-боевую работу, но все же какъ работу и работу такого же обыкновеннаго, простаго человѣка, какъ и всѣ люди.

И подвигъ самъ не есть только красота, но въ то же время онъ есть трудъ, полный лишеній, страданій, скорби и риска своей жизнью.

Здѣсь, если мы удивляемся величію подвига и желаемъ подражать герою, то видимъ, что все это исполнимо для всякаго обыкновеннаго человѣка.

Быть можетъ реально-естественное описаніе подвига нашего героя сняло съ него божественные покровы и быть можетъ самъ герой безъ красивыхъ одеждъ героизма романтическаго направленія не достоинъ называться героемъ, а подвигъ — геройскимъ подвигомъ?

Посмотримъ, *кого мы можемъ и должны называть героемъ?* Независимо отъ формы жизнеописанія (романтическаго или реально-естественнаго направленія)?

Истино-героическая дѣятельность должна быть:

I. Сознательной и вытекать изъ принциповъ военнаго долга и обязанностей.

Нашъ герой N. вполнѣ сознательно (даже добровольно) шелъ на войну, принималъ участіе во всѣхъ дѣлахъ, выпавшихъ на долю полка, и вполнѣ сознательно шелъ на описанный подвигъ по взрыву кумирни. Вся его дѣятельность и подвигъ вытекали изъ принциповъ военнаго долга и обязанностей.

II. Дѣятельность должна быть не случайной, а постоянной и интенсивной, вызывающей удивленіе и невольное почитаніе къ нему со стороны окружающихъ лицъ.

Томась Карлейль ⁴⁾ говорить: «настоящій герой—всегда труженникъ». «Онъ первый рабочій на поденномъ трудѣ»...

И нашъ герой, по свидѣтельству его соотоварищей, «постоянный работникъ», никогда отъ своей обязанности неуклоняющійся выдѣляющійся изъ ряда обыкновенныхъ дѣятельностью, вызывавшей «удивленіе и невольное почитаніе».

III. Въ достиженіи поставленныхъ цѣлей герой не щадитъ своей жизни, здоровья и личнаго благополучія.

Описанный подвигъ по взрыву кумирни показываетъ, что N не преслѣдовалъ личнаго благополучія, рисковалъ и своимъ здоровьемъ и своей жизнью.

IV. Герой долженъ быть постоянной непоколебимой вѣрой въ успѣхъ дѣла, которому онъ служитъ, несмотря на всевозможныя препятствія и случайныя неуспѣхи.

Эта черта героя N вырисовывается изъ дневника ⁵⁾, приведеннаго выше. Въ продолженіе всей войны «онъ вѣрилъ въ успѣхъ»... И подь Мукденомъ—«вѣрить въ успѣхъ русскаго оружія»... После неудачи подь Мукденомъ сразу же вѣрить, что «русскій солдатъ съ вѣрой въ папашу Линевича» сдѣлаетъ чудеса»... Разговоры о возможныхъ будущихъ неудачахъ его раздражаютъ: онъ полонъ вѣры въ успѣхъ будущаго... и даже въ то время, когда онъ былъ уже больной...

V. Необходимо, чтобы дѣятельность заслуживала того, чтобы быть отмѣченной въ исторіи и подвигъ борьбы могъ быть преподаннымъ въ правоученіе и назиданіе потомству.

И этому требованію, если мы вспомнимъ описаніе подвига борьбы 12 человекъ съ 250 — 300, при отношеніи 1 : 20, вполне удовлетворяетъ нашъ герой N.

Отсюда, болѣе кратко: «военнымъ героемъ называютъ то лицо, которое проявило на войнѣ какой либо видъ удивляющей боевой дѣятельности: храбрость, смѣлость, рѣшимость, самообладаніе, терпѣніе, отвага, самопожертвованіе и т. п., достойный того, чтобы проявленный подвигъ былъ переданъ потомству въ поученіе и назиданіе» ⁶⁾.

⁴⁾ «Герои, почитаніе героевъ и героическое въ исторіи». Перев. съ англійскаго В. И. Яковенко, Спб. 1908 г.

⁵⁾ Мой личный дневникъ во время войны отъ 27-го февраля 1905 г.

⁶⁾ К. Кирковъ. «Записки по Военна Педагогя». Софія. 1900. Перев. съ болгарскаго прилож. къ «Военному Сборнику» за 1912 г.

Дѣятельность героя не всегда бываетъ красочной, выпуклой. Въ этой дѣятельности, какъ во всякой работѣ, бываютъ наиболѣе яркіе моменты, которые *особенно удивляютъ* и вызываютъ наибольшее почитаніе къ герою, какъ къ необыкновенному человѣку.

Такіе яркіе моменты военно-боевой дѣятельности называются *подвигами*.

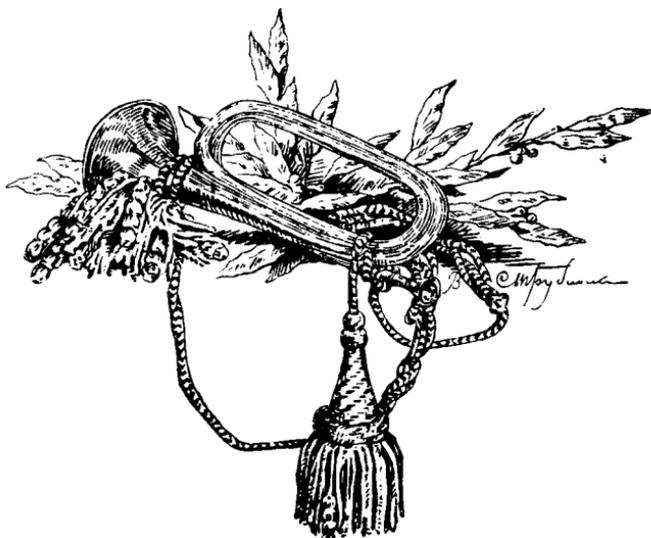
«Самъ же герой получаетъ въ исторіи эпитетъ того подвига, который наиболѣе изумлялъ его современниковъ и послужилъ къ наибольшей славѣ героя, какъ необыкновеннаго человѣка ⁷⁾).

Военная этика отмѣчаетъ, какъ выдающіяся воинскія качества (или воинскія добродѣтели), храбрость, смѣлость, рѣшимость, самообладаніе, терпѣніе, отвагу и др.

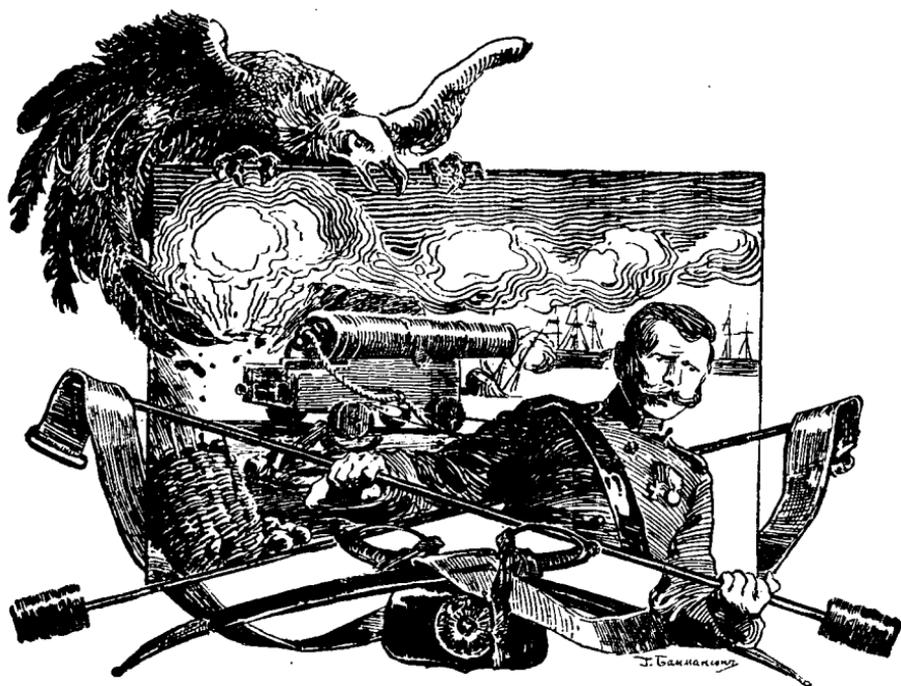
Герой нашъ N проявилъ и храбрость, и смѣлость, и терпѣніе, и самообладаніе, *но особенно онъ удивилъ рѣшительностью* идти, по его же словамъ, на вѣрную смерть.

Въ силу приведеннаго, описанный нами штабсъ капитанъ N-го Восточно-Сибирскаго полка N имѣетъ полное право именоваться, *истиннымъ военнымъ героемъ*, а по своему выдающемуся подвигу — *героемъ рѣшимости*.

Д-ръ *Т. Шумковъ*.

⁷⁾ Тамъ же

ПОЛЬЗУЕМСЯ-ЛИ МЫ УРОКАМИ ИСТОРИИ?

Самая непрактичная раса въ мірѣ—наша славянская. Славянинъ, даже если изучаетъ что нибудь, то только для «чистаго знанія», а не для примѣненія на практикѣ, т.-е. не для пріобрѣтенія науки жизни, пользуясь опытомъ или изслѣдованіями другихъ. Даже исторія изучается лишь для блеска знаніемъ: «неудобно моль не знать эгого...» Приличіе требуетъ....

Нѣкоторые впрочемъ пытаются, при помощи исторіи, разгадать или открыть тѣ законы, которыми будто бы неизмѣнно управляется жизнь народовъ и даже цѣлаго человѣчества, независимо отъ отличительныхъ качествъ того или другого народа. Поэтому они ставятъ всѣ совершающіяся историческія событія даннаго народа внѣ зависимости отъ сознательнаго или безсознательнаго отношенія къ

нимъ и вліянія на нихъ этого народа, и такимъ образомъ создаютъ ученіе о неизбѣжности этихъ событій, т.-е. ученіе о фаталитетѣ или рокѣ (Толстой въ IV части «Войны и Мира»).

Нѣкоторые, не будучи поклонниками ученія о рокѣ, тѣмъ не менѣе замѣчаютъ полную зависимость судьбы народовъ отъ якобы неизбѣжныхъ вліяній на жизнь ихъ со стороны внѣшнихъ факторовъ. Они говорятъ: народы рождаются и развиваются въ суровыхъ внѣшнихъ условіяхъ, заставляющихъ ихъ жить въ постоянной борьбѣ. Въ этой постоянной борьбѣ народъ крѣпнеть, закаляется и, въ виду общей опасности, невольно, инстинктивно, спланивается для вѣрнѣйшаго ея отраженія. Но послѣ, говорятъ они, по достиженіи извѣстной степени безопасности, особенно съ развитіемъ культуры, съ развитіемъ цивилизаціи, падаетъ воинственность народа, такъ какъ блага жизни уже имѣются, добывать какъ будто больше нечего или опасно (какъ бы и своего не потерять), и высоко культурный и цивилизованный народъ подпадаетъ подъ власть дикаго, но воинственнаго племени.

Въ свою очередь, завоеватели мечомъ завоевываются культурой, цивилизаціей покоренныхъ и сами расслабляются. Такое сужденіе возникаетъ изъ черезчуръ общаго, такъ сказать, наружнаго обзора жизни народовъ. Благодаря такому обзору, получается право сдѣлать логическій выводъ, что культура и цивилизація обязательно сопровождаются потерей воинственности и неизмѣнно ведутъ данный народъ къ политической смерти.

Доказать несправедливость такого вывода очень трудно, особенно историческими фактами, кромѣ того, это заняло бы слишкомъ много мѣста.

Поэтому позволю себѣ обратить вниманіе читателей на слѣдующую аналогію, изъ которой видно будетъ, что сдѣланные выводы не имѣютъ точно опредѣленнаго основанія, а потому могутъ быть отнесены и къ другимъ причинамъ.

Такъ, если бы мы, кромѣ исторіи народовъ, читали исторіи отдѣльныхъ человѣческихъ жизней и сдѣлали бы подобный предыдущему общій наружный обзоръ ихъ, мы бы сказали: «человѣческій организмъ сначала борется, этимъ закаляется и укрѣпляется. Человѣкъ становится энергичнымъ (т.-е. воинственнымъ) и стремится къ приобрѣтенію благосостоянія (т.-е. къ завоеваніямъ), но, достигши его (т.-е. покоривши), обыкновенно, вскорѣ теряетъ способность бороться (т.-е. теряетъ воинственность) и гибнетъ.

Будетъ ли здѣсь правильнымъ выводъ, что и отдѣльные люди умираютъ потому, что достигли благосостоянія?

Конечно, отвѣтить не трудно: можетъ быть и потому, но, вѣрнѣе, вслѣдствіе наступленія старости, т.-е. конца жизни.

Не будетъ ли такой отвѣтъ болѣе правильнымъ и въ отношеніи жизни народовъ? То есть: народъ теряетъ свою воинственность (энергію) не потому, что онъ достигъ той или другой степени культуры и цивилизованности, а, вѣроятнѣе, вслѣдствіе наступленія дряхлости.

Отсюда—двѣ цѣли, двѣ задачи при пользованіи исторіей: во-первыхъ, надобно еще выучиться опредѣлять фазы жизни народовъ, а, во-вторыхъ, надо отличать, такъ сказать, индивидуальныя свойства каждаго народа, его политическое здоровье, признаки старости и разложенія.

Но, какъ человѣкъ разнится въ этомъ отношеніи отъ человѣка, такъ и народъ разнится отъ народа. Это мы видимъ въ дѣйствительности; видимъ, что не все, примѣнимое къ одному народу, примѣнимо къ другому; да и вообще—различіе народовъ рѣзко замѣтно во всемъ.

Всѣ эти различія, всѣ типичныя особенности каждаго народа, какъ и отдѣльнаго человѣка, рѣзче всего выказываются въ выдающихся событіяхъ, переломахъ, трудныхъ положеніяхъ.

Вотъ гдѣ заключается тотъ драгоцѣнный кладъ, который имѣется въ исторіи: въ историческихъ событіяхъ рельефно выказываются отличительныя признаки того или другого народа, его достоинства, его недостатки, вообще его характеръ.

Исторія въ жизни народа—это опытъ въ жизни человѣка, его дневникъ. А потому, насколько разумно и естественно, что человѣкъ вспоминаетъ событія своей жизни, ведетъ дневникъ (съ цѣлью впредь использовать этотъ опытъ съ цѣлью «познать самого себя», дабы культивировать свои хорошія и сильныя стороны и по возможности парализовать, если не совсѣмъ уничтожить, свои дурныя и слабыя стороны), настолько же разумно и естественно было бы и народу, подобнымъ же образомъ, пользоваться своей исторіей.

Не думаю, чтобы нашелся хоть одинъ человѣкъ, который бы сталъ оспаривать что нибудь изъ сказаннаго здѣсь и главнымъ образомъ то, что исторію слѣдуетъ изучать не ради чистаго знанія или,

какъ нѣкоторые говорятъ: «можетъ быть когда нибудь и пригодится» (для экзамена, для салонныхъ разговоровъ, для блеска своею образованностью и пр.), т.-е. «на всякій случай», а для *использованія* опыта. Напротивъ, я ожидаю упрека, что это слишкомъ очевидно, даже для ребенка, а потому это, конечно, всѣмъ извѣстно и не стоило и говорить о такихъ черезчуръ простыхъ вещахъ.

Но именно простыя то вещи и упускаются всегда изъ виду. И въ данномъ случаѣ оказываются упущенными и не принятыми во вниманіе нами очевиднѣйшіе и простѣйшіе уроки исторіи нашего русскаго народа.

Эти уроки именно тѣмъ и цѣнны, что наглядно показали, какъ выдающіеся недостатки, такъ и достоинства нашего народа.

Не подъемъ культуры и цивилизаціи, а потаканіе своимъ слабостямъ (и условія, благопріятствующія развитію этихъ слабостей и національныхъ недостатковъ, а также неумѣніе пользоваться національными достоинствами) ведетъ къ потерѣ воинственности народа, его крѣпости, сплоченности, а потому и къ упадку...

Правда, культура и цивилизація почему то нынѣ предпочитаютъ достиженіе исключительно *личнаго* благосостоянія и спокойной жизни, маскируемое лишь общимъ благомъ всего человѣчества (космополитизмъ). Поэтому онѣ приводятъ обыкновенно къ ослабленію національной сплоченности, къ ослабленію желанія жертвовать собой за интересы своего народа, считая, что они уже достигаются по пути космополитизма. Но вѣдь это русло, по которому направлены культура и цивилизація, можно и измѣнить, давъ ему естественное направленіе—благо семьи, т. е. ячейки государства, развитіе всего того, что усилить защиту этого государства. Столь естественно и нормально направленная культура и цивилизація въ высшей степени усилятъ защиту государства или семьи отъ голода, холода и всякихъ бѣдствій.

Конечно, космополитизмъ ведетъ къ тому, что болѣе эгоистичные, сильные характеромъ и заботящіеся лишь о благѣ *своего* народа (семьи и народа) завладѣваютъ всѣмъ у «непротивящихся злу» и не пекущихся о своей семьѣ (и о народѣ) ради отвлеченнаго общаго блага человѣчества...

Что же принято нами во вниманіе по этому поводу изъ уроковъ нашей исторіи? Выяснены ли нами наши національные недостатки и достоинства и что сдѣлано для того, чтобы парализовать

вредное вліяніе первыхъ и чтобы увеличить полезное вліяніе вторыхъ?

Отвѣтъ неутѣшительный: ничего не сдѣлано, такъ какъ исторія изучается нами лишь для чистаго знанія, для объясненія историческихъ событій, для критики...

А между тѣмъ каждое событіе могло бы быть *использовано* въ смыслѣ прямой утилизациі: поученія, опыта, національнаго самопознанія, самоанализа.

Не имѣя возможности останавливаться на всѣхъ въ этомъ отношеніи замѣчательныхъ и поучительныхъ событіяхъ нашей исторіи, я остановлюсь лишь на нѣсколькихъ, особенно насъ характеризующихъ.

І. Блескъ русской удали (и вопиющности).

Святославъ и цѣлый рядъ «удалыхъ» князей, нашъ былинный эпосъ, не то что характеризуютъ, отгѣняютъ, а такъ и сверкаютъ отличительной особенностью русскихъ; особенностью, прославленной еще въ нашемъ былинномъ эпосѣ и сохранившейся и понынѣ: это—*безшабашная удаля, стремленіе выходить на бой въ'одиночку, съ малыми отрядами, стремленіе одному или малымъ отрядомъ бить и побѣждать «тѣмы».*

Только бой «богатыря» съ тѣмой, съ полчищами, и прославляется: «махнетъ—улица или переулочекъ»... И хотя всѣхъ богатырей по одиночкѣ перебьютъ вражьи несмѣтныя силы, и побѣдятъ, и полонятъ нашихъ, но вѣчная слава богатырямъ, выходившимъ на бой въ одиночку на цѣлую рать...

Славятъ не побѣду, не умѣніе полководчески управлять силами массъ, сосредоточивая всѣ силы для удара въ одно мѣсто, а только одиночный подвигъ и смерть въ неравной борьбѣ. Побѣду понимаютъ только, какъ побѣду надъ сильнѣйшимъ. Эта отличительная черта русскаго народа рѣзко замѣтна и въ наше время, и мы эту черту боготворимъ и еще больше культивируемъ.

Да и трудно не культивировать, не поклоняться этому. Трудно не восхититься проявленіемъ благороднѣйшаго, хоть иногда не совсемъ осмысленнаго геройства—совершить такой подвигъ, благодаря которому только, а не искусно направляемымъ усиліямъ массъ, операциямъ, и достигнуть успѣхъ. Трудно устоять противъ очарованія риска—малыми силами противостоять большимъ силамъ. И вотъ мы требуемъ отдѣльныхъ подвиговъ, а не общей побѣды, учимъ под-

вигамъ не въ массѣ, а въ одиночку, славимъ ту неравную борьбу, гдѣ насъ было меньше.

Если бы у насъ нашелся искусникъ-полководецъ, который бы умѣлъ управлять массой войскъ и этой массой раздавилъ бы мало-численнаго противника, то на него бы стали кричать, что это некрасиво, неблагородно бить слабѣйшаго; это все равно, что бить лежачаго ¹⁾. И дѣйствительно, въ нашей исторіи нѣтъ примѣра борьбы со слабѣйшимъ... А съ Японіей? Тамъ мы сначала какъ бы совѣстились бороться съ нею всѣми своими силами и, какъ завѣдомо сильнѣйшій борецъ, дали «фору»: позволили взять себя за талію обѣими руками, сами дѣйствуя только одною лѣвой рукой.

Эти—дивное русское великодушіе къ слабѣйшему, благородство въ борьбѣ, развившіяся въ страсть къ самопожертвованію и непо-зволяющія намъ не только бить лежачаго, но даже пользоваться вполне плодами побѣдъ, надо учитывать и сдерживать, хотя бы только до окончанія борьбы, такъ какъ даже простѣйшая логика говорить, что послѣ побѣды въ сраженіи необходимо и обязательно преслѣдовать, т.-е. добывать поверженнаго уже врага.

Необходимо принять во вниманіе этотъ урокъ исторіи: наше всегда не кстати великодушіе, благородство, самопожертвованіе—безспорно самыя высокія чувства, достойныя поклоненія, но только во-время, а не въ бою, гдѣ они неумѣстны, лишены смысла и логики, такъ какъ въ борьбѣ изъ двухъ противниковъ (какъ уже сказано) не можетъ быть двухъ побѣдителей, а только одинъ. Вступленіе же въ борьбу можетъ имѣть только одинъ смыслъ, оправданіе, цѣль—это полный разгромъ противника, безъ чего не слѣдуетъ и въ борьбу вступать. Если желать побѣды въ смертельной борьбѣ, дуэли, то нѣтъ мѣста великодушію, благородству, самопожертвованію, такъ какъ, милуя, спасая, хотя бы отчасти, вступившаго въ смертельную борьбу противника, обрекается на новую борьбу наше же отечество; обрекается оно на новыя, непредвидѣнныя, можетъ быть, смертельныя опасности, ибо между народами, т.-е. коллективными лицами, не было, нѣтъ и не можетъ быть ни благодарности, ни преданности, ни долга, какъ между людскими индивидуумами.

Знаменитая фраза, что «Австрія, удивила будто бы, міръ своей неблагодарностью», очень и очень иносказательна. Міръ удивился не здоровому эгоизму Австріи, а нашимъ утопическимъ надеждамъ на благодарность намъ всѣхъ европейскихъ народовъ за 1812, 1813,

¹⁾ «Легкая побѣда—плохое торжество!» (Рус. поговорка).

1814 и 1815 года, за спасение нами Австрии в венгерскую кампанию и др. случаи.

История показывает, что все действия народов, в противоположность действиям отдельных людей, объясняются и регулируются только эгоистичной любовью к своему отечеству; следовательно польза и выгода своего отечества должны и у нас бы стоять впереди всего. Только отсюда должны вытекать все другие чувства к иностранцам: дружба (союз), ненависть, мщение и пр. Отсюда и логическое объяснение — почему благородство и великодушие (в особенности самопожертвование) даже к надломленным врагам отечества есть преступление в отношении этого отечества.

II. Предвзятость: русская специальность не нападать, а отбиваться.

Переходя еще к одной, сверкающей в общей и военной истории, отличительной чертой русского народа (вытекающей из предыдущего), я позволю себе остановиться на факте явно противоположного толкования не только исторической, но и настоящей действительности.

Так многими, даже почти всеми, решено и подписано, что русские особенно хороши в отступлении, в позиционной войне. в партизанской войне... Объясняют это только характерной для русских стойкостью и великой решимостью, готовностью умереть, но «не посрамиться»; «мертвые бо сраму не имеют» — сказал Святослав, проникнувшийся славянским духом, а потому всегда находивший дружный отклик в душе своей дружины.

И правда, русские всегда отличались стойкостью и решимостью скорее умереть, чем посрамиться. Недаром один из великих полководцев с удивлением воскликнул: «Русского солдата мало убить, надо еще его повалить»!

И нам стыдно забывать, не развивать и не пользоваться, до конца, этими высокими сторонами русской души, пассивной стойкостью, как это сказалось в последнюю войну. Но еще более нам стыдно, что мы, несмотря на громкие, постоянно повторяющиеся, факты, совершенно не видим, а потому и не культивируем, даже гушим в себе другую, еще более драгоценную черту нашего воина, это природную русскую безшабашную удачу, о которой мы говорили и которую мы безбожно, с легкой руки (стараящихся умалить нас) иностранцев, признаем лишь годной к

партизанскимъ дѣйствіямъ, а не къ широкому, массовому наступленію. Для его культивированія—это рѣдкая находка!

Но иностранцамъ не грѣхъ такъ узко объяснять и затушевывать русскую удаль, такъ какъ она исключительно русскаго происхожденія и даже самое слово это непереводимо на другіе языки. Но намъ, намъ не понимать удали Святослава, цѣлаго ряда «удалыхъ» князей, удали Новгородской вольницы, Ермака Тимофѣевича, удали многихъ полководцевъ и вождей, удали въ Отечественную войну, удали въ Японскую войну нашихъ охотничьихъ командъ и мелкихъ отрядовъ, всегда бравшихъ верхъ надъ {такowymi же японскими (что и было всѣми отмѣчено: «всѣ не крупныя, до полковъ включительно, наши войсковыя части всегда брали верхъ надъ такowymi же японскими»)!) Наконецъ, намъ ли не понимать удали русскаго простолудина, проявляемой въ повседневной жизни, несмотря на цѣлый рядъ накладываемыхъ на эту удаль крѣпкихъ цѣпей!... Развѣ это не голосъ породы, крови: «ничего, кромѣ наступательнаго!»

Увы! не только не культивируемъ, а все болѣе и болѣе мы обуздываемъ эту удаль въ военной жизни, въ кадетскихъ корпусахъ, въ военныхъ училищахъ, даже среди офицеровъ. Въ каждомъ проявленіи удали нѣкоторые видятъ (играя въ руку будущимъ противникамъ) только недисциплинированность, желаніе уйти отъ строгаго порядка бдительнаго надзора... Чисто русская богатырская удаль не сознается еще за наше преимущественное наступательное достоинство. Поэтому она и не культивируется, не поощряется въ жизни общей и тѣмъ болѣе—въ военной. Примѣровъ, думаю, приводить не надо: весь нашъ укладъ военной жизни состоитъ въ усмиреніи и полномъ погашеніи удали... Взглядитесь со вниманіемъ, но выше нашей обыкновенной точки зрѣнія, и вамъ ясно представится картина комичнаго отчаянія няни, бонны или родителей отъ шаловливости или чрезвычайной живости находящихся подъ ихъ надзоромъ дѣтей... Удаль въ нашей взрослой жизни, подобно живости и шаловливости дѣтей, ставится въ упрекъ, а идеальнымъ поведеніемъ называется такое, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ благонравія, спокойствія, боязливости, сложенія ручекъ, безграничной всѣмъ уступчивости, дѣвической скромности и пр.

Попытки возстановить природную русскую удаль различными мѣропріятіями, на примѣръ, воспитаніемъ «потѣшныхъ» и др., — пока еще нельзя назвать успѣшными, такъ какъ и въ потѣшныхъ развивается не русская удаль и воинственность, а заимствованныя

отъ другихъ: муштра, хожденіе по стрункѣ, школьное благонравіе, беззлобіе, прошеніе врагамъ, непротивленіе злу...

Хотѣлось бы еще распространиться о безбожномъ глушеніи сродной русскому человѣку удали, такъ какъ именно въ этомъ я лично и вижу причину упадка воинственности. Въ этомъ, а вовсе не въ развитіи смиряющей будто бы воинственность культуры...

Вѣдь не культура виновата въ томъ, что нѣкоторые грозные сыны Марса имѣютъ возможность брать перевязочныя свидѣтельства на самую обыкновенную для всѣхъ ѣздящихъ верхомъ «закопанную рѣдку»! Не культура виновата, что неизбѣжны во всякомъ спортѣ, тѣмъ болѣе въ гимнастическихъ и воинскихъ упражненіяхъ, чисто случайныя травматическія поврежденія отнесены къ чрезвычайнымъ происшествіямъ и подвергаютъ начальниковъ, точно нянекъ и родителей, не усмотрѣвшихъ какъ порѣзалось дитя, серьезнѣйшей отвѣтственности...

Въ обыкновенной жизни частные люди могутъ сколько угодно вывихивать себѣ суставы во время работы, прыжковъ, гимнастики, и мы только дивимся удали и безстрашію русскихъ мастеровыхъ, высоко, высоко висящихъ на тонкой дощечкѣ, съ тонкой веревкой, и работающихъ такъ, какъ никто, кромѣ нашихъ русскихъ, не осмѣлится и не согласится...

Воинственнымъ же сынамъ Марса запрещается и на крышу влѣзть, снѣгъ сбросить. За вывихъ на гимнастикѣ — разнесутъ точно няньку за дѣтей.

Итакъ не общее развитіе всяческой культуры въ нашемъ народѣ ведетъ къ потерѣ воинственности и русской удали, *ибо и воинственность и природную у русскихъ удали можно тоже культивировать въ противовѣсъ другимъ началамъ, а именно: неумѣніе культивировать эти драгоценныя качества, непониманіе — какъ и для чего ихъ воспитывать.*

Уже на этомъ примѣрѣ можно видѣть, что въ военномъ дѣлѣ можетъ процвѣтать своя народная русская военная культура, которая не только поведетъ къ сохраненію воинственности, но даже къ усиленію ея. Если же воинственность падаетъ, то значить военная культура неправильно поставлена и тушитъ въ арміи природную воинственность.

III. Вздорность характера: междуособія, мѣстничества.

Нельзя не подивиться нашимъ національнымъ недостаткамъ, порокамъ: склонности брести врозь, къ раздѣленію на удѣлы, междуособіямъ и мѣстничеству.

Рознь, переходящая во вражду, личное соперничество, которое нельзя смѣшивать съ соревнованіемъ и конкуренціей—вотъ наши бичи.

Эти національные недостатки и пороки и ихъ пагубныя для государства послѣдствія буквально запротоколены и осуждены на страницахъ исторіи. И кажется, что точное установленіе этого факта доставляетъ намъ большее удовольствіе коллекціонера, ученаго изслѣдователя, чѣмъ ужасъ наследника такихъ качествъ.

Единой арміи духовно — все еще нѣтъ; она распозлалась «на удѣлы»; роды войскъ, полки, отдѣльныя части войскъ, учрежденія... И какъ въ удѣльный періодъ не было «Всея Руси», а были удѣлы: Кіевъ, Новгородъ, Тверь, Владиміръ и пр., такъ теперь у насъ нѣтъ удовольствія отъ идеи единой арміи, а есть удовольствіе чувствовать себя: гвардіей, пѣхотой, кавалеріей, артилеріей и пр. Полки и другія части войскъ, несмотря на то, что контингентъ ихъ ежегодно мѣняется, что принадлежность къ этому полку не только не наследственная, но даже не пожизненная, старательно различаются между собою не однимъ номеромъ, а разными наименованіями, позволяющими имъ превозноситься надъ другими, хотя совершенно такими же полками той же русской арміи...

Даже традиціи, понятія, сама воинская честь, доблесть, т.-е. законы воинской правственности, обычаи — устанавливаются не для *всей* русской арміи одинаково, а по удѣльнымъ княжествамъ, т.-е. по полкамъ и др. отдѣльнымъ частямъ и учрежденіямъ...

Тяжело, больно смотрѣть на эту все еще не устраненную, послѣ многихъ вѣковъ сознанія, язву на тѣлѣ русскаго народа, особенно на его правой, вооруженной рукѣ, т.-е. на его арміи!

Прежнее — въ удѣльный періодъ — различіе обычаевъ, нравственности, доблести, отличій, славы... хотя и признавалось вреднымъ для «Всея Руси», но объяснялось просто и естественно, такъ какъ кіевляне, новгородцы и др. пожизненно и даже наследственно пріобрѣтали и передавали потомству все, чѣмъ именно они отличались.

Но какой военный доводъ въ состояніи вполнѣ оправдать причину различій въ полкахъ и др. частяхъ единой арміи, одинаково и равномерно, по всѣмъ статьямъ, ежегодно пополняемыхъ однороднымъ людскимъ матеріаломъ, притомъ не наследственнымъ и даже не пожизненнымъ... Отецъ и, можетъ быть, сынъ всю жизнь куютъ славу одного полка а внукъ, попавшій въ «молодой», не славный (!) еще полкъ, не получаетъ по отцу и дѣду наружныхъ

за это отличій, въ то время, какъ другой, только что поступившій въ «славный» полкъ, гдѣ его предки никогда не были, тѣмъ не менѣе получаетъ тотчасъ значекъ, отличія полка, пользуется незаслуженно его славой.

Какъ допустить, что одинъ офицеръ Русской Арміи, потому что онъ находится въ 1000-мъ полку, хуже или лучше того, который находится въ 1001-мъ полку; тѣмъ болѣе, что офицеровъ, служащихъ пожизненно въ одной части нѣтъ или есть лишь исключенія (впрочемъ пожизненное служеніе въ полку запрещено даже закономъ о возрастномъ цензѣ).

Много можно сказать и противъ празднованія столѣтнихъ и др. юбилеевъ *не всей арміи*, а полковъ... На самомъ дѣлѣ, армія—цѣлый организмъ; полки и др. отдѣльныя части его—клеточки, кои размножаясь, являются причиною роста организма—арміи. Но лѣта считаютъ цѣлому организму, а не отдѣльнымъ клеточкамъ.

Значить, юбилей старѣйшей клеточки, нѣкогда составившей всю армію, и нынѣ есть юбилей арміи, а не ея клетки. Тѣмъ болѣе, что всѣ полки совершенно одинаковаго государственнаго достоинства; матеріаль въ нихъ поступаетъ одновременно и равномерно-однородный.

Тоже и съ приписываніемъ подвиговъ данному полку, даже когда онъ не находился отдѣльно, а въ составѣ арміи.

Можетъ отличиться и совершить подвигъ или отдѣльная личность или же вся армія, но никакъ не полкъ. Приписывать подвигъ полкамъ все равно, что приписывать совершеніе его *мѣсту* совершенія подвига. (Напримѣръ подвигъ Измаила, деревни Бородино и т. п.).

Слава, принадлежащая всей арміи, совершенно неправильно присвоена только сотой или двухсотой ея части—она общеармейская, общерусская слава. Преемственно, по наслѣдству служили тамъ дѣды наши общіе, т. е. дѣды всей арміи, а не исключительно тѣхъ, кто совершенно случайно попалъ въ тотъ или другой полкъ. Празднуется юбилей всего города, а не отдѣльныхъ его домовъ, и дома, построенные недавно, считаются не менѣе хорошими, чѣмъ раньше всѣхъ построенные въ юбилейномъ городѣ. Полкъ есть тотъ же домъ въ городѣ; и въ томъ домѣ нѣтъ пожизненныхъ, тѣмъ болѣе наслѣдственныхъ хозяевъ; мѣняется ежегодно часть ихъ, а въ нѣсколько лѣтъ всѣ обитатели его и навсегда...

Свойственный русскимъ порокъ мѣстничества обнаруживается въ полковыхъ исторіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, для какой благой (во имя

отечества и арміи!) цѣли это преимущественное изученіе исторіи полка передъ исторіей арміи; споры и ходатайства о полковомъ старшинствѣ? Неужели только для тщеславнаго величанія надъ другими полками, позднѣе сформированными? И какъ же не учитывать страшно вреднаго вліянія мысли, что молодые полки не преемственны дѣдовской славы русской арміи, такъ какъ эта слава будто бы есть принадлежность только старшихъ полковъ, поэтому «неславнымъ» еще полкамъ не срамъ оказаться менѣе доблестными, чѣмъ тѣ—другіе что имъ еще надо заслужить эту славу...

Мѣстничество создало культъ *личнаго мѣстнаго самолюбія*, за которое поступаются культомъ самолюбія всей арміи. Мѣстничество и раздѣленіе на удѣльные княжества развили соперничество (повторю, что соперничество надо отличать отъ соревонованія также, какъ отличается вражда отъ союза), рознь, несогласія, внутреннюю вражду, интриги между частями арміи и ихъ представителями.... Все это и было у насъ зарегистрировано исторіей даже въ Отечественную войну, казалось слившую всѣхъ во едино.

IV. Чѣмъ жило, чѣмъ всегда побѣждало враговъ наше отечество.

Общая и военная исторіи русскаго государства и его арміи даютъ много подобныхъ, болѣе чѣмъ ясныхъ упрековъ и уроковъ на будущее. Много яркихъ выводовъ, относительно національныхъ достоинствъ и національныхъ недостатковъ и пороковъ. Много яркихъ примѣровъ современнаго нежеланія не только выучить, но и уразумѣть уроки, даваемые намъ исторіей, отчего и получились невѣроятныя заблужденія, и возведеніе въ культъ порока или недостатка (раздоры, рознь), вмѣсто культа великихъ нашихъ достоинствъ и добродѣтелей (удаль, наступленіе).

Нѣчто подобное мы видимъ именно теперь: всѣ успѣхи, всѣ побѣды приписываютъ почти исключительно стремленію отдѣльныхъ лицъ удовлетворить свои самолюбія, славолюбія, приписываютъ умѣнію красивымъ словомъ или жестомъ вызвать у войскъ якобы воодушевленіе, храбрость, стремленіе къ побѣдѣ....

Не найти словъ, чтобы соотвѣтственно ярко показать нелѣпость подобныхъ предположеній!

Война не театръ, гдѣ публика, нервная, уже извѣстнымъ образомъ настроенная, электризуется словомъ, интонаціей, голосомъ прославленнаго любимца-артиста.

Идущему на смертельный бой съ врагомъ своихъ близкихъ, семьи, отчизны, ну право же, мало дѣла до «сорока вѣковъ, смотрящихъ съ высоты пирамидъ».... Если же армія воодушевлялась, то какъ Божій день ясно, что она *воодушевлялась не красивыми, въ театрално-художественномъ смыслѣ словами («и съ такими молодцами отступать!»)*, а *видомъ своего вождя, силъ котораго она безгранично вѣрила, вождя, который (она надѣялась) безусловно приведетъ къ побѣдѣ, къ устью защиты своей дорогой отчизны.*

Ей все равно, что бы ни сказалъ этотъ любимый за свою могучую полководческую силу вождь; скажи, напиши онъ не «40 вѣковъ....», а просто: «солдаты, я съ вами», и это вызвало бы такое же воодушевленіе, такой же восторгъ....

Смѣшно думать, что армія воодушевляется ораторами, а не тѣми вождями, которымъ она вѣритъ. Послѣдній можетъ и не показываться войскамъ; они воодушевлены вѣрой въ него, надеждой на него.

Вглядитесь въ исторію и жизнь; увидите, что это такъ. Вглядитесь въ наши особенно великія историческія минуты, и васъ ослѣпитъ блескъ того солнца, которое сіяло въ жизни русскаго народа; солнца, которымъ жива была Россія и которымъ побѣждала всѣхъ враговъ своей жизни и здоровья. Не личныя самолюбія и актерское краснорѣчіе спасли Россію въ смутную эпоху и Отечественную войну, а только воистину священное чувство—любовь къ своему отечеству массъ. Вотъ солнце, свѣтившее Россіи всегда полнымъ свѣтомъ; но не всегда одинаково сильнымъ!

Увы! Въ японскую войну это солнце *сильнѣе* свѣтило у японцевъ, а не у насъ. Въ эту войну, увы, безграничная любовь къ Царю и Отечеству у японцевъ оказалась больше, сильнѣе, чѣмъ у насъ! Какъ будто и впрямь это солнце у нихъ *взошло* послѣ нѣ котораго захода его у насъ.... У насъ же... его заслонилъ ростъ пышнаго расцвѣтанія личнаго самолюбія, честолюбія, славолюбія. Переберите приказы отдѣльныхъ начальниковъ въ Манчжуріи и, въ частности, въ Артурѣ. Право же, не найти болѣе красивыхъ, «хватающихъ за душу», воистину воодушевляющихъ приказовъ. И будь побѣда—быть можетъ исторія приписала бы ее этимъ рѣчамъ.

Подобныя искаженія въ исторіи бывають, но ихъ не трудно и видѣть, а потому... стыдно не пользоваться уроками исторіи отечественной, общей и военной, и стыдно не бѣжать ихъ; стыдно учить только для «чистаго знанія», вѣрнѣе—для соперничества самолю-

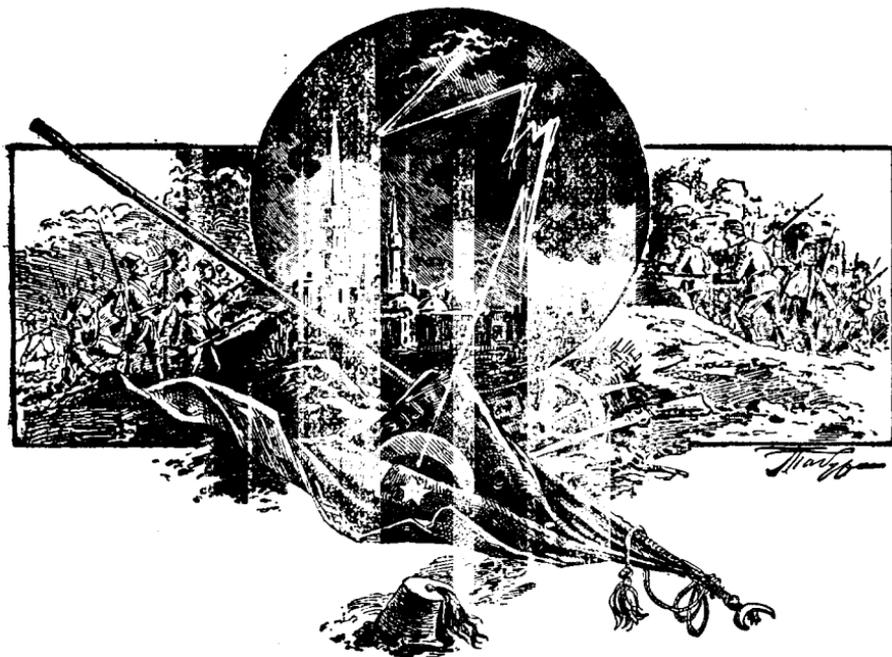
бій на непрерывномъ экзаменѣ въ училищѣ, академіи и въ теченіе всей службы, а не для очищенія отъ этихъ пороковъ текущей службы.

У. Выводъ.

Повторю: еще много есть примѣровъ, доказывающихъ нежеланіе или неумѣніе наше пользоваться уроками исторіи, т.-е. опытомъ общегосударственной и военной жизни нашихъ дѣдовъ, научиться анализировать національныя достоинства, недостатки, пороки и стремиться укрѣпиться въ первыхъ и отдѣлаться отъ вторыхъ. Я кончаю на приведенныхъ мною, надѣясь, что хоть немного освѣтилъ затемненныя стороны вопроса и скрытыя причины упадка воинственности, попробовавъ дать отвѣтъ на чрезвычайно интересный и важный вопросъ «генерала Бетрищева»; поставленный имъ въ одинъ изъ вторниковъ....

А. Дмитревскій.

ВОСПОМИНАНІЯ ДОБРОВОЛЬЦА.

(Окончаніе) ¹⁾.

Наступили холода и 22-го, 23-го и 24-го вода по утрамъ замерзала. Горы въ снѣгу.

Подробности боевъ съ турецкими аріергардами мнѣ въ точности неизвѣстны, но изъ сказаннаго можно заключить, что турки отступали въ двухъ направленіяхъ: на Виза—Сарай—Странджа и вдоль желѣзнодорожной линіи Одринъ — Царьградъ. Упорно сопротивлялся противникъ, повидимому, лишь нашему лѣвому флангу. Почему наша дивизія бездѣйствовала 19-го, 20-го и 21-го? Энергичное движеніе ея, совмѣстно съ 10-й дивизіей, повидимому не занятой преслѣдованіемъ противника, на г. Сарай 19-го и 20-го окт. заставило бы (даже въ худшемъ для насъ случаѣ) турокъ поспѣшно бросить позиціи у Виза—Сарай, если бы не привело къ полному плѣненію праваго турецкаго фланга. Для пре-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 8.

слѣдованія вдоль желѣзнодорожной линіи достаточно было 1-й и кавалерійской дивизіи. Какъ на причину, задержавшую этотъ маневръ, указывали на отсутствіе огнестрѣльныхъ припасовъ и на слухи о наступленіи массы турецкихъ войскъ со стороны гор. Родосто. Эти причины, въ связи съ упорствомъ турокъ и нашими значительными потерями, заставили отказаться отъ полнаго окруженія праваго турецкаго фланга. Добровольно отказались пожать плоды побѣды? Забыли Суворовское правило—«идти на врага, съ чѣмъ Богъ послалъ», ссылаясь на отсутствіе снарядовъ. Между тѣмъ наша батарея, израсходовавшая снарядовъ болѣе, чѣмъ другія, все же имѣла еще около 200 шрапнелей и 3 ящика гранатъ; 4-я имѣла около 350 шрапнелей, а 6-я израсходовала едва половину взятыхъ съ собою снарядовъ. И это послѣ трехдневнаго боя! За эти три дня всѣмъ отдѣленіемъ израсходовано около 2.700 снарядовъ. Надо признать, что это болѣе, чѣмъ экономно.

Что, на самомъ дѣлѣ, не отсутствіе огнестрѣльныхъ припасовъ мѣшало наступленію, могутъ свидѣтельствовать слѣдующіе факты: посланные нами на пополненіе ящики резерва настигли насъ подъ Чаталджой лишь 1-го ноября, и если безъ нихъ можно было наступать 24-го, то почему же нельзя было 20-го? Ложность слуховъ о наступленіи турокъ со стороны г. Родосто выяснилась, правда, лишь 23-го, т. е., наканунѣ наступленія, а найденная 22-го октября въ карманѣ плѣннаго турецкаго полковника телеграма убѣдила нашихъ начальниковъ въ необходимости немедленнаго наступленія. Телеграма была отъ командующаго турецкой Восточной арміей великому визирю, и текстъ ея своевременно сообщался уже газетами.

Таковыми мнѣ представляются событія, разыгравшіяся на линіи Бунарь-Гисарь—Люле-Бургасъ. Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ 1-й бригады 6-й пѣхотной дивизіи безусловно достовѣрны, а свѣдѣнія о дѣйствіяхъ прочихъ частей мною сообщаются лишь на основаніи распросовъ участвовавшихъ и тѣхъ слуховъ, которые имѣлись въ арміи.

Изъ сказаннаго видно, что 16-го октября на фронтѣ Бунарь-Гисарь—Люле-Бургасъ дерется 8 бригадъ пѣхоты 3-й арміи, 17-го уже 14 бригадъ (8 + 6) 1-й арміи, что соотвѣтствуетъ численности войскъ: для перваго дня боя—тысячь 70, для втораго 120—125 тыс.

Потери нужно считать (въ среднемъ) около 2.000 на бригаду 3-й арміи и около 1.000 на бригаду 1-й арміи, что дастъ 20.000 убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ.

Численность турецкой арміи нѣкоторыми опредѣлялась въ 200 слишкомъ тысячъ, но думается, что она была близка къ 150 тысячамъ; потери турокъ исчисляются въ 40.000 человекъ, что весьма близко къ истинѣ. Поражало громадное количество убитыхъ турокъ, неубранные трупы которыхъ я видѣлъ изъ окна вагона 3-го ноября въ долинахъ Эргене и Карагача, на протяженіи нѣсколькихъ километровъ желѣзной дороги.

Есть Чаталджа!

Еще наканунѣ мы не знали, что намъ придется выступить 24-го, и всячески старались объяснить себѣ причины нашего упорнаго стоянія на одномъ мѣстѣ. Много толковали и о томъ, что предстоитъ намъ встрѣтить впереди, если бы двинулись дальше, на Царьградъ. Указывали на двѣ позиціи, на которыхъ мы могли встрѣтить сопротивление: Чорлу и Чаталджу. Чорлу никого не страшило и никто не сомнѣвался въ исходѣ возможнаго сраженія у этого города. Чаталджа, наоборотъ, казалась намъ грозною. Впрочемъ, все же преобладало мнѣніе, что и эту преграду одолѣть будетъ нетрудно при наличности у насъ массы тяжелой артиллеріи. Даже тогда опредѣляли и направленіе главнаго удара—лѣвымъ флангомъ.

24-е октября настало холодное, морозное. Горы покрыты снѣгомъ, а вся безбрежная равнина—тонкимъ слоемъ инея. Все горитъ подъ багровыми лучами восходящаго солнца. Полки выстроились въ резервномъ порядкѣ, артиллерія подтянулась къ головному баталіону. Пѣхота придѣлась въ новое обмундированіе и выглядеть такую, какою я ее видѣлъ въ Ахлатли. Передъ полками и артиллеріей прочитали приказъ по 3-й арміи, въ которомъ командующій, излагая вкратцѣ итоги операціи, благодарилъ всѣхъ «офицеры, подофицеры и войници» и выражалъ надежду, что и въ предстоящихъ испытаніяхъ они выкажутъ ту же доблесть, стяжаютъ еще большую славу болгарскому народу и себѣ.

Часовъ въ 8 двинулась вся армія въ бригадныхъ колоннахъ. Намъ была видна только наша 2-я бригада; объ остальныхъ знали по слухамъ. 24-го совершили маршъ Имранлы—Ахметъ-бей—Софуларъ въ 24 километра. Весь день канонады не слышали. При проходѣ черезъ село Ахметъ-бей узнали, что баши-бузуки пытались разорить его, но были отбиты нашей пѣхотной ротой, оставшейся тамъ.

26-го прошли отъ Софулара къ Кара-Мемешъ, составляя резервъ командующаго арміей.

24-го и 25-го пѣхота двигалась большею частью безъ дорогъ, напрямикъ, что позволяла мѣстность, артиллерія же—по дорогамъ. Охраненіе бдительное. Часа въ 2 дня 25-го до насъ доносилась канонада справа. Около трехъ часовъ миновали рѣку Эргене, изъ чего видно, что турки покинули Чорлу. Въ непроглядной тьмѣ ночи наспѣхъ разбили бивакъ и заснули мертвымъ сномъ.

26-го должны были подойти къ селу Мало Чаушли, но, въ виду громаднаго разстоянія и отсутствія дорогъ, остановились, немного не доходя означеннаго селенія, и бивакировали съ частями 4-й дивизіи.

Днемъ опять слышалась канонада со стороны Чорлу.

Между тѣмъ, уже 25-го и 26-го, начались желудочныя заболѣванія, преимущественно среди пѣхоты: усиленные переходы вызывали постоянную жажду; доставать хорошую воду было трудно, такъ какъ шли по мѣстности, бѣдной водой, а возимаго на ослахъ запаса хватало буквально на нѣсколько минутъ; дѣлать нечего, утоляли жажду недоброкачественной водой, отзывавшейся вредно на здоровьѣ.

Второй причиной заболѣваній было слѣдующее обстоятельство: болгарскій солдатъ можетъ ѣсть цѣлый день и весьма нетребователенъ въ пищѣ. Несмотря на то, что солдаты ежедневно получали по одному килограмму хлѣба и по два раза въ день горячую пищу, они, при первой возможности раздобыть что-либо въ пищу, не зѣвали. На пути нашего слѣдованія, къ востоку отъ Ахметъ-бея, лежали исключительно турецкія села, покинутыя жителями, которые, разумѣется, не могли и не успѣли увезти съ собой всего имущества и припасовъ; можно ли винить усталаго, голоднаго пѣхотинца, если онъ пользовался оставшимся добромъ? □

Но дѣло въ томъ, что болгаринъ любитъ хлѣбъ, а его въ готовомъ видѣ мы почти нигдѣ не находили; поэтому солдаты употребляли въ пищу нерѣдко недоваренную, полусырую пшеницу и кукурузу. Послѣдствія этого и сказались появленіемъ острыхъ кишечныхъ заболѣваній. Число отсталыхъ сразу увеличилось, но къ вечеру они обыкновенно успѣвали присоединиться къ своимъ частямъ.

27-го октября двинулись дальше. Отъ селенія Мало Чаушли къ востоку, вплоть до Чаталджи, мѣстность гористая, весьма пересѣченная и большею частью покрыта лѣсомъ или кустарникомъ. Когда мы поднимались на высоты, то передъ нами на югѣ открывалось море, виднѣлись горы Галлиполи и острова Мраморнаго и

Эгейскаго морей. Зеркальная поверхность далекаго моря и синева горъ такъ и манили туда, гдѣ, казалось намъ, долженъ быть рай подъ лучами южнаго солнца. Близость моря сразу сказалась: значительно потеплѣло; все кругомъ было еще зелено. Гдѣ-то фуражиры раздобыли даже арбузы.

Къ часу дня наша бригада стала на бивакъ къ юго-востоку отъ селенія Бейджилеръ. Здѣсь впервые до насъ дошли свѣдѣнія о томъ, что происходило на остальномъ театрѣ войны. О боѣ подъ Кумановымъ сообщали, что сербы два дня дрались безуспѣшно и будто принуждены уже были къ отступленію, когда обходное движеніе болгарской колонны, установленной для связи между сербскими арміями и 7-ой рыльскою дивизіей, парализовало успѣхъ турокъ, дало возможность сербамъ оправиться и выиграть сраженіе. Въ тотъ же день дошелъ до насъ слухъ о занятіи 26-го октября Солуня. При этомъ рассказывали о случаяхъ вѣроломства грековъ. Тутъ же были получены «Военни извѣстія» и бюллетени главнокомандующаго.

Въ ночь на 28-е подулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, принесшій съ собою дождь. Утромъ въ 8 часовъ двинулись къ станціи Синекли. Около полудня на правомъ флангѣ слышна канонада. Непрiятеля нигдѣ не видно, только слѣды биваковъ участились, вблизи которыхъ набросаны массами внутренности зарѣзанныхъ въ пищу животныхъ. Увеличилось и число павшихъ непріятельскихъ лошадей; иногда на какую-нибудь сотню шаговъ приходилось по 4—5 труповъ крупныхъ артилерійскихъ загнанныхъ лошадей.

Рядомъ съ нами двигалась 4-я дивизія, отдѣленная отъ насъ лишь насыпью желѣзнодорожной линіи Одринъ—Царьградъ. На фонѣ мрачнаго неба впереди насъ алѣлъ отблескъ пожара; временами вырывались и тянулись вверхъ по нему яркіе языки пламени. По мѣрѣ приближенія къ ст. Синекли, намъ стало очевидно, что именно она и горитъ. Подойдя же къ самой станціи, мы увидѣли, что турки подожгли уголь, цѣлыми горами наваленный на этой станціи. Дорога пролегалла среди этихъ пылающихъ горъ. Тутъ же былъ пойманъ турокъ, оставленный поддерживать пожаръ; послѣ допроса онъ былъ разстрѣлянъ безъ всякихъ церемоній въ оврагѣ, въ тылу бивака, который мы заняли въ 2-хъ верстахъ къ сѣверу отъ ст. Синекли. Съ наступленіемъ ночи, какъ и наканунѣ, немедленно заработали турецкіе прожекторы со стороны Мраморнаго моря: они выслѣживали наши колонны и биваки.

На слѣдующій день къ вечеру подошли къ селенію Аврень. Нѣсколько разъ пересѣкали желѣзнодорожную линію, смотрѣли развалины Афанасьевской крѣпостной стѣны...

Справа иногда доносилась канонада. Близость непріятеля сказывалась попадавшимися по пути недавно убитыми; появились встрѣчные раненые изъ авангарда.

Часовъ въ 9 вечера въ непроглядной темнотѣ стали на бивакъ верстахъ въ двухъ съ половиной къ востоку отъ села Аврень.

30-го около 10-ти часовъ утра выступили къ селенію Инджесь, отстоящему отъ Аврена верстахъ въ 15-ти. Сравнительно небольшое разстояніе прошли часовъ въ 6 времени: страшная грязь и огромный подъемъ, а затѣмъ спускъ къ долиинѣ Кара-су утомили лошадей и прислугу до крайности. Батарея въ 16 запряжекъ растянулась версты на полторы; сто шаговъ лошади протащатъ и остановятся; дружныя усилія людей и лошадей—и новые сто шаговъ впередъ, и такъ версть 6 — 7.

Быль чудный осенній вечеръ, когда мы стали спускаться въ долину Кара-су, оставляя селеніе Инджесь влѣво. Селеніе это ютится въ глубокой впадинѣ и его можно легко проѣхать, не замѣтивъ.

Ночь уже спускалась на землю, когда мы заняли позицію-бивакъ верстахъ въ двухъ сѣверозападнѣе г. Чаталджи и въ полутора верстахъ къ востоку отъ Инджеса. Справа мы были защищены (со стороны моря) высокими горами, у подножія которыхъ лежитъ маленькій городокъ Чаталджа. Послѣ небольшой стычки наша 2-я бригада завладѣла этимъ пунктомъ. Чаталджа — вся въ огнѣ. Влѣво отъ насъ лѣсистые хребты; впереди — голый гребень съ одинокимъ деревомъ.

Только что мы заняли позицію, какъ замѣтили быстро уходившую турецкую батарею. Не было сомнѣнія, что съ прицѣла 30 (3.000 метр.) мы бы ее разстрѣляли — она поднималась на голый гребень — но намъ не разрѣшили открыть огня.

Ночью снова усиленная работа турецкихъ прожекторовъ.

Не бывъ свидѣтелемъ сраженія, разыгравшагося въ долиинѣ Кара-су, отъ Деркоса до Буюкъ-Чекмедже, я все же хочу дополнить свѣдѣнія о дѣйствіяхъ 5-й батареи 2-го скорострѣльнаго артилерійскаго полка, воспользовавшись для этого письмомъ ко мнѣ командира этой батареи, поручика Бошнакова.

«2-го (ноября) простояли на занятой утромъ позиціи ²⁾; къ тремъ часамъ по полудни пѣхота наша стала наступать, и я готовъ былъ поддержать ее огнемъ, но турки безъ сопротивленія отдали весь гребень (съ деревомъ), на которомъ мы построили окопы и утвердились для атаки фортвъ позиціи. 3-го прїѣхалъ командиръ полка и (для лучшей поддержки пѣхоты) рѣшилъ вынести весь нашъ полкъ (артил.) внизъ въ долину къ селу Езетинъ. Тамъ было нѣсколько складокъ мѣстности, которыя только маскировали орудія, но этого было достаточно.

Ночью полковникъ Кантраджіевъ (командиръ 1-й бригады 6-й пѣх. дивизіи) вынесъ весь 3-й (артил.) полкъ черезъ рѣчку, омывающую подошвы холмовъ, на которыхъ расположены форты. Рѣчка эта болотиста и проходима только по мостамъ. Этой же ночью мы вырыли окопы и заняли ихъ утромъ. Передки оставили позади селенія.

Утромъ 4-го приказано было атаковать по всей линіи. Турецкія батареи молчали всѣ; поэтому мы открыли огонь по ихъ окопамъ. Турки, видя наступленіе пѣхоты и обстрѣливаемые съ 3-хъ километровъ, дрогнули и побѣжали. Наши бросились «на ножъ», но тутъ открыли огонь ихъ батареи (на Хамидіе—2, на Махмудіе—3, на Караколь Нокта—2 и позади нѣсколько дальнобойныхъ орудій). Первые двѣ группы батарей мы заставили замолчать, хотя онѣ и стрѣляли съ закрытыхъ позицій. *Не трудно догадаться, кто управлялъ ихъ огнемъ — научиться этому за двѣ недѣли турки не могли.* Но батареи на Караколь Нокта, которыя были въ глубокихъ окопахъ и стрѣляли изъ за амбразуръ во флангъ долинь, намъ не удалось принудить къ молчанію: для этого нужны были гаубицы и мортиры, а ихъ *не успѣли* подвезти; атака не была хорошо подготовлена, произвели ее преждевременно, *по политическимъ причинамъ*, почему 3-й полкъ былъ разстрѣлянъ во флангъ, и мы, къ глубокому сожалѣнію, помочь ему не могли.

Полкъ отступилъ, и уже атаки на этомъ участкѣ не производили. Влѣво 2-я бригада продолжала атаку на Хамидіе II до вечера 5-го и уже была въ 500 шагахъ отъ окоповъ редута, но получила приказъ по арміи—отступать всѣмъ на гребень, который занимали еще 3-го. Причины этого неизвѣстны. Правда, армія была истощена дизентеріей, 2-го появилась у насъ и холера, и можно сказать, что всѣ были полубольные... Но увѣряю васъ, что если бы продолжали атаку, мы бы пошли на большія жертвы, но, чортъ

²⁾ Въ полутора верстахъ отъ вышеупомянутой.

возьми, вскарабкались бы на редуты первой линіи и ужъ смели бы все! И тогда преслѣдовали бы не такъ, какъ подь Туркъ-беемъ, а до послѣдняго издыханія... Но судьба судила иное...

Въ частности о дѣйствіяхъ моей батареи скажу, что вели себя молодцами. Съ Караколь Нокта насъ жарили три дня бризантными гранатами, по мы уцѣлѣли — ни одного раненаго; убили только 4 лошадей въ передкахъ.

7-го и 8-го остались дежурить у Езетина, на новой позиціи (300 метровъ позади первой), и тутъ пришлось намъ круто: турки сначала не могли насъ открыть, но потомъ подобрались и осыпали насъ два дня бризантными гранатами и шрапнелью (одна батарея съ Караколь, а другая съ Хамидіе II—въ оба фланга). По счастью не задѣли щитовъ.

Были попаданія на 5 метровъ отъ щитовъ, но, благодаря крутой траекторіи на 4 километра, превышенію ихъ позиціи надъ нашей на 120 метровъ и мягкой почвѣ, гранаты разрывались глубоко въ почвѣ и только комьями грязи забрасывали прислугу. Не будь этихъ трехъ обстоятельствъ—не миновать бы намъ бѣды въ продолженіе пятидневнаго боя!

Итакъ, участвуя въ трехъ большихъ сраженіяхъ (9 дней боя), я отдѣлался только 4 лошадьми, а изъ прислуги ни одного раненаго или убитаго. Воистину счастье!..

Всѣ сожальютъ, что не докончили атаки Чаталджинской позиціи; турки тогда не ломались бы. Впрочемъ положеніе ихъ безнадежно: на Чаталджѣ бунты; вчера одна рота застрѣлила своего ротнаго и перебѣжала къ намъ, и если бы возобновились военныя дѣйствія—не долго бы съ ними возились. Одно только мѣшаетъ: грязь непролазная и болота передь Чаталджинской позиціей.

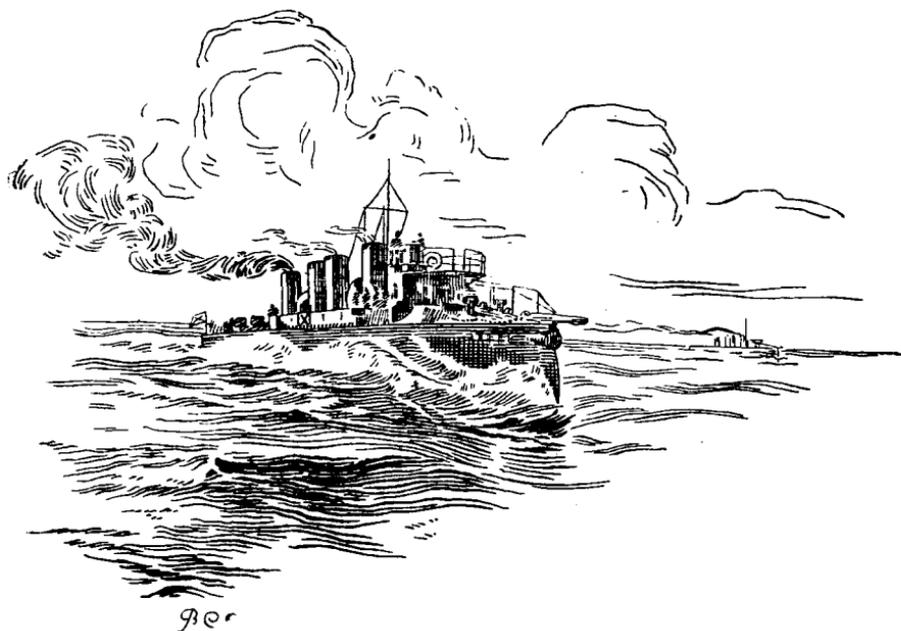
Но что насъ утѣшаетъ—это сочувствіе всего міра, особенно Россіи. Дай Богъ и ей достигъ своихъ идеаловъ, какъ мы достигнемъ своихъ вскорѣ. И ужъ тогда-то будетъ слава славянству!

Ужъ теперь собираемся посѣтить всеславянскій соборъ почти всѣ мы, и это будетъ небывалое торжество.

Могу ли сказать вамъ «до свиданія» въ немъ? 25-го декабря 1912 года».

Ж. Чинтуловъ.

ПИСЬМА ИЗЪ СИБИРИ ¹⁾.

(Окончаніе).

Попробуйте, ѣдучи по мѣстности, на которой проведены арыки, и замѣтивъ мѣсто начала одного изъ нихъ, задать себѣ задачу: какъ бы вы повели этотъ арыкъ по той мѣстности, которая у васъ передъ глазами? Стоя у начала арыка, вы, конечно, не будете въ состояніи видѣть его на всемъ протяженіи; вы видите передъ собою только холмы, горы, поля и знаете, что гдѣ-то между ними долженъ идти этотъ арыкъ, у начала котораго вы стоите. Попробуйте рѣшить эту задачу при этихъ данныхъ; это довольно интересно. Прежде всего, вы призовете на помощь усвоенныя вами свѣдѣнія изъ топографіи; передъ вашимъ умственнымъ взоромъ сейчасъ же, конечно, появится та самая «горизонталь», которую васъ учили «улавливать» во времена вашей юности; за нее вы теперь и ухватитесь, какъ за

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 8.

якорь спасенія. Что же, это очень просто, подумаете вы: вотъ эта самая горизонталь, на которой я стою, пойдетъ тамъ-то и тамъ-то, вотъ она опояшетъ тотъ холмъ приблизительно на такомъ-то уровнѣ, а потомъ пройдетъ по полю приблизительно тамъ-то, потомъ снова обовлеть часть поверхности того дальняго холма на уровнѣ вонъ того камня; слѣдовательно, и арыкъ долженъ пройти немного ниже этого камня. Это такъ просто и понятно, и если я поѣду къ этому камню, то около него непременно встрѣчу арыкъ. И что же? Вы ѣдете къ этому камню и никакого арыка около него не встрѣчаете. Осматриваетесь съ изумленіемъ по сторонамъ и видите, что онъ прошелъ не только не ниже намѣченнаго вами камня, а значительно выше его на склонѣ холма и течетъ онъ не внизъ, а положительно вверхъ. Быть этого не можетъ, думаете вы: неужели тутъ нарушены законы гидростатики? Подѣзжаете къ арыку и вамъ съ очевидной ясностью начинаетъ казаться, что вода въ арыкѣ бѣжитъ вверхъ. До того сильна иллюзія, что вы, не довѣряя глазамъ, бросите въ воду щепочку и съ удивленіемъ замѣчаете, что она быстро удаляется отъ васъ вверхъ, увлекаемая теченіемъ. Конечно, никакого нарушенія законовъ гидростатики въ данномъ случаѣ нѣтъ и быть не можетъ; происходитъ это исключительно только въ силу иллюзіи, причины которой вы, конечно, поймете, если очень внимательно всмотритесь въ рельефъ мѣстности; но все же иллюзія настолько сильна, что очень многіе принимаютъ ее за дѣйствительность, и нерѣдко приходилось спорить съ такими людьми (получившими даже образованіе), которые увѣряли и увѣрены въ томъ, что въ данномъ случаѣ вода дѣйствительно идетъ вверхъ, благодаря тому напору, который она якобы испытываетъ въ самомъ началѣ арыка, забывая при этомъ, что подобное явленіе было бы возможно только тогда, если бы вода арыка не струилась по открытой канавѣ, а была заключена въ трубу.

Повторяю, иллюзія настолько сильна, что если бы пришлось работать здѣсь съ нивелиромъ, который, конечно, обнаружилъ бы тутъ уклонъ, то навѣрно вы по первому измѣренію не повѣрили бы показанію вашего инструмента и произвели бы вторичную нивелировку и только, получивъ вторично тотъ же результатъ, начали бы всматриваться въ мѣстность, дабы уяснить причину иллюзіи. Но вѣдь у тѣхъ людей, которые проводили здѣсь арыкъ не было нивелировъ, не было ни мензулъ, ни планшетовъ, ни кипрегелей, ни аллидадъ; ихъ планшетъ—сама мѣстность, а нивелиръ—глазъ; вотъ и всѣ инструменты, съ которыми они приступаютъ къ

работѣ и ведутъ ее безъ ошибокъ и погрѣшностей. Невольно приходится удивляться человѣческой способности примѣняться къ обстоятельствамъ и умѣнію эксплуатировать въ свою пользу природу только съ данными этой природой въ распоряженіе человѣка средствами. Иногда въ такихъ случаяхъ человѣкъ успѣлъ уже подняться на очень высокую ступень совершенства.

Мѣстами киргизы занимаются и сѣнокосеніемъ, но смотрѣть на ихъ косьбу и покосы нельзя безъ сожалѣнія. Это совсѣмъ не та косьба, которую вы, конечно, неоднократно наблюдали, живя въ какой-нибудь русской деревнѣ, гдѣ лѣтомъ въ страдную пору ряды косарей дружно машутъ своими косами, подъ мѣрными и легкими взмахами которыхъ, сопровождаемыми какими-то особенно «сочными» звуками, ложится длинными и прямыми рядами влажная трава. Трудно безъ усталости махать косою, а между тѣмъ подойдите ближе къ этимъ косарямъ и вамъ кажется, что работа эта для нихъ совершенно не трудна: такъ легко рѣжетъ острая коса сочную траву, такъ мѣрно и плавно поворачивается спина косаря, такъ незамѣтно нажимаютъ на косу стальные мускулы его плечъ и, наконецъ, такъ легко и свободно переступаютъ постепенно впередъ его въ мѣру разставленные ноги. Нельзя смотрѣть на эту картину безъ восторга: въ ней красота и сила.

Но вотъ передъ вами киргизъ-косарь. Коса у него маленькая; черенокъ къ ней коротенькій; благодаря этому поза косаря согбенная; онъ не дѣлаетъ плавныхъ и широкихъ движеній, подобно нашему косарю, а скорѣе какъ-то порывисто и безтолково бьетъ по травѣ своей косою, направляя удары не въ горизонтальномъ направленіи, а скорѣе, сверху внизъ. Кажется какъ будто бы онъ гоняется за полевою мышью, или за какимъ-нибудь другимъ маленькимъ животнымъ, стараясь его убить, а оно прячется отъ него въ травѣ. Начнетъ онъ косить въ одномъ направленіи; сдѣлаетъ десять неуклюжихъ взмаховъ и вдругъ почему-то мѣняетъ это направленіе; еще нѣсколько взмаховъ и снова пере мѣна и т. д. Въ концѣ концовъ, за нимъ остается много нескошеннѣй травы, и поверхность, которую онъ косилъ, дѣлается очень похожей на бараний бокъ послѣ того, какъ его выстригутъ большими овечьими ножницами. Словомъ, по всему видно, что киргизъ пока еще только «горе-косарь» и надо ему еще долго учиться этому искусству. Сѣна киргизы заготавливаютъ немного, а могли бы накашивать его въ очень большомъ количествѣ, потому что въ лугахъ тутъ недостатка нѣтъ. Правда, бываютъ здѣсь засухи, когда луга почти не

поливаются и тогда урожая травъ на нихъ нѣтъ, но зато бываютъ и такіе годы (и это весьма нерѣдко), что трава на нихъ вырастаетъ такая, что ее, какъ говорится, «и косою не возьмешь».

Главное занятіе киргизъ все же скотоводство; земледѣліемъ же они занимаются, какъ чѣмъ-то второстепеннымъ, и оно пока еще не можетъ дать имъ ни главныхъ источниковъ доходовъ, ни, вообще, средствъ къ существованію. Скотоводство предоставляетъ киргизу и источники существованія и доходы.

Изъ домашнихъ животныхъ наибольшимъ почетомъ пользуется лошадь, которая, хотя и не отличается ростомъ, но за то очень вынослива. Будь эта лошадь немного покрупнѣе, и тогда бы громадныя табуны, которые круглый годъ пасутся въ степи, добывая зимою траву изъ подъ снѣга, могли бы служить отличнымъ источникомъ для пополненія конскаго состава кавалеріи. Воспитанная среди природы и привыкшая переносить и лѣтній зной и зимнюю стужу, лошадь эта не потребовала бы такого тщательнаго за нею ухода, каковой требуетъ какая-нибудь заводская лошадь регулярной конницы. Киргизская лошадь не знаетъ ни конюшни, ни ясель: конюшня ея—степь, а ясли—земля. Въ настоящее время киргизскими лошадами пополняется конскій составъ полковъ Сибирскаго казачьяго войска и ничего себѣ: лошадки несутъ исправно свою трудную службу.

Рогатый скотъ киргизы разводятъ исключительно только, какъ рабочую силу. Они пашутъ на своихъ быкахъ и перевозятъ на нихъ тяжести въ своихъ неуклюжихъ телѣгахъ, а также и выюками; случается даже, что и верхомъ ѣздятъ на быкахъ; въ особенности часто прибѣгаютъ къ такому способу передвиженія пастухи, которые гарцуютъ на этихъ рогатыхъ коняхъ и рысью и галопомъ вокругъ вѣреннаго ихъ попеченію стада. Такъ какъ быку черезъ носовую перегородку продѣта веревка, да еще очень нерѣдко и волосяная, то животное это, будучи и отъ природы-то весьма кроткимъ и послушнымъ, дѣлается еще болѣе чуткимъ къ волѣ сидящаго на его спинѣ повелителя и выдѣлываетъ такіе вольты, какіе, быть можетъ и не всякая лошадь сдѣлаетъ, хотя и будетъ къ этому понуждаема шенкелями, мундштуками, шпорами и прочими, тому подобными, средствами. Оригинальный и вмѣстѣ съ тѣмъ варварскій способъ примѣняютъ киргизы при перевозкѣ тяжестей на своихъ быкахъ. Этотъ способъ можетъ быть названъ полувыючнымъ, и его слѣдовало бы запретить, въ виду того, что онъ крайне тяжелъ и мучителенъ для бѣдныхъ безсловесныхъ животныхъ. На спину быка кла-

дета вьючное сѣдло и къ его бокамъ прицѣпляются двѣ длинныя и толстыя жерди, концы которыхъ волочатся по землѣ. На сѣдло, а также и на жерди кладется грузъ, благодаря чему получается сильное треніе между полотномъ пути и концами жердей. Животное тащить и тяжелый вьюкъ и преодолеваетъ треніе, въ силу чего оно скоро окончательно выбивается изъ силъ, но хлесткій бичъ безсердечнаго его повелителя не знаетъ пощады и жжетъ безсловеснаго труженика. Не разъ приходилось встрѣчать навьюченныхъ подобнымъ образомъ животныхъ и всегда они шли съ высунутыми языками, съ налитыми кровью глазами и были до того мокры, что можно было подумать, что они только что выкупались. Положительно, въ видахъ облегченія участи четвероногихъ друзей и помощниковъ человѣка, слѣдовало бы воспретить этотъ варварскій способъ перевозки тяжестей. Тоже слѣдуетъ сказать и о верблюдахъ. Эти животныя являются положительно мучениками въ теченіе всей своей многострадальной жизни. Посмотрите на идущій мимо васъ верблюжій караванъ: мѣрно переступая съ ноги на ногу, идутъ подъ бременемъ огромныхъ вьюковъ безобразныя, но кроткія и покорныя животныя. Если остановитесь въ сторонѣ отъ дороги и будете пропускать мимо себя караванъ, то почти каждый верблюдъ повертитъ къ вамъ голову и посмотритъ на васъ такимъ взглядомъ, отъ котораго у васъ невольно что-то шевельнется въ сердцѣ; онъ какъ бы безмолвно проситъ васъ этимъ взглядомъ о помощи и объ избавленіи его отъ той муки, которую онъ испытываетъ. Взгляните на его морду и вы увидите, что изъ ноздрей его, сквозь которыя пропущенъ волосяной канатъ, течетъ кровь, на которую жадно садятся несносныя мухи и еще болѣе раздражаютъ растертыя волосомъ каната раны. Вотъ одинъ изъ верблюдовъ усталъ; сѣдло растерло въ кровь измученную спину; онъ хотя на минуту хочетъ остановиться въ надеждѣ, что тотъ идіотъ, котораго также придется именовать человѣкомъ и который является его хозяиномъ, догадается поправить неловко завьюченный вьюкъ, но идіотъ съ лицомъ тупого и злого животнаго самъ сидитъ у него на спинѣ, увеличивая вѣсъ и безъ того тяжелаго вьюка. Верблюдъ останавливается, но впереди идущій товарищъ, съ которымъ онъ связанъ при помощи волосянаго аркана, не ждетъ; онъ продолжаетъ мѣрно переступать съ ноги на ногу, арканъ натягивается и рветъ носовую перегородку у страдальца. Раздается душу надрывающій вопль, отъ котораго пробуждается и хозяинъ. Невольно такъ и хочется взять хорошую плеть, да хорошенько огрѣть ею толстокожаго звѣря, на-

зываемаго человѣкомъ; тутъ отходятъ на задній планъ разныя гуманныя возрѣнія относительно безнравственности «рукоприкладствъ и заѣзжаній», потому что та истина, что есть еще цѣлый сонмъ такихъ людей на бѣломъ свѣтѣ, которыхъ невозможно разумить словомъ, встаетъ съ особенной ясностью въ представленіи. Зачѣмъ, спрашивается, понадобились въ данномъ случаѣ эти волосяные арканы и эти пронзенныя насквозь ноздри? А это, изволите-ли видѣть, придумано тѣмъ самымъ толстокожимъ звѣремъ, который спитъ, мѣрно покачиваясь, на спинѣ верблюда, зная, что разъ веревка продѣта черезъ ноздри, верблюдъ до послѣднихъ силъ будетъ идти, такъ какъ малѣйшая остановка, причпнить ему ужасныя страданія. И все подобное происходитъ въ XX столѣтіи ²⁾).

Изъ прочихъ животныхъ, разводимыхъ киргизомъ, одно изъ почетныхъ мѣстъ должно быть предоставлено барану. Это въ своемъ родѣ универсальное животное, такъ какъ для киргизъ онъ и пища, и одежда, и источникъ дохода. Баранью шерсть (джебагу) киргизъ продаетъ, а то дѣлаетъ изъ нее кошму и ею покрываетъ свою юрту; ткеть изъ нея крѣпкія тесемки и ею обвязываетъ ту же юрту; изъ шкуры онъ шьетъ себѣ теплую шубу и неуклюжій, но чрезвычайно практичный малахай на голову, и теплыя мѣховыя штаны, которыя, будучи надѣты, не снимаются до тѣхъ поръ, пока не расплзутся по швамъ и не снимутся отъ этого сами... И много, много всякой всячины киргизъ умѣетъ добыть изъ барана, не говоря уже про мясо вообще и про жирный курдюкъ въ особенности, который служитъ источникомъ мечты и даже быть можетъ вдохновляетъ на созданіе музыкальной импровизаціи въ минуты уединенныхъ размышленій какого-нибудь доморощенного поэта и импровизатора.

Итакъ, миновавъ Терсъ-Айрыкскія ворота, вы встрѣтите страну, такъ или иначе, но все же носящую на себѣ признаки культуры, благодаря засѣяннмъ полямъ и арыкамъ. Но такая «счастливая Аркадія» будетъ ласкать вашъ взоръ на протяженіи какихъ-нибудь 10 верстъ, а потомъ вы снова будете путешествовать по безлюдной и бесплодной пустынѣ, на которой лишь кое-гдѣ вамъ встрѣтятся нѣсколько закопченныхъ и до нельзя бѣдныхъ юртъ, съ пасущимися вокругъ нихъ «тощими фараоновыми коровами». Въ одномъ только мѣстѣ вы наткнетесь на жилище осѣдлаго человѣка и увидите передъ собою усадьбу. Здѣсь живетъ мулла. Зачѣмъ онъ тутъ живетъ—не знаю. Кругомъ не видно ни одного зданія, напоминающаго собою мечеть, и вѣроятно этотъ мулла исполняетъ всѣ ду-

²⁾ Въ нашей Средней Азій способъ этотъ уже заирещенъ.

ховныя требы у себя въ домѣ; домъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, одна изъ которыхъ отдѣлена подъ школу; въ этой послѣдней нѣтъ никакой обстановки и ученики сидятъ на полу, поджавъ подъ себя ноги, словомъ—вполнѣ по восточному. Самъ мулла ихъ и учитъ. Это человѣкъ, не лишенный, повидимому, добрыхъ стремленій, соединенныхъ съ практическими хозяйственными способностями; домъ у него полная чаша—изобиліе скота, скирды сѣна, садикъ, огородъ, нѣсколько рабовъ; во всемъ порядокъ и зоркій хозяйственный глазъ. Невольно припоминается: «былъ человѣкъ въ землѣ Уцъ. И было скота у него: семь тысячъ мелкаго скота и три тысячи верблюдовъ, и пятьсотъ паръ воловъ, и пятьсотъ ослицъ и прислуги весьма много; и былъ человѣкъ тотъ знатнѣе всѣхъ чиновъ Востока». Хотя этотъ мулла и не знатнѣе всѣхъ сыновъ Востока, но все же это кажется единственный въ здѣшнемъ округѣ человѣкъ, который задался цѣлью насаждать культуру и вносить просвѣщеніе среди сыновъ необъятныхъ киргизскихъ степей.

Миновавъ этотъ культурный уголокъ, вы до самыхъ Бахтовъ, на протяженіи почти 140 верстъ, будете путешествовать по странѣ, лишенной всякой культуры. Тутъ вамъ снова встрѣтится нашъ казачій постъ, расположенный у подножія Тарбогатая неподалеку отъ Хабаросуйскаго перевала. Не въ далекомъ разстояніи отъ этого поста построенъ домъ Хабаросуйскаго волостного правленія. Помню, мнѣ пришлось тутъ быть какъ разъ въ то время, когда въ каждой киргизской волости производились выборы въ старшины. Эти выборы производятся одинъ разъ въ теченіе трехъ лѣтъ и въ жизни киргизъ они являются важнѣйшимъ и крупнѣйшимъ событіемъ. Здѣсь, какъ и передъ выборами америкапскаго или французскаго президентовъ, имѣютъ мѣсто тѣ же интриги, что и въ этихъ просвѣщенныхъ странахъ; также разыгрываются страсти, та же партійность и вражда между самими кандидатами на эту должность и ихъ приверженцами.

Пріѣхавъ и я посмотрѣть на картину выборовъ. Подъѣзжая къ волостному правленію, я увидѣлъ двѣ огромныя толпы, стоящія напротивъ другъ друга, въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ версты одна отъ другой. Всѣ эти люди, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, прибыли сюда верхомъ на своихъ маленькихъ лошадакахъ, которыя и паслись огромнымъ табуномъ по степи. Люди эти раздѣлились на двѣ толпы, потому что каждая изъ нихъ представляла собою приверженцевъ отдѣльнаго кандидата въ волостные правители. И такъ какъ таковыми кандидатами было два необыкновенно жирныхъ

киргиза съ тупыми и необычайно важными физиономіями, то, слѣдовательно, и партій было только двѣ. Несмотря на враждебное другъ противъ друга настроеніе, обѣ толпы вели себя чинно и вполне благопристойно и только сдержанный говоръ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ наполнялъ воздухъ знакомыми всѣмъ звуками, которые всегда неразлучны со всякой толпой. Но вотъ этотъ говоръ началъ усиливаться и усиливаться и обратилъ на себя вниманіе присутствующей тутъ администраціи въ лицѣ уѣзднаго начальника, его помощника, переводчика и двухъ полицейскихъ стражниковъ. Такъ какъ обѣ толпы начали надвигаться другъ на друга, то явилось предположеніе о возможности столкновенія между враждующими сторонами и уѣздный начальникъ рѣшилъ прекратить возмущеніе въ самомъ его началѣ, приказавъ привести это въ исполненіе одному изъ стражниковъ. Стражникъ сѣлъ на коня и выѣхалъ на середину между надвигающимися другъ на друга толпами. Я смотрѣлъ на него и думалъ, что будетъ дѣлать сей отважный воинъ и неужели онъ одинъ въ состояніи уgomонить разгоравшіяся страсти нѣсколькихъ тысячъ человекъ; я даже одно время думалъ, что онъ обратится къ ссорящимся съ примирительной рѣчью, въ которой разъяснитъ имъ неблаговидность ихъ поведенія и докажетъ имъ всю безнравственность и бессмысленность взаимныхъ «рукоприкладствъ и заѣзжаній». Но стражникъ должно быть былъ не изъ рѣчистыхъ и рѣшилъ прибѣгнуть къ иному, болѣе наглядному, способу увѣщанія. Выѣхавъ на середину, онъ вынулъ изъ за голенища нагайку и, приподнявшись на стременахъ, сдѣлалъ ею угрожающій жестъ сначала по направленію къ одной толпѣ, а потомъ, повернувшись кругомъ, воспроизвелъ тоже самое и передъ другой толпой. Эффектъ получился поразительный и для меня совершенно неожиданный: голоса сразу смолкли, страсти утихли, и эти тысячи взрослыхъ и на видъ безобразныхъ людей сразу превратились въ милыхъ и послушныхъ дѣтей, которыя начали было шалить, но строгій начальникъ прикрикнулъ на нихъ и они сразу притихли. Стражникъ вернулся на свое мѣсто, какъ ни въ чемъ не бывало, и никто изъ присутствующихъ (за исключеніемъ меня) не былъ удивленъ всѣмъ этимъ, считая происшедшее за явленіе совершенно естественное. Надо удивляться той выдержкѣ и тому благообразію, тому образцовому порядку, который царилъ среди этого сборища полудикихъ людей, если принять во вниманіе, что порядокъ этотъ поддерживался, конечно, не физической силой; развѣ можно, въ самомъ дѣлѣ, считать за таковую стражника, имѣющаго

въ своемъ распоряженіи спрятанную въ солдатскомъ голенищѣ нагайку; не эта несчастная нагайка, конечно, дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ вразумительно, а то сознаніе и уваженіе къ русской власти, которое каждый изъ этихъ безобразныхъ дикарей носить въ своей душѣ; достаточно одного только намека на проявленіе этой власти, чтобы обуздать всякія стремленія толпы къ безпорядкамъ. Полагаю, что наша русская толпа еще не доросла до такого сознанія.

Когда порядокъ былъ восстановленъ и настала тишина, начали отбирать голоса. Каждый подходилъ къ столику, на которомъ и записывалось его званіе, а также и за кого онъ подаетъ голосъ, послѣ чего опрошенный отходилъ и усаживался на корточки по правую или по лѣвую сторону столика—въ зависимости отъ того, за кого имъ былъ поданъ голосъ. Это голосованіе длилось очень долго и, несмотря на это, опрошенные терпѣливо сидѣли каждый на своемъ мѣстѣ, образовавъ собою безконечно длинные ряды. Теперь уже обѣ партіи сидѣли въ какихъ-нибудь 20—30 шагахъ другъ противъ друга и никто снова не позволилъ себѣ не только чѣмъ-нибудь нарушить порядокъ, но даже встать съ своего мѣста и размять отекишія ноги. На всѣхъ лицахъ можно было замѣтить какое-то строгое выраженіе и, вѣроятно, каждый изъ сидящихъ сознавалъ важность той роли, которую онъ въ данномъ случаѣ игралъ. Потомъ былъ произведенъ подсчетъ голосовъ и лоснящаяся отъ жира фізіономія избраннаго счастливца изобразила неподдѣльную радость и гордое презрѣніе къ своему сопернику. Приходилось слышать, что выборы эти стоятъ кандидатамъ немалыхъ денегъ, съ помощью которыхъ они набираютъ себѣ голоса. Ничего въ этомъ нѣтъ невѣроятнаго и все это волюнѣ возможно; а если это такъ, то возможно и то, что выбранный счастливецъ непременно захочетъ вернуть себѣ эти деньги и даже сторицею, и вернетъ ихъ всѣми правдами и неправдами съ тѣхъ же людей, которые такъ старательно подавали за него голоса во время выборовъ. Не лучше ли было бы отказаться совсѣмъ отъ этихъ выборовъ и назначать на посты волостныхъ правителей (постъ весьма важный и отвѣтственный) представителей русской администраціи?

Всѣ эти выборы, съ разгорающимися страстями, интригами и прочими атрибутами, все-же въ концѣ-концовъ сѣютъ вражду между избирателями, которая не проявляется только благодаря уваженію къ закону, представителями котораго на выборахъ являются лица русской администраціи. Но что дѣлается въ степи послѣ этихъ

выборовъ, когда эти тысячи людей разъѣдутся по своимъ юргамъ, близъ которыхъ они очень рѣдко видятъ представителей администраціи, про это намъ неизвѣстно.

Когда вы будете у Хабаровсуйскаго волостного дома, то версть 6—8 васъ будетъ отдѣлять отъ Тарбогатайскаго хребта, съ которымъ вы не соприкасались съ того времени, какъ, покинувъ Бургасутайскій переваль, спустилась въ Чиликтинскую долину. Здѣсь хребетъ значительно выше, нежели у Баргасутая; онъ очень скалистъ и по прежнему лишенъ всякой растительности. Вамъ теперь придется пересѣчь этотъ хребетъ, имѣющій въ поперечникѣ до 40 версть. На всемъ этомъ протяженіи, вы не встрѣтите никакихъ признаковъ жилья. Оголенные, покрытыя только мѣстами выжженой солнцемъ желтой травой, горы, дикія скалы, тихія долины съ похороненными на нихъ мертвецами, кое-гдѣ журчащіе ручьи—вотъ и все, что вамъ будетъ попадаться въ пути. Дорога на всемъ этомъ протяженіи нѣсколько разъ переваливаетъ черезъ небольшія возвышенности, постепенно поднимаясь все выше и выше, пока не подойдетъ, наконецъ, къ главному перевалу Сай-Асу, за которымъ рѣзко обозначенъ южный склонъ Тарбогатая и начинающаяся за нимъ Эмельская долина. Версть за 10 до Сай-Асу мѣстность рѣзко мѣняется и передъ вами начинаютъ зѣять глубокія пропасти, съ очень крутыми щеками, мѣстами напоминающія американскіе каньоны; и такъ, идя по карнизамъ этихъ пропастей, вы станете, наконецъ, на перевалѣ Сай-Асу, съ площадки котораго снова откроется передъ вами безконечно широкій кругозоръ. Глубоко внизу вы увидите какія-то кучки, всюду разбросанныя по широкой долинѣ—это киргизскія юрты; увидите около нихъ какихъ-то букашекъ и козявокъ—это табуны лошадей и верблюдовъ. Увидите снова тѣ же горы, которыми вы любовались съ Баргасутая; только теперь онѣ синѣютъ далеко-далеко влѣво отъ васъ. Непосредственно у вашихъ ногъ будетъ лежать извилистое, чрезвычайно узкое ущелье, по дну котораго струится чуть замѣтный ручеекъ, и вотъ по руслу этого ручейка вамъ и надо спускаться. Ручеекъ этотъ во время дождей и весной превращается, вѣроятно, въ огромный потокъ, быстро несущійся по 30° уклону, который онъ сплошь загроздилъ грудами большихъ камней. Верхомъ спускаться немислимо: нужно непремѣнно спѣшиться и осторожно вести лошадь въ поводу. На 3 версты протянулся этотъ спускъ и потомъ дорога, выйдя изъ этой мрачной щели, теряется въ просторной степи среди множества тропинокъ, протоптанныхъ здѣсь табунами. Ржаніе ло-

шадей, бляеніе овецъ, мычаніе коровъ, человѣческіе голоса, крики и смѣхъ играющихъ подъ горячими лучами солнца полуголыхъ киргизятъ, — все это напомнитъ вамъ, что вы очутились среди огромнаго стана, который раскинулъ какой-то пастушескій кочевой народъ. И вамъ навѣрно захочется пожить среди этихъ людей, присмотрѣться къ ихъ быту и испытать хоть отчасти прелесть той свободы, которой они пользуются. Если вы человѣкъ нездоровый и страдаете какой-нибудь болѣзнью—грудной ли, или нервной—все равно. Поѣзжайте въ такую степь, поживите среди людей ее оживляющихъ, пейте больше кумысу, кушайте баранину, а главное хотя на время забудьте про всѣ заботы и волненія, предаваясь которымъ въ теченіи своей обыкновенной жизни, вы разстроили себѣ здоровье; навѣрное можно сказать, что всякая болѣзнь оставитъ васъ.

Кто бывалъ въ степи среди безконечнаго ея простора, кто дышалъ ея чистымъ воздухомъ, кто видѣлъ безконечно далекое и глубокое небо, съ его ярко мерцающими звѣздами, кому въ тишинѣ распростершейся надъ степью лѣтней ночи чудился ея тихій и ласковый шепотъ, и кто восторгался идилической простотой жизни ея обитателей, — тотъ оцѣнитъ всѣ эти блага, пользуясь которыми человѣкъ можетъ быть здоровъ и счастливъ, даже при условіи существованія многихъ физическихъ лишеній.

Но такое оживленное мѣсто степи тянется только на 10 верстѣ, а далѣе до самыхъ Бахтовъ на протяженіи 40 верстѣ дорога пойдетъ снова по чрезвычайно унылой и однообразной мѣстности, съ увала на уваль, безъ воды, безъ растительности, безъ людей, и только ѣдкая и накаленная пыль будетъ проникать къ вамъ во всѣ поры. Нѣтъ болѣе утомительной дороги, какъ на этомъ 40 верстномъ участкѣ, и когда вы пріѣдете въ Бахты, то будете разбиты окончательно. Бахты маленькое мѣстечко, глухое, заброшенное, съ живущимъ въ немъ небольшимъ кружкомъ военныхъ и чиновниковъ, проводящихъ, вѣроятно, свой досугъ за картами и больше не имѣющихъ въ своемъ распоряженіи рѣшительно никакихъ развлеченій.

Отъ Бахтовъ рукой подать и до Чугучака. Это уже китайская крѣпость, и побывать въ ней очень любопытно. Всего только 18 верстѣ раздѣляютъ эти два пункта. Дорога очень ровная и очень пыльная; около Чугучака она обсажена деревьями.

Въ двухъ верстахъ отъ города вамъ встрѣтится у самой дороги и влѣво отъ нея небольшой китайскій импань (редутъ, валъ кото-

раго замѣненъ глинобитными, высокими и зубчатыми стѣнами). При взѣздѣ въ городъ, правѣе дороги, вы увидите другой импань, но только значительно большій по размѣрамъ. Этотъ импань окруженъ водянымъ рвомъ; длина каждаго его фаса равна 150 сажениамъ, слѣдовательно, периметръ этого четырехугольнаго сооруженія равенъ 600 сажениамъ. Высота стѣнъ—3 сажени; ихъ толщина въ верхнемъ разрѣзѣ также равна—3 сажениамъ; слѣдовательно, по верху стѣны свободно можно кататься на тройкѣ. Сооруженіе, какъ видите, очень и очень основательное. Въ верхней своей части стѣна снабжена зубцами, между которыми продѣланы бойницы и около каждой изъ нихъ сложена небольшая кучка булыжника. Эти булыжники были заготовлены здѣсь въ 1900 году во время бывшихъ осложненій на Дальнемъ Востокѣ. По словамъ компетентныхъ людей, китайцы заготовили эти камни на тотъ случай, если бы русскіе вздумали штурмовать городъ; тогда сначала въ нихъ намѣревались стрѣлять, и если бы это не остановило ихъ движенія впередъ, то думали взяться за камни и, швыряя ими въ наступающихъ солдатъ, положить предѣлъ ихъ стремленію впередъ. И это совсѣмъ не шутки. Если будете въ Чугучакѣ, пойдите посмотрите, а потомъ спросите кого слѣдуетъ и вы убѣдитесь въ томъ, что сказанное здѣсь—правда. По словамъ людей, давно живущихъ въ Чугучакѣ и занимающихъ въ немъ офиціальное положеніе, стѣны, какъ этого импаня, такъ равно и прочихъ, построены изъ фашины и глины, а слѣдовательно они, при весьма внушительной толщинѣ, должны представлять собою очень упругую среду и пробить ихъ артиллерійскими снарядами будетъ не такъ легко, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда.

Входъ въ импань со стороны дороги защищенъ двумя воротами: одни изъ нихъ сдѣланы въ каменной полукруглой и зубчатой стѣнѣ, одинаковой высоты съ главною стѣною, а другія — въ главной стѣнѣ. Самыя ворота двухстворчатая и состоятъ изъ огромныхъ деревянныхъ пластинъ двухвершковой толщины, окованныхъ желѣзными листами. За городомъ есть еще и третій импань, еще большихъ размѣровъ; этотъ импань расположенъ верстахъ въ двухъ отъ города по направленію на востокъ. Непонятно почему китайцы остановились на такой группировкѣ своихъ укрѣпленій (фортовъ), выдвинувъ впередъ самый маленькій и слабый изъ нихъ, а самый сильный отодвинувъ далеко въ тылъ своего фронта. Быть можетъ тутъ принять во вниманіе тотъ же принципъ, который руководилъ тактикою римлянъ: трехлинейный строй, въ которомъ третья ты-

ловая линия состояла изъ самыхъ сильныхъ и закаленныхъ въ бояхъ солдатъ (тріаріи).

По собраннымъ свѣдѣніямъ, въ гарнизонѣ Чугучака по спискамъ мирнаго времени числится около 3.000 солдатъ, которые и помѣщаются въ фанзахъ (домахъ), построенныхъ на внутреннихъ площадкахъ импаней. Комендантъ крѣпости живетъ въ большой, обнесенной каменнымъ заборомъ, фанзѣ, построенной внутри средняго импаня.

Если вы войдете въ одинъ изъ импаней (хотя бы въ средній, потому что онъ въ самомъ городѣ), то будете пріятно поражены той сравнительной чистотой, которая тамъ поддерживается; вы увидите правильно распланированныя дороги, подметенныя и обсаженныя деревьями; увидите казармы съ темными черепичными крышами, но вмѣстѣ съ тѣмъ васъ поразитъ тотъ особенный специфическій запахъ, который присущъ всякому китайскому жилью. Вамъ встрѣтятся немало людей, одѣтыхъ въ синія одежды и смотрящихъ на васъ съ нѣкоторымъ какъ бы презрѣніемъ и съ сознаниемъ собственнаго передъ вами превосходства. Это солдаты—та самая сила, которая въ случаѣ политическихъ осложненій станетъ на стѣны импаня и будетъ стрѣлять и кидать въ насъ заготовленными, на этотъ случай, булыжниками. Между солдатами немало почтенныхъ старцевъ, а есть и юноши, у которыхъ еще, какъ говорится, «молоко на губахъ не обсохло». Очень много худыхъ, желтыхъ и испитыхъ лицъ и въ общемъ на все это воинство грустно смотрѣть, потому что сознание подсказываетъ, что эти люди, хотя и смотрятъ на васъ съ сознаниемъ собственнаго превосходства, мѣряя васъ порою даже насмѣшливыми взглядами, но что они далеко еще не на высотѣ своего положенія и что эта надменность разсѣется у нихъ въ случаѣ столкновенія съ нами такъ же быстро, какъ клубъ пара, вылетающій съ шумомъ изъ трубы паровоза. Теперь каждый изъ этихъ солдатъ съ гордостью указываетъ на эти трехсаженныя стѣны, видя въ нихъ главный оплотъ и защиту отъ вторгнувшагося врага. И можно съ увѣренностью сказать, что до тѣхъ поръ, пока они не перестанутъ гордиться этими стѣнами, справиться и одолѣть ихъ будетъ очень нетрудно, но когда они, сознавъ всю призрачность ихъ надеждъ, поймутъ, наконецъ, что одна стѣна, какъ бы высока и толста она ни была, не остановитъ сильнаго духомъ человѣка, а что для этого необходимо противопоставить такой же сильный человѣческій духъ, тогда они станутъ настоящими воинами, на которыхъ придется уже смотрѣть не съ грустью, а съ уваженіемъ.

Вооружены эти солдаты короткими пистонными, заряжающимися съ дула, ружьями, калибръ которыхъ 6—7 линий. Говорили, что для военнаго времени въ складахъ на весь гарнизонъ хранятся винтовки Маузера, но что въ мирное время ихъ не выдаютъ солдатамъ на руки, изъ боязни напрасной порчи оружія. Въ складѣ же, по свѣдѣніямъ, хранятся и пулеметы (кажется всего три), изъ коихъ одинъ въ настоящее время пришелъ въ негодность.

Китайскіе власти и чиновники, какъ кажется, очень слабо проникнуты чувствомъ долга и преданности отечеству. Говорили даже, что во время осложненій 1900 года китайскія власти были немало встревожены дошедшими до нихъ слухами о прибытіи нашихъ подкрѣпленій въ Зайсанъ. Прибыль всего только одинъ стрѣлковый баталіонъ, но людская молва увеличила численный составъ этого баталіона ровно въ 40 разъ, и китайскія власти были убѣждены, что въ Зайсанъ прибыль цѣлый 40.000 корпусъ. Вотъ ужъ по истинѣ: «у страха глаза велики». Будучи перепуганы такимъ воображаемымъ нашествіемъ, власти неоднократно высказывали ту мысль, что если изъ Зайсана русскіе пойдутъ въ Чугучакъ, то они непременно сдадутъ городъ и исполнять все, что потребуютъ русскіе, во избѣжаніе кровопролитія. Солидарны ли солдаты со взглядами своихъ начальниковъ—не знаю, но полагаю, что послѣдніе всегда будутъ въ состояніи достигнуть этой солидарности, тѣмъ болѣе, что таковая, вѣроятно, не будетъ идти въ разрѣзъ съ желаніемъ этихъ солдатъ въ то время, когда надъ ихъ головами начнутъ свистать русскія пули.

Словомъ, въ настоящее время Чугучакъ, какъ крѣпость, представляетъ собою не нѣчто, а ничто. Что скажетъ будущее про это, конечно, трудно сказать что нибудь положительное, но все же съ большой дозой вѣроятности слѣдуетъ допустить, что настанетъ время, когда прекратится его ничтожество и когда его пресловутые и отжившіе свой долгій вѣкъ импани будутъ смѣнены земляными брустверами, построенными по правиламъ современной науки. Соотвѣтственно этому измѣнится и духъ защитниковъ, которые съ пренебреженіемъ сбросятъ съ этихъ валовъ кучи булыжниковъ, какъ ни къ чему не нужную дрянь.

Самъ по себѣ городъ не представляетъ ничего особеннаго: узкія грязныя улицы, лавчонки съ дряннымъ товаромъ, засѣдающіе въ нихъ флегматическіе китайскіе «купезы» (купцы); каждый изъ нихъ проникнутъ чувствомъ собственнаго достоинства и съ перваго же раза старается внушить покупателю, что онъ не «маль-

мало купеза, а шибко большой купеза есть» (не какой нибудь мелкій торгашъ, а настоящій богатый купецъ). Несмотря на весьма сомнительныя качества товаровъ, цѣны на нихъ весьма внушительны, хотя, по правдѣ говоря, во всѣхъ этихъ лавкахъ разставлена такая дрянь, на которую и смотрѣть не хочется: китайскія трубки, кальяны, глиняные бурханчики, разныя бездѣлушки—алыповатыя и неизящныя, вѣера, шелковыя ткани — чрезвычайно грубыя и окрашенныя въ невозможно яркіе цвѣта; порнографическія картинки и альбомы красуются тутъ же на глазахъ публики для приманки и много прочей, тому подобной, дряни. Купцы жалуются на застой въ торговлѣ и на то, что подвоза почти нѣтъ, благодаря бывшимъ осложненіямъ. Многіе не запасаются товаромъ изъ боязни, какъ бы не было какого нибудь погрома.

Интересно побывать въ кумирняхъ. Ихъ двѣ: одна военная, устроена на стѣнѣ средняго импаня, другая частная, въ городѣ. При входѣ въ военную кумирню, у воротъ, въ особой полутемной конурѣ стоитъ большая, сдѣланная изъ гипса и окрашенная въ бурый цвѣтъ, лошадь. Скульпторъ, лѣпившій это изваяніе, видимо, талантомъ не обладалъ, ибо вмѣсто лошади у него получилось нѣчто невозможное, похужее скорѣе на ту деревянную «кобылу», черезъ которую въ корпусахъ кадеты прыгаютъ во время гимнастики. При всемъ желаніи узнать—зачѣмъ при входѣ въ храмъ поставлена эта неуклюжая кобыла, сопровождавшій бонза не далъ никакого объясненія. Быть можетъ онъ и самъ не зналъ этого, а быть можетъ и не хотѣлъ объяснять. Онъ замкнулъ уста свои и сложилъ ихъ ниточкой.

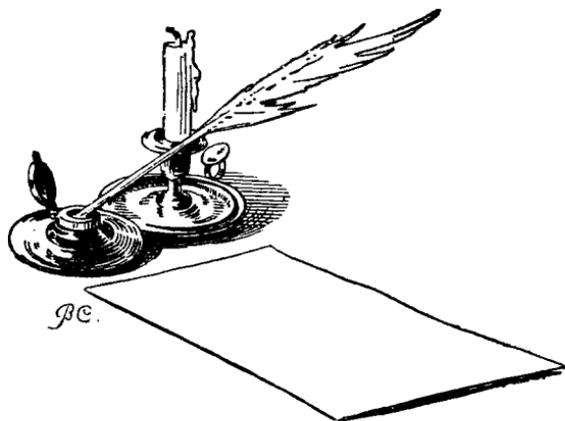
Въ кумирнѣ полумракъ. Прямо передъ входомъ, на возвышеніи, за шелковыми занавѣсками—большая, гипсовая, золоченая фигура сидящаго человѣка со спокойнымъ и безстрастнымъ лицомъ; надо полагать, это изображеніе Будды. На вопросы по этому поводу, бонза, не размыкая по прежнему своихъ устъ, придалъ имъ только подобіе перевернутой ижицы. По бокамъ этой статуи стоятъ изображенія какихъ-то ужасныхъ людей; такими рисуютъ обыкновенно чертей наши суздальскіе богомазы. Есть тутъ и стѣнная живопись. Въ картинахъ полное отсутствіе перспективы, но выраженіе лицъ у фигуръ, а равно и позы, жизненны. Художникъ умѣлъ дать движеніе фигурамъ и онѣ у него не стоятъ, какъ безжизненные манекены.

По наружному виду обѣ кумирни не представляютъ ничего особеннаго и, если что и бросается въ глаза, такъ рѣзныя, камен-

ныя украшенія на крышахъ; работа оригинальная, художественная и въ высшей степени стильная.

Есть въ городѣ и русскій кварталъ, съ русскими домами, лавками и конторами. Обыватели этого квартала въ національныхъ костюмахъ играютъ на улицѣ въ городки, поютъ національныя пѣсни и пиликаютъ на гармоникахъ, не забывая помянуть при этомъ и «камаринскаго мужика», при воспоминаніи о которомъ приходятъ по обыкновенію въ восторгъ, выражая таковой соотвѣствующими посвистами, взвизгиваніями и «откаблучиваніемъ». Словомъ, такъ или иначе насаждаютъ русскую культуру въ китайской странѣ. Съ туземцами живутъ въ ладахъ. Да и съ кѣмъ, спрашивается, русскій человѣкъ не въ состояніи поладить? Еще ни въ одну страну онъ не вносилъ ни смуты, ни распри, и до тѣхъ поръ не будетъ вносить этого, пока добровольно не отречется отъ дарованныхъ ему самимъ Богомъ добродѣтелей, которыя рѣзко отличаютъ его отъ прочихъ національностей. Остается пожелать, чтобы до конца жизни русскаго народа жили бы вмѣстѣ съ нимъ и его добродѣтели.

Л. Бѣльковичъ.

Гиссарскій край.

(Очеркъ горной Бухары).

— съ большимъ достоинствомъ сдѣлавъ установленный кулдукъ, хозяинъ присѣлъ снова на землю, наблюдая за приготовлениями чая и развязываніемъ моего походнаго व्यюка.

Узелъ веревки затянулся и, несмотря на усилія Ахмета его развязать, работа не увѣнчалась успѣхомъ.

Джигить сердито ворчалъ, работая и руками и зубами.

— Вы бы помогли, таксырь, съ сердцемъ обратился онъ къ авганцу, видите всѣ заняты дѣлами, а тюра ждетъ.

— Пусть не разсердится на меня полковникъ, но я ничѣмъ не могу помочь, отвѣтилъ авганецъ, выставляя изъ длинныхъ рукавовъ халата кисти рукъ своихъ съ обрубленными пальцами. Сынъ мой ушелъ.

Присѣвъ на войлокѣ и разсматривая открывавшуюся картину горъ, я невольно повернулся къ нему.

— Какимъ образомъ лишились вы пальцевъ? задалъ я вопросъ.

Авганецъ задумался на минуту, но затѣмъ тотчасъ же отвѣтилъ:

— Тюра, вѣдь я изъ Авганистана. Вотъ тамъ, за тѣми снѣговыми горами, что виднѣются на югѣ, въ авганскомъ городѣ Кундузѣ я родился и тамъ жили все мои родные. Выучившись дома правиламъ, какъ вести себя среди людей, мнѣ, при помощи моего отца, служившаго кутвалемъ ¹⁾, удалось поступить въ конный полкъ и въ короткое время получить чинъ риссалидора ²⁾. Я былъ силенъ, здоровъ, меня любили мои начальники. Цѣлое помѣстье съ хорошимъ домомъ подарилъ мнѣ отецъ, а, когда я женился на дочеряхъ Кундузскаго хакима и Ханабадскаго биргита ³⁾, я думалъ, что нѣтъ человѣка счастливѣе меня. Лошади, баранта, большіе сады, красивыя жены, здоровыя дѣти, богатые и знатные родственники радовали мои глаза и веселили мое сердце. И вся жизнь шла въ удовольствіе.

Тюра самъ военный и знаетъ военные порядки. У насъ тоже самое, также служатъ и обучаютъ солдатъ. И это также мнѣ удавалось. Самъ Инаятула-ханъ, братъ эмира хвалилъ моихъ солдатъ. Но, на несчастье людей, Аллахъ создалъ бумагу, изъ которой дѣлаютъ книги, перья и чернила, которыми въ нихъ пишутъ.

Я, тюра, никогда не любилъ большую книгу расхода, высланную мнѣ биргитомъ. Каждый день въ нее приходилось писать все, что мнѣ присылалъ хакимъ для солдатъ и что я выдавалъ имъ. Иногда я писалъ самъ, иногда писалъ писарь. Когда ошибались въ чемъ, рвали такой листъ изъ книги и писали на новомъ, и все было хорошо. Но счастье, тюра, недолговѣчно.

Великій умъ далъ Аллахъ эмиру, за всѣмъ онъ сталъ смотрѣть, и вездѣ въ Авганистанѣ сталъ заводить новые порядки, что узналъ, когда жилъ среди урусовъ въ Самаркандѣ. Не знаю, хороши ли они или нѣтъ.

Съ началомъ новаго года, оказавшагося самымъ плохимъ въ моей жизни, призвалъ меня корпель ⁴⁾ и выдалъ книгу расхода, и это не была уже простая книга, а за печатью самого эмира.

У меня сердце сжалось, когда я увидѣлъ эту печать, и какъ то тяжело стало на душѣ, когда на первой страницѣ я прочелъ слова эмирскаго приказа, что за каждую вырванную страницу будетъ от-

¹⁾ Кутваль — начальникъ полиціи.

²⁾ Риссалидоръ — ротмистръ.

³⁾ Биргитъ — бригадный.

⁴⁾ Корпель — полковникъ.

рубленъ одинъ палець у того, кто это сдѣлалъ. Но какъ то все забывается. Сталъ я писать снова въ книгу, ошибался, вырывалъ листы. И писарь мой также ошибался и дѣлалъ тоже самое. Никто изъ насъ не думалъ, что въ ней лежитъ несчастье.

Но пришелъ часъ...

Пріѣхалъ однажды изъ Файзабада сердарь Инаятула-ханъ съ биргитомъ, видѣли моихъ солдатъ на ученьѣ, а потомъ стали смотрѣть мою книгу.

Это былъ ужасный день моей жизни. При всемъ народѣ была осмотрѣна моя книга. Разсердился сердарь, когда увидѣлъ вырванныя страницы. Приказалъ ихъ сосчитать. Заставилъ сердарь меня снова прочитать приказъ эмира, помѣщенный на первой страницѣ, и крикнулъ палача. Мои же солдаты, по его распоряженію, держали меня, пока палачъ острымъ топоромъ рубилъ мнѣ все пальцы на обѣихъ рукахъ. И ни одного не оставили мнѣ, такъ какъ было очень много вырванныхъ листовъ. А за то, что нехватило у меня пальцевъ, взяли часть моего имущества въ эмирскую казну, и вышелъ я тогда калѣкою и байгушемъ.

Сосчитали моихъ солдатъ въ рессалѣ, но также не всѣхъ ихъ нашли. Только вѣдь, тюра, это вездѣ. Каждый рессалядоръ доходъ долженъ имѣть, а потому, если кто умереть, то такого никогда не считаютъ умершимъ. Мертвому вѣдь все равно, а живой можетъ лучше жить, получая за него, что дать на него хакимъ.

Еще больше разсердился тогда сердарь и написалъ эмиру, чтобы меня казнить. И самъ этого не слышалъ. Лилась у меня кровь изъ рукъ и лежалъ я, какъ мертвый. Но заговорило сердце у моего отца. Послалъ онъ людей взять меня и перевязать мои раны. А пока веселился на охотѣ сердарь, успѣли люди отца спрятать меня въ глухомъ мѣстѣ. Продали въ это время мои жены все имущество и, взявъ дѣтей и меня, пріѣхали къ Аму-Дарьѣ, гдѣ около Айваджа перешли на бухарскую землю.

И здѣсь, тюра, мы живемъ десятый годъ, въ Кабадианѣ. Аллахъ не забылъ меня, благословивъ потомствомъ, и хотя я калѣка и самъ ничего дѣлать не могу, но меня замѣняетъ мой старшій сынъ.

Какъ-то странно было слышать про такое суровое наказаніе, введенное авганскимъ эмиромъ въ своихъ войскахъ для уничтоженія злоупотребленій, съ которыми настолько свыкъся весь служащій составъ, что считаетъ ихъ своимъ нормальнымъ доходомъ.

Вблизи насъ залаяли собаки. Злобно кидаясь на кого-то въ тем-

ночь, овчарки, видимо, замѣтили что-то въ глубокихъ оврагахъ, примыкавшихъ къ нашей стоянкѣ.

Джигитъ Ахметъ схватилъ винтовку и вмѣстѣ съ нукеромъ направился на лай. Я, вынувъ револьверъ, пошелъ за ними слѣдомъ. Черезъ нѣсколько минутъ гулкѣй выстрѣлъ винтовки прорѣзалъ тишину и эхо, перекатываясь, отозвалось гдѣ-то далеко въ горахъ по обѣимъ сторонамъ рѣки.

— Въ чемъ дѣло, Ахметъ, что случилось?

— Ничего, ваше благородіе. Воръ одинъ стрѣльнулъ. Къ лошадямъ нашимъ подходилъ, угнать ихъ хотѣлъ.

Гдѣ-то впереди въ темнотѣ на мгновеніе вспыхнулъ огонекъ, и вмѣстѣ со звукомъ выстрѣла съ своимъ пронеслась надо мною пуля, ударившись съ глухимъ стукомъ позади въ землю. Еще... и еще....

Стукъ копытъ нѣсколькихъ лошадей, удаляясь, послышался черезъ минуту, и затѣмъ все стихло.

— Нехорошіе люди подѣзжали. Если бы не собаки, угнали бы нашихъ лошадей. Пошелъ бы, тюра, пѣшкомъ, подходя ко мнѣ сказалъ старый Джевачи. Только они не знали, что полковникъ съ нами, думали: купцы съ товарами въ Гиссаръ ѣдутъ. На русскихъ они никогда не нападаютъ.... Узнаетъ гиссарскій кушь-беги—будетъ сердить. Меня накажетъ....

— Почему же это? Развѣ Джевачи виноваты, что дурные люди въ здѣшнихъ мѣстахъ встрѣчаются?

— Тюра не знаетъ, что всегда кто-нибудь виноватымъ долженъ быть. Караулъ-беги штрафъ возьметъ съ меня, а кушь-беги съ нашего бека.

— Но за что же? удивился я. Навѣрное ничего не будетъ. Я никому не скажу. Значить, никто и не узнаетъ.

— Нельзя, тюра, этого сдѣлать: много людей слышали. Лучше самому сказать, а то другой кто скажетъ, еще хуже будетъ. Кушь-беги пошлетъ своихъ людей ловить этихъ разбойниковъ. Въ прошломъ году поймали нѣсколькихъ. Посадилъ онъ ихъ въ зинданъ, а потомъ каждый мѣсяцъ по одному приказалъ рѣзать. Горло перерѣжутъ и повѣсятъ, чтобы всѣ видѣли. Цѣлый мѣсяцъ тѣ люди висѣли на базарѣ—для купцовъ нехорошо было, потому воздухъ тяжелый вездѣ былъ и коршуны и вороны, прилетая клевать трупы, растаскивали внутренности ихъ по всѣмъ крышамъ. Женщины боялись тогда по базару проходить. Ну и дѣти, тѣ сначала пугались, а потомъ ничего, привыкли.

Ходили купцы къ кушъ-беги, просили его снять тѣла, потому—покупателямъ они мѣшали—смердили очень, и сидѣть въ лавкахъ долго было нельзя. Но только разсердился кушъ-беги, велѣлъ ихъ прогнать. А тѣ люди, пока ихъ кости всѣ не были растащены птицами, висѣли на веревкахъ.

На расвѣтѣ подулъ съ рѣки прохладный вѣтерокъ, благодаря которому, послѣ безпокойной ночи, я проспалъ больше положеннаго и мы выѣхали позднѣе.

Туманъ надъ Каферниганомъ уже разсѣялся и рѣка блестяла на солнцѣ.

Сжатая въ нѣсколькихъ мѣстахъ сдвинувшимися крутыми берегами, она съ шумомъ катила свои воды черезъ камни, образуя глубокіе водовороты. Но выше такихъ естественныхъ запрудъ долина снова расширялась, а вмѣстѣ съ этимъ широко разливалась вода по низменнымъ мѣстамъ, поросшимъ ивнякомъ и камышами. Небольшіе ручейки, кое-гдѣ журча, вливались въ рѣку, сбѣгая съ вершины Баба-тау.

Всегда разговорчивый Джевачи, несмотря на прекрасное утро, былъ, повидимому, въ скверномъ настроеніи и ѣхалъ сзади меня молча, порою вздыхая и бормоча вполголоса слова какой-то молитвы.

— Что Джевачи вздыхаетъ, нездоровъ? спросилъ я, немного придерживая лошадь.

— Нѣтъ, тюра, здоровъ, заторопился онъ испуганно, схватившись за распущенные поводья.

— Случилось что-нибудь?

Старикъ вздохнулъ, пытливо заглянулъ въ глаза и, замѣтивъ сочувствіе къ себѣ, заговорилъ:

— Пусть только, тюра, никому не расскажетъ: это не языкъ мой, а больная душа сама говоритъ, потому что тяжело на сердцѣ. Тюра не знаетъ, у меня было два сына, радовавшихъ мой взоръ, и я надѣялся видѣть ихъ хорошими людьми, которые будутъ пользоваться уваженіемъ всѣхъ, но судьба приготовила имъ другое.

Послалъ Аллахъ имъ въ наслѣдіе отъ ихъ матери ея лицо, и не было вокругъ красивѣе моихъ сыновей. Глаза, какъ сливы, щеки, какъ зрѣлый персикъ, а зубы лучше самаго лучшаго жемчуга. Наши дѣвушки и всѣ женщины на свѣтѣ любятъ цѣловаться, и онѣ лизали моихъ мальчиковъ, какъ самый сладкій сахаръ. И мужчины и женщины не могли пройти мимо, чтобы не бросить взоръ удивле-

нія. И мое старое сердце радовалось, глядя на нихъ, не предвидя, что скоро эту радость смѣнить скорбь.

Ты помнишь, тюра, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ наложилъ эмиръ, да продлить его долголѣтіе Аллахъ, свой гнѣвъ на нашего бека? Приѣхалъ тогда изъ Бухары махрамъ ⁵⁾ ночью. Отобралъ сразу у него все имущество, снялъ драгоценный золотой халатъ и, надѣвъ на него рваный халатъ мардакера, ⁶⁾ посадилъ у воротъ бекскаго двора.

И всѣ люди ходили смотрѣть, какъ этотъ большой тюра сидѣлъ, какъ нищій на землѣ. Весь городъ бѣгалъ смотрѣть на это зрѣлище. А вмѣстѣ съ другими бѣгали и мои мальчики. Выѣзжалъ въ это время на молитву махрамъ, увидѣлъ ихъ обоихъ и загорѣлись у него глаза, какъ у волка, глядя на такую красоту. Зналъ онъ чѣмъ можно добыть милость въ Бухарѣ. Написалъ туда хать ⁷⁾, и не прошло десяти дней, какъ пришелъ приказъ эмира—взять обоихъ мальчиковъ и привести ихъ въ Кермине. Плакали мои старые глаза и тосковало сердце, когда уѣзжалъ махрамъ съ большимъ караваномъ. Много верблюдовъ шло, везя богатство прежняго бека, а онъ самъ въ рубищѣ, съ веревкою на шеѣ, шелъ около. Много я обидѣ видѣлъ отъ него, по его униженію не радовало меня. На переднемъ верблюдѣ, въ закрытой тканями кибиткѣ везли моихъ сыновей эмиру. Больше не пришлось мнѣ ихъ видѣть, такъ какъ они веселятъ взоръ эмира, служа ему бачами.... И я примирился съ этимъ тяжелымъ испытаніемъ, посланнымъ мнѣ судьбою.

Снова нѣсколько лѣтъ шла наша жизнь. И сердце нашло радость въ дочери, которая росла и была еще болѣе красива, чѣмъ ея братья. Думалъ я выдать ее замужъ за одного изъ баевъ нашего племени, но снова и это не удалось.

Вчера привезъ нукеръ приказъ—приказалъ кушь-беги привести дѣвочку къ себѣ. Десять лѣтъ ей. И снова болить у меня душа, такъ какъ мало радостей готовить жизнь для нея въ будущемъ.

Но кисметъ—судьба. Кушь-беги приказалъ—что же я могу сдѣлать, какъ не исполнить волю пресвѣтлаго намѣстника эмира, да пошлетъ ему долголѣтіе Аллахъ....

Безыскусственный рассказъ страницы человѣческаго бытія, поданнаго эмира Бухары благородной, произвелъ невольно гнетущее

⁵⁾ Махрамъ—чинovníкъ для порученій.

⁶⁾ Маркадеръ—чернорабочій.

⁷⁾ Хать—письмо.

впечатлѣніе, поразивъ въ то же время своею глубокою покорностью передъ судьбою и волею большого сановника, являющагося распорядителемъ жизни и имущества всѣхъ живущихъ въ управляемой имъ мѣстности.

Глава IV.

Святой Іовъ.—Въ окрестностяхъ Гиссара.

Рѣчная долина значительно уменьшилась въ ширину и горы мѣстами придвинулись къ самой рѣкѣ, спускаясь къ ней крутыми обрывами. Дорога то поднималась кверху, то, перебросившись черезъ высокій отрогъ, уходила внизъ, извиваясь среди холмовъ по глубокому оврагу. Никакихъ слѣдовъ улучшенія ея руками людей почти не встрѣчалось. Повидимому, протоптанная въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ ногами верблюдовъ и лошадей, дорога требовала для приведенія ея въ порядокъ большой работы. Глубокія рывины и овраги, по которымъ стекали воды съ горъ, во многихъ мѣстахъ были сильно размыты и нуждались въ устройствѣ мостовъ.

Поднявшись на довольно высокій переваль, я имѣлъ возможность окинуть взглядомъ открывшуюся горную панораму, все время раньше закрытую ближайшими горами.

На западѣ выдѣлялся переваль Хозреть-баба въ горахъ Баба-тау, черезъ который проходитъ дорога изъ Ширабада въ Курганъ-тюбе. Внизу подъ нимъ, спрятавшись въ складки высокихъ холмовъ, виднѣлась густая растительность кишлака Акъ-Мечети, а на сѣверѣ ясно обрисовывался кишлакъ Лойка, лежащій уже недалеко отъ города Гиссара. Востокъ же былъ закрытъ угрюмыми горами Койчи-тау, соединявшимися съ Вахшскимъ хребтомъ, сзади котораго поднимались бѣлыя шапки снѣговыхъ горъ, находящихся въ Авангистанѣ. Закрытый, будто бѣлой стѣной, Гиссарскимъ хребтомъ, сѣверъ былъ окутанъ туманами, поднимавшимися изъ Гиссарской долины къ его подножью. Вѣтеръ порою разрывалъ эту завѣсу, черезъ которую выступали темныя предгорья съ мрачными ущельями и скалистыми спусками, покрытыми зелеными полосками древесной растительности.

Сѣверный вѣтеръ доносилъ прохладу, благодаря которой лошади шли бодро, не чувствуя усталости.

Небольшой кишлакъ Лойка, расположенный недалеко отъ

Гиссара, не имѣлъ никакихъ характерныхъ особенностей, могущихъ выдѣлить его изъ десятковъ видѣнныхъ нами кишлаковъ. Тѣ же глинобитныя сакли и дувалы съ кибитками, поставленными среди дворовъ, указывали на то, что его населеніе ведетъ полуосѣдлый, полукочевой образъ жизни, занимаясь одновременно и земледѣліемъ и скотоводствомъ.

Мѣстность значительно измѣнилась: холмы постепенно дѣлались пологими, спускаясь въ долину, въ концѣ которой поднималась довольно высокая горка, составлявшая подножье стѣнъ старой Гиссарской крѣпости, омываемая водами притока Кафернигана, Ханеке-Дарьи.

На правомъ берегу, составляя собою водораздѣлъ между Каферниганомъ и Ханеке-Дарьей, поднимался небольшой хребетъ, закрывавшій собою Гиссарскую долину, покрытую сплошь обработанными полями.

Близость большого города начиналась чувствоваться во встрѣчныхъ караванахъ, шедшихъ съ кладью изъ Гиссара. Нѣсколько узбековъ, переговариваясь между собою, медленно ѣхали на ишакахъ и лошадяхъ, сидя сверху положенныхъ, вмѣсто сѣделъ, мѣшковъ съ зернами. Одинъ изъ нихъ, весь обмотанный висѣвшими у него на шеѣ мотками нитокъ всѣхъ цвѣтовъ, имѣлъ до пельзя курьезный видъ.

— Для чего это онъ везетъ такъ много нитокъ, не знаешь ли, Джевачи?

— Это не питки, тюра, а шелковая пряжа; онъ уста ⁷⁾ и дѣлаетъ изъ нихъ адрысь ⁸⁾ и шая ⁹⁾ на халаты. Здѣсь, въ Гиссарскомъ бекствѣ, и у насъ, около Кабадіана, разводять вездѣ шелковыхъ червей и получаютъ отъ нихъ много шелковой пряжи, которую въ Гиссарѣ и Дюшамбе окрашиваютъ и продаютъ устамъ. Ты не слыхалъ, тюра, вѣдь около русскаго города Андпжана есть мѣсто, гдѣ первый разъ на землѣ появились шелковичные черви?

— Почему ты думаешь, что около Андпжана? Я слыхалъ, что ихъ привезла съ собою дочь богдыхана изъ Китая, когда вышла замужъ за Хатанскаго хана, заплетя шелковые коконы, чтобы ихъ спрятать, въ свои густые волосы.

— Нѣтъ, тюра, это нетакъ. Около Андпжана они явились потому, что именно тамъ жилъ великій Хозретъ-Аюбъ ¹⁰⁾, и мѣсто то такъ

7) Уста — мастеръ.

8), 9) Названіе шелковыхъ матерій.

10) Св. Ювъ.

и называется Хозретъ-Аюбъ. Около него находится въ источникахъ горячая вода. Когда Аллахъ послалъ на Хозрета-Аюба страшную болѣзнь—проказу, онъ долго искалъ, гдѣ можно получить облегченіе отъ своихъ страданій. Но самъ Аллахъ указалъ ему горячій ручей, протекающій невдалекѣ отъ Андижана. Поставилъ тогда Хозретъ свою кибитку около той воды и сталъ каждый день омывать свои раны горячею водою, чувствуя облегченіе. А въ ранахъ тѣхъ уже завелись черви, которыхъ дѣлалось все больше и больше. Спускался въ водоемъ Хозретъ-Аюбъ, когда въ немъ набиралось достаточно свѣжей воды, и тогда черви отъ горячей воды отпадали на дно ручья, гдѣ превращались въ большихъ черныхъ пѣвокъ, распространившихся потомъ по всѣмъ рѣкамъ и болотамъ страны. Но не всѣ черви отпадали сразу. Чувствуя облегченіе, выходилъ Хозретъ изъ воды и, сядя подъ тутовымъ деревомъ, глинянымъ черепкомъ выскребывалъ оставшихся въ ранахъ червей и бросалъ ихъ на землю. И черви эти, извиваясь, ползли къ дереву, скрываясь въ его листьяхъ, а, отдохнувъ на нихъ, начинали уничтожать сочныя листья тута, производя себѣ подобныхъ. Выздоровѣлъ въ это время, по волѣ Аллаха, Хозретъ-Аюбъ, такъ какъ простилъ его Всемогущій. И въ память его страданій приказалъ Аллахъ жить тѣмъ червямъ, дѣлая на пользу людямъ шелковичныя пряди.

Глава V.

Земледѣліе.—Преданія о Кокъ-Ташѣ и нашествіи китайцевъ.

Внизу въ долинѣ виднѣлись обработаныя поля и всѣ склоны горъ были покрыты посѣвами, указывая, что мы вступили въ богатый земледѣльческій районъ.

Рѣчная долина между тѣмъ дѣлалась все шире и шире, превратившись въ холмистую равнину, болѣе десяти верстъ ширины.

Отдохнувъ въ кишлакѣ Ходжа-Имамъ, мы переправились на правый берегъ рѣки, взявъ направленіе на г. Дюшамбе, виднѣвшійся издали своими садами и постройками; вправо растилался многолюдный кишлакъ Пшанглярь, гдѣ предполагалось оставаться на ночлегъ.

Г. Каферниганъ также былъ виденъ, и вся долина своими большими городами подтверждала, что мѣста эти съ сѣдой старины облюбованы людьми для осѣдлой жизни, благодаря особому пло-

родію почвы, обилію воды въ десяткахъ горныхъ рѣчекъ и ручьевъ, спадающихъ со склоновъ и отроговъ Гиссарскаго хребта.

Бѣлыя шапки главнаго горнаго массива закрывали весь сѣверъ, гдѣ сливались съ бѣлыми же снѣжными вершинами хребта Зарявшаискаго, создавая впечатлѣніе, что тамъ находится сплошная полярная страна, по своему безлюдью похожая на страшную пустыню. Южная часть хребта была ярко освѣщена солнцемъ и обтаявшія снѣжныя горы блестѣли, отливая всѣми цвѣтами радуги.

Холодный вѣтеръ, будто ледяное дыханіе, доносился до насъ и, хотя до горъ была добрая полсотня верстъ, но самый видъ такихъ огромныхъ снѣговыхъ массивовъ невольно давалъ впечатлѣніе и способствовалъ самовнушенію о сильномъ пониженіи температуры.

Обширныя, прекрасно воздѣланныя поля пшеницы чередовались съ огромными площадями, засѣянными хлопчатникомъ, уже покраснѣвшимъ, съ налившимися крупными круглыми коробочками, заставлявшими кусты сгибаться подъ ихъ тяжестью.

— Много сѣтъ хлопка, Караулъ-беги, обратился я къ старику мирахуру, выѣхавшему навстрѣчу, по распоряженію гиссарскаго бека.

— Очень много, тюра, сѣютъ около Каршей, Шахриязба и по Зарявшану, а здѣсь мало; потому что у насъ нѣтъ дорогъ, по которымъ можно отвести гузу на заводы. Верблюды поднимаютъ 12 пудовъ и перевозка обходится очень дорого. Вотъ если бы здѣсь была урусъ-шайганъ-арба ¹¹⁾, что около Бухары ходитъ, тогда бы сняли его очень много.

Вспомнивъ видѣнное въ другихъ бекствахъ, я долженъ былъ признать его доводы правильными.

Посѣвы хлопка въ ханствѣ сосредотачиваются въ бекствахъ, расположенныхъ по Зарявшану и Аму-Дарьѣ, причемъ общее количество (почти на 100 т. десятинахъ хлопка) достигаетъ до 5 мил. пудовъ. И надо думать, что съ проведеніемъ желѣзнодорожной линіи до Термеза и вѣтки ея въ Гиссаръ, Динауское и Гиссарское бекства, находящіяся въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, благодаря обилію воды и плодородности почвы, образуютъ новый хлопковый раіонъ, могущій дать не меньше 2—3 милл. пудовъ хлопка.

Отсутствіе всякихъ путей сообщенія съ богатымъ гиссарскимъ краемъ, отдѣленнымъ отъ западной Бухары огромными горами, создаетъ такое положеніе, что исключительно богатые урожаи зерно-

¹¹⁾ Желѣзная дорога—чертова повозка.

выхъ хлѣбовъ съ небольшою, сравнительно, площади земли, вполне обезпечиваютъ мѣстное населеніе, не видящее необходимости въ увеличеніи запасекъ, такъ какъ излишекъ хлѣба остается въ краѣ, способствуя постоянно крайне низкимъ базарнымъ цѣнамъ на зерно. Благодаря этому, дешевизна цѣнъ положительно поражаетъ всякаго, особенно, по сравненію съ Термезомъ, гдѣ они въ три-четыре раза выше. Лишь проведеніе желѣзной дороги отъ Термеза и до Гиссара можетъ создать изъ этого благословеннаго края земледѣльческой районъ, могущій снабжать огромнымъ количествомъ зерна всѣ низовья Аму-Дарьи, нуждающіяся въ хлѣбѣ и въ свою очередь могущія всѣ свои поля обратить подъ посѣвы хлопка, который нынѣ засѣвается тамъ въ небольшомъ количествѣ. Хотя въ тоже время нельзя не сказать, что культура хлопка, вообще, во всемъ Бухарскомъ ханствѣ не достигла еще той степени развитія, какъ въ русскихъ областяхъ Средней Азіи, несмотря на то, что по количеству своего населенія, качеству почвъ годныхъ подъ хлопчатникъ земель и позапасу свободныхъ водъ, Бухара превышаетъ Ферганскую область. Вывозъ же хлопка уже много лѣтъ выражается въ количествѣ отъ 1 мил. до 1 мил. 300 тыс. пудовъ, тогда какъ въ Ферганѣ за десятилѣтіе повысился съ 1 мил. на 7 мил. пудовъ. И эта постоянная цифра вывоза какъ нельзя лучше указываетъ, что площади засѣва хлопчатника, несмотря на выгодность его посѣва, не увеличиваются, чему главнымъ образомъ препятствуетъ система торговыхъ обложеній и отсутствіе путей сообщенія.

Благодаря взиманію въ податъ $\frac{1}{10}$ урожая, который опредѣляется бухарскими чиновниками, обыкновенно сильно опаздывающими со своими работами, американскій (болѣе цѣнный хлопчатникъ) переставается (и тогда урожай оказывается сравнительно меньше) и выпадаетъ изъ коробочекъ, почему населеніе его не засѣваетъ, предпочитая болѣе дешевый, но зато съ нераскрывающимися коробочками, бухарскій хлопокъ. Затѣмъ весь урожай хлопка свозится въ особые сдаваемые на откупъ сараи, гдѣ облагается рядомъ различныхъ сборовъ: комиссіонными, вѣсовыми, рабочими, полицейскими и т. п., составляющими до 20% стоимости хлопка.

Въ общемъ, американскій хлопокъ даетъ до 200 р. чистаго урожая съ десятины, а бухарскій не болѣе 50 р.

Заводовъ же гузопомочныхъ съ машинами, освобождающими хлопчатникъ отъ коробочекъ, внѣ линіи Средне-Азіатской желѣзной дороги, не имѣется, и это обстоятельство ложится тяжкимъ бременемъ на хлопокъ, такъ какъ перевозка гузы на большія разстоя-

нія удорожаетъ его едва ли не на $\frac{1}{3}$ стоимости, заставляя перевозить $\frac{1}{4}$ бесполезнаго груза—твердыя коробочки, составляющія его оболочку.

По берегамъ рѣки видѣлись лежащія въ огромномъ количествѣ камни, преимущественно круглой формы, отшлифованные водою во время продолжительнаго передвиженія съ горныхъ высотъ, лежащихъ въ ея верховьяхъ. Зеленые, синіе діориты и діабазы, вмѣстѣ съ черными, красными мраморами, разноцвѣтной полосой выдѣлялись на фонѣ желтоватаго ила.

Я слѣзъ съ лошади и, выбравъ красивый камень ярко-зеленаго цвѣта, положилъ его въ хуржумъ, вызвавъ большое удивленіе бухарскаго чиновника.

— Зачѣмъ, тюра, нуженъ камень? Вѣдь онъ ничего не стоитъ, спросилъ онъ, всматриваясь въ мои глаза и желая повидимому прочитатъ какую то затаенную мысль, которую я, по его заключенію, имѣю, спрятавъ ничего не стоящій камень.

— Хочу себѣ привезти на память о здѣшнихъ мѣстахъ, улыбнулся я.

— Но вѣдь это лишняя тяжесть для коня... Вѣдь это не кусокъ кокъ-таша, который стоило бы везти, упорно продолжалъ доказывать мнѣ Караулъ-беги.

— А что такое кокъ-ташъ ¹²⁾? задалъ я вопросъ, чтобы окончить объясненіе.

— Неужели, тюра, не слышалъ объ этой замѣчательной рѣдкости?

— Вѣдь кокъ-ташъ—зеленый камень—былъ самимъ Аллахомъ данъ великому эмиру Тимуръ-хану, за его храбрость и совершеніе подвиговъ, во славу ислама. Ты не слышалъ, тюра, этой исторіи, которую знаетъ каждый правовѣрный? Это, тюра, ничего. Хотя вѣдь кокъ-ташъ теперь урусы скрыли въ своей крѣпости въ Самаркандѣ. Это чудо. Но кокъ-ташъ не виноватъ, что ты его не видѣлъ. И солнце не виновато, что глазамъ летучей мыши не дано зрѣнія, совершенно неожиданно закончилъ онъ свое разсужденіе, какъ будто обиженный моимъ незнаніемъ о существованіи такой рѣдкости, подыскавъ въ тоже время мнѣ въ этомъ оправданіе.

Проѣхавъ молча, довольно долго, онъ наконецъ, снова добродушно взглянулъ на меня и заговорилъ:

— Тысяча лѣтъ пронеслось какъ мигъ надъ землею съ тѣхъ

¹²⁾ Кокъ-ташъ—зеленый камень.

порь, какъ жилъ великій Тимурь, гроза всѣхъ странъ, лежавшихъ на сѣверъ, западъ, югъ и востокъ отъ благородной Бухары, до самыхъ береговъ морей, омывающихъ со всѣхъ четырехъ сторонъ землю и смывающихъ съ нея всю нечистоту и грѣхи людей, оскверняющіе прекрасное твореніе Всемогущаго.

Десятки тысячъ воиновъ пасли своихъ быстроногихъ коней, поставивъ свои кибитки въ Бухарскихъ степяхъ, готовые по одному знаку своего эмира летѣть навстрѣчу врагу къ побѣдамъ. Звонъ сабель во время сраженій былъ такъ громокъ, что разносился по всему свѣту, а искры, выбиваемыя ими во время ночныхъ стычекъ, были такъ многочисленны, что освѣщали далекое пространство вокругъ. Напѣвая жалобныя пѣсни смерти, неслись тучами во враговъ ихъ пернатые стрѣлы, закрывая собою свѣтъ солнца.

Огромные караваны шли каждый разъ за войсками, возвращавшимися послѣ войнъ съ сосѣдями. Тысячи рабовъ, мужчинъ и женщинъ, шли привязанные къ верблюдамъ цѣлыми вереницами. Драгоценныя матеріи, ковры, золото, серебро и самоцвѣтные камни составляли собою несмѣтную добычу, доставшуюся на долю эмира.

Несмѣтныя богатства собралъ онъ въ своемъ дворцѣ, но среди нихъ не было драгоценнѣе кокъ-таша—зеленаго камня, даннаго эмиру самимъ Аллахомъ за его храбрость и войны съ невѣрными. И имѣлъ тотъ камень чудесное свойство: по нему могъ узнать эмиръ—благословляетъ ли Аллахъ его мечъ на новую войну, и будетъ ли она такая же побѣдоносная? И въ то же время этотъ же камень точно указывалъ наступленіе праздника весны и пробужденія природы.

А узнать это можно было лишь послѣ долгихъ постовъ и молитвъ. Твердый, какъ желѣзо, камень, по волѣ Аллаха, въ этомъ случаѣ, дѣлался какъ воскъ, и въ него по рукоятку, совершенно свободно, входилъ, даже отъ легкаго удара, клинокъ ножа, носимаго эмиромъ за поясомъ. И камень послѣ этого снова становился твердымъ, какъ желѣзо, а ножъ оставался въ немъ до слѣдующей войны. Когда же Аллахъ не хотѣлъ войны, никакою силою нельзя было всадить въ кокъ-ташъ булатный ножъ. Онъ ломался и крошился объ его твердую поверхность.

Счастливо всегда воевалъ Тимурь-ханъ, потому что ему всегда сопутствовало благословеніе Аллаха. Завоевалъ онъ всѣ народы и земли урусовъ, англизовъ, Иранъ, и только одна страна Хитая оставалась ему не подвластною. Но позднѣе, собравъ всѣ свои войска, повелъ онъ ихъ на востокъ, и не могъ народъ Хитая удержать этотъ

стремительный потокъ, сметавшій все на своемъ пути. Испугался ханъ Хитай и сталъ просить мира, обѣщавъ Тимурь-хану выдать за него свою красавицу дочь, красивѣе которой не было дѣвушекъ во всей его обширной странѣ.

Согласился на эти условія Великій Тимурь, а когда увидаль лицо своей будущей жены, на которомъ, какъ звѣзды, блистали чудные глаза, то забилось его старое сердце и онъ подарилъ ей кокъ-ташъ, какъ свадебный подарокъ, которымъ жена можетъ распоряжаться въ будущемъ по своему усмотрѣнью.

И былъ снова счастливъ эмиръ, упиваясь ласками своей прекрасной жены. Забываль онъ и походы, и быстроногихъ коней, и военныя забавы, и соколиныя охоты, отдыхая на праздникахъ среди своихъ чудныхъ садовъ.

Но всему на свѣтѣ положень свой предѣлъ. Въ глубокой старости смежились грозные очи Тимурь-хана—грозы невѣрныхъ. Рядомъ съ нимъ легли въ сырую землю и его прекрасныя жены.

Время безпощадною рукою многое смело съ лица земли. Взята столица Тимура—Самаркандъ урусамы. Но кокъ-ташъ и до сихъ поръ существуетъ на свѣтѣ, спрятанный урусамы въ глубокомъ подземельѣ, такъ какъ хитай все время стараются имъ завладѣть. Хань Хитай считаютъ, что кокъ-ташъ былъ подаренъ эмиромъ своей женѣ, дочери хитайскаго хана, не имѣвшей отъ него дѣтей, а потому, по шаріату, они и являются наследниками, имѣющими на него права.

Ты понимаешь, тюра, какъ важно имѣть кокъ-ташъ для каждаго правителя? И теперь всѣ силы хитайскаго народа уже направлены къ тому, чтобы добыть изъ Самарканда кокъ-ташъ, благословеніе Аллаха.

Прошедшее рода людскаго записано въ памяти мудрыхъ людей, передавшихъ его другъ другу. Но будущее скрыто отъ всѣхъ, а потому его никто не могъ бы знать. Но Аллахъ любилъ пророка Магомета, печать всѣхъ пророковъ, и отличилъ его отъ всѣхъ людей, открывъ невѣдомое, для передачи всѣмъ правовѣрнымъ. Я не читаю, тюра, такъ какъ читать не умѣю, но одинъ дервишъ мнѣ рассказывалъ, что въ книгахъ самъ пророкъ своимъ мюридамъ далъ откровеніе...

«Долго будетъ сіять солнце ислама ослѣпительнымъ блескомъ, пока не поднимутся противъ него невѣрные всего міра. Но и ихъ царство недолговѣчно. Съ востока, изъ колыбели рода человѣческаго, встанутъ несмѣтныя полчища хитайцевъ и поведетъ ихъ ханъ

Хитай на невѣрныхъ запада, добывать благословеніе Аллаха, кокъ-ташъ. И будетъ тогда страшная битва, въ которой примуть участие всѣ племена, живущія на землѣ. Ожесточившіеся враги превратятся въ звѣрей, убивая и грызя своихъ враговъ. Погаситъ тогда солнце Аллахъ, чтобы не видѣть этой людской злобы. И кончится жизнь на землѣ въ полномъ мракѣ, въ которомъ оставшіеся люди уничтожатъ другъ друга, а тогда настанетъ вѣчная ночь и вѣчное безмолвіе».

Глава VI.

Туземная сваха. Свадебные обычаи. Астрономъ З.

Ночлежь въ кишлакѣ Пашанглярѣ среди сада, въ которомъ мы остановились, давалъ возможность видѣть то огромное количество всякихъ фруктовъ, сложенныхъ въ сушеномъ видѣ въ большихъ мѣшкахъ-чувалахъ, подъ развѣсистымъ тутомъ, которое собирается въ садахъ этихъ мѣсть.

— Неужели это все собрано здѣсь? спросилъ я хозяина, еще молодого узбека, съ печальными задумчивыми глазами.

— Да, тюра, Аллахъ послалъ въ этомъ году хорошей урожай. Много собрали урюку, персиковъ, изюму, шапталы. Солнце высушило ихъ хорошо, и теперь я завтра собираюсь отвезти все приготовленное въ Дюшамбе на базаръ, оставивъ лишь немного для себя.

— Сколько же думаетъ хозяинъ выручить за это?

— Ахъ, тюра! Здѣсь всѣ сушеные фрукты очень дороги: те-негъ десять за мѣшокъ можно получить, наивно отвѣтилъ онъ, очевидно считая огромною суммою стоимость мѣшка пуда въ три вѣсомъ, на наши деньги—полтора рубля.

Подивившись этой дешевизнѣ, я заглянулъ въ ближайшей мѣшокъ, наполненный крупными темно-желтыми сушеными абрикосами, цѣна которыхъ даже въ Ташкентѣ достигаетъ до 20 коп. за фунтъ.

Старая женщина, вышедшая изъ кибитки, стоявшей въ концѣ сада, подошла къ мѣшкамъ и, вынувъ иглу съ ниткою, стала зашивать ихъ, порою бросая выразительные взгляды на незнакомаго ей уруса.

— Кто эта женщина? указаль я на старуху.

— Это мать хозяина караванъ-сарая, отвѣтили Карауль-беги, привѣтливо ей поклонившись. Ее, тюра, здѣсь всѣ наши люди знаютъ, потому что она о свадьбахъ хлопочеть. Всегда знаетъ у кого есть сынъ, у кого дочери. Хлѣбъ отъ такого дѣла хорошій ѣсть.

— Можно поговорить съ нею потомъ, когда она окончить свою работу?

— Отчего-же, можно и сейчасъ, отвѣтили Карауль-беги и позваль старуху.

Накинувъ на себя широкой халатъ, лежавшій тутъ же невдалекѣ, мать хозяина степенно подошла ближе и остановилась въ ожиданіи.

Предложивъ ей сѣсть и подавъ чашку чая, я осторожно задалъ нѣсколько вопросовъ, касавшихся ея ремесла.

Но, къ моему удивленію, старая женщина, не смущаясь, присѣвъ на кошму и осматривая меня своими красивыми глазами, сама охотно заговорила.

— Тюра, хочеть знать наши обычаи, какъ и что дѣлается когда люди женятся и выходятъ замужъ? Старая Калями-Биби имѣеть очень длинный языкъ, отъ времени сдѣлавшійся болтливѣе, чѣмъ у другихъ женщинъ; поэтому я съ удовольствіемъ буду отвѣчать, если тюра спросить.

И тутъ же, усмѣхнувшись, добавила:

— Все кисметъ! Когда была молода, тюру бы встрѣтила и была бы нужна ему для другого, а теперь старая—только годна для болтовни.

Взявъ въ ротъ изюмину и прихлебнувъ глотокъ чая, она весело посмотрѣла вокругъ.

— Вотъ, тюра, эти люди всѣ меня любятъ и знаютъ, потому что черезъ меня они свои дома устраивали, женились сами и дочерей замужъ выдавали и для своихъ сыновей женъ находили. Старая Калямъ-Биби всѣхъ вокругъ знаетъ. Оттого ей всегда и вездѣ лучшее мѣсто и самый вкусный кусокъ.

Если кто ищетъ себѣ жену—приходить ко мнѣ, и я тогда думаю, какая дѣвушка ему подходитъ. Вспомнивъ подходящую, сейчасъ же ѣду къ ея матери и, какъ полагается при этомъ, говорю: «мы сдѣлались вашими рабами». Она мнѣ съ ласкою отвѣчаетъ: «добро пожаловать! Только сегодня нѣтъ времени, приходите завтра». Я уже знаю, что это обычай, возвращаюсь къ жениху спокойно и передаю: «завтра приходите нужно».

На другой день, еще раньше, подъѣзжаю къ дому матери невѣсты, и встрѣчаютъ уже меня словами: «заходите и скажите, какое до насъ дѣло». А вокругъ кибитки въ это время веселый смѣхъ идетъ: дѣвушки въ кибитку заглядываютъ, все услышать хотятъ, во всѣ щели любопытные глазки видны.

Тогда я и говорю: «живетъ въ такомъ то кишлакѣ очень хорошій человекъ, много у него барановъ и лошадей, и зерна, и звонкихъ серебряныхъ денегъ, и пріятныхъ для глаза золотыхъ тилла».

Слушаетъ меня мать, а зама сердцемъ радуется, что такой хорошій человекъ ея дочь въ жены взять желаетъ, но сама виду не показываетъ, что рада, и только снова, по адату, скажетъ: «приходите завтра».

На другой день мы уже съ матерью вмѣстѣ ѣдемъ смотрѣть жениха и, остановившись, будто невзначай, около его кибитки, раз-смотреть она будущаго мужа своей дочери, который къ тому времени на свой дворъ выйдетъ.

«Хорошій молодой бай», одобритъ мать жениха.

Затѣмъ уже черезъ нѣсколько дней друзья и родные жениха относятъ подарки и достарханъ невѣстѣ: котель плова, 100 лепешекъ, корзину урюку, шелковую рубаху, шальвары, платокъ, вчиги съ галошами и мѣшечекъ съ 100-200 и больше, смотря по достатку, серебряными тенгами.

Рады и довольны всѣ почетнымъ гостямъ, принимаютъ и благодарятъ за достарханъ и награждаютъ ихъ подарками.

А черезъ мѣсяцъ уже аксакалы ведутъ большіе разговоры о калымѣ. Тутъ ужъ дѣло отца дѣвушки. Сколько назначить, столько и долженъ женихъ дать. Бѣдный меньше, а богатый больше: 30 халатовъ, 20 платковъ, три штуки ситца, 25 барановъ, 4 кобылы, 500 большихъ лепешекъ, 1.000 среднихъ, 2.000 маленькихъ, 4 батмана рису, 4 батмана муки, 1 корзину конфетъ, пять головъ сахару, принялась пересчитывать скороговоркою, всякія вещи и припасы старуха.

— Но это не особенно много, удивился я, слыша перечисленіе.

— Да, тюра, для васъ это немного, но у насъ такой калымъ считается большимъ. Ну, а кромѣ того, надо еще заплатить за молоко матери; тутъ ужъ опредѣляютъ деньгами — одна, двѣ, три, десять тысячъ денегъ.

Потомъ, когда сговорятся во всемъ, тогда назначаютъ день ни-

саха — свадьбы, которую совершает мулла, читая молитвы и призывая благословение Аллаха на молодыхъ. И до этой поры женихъ не видит своей невѣсты.

Хотя, тюра, такъ по старинѣ было, теперь уже не то, вздохнула старуха; въ Гиссарѣ, Дешамбе молодые люди такъ устраиваютъ, что видятъ другъ друга и раньше, а у киргизовъ дѣвушка вольная, тамъ она всегда и у всѣхъ на виду.

Послѣ писаха бываетъ той у отца невѣсты, а потомъ у отца жениха. А мнѣ, тюра, всегда подарки дѣлаютъ—тѣмъ и живу.

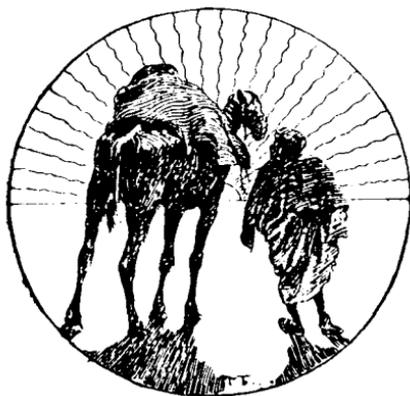
Прости, тюра, если надоѣла своими бабьими рассказами, закончила старуха, вставая.

Я поблагодарилъ за интересное сообщеніе и, вынувъ кошелекъ, протянулъ въ признательность нѣсколько тепегъ, которыя старуха, удивительно быстро схвативъ своими крючковатыми руками, сейчасъ же вложила за щеку и торопливо ушла, продолжая бормотать слова благодарности.

Надъ кшлакомъ уже спустилась ночная тьма, среди которой кое-гдѣ виднѣлись костры, разложенные около кибитокъ и въ садахъ для приготовленія ужина. Въ воздухѣ чувствовалась сырость, и длинныя полосы тумана потянулись съ рѣки и изъ арыковъ, смѣшиваясь съ дымомъ. Запахъ домашняго скота являлся преобладающимъ. Во всей этой густой атмосферѣ чувствовалось что то нездоровое, вредное.

Д. Логофетъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТРАНА ЛЬВА И СОЛНЦА.

Общій обзоръ и границы.

(Продолженіе 1).

Административное устройство.

Вся Персія дѣлится на намѣстничества (ияллетъ) и провинціи (виллайетъ)³⁰). Послѣднія имѣютъ большее или меньшее значеніе въ зависимости отъ своей величины, а главнымъ образомъ отъ приносимаго дохода. Провинція Керманшаханъ по своему пограничному положенію и значительному пространству, хотя и принадлежитъ къ разряду вторыхъ, т. е. виллайетовъ, но управляется губернаторомъ скорѣе съ властью генераль-губернатора, такъ какъ населяющіе провинцію наслѣдственные начальники кочевыхъ племенъ одновременно являются и начальниками областей, и изъ персидскаго чванства называютъ себя губернаторами.

Стоять во главѣ персидской провинціи, при отсутствіи у правительства вооруженной силы, крайне трудно. Для этого губернаторъ долженъ имѣть громаднѣйшій авторитетъ, основанный главнымъ

¹) См. «Военный Сборникъ» № 8.

³⁰) Подробности см. Извѣстія штаба Кавказскаго военнаго округа 1911 г., № 33. О. Чернозубовъ. Арделянъ, стр. 29.

образомъ на знатности происхожденія, богатствѣ, связяхъ съ дворомъ и центральнымъ правительствомъ, умѣ, изворотливости и опытности. Отправляясь въ провинцію, губернаторъ прежде всего требуетъ у правительства назначенія въ свое распоряженіе хотя бы 20—30 казаковъ изъ персидской казачьей бригады, еще недавно бывшей единственной организованной воинской частью. И какъ ни странно съ перваго взгляда, но нахожденіе въ полномъ подчиненіи у губернатора даже такой маленькой кучки дисциплинированныхъ всадниковъ наводитъ трепетъ на всѣ слои разношерстнаго населенія провинціи. Справедливость требуетъ, однако, признанія, что и безъ назначенія казаковъ нѣкоторые губернаторы управляютъ провинціею съ большимъ успѣхомъ. Но такихъ очень мало.

Главнымъ орудіемъ для управленія въ рукахъ губернатора является интрига, притомъ тонкая, часто коварная, но всегда корыстолюбивая. Въ Керманшаханской провинціи низшее сословіе очень бѣдно и забито и всецѣло находится въ рукахъ высшихъ сословій. Послѣднія, т. е. аристократія, дворянство, купечество и духовенство, распадаются на множество партій, которыя группируются какъ бы въ два крупныхъ союза, враждующихъ другъ съ другомъ и имѣющихъ громадное вліяніе на назначеніе и отозваніе губернатора, на его управленіе провинціею и отношенія къ начальникамъ кочевыхъ племенъ, являющимся мѣстными царьками.

Такое партійное царство въ Керманшаханѣ заставляетъ даже самаго самостоятельнаго и властнаго губернатора быть крайне осторожнымъ въ своихъ поступкахъ и всегда имѣть въ виду интересы обѣихъ партій. Послѣднее особенно трудно учесть, такъ какъ губернаторъ не можетъ своевременно разгадать и опредѣлить состава партій и кто изъ вліятельныхъ лицъ находится на какой сторонѣ, такъ какъ хитрые мѣстные талейраны перебѣгаютъ изъ одного лагеря въ другой и образуютъ самыя неожиданныя группировки, направленныя къ единой цѣли—борьбѣ съ губернаторомъ.

Во всякомъ случаѣ практика доказала, что Керманшаханскій губернаторъ долженъ быть съ сильнымъ характеромъ, строгимъ, даже кровожаднымъ, но не особенно алчнымъ. Изъ всѣхъ бывшихъ въ послѣдній дореволюціонный періодъ губернаторовъ особеннымъ вліяніемъ пользовались принцъ Зиль-эсъ-Султанъ (братъ Мозафэръ эдъ-Динъ шаха), Хассанъ-Али-ханъ-эмиръ-Низамъ, Аллаэдъ-Доулэ и принцъ Фармапъ-Фарма (внукъ Фатхъ-Али-шаха). Первые трое справлялись со своимъ дѣломъ, конечно, по персидскимъ понятіямъ, очень хорошо, причемъ лучше всего правилъ въ

теченіе трехъ лѣтъ Алла-эдъ-Доулэ, дѣйствительно выдающійся чело-вѣкъ. Принцъ Фарманъ-Фарма также оставилъ по себѣ у населе-нія большую память, но отрицательную. Онъ отличался большою жадностью и слабостью характера, а также недостаточнымъ для крупнаго администратора умомъ и болѣзненностью. Страдая безсонницею, онъ по ночамъ вѣчно обдумывалъ способы, какъ бы по-больше выколотить денегъ интригами и торгово-административ-ными предпріятіями, какъ, напримѣръ, скупкою зерна и масла съ цѣлью повышенія цѣнности этихъ продуктовъ для продажи затѣмъ населенію въ искусно созданную благопріятную минуту. Зная гро-мадное значеніе иностранныхъ консуловъ, Фарманъ-Фарма съ охо-тою исполнялъ всѣ желанія русскаго, англійскаго и турецкаго кон-суловъ, но въ тайнѣ былъ ярмыъ сторонникомъ англичанъ.

По заведенному вѣками обычаю, получивъ въ Тегеранѣ назна-ченіе, Керманшаханскій губернаторъ или, вѣрнѣе, генераль-губерна-торъ избираетъ себѣ помощника, котораго и командируетъ впередъ въ свою будущую резиденцію съ расчетомъ самому прибыть туда на 2—3 мѣсяца позже. Приѣхавъ въ Керманшахъ, помощникъ со-бираетъ къ себѣ представителей племенныхъ начальниковъ кочев-никовъ и увѣряетъ ихъ въ добрыхъ намѣреніяхъ губернатора. Представители немедленно ѣдутъ къ своимъ довѣрителямъ, пере-даютъ слова помощника и объявляютъ о времени прибытія губер-натора въ небольшой городокъ Кянгеверъ. Сюда къ назначенному времени съѣзжаются всѣ начальники племенъ, причемъ каждый ста-рается взять съ собою возможно больше вооруженныхъ всадни-ковъ. Такъ, напримѣръ, Давудъ-ханъ-ильхани является во главѣ 800 отличныхъ наѣздниковъ. Опасаясь какого-либо коварства со стороны губернатора, весьма возможнаго въ крытомъ помѣщеніи, всѣ племенные начальники встрѣчаютъ новаго властителя въ полѣ, окруженные своимъ воинствомъ. Тутъ совершается представленіе и подношеніе губернатору пишкешей.

Каждый начальникъ племени подноситъ пишкешъ губерна-тору, въ зависимости отъ своихъ доходовъ. Такъ, начальникъ Иля Кяльхоръ даетъ, помимо положеннаго маліата, около 12.000 тумановъ денегъ, 15 хорошихъ катеровъ, двѣ высококровныхъ араб-скихъ кобылы и, кромѣ того, пишкешу алчной и могущественной свитѣ губернатора, въ зависимости отъ положенія и степени влія-нія каждаго лица. Въ этомъ подданные Шахъ-инъ-шаха замѣча-тельно разбираются. Начальникъ тайфѣ Гуранъ обыкновенно даетъ губернатору 7.000 тумановъ, Сенджаби—6.000, Керендъ—3.000 и

такъ далѣе, въ зависимости отъ силы и богатства своего племени.

Получивъ взаимныя подарковъ халаты, какъ символъ утвержденія власти, ханы ѣдутъ домой. Тутъ все племенные начальники находятъ въ свою очередь въ сборѣ начальниковъ тире, дворянъ и кетхудъ съ пишкешами, собранными съ населенія, притомъ въ количествѣ въ 2—3 раза больше того, что было поднесено губернатору. Получивъ такимъ образомъ инвеституру отъ губернатора и признаніе покорности отъ своихъ вассаловъ и подданныхъ, ильхани творятъ суды и расправу и почти неограниченно властвуютъ надъ тайфэ. Какъ и всякіе другіе властители персидскіе, племенные начальники кочевниковъ преслѣдуютъ главнымъ образомъ цѣль наживы, но въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ начальство надъ осѣдлымъ населеніемъ, такъ какъ ильхани царствуютъ наследственно, а потому любятъ своихъ подданныхъ и дорожатъ репутаціею. У нихъ и алчности меньше, такъ какъ главное стараніе ихъ направлено не столько на желаніе «больше взять», сколько въ сторону — «меньше дать» губернатору и его свитѣ, что при большой силѣ нѣкоторыхъ ильхани часто удается. Самымъ обыденнымъ приемомъ служить задерживаніе уплаты трети маліата и пишкешей губернатору до новаго ежегоднаго утвержденія его во власти тегеранскимъ правительствомъ въ надеждѣ, что губернаторъ будетъ смѣщенъ, не успѣвъ собрать недоимокъ, что дѣйствительно часто и случается. Губернаторъ это прекрасно знаетъ и терпѣливо ждетъ фирмана изъ Тегерана. Но разъ мандатъ полученъ, во все стороны летятъ изъ Керманшаха крайне вѣжливыя, но внушительныя посланія съ требованіемъ собраться въ Керманшахъ. Тогда все ильхани опять съ большою дружиною ѣдутъ въ Керманшахъ, но уже съ пишкешами и маліатомъ, и снова получаютъ халаты и расписки.

Въ случаѣ неаккуратной уплаты ильханями назначенныхъ доходовъ или въ случаѣ какихъ-либо крупныхъ безпорядковъ въ управленіи, губернаторъ смѣняетъ ильханей, для чего назначаетъ новымъ главою племени кого-либо изъ крупныхъ родоначальниковъ того же тайфэ, обыкновенно близкихъ родственниковъ удаляемаго. Но на подобное дѣйствіе губернаторъ рѣшается не сразу. Этому предшествуетъ ослабленіе престижа виновнаго, сѣяніе раздора среди аристократіи племени, часто вызовъ къ себѣ смѣняемаго, коварно убиваемаго или заключаемаго въ темницу, порученіе враждебному племени смѣщенія виновнаго, словомъ интрига. та самая искусная и коварная интрига, около которой вертится вся жизнь каждаго персіянина и которая наполняетъ все его существованіе.

Кромѣ начальниковъ племень, сотрудниками губернатора, по по управленію осѣдлою частью населенія, являются наибы-эль-хукумэ, т.-е. вице-губернаторы или начальники областей (уѣздовъ) провинціи, т.-е. магаловъ или булуковъ. Наибы избираются губернаторомъ съ торговъ, т.-е. кто больше дастъ. Впрочемъ, магалы управляютъ наслѣдственно, причемъ въ этомъ случаѣ между губернаторомъ и мѣстнымъ владѣтелемъ устанавливается денежный договоръ, обыкновенно ко взаимному удовольствію.

Для управленія провинціею губернаторъ имѣетъ цѣлый штатъ чиновниковъ, вѣрнѣе слугъ, раболѣпно исполняющихъ всякую прихоть своего главы и старающихся всеми силами и средствами извлечь себѣ доходъ изъ порученной отрасли управленія.

Совершенно независимыми отъ губернатора правительственными чиновниками являются: визирь, каргузаръ, рейсь-и-тезкере и рейсь-и-телеграфханэ. Визирь завѣдуетъ сборомъ земельныхъ податей, которыя вноситъ губернатору. Каргузаръ, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, является начальникомъ или, вѣрнѣе, судьей персидскихъ подданныхъ не мусульманъ и ведетъ сношенія губернатора съ иностранными консулами. Рейсь-и-тезкере, директоръ паспортной конторы, выдаетъ и визируетъ паспорта. Наконецъ, начальникъ телеграфа обязанъ доносить въ Тегеранъ центральному правительству о состояніи провинціи и поэтому пользуется большимъ вліяніемъ.

IV.

Сословія Керманшаха.

Въ Персіи громадное значеніе имѣютъ сословія и цехи, причемъ и тѣ и другіе управляются головами, иногда наслѣдственными, чаще выборными. Въ Керманшахѣ особенное вліяніе имѣютъ: князя, дворяне, духовенство и купцы ³¹⁾.

Князя.

Князьями (шахъ-заде, сокращенно шазде) числятся потомки царствовавшихъ шаховъ. Особенно много ихъ оставили безчисленные сыновья и внуки Фатхъ-Али-шаха. Въ Керманшахѣ живутъ

³¹⁾ Все описываемое въ настоящемъ очеркѣ относится къ 1905 году. Поэтому многіе изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ, конечно, умерли. Что касается правовъ и обычаевъ, то революція затронула ихъ только слегка.

потомки Имадъ-удъ-Доулэ, изъ которыхъ по богатству имѣютъ особенное значеніе слѣдующія его дѣти: старшій сынъ Муртезъ-Гулимирза-Мусаверъ-усъ-Солтанэ, восьмидесяти лѣтъ, отличающійся своимъ богатствомъ, но весь преданный личной довольно пустой жизни, крайне рѣдко выходящій изъ эндеруна. У него два сына: Музаферъ-усъ-Солтанэ и Афхамъ-усъ-Солтанэ, изъ которыхъ первый пользуется большимъ вліяніемъ и хорошею репутаціею.

Второму сыну Имадъ-удъ-Доулэ—60 лѣтъ. Онъ предсѣдатель купеческаго суда. Третьему сыну, Мухташемъ-усъ-Солтанэ, 50 лѣтъ и это наиболѣе вліятельный изъ всѣхъ шазде. Съ нимъ должны считаться губернаторы, такъ какъ, благодаря уму и щедрости, онъ пользуется большимъ авторитетомъ. Четвертый сынъ Имадъ-удъ-Доулэ, Саларъ-Низамъ, завѣдуетъ пороховыми складами и отличается скромностью и симпатичностью.

Городское дворянство.

Очень многіе помѣщики и родовые начальники разныхъ, по преимуществу, кочевниковъ-курдовъ: Гулькеровъ (Кяльхоръ), Зянгене, Гульбаи и Гуранъ, живутъ осѣдло въ Керманшахѣ. Самыя знатныя и вліятельныя фамиліи слѣдующія: а) родъ Захиръ-уль-Мулька, состоящій изъ 30 семействъ, имѣющихъ около 500 семей крѣпостныхъ и 50 всадниковъ, владѣющій 20 имѣніями, обильными водами и большими табачными плантаціями, дающими въ годъ болѣе 8.000 пудовъ табаку (30.000 тумановъ чистаго дохода). Плантаціями управляетъ Гаджи Ибрагимъ-ханъ. б) Родъ Саремэ-низама очень популярный и уважаемый, владѣющій 15 имѣніями и имѣющій 40 всадниковъ. в) Родъ Гульхерскій—Гаджи-заде изъ 30—40 семействъ, которымъ принадлежитъ половина земель таифэ-Гульхеръ: Галэ-Шахинъ, Систанъ, Дире и пр. и владѣющимъ многими лавками въ Керманшахѣ.

Городское духовенство.

Принадлежитъ къ тремъ родамъ. *Первая* и главенствующая фамилія—это потомки Багира-Бибехани, поселившася въ Керманшахѣ во времена Надиръ-шаха—состоящая нынѣ изъ 100 чело-вѣкъ. Начальникъ духовенства и главное духовное лицо города Имамъ-Джумэ-ага-Абдула является старшимъ представителемъ этого рода. *Второй* родъ происходитъ отъ аги Мамеда-Джафера; главными представителями этой фамиліи являются ага Абуль-Га-

симъ-Раисъ-уль-Улема, помощникъ Имама-Джумэ; ага Хаджи и ага Али-Джанъ. Послѣдніе отличаются большими познаніями, но вслѣдствіе своей честности и бѣдности терпятъ большую нужду. *Третій* родъ—потомки аги Мамедъ-Салиха-старшаго—ничѣмъ особенно не отличается. Наконецъ, существуютъ еще двѣ фамиліи духовенства: одна изъ потомковъ аги Абдуль-Самама, выходцы изъ Турціи, изъ Керкука; представитель этого рода, Шейхъ-Ади, человѣкъ очень благочестивый и честный; другая фамилія—родъ аги Мамедъ-Мехди.

К у п ц ы.

Все знатное купечество Керманшаха—ипогородцы: исфаганцы, тавризцы, тегеранцы и багдадцы, поселившіеся съ основанія города. Гаджи Сеидъ Габибулла и Гаджи Сеидъ-Абдулла, два брата, начали съ маленькаго, а теперь они очень богаты и имѣютъ сношенія съ Лондономъ. Состояніе ихъ 200.000 тумановъ и 50 имѣній въ окрестностяхъ Керманшаха. Не менѣе богатъ Гаджи Малекъ-Мамедъ, а также Гаджи Мамедъ-Али, извѣстные подъ названіемъ Араба и Ажата, торгующіе съ Багдадомъ, Рештомъ и Хамаданомъ, имѣющіе солидный капиталъ и много помѣстій. Затѣмъ назвать можно еще слѣдующихъ лицъ: Гаджи-Мамедъ-Али-Кули, уроженца Исфагана, торгующаго съ Бомбеемъ. Онъ живетъ обыкновенно въ Кербеля и только въ теченіе пяти мѣсяцевъ находится въ Керманшахѣ; Гаджи-Али-Мамедъ получаетъ изъ Багдада и Хамадана ежегодно 5—6 тысячъ вьюковъ товаровъ. Гаджи-Мамедъ-Таги-старшій, торгующій съ Тавризомъ, Рештомъ и Багдадомъ; Холу-оглы, торгующій шелкомъ и сукномъ; ага Сеидъ Миръ, представитель извѣстной персидской компаніи Шеркете-Ушуми, торгующій съ Тегераномъ и Тавризомъ, но извѣстный главнымъ образомъ своею дѣятельностью по учету векселей.

Купеческое сословіе въ Персіи является самымъ вліятельнымъ и пользуется благосклоннымъ вниманіемъ правительства. Персъ въ душѣ—торговецъ, а торговое дѣло крайне уважаемое занятіе, какъ средство къ богатству. Иностранные купцы—желанные гости, за ними ухаживаютъ.

Городъ Керманшахъ.

Керманшахъ существовалъ въ глубокой древности, но лежалъ къ востоку отъ нынѣшняго города, на самомъ берегу р. Карасу.

Около двухсотъ лѣтъ тому назадъ, во время разыгравшейся сильной чумной эпидеміи, испуганное народонаселеніе разбѣжалось.

Однако, одинъ изъ предприимчивыхъ предковъ Захиръ-уль-Мулька основалъ новый городъ, который сталъ разрастаться во времена Фатхъ-Али-шаха, когда старшій сынъ его, будучи назначенъ Керманшаханскимъ генералъ-губернаторомъ, украсилъ его дворцомъ и нѣсколькими правительственными зданіями.

Современный Керманшахъ лежитъ на холмистой зеленѣющей равнинѣ, окруженной громадными горами, даже лѣтомъ покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ. Въ городѣ 25.000 семействъ или 150.000 жителей. Населеніе его крайне смѣшанное. Тутъ живутъ: персы, курды (кяльхоры, занджины, сенджабы, гураны), армяне, турки и евреи. Еще въ началѣ прошлаго столѣтія населеніе города равнялось всего 10.000 человекъ, но слава о дешевизнѣ жизни въ городѣ, а главное его торговое значеніе, привлекли много пришельцевъ, по преимуществу тавризовъ и исфаганцевъ, которые захватили всю торговлю въ свои руки. Мѣстное же населеніе не отличается предприимчивостью.

Не смотря на скученность домовъ, волнообразно поднимающіяся и спускающіяся улицы производятъ красивое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что онѣ содержатся крайне чисто, что необычайно для персидскаго города.

Городъ Керманшахъ лежитъ на рѣкѣ Эюбе-Шуранъ, берущей свое начало у подножья такъ называемой Бѣлой горы, находящейся въ двухъ форсакахъ къ югу отъ города. Рѣчка орошаетъ всѣ сады и огороды Керманшаха и наполняетъ всѣ мѣстные бассейны; оросивъ затѣмъ нѣсколько деревень, она впадаетъ въ Карасу. Вода Эюбе-Шуранъ грязная и тяжелая для питья. Кромѣ этой рѣчки въ городѣ имѣются каналы: Бендъ-Керкуки Гаджи-Сеидъ-Али, Мехди-ханъ, До-Донгъ, Доулетъ-ханъ и ага Хаджи.

Лучшимъ украшеніемъ Керманшаха является площадь—майданъ-топханэ, имѣющая 120 сажень въ длину и 80 въ ширину. Она расположена къ востоку отъ губернаторскаго дворца, главный подъѣздъ котораго выходитъ на нее. Кругомъ майдана лавки торговцевъ всевозможными товарами. Двѣ старинныя, съ дула заряжающіяся, пушки служатъ для производства сигнальных выстрѣловъ въ полдень. На площади есть, конечно, и Нагаръ-ханэ, гдѣ восточная музыка ежедневно играетъ вечернюю зорю. Кромѣ того на майданѣ находятся два амбара-арсенала, гдѣ хранятся

старинныя пушки и разнаго рода снаряды къ 2 семисантиметровымъ орудіямъ Ухаціуса и къ двумъ десятисантиметровымъ мѣднымъ пушкамъ. Лафеты всѣхъ этихъ орудій разбиты.

На площади же высятся отдѣленіе шахиншахскаго банка и телеграфъ.

Въ праздники на этой площади устраиваются фейерверки, крайне любимое персами зрѣлище. Въ этомъ очевидно сказывается культъ огня ихъ предковъ.

Въ Керманшахѣ, кромѣ майдана топханэ, еще двѣ площади. Одна служить для торга животными. За каждую совершенную сдѣлку губернаторъ получаетъ (дыхъ-екъ): съ лошади 8 крановъ, съ коровы и осла 4 крана, а съ овцы по 10 шай. На другой площади продается зерновой фуражъ³²⁾ и всякіе сырые сельско-хозяйственные продукты. Съ каждаго вьюка поступаетъ въ пользу губернатора по 2 шай. На предметы первой необходимости стояли слѣдующія цѣны: харваръ пшеницы или ячменя — 35 крановъ; батманъ масла — 9 кранъ; батманъ мяса: лѣтомъ — 3 крана, а осенью 4,5. Курица 1—2 крана. Уголь и дрова (каштановые) привозятся изъ Дешта и продаются по два крана за ослиный вьюкъ. Фрукты доставляются изъ пригородныхъ садовъ. Лѣсъ, доски и деревянныя издѣлія идутъ изъ Туи-Серкана. Обѣ площади принадлежатъ правительству, которое отдаетъ ихъ въ аренду частнымъ лицамъ. Въ Керманшахѣ 15 мечетей. Лучшая изъ нихъ, Хаджи-Халиля, расположена на улицѣ Ездицэ у воротъ Гебрь-ага. Тутъ совершалъ публичный намазъ ага-шейхъ-Мамедъ-Гуссейнъ, отличавшійся особеннымъ благочестіемъ. Другая мечеть Аллауханэ построена болѣе ста лѣтъ назадъ. Первая, еще болѣе древняя, воздвигнута полтора ста лѣтъ назадъ. Затѣмъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мечети: аги Мамеда-Мешеди, припца Эмадъ-усъ-Доулэ, Джомэ на майданѣ топханэ, Неваба, Кивекеши на базарѣ, Мирзп-Гесамы, Шефи-хана, построенная при основаніи новаго Керманшаха въ Фейзъ-Аббадѣ, аги Седъ-Али и Моталэдъ-Доулэ и др. Всѣ мечети по преимуществу содержатся на счетъ принадлежащихъ имъ и отдаваемыхъ въ аренду лавокъ и бань.

³²⁾ *Кормъ* для лошадей. катеровъ и ословъ — ячмень, юнджа и саманъ. Ячмень передъ дачею обыкновенно смачивается водою, чтобы лошадь легче могла его прожевать. Юнджа это клеверъ или трилистникъ, даваемый животнымъ только въ сухомъ видѣ и смѣшаннымъ съ саманемъ, т.-е. соломенною (шпеннчною) мякиною. Недѣли двѣ въ году, весной, лошадямъ даютъ свѣжую траву, и въ это время избѣгаютъ ѣздить галономъ, вѣря, что отъ травы у лошади слабѣютъ ноги. Суточная казенная дача фуража: 1 батманъ ячменя, 1/2 батмана юнджи и 2 батмана саману.

Что же касается бань³³⁾, то въ Керманшахъ ихъ тридцать двѣ. Нѣкоторыя исключительно мужскія, а нѣкоторыя попеременно мужскія и женскія. Особенно даютъ доходъ бани во время прохода паломниковъ. Лучшія бани слѣдующія: Сарэ-Гебръ-ага, Имамэ-Джомэ, Аллафъ-ханэ, Нуръ-Эддинъ, Горбахъ, Гурки, Топханэ, Мулла-Баши, Зекки-ханъ, Мустафи-Гули-ханъ и др. Кромѣ того всякій, кто имѣетъ въ Керманшахъ колодезь, имѣетъ и баню для Эндеруна. Во всѣхъ городскихъ общественныхъ баняхъ вода проточная.

Какъ и во всѣхъ персидскихъ городахъ, самую оживленную частью Керманшаха являются базары, которыхъ нѣсколько. Два самыхъ большихъ принадлежали внуку Фатхъ-Али-шаха, Эмадь-удъ-Доулэ. Теперь доходъ съ нихъ въ размѣрѣ 2.500 тумановъ въ годъ поступаетъ въ распоряженіе губернатора и идетъ на благотворительность и устройство тазйе, частью же на содержаніе мечетей. Оба этихъ базара заняты торговцами безасовъ (матеріи). Третій базаръ находится главною своею частью въ восточномъ кварталѣ города, проходитъ затѣмъ черезъ площадь топханэ (артилерійскую) и кончается въ западной окраинѣ Керманшаха. Персидскіе базары ничто иное, какъ сводчатая крытая улицы, соединенныя проходами. Улицы эти освѣщаются круглыми отверстиями для свѣта, сдѣланными въ сводахъ. По сторонамъ этихъ крытыхъ проходовъ помѣщаются лавки, расположенныя обыкновенно по роду торговли; тутъ же харчевни и пекарни³⁴⁾. Охраненіе и наблюденіе за поряд-

³³⁾ *Баня* служитъ мѣстомъ самаго пріятнаго времяпрепровожденія для персовъ; наполнены онѣ бывають обыкновенно по пятницамъ, такъ какъ «подъ пятницу считается очень подознымъ пресыщаться гаремными наслажденіями». Баню очень легко узнать, такъ какъ на двери ея неизменно нарисованы «Левъ и Солнце». Отперевъ дверь, надо спуститься по лѣстницѣ внизъ, чтобы попасть въ предбанникъ, служащій для раздѣванія. Снявъ одежду и покрывъ себя красною съ синими полосами простынею, переходятъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ ложатся на полъ и отдають себя въ руки банщика; послѣдній начинаетъ прежде всего поливать своего кліента горячею водою, которую черпаетъ изъ куба, находящагося посреди комнаты. Послѣ этого паренья банщикъ начинаетъ удалять при помощи особой мази волоса съ тѣла, а голову и бороду покрывать особою рыжею краскою—хенною. Этой же краскою окрашиваются ладони, подошвы и ногти для предохраненія отъ пота. Послѣ этой операціи тѣло снова поливають горячею водою, а грязь очищается кускомъ пемзы; тѣло разминается, натирается мыломъ, которое смывается горячею водою. Процедура заканчивается купаньемъ въ бассейнѣ, послѣ чего тѣло обертывается въ двѣ сухія полосатыя простыни и купавшійся отдыхаетъ, покуривая кальянъ. Посѣщеніе бани недоступно европейцу, одно присутствіе котораго оскверняетъ это мѣсто и всѣхъ находящихся тутъ правовѣрныхъ.

³⁴⁾ *Хлѣбъ*. Печется двухъ сортовъ—лавашъ и чурокъ и готовится обыкновенно въ пекарняхъ на базарѣ. Пекарня — это тѣсная каморка съ улеобразною

комъ на базарахъ находится въ рукахъ «даруге», базарнаго пристава. Главная его обязанность охрана лавокъ ночью. Въ случаѣ, если совершается кража, то на даруге лежитъ удовлетвореніе изъ своихъ средствъ потерпѣвшаго. Для окарауливанія базаровъ, въ распоряженіи даруге находится стража въ 30 человекъ, изъ которыхъ 20 «гезмэ»—собственно являются сторожами, а 10 патрулируютъ по базару для наблюденія за исправнымъ исполненіемъ обязанностей «гезмэ». За свою должность даруге платитъ губернатору 2.500 тумановъ въ годъ и за это получаетъ право сбора налога: 1) съ каждой лавки по 25 шай въ мѣсяцъ; 2) съ cadaго каравансарая по пяти тумановъ въ годъ; 3) съ красивыхъ заводовъ³⁵⁾, какъ го-

азіатскою печью съ отверстіемъ сверху и лежанкою по сторонамъ. Пшеничное тѣсто для лавашей ставится не на дрожжахъ, а на кусочкѣ прокислаго, можетъ быть вчерашняго, еще сырого или даже успѣвшаго за недѣлю высохнуть тѣста, разбавленнаго водою. Изъ приготовленной такимъ образомъ квашни пекарь отрываетъ комъ тѣста и, прикрѣпивъ его съ одного конца къ плоской, обыкновенно довольно грязной, подушечкѣ, за другой — растягиваетъ и плющитъ рукою въ продолговатую тонкую лепешку огромнаго размѣра, которую на той же подушечкѣ всовываетъ въ печное отверстіе и затѣмъ прикладываетъ или, вѣрнѣе, прибиваетъ къ внутренней стѣнкѣ печи, предварительно цѣлопленной въ надлежащей степени можжевеловыми дровами; подушечка быстро снимается и черезъ минуту лавашъ готовъ. Въ быстрыхъ рукахъ пекаря работа горитъ, и народъ тутъ же покупаетъ эти, всегда свѣжія, обыкновенно горячія лепешки на вѣсъ, по мелочамъ или ономъ.

Тутъ же печется и персидскій чурекъ (буквально—хлѣбъ), т.-е. круглая съ дырочками въ тѣстѣ лепешка въ треть дюйма толщиной. Армянскій чурекъ—овальная лепешка въ аршинъ длиною и въ два-три дюйма толщиной, рубчатая на поверхности. Грузинскій чурекъ ближе подходит къ персидскому, но рыбообразной формы. Вкусъ cadaго изъ этихъ трехъ чурековъ совершенно разный.

Кромѣ вышеописаннаго лаваша существуетъ еще особый сортъ его—камешковый, такъ-какъ его пекутъ на мелкихъ раскаленныхъ камешкахъ. Это кусочекъ пшеничнаго хлѣба, немного толще нашихъ блиновъ, который служитъ салфеткою и ложкою для супа, такъ какъ имъ черпаютъ изъ миски супъ и крошенныя въ него кусочки того же лаваша.

³⁵⁾ *Красильня*. Служитъ для окрашиванія миткаля, а также мѣстной грубой пряжи въ цвѣта при помощи растительныхъ красокъ. На первомъ планѣ для этого служатъ индиго (синяя) и эфрекъ (желтая). Мастерская — грязная, тѣсная комнатка съ глинянымъ поломъ и такою же печью въ видѣ лежанки, отопляемой снизу дровами, въ которую вмазанъ котель. Процедура приготовленія синей краски и окрашиванія въ ней матеріи такова: тщательно измельченный деревяннымъ пестикомъ индиго разводится водою въ маленькомъ котелкѣ и выливается въ большой котель, но такъ какъ, самъ по себѣ, индиго держался бы на матеріи непрочнo, то для укрѣпленія окраски къ нему прибавляется еще «ешхоръ-тогъ» (это ноздреватая масса грязнаго цвѣта, добываемая изъ травянистаго растенія «тогъ»), и для броженія немного изюма. На восьмой день въ котель опускается миткаль, затѣмъ выжимаютъ и развѣшиваютъ его для просушки на жердяхъ, нерѣдко перекидываемыхъ для этого съ одной стороны улицы на другую, тутъ же передъ мастерскою (Огородниковъ, стр. 231).

родскихъ, такъ и находящихся въ окрестности, смотря по доходности каждаго; 4) съ каждаго огорода—по 7 шай съ каждаго заработаннаго тумана, и 5) сбора штрафныхъ денегъ съ тяжущихся на базарахъ.

Ближайшимъ помощникомъ губернатора по управленію городомъ является «фаррашбаши» (полицмейстеръ). Въ большинствѣ случаевъ эта должность наследственная и откупная. За исполненіе своихъ обязанностей керманшахскій фаррашбаши платилъ губернатору 2.500 тумановъ, а затѣмъ былъ полнымъ хозяиномъ всѣхъ доходовъ, но въ послѣднее время появилось во многихъ городахъ новшество—пропорціональное дѣленіе доходовъ. У керманшахскаго фаррашбаши пять наибовъ (пристава) и 40 фаррашей. Три пристава завѣдуютъ кварталами, а два являются начальниками двадцати фаррашей каждый, т.-е. смѣны, заступающей на дежурство. Поступающіе доходы дѣлятся такимъ образомъ: съ тумана идетъ 40% губернатору, 20% фаррашбаши, 20 фаррашу, 10 наibu и 10 дежурному. Съ каждаго заключаемаго за какойнибудь поступокъ въ тюрьму взыскиваютъ 12½ крановъ, кромѣ другихъ пишкешей, а кто попадаетъ въ заключеніе самому фаррашбаши, то это удовольствіе стоитъ 10—100 тумановъ, кромѣ всякихъ подачекъ фаррашамъ.

Керманшахъ дѣлится на три квартала: 1) Фейзь-аббадъ, аристократическую часть города, населенную дворянами, богатыми купцами и главными духовными лицами; 2) Мейданъ-Мулла-Аббасъ-Гули и 3) Бозробочъ. Каждымъ кварталомъ управляетъ староста—«кетхуда». Самымъ значительнымъ кварталомъ, составляющимъ большую половину города, является Бозробочъ, наследственный кетхуда котораго, Эминъ-уль-Мамаликъ, возлагаетъ исполнительную часть на своего замѣстителя, которому и платитъ за это съ каждыхъ десяти тумановъ дохода—пять крановъ. Кетхуда получаетъ очень большой доходъ: каждый изъ жителей квартала долженъ дать ему взятку—за торговую сдѣлку, за свадьбу, похороны и т. д.; кромѣ того наканунѣ науруза всякій, смотря по состоянію, долженъ при слать какой-нибудь подарокъ: чаю, сахару, парчи, сукна, табаку, масла и т. п. Если случится въ кварталѣ тяжба, то прежде, чѣмъ идти на разбирательство къ губернатору, надо заплатить «проходное» кетхудѣ. Въ противномъ случаѣ грозятъ штрафы и страшныя непріятности. Конечно, за свою должность кетхуда платитъ губернатору, но и за погашеніемъ этого расхода онъ получаетъ не менѣе тысячи тумановъ въ мѣсяцъ. Въ кварталъ Майданъ-Мулла-Аббасъ-

Гули входятъ доходныя статьи: ворота мечетскія, Гэбрь-ага и Шебъ-базаръ. Но главную прибыль кетхудѣ доставляютъ населяющіе кварталъ торговцы и маслодѣлы, люди маленькіе, съ которыхъ можно взять сколько угодно «воздушныхъ доходовъ» (персидскій терминъ взятки). Наименѣе доходенъ кварталъ Фейзъ-аббадъ, который населяютъ по преимуществу люди сильные, съ которыхъ произвольно многого не возьмешь.

Каждый кетхуда получаетъ отъ правительства 100 тумановъ жалованья на содержаніе ночныхъ сторожей. На немъ, какъ и на друге, лежитъ отвѣтственность за ночныя кражи, но отвѣтственность эта чисто фиктивная. Если потерпѣвшій человекъ бѣдный и безъ связей обратится къ кетхудѣ съ заявленіемъ о совершенной у него кражѣ, то ему говорятъ: «кража ваша—дѣло домашнее; приведите вашу жену или дочь (взрослую), и мы отыщемъ вора». Тогда жалобщикъ, испугавшись оборота дѣла, спѣшитъ отказаться отъ своего заявленія. Но власть ему говоритъ: «вы отказываетесь отъ заявленія—значитъ кражи не было. Вы солгали и присуждаетесь къ штрафу за беспокойство». Потерпѣвшій спѣшитъ уплатить, радуясь, что избавился отъ позора, такъ какъ обыкновенно доставляемья къ начальству жены и дочери подвергаются безчестью.

Самымъ важнымъ источникомъ дохода кетхуды являются публичныя женщины. Каждая должна ему платить отъ 5 до 10 тумановъ въ мѣсяцъ, иначе ей грозитъ арестъ на улицѣ и захватъ имущества. Замужнія женщины, имѣющія романы, также очень доходная статья. За ними тайно слѣдитъ кетхуда, ловить на мѣстѣ преступленія у любовника и предъявляетъ требованіе уплаты штрафа. Боясь открытія тайны мужу, уличенная, конечно, готова отдать все свое имущество. Если кетхуда съ кѣмъ нибудь во враждѣ, главнымъ образомъ вслѣдствіе неуплаты взятки, то онъ задерживаетъ на улицѣ жену врага, обвиняетъ въ проституціи или прелюбодѣянніи. Тогда бѣдная женщина отдаетъ также все свои наличныя деньги и драгоценности, дабы избавиться отъ позора.

Керманшахъ находится на высотѣ 5.000 футовъ; поэтому климатъ его прохладный съ рѣзкими перемѣнами: днемъ очень жарко. ночью-же, даже лѣтомъ, приходится спать подъ одеяломъ.

Въ тридцати шести верстахъ къ востоку отъ города тянется скалистый горный кряжъ съ превышеніемъ 1.500 ф. надъ равниной; на скалахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны слѣды клинообразныхъ надписей, сдѣланныхъ, какъ утверждаютъ, при Даріи.

VI.

Булуки и магалы.

Провинція Керманшаханъ дѣлится на булуки и магалы, т.-е. на области или уѣзды, которыхъ семнадцать. Разница между первыми и вторыми заключается въ томъ, что магалами управляютъ по преимуществу наследственные наибы-эль-хукумэ, т.-е. вице-губернаторы, изъ персидскаго чванства именующіе себя губернаторами.

1) Булукъ *Керманшахъ* или *Кессеверъ* состоитъ изъ 40-50 деревень, окружающихъ городъ и принадлежащихъ дворянамъ, населяющимъ его. Деревни, расположенныя преимущественно по теченію р. Карасу, являются какъ бы амбаромъ Керманшаха и снабжаютъ его пшеницею, ячменемъ, саманомъ, овощами, молочными продуктами и живностью. Въ этихъ деревняхъ насчитывается около 2.200 дворовъ жителей разныхъ племенъ по преимуществу шитовъ. Каждое семейство держитъ не менѣе 20 головъ скота.

Булукъ примыкаетъ съ сѣвера къ булуку Зирь-Дербендъ, съ запада къ булуку Серабэ-Нелуферъ, съ юга къ городамъ Таге-Бостанъ и Эмрулэ, и съ востока къ булуку Дару.

2) Булукъ *Дару* или *Аборинъ* примыкаетъ къ предыдущему съ востока и лежитъ по обѣ стороны Багдадской дороги. Онъ орошается рѣчками Кэмъ-Ассиабъ, Гаджи-Аббадъ, Равендъ, Херсяль, Шіанъ и многими родниками. Въ составъ его входитъ 56 деревень съ 1.800 дворами. Наиболѣе крупныя поселенія: Тусорхэкъ (100 дв.), Дехкэдэ-Лорха (100 дворовъ), Генджуръ-Оля (40 дворовъ), Гемшэ (40 дв.), Джамшуранъ (40 дв.). Населеніе—шиты; занимается земледѣліемъ (пшеница и ячмень), скотоводствомъ и немного огородничествомъ. Булукъ платитъ 1.000 тумановъ маліата.

3) Магалъ или вѣрнѣе маленькое губернаторство *Кенгеверъ* находится на крайнемъ востокѣ Керманшахана, примыкая къ губернаторству Хамаданъ и персидскому Курдистану. Резиденція хана, исполняющаго вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности областного начальника, городокъ Кенгеверъ расположенъ на скатѣ горы, отличается очень красивымъ мѣстоположеніемъ и здоровымъ климатомъ. Какъ въ каждомъ персидскомъ городкѣ, и въ Кенгеверѣ имѣется довольно значительный базаръ, нѣсколько каравансараевъ, есть бани и мечети. Между каравансараями отличается одинъ старинной постройки времени Шахъ-Аббаса. Достопримѣчательность городка—развалины, остатокъ древнихъ дворцовъ съ водопроводомъ.

Магалъ населенъ по преимуществу курдами, племень Кизиль (800 домовъ) и Авшаръ (10.000 домовъ). Свѣдѣній о нихъ не имѣется.

Съ запада къ Кенгеверу примыкаетъ булукъ Дару. Самъ городъ Кенгеверъ (около 400 домовъ) имѣетъ нѣкоторое торговое значеніе, будучи расположеннымъ въ узлѣ путей на Керманшахъ, Туи-Серканъ и Нехавендъ.

О магалѣ Кенгеверъ свѣдѣній по персидскимъ источникамъ очень мало; почти все изложенное взято изъ труда К. Максимовича-Васильковскаго:

4) Булукъ *Сунгуръ-Кольяи* лежитъ къ сѣверу отъ булука Дару, примыкая къ р. Гаверуду, и провинціи Арделапъ. Булукъ этотъ состоитъ изъ 129 деревень, населенныхъ разными курдскими племенами (шіиты, суниты и али-аллахи³⁶). Деревни, лежащія въ горахъ, занимаются по преимуществу скотоводствомъ, садоводствомъ, а также сѣютъ ячмень и пшеницу. Населеніе же долинъ разводитъ хлопкъ, рисъ, тыкву, клещевину и макъ.

5) Булукъ *Хода-Бенделу* примыкаетъ съ сѣвера къ булукамъ Дару и Кенгеверъ и лежитъ западнѣе Сунгуръ-Кольяи. Въ немъ очень много воды, садовъ (миндаль) и плодородныхъ полей, на которыхъ воздѣлываются пшеница, ячмень и рисъ. Климатъ прохладный, такъ какъ почти всѣ деревни, въ числѣ 15 (400 домовъ), лежатъ въ горахъ. Осѣдлое населеніе отличается гостепримствомъ и добрымъ нравомъ.

6) Булукъ *Міанэ (Бала) — Дербендъ* лежитъ къ сѣверу отъ булука Керманшахъ и имѣетъ въ длину 1½ фарсака, а въ ширину одинъ фарсакъ; состоитъ изъ 27 небольшихъ деревушекъ, составляющихъ, въ общемъ, 510 дворовъ. Посѣвы булука орошаются водою рѣчекъ Разоверъ и Поште-Дербенда. Съ востока магалъ этотъ примыкаетъ къ горѣ Эмрулэ, а съ сѣвера къ горамъ Белуджъ, которыя отдѣляютъ его отъ Поште-Дербенда. Главное занятіе жителей земледѣіе и скотоводство; сѣютъ пшеницу, ячмень и рисъ.

³⁶ *Али-Аллахи*. Ортодоксы-шіиты тѣ, которые со время Али до двѣнадцатаго потомка Аль-Медди, держатся наследственнаго исповѣданія, не отстраняясь ни вправо, ни влево отъ ученія, переданнаго имъ по наследству ихъ имамомъ. Но среди шіитовъ много такихъ, которые называются вообще меляхиде, т.-е. отступники отъ догматовъ ислама. Нѣкоторые остановились на обоготвореніи Али, другіе на Зейдѣ, братѣ Али-Бақыре, третіи на Измаилѣ, сынѣ Джафера и т. д. Эбедіе, али-аллахи, али-илахи, это та секта, которая признаетъ Али за воплощеніе божества. Про нихъ рассказываютъ массу разнаго вздора, обвиняя въ устройствѣ особаго рода раднїи и т. д.; но этому нельзя вѣрять.

7) Булукъ *Поште (Зиръ)* — *Дербендъ-Билеваръ* лежитъ къ сѣверу отъ Керманшаха и Мianэ-Дербенда и тянется на 7 фарсаковъ въ длину и на 2 въ ширину. Состоитъ изъ 33 деревень, всего изъ 2.000 дворовъ. Населеніе занимается по преимуществу воздѣльваніемъ хлопка, клещевины и особенно риса. Послѣдній скупается жителями Кольяи, Кяндулэ, Курдистана и Сунгура. Булукъ орошается рѣчками: Галианъ, Шахъ-Гуссейнъ (Розаверь), Би-Ахвянъ и многими родниками.

Къ булуку примыкаютъ: съ сѣвера и востока Кольяи, съ запада Курдистанъ, съ юга Мianэ-Дербендъ.

8) Булукъ *Серабе Нилуфяръ* лежитъ къ западу отъ Керманшаха и находится между булуками Мianэ-Дербендъ и Махидештъ. Булукъ дѣлится на три магала: собственно Серабе-Нилуфяръ, Сивенапъ и Хошинанъ; всего въ трехъ магалахъ около тридцати деревень. Серабе-Нилуфяръ орошается рѣчкой того же имени; деревни Хошинана и Сивенапа — рѣчкой Серабе-Шелле. Всѣ деревни занимаютъ воздѣльваніемъ риса, котораго собирается въ годъ болѣе 1.000 халваровъ. Деревни Серабе-Нилуфяра принадлежатъ имаму Джумэ.

9) Магалъ *Махидештъ* лежитъ по обѣ стороны Багдадской дороги къ западу отъ г. Керманшаха, тянется въ длину на 20 фарсаковъ, при ширинѣ въ два, и насчитываетъ въ своемъ составѣ 200 деревень, всего отъ 4.000 до 5.000 домовъ разнороднаго населенія, являющагося обладателемъ 100.000 овецъ, 20.000 головъ крупнаго рогатаго скота и 200 кобылицъ.

Почва булука очень плодородна и родитъ прекрасную пшеницу, халваръ которой цѣнится на 4—5 крановъ дороже родящейся въ другой мѣстности. Причина плодородія Махидешта кроется главнымъ образомъ въ обильномъ орошеніи. Кромѣ рѣки Мярекъ, образующейся изъ массы родниковъ около д. Фирузъ-Аббада и впадающей въ горько-солеую рѣку Карасу, въ булукѣ множество рѣчекъ и родниковъ.

Булукъ платитъ правительству 3.000 тумановъ маліата и является амбаромъ города Керманшаха.

10) Булукъ *Хулиланъ* съ востока ограниченъ р. Аббе-Мирекъ, съ запада горами Османвяндъ, съ сѣвера магаломъ Махидештъ, а съ юга Луристаномъ. Населеніе булука полукочевое племя Хулиланъ, которое составляло цѣлое племя при Лутфъ-Али-ханѣ, но раздѣлилось послѣ его смерти между его двѣнадцатью сыновьями. Въ настоящее время хулиланцы опять соединились въ двѣ группы

подъ главенствомъ Гуссейнъ-Кули-хана и Махмудъ-хана, двухъ болѣе спльныхъ сыновей Лутфъ-Али-хана. Такъ какъ вице-губернаторская власть въ булукъ Хулиланъ наследственная, то Керманшаханскій губернаторъ передаетъ ее попеременно каждому изъ двухъ братьевъ. Когда вице-губернаторствуетъ Гуссейнъ-Кули-ханъ, то подвластные ему кочевники грабятъ и приѣзжаютъ племена Махмудъ-хана, и наоборотъ. Въ Зердлабъ, въ пяти фарсакахъ отъ Хулилана, имѣется громадный лѣсъ. Тутъ кочевники выжигаютъ уголь и возятъ его для продажи въ Керманшахъ. На обширныхъ пастбищахъ, которыя большею частью сдаютъ въ аренду другимъ иллатамъ (Зулэ, Джомуръ, Торкаш-вандъ, Зянганэ и др.), разводять хулиланцы овецъ (3.000), рогатый скотъ (1.000) и лошадей (200 матокъ). Затѣмъ населеніе занимается хлѣбопашествомъ, воздѣлывая пшеницу, ячмень, бобы, макъ, кукурузу и рисъ. Не малый доходъ извлекаютъ кочевники и изъ разбоя.

Хулиланцы живутъ въ 500 черныхъ палаткахъ, платятъ 2.200 тумановъ маліата и выставляютъ 100 вооруженныхъ пѣхотинцевъ и 50 всадниковъ. По религіи кочевники эти али-аллахи.

11) Булукъ и городокъ *Херсинъ* (Хорзинъ) находятся въ восьми фарсакахъ къ юго-востоку отъ Керманшаха, въ горахъ. Городокъ состоитъ изъ 400 дворовъ, а булукъ изъ 26 деревень. Жители по преимуществу занимаются садоводствомъ и въ особенности разводятъ прекрасные орѣхи, славящіеся на всю округу. Затѣмъ многіе идутъ въ фарраши къ высокопоставленнымъ лицамъ. Такимъ образомъ въ одномъ Тегеранѣ служитъ около 3.000 человекъ херсинцевъ.

Маліата булукъ платитъ 3.000 тумановъ и выставляетъ 50 вооруженныхъ всадниковъ.

12) Булукъ *Чамчемалъ* лежитъ къ югу отъ р. Абе-Гамасть, между булуками Дару и Херсиномъ и состоитъ изъ 28 деревень, изъ которыхъ наибольшія: Бисутунъ (100 домовъ), Абе-Борикъ (150 д.), Джейхунъ-Абадъ (100 дв.), Тагиръ-Абадъ (50 дв.), Галье-Гассанъ-ханъ (50 д.) и др. Населеніе, шіиты и али-аллахи, по преимуществу занимается земледѣіемъ, воздѣлывая пшеницу, ячмень и рисъ.

13) Магалъ *Товяллям* находится въ 3-хъ фарсакахъ отъ города и состоитъ всего изъ 4-хъ деревень (150 домовъ), расположенныхъ на рѣчкѣ Хезеръ-Зенде и воздѣлывающихъ рисъ. Точное мѣстоположеніе магала не могло быть опредѣлено, такъ какъ, въ-

роятно, значится еще и подъ другимъ названіемъ. Магалъ платить 1.200 тум. маліата.

14) Магалъ *Кериндъ* или *Гуранъ* лежитъ на Кериндскомъ плоскогоріи и его западныхъ склонахъ, по преимуществу къ сѣверу отъ Багдадской дороги, примыкая съ востока къ магалу Махидешть, съ запада къ магаламъ Зохабъ и Сярре-Поль. Населяють его кочевники, по преимуществу курды-Гураны, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Главный городокъ магала—Кериндъ, съ многочисленными садами и каналами и десятью большими каравансараями, отличается своимъ прекраснымъ климатомъ.

15) Магалъ *Зохабъ* или *Гурету* находится западнѣ предыдущаго и къ сѣверу отъ Багдадской дороги. Его населяють курды-кочевники. Крѣпостца-городокъ Зохабъ имѣлъ очень большое значеніе во время турецко-персидскихъ войнъ, но сейчасъ находится въ самомъ жалкомъ состояніи.

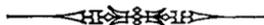
16) Магалъ *Сярре-Поль* примыкаетъ съ сѣвера къ магалу Зохабъ, съ востока къ Керинду, а съ запада къ Кэсръ-Ширину и тянется по преимуществу по теченію р. Эльвенда, слѣдовательно къ югу отъ Багдадской дороги.

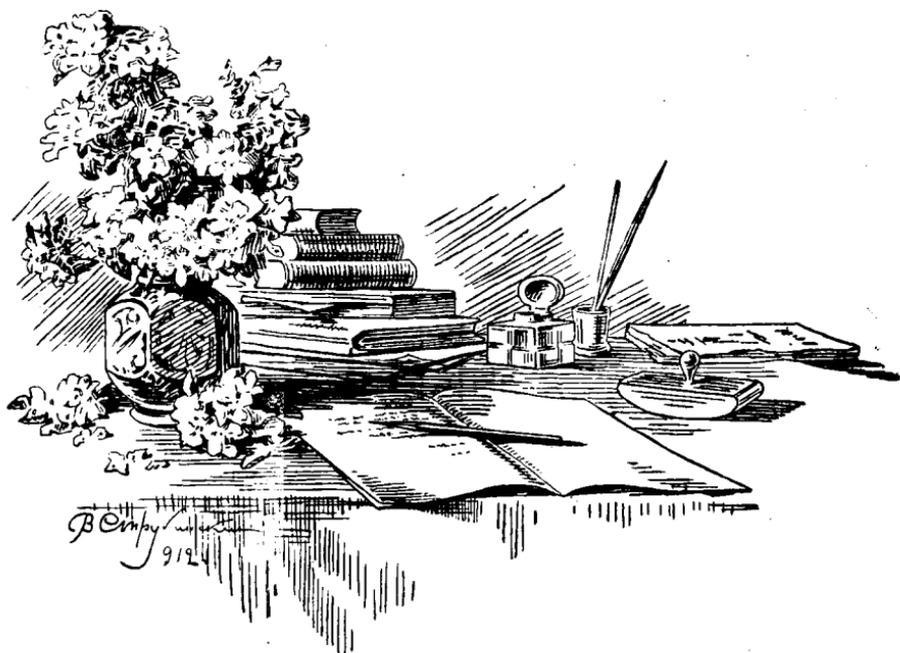
Въ городкѣ или, вѣрнѣе, въ селеніи-крѣпостцѣ Сярре-Поль имѣются глинобитныя казармы, гдѣ помѣщается обыкновенно 50 сарбазовъ, 10 пушекъ и складъ ружей. Тутъ находится телеграфная станція.

17) Магалъ *Кэсръ-Ширинъ* (т.-е. сладкій замокъ) является самымъ западнымъ и пограничнымъ съ Турціею уѣздомъ Керманшахана. Въ селеніи того же имени—развалины древняго дворца Хосроя. Всѣ постройки были сдѣланы очень основательно и остатки ихъ до сихъ поръ поражаютъ своею грандіозностью. Въ настоящее время Кэсръ-Ширинъ небольшая четырехугольная крѣпостца съ кирпичными стѣнами. Внутри ея дворецъ—зимняя резиденція Керманшаханскаго губернатора.

С. Чернозубовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХУРТУМЪ И ЁРШИКЪ ¹⁾.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Какъ-то замѣтивъ, что нѣмка страшно боится лошадей, Ражанцовъ передъ посѣщеніемъ Юрія поставилъ къ коновязи, которая была у самыхъ дверей конюшни, вороного «Кабардинца». Опытъ удался.

— Юра! Юра! Sie sind hier? (*Вы тутъ?*) кричала нѣмка, стоя поодаль и не рѣшаясь пройти въ дверь мимо зада лошади.

Пріятели сидѣли въ своей засадѣ, боясь шелохнуться. Даже «Хуртумъ», какъ бы понимая всю важность молчанія, пересталъ хрустѣть сахаромъ.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 8.

— Юрій, Ich frage Sie, ob Sie hier sind? (*я васъ спрашиваю: вы здѣсь?*) возобновила послѣ нѣкотораго молчанія нѣмка. Sie geben kein Antwort! Sie verstecken sich! Wie schön ist das? Ich gehe sofort zum Vater. Mag er Sie aus Ohr ziehen (*Ахъ, вы не хотите отзыватьсь! Вы прячетесь! Такъ хорошо-же, я сію минуту иду къ отцу. Пусть онъ вытащитъ васъ за уши!*)

Однако къ отцу она не пошла, а, обойдя конюшню, въ надеждѣ черезъ окна увидѣть, что творится внутри, снова завопила:

— Ich sage es Ihnen zum letzten Mal, schlechter Junge, kommen sie zum Vorschein (*Я вамъ говорю въ послѣдній разъ, скверный мальчишка: выходите!*)

— Ишь ты, кудахтаетъ, словно насѣдка. Не пужайся! ухмыляясь въ бороду, зашепталъ Ражанцовъ.

— Я и не боюсь, такъ же тихо отвѣчалъ Юрій, хотя въ душѣ побаивался, не вышла-бы изъ этого исторія.

Съ тѣхъ поръ было отыскано средство «отвадить» нѣмку. Друзья употребляли его не часто, боясь доводить ее до крайняго озлобленія, въ которомъ она могла нажаловаться, а разнообразить «отваживаніе» было нечѣмъ. Случай пришелъ имъ на помощь, и въ конюшнѣ созданъ оборонительный союзъ четырехъ противъ фрейленъ.

Ш.

Когда для «Хуртума» было очищено стойло, несмотря на вынесенную къ дверямъ подстилку, «Ершикъ» не хотѣлъ покидать привычнаго мѣста.

— Зашибетъ тебя конь, неосмысленникъ этакій, гналъ его Ражанцовъ.

Но напрасно онъ клалъ «Ершику» куски хлѣба на мѣсто новой подстилки, напрасно, подозвавъ собаку, укладывалъ ее на мѣшокъ и, помахавъ пальцемъ передъ мордочкой, строго приказывалъ: «лежь здѣсь»—при первой возможности «Ершикъ» удиралъ на свое старое мѣсто.

Сначала «Хуртумъ» былъ нѣмного удивленъ присутствіемъ въ своемъ стойлѣ небольшого взъерошеннаго существа. Но, обнюхавъ другъ друга, они быстро познакомились, свыклись и, наконецъ, такъ подружились, что «Ершикъ» неотлучно слѣдовалъ за «Хуртумомъ», какіе бы дальніе пробѣги ни совершалъ его другъ.

Изъ неуклюжаго щенка «Ершикъ» выросъ и сформировался

въ солиднаго пса, преисполненнаго собственнаго достоинства. Его шерсть топорщилась пуще прежняго и жесткіе, колючіе волосы налѣзали на глаза и носъ. Черный дворъ и конюшню онъ считалъ своимъ владѣніемъ, охранялъ ихъ и возвѣщалъ лаемъ о приближеніи посторонняго. Чистый дворъ, окружавшій домъ, сторожилъ старый, заслуженный песъ «Медасъ», помѣсь датскаго дога съ дворняжкой. Онъ былъ глуховатъ и у него уже начинался параличъ зада. Тѣмъ не менѣе, когда «Ершикъ», еще будучи щенкомъ, вздумалъ зайти на его территорію, ветеранъ «Медасъ» такъ бросился на него и такимъ злобнымъ лаемъ провожалъ до начала сада, что «Ершикъ» болѣе не пытался проникать въ чужія владѣнія.

Какъ-бы по молчаливому соглашенію собакъ, длинная полоса сада оставалась нейтральной, въ то время, какъ черный дворъ былъ закрѣпленъ за «Ершикомъ», а чистый, по давно установившемуся обычаю, принадлежалъ «Медасу».

Отлучаясь на обѣдъ, ужинъ и вечерній чай, во время котораго велись на кухнѣ самые длинные и задушевные разговоры, Ражанцовъ поручалъ конюшню бдительности «Ершика».

Вообще «Ершикъ» несъ массу обязанностей. Въ свободное время онъ долженъ былъ развлекать Ражанцова, а иногда и Юрія. Сидя на кровати и болтая ногами, Ражанцовъ подзывалъ къ себѣ «Ершика», клалъ ему на носъ, поплевавъ предварительно, корочку хлѣба и затыгивалъ:

— Прицѣлъ постоянный... Э-ска-дро-о-нъ...

«Ершикъ» застывалъ, боясь моргнуть глазомъ.

— Пли! отрывисто командовалъ Ражанцовъ и собака, взметнувъ носомъ хлѣбъ, ловила его на лету и съ аппетитомъ начинала уплетать.

Потомъ «Ершикъ» прыгалъ черезъ палку или вытянутую впередъ ногу, ходилъ на заднихъ лапахъ, танцевалъ, служилъ, носилъ и подавалъ поноску, здоровался, протягивая лапы.

Изъ специально военныхъ артикуловъ, не входящихъ въ курсъ дрессировки собакъ штатскихъ, «Ершикъ» тоже зналъ немало.

Изображая изъ правой руки винтовку, Ражанцовъ нацѣливался въ собаку, затѣмъ громко восклицалъ:

— Пифъ!—Пафъ!

При послѣднемъ возгласѣ «Ершикъ», какъ подстрѣленный, валится на полъ.

Если подбѣжавшій Ражанцовъ кричалъ «убить!»—песъ застывалъ, вытянувъ лапы и морду, пока вѣстовой не скамандуетъ:

«ожилъ!»; если же ему крикнуть «раненъ» — онъ начиналъ взвизгивать, барахтаться и потомъ схватывался съ радостнымъ лаемъ.

— Непрiятель справа! Непрiятель слѣва! или — непрiятель съ фронта! кричалъ Ражанцовъ, вытянувъ руку впередъ, указывая направленiе. Съ громкимъ лаемъ кидался туда «Ершикъ» и, конечно, не видя врага, описавъ полукругъ, возвращался къ хозяину.

Но самой любопытной была такая картина.

Вернувшись съ ученья или проѣздки, ротмистръ передавалъ свою лошадь Ражанцову. Ослабивъ подпруги, вѣстовой начиналъ вываживать коня.

Съ «Кабардинцемъ» это не удавалось, такъ какъ онъ былъ тупъ и тугоуздъ, но «Хуртума», горячаго подъ всадникомъ, но смирнаго и послушнаго въ поводу, вываживалъ не Ражанцовъ, а «Ершикъ». Можно было наблюдать, какъ Ражанцовъ, потягивая «козью ножку» изъ махорки и пуская клубы дыма, мѣрно шагаль впереди, за нимъ тянулся «Ершикъ», съ убiйственной серьезностью держа въ зубахъ поводъ «Хуртума», и, наконецъ, на свободномъ поводу, вытянувъ граціозно шею, выступалъ красавецъ «Хуртумъ».

Здѣсь пора разсказать о «тайнѣ», связывавшей Юрiя съ Ражанцовымъ.

Въ тѣ дни, когда ротмистръ совершалъ небольшiя проѣздки и лошадь возвращалась домой свѣжей, неуставшей, ускользнувъ за ворота дома, на поле, гдѣ вываживалъ коня вѣстовой, Юрiй начиналъ просить:

— Посади, голубчикъ Ражанцовъ.

— А какъ увидить ротмистръ?

— Не увидить! Ей-Богу, не увидить! Папа сѣлъ завтракать.

— А хрейлинъ? оттягивалъ Ражанцовъ.

— Фрейленъ съ Нютой занимается.... Посади.

— О-охъ, вздыхалъ Ражанцовъ, увидятъ, тоже не похвалятъ... нагорить намъ....

Для вида онъ ворчалъ, а на самомъ дѣлѣ не прочь былъ побаловать своего любимца.

Водрузившись на коня, Юрiй принималъ гордый видъ, вдѣвалъ съ помощью Ражанцова ноги въ путлища ²⁾, такъ какъ стремяна подтянуть высоко, какъ требовалось, не было возможности за

2) Путлицемъ называется ремень, на которомъ виситъ стремя.

отсутствіемъ въ путлищахъ дырокъ, подбиралъ поводъ и опять клянчилъ:

— Отпусти, голубчикъ, немножко!

— Попадешь съ вами, ворчалъ Ражанцовъ, но сдавался и на эту просьбу.

Поводъ былъ пущенъ и, подталкивая коня маленькими ноженками, Юрій заставлялъ его идти трусцою.

Впрочемъ, Ражанцовъ не отставалъ. Сначала скорымъ шагомъ, а потомъ и бѣгомъ слѣдовалъ онъ наравнѣ съ мордой лошади, готовый каждое мгновеніе остановить увлекшагося Юрія.

Эти запретныя катанья были настоящимъ праздникомъ для мальчика. «Кабардинецъ» трясъ и, кромѣ того, былъ тупъ, т.-е. лѣнивъ и неохотно переходилъ въ рысь по требованію маленькаго всадника. Но за то ѣздить на «Хуртумъ» было сплошное блаженство. Отъ одного посылы онъ переходилъ въ мѣрную и мягкую рысь, покачивая на ходу въ сѣдлѣ, точно въ колыбели. Легкое движеніе повода его останавливало, а нажиму вправо или влево онъ повиновался съ удивительной быстротой и податливостью.

— Это лошадь! говаривалъ Юрій, раскраснѣвшись отъ восторга. Это я понимаю! А «Кабардинецъ» что? Точно осель—и не раскачаешь! и на лицѣ его появлялась презрительная мина.

— Что говорить, совкая лошадь, соглашался Ражанцовъ и философски замѣчалъ: и умъ тоже! каждой твари дадено (какъ-бы чловѣку, въ примѣръ) не равно. Кто умный, а кто и съ дурцою... «Хуртума» съ «Кабардинцемъ» не сравнишь... Первый сортъ конь, что и говорить....

IV.

Какъ ни чахла природа Карса, а весна брала свое. Набухли почки и стали развертываться клейкими ароматными листочками. Зазеленѣла трава, и волнистая даль предгорій, обновленная, праздничная, стлалась изумруднымъ, прихотливо скомканнымъ ковромъ. Какъ изступленный звѣрь, ревѣлъ Карсъ-чай въ каменномъ ущельѣ и, вырвавшись въ долину, широко разбѣгался, заливая песчанья и каменистыя отмели.

На заднемъ дворѣ, кое-гдѣ мѣстами покрытомъ зеленой муравой, шла своя жизнь. Дымилась огромная темная куча навоза. Какъ повелитель, гордо расхаживалъ подлѣ нея яркоперый цѣтухъ, чешуйчатыми шпорами разбрасывая навозъ, выклеывая

зерна, по временамъ величественно озираясь на стаю смиренныхъ куръ и бросая имъ отрывочные возгласы. Въ тѣни хлѣва стояла пестрая корова, флегматично отмахиваясь хвостомъ отъ мухъ, вздрагивая кожей и поводя ушами.

Въ противоположномъ концѣ двора, у конюшни, на самомъ солнцепекѣ сушился потникъ, для чего сѣдло было перевернуто на травѣ вверхъ войлокомъ.

Въ то время, какъ въ конюшнѣ, въ присутствіи Юрія, Ражанцовъ производилъ ученіе «Ершику», изъ сада показалась таинственно фигура нѣмки.

Было продѣлано все, что допускало ограниченное пространство конюшни. Оставались упражненія, требующія простора.

— Непріятель съ фронта! крикнулъ Ражанцовъ, указывая на ярко-освѣщенное пространство открытой двери. Съ громкимъ лаемъ «Ершикъ» перепрыгнувъ порогъ, какъ сумасшедшій вынесся на залитый солнцемъ дворъ и вдругъ увидѣлъ крадущуюся фрейленъ. Нѣмка взвизгнула и бросилась назадъ, а «Ершикъ» торжествующимъ лаемъ проводилъ ее до нейтральной полосы сада.

Дѣйствительно ли испугалась нѣмка или это было притворство, но, вбѣжавъ домой, она повалилась въ истерикъ, увѣряя, что противная собака хотѣла искушать, и ее спасла только быстрота ногъ. Къ счастью, она не слышала команды «непріятель съ фронта» и не видѣла жеста Ражанцова, иначе это дало бы ей поводъ заподозрить вѣстового въ науськиваніи.

Исторія эта не прошла безслѣдно, и на слѣдующій день ротмистръ Оскольскій, сядясь въ сѣдло, спросилъ Ражанцова:

— Что это такое вышло вчера съ бонной?

— Такъ что, ваше высоко-бродіе, испугались онѣ, значить, «Ершика» и побѣгли. А песь, извѣстное дѣло, залааялъ, отвѣчалъ запинаясь Ражанцовъ, не отличавшійся особой смѣлостью въ разговорахъ съ начальствомъ.

— Надо его держать на привязи, если онъ кидается, коротко сказалъ ротмистръ, погруженный въ свои мысли.

— Ишь ты, нажаловалась таки, язва, сѣтовалъ потомъ Ражанцовъ Юрію. Гдѣ-жъ нашъ «Ершикъ»-то бросается? На чужого развѣ.... А тутъ вышла такая оказія—какъ на грѣхъ скомандовалъ этто я...

Юрій не выдержалъ и залился, вспоминая, какъ долговязая нѣмка, подобравъ юбки, безъ оглядки улепетывала отъ «Ершика».

— Нѣшто можно такого пса на привязь, все сокрушался Ражанцовъ за своего питомца.

— Да ты не бойся, утѣшалъ его Юрій, папа только такъ сказалъ, онъ забудеть.

Но случилось такъ, что ротмистръ вспомнилъ о «Ёршикъ»...

Недѣли двѣ спустя послѣ этого разговора, у Оскольскихъ были гости.

Играли въ карты на открытой верандѣ, расположенной въ передней части дома, входъ на которую приходился какъ разъ противъ воротъ, а ужинали въ столовой, слѣдующей за гостиной. Двери изъ столовой въ гостиную и изъ гостиной на веранду были открыты настежь. На верандѣ, на карточныхъ столахъ, въ ожиданіи конца ужина и продолженія игры, горѣли свѣчи въ садовыхъ подсвѣчникахъ, валялись мѣлки и карты. На перила запоздавшій гость бросилъ свое пальто, а жена его повѣсила свою накидку, боа и положила шляпу.

Послѣ ужина ничего не замѣтили, увлекшись картами, но когда надо было собираться по домамъ, начались поиски. Подлѣ веранды на клумбѣ цвѣтовъ отыскиали только помянутую дамскую шляпу. Очевидно, вещи были украдены во время ужина. Кто-то предложилъ осмотрѣть дорожки и клумбы — не осталось ли слѣдовъ. На песчаныхъ дорожкахъ ихъ не было, но на мягкой черной землѣ клумбы ясно отпечатались двѣ подошвы ногъ, обутыхъ въ азіатскіе безъ каблукъ чевяки.

— А гдѣ-же «Медасъ»? спросилъ ротмистръ. Бросились къ нему и нашли собаку на задворкахъ, свернувшуюся подлѣ своей конуры калачикомъ и вздрагивающею всѣмъ тѣломъ во снѣ.

Завидя огни и толпу людей, онъ съ трудомъ поднялся на свой параличный задъ, поглядѣлъ старческими мутными глазами и, должно быть по привычкѣ, хрипло и беззвучно тявкнулъ.

— Старъ ты сталъ, голубчикъ, поглядѣвъ на него, сказалъ ротмистръ.

На слѣдующій день Оскольскій долженъ былъ ѣхать на охоту, версть за пятьдесятъ, къ Саракамышу.

Зная, какъ ротмистръ не любитъ, когда за «Хуртумомъ» увязывается его неизмѣнный другъ, Ражанцовъ, подавая лошадь, заперъ «Ёршика» въ конюшнѣ.

Много разъ случалось такъ, что «Ёршикъ», просидѣвъ чуть-ли не сутки взаперти, будучи выпущенъ на волю, тотчасъ выскакивалъ за ворота, обнюхивалъ землю и, найдя слѣдъ «Хуртума», пу-

скался по немъ вскачь, низко опустивъ голову, втягивая воздухъ и разсматривая ему одному понятныя примѣты. Неоднократно отыскиваль онъ «Хуртума» гдѣ-нибудь на маневрахъ или на дневкѣ за много десятковъ верствъ.

Такъ случилось и теперь. Выпустивъ «Ершика» только ночью погулять немного по двору, Ражанцовъ потомъ его не дозволялся.

— Опять удраль, бродяга, выругался вѣстовой.

Отсутствовалъ «Ершикъ» двое сутокъ и вернулся, сопровождая «Хуртума». Должно быть охота была неудачна, такъ какъ ротмистръ былъ не въ духѣ.

— Сколько разъ говорилъ я тебѣ не выпускать собаки за мной, крикнулъ онъ раздраженно поджидавшему Ражанцову.

И, уже слѣзши съ коня, добавилъ:

— Посадить его на цѣпь, по крайней мѣрѣ польза будетъ. пусть сторожить домъ, а то безъ толку подъ ногами вертится.

— Слушаю-съ, не смѣя возражать, дрогнувшимъ голосомъ отвѣчалъ Ражанцовъ.

На слѣдующій день, поодаль отъ конуры «Медаса», былъ поставленъ наскоро сколоченный ящикъ, подлѣ него вкопали столбъ, а отъ столба къ забору была натянута, какъ струна, толстая проволока.

— Ну, прошай, дружище, сказалъ Ражанцовъ, когда денщикъ Василій, щелкнувъ карабиномъ цѣпи, пристегнулъ къ ней «Ершика» за ременной ошейникъ. Прощай! Живи на новыхъ мѣстахъ! Онъ круто повернулся, пошелъ къ конюшнѣ и, казалось, быстрымъ движеніемъ руки смахнулъ слезу.

«Ершикъ» рванулся за хозяиномъ и, не понимая, что творится съ нимъ, повисъ на ошейникѣ; потомъ долго рвался выль и лаялъ, какъ бы моля возвратить ему свободу.

V.

Нѣсколько дней Ражанцовъ ходилъ сердитый, хмурый и задумчивый. Потомъ, принявъ серьезный и рѣшительный видъ, выжидалъ удобнаго момента для разговора съ начальствомъ. Однажды, принимая «Хуртума», когда ему казалось, что ротмистръ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ внезапно и громко воскликнулъ:

— Разрѣшите доложить, ваше высок-бродіе?

— Что? Что такое? взглянувъ на Ражанцова и замѣтивъ его серьезно-торжественный видъ, спросилъ Оскольскій.

— Неспособно безъ пса, значить, ваше высок-бродіе...

— Неспособно? Какъ это неспособно? удивленно поднялъ брови ротмистръ.

— Такъ что неспособно, сбиваясь заторопился Ражанцовъ, съ котораго сразу соскочила вся рѣшительность и храбрость: неспособно ваше высок-бродіе... долго ли до грѣха... отлучаюсь я...

— Пустяки мелешь, небрежно бросилъ Оскольскій, наконецъ понявшій смыслъ рѣчей своего вѣстового. Запирай на замокъ конюшню, вотъ и все. И, помахивая хлыстомъ, ротмистръ повернулся и сталъ подниматься на ступени веранды.

— Ишь ты! Запирай! буркнулъ Ражанцовъ, когда спина начальства исчезла за дверью. Запирай! Нѣшто на вора замокъ есть?!

До сихъ поръ Ражанцову и въ голову не приходило, что на конюшнѣ можетъ случиться какая либо пропажа. Весь этотъ разговоръ онъ затѣялъ въ надеждѣ, подъ благовиднымъ предлогомъ, выпросить возвращеніе «Ёршика». Безъ «Ёршика» жизнь казалась ему скучной и монотонной. День тянулся безконечно, ночью онъ спалъ тревожно, часто вскакивая и прислушиваясь къ вою вѣтра и ночнымъ звукамъ. Только начиналъ свѣтлѣть востокъ, Ражанцовъ одѣвалъ на босую ногу опорки, замѣняющіе въ солдатскомъ обиходѣ туфли, и направлялся къ конурѣ своего любимца. Ставни дома были плотно заперты. И господа и прислуга спали самымъ сладкимъ предразсвѣтнымъ сномъ.

Завидя Ражанцова издали, «Ёршикъ» рвался къ нему, смѣшивая радостный лай съ жалобнымъ визгомъ, какъ будто сѣтуя о своемъ горькомъ житіи и перемежая рассказъ радостными возгласами свиданья. Взвившись на заднія лапы, даваясь на ошейникъ и болтая передними лапами въ воздухѣ, силясь скорѣе броситься на грудь хозяина, прежде чѣмъ Ражанцовъ успѣвалъ отстегнуть карабинъ ненавистой цѣпи, «Ёршикъ» успѣвалъ облизать ему и носъ и щеки и густую рыжеватую бороду.

— Ну-ну! Тихе ты! стараясь принять строгій видъ, говорилъ Ражанцовъ; но голосъ его звучалъ ласкою, а лицо расплывалось въ радостную улыбку.

На конюшнѣ сразу становилось оживленно.

«Хуртумъ» ложился очень рѣдко и то въ самую полночь. Заслышавъ издали лай «Ёршика», онъ, пользуясь удлинненнымъ на ночь поводомъ, загибалъ далеко назадъ шею и наклонялъ голову къ землѣ въ ожиданіи друга. Тотъ не заставлялъ долго ждать себя. Опередивъ Ражанцова, стремглавъ влеталъ онъ въ конюшню и

первымъ дѣломъ бросался къ своему другу. Изъявленіямъ нѣжностей не было конца. Облизавъ бархатистый храпокъ коня, «Ершикъ» метался, какъ угорѣлый, по стойлу, шелестя и разбрасывая солому, лавируя между ногъ «Хуртума», бросаясь на мягкую подстилку и ползая по ней, точно плавая по золотистымъ волнамъ.

Подползши къ мордѣ «Хуртума», наблюдавшаго шалости «Ершика», онъ переворачивался вверхъ лапами, въ знакъ изъявленія высшей степени своего собачьяго восторга и любви, а «Хуртумъ» тыкалъ храпомъ ему въ брюхо и дѣлалъ видъ, что хочетъ схватить зубами.

Вдоволь набаловавшись въ стойлѣ «Хуртума», «Ершикъ» навѣшалъ и «Кабардинца», въ это время еще нѣжащагося на мягкой подстилкѣ. Пользуясь беззащитностью лошади, онъ вскакивалъ на ея длинное, плоское къ головѣ и вздутое къ бокамъ живота тѣло и вертѣлся по немъ волчкомъ.

Пока выведенный изъ терпѣнія «Кабардинецъ», кряхтя, вытягивалъ переднія ноги, чтобы встать съ единственной надеждой попочевать собаку копытомъ, — «Ершика» уже и слѣдъ простылъ.

Такъ проходило часа два. Около шести часовъ утра, когда вставала въ домѣ прислуга, Ражанцовъ, уловивъ за ошейникъ «Ершика», велъ его на чистый дворъ и снова сажалъ на цѣпь, отвѣчая на жалобныя повизгиванія собаки:

— Помалкивай, другъ, завтра ужъ побалуемся...

Самъ Ражанцовъ тоже «помалкивалъ» и прогулки «Ершика» составляли тайну для всѣхъ домашнихъ, не исключая и Юрія.

Считая для себя неприличными нѣжныя чувства, Ражанцовъ тщательно скрывалъ ихъ отъ постороннихъ и не хотѣлъ сознаться въ нихъ даже самому себѣ.

Въ оправданіе чувствъ къ собакѣ, у него явились опасенія воровъ, которыми онъ такъ неудачно хотѣлъ воспользоваться въ разговорѣ съ ротмистромъ, какъ предлогомъ къ возвращенію «Ершика» на конюшню.

И теперь, спуская на зарѣ собаку, онъ оправдывалъ себя: «нѣшто можно такъ сразу, да на цѣпь... съ измальства гулялъ, а таперича на привязь... пообвыкнетъ маленько, тады пусть сидить...»

Юрій тоже былъ опечаленъ, увидѣвъ «Ершика» на цѣпи. Онъ даже пробовалъ выступить въ защиту собаки. Но просьбы его успѣха не имѣли. Неожиданно возразила мать:

— Медась совсѣмъ плохъ... Нельзя же, чтобы цвоторялись такіе случаи, какъ съ пропажей пальто и боа. Ты не видѣлъ Ни-

колая Яковлевича? Такъ и не нашла полиція? обратилась она къ мужу.

Впрочемъ, Юрій быстро утѣшился и не пробовалъ возобновлять просьбъ. Какъ умѣлъ, онъ скрашивалъ неволю «Ершика». Послѣ завтрака и обѣда онъ выносилъ ему кусочки, бѣгалъ вдоль проволоки въ сопровожденіи собаки и, подражая голосу Ражанцова, дѣланнымъ басомъ выкривалъ «команды» и заставлялъ «Ершика» продѣлывать свои штуки.

Такъ шло время до осени, и «Ершикъ» уже сталъ привыкать къ привязи, когда случилось происшествіе, взволновавшее весь домъ и перевернувшее судьбу собаки.

VI.

Августъ [былъ на исходѣ. Непомѣрный лѣтній зной выжегъ скудную растительность. Безотрадную картину представляла она! Завыли осенніе вѣтры, закрутили и погнали опавшій листь деревьевъ и городскую пыль. Дни становились короче и сумрачнѣе, ночи — длиннѣе, гуще и безпросвѣтнѣе.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда на дворѣ стояла темень а вѣтеръ вылъ въ трубахъ, хлопалъ ставнями и щелкалъ желѣзной кровлей, точно кто-то бѣгалъ по ней, въ кухнѣ собралась за вечернимъ чаемъ обычная компанія. Денщикъ Василій, бойкій и франтоватый ярославецъ, Ражанцовъ и кухарка Марья, пришедшая въ эти мѣста за мужем-солдатомъ, схоронившая его и поступившая въ услуженіе.

На полкахъ блестяли, выстроенныя въ рядъ, точно солдаты по ранжиру, кастрюли. Висѣли на гвоздикахъ сковороды, вафельницы, лопатки, вертела и прочая хозяйственная мелочь, а на краю загашенной плиты, точно взволнованный толстякъ, пофыркивалъ и захлебывался мѣдный тульскій самозаръ.

Пили чай за некрашеннымъ, чисто выскребеннымъ еловымъ столомъ, надъ которымъ висѣла на стѣнѣ небольшая лампочка съ жестянымъ рефлекторомъ.

— Говоришь ты, обратилась Марья къ Ражанцову, ставя пустое блюдечко на столъ и кладя подлѣ него побурѣвшій огрызокъ сахара, говоришь, что у васъ замолотки послѣ Покрова?

Ражанцовъ, державшій на растопыренныхъ пальцахъ блюдце съ чаемъ, шумно потягивая изъ него горячую жидкость, поставилъ

блюде на столъ, обтеръ усы, степенно разгладилъ бороду и промолвилъ:

— Какъ же, Максимовна, послѣ Покрова... Съ перваго Спаса, значить, готовить ихъ зачинають. А замолотки послѣ Покрова, потому, какъ овинъ до Покрова отдыхать должонъ...

— Извѣстно дѣло, отдыхать, подхватила Марья: только у насъ замолотки на Оеклу-заревницу... ²⁾. А на Покрова особъ статья... На Покрова овинниковы именины. Пирогъ у насъ пекутъ ему на Покрова, да въ подлазъ кладуть...

— Что-жъ, съѣдаетъ? хихикнулъ Василиій, щеголявшій невѣріемъ.

— Какъ когда, отвѣчала Марья, не обращая вниманія на его шуточный тонъ. Ежели съѣсть, значить доволенъ хозяиномъ и овинъ бережетъ, а ежели не тронетъ—худо: гнѣвается, значить.

— Сѣрое необразованье, небрежно бросилъ Василиій. Никакого овинника нѣтъ, а просто собака ночью заберется, да и слопаеть пирогъ.

— Умень ты больно! воскликнула задѣтая за живое Марья.

— Извѣстно! не смутился Василиій, бывшій о себѣ высокаго мнѣнія. Въ такія несообразности вѣрить не стану...

— Не-со-о-браз-но-сти, сказалъ?

— Ну, да! Видѣла ты овинника, што-ль?

— Видѣла, убѣжденно отвѣчала Марья.

Въ это время со двора, заглушаемый шумомъ вѣтра, донесся лай «Ершика».

— Который разъ «Ершикъ» лааетъ, обратился Ражанцовъ къ денщику. Поди-ка, Василиій, погляди. Ворота у тебя-то заперты?

— Ворота заперты, а калитка отперта: вѣстового съ приказомъ жду, нехотя поднялся Василиій и вышелъ на дворъ.

Черезъ минуту онъ вернулся и сказалъ:

— Стучить да стонетъ вѣтеръ, вотъ зря и брешеть...

А Марья уже рассказывала.

— Дѣвкой я была еще... И пошла, значить, въ Васильевъ вечеръ ³⁾ въ овинъ, на гумно гадать... Жуть беретъ, прямо волосы шевелятся, а только страсть хочется попытать: въ дѣвкахъ сидѣть али замужъ возьмутъ...

²⁾ Оекла-зарѣвница—21 сентября.

³⁾ Васильевъ вечеръ—наканунъ Новаго года.

Въ это время на крыльцѣ раздался топотъ ногъ, отворилась дверь и въ ея темномъ пролетѣ показалась сѣрая фигура солдата.

— Вотъ темень-то, сказалъ вѣстовой, здороваясь съ присутствующими и доставая изъ-за обшлага шинели отлитографированную бумагу приказа,

— Едва калитку отыскалъ... Ходилъ вдоль забора, щупаль, шарилъ, еле набрелъ...

— Почитаемъ! съ важностью сказалъ Василий, имѣвшій обыкновеніе прочитывать всѣ бумаги, прежде чѣмъ подать ихъ ротмистру.

Марья, боясь быть осмѣянной въ присутствіи посторонняго, не пробовала возобновлять разказа объ овипникѣ, встала и принялась прибирать посуду.

Василій развернулъ сѣрый, съ слабо оттиснутыми сѣрыми-же буквами, листъ и принялся читать приказъ вслухъ:

— Де-жур-нымъ по пол-ку по-ру-чикъ Ав-ксен-тье-въ...

— Пойду-ка я, лаетъ «Ершикъ» опять, тревожно сказалъ Ражанцовъ, всталъ, отыскалъ фуражку, кивнулъ присутствующимъ и вышелъ на крыльцо.

Отъ кухонныхъ оконъ шли полосы свѣта, но когда Ражанцовъ минулъ ихъ, то сразу точно нырнулъ въ какую-то темную, непроницаемую для глазъ жидкость. Вынужденный остановиться, чтобы хоть немного привыкнуть къ темнотѣ, онъ сталъ вслушиваться. Вѣтеръ вылъ и свистѣлъ на всѣ лады. Изрѣдка, когда порывы его ослабѣвали, доносился ожесточенный лай и лязгъ цѣпи собаки.

— Ишь ты, какъ рвется. Никакъ въ сторону конюшни лаетъ? Ой, не проста это!

И вдругъ сердце его охватило тяжелое предчувствіе. Не отдавая себѣ отчета, наугадъ бросился онъ въ темноту, палетѣлъ на дерево, выругался, забралъ въ сторону, благополучно пробѣжалъ нѣсколько десятковъ шаговъ, споткнулся о какую-то грядку, упалъ, упершись руками въ сырую и рыхлую землю, и, наконецъ, почти ощупью выбравшись на хорошо знакомую широкую дорогу, ринулся по ней къ конюшнѣ.

Уже вбѣжавъ на черный дворъ, на мгновенье остановившись и не слыша ничего, кромѣ шума вѣтра, Ражанцовъ немного успокоился и укоризненно подумалъ: «съ чего это я!» Шагомъ подошелъ онъ къ конюшнѣ, держа наготовѣ ключъ отъ замка, протянулъ руку и вмѣсто ожидаемой двери вдругъ встрѣтилъ пустое

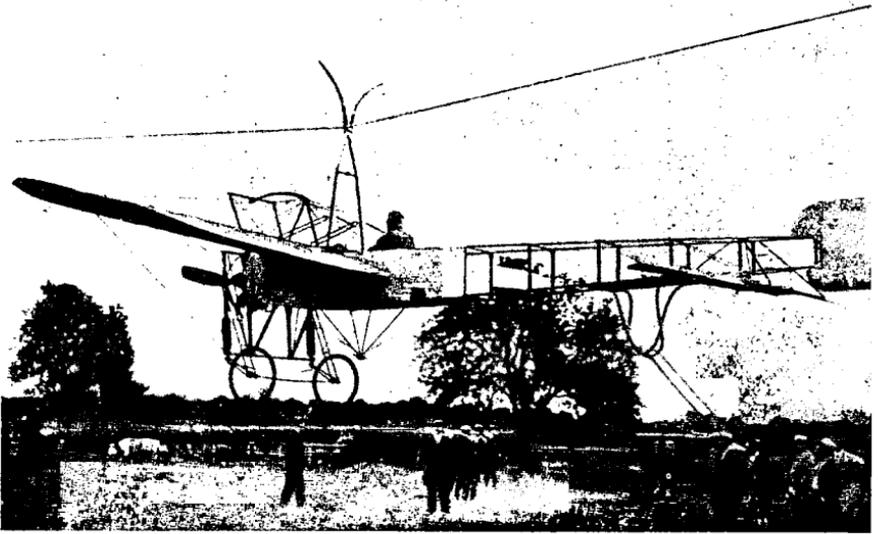
пространство. И мгновенно, едва онъ инстинктивно успѣлъ простереть надъ головой руку, что-то близко-близко сверкнуло, опустилось, и вмѣстѣ съ этимъ, какъ казалось ему, блескомъ быстрой зарницы, какая-то невыносимо-жгучая и мокрая завѣса заволочла все...

Трилицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Рис. № 1.

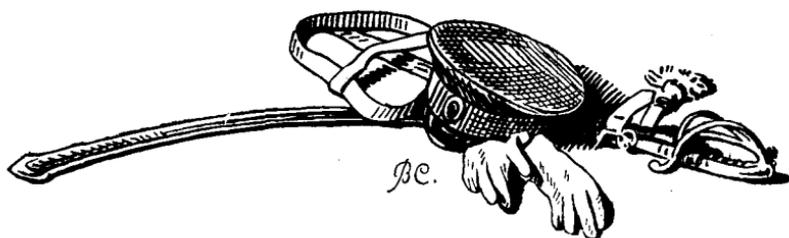

ФРАНЦІЯ. Новое изобрѣтеніе Блеріо для подъема и спуска гидроаэроплановъ: аппаратъ виситъ на кабелѣ.

Рис. № 2.

ФРАНЦІЯ. Новое изобрѣтеніе Блеріо для подъема и спуска гидроаэроплановъ: аппаратъ слетаетъ съ кабеля.

Спортъ заграницей.

азвитіе техники воздухоплавания и конструирования летательныхъ аппаратовъ идетъ быстрыми шагами впередъ.

Трудность взлета и спуска гидроаэроплановъ на волнующуюся поверхность моря побудила Блеріо выступить съ очень интереснымъ приспособленіемъ для облегченія имъ этихъ операций путемъ взлета и спуска не на поверхность воды, а на горизонтально натянутый кабель. Съ этою цѣлью летательный аппаратъ снабжается особымъ вилообразнымъ зажимомъ (см. рис. № 1), плотно охватывающимъ кабель, на которомъ и виситъ аэропланъ. При взлетѣ этотъ послѣдній, какъ только винтъ будетъ пущенъ въ ходъ, начинаетъ скользить по кабелю и летчику достаточно потянуть за особый шнуръ, чтобы разжать пружины зажима и освободиться отъ кабеля (см. рис. № 2).

При спускѣ летчикъ направляетъ свой аппаратъ подъ кабель и, поднимаясь понемногу на ходу, вжимаетъ кабель въ вилку, пружина этой послѣдней защелкиваетъ кабель и надо только остановить моторъ, чтобы спокойно повиснуть на кабелѣ.

Произведенные на аэродромѣ въ Бюкѣ опыты дали отличные результаты; будущее же покажетъ насколько интересная выдумка

неутомимаго Блеріо удобна на практикѣ. Кстатѣ отмѣтимъ, что летчикомъ, производившимъ испытанія, былъ извѣстный Пегу, не такъ давно дѣлавшій пробу спуска съ аэроплана на парашютѣ (см. рис. № 3) и спокойно летавшій на своемъ аэропланѣ головой внизъ (looping the loop).

Парашютъ Бонне, испытанный Пегу, складывается на остовахъ аэроплана сзади летчика подъ особой крышкой, чтобы не представлять собою сопротивленія воздуху.

Какъ только летчикъ дернетъ за спускъ крышки, послѣдняя раскрывается, парашютъ надувается врывающимся воздухомъ; наполнившись имъ, парашютъ срываетъ со своего мѣста летчика, къ которому парашютъ прикрѣпленъ эластичнымъ кабелемъ Сандоу. Вѣсъ парашюта 8 килограммъ.

Вотъ какъ описываетъ самъ Пегу свой спускъ съ 200 метровъ высоты.

«Удивительно пріятное ощущеніе! Когда я увидѣлъ, что нахожусь на достаточной высотѣ, я освободилъ парашютъ, снизивъ носовую часть аэроплана, и тотчасъ же почувствовалъ, что меня тянетъ назадъ. Тогда я, не выключая мотора, круто опустилъ аппаратъ книзу, а самъ былъ положительно вырванъ со своего мѣста, но кабели Сандоу, которыми я былъ привязанъ къ парашюту, совершенно уничтожили рѣзкость толчка. Затѣмъ я видѣлъ паденіе моего аэроплана, казалось не торопившагося достигнуть земли. Опускаясь, я немного ушибъ плечо о дерево, на которое попалъ, но и только.

Съ удовольствіемъ повторю опытъ. Ощущеніе удивительное»...

Было бы очень желательно, чтобы эти парашюты получили самое широкое примѣненіе при воздушныхъ полетахъ, уменьшая для летчиковъ рискъ разбиться при неисправной работѣ пока еще достаточно капризнаго аэроплана.

Что касается смѣлаго полета Пегу внизъ головой и постановки затѣмъ аппарата снова въ нормальное положеніе при спускѣ, то понятно эта попытка имѣетъ значеніе не одного только факта проявленія незаурядной смѣлости.

Поднявшись на монопланъ Блерю съ нѣсколько увеличеннымъ стабилизаторомъ на высоту около 1.100 метровъ, Пегу остановилъ моторъ, круто опустился внизъ, повернулъ аппаратъ вверхъ ногами, снова круто опустилъ переднюю часть внизъ и плавно опустился на землю, на лету выпрямивъ аппаратъ.

Этотъ удивительный полетъ (еще болѣе удивительный совершенъ надняхъ нашимъ летчикомъ—поручикомъ Нестеровымъ) наглядно доказалъ, что аэропланъ, повинуваясь хладнокровной опытной рукѣ авіатора, можетъ двигаться въ перевернутомъ положеніи, не выходя изъ его власти.

Какъ будетъ учтенъ этотъ опытъ въ будущемъ конструкторами и летчиками сейчасъ даже трудно сказать.

Любопытный аэропланъ системы «Дюнишъ-Ньюпоръ» совершилъ перелетъ Лондонъ—Парижъ съ пилотомъ маіоромъ Феликсомъ. Изобрѣтатель этого аппарата англличанинъ лейтенантъ Дюнишъ давно уже работаетъ надъ постройкой военныхъ аэроплановъ.

Особенностью новаго аппарата является отсутствіе у него хвоста и какихъ либо рулей (см. рис. № 4): короткий остовъ съ высокимъ и прекрасно обдуманномъ приспособленіемъ для спуска на землю; впереди—мѣсто летчика, посрединѣ—пассажира; сзади моторъ въ 80 HP и винтъ. Крылья образуютъ въ планѣ букву V; на наружныхъ краяхъ ихъ находятся крылышки, приводимыя въ движеніе рычагами летчика и служащія вмѣсто рулей.

Перелетъ обнаружилъ большія достоинства новаго аппарата.

Самымъ сильнымъ кандидатомъ на получение кубка Мишелена 1913 года до послѣдняго времени являлся Марсель Кавелье (теперь его побилъ Фурни колоссальной цифрой 11.435 килом. въ 16 дней). Какъ извѣстно, кубокъ присуждается тому летчику, который въ теченіе нѣсколькихъ дней подрядъ покроетъ наибольшее пространство (во всякомъ случаѣ не менѣе 2.000 километровъ); при этомъ ежедневная средняя часовая скорость должна быть не менѣе 50 километровъ, каждый взлетъ безъ спуска—не менѣе 100 километровъ, перемѣна аппарата не допускается (починка и возобновленіе эссенціи, понятно, разрѣшается).

29-го іюля Кавелье на аппаратъ Депердюссена (Гномъ 60 HP) началъ свой полетъ и въ теченіе 9 дней покрылъ разстояніе въ 7.096,3 километра.

Вотъ его цифры по днямъ:

29	юля	—	8	круговъ	—	901	килом.	120	м.
30	»	—	8	»	—	901	»	120	»
31	»	—	7	»	—	788	»	480	»
1	авг.	—	7	»	—	788	»	480	»
2	»	—	8	»	—	901	»	120	»
3	»	—	8	»	—	901	»	120	»
4	»	—	7	»	—	788	»	480	»
5	»	—	7	»	—	788	»	480	»
6	»	—	3	»	—	337	»	920	»

Итого . . . 7.096 килом. 320 м.

Очень хорошіе результаты дали испытанія блиндированнаго аэроплана системы «Моранъ-Сонье» (Morane-Saulnier), предназначеннаго для артилерійской развѣдки (см. рис. № 5).

Испытанія были произведены особой военной комиссіей, причѣмъ зарегистрированы были слѣдующія данныя.

Подъемъ на 1.000 метровъ былъ исполненъ въ 5 м. 55 с., т. е. со скоростью около 170 метровъ въ минуту; взлетъ былъ произведенъ на 68 метрахъ разбѣга, спускъ на 59; наибольшая скорость въ часъ—131 килом., наименьшая—85.

«L'Aérophile» приводитъ справку объ измѣненіи скорости передвиженія за 300 лѣтъ.

Въ 1650 году на переѣздъ изъ Байонны въ Парижъ требовалось при благопріятныхъ условіяхъ 358 часовъ; въ 1782 г.—200 часовъ; въ 1814 г.—116; въ 1834 г.—64; въ 1854 г. (лучшіе первые поѣзда)—27 часовъ; въ 1887 г.—15 часовъ; въ 1892 г.—13 ч. 30 м.; въ 1907 г.—9 ч. 30 м. и, наконецъ, въ 1913 году М. Гилью на монопланѣ Клеманъ-Баяръ пролетѣлъ это разстояніе въ 5 час. 53 мин., т. е. въ 70 разъ скорѣе, чѣмъ во времена короля-Солнца.

Лѣтомъ много времени всюду удѣляется стрѣльбѣ, какъ въ войскахъ, такъ и внѣ ихъ—на разныхъ состязаніяхъ и на охотѣ.

Развитіе стрѣлковаго спорта среди населенія безусловно отвѣчаетъ интересамъ арміи, давая въ ея ряды болѣе подготовленныхъ въ стрѣлковомъ отношеніи людей. Но, требуя извѣстныхъ затратъ, безъ широкой помощи правительства (какъ это мы видимъ хотя бы

Рис. № 3.

ФРАНЦИЯ. Раскрытый парашютъ, прикрѣпленный къ аэроплану.

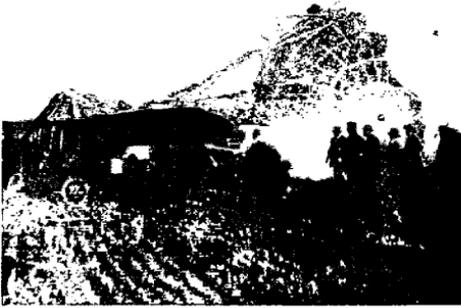

Рис. № 4.

ФРАНЦИЯ. Аэропланъ системы «Дюннъ-Ньюпоръ». Наверху слѣва—видъ сзади; справа—видъ сбоку; внизу слѣва—приспособленіе для спуска; справа—моторъ и винтъ.

Рис. № 5.

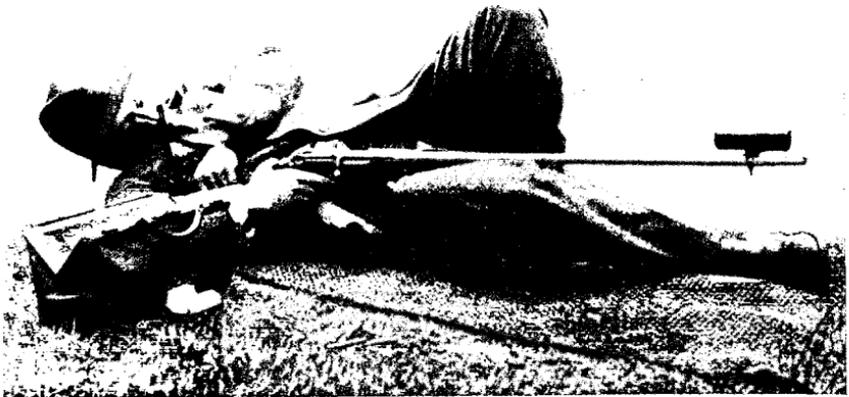
ФРАНЦИЯ. Бронированный монопланъ Morane-Saulnier.

Рис. № 6.

АНГЛІЯ. Состязаніе въ стрѣльбѣ студентовъ Оксфордскаго университета (на 1000 ярдовъ).

Рис. № 7.

АНГЛІЯ. Положеніе стрѣлка при состязательной стрѣльбѣ оксфордистовъ.

Рис. № 8.

ФРАНЦІЯ. Аэро-сабль лейт. Лафарга въ окрестностяхъ Вискры передъ отправленіемъ въ путь.

въ Швеціи), стрѣлковый спортъ является доступнымъ лишь болѣе зажиточнымъ и интеллигентнымъ классамъ. Или же надо, чтобы сами условія жизни заставляли быть всегда наготовѣ, съ ружьемъ въ рукѣ, какъ это мы видимъ у жителей пограничной неспокойной полосы, у золотоискателей Калифорніи и т. п.

Понятно, развитіе любви къ стрѣлковому спорту хотя бы только въ интеллигентныхъ классахъ общества тоже крайне желательно, да къ тому же это можетъ безусловно облегчить и дальнѣйшее распространеніе названнаго спорта въ странѣ.

Англія всѣми способами поощряетъ развитіе всѣхъ видовъ спорта среди своей молодежи (да и не только молодежи!) и само собою разумѣется отводитъ подобающее мѣсто стрѣльбѣ. На рис. № 6 изображено состязаніе въ стрѣльбѣ студентовъ Оксфордскаго университета, а на рис. № 7—оригинальное положеніе, занимаемое стрѣлкомъ при стрѣльбѣ.

Во Франціи состоялись состязанія на чемпионатъ военнаго атлета, въ которыхъ приняло участіе болѣе 300 человекъ. Выше всѣхъ, по числу заработанныхъ очковъ, сталъ 34-й пѣхотный полкъ (27 очковъ); призъ же за бѣгъ на 1.000 метровъ достался 46-му пѣхотному полку (команда изъ 8-ми человекъ отъ полка).

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ блестящій атлетическій праздникъ, устроенный Жуанвильской гимнастической школой; былъ показанъ боксъ, учебная гимнастика, фехтованіе и акробатическія упражненія.

27-го іюля с. г. нѣмецъ Р. Вейсъ установилъ часовой рекордъ на велосипедѣ—42 кил. 306 м. Но уже 7-го августа его бьетъ французъ М. Берте, дающій въ часъ 42 кил. 502 м., а 21-го августа французъ же О. Эггъ покрываетъ въ это время 43 килом. 280 м.

Во Франціи закончился круговой пробѣгъ велосипедисто въ (вокругъ всей Франціи) въ 5.387 килом.; побѣдителемъ оказался бельгіецъ Тисъ (Thys), покрывшій это разстояніе въ 197 час. 54 мин., со средней скоростью 27 кил. 220 м. въ часъ. Вторымъ пришелъ Гарригу—198 час. 2 м. 30 с.

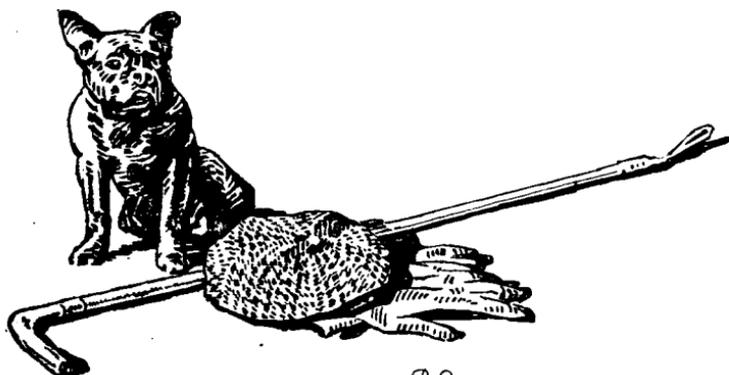
Интернаціональный кубокъ для мотоциклетокъ достался французу Вудхузу (Woodhouse), сдѣлавшему въ 3 часа 47 м. 52 с. 324 килом. 36 м., т.-е. развивавшему среднюю скорость въ 87 кил. въ часъ. Всего въ состязаніи приняло участіе 18 мотоциклетокъ, изъ которыхъ окончило 8.

Необходимо отмѣтить пробѣгъ лейтенанта Лафарга по Сахарѣ на автомобилѣ съ воздушнымъ двигателемъ (aérosable).

Еще въ 1912 году подобный аппаратъ, сконструированный капраломъ Кро (Cros), на испытаніи, произведенномъ около Бискры, далъ хорошіе результаты, что и было нами своевременно отмѣчено. Лейтенантъ Лафаргъ усовершенствовалъ аппаратъ (см. рис. № 8) и сдѣлалъ на немъ (съ тремя пассажирами и 100 килограммами груза) пробѣгъ по сыпучимъ пескамъ Сахары со скоростью 15—20 километровъ въ часъ.

Блестящіе результаты пробѣга открываютъ широкіе горизонты этимъ «aérosable'ямъ.

Вронскій.

Ф. Р.

В И Б Л И О Г Р А Ф І Я.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

«Revue des deux mondes» печатаетъ воспоминанія недавно скончавшагося Эмиля Оливье о войнѣ 1870 года, однимъ изъ невольныхъ зачинщиковъ которой, одной изъ маріонетокъ въ рукахъ Бисмарка, былъ онъ. Августовскій выпускъ рисуесть намъ наиболѣе драматическій моментъ, когда императоръ, въ вагонѣ III класса, въ день сраженія при Марсъ-ла-Турѣ, прибываетъ въ Шалонскій лагерь, гдѣ безобразничаютъ мобили-ополченцы, набранные въ предмѣстьяхъ Парижа, безшабашная распропагандированная чернь, частью не получившая еще оружія, оскорбляющая офицеровъ, требующая возвращенія на парижскую мостовую. Макъ-Магонъ, Трошю, Шмидтъ, принцъ Наполеонъ—указываютъ императору на единственный спасительный планъ—вернуться въ Парижъ. Шалонская армія, крѣпнущая съ каждымъ днемъ, постепенно отойдетъ такъ же къ Парижу и станетъ ядромъ новыхъ формированій. Парижское населеніе было настроено противъ всякихъ революціонныхъ попытокъ. Когда на улицахъ попадалась кучка демонстрантовъ, парижане бросались на нихъ, какъ на измѣнниковъ, купленныхъ прусскимъ золотомъ, и стремились покончить съ ними на мѣстѣ. Нужно было использовать это настроеніе, и въ Парижѣ призвать французскую націю къ новымъ чрезвычайнымъ усиліямъ. Республканскіе вожди—Гамбета и Жюль-Фавръ—въ этотъ періодъ должны были публично называть прусскими шпіонами своихъ неумѣренныхъ сторонниковъ, пытавшихся бунтовать. Но всѣ усилія лучшихъ людей Франціи разбились о министерство внутреннихъ дѣлъ. Императрица читала въ этотъ періодъ исключительно донесенія охранной части, въ глазахъ которой всѣ стали подозрительными, какъ

только лучшіе, надежнѣйшіе полки покинули Парижъ. Паликао и Руэръ утверждали, что возвращеніе императора въ Парижъ неминуемо вызоветъ катастрофу, хотя комендантъ Парижа, Трошю, безусловно увѣрялъ, что сумѣетъ сохранить бразды правленія въ рукахъ. И когда послѣдовалъ твердый приказъ императрицы—императору съ шалонской арміей не раставаться и выручать Базена, когда Седанскій маневръ оказался продиктованнымъ департаментомъ полиціи—у лучшихъ людей опустились руки.

Однимъ изъ наиболѣе яркихъ противниковъ безцѣльнаго пребыванія императора въ некомандуемой имъ арміи былъ племянникъ императора, принцъ Наполеонъ, который находилъ, что положеніе командующаго арміей такъ сильно осложняется отвѣтственностью за высокую особу, что становится совершенно невозможнымъ: это все равно, говорилъ онъ, что идти въ бой съ полной суповой чашкой, съ запрещеніемъ пролить хотя бы каплю. Здравыя военныя мысли принца Наполеона находились, однако, въ такомъ рѣзкомъ противорѣчій съ полицейскими мотивами, диктовавшими императору его линію поведения, что принцъ Наполеонъ былъ высланъ изъ Франціи, подъ предлогомъ особой миссіи къ итальянскому королю, причемъ угасавшій въ волевои отношеніи Наполеонъ III далъ племяннику добрый совѣтъ—подальше объѣхать Парижъ, чтобы не попасть въ темницу Венсенскаго замка.

Судя по «Revue militaire Suisse», можно было бы утверждать, что общій на европейскомъ материкѣ подъемъ военнаго духа захватилъ и Швейцарію. Военная пресса начала борьбу съ тѣми оборонительными идеями въ стратегіи и политикѣ, которыя недавно еще безпредѣльно господствовали въ Швейцаріи. Отголоскомъ старыхъ мнѣній можетъ служить слѣдующій разговоръ съ швейцарскимъ новобранцемъ въ вагонѣ: швейцарецъ объяснялъ нѣмцу, что въ 2 мѣсяца швейцарскій солдатъ достигаетъ такой же высоты обученія, какъ и германскій, но только въ оборонительномъ отношеніи; наступать же и не надо, такъ какъ Швейцарія находится подъ протекторатомъ Франціи и Германіи.

Церья швейцарскихъ публицистовъ усиленно работаютъ надъ разрушеніемъ этихъ предразсудковъ. Нейтралитетъ, гарантированный великими державами, отнюдь не протекторатъ и не задѣваетъ суверенныхъ правъ Швейцаріи. Швейцарія должна оставаться нейтральной, пока дерутся другіе, не задѣвая ея интересовъ, но она имѣетъ право сама объявлять войну, заключать союзы, вторгаться въ предѣлы сосѣдей. Когда въ 1857 г. чуть не возникла война между Швейцаріей и Пруссіей изъ-за Невшательскаго кантона, швейцарскій главнокомандующій, генераль Дюфуръ, составилъ планъ

активныхъ дѣйствій, перехода черезъ Рейнъ у Шафгаузена, обороны у Базеля и на Констанскомъ озерѣ, и тогдашнія тренія между Пруссіей и другими государствами оправдывали смѣлое рѣшеніе генерала Дюфура. Оборона въ стратегіи отнюдь не навязывается нейтральному государству.

Существуетъ 3 вида нейтралитета. Люксембургъ былъ нейтрализованъ и разоруженъ Европой. Бельгія была нейтрализована великими державами, но ей было предоставлено право самозащиты. Бельгія должна была возвести укрѣпленія оборонительнаго характера и скрыть крѣпости, благопріятствовавшія наступленію. Швейцарія же добровольно, еще въ 1648 году, объявила себя нейтральной; державы, по Вѣнскому конгрессу 1815 года, только признали этотъ нейтралитетъ и, обративъ вниманіе на связанныя съ нимъ выгоды всей Европы, дали Швейцаріи болѣе удобныя для нейтральной политики границы и обязались уважать непреложность этихъ границъ.

Когда угодно, Швейцарія можетъ отказаться отъ ея добровольнаго нейтралитета. Она должна высоко держать знамя своей независимости и въ толкованіи своего нейтралитета не можетъ допустить умаленія своихъ верховныхъ правъ. Соотвѣтственнымъ образомъ должна быть направлена и подготовка швейцарскаго солдата. Армію необходимо воспитывать въ духѣ наступленія. Война кладетъ конецъ всѣмъ юридическимъ обязательствамъ, за осключеніемъ обязанности вести военныя дѣйствія, согласно права войны. За короткій срокъ обученія швейцарскаго гражданина военному дѣлу нужно удѣлить субботніе часы для соотвѣтственнаго перетолкованія нейтралитета страны. Въ сущности, онъ хоронится по первому разряду.

«Revue politique et parlementaire» затрагиваетъ весьма важный вопросъ о довольствіи войскъ въ военное время мясомъ. Статья написана г. Гуо, секретаремъ французской ассоціаціи по холодильному дѣлу; авторъ великолѣпно изучилъ вопросъ, но, конечно, отражаетъ тенденціи опредѣленной кучки капиталистовъ.

Какъ извѣстно, мясной вопросъ пока не разрѣшенъ удовлетворительно ни въ крѣпостяхъ, ни въ полѣ. По расчету 1890 года, въ Парижѣ для довольствія гуртовъ скота на время осады нужно было заготовить при мобилизаціи на 23 милліона франковъ фуража. Въ крѣпости среднихъ размѣровъ—Бельфоръ, Вердюнь—для ухода за скотомъ, число головъ котораго должно приблизиться къ цифрѣ 10.000, необходимо 700 человекъ, которые могли бы быть использованы много производительнѣе, съ боевой точки зрѣнія. Необходимо считаться съ эпизоотіями, вырывающими до 50% скота.

Гурты скота, слѣдующіе за войсками, быстро теряютъ вѣсъ: за недѣлю похода до 25% туши исчезаетъ. Усталый скотъ—прекрас-

ная почва для болѣзней. Перевозка по желѣзной дорогѣ живого скота крайне трудна—нужны платформы для нагрузки и выгрузки, водопой, запасы фуража. Одинъ вагонъ замороженнаго мяса представляетъ 24.000 порцій; для перевозки—крайне хлопотливой—живого скота потребовалось бы 6 вагоновъ.

Необходимо переходить на довольствіе замороженнымъ и охлажденнымъ мясомъ. Оно не представляетъ никакихъ затрудненій, такъ какъ испытано не только лабораторнымъ путемъ, но и въ комерціи: Англія 30 лѣтъ поглощаетъ треть общаго количества мяса доставленнымъ изъ-за океана въ замороженномъ видѣ. Рефрижираторы, однако, не помогутъ дѣлу, если не будутъ работать еще въ мирное время. Нужно, чтобы они были заблаговременно наполнены въ крѣпостяхъ и постепенно освѣжаемы.

Мы подходимъ къ моменту, когда довольствіе войскъ будетъ захвачено громадными синдикатами. Таковой уже взялъ подрядъ на всю итальянскую армію и, спустивъ даже нѣсколько цѣны, обязался покрыть Италію сѣтью рефрижираторовъ, завести цѣлый паркъ вагоновъ ледниковъ и нѣсколько десятковъ автомобилей-ледниковъ. Для Италіи, при отдачѣ подряда на 6 лѣтъ, оказалась возможность добиться особенно выгодныхъ условій въ виду перехода на заокеанское мясо.

Въ Англіи 3 дня въ недѣлю дается замороженное мясо; стоимость его 11—12 коп. фунтъ, а по контракту допускаются туши, четверти которыхъ вѣсятъ не менѣе 5—6 пудовъ, т.-е. сколько у насъ вся туша...

Въ Германіи, гдѣ во многихъ городахъ мясо допускается въ продажу только послѣ 24 часового пребыванія въ рефрижираторѣ, примѣненіе холода сдѣлало наибольшіе успѣхи. Въ большихъ крѣпостяхъ можно сохранять по 3 милліона порцій замороженнаго мяса. Въ 1905 году общій подсчетъ замороженнаго мяса въ рефрижираторахъ германскаго военнаго министерства сводился къ цифрѣ 15 милліоновъ порцій. Войска въ мирное время часто довольствуются имъ.

Авторъ очень убѣдительно доказываетъ, что Франція, чтобы догнать сосѣдей, должна сдать довольствіе арміи мясомъ—хотя бы на два дня въ недѣлю (чтобы не очень раздражать мясниковъ-избирателей)—синдикату, который за это соотвѣтственно разовьетъ все оборудованіе, необходимое для питанія всей арміи мороженнымъ мясомъ съ объявленіемъ войны.

Дѣло, вѣроятно, стоящее. Заручившись такимъ постояннымъ потребителемъ, какъ армія, синдикатъ холодильниковъ можетъ зарѣзать вѣхъ мелкихъ конкурентовъ мясниковъ и стать единственнымъ монополистомъ въ государствѣ. Деньги на такое предпріятіе найдутся легко, а съ военной точки зрѣнія вторженіе крупнаго капитала въ эту область безусловно представляетъ крупныя выгоды.

Въ «Journal des sciences militaires» поручикъ Джемиль-Мунир-бей даетъ очеркъ дѣйствій турецкой кавалерійской дивизіи, оперировавшей во Фракіи. Кавалерійской дивизіей командоваль Селих-папа, отецъ автора; Джемиль-Мунир-бей состоялъ ординарцемъ при штабѣ отца. Авторъ—весьма, повидимому, образованный офицеръ, окончившій Сенъ-Сирское училище и отбывшій цензъ во французскомъ и прусскомъ кавалерійскихъ полкахъ. Изъ его описанія слѣдуетъ, что дѣйствія турецкой армейской конницы были образцовы, хотя едва-ли можно признать автора достаточно незаинтересованнымъ и достовѣрнымъ свидѣтелемъ.

Авторъ по праву гордится, какъ лучшей похвалою конницѣ, болгарскими реляціями о бояхъ у Вайзали и Сари-Талисманъ, гдѣ будто бы болгары столкнулись съ передовыми пѣхотными частями турокъ: на самомъ дѣлѣ дрались съ болгарами только спѣшенные эскадроны, и имъ очень лестно, что послѣ нѣсколькихъ часовъ боя у противника создалась увѣренность въ наличіи здѣсь пѣхоты.

Основываясь на отсутствіи конныхъ столкновеній, авторъ, какъ любятъ это вообще кавалеристы, развиваетъ взглядъ на непріятельскую, болгарскую, конницу, какъ на какую-то трусливую часть, всегда отступавшую передъ угрозой конной атаки и прятавшуюся за свою пѣхоту.

Турецкая конница на войнѣ оказалась лучшимъ родомъ турецкихъ войскъ, такъ какъ не была испорчена запаснымъ; до войны же она пользовалась обратной репутаціей. Вся война сложилась для нея въ видѣ ряда тяжелыхъ боевъ въ спѣшенномъ строю. Выдвинувшись передъ лѣвымъ флангомъ, турецкая кавалерія анфилировала болгарское наступленіе во время операціи Киркъ-Килиссе. Дивизія—четыре бригады—32 эскадрона (3.600 сабель)—имѣла 16 пулеметовъ и 12 конныхъ орудій. Работали по преимуществу, какъ и въ отрядѣ г.-м. Мищенко, пушки и пулеметы; конница спѣшивалась, чтобы вытаскивать пушки изъ ужасной грязи.

Дивизія имѣла 2 полевыхъ станціи беспроволочнаго телеграфа, рассчитывала на нихъ—и осталась безъ всякой связи съ арміей, такъ какъ плохо обученный личный составъ оказался не въ состояніи передать хотя бы одно слово, даже на разстояніе въ 60 верстъ. Было и 2 взвода саперъ, но не конныхъ: имъ поручили конвоировать обозъ.

Черезъ 3 недѣли послѣ начала военныхъ дѣйствій составъ дивизіи уменьшился въ 6 разъ, до 600 шашекъ, и она была расформирована.

Въ статьѣ Джемиль-Мунир-бея можно найти много чрезвычайно важныхъ деталей—и не только дѣйствій конницы, но и всего лѣваго турецкаго фланга, почему на нее должны обратить вниманіе всѣ

изучающіе эту кампанію. Нельзя, однако, не предупредить читателей противъ весьма естественной тенденціи побѣжденной стороны: всѣ турки какъ бы уходили не подъ рѣшительнымъ натискомъ болгаръ, а вслѣдствіе паники—семейнаго, внутренняго недоразумѣнія. Болгары, въ дѣйствительности наносившіе увѣсистые удары, рисуются какъ бы гіенами, занимающими лишь брошенные турками по своей волѣ позиціи... Въ этомъ вся психологія боя: бить противника, пока онъ самовольно не побѣжитъ. Металлъ плавится, арміи—также

Авторъ констатируетъ, что армяне, находившіеся въ турецкихъ рядахъ, храбро сражались; о грекахъ и евреяхъ онъ полагаетъ лучшимъ и не говорить.

Капитанъ Глюкъ, въ томъ же журналѣ, останавливается на поставленномъ на очередь во французской арміи вопросѣ о введеніи полевыхъ гаубицъ и тяжелой полевой артилеріи. Между прочимъ, онъ констатируетъ, что во Франціи 6 д. короткая пушка Рималъо технически разрѣшила задачу прежде, чѣмъ она была формулирована тактикой.

Французскій уставъ 1910 года, какъ и общее мнѣніе въ Россіи, склонялся къ той мысли, что, вслѣдствіе могущества своихъ снарядовъ, тяжелая артилерія съ успѣхомъ можетъ быть примѣнена для обстрѣла полевыхъ укрѣпленій. Между тѣмъ коммисія въ Бургѣ, специально изучавшая этотъ вопросъ въ 1907 году, занесла въ свой протоколъ, что было бы глубокой ошибкой употреблять тяжелую полевую артилерію противъ полевыхъ фортификаціонныхъ работъ. Тяжелая артилерія въ состояніи разрушить земляныя укрѣпленія лишь при чрезвычайномъ расходѣ боевыхъ припасовъ. Нужно дѣйствовать по защитникамъ такихъ укрѣпленій гранатами, рвущимися съ рикошета, при чемъ трехдюймовый калибръ достаточенъ.

Тяжелая полевая артилерія также едва ли съ выгодой будетъ дѣйствовать по войскамъ, укрытымъ отъ настільнаго огня. Слишкомъ мало у нея шрапнели. Развѣ что будетъ установлено наличие очень большихъ скопленій войскъ. Шестидюймовая гаубица—въ сущности не гаубица, полагаетъ авторъ. Ей мѣсто въ армейскомъ резервѣ; ея цѣли—особенно прочныя деревни, фермы, рощи; дѣйствіе ея драгоценно тѣмъ, что не ограничивается опушкой, а поражаетъ и въ глубину эти прочныя цѣли, благодаря крутизнѣ ея траекторіи.

Эти разсужденія ¹⁾ слѣдуетъ сопоставить съ нѣмецкими взглядами: тамъ тяжелая артилерія—прежде всего орудіе борьбы съ непріятель-

¹⁾ Французскій взглядъ на тяжелую полевую артилерію развивался, однако, подъ давленіемъ крайней малочисленности 6 д. гаубицъ (4 орудія Рималъо на корпусъ); задачи, непосильныя такому эмбриону тяжелой артилеріи, окажутся, быть можетъ, соотвѣтственными болѣе многочисленной тяжелой артилеріи другихъ армій.

ской артилеріей. Обстрѣлъ непріятельскихъ укрѣпленій является сравнительно второстепенной задачей.

Нѣсколько любопытныхъ замѣчаній встрѣчаются въ «размышленіяхъ стараго полкового командира»—генераль-лейтенанта Базедова, напечатанныхъ въ «Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine». За послѣднія десятилѣтія полевая подготовка сдѣлала огромные шаги впередъ. Еще въ 80-хъ годахъ на баталіонныхъ смотряхъ главную роль играли построеніе въ каре, со стрѣлками, разсыпанными въ интервалахъ, и прочія остатки средневѣковья. Все это держалось еще въ теченіе 15 лѣтъ послѣ франко-прусской войны.

Ничто не совершенно подь луной; не совершенна и подготовка германской пѣхоты. Прежде всего уставы: они раздѣляютъ участь образцовъ оружія, типовъ крѣпостныхъ построекъ, проектовъ дредноутовъ; въ тотъ моментъ, когда они изъ міра предположеній переходятъ въ дѣйствительность, всѣ они уже являются устарѣлыми. По Наполеону, тактику слѣдовало перерабатывать каждые 10 лѣтъ. Теперь время бѣжитъ скорѣе.

Офицеръ долженъ считаться съ неизбѣжной устарѣлостью даннаго ему устава и долженъ подготавливать свою часть въ духѣ необходимыхъ усовершенствованій устава, соотвѣтственно требованіямъ не прошлаго, а будущаго.

Авторъ является горячимъ сторонникомъ германской доктрины встрѣчнаго боя, пошедшей значительно на убыль съ уходомъ начальника генеральнаго штаба графа Шлиффена. Онъ служилъ въ корпусѣ, который упражнялся только въ веденіи встрѣчнаго боя. Нужно умѣть рѣшаться въ темнотѣ. Много вреда приносить устарѣвшее положеніе, что въ рукахъ вождя твердо сидитъ лишь та часть колонны, которая слѣдуетъ позади него. Въ войскахъ его корпуса движеніе на широкомъ фронтѣ, рядомъ расчлененныхъ колоннокъ, вошло въ плотъ и кровь. Опасеніе преждевременнаго развертыванія—низшаго порядка, субалтернское.

Особенно не нравится автору занятіе выжидательнаго положенія при извѣстіяхъ о движеніи противника. Какъ всѣ детали готическаго идеала въ ихъ стремленіи къ небу избѣгаютъ горизонтальныхъ линій, такъ и движеніе впередъ стремящихся на врага войскъ безъ крайней нужды не должно перерываться поперечнымъ сѣченіемъ выжидательнаго развертыванія.

Изъ многихъ частичныхъ замѣчаній автора по подготовкѣ войскъ укажемъ, что время на ученіяхъ и маневрахъ цѣнится недостаточно. такъ какъ часто занятіе начинается съ того, что важнѣйшее приказаніе уже отдано, и приступаютъ къ его исполненію. При этомъ теряется самое поучительное. Необходимо дѣлить задачу на двѣ части

и вторую часть сообщать тогда, когда войска и начальники заняли уже исходное положеніе; рѣшеніе должно быть принято быстро и въ полѣ.

Авторъ оспариваетъ популярную военную добродѣтель—спокойствіе начальника. Спокойствіе цѣнно только тогда, когда является результатомъ самодисциплины и маскируетъ энергичную духовную работу. Нерѣдко же именуютъ спокойствіемъ то, что ближе можно было бы опредѣлить безразличіемъ и бѣдностью мысли. И ни въ коемъ случаѣ нельзя позволять укрывать недостатокъ рѣшимости личиной спокойствія.

Монтанъ продолжаетъ въ «Spectateur militaire» борьбу съ разлагающими армію вліяніями. Онъ признаетъ развращающимъ обычай, входящій все болѣе въ моду во Франціи—привлекать ораторовъ со стороны для чтенія сообщений солдатамъ. У солдата можетъ быть только одинъ совѣтчикъ, его начальникъ, онъ же и профессоръ, онъ же и наставникъ. Это—отступленіе отъ долга, дезертирство, уступать постороннимъ малѣйшую долю своего авторитета. Не надо офицеру тѣхъ сотрудниковъ, которыхъ теперь ищутъ повсюду, усложнившіе его задачу туманомъ офицера-воспитателя.

Жестоко смѣется Монтанъ надъ образомъ современнаго офицера, какъ свѣтскаго монаха, посвятившаго себя службѣ родинѣ, мягкаго и братскаго наставника солдата. Любовь мира, непротивленіе злу, любовь униженныхъ и оскорбленныхъ—это знаменитыя военныя добродѣтели! Добродѣтель католическаго ксендза или русскаго духобора—какое непониманіе нужно, чтобы обращать ее въ солдатскую!

Солдатъ долженъ исповѣдывать культъ силы, ненавидѣть и презирать слабость. Его сердце должно устремляться къ сильнымъ. Солдатъ долженъ въ своемъ сердцѣ создать алтари дѣйствию и силѣ. Это его единственныя божества, и онъ долженъ окружить ихъ хищнымъ преклоненіемъ, растущимъ по мѣрѣ того, какъ остальное общество сильнѣе мычитъ о мирѣ, расплывается ниже передъ слабостью.

Много вѣковъ тому назадъ, китайскій социалистъ Уанъ-Нганъ-Че говорилъ, что первая и важнѣйшая обязанность правительства—любить народъ такъ, чтобы доставлять ему дѣйствительныя выгоды въ жизни, а таковыя—изобиліе и радость. Можно думать что модернистскіе начальники—ученики этого китайца. «Я подумаю о вашемъ благосостояніи», «я всегда думалъ о вашихъ удобствахъ»—вотъ первое и верховное ихъ слово, тотъ сѣверъ, который ориентируетъ ихъ дѣятельность. И благосостояніе выражается «умѣренной работой»—что легко достижимо, и достигается всего полнѣе «гигиеничной, разнообразной и изобильной» пищей (солдата кормятъ лучше, чѣмъ во

многихъ буржуазныхъ семьяхъ), «комфортабельнымъ помѣщеніемъ». Изъ какихъ начальныхъ гомункуловъ представляютъ себя человѣчество? Усиліе—вотъ радость, счастье, сама жизнь молодыхъ. Имъ нуженъ бѣгъ, борьба, лошади, аэропланъ. Чтобы побить рекордъ, чтобы выдѣлиться, они подчиняются самому тяжелому режиму, ихъ умы воспримутъ самую суровую дисциплину. И въ какихъ жилахъ течетъ болѣе молодая и болѣе отважная кровь, какъ не въ арміи?

Монтанъ рассказываетъ, какъ онъ дѣлалъ переходы по 55 километровъ съ полной нагрузкой, получалъ за нихъ выговоры—а люди шли съ пѣніемъ и шутками—такъ какъ юношѣ весело упражнять мускулы и выходить за кажущійся предѣлъ человѣческихъ силъ. А эта доктрина лѣности и довольства основывается на грубомъ физиологическомъ заблужденіи, если только она не имѣетъ въ виду старыхъ людей или дряхлыя націи.

Солдатъ, уходящій въ запасъ, боится уже суровой крестьянской жизни. Безумство доходитъ до того, что туземнымъ стрѣлкамъ—неграмъ навязываютъ французскую пищу и матрацы, французскіе нравы—туземцу, привыкшему жить горстью финиковъ и спать на голой землѣ. Для него военная служба является безусловно облѣнченіемъ, потерей воинскихъ качествъ. Хотятъ подготовить запасъ туземцевъ въ Африкѣ, милитаризировать ихъ: не надо ихъ трогать, тогда еще въ нихъ уцѣлѣютъ кое-какіе военные таланты.

«Быть солдатомъ», говорилъ Клеберъ, «это значитъ не ѣсть, когда голоденъ, не пить, когда жаждешь, двигаться, когда смертельно усталъ; когда не можешь самъ стоять на ногахъ—нести раненаго товарища».

Газетчики заклинаютъ военнаго министра обязать офицеровъ-авіаторовъ быть осторожными. Но пусть они рѣютъ и дерзаютъ за всякими предѣлами. Могъ умереть—это уже что то. Они показываютъ нашему практичному обществу, какъ умираютъ; умирая, они удерживаютъ Францію во власти героизма. Колесница прогресса никогда не подавалась впередъ, не четвертуя человѣческихъ жизней.

Жуировать, наслаждаться—вотъ главная забота умирающихъ обществъ, въ томъ числѣ и нашего. «Пользоваться жизнью!» кричитъ рабочій міръ устами своихъ организацій. «Наслаждаться—испить чашу довольства», отликаются военные, чрезъ своихъ министровъ и начальниковъ. Подготавливаться же къ тяжелымъ трудамъ войны, учиться все выносить, претерпѣвать лишенія и умирать—эти заботы отъ всѣхъ далеки. Гигіена и довольство, «bien-être»—вотъ предѣлы ихъ вождельній. Это значитъ быть послѣдователемъ Цирцеи²⁾, значитъ нагуливать жиръ на свиньяхъ, предназначенныхъ на убой германскому или азіатскому мяснику.

²⁾ Обратившей спутниковъ Одиссея въ свиней.

Однимъ изъ этаповъ реакціи, которой подчинялось военное дѣло въ Германіи съ уходомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, начальника генеральнаго штаба графа Шлиффена, является статья инспектора 4-го инженернаго округа, генераль-майора Шретера, о ближнемъ боѣ въ крѣпостной войнѣ, напечатанная въ «Vierteljahreshefte für Truppenführung und Heereskunde» и, слѣдовательно, имѣющая на себѣ марку прусскаго генеральнаго штаба. Авторъ говоритъ уже намъ не объ общности приемовъ полевого и крѣпостного боя, а объ ихъ различіи; онъ жалѣетъ 80-е годы прошлаго столѣтія, когда въ Германіи имѣли въ виду, на равныхъ началахъ, какъ правильную осаду, такъ и ускоренную. Съ тѣхъ поръ, какъ въ устройствѣ крѣпостей, такъ и въ подготовкѣ къ атакѣ, ихъ идеи о правильной осадѣ начали понемногу исчезать и всецѣло воцарилась ускоренная, летучая атака. Слѣдствіемъ этого былъ переходъ къ единому типу піонеръ и заброска всѣхъ ухищреній сапернаго и миннаго дѣла. Главная роль отводилась тяжелой артиллеріи и бою на дальнемъ разстояніи. Забывая объ успѣхахъ крѣпостной техники, полагали, что артиллерія рѣшитъ судьбу укрѣпленій съ дальнихъ дистанцій и сдѣлаетъ ближнюю атаку лишней.

Реакція, опираясь на опытъ Портъ-Артура, гдѣ противники дрались недѣлями въ подземельяхъ фортовъ, снова возстановливаетъ ближнюю оборону въ своихъ правахъ. Отнынѣ германскіе форты будутъ снабжаться контръ-минной системой и всѣми приспособленіями для упорной защиты, когда противникъ подойдетъ на пистолетный выстрѣлъ. Прежде всего, конечно, стоимость фортовъ увеличится во много разъ. Затѣмъ піонеры, предназначенные для полевой и крѣпостной войны, получаютъ разную подготовку, піонерный осадный паркъ получитъ другое устройство, и уставы о борьбѣ за крѣпости, о службѣ піонеръ въ полѣ и другіе будутъ переработаны съ выдвиненіемъ на первый планъ ближняго боя.

Критика Портъ-Артура нынѣ уже не гласитъ, что слабость численная и количественная артиллеріи и численная—пѣхоты осаждающаго не дали возможности овладѣть крѣпостью именно ускоренной атакой, а—что такая то минная или сапная атаки была предпринята на недостаточно широкой базѣ...

Во всякомъ случаѣ, можно констатировать, что въ настоящую минуту у инженеровъ всѣхъ странъ установилось трогательное единство во взглядахъ; какъ будто кто то, въ виду общей опасности, далъ имъ сигналъ: инженеры всѣхъ странъ, соединяйтесь. Отпоръ дается общій.

Авторъ не останавливается ни на Адрианополѣ, ни на новѣйшихъ успѣхахъ артиллеріи, и находитъ правильнымъ примѣненіе правильной осады даже противъ Плевненскихъ земляныхъ редутовъ!

Японцы попали въ мѣшокъ ближней атаки и безсильно уперлись въ немъ лбомъ изъ-за выдающейся доблести русскаго гарнизона и слабости своей артилеріи. Имъ, дѣйствительно, не повезло, а теперь начинаютъ по нотамъ разучивать, для воспроизведенія, эту неудачную партію.

Нѣсколько ядовитыхъ намековъ разбросано въ замѣткѣ о тракторѣ Шатильонъ-Панаръ, маіора Феррусь, напечатанной въ «Revue d'artillerie». Этотъ тракторъ можетъ тащить по плохимъ дорогамъ грузы до 1.200 пудовъ и, въ частности, осадную артилерію. Съ тремя повозками, на которыя разлагается 8 д. мортира, онъ проходитъ по дурнымъ дорогамъ, а 6 д. пушки протаскиваетъ черезъ канавы и стволы крупныхъ деревьевъ. Авторъ полагаетъ, что задача механической тяги артилеріи, по крайней мѣрѣ тяжелой, нынѣ разрѣшена. А еще недавно заявленіе полковника Депорта, творца французской скорострѣльной пушки, о примѣненіи механической тяги къ полевой артилеріи было встрѣчено всеобщимъ скептицизмомъ.

Въ 1768 году такъ же представлялись первые проекты огненной машины для движенія пушекъ, и генераль маркизь Сентъ-Обанъ плакался на манію новшествъ и изобрѣтеній, доходящую до невѣроятія, до такой иллюзіи, что ему въ 1768 году приказали испытать такую машину. Будь онъ живъ, онъ протестовалъ бы и теперь. Перваго изобрѣтателя автомобиля, Кюньо, канцеляріи успѣли съѣсть около 1779 года³⁾; авторъ надѣется, что у французовъ найдется теперь энергія, необходимая для того, чтобы не ограничиваться полумѣрами въ вопросѣ перехода на механическую тягу.

Маіоръ Конфортини, въ «Journal des sciences militaires», разсматривая вопросъ о скорости стрѣльбы, приходитъ къ несправедливымъ для автоматическаго ружья выводамъ. Вопросъ этотъ въ литературѣ трудно разбирать, такъ какъ, по мѣрѣ того, какъ падаетъ военный духъ современныхъ армій, матеріальной части, вооруженію приписывается все больше значеніе, и стремятся изъ всѣхъ силъ, чтобы принятое рѣшеніе стало извѣстнымъ другимъ государствамъ возможно позднѣе. Въ настоящее время можно уже подмѣтить въ Германіи тенденцію къ вооруженію части конницы ружьями-пулеметами.

Опыты надъ скорострѣльностью, выполненные въ различныхъ арміяхъ, даютъ выводъ, что мѣткость при 5—6—7 выстрѣлахъ въ минуту значительно выше, чѣмъ при скорости огня около 12 выстрѣловъ въ минуту. Въ Австріи пришли къ заключенію, что, утраивая

³⁾ И нужно признать, что вполне основательно, такъ какъ, съ практической точки зрѣнія, грѣхъ Кюньо—оперeditъ жизнь на 100 лѣтъ—весьма значителенъ.

скорострѣльность, мы только удваиваемъ количество попавшихъ пуль. И все же, слѣдовательно, если мы хотимъ обезпечить за собой превосходство въ огнѣ, придется признать цѣлесообразнымъ употребленіе скорого огня (заключеніе мирнаго порядка).

Итальянское наставленіе отмѣчаетъ, что при вѣрномъ прицѣлѣ процентъ попавшихъ пуль при огнѣ 12—14 выстрѣловъ въ минуту равенъ только $\frac{2}{3}$ процента попаданій при огнѣ 5—6 выстрѣловъ; но при ошибкѣ въ прицѣлѣ въ 100 метровъ проценты сравниваются, а при ошибкѣ въ 200 метровъ скорый огонь даетъ вдвое большій процентъ, чѣмъ медленный. Какъ заключеніе, уставъ гласитъ, что скорый огонь всегда даетъ абсолютно больше попаданій, чѣмъ медленный. Теорія эта чисто полигонная, и боевымъ опытомъ не освящена, если даже не находится въ явномъ противорѣчьи съ нимъ. Старая теорія о преимуществахъ плохого стрѣлка надъ хорошимъ при ошибочномъ прицѣлѣ...

«Revue d'histoire» останавливается на тѣхъ трудностяхъ, которыя приходится преодолевать военному историкъ. Реляцію отъ исторіи отдѣляетъ цѣлая пропасть. Мольтке въ официальной исторіи представилъ сраженіе у Марсъ-ла-Тура въ совершенно ретушированномъ видѣ; но ему далеко было до Наполеона, который умѣлъ удивительно поддѣлывать историческіе документы. Такъ, Франція ознакомилась съ сраженіемъ подъ Прейсишъ-Эйлау изъ описанія этого сраженія очевидцемъ, переведеннаго съ нѣмецкаго языка. На самомъ же дѣлѣ Наполеонъ продиктовалъ подлинникъ генералу Бертрану, потомъ онъ былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ и, какъ будто уже переводъ сочиненія изъ враждебнаго лагеря, появился во Франціи. Одинъ великій Фридрихъ съ иронической откровенностью говоритъ, что чистый случай рѣшилъ участь трехъ четвертей всего числа данныхъ имъ битвъ. Военные архивы Франціи знаютъ и цѣлую категорію весьма сомнительныхъ документовъ. Все, что соприкасается со шпіонажемъ и тайной агентурой, можетъ быть заподозрено въ отношеніи подлинности. Наполеону нужно было нажать на Пруссію, чтобы разогнать націоналистовъ, ставшихъ у кормила правленія; ему нуженъ былъ поводъ, компрометирующіе документы, и они появились. Извѣстное перехваченное письмо Штейна—повидимому апокрифъ. Въ архивѣ сохранился лишь конвертъ, а письмо подлинное или—вѣрнѣе—подложное опытные руки тогда же изъяли изъ дѣла. Графиня Фоссъ никогда не писала объ отравленіи Наполеона, о поднесеніи ему дозы «цѣлительнаго шеколада», а выдержка изъ письма была доставлена услужливымъ агентомъ и весьма пригодилась французскимъ комендантамъ Берлина—Сульту, потомъ Даву, для соотвѣтственнаго нажима. Великолѣпно поддѣлано, по стилю и мысли, но неизвѣстно съ

какой цѣлью, хранящееся въ архивѣ письмо Наполеона къ Мюрату по испанскимъ дѣламъ, отъ 29-го марта 1808 г., развивающее, однако, совершенно противоположную наполеоновской точку зрѣнія.

Историкъ часто ссылается на свидѣтелей. Но въ исторіи свидѣтельское показаніе далеко не представляетъ такого значенія, какъ на судѣ. Свидѣтеля историкъ не можетъ подвергать перекрестному допросу, не можетъ устраивать ему очную ставку съ другими свидѣтелями; наконецъ, историческое лжесвидѣтельство, по укоренившейся традиціи, безнаказанно.

Въ тактикѣ дѣло обстоитъ еще хуже, чѣмъ въ стратегіи. Пере-сматривая всѣ источники аргументаціи историка, необходимо отдавать полное предпочтеніе документамъ, по происхожденію болѣе раннимъ, относительно событія, такъ какъ потомъ каждый начинаетъ отдѣлывать его по своему вкусу, и приходится учитывать всеобщую и поразительную «мио-манію», по опредѣленію доктора Дюпрэ.

А. Свѣчинъ.

«Rivista militare italiana» 1913 г. Май.

Въ первой части печатающагося, начиная съ марта текушаго года, изслѣдованія подъ заглавіемъ «Война на Балканскомъ полуостровѣ» капитанъ Aurelio Ricchetti даетъ подробныя описанія отдѣльных театровъ борьбы Турціи съ Болгаріей, Сербіей, Греціей и Черногоріей, а затѣмъ дѣлаетъ общую характеристику всего театра военныхъ операцій. Во второй части даны по каждому изъ перечисленныхъ государствъ свѣдѣнія о величинѣ территоріи въ километрахъ; густотѣ населенія и общемъ числѣ жителей; о воинской повинности населенія; общей организаціи арміи мирнаго времени; о вооруженіи, организаціи пѣхоты, конницы, артилеріи, инженерныхъ войскъ, о мобилизаціи. Тутъ же авторъ указываетъ нижеслѣдующія характерныя особенности воевавшихъ государствъ и ихъ армій. *Черногорія.* Безпредѣльная любовь къ родинѣ, подъемъ воинскаго духа, храбрость, ненависть къ туркамъ, выносливость, воинское воспитаніе дѣлаютъ черногорца прекраснымъ солдатомъ. Историческія традиціи и современное положеніе требуютъ отъ населенія исключительныхъ усилій для защиты независимости страны и обороны границъ. Эти усилія дѣйствительно обезпечиваютъ Черногоріи очень надежную оборону, но не болѣе того. Наступательная мощь всей совокупности черногорскихъ вооруженныхъ силъ очень невелика. Черногорская военная организація есть подражаніе швейцарской съ приспособленіемъ ея къ особенностямъ и характеру народа. Воинской повинности подлежатъ

все населеніе страны, и служба въ войскахъ, болѣе нежели повинность, признается священнымъ правомъ черногорца. Относящіеся къ этому законы опредѣляютъ: «При вторженіи непріятеля гдѣ бы то ни было въ предѣлы нашей территоріи, каждый черногорецъ обязанъ, при первомъ о томъ свѣдѣніи, взяться за оружіе и атаковать непріятеля во имя свободы и родины. Округъ, населенный пунктъ или отдѣльный черногорецъ, не исполнившій изложеннаго, признаются трусами, не любящими своего отечества, и подлежатъ лишенію навсегда права ношенія оружія. Всѣ такіе люди лишаются чести, достоинства и на нихъ надѣвается женскій передникъ, какъ указаніе на то, что они не обладаютъ сердцемъ и храбростью мужчины». *Болгарія.* Развитіе вооруженныхъ силъ до размѣра, какъ того требуютъ существующія условія, встрѣчаетъ затрудненіе въ скудости средствъ страны, служащей также и причиною чрезмѣрной разницы числительности войскъ по мирному и военному времени, особо рѣзко ощущаемой въ наиболѣе трудно создаваемыхъ элементахъ: командномъ составѣ и лошадяхъ. Недостатокъ денежныхъ средствъ обусловливаетъ также необходимость большой бережливости въ дѣлѣ снабженія арміи боевыми припасами и замѣны артилерійскихъ орудій новыми образцами. Большую часть нижнихъ чиновъ даютъ крестьяне, составляющіе въ войскахъ элементъ наиболѣе сильный и выносливый; но значительная разница въ годахъ людей, отъ 20 до 40 лѣтъ, понижаетъ общее качество частей въ отношеніи тактическомъ, стрѣлковомъ и проч. Недостаточность конскихъ средствъ въ совокупности съ бѣдностью казны дѣлаетъ затруднительнымъ удовлетвореніе лошадьми даже потребностей артилеріи и вынуждаетъ, для запряжекъ второй линіи, пользоваться въ обширныхъ размѣрахъ волами. Это обстоятельство обусловливаетъ медленность подвоза и можетъ служить причиною недостатка припасовъ и убыли въ перевозочныхъ средствахъ, такъ какъ даже при самомъ лучшемъ уходѣ воль приходится въ негодность быстрѣ лошади. Вся болгарская нація одушевлена идеею Великой Болгаріи и проникнута духомъ наступленія. Скудость боевыхъ припасовъ, трудность ихъ пополненія, недостатокъ искусства маневрированія и веденія огня заставляють болгаръ отдавать предпочтеніе тактикѣ грубаго удара. Такой ударъ, хотя и сопряженный съ большимъ кровопролитіемъ, ведетъ быстрѣ къ цѣли и къ рѣшительнымъ результатамъ, а вѣра болгаръ въ себя и въ правоту своего дѣла даетъ такому удару большую вѣроятность успѣха. *Сербія.* Убіеніе Александра Обреновича и революція 11-го іюня 1903 года все еще тяготѣютъ надъ сербской арміей, хотя послѣдовавшія за послѣднее время полезныя въ ней измѣненія много способствовали улучшенію взгляда націи на армію и на офицеровъ. Подобно тому, какъ въ болгарской арміи, мобилизація артилеріи и формированіе новыхъ крупныхъ еди-

ницѣ представляютъ и въ сербской большія трудности; части ея не имѣютъ однороднаго состава и надлежащаго технического образованія. Въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ населеніе Сербіи, какъ и Болгаріи, увеличилось на половину; общій бюджетъ утроился, а военный удвоился. Будущность Сербіи представляется по сравненію съ будущностью Болгаріи болѣе мрачною. Послѣ настоящей войны Болгарія будетъ въ соприкосновеніи съ организмами, которые всѣ слабѣе ея, тогда какъ Сербія остается въ сосѣдствѣ съ Австріей, со стороны которой она уже нынѣ слышитъ угрозы, болѣе серьезныя, нежели прежде. *Греція.* Обладаніе моремъ при войнѣ съ Турціей представляетъ для Греціи существенное условіе успѣха, такъ какъ, въ случаѣ перехода этого обладанія къ Турціи, Греція явится ею окруженною со всѣхъ сторонъ. На флотъ обращено, поэтому, Греціею очень большое вниманіе, и на него ассигнуются значительные кредиты въ ущербъ развитію сухопутныхъ вооруженныхъ силъ. За періодъ времени съ 1885 по 1912 годъ государственный бюджетъ Греціи увеличился съ 85 на 187 милліоновъ лиръ. За то же время ассигнованіе по военно-сухопутному вѣдомству съ 20 милліоновъ (1885 года) поднялось къ 1911 году только до 21 милліона, а поморскому съ 4 милліоновъ 1885 года возросло къ 1911 году до 8 милліоновъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать осуществившихся за послѣднее время въ греческой арміи важныхъ улучшеній, хотя офицеры все еще продолжаютъ заниматься политиканствомъ, а дисциплина солдатъ и ихъ повиновеніе начальству оставляютъ желать многого. Число формируемыхъ при мобилизаціи новыхъ единицъ столь не велико, а офицерскихъ чиновъ мирнаго времени въ такой мѣрѣ достаточно, что недостатокъ начальствующихъ лицъ не даетъ себя тяжело чувствовать при мобилизаціи греческой арміи. Пополненіе недостатка въ лошадяхъ встрѣчаетъ, напротивъ того, очень большія затрудненія, какъ по особому характеру пограничныхъ раіоновъ, вызывающему необходимость очень хорошей организаціи перевозокъ, такъ и по отдаленности пунктовъ приобрѣтенія лошадей и трудности ихъ доставки. Бѣдность государственной казны и огромная цѣнность линейныхъ единицъ современнаго флота будутъ еще долгое время причинами слабости греческаго боевого флота. Такое положеніе не лишаетъ, однако, грековъ энергіи, и ихъ вниманіе и заботливость о флотѣ совмѣстно съ прекрасно обученнымъ личнымъ составомъ возмѣщаютъ въ нѣкоторой мѣрѣ слабость матеріальной части. *Турція.* Общій упадокъ Турціи привелъ къ тому, что, получая отъ населенія въ большомъ изобиліи прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ сырой матеріалъ, она не имѣетъ солдатъ. Командный составъ стоитъ по образованію очень низко. Между офицерами много безграмотныхъ; отъ 40 до 50% офицеровъ выслуживается изъ нижнихъ чиновъ, и лишь остальная часть получаетъ образованіе въ

военныхъ училищахъ. Принявъ къ тому же во вниманіе плохое обученіе частей и упадокъ въ массахъ, по причинѣ послѣднихъ событій, внутренней политики, воинскаго духа, нельзя не признать турецкой арміи мало способной къ наступательнымъ операціямъ. Оборонительная ея сила зависитъ отъ времени, потребнаго на мобилизацію и сосредоточеніе, и отъ силы позицій. При чисто территоріальной системѣ мобилизаціи, таковая совершается достаточно быстро; сосредоточеніе же войскъ занимаетъ очень много времени, какъ вслѣдствіе большихъ разстояній, такъ и по причинѣ недостаточнаго развитія сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ «Взятіе Константинополя», G. Bargilli даетъ извлеченіе изъ исторической хроникѣ XIII столѣтія.

Собранное во Франціи для завоеванія Іерусалима крестоносное войско выступило послѣ Пасхи 1202 года сухимъ путемъ черезъ Монъ-Сенисъ въ Италію; въ то же время вышелъ изъ Фландріи многочисленный флотъ, имѣя въ виду соединиться въ Венеціи съ флотомъ свѣтлѣйшей республики. Тѣмъ временемъ произошли въ Константинополѣ крупныя событія: императоръ Исаакъ былъ свергнутъ съ престола братомъ его Алексѣемъ, ослѣпленъ и заключенъ подъ стражу. Сыну Исаака, также Алексѣю, удалось, при помощи Германіи, уговорить крестоносцевъ принять его сторону и обратить свои силы не противъ Іерусалима, а противъ Константинополя. Наканунѣ Троицына дня 1203 года войско отплыло изъ порта Корфу и благополучно прибыло въ С. Стефано. Высадившись на берегъ, крестоносцы двинулись къ Константинополю; французы заняли рукавъ С. Георгія, а венеціанскій флотъ расположился передъ дворцами императора. Начатые императоромъ переговоры, какъ равно и попытки молодого Алексѣя привлечь греческія войска на свою сторону, не имѣли успѣха. На совѣтѣ начальниковъ крестоносцевъ былъ затѣмъ выработанъ планъ нападенія. Авангардъ составили стрѣлки изъ луковъ и самострѣловъ; главныя силы были раздѣлены на семь корпусовъ. Съ первой же битвою счастье стало на сторону крестоносцевъ. Въ день, избранный для атаки, транспортныя суда двинулись къ городу ¹⁾. На берегу ожидало ихъ многочисленное греческое войско. Высадившись на берегъ, крестоносцы быстро опрокинули грековъ и обратили ихъ въ бѣгство. Послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ боевъ они овладѣли портомъ и башнею Галаты, составлявшею опорный пунктъ этой части города. Оставалась еще во власти грековъ укрѣпленная часть Константинополя ²⁾, овладѣніе которою требовало штурма го-

¹⁾ Нападеніе было, повидимому, сдѣлано на часть города между Золотымъ рогомъ и Босфоромъ.

²⁾ Расположенная, повидимому, между Золотымъ Рогомъ и Мраморнымъ моремъ.

родскихъ стѣнъ и башенъ. 16-го іюля 1203 года французы повели на нее атаку со стороны суши, а венеціанцы съ моря; для отраженія вылазокъ были устроены палисады. Штурмъ французовъ встрѣтилъ отчаянный отпоръ со стороны датскихъ и англійскихъ наемниковъ, но штурмующія войска получили подкрѣпленіе и, несмотря на градъ камней и копій, овладѣли стѣнами и оттѣснили защитниковъ. Такой же успѣхъ имѣлъ и штурмъ венеціанцевъ, которымъ удалось поднять на одной изъ важнѣйшихъ башенъ знамя Св. Марка. Видя невозможность отвоевать перешедшія во власть крестоносцевъ стѣны, императоръ собралъ всѣ свои силы и, выйдя черезъ оставшіяся еще въ его власти ворота, атаковалъ непріятели въ открытомъ полѣ. Тогда венеціанцы оставили, въ свою очередь, занятія ими стѣны и башни и бросились на выручку французскихъ войскъ, укрывшихся за палисадами. Побѣда осталась за крестоносцами, и Алексѣй, потерявшій вѣру въ своихъ солдатъ, бѣжалъ, покинувъ тронъ и столицу.

Въ начавшейся вскорѣ затѣмъ борьбѣ съ младшимъ братомъ перевѣсъ вновь остался за крестоносцами. Не имѣя удачи въ открытомъ бою, греки сдѣлали попытку одолѣть непріятели хитростью. Наполнивъ семнадцать судовъ сухимъ лѣсомъ, паклей и смолой и выбравъ время, когда сильный вѣтеръ дулъ въ направленіи на венеціанскій флотъ, они зажгли суда и пустили ихъ на всѣхъ парусахъ въ надеждѣ сжечь послѣдній; но храбрые венеціанцы успѣли уйти въ море и спасли тѣмъ свои суда. Послѣ этой неудачи Алексѣй былъ самими греками лишенъ престола, но и при новомъ императорѣ борьба крестоносцевъ съ Византіей продолжалась. 9-го апрѣля 1204 года штурмъ крестоносцевъ кончился жестокою неудачею, и они должны были отступить съ большими потерями, но черезъ два дня штурмъ былъ повторенъ при двойномъ числѣ судовъ и лѣстницъ и имѣлъ полный успѣхъ. Овладѣвъ стѣнами и выбивъ ворота, атакующій ворвался въ городъ, ставшій его добычею. 12-го апрѣля того же года совершился входъ крестоносцевъ въ завоеванный Константинополь.

Кромѣ того въ обзорѣваемомъ выпускѣ помѣщены статьи:

Маіора М. Campoleti—о современной военной колонизаціи разныхъ націй.

Капитана С. Perlo—о двухгодичномъ срокѣ службы конницы.

Капитана Emilio Salario—историческая справка о дипломатическихъ сношеніяхъ Трополи съ Франціей съ 1482 года и соответственныхъ трактатахъ.

Капитана А. Redini—о войскахъ, предназначенныхъ для обороны береговъ метрополи и поддержки колоніальныхъ силъ.

Капитана Ippolito Perelli—о новой матеріальной части полевой артилеріи образца 1911 года.

Начаты статьи:

С. С.—статистическія свѣдѣнія о наборѣ молодыхъ людей, рожденныхъ въ 1890 году..

Капитана Pietro Magavigna—о тактическихъ дѣйствіяхъ пѣхоты на итальянской территоріи.

Помѣщены продолженія статей капитана А. Bindi и поручика Tito Battaglini.

Окончена статья поручика Italo Ponzi.

Б. Н.

ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Австро-Венгрія. Недочеты въ подготовкѣ войскъ.—*Германія.* Велоспедныя роты.—*Норвегія.* Роты на велосипедахъ и лыжахъ.—*Балканскій полуостровъ.* Арміи балканскихъ государствъ послѣ войны. Эпизодъ боя подъ Монастыремъ.

Австро-Венгрія.

Балканскія войны, показавшія высокія достоинства арміи нѣкогда незначительныхъ балканскихъ государствъ и поведшія къ значительному усилению ихъ, особенно же Сербіи, вызвали сильную тревогу въ Австро-Венгріи. Во всѣхъ органахъ военной печати раздаются голоса о необходимости усиленія и поддержанія арміи на должной высотѣ, такъ какъ времена очень серьезныя и дѣло идетъ о сохраненіи цѣлости и самомъ существованіи двуединой монархіи, а военное министерство готовитъ законопроектъ о новомъ усиленіи контингента новобранцевъ приблизительно на 40.000 человекъ. Въ рядѣ упомянутыхъ статей заслуживаетъ вниманія статья въ Danzer's Armees Zeitung, Рольфа, повидимому офицера цѣхоты, указывающая на неправильную постановку подготовки войскъ и недочеты въ ней, требующіе неукоснительнаго преобразованія.

Авторъ указываетъ на ослабленіе внутренней детальной подготовки войсковыхъ единицъ и на увлеченіе теоретическою подготовкою офицеровъ, штабною и канцелярскою службою ихъ, маневрами и учениями въ высшихъ сочетаніяхъ единицъ съ цѣлью подготовки высшихъ начальниковъ. За этими увлеченіями совершенно позабыто, что главная сила арміи заключается въ духѣ войсковыхъ частей, въ дисциплинѣ и тактической подготовкѣ мелкихъ единицъ; въ этой области замѣчается полное невниманіе и опасное послабленіе.

Подготовкѣ новобранцевъ отводится не больше 8 недѣль, эрзацъ-резервистовъ—10 недѣль (послѣ чего они увольняются, какъ излишніе противъ штата); затѣмъ тотчасъ зимою начинаются упражненія въ походныхъ движеніяхъ и полевыя упражненія крупныхъ единицъ (полка и выше), во время которыхъ все вниманіе обращается на руководство высшихъ начальниковъ, на ихъ тактическія соображенія высшаго порядка—оцѣнку обстановки и мѣстности, важныхъ пунктовъ, выборъ направленія атаки, производство обходовъ и группировку силъ; критическій разборъ упражненія всегда относится лишь къ этимъ вопросамъ; никто не интересуется детальнымъ выполненіемъ задачи и дѣйствіями самихъ войсковыхъ частей; никто не спрашиваетъ были ли приняты мѣры для передачи командованія (въ случаѣ выбитія изъ строя), какъ распределены были резервы, организованы ли внутреннія средства сообщенія, произведена ли тщательная рекогносцировка путей и, наконецъ, какъ отдѣльныя войсковыя единицы выполнили приходящуюся на ихъ долю задачу. Всѣ эти «мелочи» утопаютъ въ общей оцѣнкѣ «руководства» маневромъ.

Между тѣмъ такія слишкомъ раннія полевыя упражненія съ плохо подготовленными и слабо дисциплинированными новобранцами въ строю, приносятъ войсковымъ частямъ непоправимый вредъ: они отнимаютъ драгоцѣнное время для детальной подготовки частей, вызываютъ распушенность и пренебреженіе къ уставнымъ правиламъ среди неокрѣпшихъ еще молодыхъ солдатъ и, кромѣ того, приносятъ вредъ въ моральномъ отношеніи—ничтожный обходъ или незначительное превышеніе силъ противника обуславливаетъ отступленіе части по приговору посредниковъ и пріучаетъ офицеровъ и солдатъ отступать тогда, когда въ военное время слѣдуетъ выказать наибольшую стойкость, самоотверженіе и находчивость.

Періодъ зимнихъ занятій долженъ быть посвященъ исключительно подготовкѣ одиночной, затѣмъ—въ ротахъ и въ баталіонѣ и развитію воинскаго духа и дисциплины въ части; это то время, когда часть накапливаетъ тотъ капиталъ, которымъ она должна жить въ періодъ лѣтнихъ занятій; ей нужно зимою дать полный покой и достаточно времени для цѣлесообразной детальной, внутренней подготовки, для прочнаго усвоенія людьми пріемовъ, движеній и уставныхъ правилъ, касающихся упражненій въ сомкнутомъ строю и въ полѣ (соблюденіе дистанцій, руководство огнемъ, движеніе цѣпи и поддержекъ и т. п.); при этомъ не слѣдуетъ пренебрегать извѣстною подтянутостью, которая лучше всего способствуетъ укорененію дисциплины; къ сожалѣнію, въ послѣднее время господствуетъ чрезмѣрная мягкость и распушенность, которыя, при полевыхъ упражненіяхъ въ крупныхъ единицахъ, прямо ведутъ къ внутреннему безпорядку въ части и полному несоблюденію уставовъ.

Современная подготовка австрійской пѣхоты, по мнѣнію автора статьи, характеризуется полнымъ непониманіемъ значенія внутренней работы въ частяхъ и прочной подготовки, при теперешнемъ 2-лѣтнемъ срокѣ службы, людей каждой роты. Затѣмъ приводится для примѣра распределеніе времени и періодовъ занятій въ 1912—13 учебномъ году, считая со дня поступленія новобранцевъ 15-го октября (н. с.) до окончанія періода маневровъ 10-го сентября.

	Подготовка новобранцевъ съ 15-го окт. по 18-е дек.	Зимнее полугодіе съ 11-го дек. по 31-е марта.	Лѣтнее полугодіе съ 1-го апр. по 10-е сентября.
Общее число дней	57	111	163
Число воскресныхъ и праздничныхъ дней (а также 18 во время уборки урожая) . .	10	34	46
Остается для занятій	47	77	117

Всего въ году 241 день занятій и 124 дня—безъ занятій (въ періодъ съ 10-го сентября по 15-е октября войска отдыхаютъ). Но эти 241 день посвящаются занятіямъ только на бумагѣ; изъ нихъ слѣдуетъ исключить дни караульной службы, нарядовъ на погребеніе, войсковыхъ праздниковъ, инспекторскихъ смотровъ, исповѣди и причастія и, наконецъ, зимнихъ походныхъ движеній и полевыхъ упражненій, которыя, какъ выше объяснено, чрезвычайно невыгодно прерываютъ планомѣрную подготовку войскъ. По всѣмъ этимъ причинамъ періодъ зимняго обученія, долженствующій служить основаніемъ подготовки арміи, сокращается до невѣроятныхъ предѣловъ; автору извѣстно, что въ одной части войскъ въ гарнизонѣ съ большимъ расходомъ людей на караульную службу, въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ свободныхъ дней для обученія людей осталось всего 15.

Угрожающимъ является также отношеніе офицеровъ къ строевой службѣ. Увлеченіе начальства теоретическою подготовкою офицеровъ—апликаціонные курсы чуть ли не для cadaго чина—отвлекаютъ множество офицеровъ изъ строя, ослабляютъ въ нихъ интересъ къ строевымъ занятіямъ и невыгодно отзываются на ихъ качествахъ въ смыслѣ инструкторовъ-практиковъ; увлеченіе маневрами вызываетъ прямотаки бѣгство старшихъ офицеровъ изъ строя въ штабы и канцеляріи, гдѣ создается множество синекуръ, тогда какъ должности начальниковъ частей по возможности избѣгаются.

Въ генеральномъ штабѣ переводъ на строевую должность считается прямо обиднымъ. Вслѣдствіе такой постановки дѣла создается отчужденность между штабами и строемъ, ведущая къ розни и полному непониманію; штабы издають и высылають войскамъ инструк-

ціи и готовые шаблоны, непримѣнимые на практикѣ, которые порождаютъ недоумѣніе въ строевыхъ офицерахъ и вредятъ подготовкѣ и дисциплинѣ въ арміи.

Германія.

Послѣднимъ закономъ объ усиленіи германской арміи въ составѣ ея созданъ новый родъ войскъ—велосипедныя роты. Онѣ формируются по одной при 18 егерскихъ баталіонахъ, но предназначаются для усиленія кавалеріи. Въ Германіи это уже второй случай формированія при егерскихъ баталіонахъ частей, назначаемыхъ для кавалеріи; такъ было въ началѣ и съ пулеметными отдѣленіями. Эта организационная особенность означаетъ, что пользованіе новыми частями еще не вполне установлено и не выяснено на практикѣ; при егерскихъ баталіонахъ эти части формируются потому, что баталіоны эти являются какъ бы связующимъ звеномъ между пѣхотою и кавалеріею и сами могутъ быть придаваемы кавалеріи, какъ было, на примѣръ, на маневрахъ въ Саксоніи въ 1912 году, когда два баталіона, перевозимые частью на автомобиляхъ, были приданы кавалерійскому корпусу одной изъ сторонъ и оказались очень полезными при совершеніи переправы черезъ Эльбу, охраняемой резервными войсками.

Главная причина формированія въ Германіи велосипедныхъ ротъ сводится къ тому, что онѣ введены во Франціи. Германскіе военные авторитеты еще не совсѣмъ увѣрены въ пользѣ приданія ихъ кавалеріи; многіе опасаются, что онѣ будутъ для нея обузою, требующею подчасъ охраненія. Уже конная артилерія и пулеметныя отдѣленія стѣсняють свободу дѣйствій кавалеріи, но теперь дознано, что доставляемые ими преимущества перевѣшиваютъ неудобства; относительно велосипедныхъ ротъ это требуетъ еще подтвержденія на практикѣ.

Въ виду такого положенія вопроса, въ германской военной литературѣ появился цѣлый рядъ статей, посвященныхъ условіямъ пользованія новымъ родомъ войскъ. Въ журналѣ «Deutsches Offizierblatt» находимъ двѣ интересныя статьи по этому предмету, генералъ-майора Венингера и поручика 8-го егерскаго баталіона Бредшнейдера, о велосипедныхъ ротахъ при кавалеріи.

Прежде всего слѣдуетъ познакомиться со свойствами и особенностями велосипедныхъ ротъ и установить мѣру требованій, которыя можно предъявлять имъ.

При нормальныхъ условіяхъ роты двигаются со скоростью 16 километровъ въ часъ и дневной пробѣгъ можетъ быть установленъ въ 80 километровъ; въ случаѣ необходимости онъ можетъ быть доведенъ до 100—110 километровъ. Для производства движеній на вело-

сипедахъ требуются хорошія дороги; при крутыхъ подъемахъ и особенно тяжелыхъ размокшихъ дорогахъ приходится слѣзать и вести самокатъ рукою. На скорость движенія велосипедныхъ ротъ вліяетъ встрѣчный вѣтеръ, жара, состояніе и профиль дороги. Вліяніе вѣтра въ значительной степени уменьшается, если впереди колонны слѣдуетъ грузовикъ или небольшая кавалерійская часть. При походномъ движеніи колонна велосипедной роты очень растянута и притомъ глубина ея крайне непостоянна, въ зависимости отъ подъемовъ и спусковъ; поэтому ее невозможно вести ни въ головѣ кавалерійской колонны, ни посрединѣ ея; въ хвостѣ также невыгодно, такъ какъ дѣйствіе ея можетъ понадобиться впереди и такое размѣщеніе уменьшаетъ возможность использованія быстроты движенія велосипедной роты, которая при нормальныхъ условіяхъ двигается быстрѣе кавалеріи; самое подходящее мѣсто для велосипедной роты—на высотѣ передового эскадрона, позади его поддержки.

Велосипедныя роты, однако, могутъ двигаться и внѣ дорогъ; самокаты у нихъ обязательно должны быть складные, носимые въ сложенномъ видѣ за спиною; въ такомъ видѣ рота свободно можетъ двигаться по мѣстности внѣ дорогъ и притомъ быстрѣе пѣхоты, потому что вѣсъ общей ноши на 15 фунтовъ меньше, чѣмъ въ пѣхотѣ. Капитанъ Жераръ, пользующійся во Франціи авторитетомъ по военно-велосипедной части, дѣлалъ такого рода опытъ: онъ отмѣтилъ на картѣ участокъ длиною въ 30 километровъ и шириною въ 3 километра, на которомъ по направленію длины не было и на одну пятую протяженія хорошей дороги, такъ что велосипедной ротѣ часто приходилось либо вести, либо нести самокаты; тѣмъ не менѣе рота прошла разстояніе по длинѣ въ 2½ часа, не переходя границъ участка по ширинѣ его.

Относительно совмѣстныхъ дѣйствій велосипедныхъ ротъ съ кавалеріей прежде всего отмѣчается, что и здѣсь, какъ при проектированіи вообще всякихъ военныхъ инструкцій, нельзя установить опредѣленныхъ формъ, а можно лишь указать руководящіе принципы. Велосипедисты естественно тяготеютъ къ дорогамъ—поэтому имъ придется занимать позицію вблизи дороги; затѣмъ назначеніе ихъ—вести въ заблужденіе непріятельскую кавалерію, заставляя ее предполагать о присутствіи значительныхъ силъ пѣхоты—отсюда требованіе возможно большаго протяженія фронта позиціи; велосипедисты избѣгаютъ расположенія на открытой или холмистой мѣстности, гдѣ могутъ легко подвергнуться атакамъ непріятельской кавалеріи во флангъ и тылъ; они занимаютъ преимущественно дефиле, опушки лѣса, позиціи, обезпеченныя болотами или рѣчками, окраины селеній и т. п. Фланги и тылъ велосипедныхъ ротъ особенно чувствительны, потому что кавалерія, въ случаѣ необходимости, можетъ отступитъ на мѣстности въ,

любомъ направленіи, а велосипедная рота можетъ уйти отъ непріятельской кавалеріи—только по дорогѣ.

Вотъ почему для нея, между прочимъ, очень важно своевременное прекращеніе боя. Важное значеніе имѣютъ также свойства дороги, служащей путемъ отступленія; невыгодно имѣть въ тылу подъемъ или, хотя и ровную дорогу, но пролегающую на большомъ протяженіи по открытой мѣстности; удобнѣе всего дорога, спускающаяся къ тылу и проходящая черезъ рощи, селенія и т. п. закрытія. При занятіи ротою позиціи желательно имѣть на флангахъ, если они не обезпечены естественными преградами отъ непріятельской кавалеріи, небольшія кавалерійскія части для охраненія и своевременнаго предупреденія роты.

Начальникъ кавалерійской дивизіи можетъ воспользоваться быстротою передвиженія велосипедной роты для занятія важныхъ опорныхъ пунктовъ, до захвата ихъ кавалерією противника. Рота можетъ оказать значительную пользу кавалеріи, исполняющей роль завѣсы, огнемъ своимъ не допуская противника къ извѣстнымъ важнымъ пунктамъ. Въ большомъ кавалерійскомъ бою роль велосипедной роты въ большинствѣ случаевъ будетъ скромною; подобно конной артилеріи и пулеметамъ, ей быть можетъ удастся передъ столкновеніемъ обстрѣлять непріятельскія массы, повліявъ неблагоприятно на ихъ сомнѣтельность и моральное состояніе. Во Франціи часто практикуется внезапное нападеніе велосипедныхъ ротъ на кавалерійскія колонны; рота, пользуясь своею быстротою, переносится на близкую позицію, осыпаетъ кавалерію «ураганомъ» огня и снова исчезаетъ. Роль велосипедныхъ ротъ при преслѣдованіи послѣ удачнаго боя очень значительна: онѣ могутъ быстро вынестись впередъ по дорогѣ и, занимая послѣдовательныя позиціи, мѣшаютъ сосредоточенію противника. Послѣ неудачнаго кавалерійскаго боя поручикъ Бредшнейдеръ приписываетъ ротамъ важную роль въ смыслѣ задержанія преслѣдованія, но это лишь въ рѣдкихъ случаяхъ окажется возможнымъ; противникъ будетъ насѣдать; рота принуждена располагаться близъ дороги, и части противника легко могутъ обскákatъ и окружить ее.

Что касается дѣйствій кавалеріи противъ велосипедныхъ ротъ, то рота на походѣ довольно легкая добыча для кавалерійской атаки съ фронта или съ тыла, такъ какъ длинная колонна съ трудомъ развертывается, но съ фланга такая атака менѣе удобна: соскочивъ съ велосипедовъ, люди могутъ засѣсть въ канаву и огнемъ отразить атаку. Для атаки велосипедной роты на позиціи, часть кавалеріи спѣшивается и открываетъ огонь, занимая роту съ фронта, но большая часть остается въ конномъ строю въ резервѣ и боковыхъ отрядахъ, которые пытаются обскákatъ роту, угрожая ей пути отступленія; какъ только рота начнетъ очищать позицію, конный резервъ бросяется въ разсыпную атаку.

Генералъ Венингенъ подчеркиваетъ, насколько важно, въ виду новизны дѣла, частое упражненіе велосипедистовъ съ кавалеріею, и совѣтуетъ возможно чаще посылать велосипедныя роты въ пункты расположенія кавалеріи въ районѣ 150 километровъ отъ мѣста квартированія ротъ для совмѣстныхъ полевыхъ упражненій съ кавалеріей.

Здѣсь можно напомнить, что, согласно новаго военнаго закона, штатъ велосипедной роты въ Германіи составляютъ: 1 капитанъ, 2 младшихъ офицера, фельдфебель, вице-фельдфебель, 11 оберъ-егерей (унтеръ-офицеровъ, изъ коихъ 1 оружейный мастеръ), 1 капитулянтъ (кандидатъ въ унтеръ-офицеры), 8 ефрейторовъ и 90 рядовыхъ; наконецъ, 1 санитарный унтеръ-офицеръ; всего же 3 офицера и 113 нижнихъ чиновъ. Рота носитъ форму своего егерскаго баталіона и имѣетъ въ немъ № 6 (новыя пулеметныя роты имѣютъ № 5); люди вооружены магазинными винтовками образца 1898 года.

Норвегія.

Велосипедныя роты по новой организаціи норвежской арміи приданы по одной каждой изъ пяти отдѣльныхъ бригадъ; шестая, слѣдующая, бригада не имѣетъ такой роты, потому что въ районѣ ея расположенія пути сообщенія неудобны для самокатовъ. Зимой всѣ 5 велосипедныхъ ротъ преобразовываются въ роты лыжниковъ.

Велосипедная рота причислена къ одному изъ пѣхотныхъ полковъ бригады; кадръ ея состоитъ изъ 1 капитана или ротмистра, 1 поручика, фельдфебеля, каптенармуса, 4 сержантовъ и горниста; ежегодно изъ полка выдѣляются 25 новобранцевъ въ велосипедную роту; обученіе ихъ, какъ и прочихъ военнообязанныхъ, обнимаетъ собою лишь 48 дней рекрутской школы и 4 повторительныхъ сбора по 24 дня, въ 1, 2, 3 и 7 годъ службы; во время рекрутской школы новобранцы велосипедной роты въ теченіе 18 дней обучаются наравнѣ съ прочими, а остальные 30 дней получаютъ спеціальную подготовку; черезъ каждые три года повторительные сборы назначаются зимою и тогда рота обучается на лыжахъ. Надо замѣтить, что бѣгъ на лыжахъ составляетъ въ Норвегіи національный спортъ и, кромѣ того, въ велосипедно-лыжную роту выбираются новобранцы наиболѣе подходящіе. Въ военное время составъ велосипедной роты слѣдующій: 1 капитанъ или ротмистръ, 1 поручикъ и 1 подпоручикъ, фельдфебель, каптенармусъ, 6 сержантовъ, 13 капраловъ, 2 горниста, 102 рядовыхъ, изъ коихъ 4 піонера и телефониста и 2 механика, и 10 нестроевыхъ чиновъ (1 студентъ медицины, 1 санитарный унтеръ-офицеръ, по 1 портному и сапожнику и по 3 обозныхъ и

поваровъ). Вооруженіе состоитъ изъ 6,5 м.м. магазиннаго карабина; обмундированіе — пѣхотное; вещевоу мѣшокъ притороченъ сзади къ самокату; вѣсъ самоката 14 килограммъ (онъ повидимому не складной). Въ прошломъ году съ успѣхомъ испытывалось для велосипедныхъ ротъ автоматическое ружье Мадсена; по всей вѣроятности оно, или болѣе легкій образецъ его, будетъ введено, чѣмъ значительно увеличится сила огня роты.

Скорость движенія для велосипедной роты установлена слѣдующая: обыкновенная походная — 250 метровъ въ минуту, средняя — 350 м., а форсированная — возможно большая; при благоприятныхъ обстоятельствахъ рота дѣлаетъ 15 километровъ въ часъ (дороги гористыя), на малыхъ участкахъ — до 20 километровъ; дневной пробѣгъ отъ 70 до 100 километровъ.

Рота на лыжахъ при хорошемъ состояніи пути и не слишкомъ пересѣченной мѣстности нормально дѣлаетъ 7 километровъ въ часъ, въ противномъ случаѣ гораздо меньше, особенно при рыхломъ снѣгѣ.

Въ Извѣстіяхъ шведской военной академіи находимъ разборъ инструкцій, изданныхъ въ Норвегіи для дѣйствія въ полѣ велосипедныхъ ротъ и лыжниковъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что онѣ здѣсь не назначаются специально для придачи кавалеріи, дѣйствія которой вообще вслѣдствіе условій мѣстности въ Норвегіи очень ограничены, а могутъ либо дѣйствовать самостоятельно, либо въ связи съ кавалеріею, или же въ общемъ составѣ бригады; затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе главное отличіе обѣихъ категорій: велосипедная рота ищетъ дорогъ и дѣйствуетъ вблизи ихъ, рота лыжниковъ — избѣгаетъ дорогъ и дѣйствуетъ въ открытомъ полѣ.

Инструкціи изданы отдѣльно для велосипедныхъ ротъ и особо для лыжниковъ. Велосипедныя роты, дѣйствуя самостоятельно, въ развѣдывательной службѣ могутъ замѣнять кавалерію; онѣ при движеніи придерживаются дорогъ; главныя силы остаются на главной дорогѣ и подвигаются впередъ участками, отъ одного узла дорогъ къ другому или отъ одного закрытія на мѣстности къ другому; собственно развѣдка производится патрулями, которые продвигаются по всѣмъ дорогамъ района; съ приближеніемъ къ противнику они соблюдаютъ чрезвычайную осторожность: если нельзя скрытно продолжать движенія по дорогѣ, патруль спѣшивается, оставляетъ самокаты подъ надлежащимъ прикрытіемъ и выполняетъ свою задачу пѣшкомъ.

При дѣйствіяхъ совместно съ кавалеріею, велосипедисты своимъ огнемъ поддерживаютъ ее какъ при наступленіи, такъ и при оборонѣ, принимая на себя всѣ ея обязанности въ тѣхъ случаяхъ, когда кавалерія должна спѣшиваться, и помогаютъ ей въ развѣдывательной службѣ, особенно по боковымъ дорогамъ и вообще въ районѣ, гдѣ много дорогъ. Имъ можетъ быть поручено занятіе впереди лежащихъ

важныхъ пунктовъ; тогда они быстро выносятъ впередъ и огнемъ своимъ упорно удерживаютъ позицію до подхода кавалеріи; если пунктъ уже занятъ развѣдывательными отрядами противника, они стараются овладѣть имъ (германскіе авторы еще не говорятъ о возможности атакъ для велосипедистовъ). Кромѣ того, велосипедистами пользуются для поддержанія связи съ боковыми колоннами или отдѣльными отрядами. Когда велосипедисты на ночь остаются съ кавалеріею впереди фронта, они высылаются дальше ея къ сторонѣ противника и несутъ службу охраненія на дорогахъ. Когда разстояніе до противника значительно сократится, велосипедныя роты, подобно кавалеріи, собираются на флангахъ главныхъ силъ, гдѣ есть дороги, и продолжаютъ развѣдку къ сторонѣ фланговъ и тыла противника.

Находясь при пѣхотѣ во время походныхъ движеній, велосипедная рота можетъ замѣнить кавалерію для охраненія на походѣ и тогда она группируется на подобіе передоваго эскадрона. Въ видѣ бокового отряда отъ авангарда или аріергарда велосипедистами пользоваться особенно удобно, когда путь слѣдованія бокового отряда длиненъ или значительно удаленъ. При охраненіи на мѣстѣ велосипедистамъ поручаютъ наблюденіе за флангами аванпостовъ и занятіе далекихъ пунктовъ; въ присутствіи пѣхоты они лишъ въ исключительныхъ случаяхъ назначаются для несенія сторожевой службы; въ такомъ случаѣ они располагаются на дорогахъ, преимущественно въ мѣстахъ, гдѣ позади цѣпи постовъ протекаетъ поперечная дорога; если къ постамъ отъ заставы ведутъ дороги, то люди на постахъ берутъ съ собою самокаты; въ противномъ случаѣ оставляютъ ихъ на заставѣ.

Со вступленіемъ въ бой пѣхоты, велосипедныя роты продолжаютъ развѣдывать и охранять на флангахъ, но пользоваться ими для боя наравнѣ съ пѣхотою допускается только въ критическія минуты. Напротивъ, пользованіе ими для обхода фланговъ и выхода въ тылъ противника съ цѣлью его тревожить и задержать составляетъ ихъ нормальную задачу; въ такомъ случаѣ онѣ быстро передвигаются, широко развертываются и внезапно открываютъ огонь; съ появленіемъ противъ нихъ превосходныхъ силъ быстро уходятъ (французская система); такія нападенія нерѣдко могутъ имѣть успѣхъ противъ малыхъ группъ или артилеріи противника. Если отсутствіе удобныхъ дорогъ не допускаетъ такихъ предпріятій, велосипедныя роты въ бою образуютъ подвижной резервъ, который въ случаѣ нужды можетъ быстро перенестись къ угрожаемому пункту.

Если желательно занимать передъ позиціею передовые пункты, соединенные съ нею дорогою, то эта задача съ успѣхомъ можетъ быть поручена велосипеднымъ ротамъ. Онѣ также примѣнимы для параллельнаго преслѣдованія или какъ прикрытіе высылаемой вне-

редь артилеріи. Особенно пригодны они для малой войны, благодаря быстротѣ передвиженія и безшумному слѣдованію; дѣйствія въ нылу противника—разрушеніе сообщеній (желѣзныхъ дорогъ, телеграфныхъ линій, мостовъ), нападеніе на этапныя станціи, обозныя котонны и пр. составляютъ ихъ специальность; свѣтлыя сѣверныя ночи очень способствуютъ подобнымъ предпріятіямъ.

Тактическое примѣненіе ротъ лыжниковъ существенно отличается отъ принятаго для велосипедныхъ ротъ; онѣ при развѣдываніи обыкновенно дѣйствуютъ самостоятельно и главнымъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда движенія кавалеріи затруднительны, напримѣръ при глубокомъ снѣгѣ. Наступаетъ рота участками и преимущественно вѣдъ дорогъ; собственно развѣдка поручается патрулямъ; если у противника вѣтъ лыжниковъ, то рота можетъ дѣйствовать очень смѣло, потому что по хорошему пути легко уходитъ отъ противника.

При совмѣстномъ дѣйствіи съ кавалеріей, лыжники помогаютъ ей въ развѣдываніи, преимущественно на мѣстности вѣдъ дорогъ; если нужно быстро выдвинуться впередъ по дорогѣ, всадники за веревки везутъ за собою лыжниковъ. При охраненіи на походѣ лыжники очень полезны; при глубокомъ снѣгѣ передовую роту всегда слѣдуетъ имѣть на лыжахъ; при отступленіи лыжники выносятся на фланговую позицію и огнемъ прикрываютъ его; они могутъ держаться на позиціи долго, потому что противнику въ глубокомъ снѣгу развернуться трудно. Они поддерживаютъ связь между частями отряда и изъ нихъ удобно составлять боковые отряды.

Для аванпостной службы въ снѣгу лыжники особенно пригодны, и всѣ заставы слѣдуетъ зимою имѣть на лыжахъ или придавать лыжниковъ сторожевымъ частямъ; дежурная часть заставы должна находиться наготовѣ съ лыжами на ногахъ; лыжники при охраненіи выставляютъ мало постовъ, но много патрулей, образуя «подвижную охрану».

Въ общемъ бою роль лыжниковъ значительная; начальники частей должны позаботиться о снабженіи зимою своихъ частей лыжами. Роты лыжниковъ передъ боемъ занимаютъ передовые пункты до подхода пѣхоты и производятъ развѣдку. Во время боя онѣ находятся на флангахъ и дѣйствуютъ наступательно, совершая набѣги противъ фланговъ и тылъ противника, обстрѣливаютъ штабы, резервы и позиціи артилеріи, причемъ отъ нихъ требуется смѣлость и предпримчивость. Затѣмъ онѣ подобно велосипедистамъ образуютъ подвижной резервъ. Для нападенія на тыловыя сообщенія и учрежденія противника и на его обозы хорошо подготовленные лыжники очень пригодны.

Въ Норвегіи возлагаютъ большія надежды на велосипедныя роты и лыжниковъ. Все же нужно замѣтить, что гористый характеръ страны

для велосипедистовъ невыгоденъ; лыжники зимою конечно могутъ оказать большія услуги тѣмъ болѣе, что лыжный спортъ очень распространенъ въ Норвегіи. Однако сомнительно, чтобы означенныя роты при чрезвычайно короткихъ срокахъ службы могли быть достаточно подготовлены къ двойной тактической роли лѣтомъ и зимою; изъ двухъ видовъ тактическихъ задачъ дѣйствія лыжниковъ кажутся скорѣе общающимися успѣхъ и то лишь относительно одиночной развѣдки при хорошемъ знакомствѣ съ мѣстностью; что же касается организациіи общей охранительной службы и особенно производства набѣговъ, то все это требуетъ большой подготовки и частыхъ упражненій, а также однообразнаго состава въ смыслѣ искуснаго бѣга на лыжахъ. А между тѣмъ этого пока еще нѣтъ; на примѣръ, въ одной ротѣ оказалось лишь 15 искусныхъ лыжниковъ; изъ остальныхъ половина удовлетворительными, а другая половина—плохими; такимъ образомъ, при дѣйствіяхъ цѣлою частью, быстрота движеній и смѣлость предпріятій парализуется плохими лыжниками и всѣ расчеты составляются въ зависимости отъ нихъ. Наиболѣе искусные лыжники встрѣчаются внутри страны, а близъ побережья населеніе мало занимается этимъ спортомъ.

Балканскій полуостровъ.

На всемъ Балканскомъ полуостровѣ, за исключеніемъ Турціи, теперь частью окончилась, частью происходитъ демобилизація армій. Сначала она совершена была въ Болгаріи, Румыніи и Сербіи, затѣмъ стали отводиться къ своимъ дивизионнымъ центрамъ черногорскія войска и ожидается роспускъ ихъ по домамъ; наконецъ, послѣднюю рѣшилась на демобилизацію Греція и таковая тамъ въ полномъ ходу. Развертываніе армій балканскихъ государствъ въ минувшую войну и ихъ блестящіе успѣхи явились для многихъ, даже для компетентныхъ военныхъ учрежденій, въ Европѣ въ значительной степени неожиданно, особенно относительно сербской и еще больше греческой арміи.

Всѣ знали, что Болгарія обладаетъ хорошо организованною и обученною арміею, но все же предполагали, что ей предстоитъ нелегкая борьба съ главными силами турокъ; между тѣмъ армія эта съ первыхъ же дней войны нанесла рѣшительное пораженіе туркамъ, которые нигдѣ не имѣли даже частичнаго успѣха. Никто не сомнѣвался въ стойкости и мужествѣ черногорскаго «вооруженнаго народа» при оборонѣ страны, но наступательныя дѣйствія со стороны арміи, немѣвшею тыловыхъ учрежденій, осада и овладѣніе ею крѣпостью явились неожиданно. Что же касается сербской арміи съ ея слабымъ составомъ въ мирное время и краткими сроками подготовки, то ея

быстрая мобилизація, развертываніе почти въ 10 разъ и непрерывныя успѣхи при безостановочномъ наступленіи вызвали истинное удивленіе. Еще въ большей степени всѣ были поражены успѣхами греческой арміи, въ которой лишь три года тому назадъ происходили серьезные беспорядки съ крупнымъ нарушеніемъ дисциплины, гдѣ, при ничтожномъ контингентѣ, слабой подготовкѣ и наполовину вовсе необученномъ запасѣ, положеніе было настолько критическое, что два года тому назадъ были приглашены изъ Франціи военные инструкторы во главѣ съ генераломъ Эйду.

Всѣ эти сюрпризы скорѣе всего происходятъ отъ того, что оцѣнка арміи дѣлалась слишкомъ отвлеченнымъ образомъ, на основаніи цифръ и шаблонныхъ нормъ, безъ достаточнаго принятія во вниманіе моральнаго элемента—чрезвычайной энергіи руководителей и военныхъ учрежденій и беззавѣтнаго подъема духа въ рядахъ арміи и среди населенія въ популярной войнѣ, отчасти же отъ недостаточнаго вниманія къ изученію внутренней работы, происходившей въ этихъ арміяхъ за послѣдніе 2—3 года.

Военный сотрудникъ Neue Freie Presse пытается очертить состояніе армій балканскихъ государствъ послѣ войны и высказать предположенія о дальнѣйшемъ развитіи ихъ.

Болгарія до войны имѣла 9 дивизій и въ кампаніи выставила ихъ постепенно всего 15. Теперь ей придется усилить мирный составъ еще 1—2 дивизіями и изъ контингентовъ вновь прибрѣтенныхъ территорій она можетъ создать еще 2 новыхъ дивизіи; такимъ образомъ впредь она будетъ имѣть въ мирное время до 13 дивизій по 2 бригады. Въ военное время эта армія, какъ и на основаніи прежней организациі, будетъ усилена 6 резервными дивизіями; всего же получится дѣйствующая армія въ 19 дивизій или около 300.000 человекъ съ 300 пулеметами и 800 орудіями и, кромѣ того, резервная армія—90.000 съ 90 пулеметами и 180 орудіями. Наконецъ, ополченіе могло бы выставить еще около 60.000 человекъ. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что Болгарія понесла значительныя потери, а во вторую войну и моральный ущербъ; финансы ея находятся въ тяжеломъ положеніи и, если принять еще во вниманіе, что ей придется позаботиться объ оборонѣ побережья Эгейскаго моря и что на ея долю въ Македоніи достались мало продуктивныя территоріи, то можно предположить, что намѣченное выше развитіе армій произойдетъ лишь постепенно и пройдетъ нѣсколько лѣтъ, пока страна оправится отъ испытанныхъ потрясеній.

Въ Черногоріи, выставившей во время войны при наибольшемъ напряженіи силъ до 45—50.000 человекъ, военная смстема повидимому останется прежнею; армія ея будетъ вооруженнымъ народомъ, милиціею съ 2 мѣсячною подготовкою, такъ какъ и въ прибрѣтаемыхъ

ею земляхъ населеніе отличается воинственнымъ характеромъ. Сила арміи будетъ зависѣть, однако, отъ размѣровъ новой территоріи, которые еще окончательно не выяснены, а также отъ настроенія албанскихъ племенъ, малисоровъ и меридитовъ, входящихъ въ составъ ея, а потому теперь еще опредѣлена была не можетъ. Общанный Черногоріи заемъ въ 30 милліоновъ франковъ послужитъ главнымъ образомъ для развитія вооруженныхъ силъ.

Сербія передъ войной содержала въ мирное время на службѣ 5 дивизій—всего 2.033 офицера, 26.800 нижнихъ чиновъ и 8.500 лошададей. Во время войны сформированы были еще 5 дивизій II призыва и 5 усиленныхъ бригадъ (въ сущности также дивизій) III призыва; тотчасъ по занятіи непріятельской территоріи приступлено было къ формированію изъ мѣстныхъ элементовъ 2 новыхъ дивизій; теперь сформирована еще третья, къ которой въ скоромъ времени присоединится и четвертая. Такимъ образомъ впредь сербская армія въ мирное время будетъ состоять изъ 9-ти дивизій. Въ военное время составъ ихъ будетъ всего 125.000 человѣкъ, 144 пулемета и 324 орудія + 1 кавалерійская дивизія; II призывъ выставитъ 9 дивизій съ такимъ же числомъ пулеметовъ и орудій; въ общемъ съ I призывомъ около 220.000 человѣкъ съ 300 пулеметами и 650—700 орудіями. Наконецъ, III призывъ дастъ 6 запасныхъ полковъ и 9 усиленныхъ бригадъ (130.000 съ 108 орудіями).

Что касается возможности осуществленія развитія арміи, то, хотя Сербія также понесла большія потери, въ томъ числѣ и во вторую войну, и потеряла около 33% офицерскаго состава, но приобретенныя ею области богаты населеніемъ и въ экономическомъ отношеніи, а подъемъ духа заставляеть многихъ стремиться къ занятію офицерскихъ должностей; наконецъ, сербы захватили много матеріальной части, 120.000 магазинныхъ ружей и 170 современныхъ орудій. Теперь Сербія ведетъ переговоры о займѣ въ 60 милліоновъ франковъ и они, съ подъемомъ ея военнаго престижа, обѣщаютъ полный успѣхъ.

Такимъ образомъ, сербская армія разовьется и окрѣпнетъ вѣроятно въ ближайшемъ будущемъ.

Въ Греціи въ 1911 году мирный составъ арміи не превосходилъ 20.000 человѣкъ, распределенныхъ по 4 дивизіямъ; новый законъ 1911 года, установившій силу контингента въ 16.000 человѣкъ, еще не получилъ осуществленія до войны.

Между тѣмъ Греція выставила всего 8 дивизій, пополнивъ ихъ лишь наполовину подготовленнымъ запасомъ и даже ополченцами. На будущее время, согласно намѣченнаго плана, мирный составъ будетъ 38.000 человѣкъ, считая унтеръ-офицеровъ (если принять во вниманіе контингенты новыхъ территорій, то несомнѣнно гораздо больше—

Въ составѣ арміи королевича Александра Дунайская дивизія генерала Бояновича въ бояхъ 4-го и 5-го ноября находилась на крайнемъ лѣвомъ флангѣ и имѣла назначеніе отвлечь вниманіе противника отъ центра и главнымъ образомъ праваго фланга сербской арміи, гдѣ имѣлось въ виду произвести главную атаку (см. схему 1).

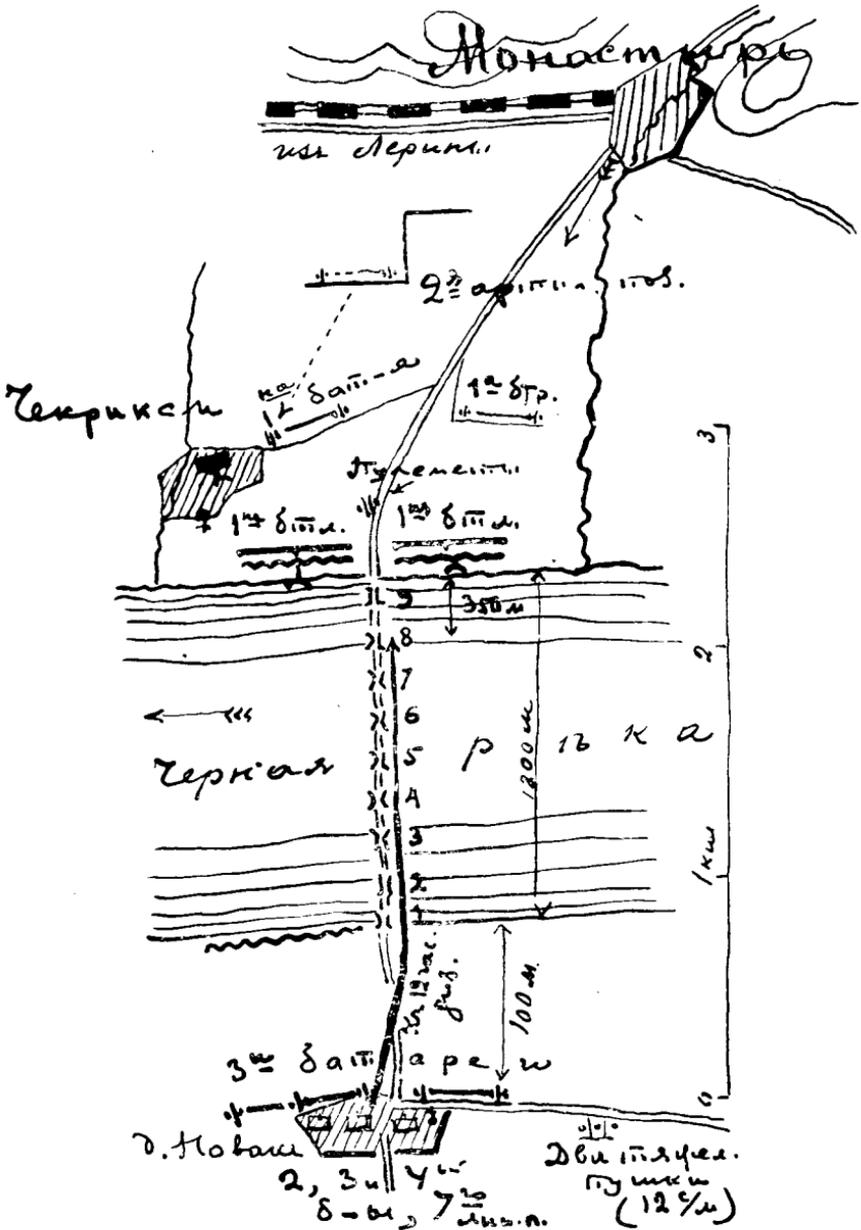
Лѣвый флангъ дивизіи составлялъ 7-й полкъ (усиленный 3-мя батареями 2-го дивизиона 3-го арт. полка), которому указано было направленіе на деревню Чекрикчи, расположенную на правомъ берегу р. Черной; занятіе этой деревни угрожало бы пути отступленія турокъ къ Сервіи. Поэтому турки сильно укрѣпили деревню и близъ нея расположили полкъ пѣхоты, 2 батареи по 4 орудія и пулеметную команду на хорошо укрытыхъ позиціяхъ. Долина рѣки здѣсь ровная и открытая, а сама рѣка, чрезъ которую полку предстояло переправиться, представляла собою очень серьезную преграду.

Въ обыкновенное время рѣка Черная въ этомъ мѣстѣ образуетъ 9 рукавовъ, глубиною отъ 2-хъ до 9-ти метровъ, черезъ которые пролегаетъ дорога по 9-ти мостамъ. Въ ноябрѣ же послѣ нѣсколькихъ дней обильныхъ дождей здѣсь образовался одинъ общій быстрый потокъ, шириною въ 1.800 метровъ, черезъ который по насыпи и мостамъ пролегалла дорога (см. схему № 2). Поэтому форсированіе здѣсь переправы представляло большія затрудненія.

Въ первый день боя, 4-го ноября, передовой батальонъ задержался на лѣвомъ берегу рѣки, такъ какъ огонь турецкой пѣхоты, пулеметовъ и орудій недопускалъ появленія ни одного солдата на мосту. Цѣлый день три сербскія батареи и поставленныя нѣсколько правѣе ихъ 2 тяжелыхъ 12 см. орудія обстрѣливали турецкія позиціи, но безъ особеннаго успѣха, такъ какъ пристрѣлка была затруднительна; турецкія батареи располагались укрыто и часто мѣняли позиціи, а помѣтившіеся на башнѣ въ деревнѣ Новакъ наблюдатели вскорѣ были замѣчены и обстрѣляны турецкою артилеріею.

На другой день въ полдень 3-й батальонъ получилъ приказаніе во что бы то ни стало перейти рѣку и занять деревню Чекрикчи. Онъ построился въ разомкнутую глубокую колонну, по пяти человекъ въ шеренгѣ, съ дистанціями въ 30—40 шаговъ между шеренгами. Предпріятіе было очень опаснымъ; предстояло по узкой, совершенно открытой, плотинѣ и по мостамъ пройти 1.800 метровъ подъ огнемъ. Люди перекрестились и смѣло пошли впередъ. Не успѣла передняя шеренга вступить на третій мостъ, какъ посыпался градъ пуль и снарядовъ; шрапнели разрывались надъ головами, а иногда и въ самихъ рядахъ, но неустрашимые молодцы солдаты продолжали безостановочно наступать (надо удивляться, что они не были окончательно сметены); къ счастью, принятое рѣдкое построеніе значительно уменьшало потери, да и турки вѣроятно очень взволновались смѣлостью своего про-

Схема № 2.

тивника, такъ какъ стрѣляли не особенно мѣтко. Сербская артилерія по возможности поддерживала наступленіе своимъ огнемъ.

Колонна достигла уже седьмого моста, и успѣхъ казался обезпеченнымъ, какъ вдругъ голова ея остановилась; сзади раздались крики «впередъ», «впередъ». Оказалось, что восьмой мостъ разрушенъ на

протяженіи 7—8 метровъ и раньше вечера не было возможности исправить мостъ. Однако сербы не отступили; люди укрывались, какъ могли, лежа на дорогѣ или погружаясь въ воду, и продержались такъ въ теченіе 6-ти часовъ; обѣ двинутыя по мостамъ роты потеряли 168 человекъ убитыми, ранеными или утонувшими.

Смѣлая попытка такимъ образомъ не удалась, но жертвы были принесены не напрасно: турки испугались безумной отваги наступающаго и двинули три сосѣднихъ полка къ пункту переправы, чѣмъ было облегчено наступленіе сербскаго центра. Въ 5 часовъ дня участь боя была рѣшена.

Авторъ описанія въ заключеніе дѣлаетъ нѣсколько выводовъ: даже превосходная въ силахъ артилерія не въ состояніи уничтожить артилерію противника, если та хорошо укрыта и притомъ мѣняетъ позиціи, но она можетъ заставить ее замолкнуть на нѣсколько мгновеній, пока пѣхота совершаетъ перекалъ (одного турецкаго орудія сербскія батареи такъ и не могли «найти» и оно продолжало безостановочно стрѣлять); присутствіе тяжелой артилеріи значительно помогло полевымъ батареямъ; онѣ подъ прикрытіемъ огня двухъ 12 см. орудій могли выѣхать галопомъ, на протяженіи 300—400 метровъ, на позицію впереди деревни Новакъ, не потерявъ ни одного человека и ни одной лошади; для перехода мостовъ была выбрана очень удачная форма построения; подобныя операціи, какъ въ данномъ случаѣ, менѣе опасно производить днемъ, чѣмъ ночью: ночью турецкая артилерія могла стрѣлять по хорошо извѣстной цѣли—мостамъ, а сербская была бы, даже при освѣщеніи прожекторами, совершенно бесполезна, въ виду маскированія и перемѣщенія турецкихъ батарей.

Эпизодъ этотъ напоминаетъ дѣло у Арколе съ тою разницею, что здѣсь не потребовалось театральнаго выступленія полководца, а люди, перекрестившись, въ самихъ себѣ и въ своей вѣрѣ нашли стимулъ къ совершенію истиннаго подвига, что дѣлаетъ честь сербскому солдату.

Случай этотъ еще разъ подтвердилъ, что для храбрыхъ войскъ нѣтъ ничего невозможнаго на войнѣ.

На основаніи поступающихъ теперь свѣдѣній отъ врачей, принимавшихъ участіе въ балканской войнѣ, о состояніи военно-санитарнаго дѣла въ воевавшихъ арміяхъ постепенно выясняется, что оно находилось въ плачевномъ состояніи и что въ этой войнѣ новѣйшіе научные успѣхи военно-санитарной части примѣненія не получили. Лишь широкая помощь со стороны иностранныхъ санитарныхъ отрядовъ нѣсколько облегчала положеніе потерпѣвшихъ въ бою или отъ болѣзней военныхъ чиновъ, но и эта помощь сказалась, главнымъ образомъ, только въ санитарныхъ учрежденіяхъ на базахъ, а на полѣ сраженія и непосредственно въ тылу арміи положеніе раненыхъ и больныхъ было крайне тяжелое.

Въ военно-санитарномъ отношеніи воюющія государства не были подготовлены. Въ Болгаріи военные врачи получали подготовку преимущественно за границею, но командировки ихъ обнимали специально научную медицинскую область, а не тактическое санитарное дѣло, что и сказалось на театрѣ военныхъ дѣйствій (отчетъ Иванова). Въ Греціи нѣтъ учрежденія для подготовки военныхъ врачей (по Мерлингасу), но зато установлено, что студенты медицины обязаны прослужить 4 мѣсяца въ военно-санитарной ротѣ, что нѣсколько способствуетъ ихъ тактической подготовкѣ. Въ Сербіи, въ бѣлградскомъ университетѣ, вообще нѣтъ медицинскаго факультета (по Поланскому) и подготовка врачей происходитъ за границею; съ другой стороны санитарная служба прочно организована: въ военное время при каждой дивизіи имѣется санитарная рота изъ 7 взводовъ (по 50 человекъ), изъ коихъ 4 находятся при войскахъ, а 3 на главномъ, дивизионномъ, перевязочномъ пунктѣ; для обезпеченія соблюденія гигиеническихъ условій въ тылу организуются летучія конныя санитарныя колонны. Однако всѣ эти учрежденія требовали хорошей подготовки въ мирное время, чего, повидимому, не было. Въ Черногоріи никакихъ санитарныхъ учрежденій не существуетъ, врачи большею частью иностранцы, эвакуація раненыхъ производится на случайныхъ транспортахъ, а уходъ за ними принимаютъ на себя ихъ семьи.

Что касается Турціи, то еще въ 1910 г. старый паша говоритъ: «самое простое и дешевое—оставлять по прежнему раненыхъ лежать и умирать въ полѣ» (Mil. W.). Однако организациія военно-санитарнаго дѣла уже давно была поручаема германскимъ врачамъ: сначала Ридеру, потомъ Дейке и Витингу-пашѣ (недавно скончавшемуся), а съ 1911 года германскій инструкторъ, военный врачъ Фольбрехасъ, предпринялъ коренное преобразование военно-санитарной части; подготовка военныхъ врачей производится въ госпиталѣ Гюльханѣ въ столицѣ; организованы санитарныя роты и полевые лазареты (по крайней мѣрѣ на бумагѣ), а также этапная санитарная служба; но всѣ эти учрежденія не успѣли развиться къ началу войны: раненые и больные перевозились въ столицы, гдѣ было приготовлено до 40.000 мѣстъ, и въ холерный лазаретъ въ С. Стефано на 15.000 кроватей.

«Osmanischer Lloyd» сообщаетъ, что послѣдствіемъ плохого состоянія санитарной части въ балканской войнѣ будетъ созывъ международнаго конгресса обществъ Краснаго Креста. Обсуждая означенный вопросъ въ «Militär Wochenblatt», старшій военный врачъ Блау въ заключеніе указываетъ на русскій санитарный уставъ, въ которомъ организациія санитарной части установлена образцовая и который могъ бы служить образцомъ для тѣхъ армій, гдѣ военно-санитарныя учрежденія еще не получили должнаго развитія.

М. Б.

Разсрочка дѣлается лишь при подпискѣ черезъ канцелярію своей части съ уплатою взносовъ черезъ нее. Непоступленіе взноса къ указанному сроку влечетъ за собою прекращеніе доставки изданія.

Войсковыя части и учрежденія, а также отдѣльныя лица, сдающія въ редакцію подписку для себя на „Русскій Инвалидъ“, въ случаѣ пересылки не полной годовой платы, будутъ зачисляться въ категорію подписчиковъ на сроки менее года, соотвѣтственно присылаемой каждый разъ суммѣ. „Военный Сборникъ“ будетъ высылаться лишь по полученіи полной годовой платы.

Плата за перемѣну адреса на «Русскій Инвалидъ» съ городского въ С.-Петербургъ на иногородный (внутри Имперіи) или обратно съ иногороднаго на С.-Петербургскій:

на 1 мѣсяць	30	коп.
„ 2 мѣсяца	50	„
„ 3 „ и выше	70	„

При временной перемѣнѣ С.-Петербургскаго адреса на иногородный (напр., на время лагеря или на дачное время и проч.) первая перемѣна оплачивается по только что указанному тарифу, а обратная дѣлается бесплатно.

За всякую перемѣну иногороднаго адреса на иногородный уплачивается 20 коп.

За перемѣну городского С.-Петербургскаго адреса на таковой же городской платы не взимается.

При перемѣнѣ адреса внутренняго (внутри Имперіи) на заграничный уплачивается разница между вышеуказанною подписною платою на соотвѣтственные сроки для внутреннихъ и заграничныхъ подписчиковъ. Перемѣна адреса заграничнаго на внутренній дѣлается бесплатно.

Плата за каждую перемѣну адреса на «Военный Сборникъ»: С.-Петербургскаго городского на иногородный или обратно — 60 коп., иногороднаго на иногородный — 20 коп.; за перемѣну городского С.-Петербургскаго на другой городской С.-Петербургскій — платы не взимается.

За перемѣну адреса внутренняго на заграничный уплачивается по 15 коп. за каждый остающійся мѣсяць текущаго года.

Розничная продажа. Отдѣльные нумера «Русскаго Инвалида» продаются по 5 коп. въ конторѣ редакціи и пересылаются по почтѣ за 7 коп.

Отдѣльныя книжки «Военнаго Сборника» продаются въ конторѣ редакціи по 60 коп. за книжку (съ пересылкою по 75 коп.), съ приложеніемъ «Военно-Историческаго Сборника» по 1 р. (съ пересылкою 1 р. 25 к.).

Плата за объявленія. Объявленія въ газетѣ «Русскій Инвалидъ» принимаются по тарифу 25 коп. за строку петита или мѣсто, ею занимаемое.

Казенными объявленіями, подлежащими оплатѣ по $\frac{3}{1}$ к. за букву, считаются согласно Цирк. Главнаго Штаба 1900 г. за № 282, только объявленія о вызовѣ наследниковъ послѣ умершихъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ.

За разсылку объявленій взимается по 1 к. за первый лоть вѣса объявленій и по четверть коп. за послѣдующіе лоты.

Объявленія въ «Военномъ Сборникѣ» принимаются по тарифу 20 рублей за страницу, за помѣщеніе одинъ разъ позади текста.

За разсылку отдѣльныхъ объявленій при книжкахъ «Военнаго Сборника» взимается по 15 рублей съ 1000 экземпляровъ, вѣсомъ до 1 лота каждый.

Главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ»
Ген. Шт. Генераль-Маіоръ *Блывлевъ*.

А В Т О Р А М Ъ С Т А Т Е Й.

1. Авторамъ, присылающимъ свои статьи въ „Русскій Инвалидъ“ и „Военный Сборникъ“, редакція проситъ соблюдать слѣдующее:

1) Статьи должны быть написаны четко и только на одной сторонѣ страницы (другая должна оставаться чистою). Страницы должны быть перенумерованы (сбивать или брошюровать не надо). На написанной сторонѣ необходимо оставлять поля. Подъ статьей должно быть указано, какую подпись авторъ желаетъ видѣть подъ своей статьей въ печати; это можетъ быть полная фамилия автора, или только инициалы, или псевдонимъ и проч. Но ни чинъ, ни должность, ни званіе, въ силу циркуляра Главнаго Штаба отъ 17-го апрѣля 1908 года № 61, подъ статьями частнаго характера въ печати не допускаются 1).

2) Въ присланной рукописи, для свѣдѣнія редакціи, должны быть указаны: положеніе (чинъ, должность, мѣсто служенія, званіе), имя, отчество, фамилія и адресъ автора.

3) Необходимо указывать, гдѣ авторъ желаетъ бы напечатать свою статью: въ газетѣ или журналѣ, или же выборъ предоставляется усмотрѣнію редакціи.

О желаніи имѣть отдѣльные оттиски статей, печатаемыхъ въ „Военномъ Сборникѣ“, на первой страницѣ рукописи должно быть написано: „Прошу столько-то отдѣльныхъ оттисковъ“. До 20 оттисковъ безъ перевертки изготовляется бесплатно. Больше же число ихъ, но не болѣе 100, а также переверстка всей статьи въ брошюру, могутъ быть исполняемы лишь за счетъ авторовъ. О желаніи получить оттиски переверстанными необходимо заявлять на первой страницѣ рукописи.

О желаніи получить тѣ номера „Русскаго Инвалида“, въ которыхъ будетъ напечатана статья, необходимо оговаривать на первой страницѣ рукописи. Номера эти предоставляются авторамъ только за плату.

4) На рукописи должна быть помѣтка, указывающая, предоставляет ли авторъ свою статью за гонораръ или бесплатно. Статьи, не имѣющія такой отмѣтки, считаются бесплатными.

5) Рукописи, отправляемыя почтою, должны быть отправителемъ оплачены полнымъ почтовымъ сборомъ. Не вполнѣ оплаченной корреспонденціи, за которую почта требуетъ доплату въ двойномъ размѣрѣ, редакція не принимаетъ.

6) Чертежи должны быть присылаемы при рукописи, но отнюдь не въ текстѣ ея, т.-е. совершенно отдѣльно, или вклеенными въ рукопись, но такъ, чтобы ихъ можно было отъ нея легко отдѣлать. Исполненіе чертежей должно быть, по возможности, такое, чтобы съ нихъ можно было дѣлать клише, или литографировать, не перечерчивая ихъ начисто.

II. Для свѣдѣнія авторовъ сообщается:

1) Изъ присланныхъ статей редакція печатаетъ съ необходимыми редакціонными сокращеніями тѣ, которыя признаетъ подходящими, причемъ срокъ напечатанія не можетъ быть опредѣленъ заранее. Статьи, не предназначенныя къ печати, хранятся въ редакціи въ теченіе года и могутъ быть возвращены авторамъ по ихъ заявленіямъ лично или черезъ довѣреннаго, а также почтою на ихъ счетъ.

2) Ни въ какія объясненія о причинахъ ненапечатанія редакція не входитъ.

3) Гонораръ за платныя напечатанныя статьи назначается редакціею по принятымъ ею нормамъ. Гонораръ уплачивается въ первыхъ числахъ cadaго мѣсяца за всѣ статьи прошедшаго мѣсяца.

1) Этотъ же циркуляръ воспрещаетъ упоминать въ полемикѣ официальное положеніе своего оппонента.

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ.

1913

ОКТАВРЬ

№ 10

О ПОДПИСКѢ НА

**„РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ“, „ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ“
и „ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“**

въ 1913 году

(Циркуляръ Главнаго Штаба 1912 года № 194).

Въ 1913 году издаваемые съ Высочайшаго соизволенія газета «Русскій Инвалидъ» и журналъ «Военный Сборникъ» будутъ выходить по-прежнему: газета—ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, журналъ—ежемѣсячно. При «Военномъ Сборникѣ» будутъ даны 4 книги «Военно-Историческаго Сборника».

Высочайше утвержденнымъ 23 сентября 1912 г. положеніемъ Военнаго Совѣта, объявленнымъ въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 5 октября за № 552, установлено, что печатаемые въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ приказы по военному вѣдомству и циркуляры Главнаго Штаба *принимаются къ руководству со времени получения въ частяхъ и учрежденіяхъ названной газеты.*

«Русскій Инвалидъ» сообщаетъ главные официальные извѣстія и слѣдитъ за многосторонними текущими событіями въ военномъ мирѣ, и также за всѣми явленіями, имѣющими интересъ для служащихъ военнаго и морскаго вѣдомствъ. «Военный Сборникъ» посвящаетъ свои страницы всесторонней разработкѣ военнаго дѣла. «Военно-Историческій Сборникъ» будетъ имѣть задачей давать матеріалъ по исторіи Русской Арміи.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ, Литейный, уголъ Пантелеймоновской, № 21. Телефонъ 672.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

На «Русскій Инвалидъ»:

Въ Россіи:

На годъ	9 р.	— к.
„ 11 мѣсяцевъ	8	50
„ 10 „	8	—
„ 9 „	7	50
„ 8 „	6	—
„ 7 „	6	50
„ 6 „	5	75
„ 5 „	5	—
„ 4 „	4	25
„ 3 „	3	25
„ 2 „	2	25
„ 1 „	1	25

Съ доставкой въ Петербургъ и съ пересылкою въ многорядномъ.

За границей:

На годъ	15 р.	— к.
„ 11 мѣсяцевъ	14	—
„ 10 „	13	—
„ 9 „	12	—
„ 8 „	11	—
„ 7 „	10	—
„ 6 „	9	—
„ 5 „	8	—
„ 4 „	6	50
„ 3 „	5	—
„ 2 „	3	50
„ 1 „	2	—

Съ пересылкою.

Подъ годовой подпиской надлежитъ разумѣть подписку съ 1-го янв. по 1-е янв. слѣдующаго года. Подписка на сроки менѣе года принимается лишь на цѣлые мѣсяцы, съ 1-го числа каждаго мѣсяца, не дальѣ конца года.

На «Военный Сборникъ» съ «Военно-Историческимъ Сборникомъ» принимается попрежнему *только годовая подписка*, съ тою же платою въ годъ: внутри Россіи 6 рублей съ пересылкою (въ С.-Петербургѣ съ доставкою на домъ); за границу 8 руб. съ пересылкою; *на срокъ менѣе года и отдѣльно на «Военно-Историческій Сборникъ» подписка не принимается.*

СРОКИ ВЗНОСА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ:

Подписная плата вносится *полностью* при подпискѣ.

Но при подпискѣ на годъ *отдѣльныхъ военно-служащихъ допускается разсрочка платежа* по слѣдующему расчету:

На «Русскій Инвалидъ».

не позже 1 января	4 р.
„ „ 1 марта	1 „
„ „ 1 мая	1 „
„ „ 1 іюля	1 „
„ „ 1 сентября	1 „
„ „ 1 ноября	1 „
Итого	9 р.

На «Военный Сборникъ».

не позже 1 января	2 р.
„ „ 1 марта	1 „
„ „ 1 мая	1 „
„ „ 1 іюля	1 „
„ „ 1 сентября	1 „
Итого	6 р.

См. дальѣ на 3-й страницѣ обложки.

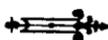
ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ

№ 10 ОКТЯБРЬ 1913

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1913.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТОЙ КНИЖКИ.

I.

СТРАН.

I. Николай Михайловичъ Пржевальскій. (Съ портретомъ). П. КОЗЛОВЪ.	1
II. Къ реформѣ генеральнаго штаба. А. О.	23
III. Изъ Скобелевскихъ приказовъ.	28
IV. Приборъ для рѣшенія графическимъ способомъ стрѣлковыхъ задачъ. (Съ рисунками). С. ЗЫБИНЪ.	29
V. По поводу «новыхъ изобрѣтеній по стрѣлково- му дѣлу». (Съ рисунками). С. фонъ-ДИТМАРЪ.	45
VI. Духовная сторона въ бою. (Изъ поученій маршала Бюжо). **	56
VII. Стрѣлковыя замѣтки. (Съ рисунками). (Окончаніе). В. СТУПИНЪ.	57
VIII. Пѣхотные телефонисты. Н. КОПИШЪ.	67
IX. Выѣздка строевой казачьей лошади. (Съ рисунками). (Продолженіе). П. КРАСНОВЪ.	
X. Воспитаніе воина можетъ быть только въ стыдѣ наказанія, а не въ страхѣ наказанія. А. ДМИТРЕВСКІЙ.	93
XI. Шведскіе boy-scout'ы. (Съ рисунками). П. В.	103
XII. Военная подготовка французской молодежи до поступленія въ армію. В. ГОНЧАРОВЪ.	113
XIII. «Сонъ на Шипкѣ». (Посвящается любителямъ старой фортификаціи). (Съ рисунками). Б. ЖИЛЬЦОВЪ.	119
XIV. Краткій очеркъ кампаніи въ Македоніи. (Со схемами). Р. Ш.	133
XV. Гиссарскій край. (Очеркъ горной Бухары). (Окончаніе). Д. ЛОГОФЕТЪ.	151
XVI. Страна Льва и Солнца. Провинція Керманшаханъ. (Краткій географическій очеркъ по персидскимъ и армянскимъ источникамъ). (Продолженіе). Ѡ. ЧЕРНОЗУБОВЪ.	163
XVII. По Сѣверной Персіи. (Продолженіе). Н.	171
XVIII. Въ лагеряхъ осенью. А. ЛАНГЪ.	185
XIX. Хуртумъ и Ёршикъ. (Продолженіе). ТРИЛИЦКІЙ.	187
XX. Спортъ за границей (Съ рисунками). ВРОНСКІЙ.	195

II.

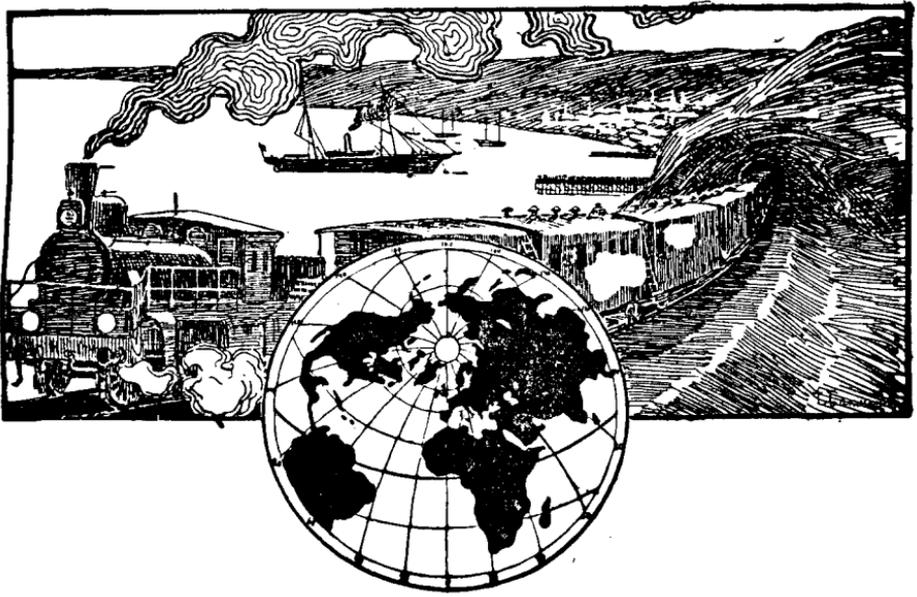
I. БИБЛИОГРАФІЯ. Обзоръ иностранныхъ военныхъ журналовъ. А. СВѢЧИНЪ.	203
II. ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. (Со схемами). М. Б.	219

Главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ»,
Генеральнаго Штаба Генераль-Маіоръ *Б ъ л я е в ъ*.

Помощникъ Главнаго редактора, Ген. Шт. Полковникъ *Ш е м а н с к і й*.

Николай Михайловичъ
ПРЖЕВАЛЬСКІЙ.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПРЖЕВАЛЬСКІЙ.

Вадцатаго октября исполнится двадцать пять лѣтъ со дня смерти великаго русскаго путешественника, генеральнаго штаба генераль-маіора, Николая Михайловича Пржевальскаго ¹⁾...

Есть счастливыя имена, которыя довольно произнести, чтобы возбудить въ слушателяхъ представленіе о чемъ-то великомъ и общеизвѣстномъ. Таково имя Пржевальскаго... Н. М. Пржевальскій принадлежалъ къ числу немногихъ счастливыхъ людей, ученая дѣятельность которыхъ еще при жизни была оцѣнена, какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и заграницею... Подобно маршалу Нею,

¹⁾ Болѣе подробно о Пржевальскомъ, см. въ трудѣ: П. К. Козловъ. «Николай Михайловичъ Пржевальскій—первый изслѣдователь природы Центральной Азии». Съ двумя портретами, тремя таблицами, пятью рисунками въ текстѣ и одною отчетною картою четырехъ путешествій Пржевальскаго. С.-Петербургъ. 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

онъ могъ бы сказать: «у меня нѣтъ знаменитыхъ предковъ, но я самъ буду хорошимъ предкомъ».

Пржевальскіе ведутъ свой родъ отъ запорожскаго казака Корнилы Анисимовича Паровальскаго, поступившаго въ польскую службу и принявшаго впоследствии фамилію Пржевальскаго. Дѣдъ Николая Михайловича воспитывался въ іезуитской школѣ въ Полоцкѣ, по до окончанія курса бѣжалъ изъ училища и перешелъ въ православіе, принявъ имя Кузьмы Ѳомича. Одинъ изъ двухъ сыновей послѣдняго, а именно Михаилъ Кузьмичъ, женившійся на дочери помѣщика Смоленской губерніи, Еленѣ Алексѣевнѣ Каретниковой, есть отецъ Николая Михайловича. Михаилъ Кузьмичъ (будучи слабого здоровья) оставилъ военную службу въ чинѣ поручика и (вскорѣ послѣ женитьбы) основался на житье въ той же Смоленской губерніи и уѣздѣ, въ имѣніи «Отрадномъ», рядомъ съ родовымъ гнѣздомъ своей жены.

Въ «Отрадномъ» Николай Михайловичъ провелъ годы самой ранней молодости и былъ подготовленъ къ поступленію въ Смоленскую гимназію. Блестящія способности и феноменальная память скоро сдѣлали Николая Михайловича однимъ изъ первыхъ учениковъ. Имѣя всего 16 лѣтъ, онъ уже окончилъ курсъ гимназіи и, какъ человѣкъ впечатлительный и энергичный, подъ впечатлѣніемъ геройскихъ подвиговъ защитниковъ Севастополя, рвался на войну.

— Наконецъ, говоритъ Николай Михайловичъ, наступила роковая минута. Меня позвали къ матери; я вошелъ въ залъ. У большого образа теплилась лампада, а на колѣняхъ передъ нимъ, съ горячими слезами, молилась мать моя. Въ углу стояла няня, нѣсколько дворовыхъ, и всѣ плакали. «Станьте здѣсь и молитесь», обратилась ко мнѣ и брату мать. Мы молча исполнили ея приказаніе. Глубокая тишина водворилась въ комнатѣ, изрѣдка прерываемая тяжкими вздохами. Наконецъ, мать встала и взяла образъ я подошелъ къ ней.—«Да сохранить тебя Господь Богъ во всей твоей жизни», сказала она и начала благословлять. Этой минуты не вынесла моя переполненная душа. Долго сдерживаемыя слезы разомъ брызнули изъ глазъ, и я зарыдалъ какъ ребенокъ...

Служба въ полку велась очень плохо: на юнкеровъ не обращали вниманія, офицеры проводили время среди картъ и кутежей. Поступившему въ полкъ новичку трудно было не поддаться общему теченію, но если воздержаніе ему удавалось, то онъ заслу-

живаль общее уваженіе среди товарищей-кутилъ. Николай Михайловичъ рассказываетъ объ одномъ изъ своихъ ротныхъ командировъ, который, заставляя его пить и получивъ отказъ, сказалъ:

— Изъ тебя, братъ, прокъ будетъ.

— Онъ не нашъ, говорили другіе офицеры: а только среди насъ.

«Прослуживъ пять лѣтъ въ арміи», пишетъ Пржевальскій, «потаскавшись въ караулъ и по всевозможнымъ гауптвахтамъ и на стрѣльбу со взводомъ, я, наконецъ, ясно созналъ необходимость измѣнить подобный образъ жизни и избрать болѣе обширное поприще дѣятельности, гдѣ бы можно было тратить трудъ и время для разумной цѣли...»

Тогда же онъ рѣшилъ основательно учиться и вскорѣ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Въ маѣ 1863 года, съ началомъ польскаго возстанія, всѣмъ офицерамъ старшаго курса въ академіи было предложено, по желанію, не ѣздивши на съемку, отправиться въ Польшу, съ правами второго разряда окончанія академіи. Въ числѣ первыхъ желающихъ былъ и Пржевальскій, рѣшившійся возвратиться въ свой полкъ. Въ іюлѣ 1863 года онъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ полковымъ адъютантомъ.

Пользуясь своимъ вліяніемъ на офицеровъ полка, Николай Михайловичъ однажды спасъ съ помощью ихъ одного изъ товарищей отъ суда за растрату (по опрометчивости) казенныхъ денегъ.

«Милостивые государи!» написалъ имъ Н. М. Пржевальскій: «товарищъ нашъ, поручикъ К. при сдачѣ должности полкового квартирмейстера оказался виновнымъ въ растратѣ... и долженъ заплатить своею службою. Но дѣло это еще не безвозвратно, еще отъ насъ зависитъ спасти или погубить его... Неужели мы будемъ хладнокровно смотрѣть, когда товарищъ нашъ надѣнетъ солдатскую шинель и съ горькими упреками и проклятіемъ будетъ вспоминать ту минуту, когда мы сдѣлали его квартирмейстеромъ? Нѣтъ, мы не допустимъ этого, мы покажемъ, что общество нашего полка руководствуется иными, болѣе широкими принципами. Мы выручимъ К. Тогда каждый изъ насъ, съ полнымъ сознаніемъ величія и благородства своего поступка, можетъ съ гордостью сказать: «я спасъ своего товарища, я сдѣлалъ святое, честное дѣло».

Это письмо-воззваніе спасло офицера, спасло его семью и честь полка.

Свои періодическіе отпуска Н. М. Пржевальскій неизмѣнно

проводилъ въ «Отрадномъ», среди любимой имъ охоты и серьезнаго изученія ботаники и зоологіи. Чѣмъ больше онъ углублялся въ эти занятія, тѣмъ сильнѣе имъ овладѣвала мысль о путешествіи по Азіи. Жажда знаній могла быть удовлетворена только въ какомъ-нибудь научномъ центрѣ, и Николай Михайловичъ ископатель себѣ для этого назначеніе взводнымъ офицеромъ, преподавателемъ исторіи и географіи въ Варшавскомъ юнкерскомъ училищѣ.

Пржевальскій оказался прекраснымъ лекторомъ: говорилъ громко, ясно и удивлялъ юнкеровъ цитированіемъ на память обширныхъ выдержекъ изъ трудовъ самыхъ блестящихъ представителей науки. Система поблажекъ любимчикамъ у него совершенно отсутствовала. На всѣ докучливыя моленія о прибавкѣ балловъ онъ отвѣчалъ юнкерамъ: «Не буду ли я вамъ, юноши, смѣшонъ и жалокъ послѣ такой уступки?.. Вспомните прекрасныя слова: «я знаю одинъ народъ—человѣчество, одинъ законъ—справедливость».

Настольными книгами Николая Михайловича были: «Картина природы» Гумбольдта, «Азія» Риттера и другія соч. по Азіи. На пріобрѣтеніе научныхъ сочиненій по своей специальности онъ тратилъ почти всѣ свободныя деньги. Въ немъ обнаруживалась не одна громадная начитанность, но и умѣнье широко обобщать и блестяще систематизировать. Своею вдохновенной рѣчью онъ увлекалъ другихъ. «Ваше письмо», писалъ ему одинъ изъ товарищей много лѣтъ спустя, «какъ нѣкогда ваше присутствіе, имѣетъ что-то такое, что будитъ душу, требуетъ оглядки. Вы были мнѣ близки, какъ человѣкъ, возлѣ котораго всегда глубже чувствовалось, шире думалось».

Природа съ ея красотою манила къ себѣ Пржевальскаго постоянно, и мысль о путешествіи въ неизвѣстные края Азіи росла въ немъ съ неодолимой силой...

...«Въ 1867 году я впервые познакомился съ Николаемъ Михайловичемъ», говорилъ вице-предсѣдатель Императорскаго русскаго географическаго общества, П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій: «черезъ мое посредство онъ обратился тогда въ первый разъ за помощью и покровительствомъ къ Географическому обществу, объяснивъ мнѣ свои намѣренія заняться путешествіемъ въ Средней Азіи. Въ то время Общество крайне рѣдко помогало матеріальными средствами молодымъ путешественникамъ, отправляющимся въ путешествіе по собственной инициативѣ, можетъ быть потому, что такая инициатива проявлялась еще слишкомъ рѣдко;

но отъ времени до времени оно снаряжало свои экспедиціи, подбирая въ составъ ихъ исключительно лицъ, уже извѣстныхъ своими научными трудами и рекомендуемыхъ организаторами экспедицій. Н. М. Пржевальскій былъ въ научномъ мірѣ еще совершенно неизвѣстною величиною и дать пособіе ему на его предпріятіе, а тѣмъ болѣе организовать подъ его руководствомъ цѣлую экспедицію, совѣтъ Общества не рѣшился...» Слѣдуетъ замѣтить, что молодой, энергичный Пржевальскій произвелъ на П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго сильное впечатлѣніе и П. П., боясь разстаться съ нимъ навсегда, обѣщаль Николаю Михайловичу, что если онъ на собственные средства сдѣлаетъ какія бы то ни было интересныя поѣздки и изслѣдованія въ Уссурійскомъ краѣ, которыми докажетъ свою способность къ путешествіямъ и географическимъ изслѣдованіямъ, то, по возвращеніи изъ Сибири, онъ можетъ надѣяться на организацию со стороны Общества, подъ его руководствомъ, болѣе серьезной экспедиціи въ Среднюю Азію.

Пржевальскій отправился въ Иркутскъ, гдѣ просвѣщенный генералъ Кукель встрѣтилъ его благосклонно и нашелъ возможнымъ дать ему командировку въ Уссурійскій край; сверхъ того Сибирскій отдѣлъ Географическаго общества поручилъ ему описать флору и фауну и собрать зоологическую и ботаническую коллекціи.

Итакъ, завѣтное желаніе Николая Михайловича исполнилось. Новая обстановка произвела на него сильное впечатлѣніе, а Сибирь его поразила: «дикость, ширь, свобода безконечно мнѣ понравились», говорилъ Николай Михайловичъ.

Особенное вниманіе Пржевальскаго (теперь уже путешественника) привлекли къ себѣ картины по Амуру, тамъ, гдѣ хвойные лѣса исчезаютъ, а являются лиственные, самыхъ роскошныхъ размѣровъ; гдѣ къ европейскимъ породамъ — дубу, липѣ и клену — примѣшивается грецкій орѣхъ и пробковое дерево. «Охотничья собака отыскиваетъ вамъ», пишетъ Пржевальскій, «медвѣдя или соболя и тутъ же рядомъ можно встрѣтить тигра, не уступающаго по величинѣ и силѣ обитателю джунглей Бенгаліи. И торжественное величіе здѣшной природы не нарушается присутствіемъ чловѣка; развѣ изрѣдка пробредетъ звѣроловъ или раскинетъ свою юрту кочующій дикарь, но тѣмъ скорѣе дополнить, нежели нарушить, картину дикой дѣвственной природы...»

Однажды, на экскурсіи, Николай Михайловичъ столкнулся съ такимъ гигантомъ медвѣдемъ, который своими размѣрами превосходилъ всѣхъ видѣнныхъ и добытыхъ кѣмъ-либо въ Восточной Си-

бири. «Будучи пробить первую пулею», пишет Пржевальскій, «на разстояніи сорока шаговъ, медвѣдь съ ревомъ бросился на меня... Когда разъяренный звѣрь приблизился шаговъ на пять, я спустилъ курокъ и медвѣдь, съ прострѣленнымъ черепомъ, словно снопь, рухнулъ на землю. Конечно, это было дѣло нѣсколькихъ мгновеній, но эти мгновенья не изгладятся изъ моей памяти цѣлую жизнь, и черезъ много лѣтъ все такъ же ясно, какъ въ ту минуту, я буду помнить эту оскаленную пасть, кроваваго цвѣта языкъ и громадные зубы...»

Послѣ сибирскихъ тундръ и озеръ Николай Михайловичъ особенно восхищался величіемъ Японскаго моря. «Присядешь бывало», говоритъ онъ, «на вершинѣ утеса, заглядишься на синѣющую даль моря и сколько различныхъ мыслей заройтся въ головѣ! Воображенію рисуются далекія страны, съ иными людьми и съ иною природою, тѣ страны, гдѣ царствуетъ вѣчная весна и гдѣ волны того же самого океана омывають берега, окаймленные пальмовыми лѣсами. Казалось, такъ бы и полетѣлъ туда стрѣлою, посмотрѣть на всѣ эти чудеса, на этотъ храмъ природы, полный жизни и гармоніи! Погрузится затѣмъ мысль въ туманную глубину прошедшихъ вѣковъ, и океанъ является передъ нею въ еще большемъ величіи. Вѣдь онъ существовалъ и тогда, когда ни одна растительная или животная форма не появлялась на нашей планетѣ, когда и самой суши еще было немного! На его глазахъ и, вѣроятно, въ его же нѣдрахъ, возникло первое органическое существо! Онъ питалъ его своею влагою, убаюкивалъ своими волнами! Онъ давнишній старожилъ земли; онъ лучше всякаго геолога знаетъ ея исторію, и развѣ только немногія горныя породы старѣе мастиаго океана!»...

Въ январѣ 1870 года Н. М. Пржевальскій прибылъ въ Петербургъ, а въ мартѣ сдѣлалъ сообщеніе въ Географическомъ обществѣ, охарактеризовавъ строеніе Уссурійскаго края и его климатъ, флору, фауну и, наконецъ, его инородческое населеніе.

Императорское Географическое общество почтило труды Пржевальскаго серебряною медалью, а Военное министерство — переводомъ его въ генеральный штабъ.

Окончивъ затѣмъ описаніе «путешествія въ Уссурійскій край», Николай Михайловичъ обратился въ совѣтъ Географическаго общества съ просьбою исходатайствовать ему разрѣшеніе отправиться въ сѣверныя окраины Китая и преимущественно въ малоизвѣстныя страны верхняго теченія Желтой рѣки, въ земли ордосовъ и Куку-норъ.

П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій сдержалъ свое слово. Предложеніе Пржевальскаго было принято съ большимъ сочувствіемъ, и его экспедиція осуществилась. Въ январѣ 1871 года Пржевальскій со своимъ спутникомъ Пыльцовымъ совершаетъ переходъ на верблюдахъ поперекъ монотонной монгольской пустыни. По цѣлымъ недѣлямъ мѣрно шагаютъ тяжело навьюченные верблюды, идутъ десятки, сотни верстъ, но степь не измѣняетъ своего характера, а остается попрежнему угрюмой и непривѣтливой.

За то, попавъ въ Алашанскій хребетъ, Николай Михайловичъ проводитъ въ этихъ горахъ нѣсколько недѣль и, какъ истый натуралистъ, цѣлыми днями охотится съ ружьемъ за плечами. «Взобравшись на высокую вершину», говоритъ Пржевальскій, «съ которой открывается далекій горизонтъ на всѣ стороны, чувствуешь себя свободнѣе и по цѣлому часу любуешься панорамой, которая разстилается подъ ногами. Громадныя, отвѣсныя скалы, запирающія мрачныя ущелья или увѣнчивающія собою вершины горъ, также имѣютъ много прелести въ своей оригинальной дикости. Я часто останавливался въ такихъ мѣстахъ, садился на камень и прислушивался къ окружающей меня тишинѣ. Она не нарушалась здѣсь ни говоромъ людскихъ рѣчей, ни суматохою обыденной жизни. Лишь изрѣдка — воркованье каменнаго голубя и пискливый крикъ клушицы; проползетъ по отвѣсной стѣнѣ краснокрылый стѣнолазъ или, наконецъ, высоко изъ-подъ облаковъ съ шумомъ спустится къ своему гнѣзду грифъ, а затѣмъ, попрежнему, кругомъ все станетъ тихо и спокойно... А тамъ внизу, на востокъ, узкою лентою блеститъ рѣка, и словно алмазы сверкаютъ многочисленныя озера; къ западу — широкою полосой уходятъ изъ глазъ сыпучіе пески пустыни, на желтомъ фонѣ которыхъ, подобно островамъ, пестрѣютъ зеленѣющіе оазисы глинистой почвы. Такая панорама очаровательна! Она доставляетъ истинное наслажденіе, миритъ со всѣмъ окружающимъ и увлекаетъ въ міръ поэтическій, чистый и безстрастный».

По оставленіи Алашаня, Пржевальскій вступилъ въ Гань-су. Голубая окраска прозрачнаго неба, дикія скалы, дѣвственные лѣса береговъ Тэтунга постоянно ласкали глазъ путешественника, въ особенности при стоянкѣ въ окрестности горы Сади-Саруксумъ.

Между тѣмъ провинція Гань-су, въ которой находилась экспедиція, была объята мятежнымъ движеніемъ дунганъ. Смѣлость Пржевальскаго и полное игнорированіе имъ разбойниковъ скоро расположили къ нему мѣстныхъ обитателей, въ особенности же

проходившій втихомолку монгольскій караванъ, съ которымъ Николаю Михайловичу удалось отправиться въ желаемомъ направленіи — къ Тибету. По мѣрѣ того, какъ экспедиція подвигалась вглубь Центральной Азіи, стоустная молва опережала ее рассказами о необыкновенныхъ людяхъ. Туземцы говорили, что это полубоги, не боящіеся разбойниковъ-дунганъ, что они заговорены отъ пуль, вооружены небывалыми ружьями и, въ случаѣ нападенія, по повелѣнію главнаго, является тысяча невидимыхъ людей и сражается за него. Вѣра въ Пржевальскаго была огромная.

За Цайдамомъ путешественники поднялись на тибетское нагорье, гдѣ вскорѣ застигли ихъ суровые морозы. Весною же 1873 года экспедиція направилась въ обратный путь черезъ Гань-су и Алашань, задержавшись вновь въ этихъ горахъ въ цѣляхъ пополненія естественно-историческихъ коллекцій.

Затѣмъ оставался послѣдній періодъ путешествія. Истощенные физически, наши путешественники дѣлали усиленные переходы по пустынѣ Гоби, въ пескахъ которой чуть не погибли отъ зноя и безводія. Наученные горькимъ опытомъ и желая избѣгнуть жары, они вставали очень рано, до разсвѣта, но вычленіе верблюдовъ отнимало много времени и выходить приходилось все-таки съ восходомъ солнца. Урга, словно земля обѣтованная, манила къ себѣ сильнѣе и сильнѣе. Высчитывались не только дни, но и часы, когда наступитъ конецъ путешествію...

«Нужно видѣть», пишетъ Пржевальскій, въ какомъ состояніи наше одѣяніе. Сапогъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ разорванные унты; сюртукъ и штаны всѣ въ дырахъ и заплаткахъ, фуражки ходятъ на старую выброшенную тряпку, рубашки поизорвались». Въ такомъ видѣ и съ огромными лишеніями караванъ достигъ долины Толы... День 5-го сентября былъ счастливѣйшимъ днемъ путешественниковъ: они попали въ родную среду, въ родное, русское консульство...

«Путешествіе наше кончилось», пишетъ Николай Михайловичъ. «Его успѣхъ превзошелъ даже тѣ надежды, которыя мы имѣли, переступая въ первый разъ границу Монголіи...»

Столица нетерпѣливо ждала путешественника и встрѣтила его (съ его достойнымъ спутникомъ) съ распростертыми объятіями. Императорское Географическое общество поднесло Пржевальскому своего рода лавровый вѣнокъ — Константиновскую медаль.

Съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ Пржевальскому и тогдашній военный министръ, графъ Д. А. Милютинъ.

Еще въ то время, когда писалась «Монголія и страна тангутовъ», Н. М. Пржевальскій мечталъ уже о новомъ путешествіи и разрабатывалъ планъ его. «Я не намѣренъ успокоиться», сообщалъ онъ одному изъ друзей, «и въ концѣ будущаго (1875) года, лишь только окончу второй томъ своего писанія, снова отправлюсь на два года въ Тибетъ».

Особенно-сочувственные отзывы министровъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ дали возможность совѣту Географическаго общества просить Августѣйшаго предсѣдателя, Великаго Князя Константина Николаевича, исходатайствовать на экспедицію Пржевальскаго просимую имъ сумму изъ средствъ государственнаго казначейства. Его Высочество исходатайствовалъ деньги и при этомъ выразилъ увѣренность, «что экспедиція Пржевальскаго принесетъ обильные плоды для науки и честь тѣмъ учрежденіямъ, которыя примутъ на себя заботы къ ея скорѣйшему осуществленію...»

20-го августа 1875 года Пржевальскій выступилъ съ экспедиціей изъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобь-норь. «Илійская долина, говоритъ онъ, это азіатская Ломбардія по своему климату и плодородію: отдавать такой уголокъ китайцамъ, право, не слѣдуетъ». Долиною Кунгеса и Цагма экспедиція достигла Юлдуса, что значитъ звѣзда, отъ множества озерковъ, блестящихъ на солнцѣ въ видѣ звѣздъ, разсыпанныхъ по зеленымъ богатымъ пастбищамъ этой привольной страны.

— Мѣсто прекрасное, прохладное и кормное, говорили торгуты Пржевальскому, рассказывая про Юлдусъ: только и жить господамъ да скотинѣ.

Послѣ ознакомленія съ Юлдусомъ, Пржевальскій попалъ въ городъ Курля—резиденцію Якубъ-бека кашгарскаго. Еще по дорогѣ сюда, экспедиція уже была привѣтствована послами Бодуалета или «Счастливица», какъ кашгарцы называли своего хана, который въ высшей степени интересовался путешественниками. Въ Курлѣ былъ отведенъ для нихъ особый домъ внѣ города и приставленъ караулъ, подъ предлогомъ охраненія. «Въ сущности же для того», говоритъ Пржевальскій, «чтобы не допускать сюда никого изъ мѣстныхъ жителей, вообще крайне недовольныхъ правленіемъ Якубъ-бека». Будучи очень подозрительнымъ, Якубъ-бекъ недоувѣрчиво отнесся и къ мирнымъ научнымъ пѣлямъ Пржевальскаго.

Разубѣдить хана было трудно, но еще труднѣе было получить

свободный пропускъ на югъ, къ берегамъ таинственнаго Лобъ-нора. Наконецъ, онъ былъ полученъ, и экспедиція радостно двинулась по бассейну Тарима. Идти съ верблюдами было очень трудно, такъ какъ приходилось пробираться по лѣсу или густымъ колючимъ кустарникомъ, иногда же по высокому тростнику, корни котораго, словно желѣзная щетка, израниваютъ до крови верблюжьи пятки. Въ попутномъ большомъ селеніи Ахтарма, окруженномъ лѣсами и необъятными площадями тростника, въ которомъ водятся тигры, Пржевальскій провель восемь дней, но ему не удалось убить ни одного тигра. Охота на тигра вообще, кромѣ опасности, весьма трудна, по чуткости звѣря, и мѣстные жители для добыванія его шкуры употребляютъ отраву.

Вторую половину зимы экспедиція провела въ изслѣдованіяхъ открытаго ею хребта Алтынъ-тага, а весну 1877 года на берегу Лобъ-нора. Это собственно не озеро, а огромное тростниковое болото, на которомъ, періодически, собираются милліоны плавающихъ птицъ, въ особенности утокъ, за которыми наблюдали и охотились путешественники.

Пользуясь миролюбіемъ и добродушіемъ лобнорцевъ, Пржевальскій свободно плавалъ въ лодкѣ по Лобъ-нору и изучалъ бытъ мѣстныхъ обитателей. «Это такіе дикари», писалъ онъ, «какихъ я не видывалъ даже въ лѣсахъ Амура, среди тамошнихъ кочевыхъ инородцевъ. Бѣдный и слабый физически лобнорець или кара-курчинець бѣденъ и нравственно. Весь міръ его понятій и желаній заключенъ въ тѣсныя рамки окружающей среды, внѣ которой этотъ человѣкъ ничего не знаетъ. Лодки, сѣти, рыба, утки, тростникъ— вотъ тѣ предметы, которыми только и надѣлила несчастнаго махеча-природа. Сидя въ сырой тростниковой загороди, среди полунагихъ обитателей одной изъ деревень Кара-курчина, я невольно думалъ: сколько вѣковъ прогресса отдѣляютъ меня отъ моихъ сосѣдей? И какъ велика сила человѣческаго генія, если изъ подобныхъ людей, каковыми, по всему вѣроятію, были наши далекіе предки, могли сдѣлаться нынѣшніе европейцы. Съ тупымъ удивленіемъ смотрѣли на меня лобнорскіе дикари, но не менѣе того интересовался и я ими. Было слишкомъ много манящаго и оригинальнаго во всей окружающей обстановкѣ, среди далекаго, невѣдомаго озера, въ кругу людей, живо напоминавшихъ собою примитивный бытъ человѣчества...»

Однако, продолжительная напряженная дѣятельность давала себя чувствовать, въ особенности на обратномъ пути въ Зайсанъ,

когда Н. М. Пржевальскій сильно страдалъ отъ зловреднаго зуда, заполученнаго отъ соленой пыли Лобъ-нора. Всѣ доктора, къ которымъ Пржевальскій обращался по прїѣздѣ въ Петербургъ, находили, что болѣзнь его происходила главнымъ образомъ отъ нервнаго разстройства, вызваннаго общимъ утомленіемъ организма. Наилучшее лекарство, говорили они, купанье и жизнь въ деревнѣ, «чему я очень радъ», писалъ Николай Михайловичъ. «Изъ Питера поѣду прямо въ «Отрадное» — родное гнѣздо, не останавливаясь въ Смоленскѣ»...

Деревенское приволье значительно возстановило силы Пржевальскаго, и онъ началъ мечтать о третьемъ путешествіи по Центральной Азіи. Счастье опять улыбнулось ему.

Съ разгорѣвшейся весенней зарей 21-го марта 1879 года караванъ былъ готовъ къ выступленію изъ Зайсана. Впереди и поодаль слѣдовалъ верхомъ Пржевальскій съ однимъ казакомъ и проводникомъ. Выйдя изъ города и вытянувшись по дорогѣ, караванъ остановился. Николай Михайловичъ внимательно объѣхалъ его и приказалъ двигаться: путешествіе началось.

Опять поперекъ великой пустыни, опять поперекъ высокаго Нань-Шаня, въ области котораго Пржевальскому удалось открыть два отдѣльныхъ, самостоятельныхъ снѣговыхъ хребта, названныхъ имъ именами великихъ географовъ—Гумбольдта и Риттера. Стоя на одномъ изъ многочисленныхъ ледниковъ хребта Гумбольдта, Пржевальскій восторженно говоритъ: «Никогда еще до сихъ поръ я не поднимался такъ высоко—17.100 футовъ надъ моремъ, никогда въ жизни не оглядывалъ такого обширнаго горизонта. Дивная панорама горъ, освѣщенныхъ солнцемъ, разстилалась подъ ногами. Весь поглощаешься созерцаніемъ величественной картины. Легко, свободно сердцу на этой выси, на этихъ ступеняхъ, ведущихъ къ небу, лицомъ къ лицу съ грандіозною природою, вдали отъ всей суеты и скверны житейской. Хоть на минуту становишься дѣйствительно духовнымъ существомъ, отрываешься отъ обыденныхъ мелочныхъ помысловъ и стремленій».

За Нань-Шанемъ и Цайдамомъ начался второй періодъ путешествія болѣе интересный, какъ по своему характеру впереди лежащихъ мѣстностей, такъ и по ихъ совершенной неизвѣстности. Грандіозная природа Азіи ознаменовала себя тамъ духомъ подавляющей массивности, въ видѣ тибетскаго нагорья, поднятаго отъ 13—15.000 до 18.000 футовъ надъ моремъ. Вдоль многочисленныхъ рѣкъ и долинъ Тибета процвѣтаютъ богатѣйшія пастбища,

по которымъ привольно пасутся дикія млекопитающія. Встрѣчая на пути, иногда въ продолженіе цѣлаго дня, сотенныя стада яковъ, хулановъ и множество антилопъ, Пржевальскій вначалѣ съ трудомъ вѣрилъ, что то могли быть дикія животныя, которыя притомъ обыкновенно довѣрчиво подпускали къ себѣ человѣка, еще не зная въ немъ самаго злого врага своего.

По мѣрѣ проникновенія экспедиціи въ глубь «завѣтной» страны и по мѣрѣ приближенія зимы, тибетское нагорье давало себя чувствовать, въ особенности разрѣженный воздухъ, въ конецъ обезсиливающій организмъ... Всюду валялись людскіе черепа и кости караванныхъ животныхъ, напоминавшіе о трудной борьбѣ человѣка съ грандіозною природою. На переходахъ, даже небольшихъ, участники экспедиціи сильно уставали, такъ какъ помимо вычюненія и развычюненія верблюдовъ, дорогою имѣли на себѣ ружья, патронташи и проч., всего чуть не по полупуду тяжести...

День перехода экспедиціи черезъ вершину Танъ-ла, седьмого ноября 1879 года, былъ ознаменованъ нападеніемъ тибетскихъ разбойниковъ—ёграевъ. Пржевальскій съ отрядомъ открылъ огонь, и послѣ перваго залпа ёграи бросились на утекъ, потерявъ четырехъ человѣкъ убитыми и нѣсколькихъ ранеными.

Исторія на Танъ-ла быстро облетѣла окрестности, и впереди лежащіе населенные пункты пришли въ смятеніе, преградивъ дорогу экспедиціи. Сторожевые посты твердили: «не пустимъ, пока не получимъ отвѣта изъ Лхасы—столицы Тибета».

Прошло шестнадцать сутокъ, прежде чѣмъ былъ полученъ отвѣтъ, и все это время Пржевальскій былъ въ тревожномъ состояніи. Онъ сознавалъ, что караванъ его запертъ: спереди—въ деревнѣ Наичу, было собрано до тысячи солдатъ и милиціи, а сзади на Танъ-ла, несомнѣнно, ёграи поджидали возвращенія путешественниковъ. Отвѣтъ же гласилъ слѣдующее: *«по постановленію важныхъ сановниковъ Тибета, рѣшено не пропускать русскихъ въ Лхасу»*...

...Итакъ, не дойдя всего двухсотъ пятидесяти верстъ до столицы Тибета, Пржевальскій долженъ былъ повернуть назадъ. «Трудно описать», говоритъ онъ, въ письмѣ посланнику въ Пекинѣ, «съ какимъ грустнымъ чувствомъ повернулъ я въ обратный путь! Но видно такая моя судьба! Пусть другой, болѣе счастливый путешественникъ, dokonчитъ недоконченное мною въ Азіи. Съ моей же стороны сдѣлано все, что возможно было сдѣлать».

Весна и лѣто были проведены экспедиціей въ верховья Жел-

той рѣки и на Куку-норѣ... «Шестого іюня», записалъ Пржевальскій въ своемъ дневникѣ, «распрощались мы съ Куку-норомъ вѣроятно уже навсегда. Передъ отходомъ я нѣсколько минутъ пристально глядѣлъ на красивое озеро, стараясь живѣе запечатлѣть въ памяти его панораму»...

Еще болѣе трогательно прощается Николай Михайловичъ съ горами Гань-су, среди которыхъ темной змѣей извивается и сердито клокочетъ пѣнистыми брызгами его любимецъ—гордый красавецъ Тэтунгъ... «На самомъ перевалѣ», говоритъ онъ, «въ ожиданіи прихода отставшаго немного каравана, я нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ на великолѣпную панораму горъ. Оба хребта—на южной и на сѣверной сторонѣ Тэтунга—раскидывались передо мною и убѣгали въ даль къ западу, теряясь въ легкомъ синеватомъ туманѣ, наполнявшемъ воздухъ. Любовался глазъ, радовалось сердце. Но въ то же время грустное чувство охватывало душу, при мысли, что скоро придется расстаться со всѣми этими прелестями. Сколько разъ завидывалъ пролетавшему въ это время мимо меня грифу, который можетъ подняться еще выше и созерцать панорамы еще болѣе величественныя. Лучшимъ дѣлается человекъ въ такія минуты. Словно поднявшись въ высь, онъ отрѣшается отъ своихъ мелкихъ помысловъ и страстей. Могу сказать, кто не бывалъ на высокихъ горахъ, тотъ не знаетъ грандіозныхъ красотъ природы!...»

Спустились въ долину, и обстановка рѣзко измѣнилась: взамѣнъ пріятной прохлады горъ, экспедиція встрѣтила сильную жару и чрезвычайную сухость атмосферы. Раскаленная днемъ почва горячо дышала до слѣдующаго утра, а тамъ опять багровымъ дискомъ показывалось дневное свѣтило и быстро накаляло все, что хотя немного успѣвало остыть въ теченіе ночи.

Побуждаемые внутреннимъ чувствомъ, путешественники не испытывали теперь особенной усталости и изо-дня-въ-день ходко подвигались къ Ургѣ... Только послѣдній переходъ тянулся невыносимо долго... «Наконецъ», пишетъ Николай Михайловичъ, «съ перевала передъ нами раскрылась широкая долина рѣки Толы, а въ глубинѣ этой долины, на бѣломъ фонѣ недавно выпавшаго снѣга, чернѣлся священный монгольскій городъ Урга... Еще два часа черепашьей ходьбы—и вдали замелькало красивое зданіе нашего консульства. Обстановка пустыни круто измѣнилась. Попадали мы словно въ иной міръ. Родное европейское чувствовалось уже недалеко. Радужная встрѣча соотечественниковъ, обоюдные раз-

спросы, письма отъ друзей и родныхъ, теплая комната, взаѣнъ холодной юрты, разнообразныя яства, чистое бѣлье и платье—все это сразу настолько обновило насъ, что прошлое казалось грезами обманчиваго сна»...

Своимъ возвращеніемъ въ Петербургъ Н. М. Пржевальскій вносилъ свѣжую, здоровую струю познанія, къ которому стремились всѣ жаждавшіе новаго слова географической науки. Своими блестящими лекціями Пржевальскій привлекалъ многочисленныя аудиторіи...

Петербургъ и родной Смоленскъ избрали путешественника въ почетные граждане; Московскій университетъ — почетнымъ членомъ, равно какъ и Вѣнское, Итальянское и Дрезденское географическія общества. Пржевальскій благодарилъ всѣ эти общества, въ особенности Лондонское, присудившее ему золотую медаль.

Выставка зоологическихъ коллекцій путешественника, устроенная въ залахъ Академіи наукъ, привлекла многочисленныхъ посѣтителей и обратила на себя вниманіе Ихъ Величествъ. Государыня Императрица изъявила желаніе, чтобы Николай Михайловичъ въ нѣсколькихъ бесѣдахъ сообщилъ Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, главнѣйшіе результаты своихъ путешествій въ Средней Азіи.

Описаніе своего путешествія Пржевальскій уже производилъ въ новомъ, только что пріобрѣтенномъ имъ, имѣніи «Слобода», Смоленской губерніи, Порѣчскаго уѣзда. Въ немъ имѣется свыше двухъ тысячъ десятинъ земли, большею частью покрытой лѣсомъ, «да и лѣсъ, какъ *сибирская тайга*», писалъ новый владѣлецъ, «а рядомъ лѣса потянулись на сотню верстъ. Но все таки это не исключаетъ желанія, и даже весьма солиднаго, побывать еще въ Азіи, погулять въ Тибетѣ и на верховья Хуань-хэ. Въ новомъ имѣніи будетъ только мое гнѣздо, изъ котораго я буду летать въ глубь азіатскихъ пустынь»...

Наканунѣ новаго года была поставлена послѣдняя точка послѣдней главы книги, и въ первыхъ числахъ января 1883 года Пржевальскій отправился въ Петербургъ, гдѣ тотчасъ приступилъ къ печатанію своего труда и подалъ въ совѣтъ общества проектъ о новомъ, четвертомъ путешествіи въ Центральной Азіи. Пока разрѣшался вопросъ объ экспедиціи, Николай Михайловичъ окончилъ печатаніе своей книги и выпустилъ ее подъ заглавіемъ: «Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки».

Передъ самымъ отъѣздомъ Пржевальскаго изъ Петербурга На-

слѣдникъ Цесаревичъ (при прощаньѣ) подарилъ ему зрительную трубу изъ алюминія. Этимъ дорогимъ подаркомъ путешественникъ гордился и, поднимаясь на вершины горъ, во время четвертой экспедиціи, очень часто пользовался имъ, чувствуя въ душѣ глубокую благодарность къ имени Августѣйшаго своего покровителя.

Въ Кяхтѣ Пржевальскій получилъ письмо воспитателя Царскихъ сыновей, генераль-адъютанта Даниловича. «Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ поручилъ мнѣ (писалъ онъ) переслать вамъ фотографическую карточку Его Императорскаго Высочества и Его Августѣйшаго брата... Если бы во время путешествія вамъ представилась бы возможность прислать вѣсть о вашемъ дѣлѣ въ дальній Петербургъ, адресуйте пакетъ на мое имя для представленія Государю Наслѣднику Цесаревичу. Не думайте при этомъ ни сколько о редакціи вашего письма; для Его Высочества интересны будутъ всѣ извѣстія, написанныя или даже нацарапанныя вашею рукою»...

Въ концѣ октября 1883 года началось четвертое путешествіе Пржевальскаго въ Центральной Азіи. Онъ твердо шель и твердо вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду, пересѣкая третій разъ пустыню Гоби и спѣша въ горы Гань-су и долину Тэтунга. «Здѣсь (говорить Николай Михайловичъ) прекрасные обширные лѣса съ быстротекущими по нимъ въ глубокихъ ущельяхъ ручьями, роскошные альпійскіе дуга, рядомъ съ дикими скалами и каменными осыпями, внизу же быстрый извилистый Тэтунгъ, который шумно бурлитъ среди отвѣсныхъ громадъ,—все это сочетается въ такомъ грандіозномъ величій, мѣстами въ такихъ дивныхъ, ласкающихъ взоръ формахъ, какія не легко поддаются описанію».

Дальнѣйшій путь лежалъ въ сѣверо-восточный Тибетъ, гдѣ экспедиціи въ теченіе лѣта удалось обслѣдовать большой районъ въ бассейнахъ Желтой рѣки и Ян-цзы-цзяна... На озерахъ верхней Хуань-хэ Пржевальскій съ отрядомъ дважды подвергся лихимъ нападеніямъ тибетцевъ-разбойниковъ, племени н'голокъ, но обѣ атаки эти были блестяще отбиты. Слава о горсти русскихъ путешественниковъ быстро распространялась съ одной стороны къ Пекину, съ другой къ западному Тибету и Туркестану. Восточный Туркестанъ экспедиціей Пржевальскаго былъ пересѣченъ на всемъ его протяженіи. Караванъ драгоценныхъ коллекцій выросъ до большихъ размѣровъ и ровно черезъ два года вступилъ на родную землю.

Вблизи перваго русскаго города Каракола путешественники

были встрѣчены соотечественниками, радушно предложившими имъ русскую «хлѣбъ-соль», а въ самомъ городѣ начальникъ экспедиціи былъ осчастливленъ поздравительной депешей Наслѣдника Цесаревича «съ благополучнымъ окончаніемъ многотрудной экспедиціи и приобретенными результатами».

«Такъ сегодня—седьмого ноября», записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ, «окончилось четвертое мое путешествіе по Центральной Азіи. Ровно два года провели мы въ пустыняхъ, вдали отъ всего цивилизованнаго міра. Но мила и дорога сердцу свободная странническая жизнь. Какъ въ прежніе разы, такъ и теперь, жалко, больно съ нею разставаться—быть можетъ надолго, если только не навсегда. Тяжело подумать о послѣднемъ, но годы налегаютъ одинъ за другимъ и, конечно, наступитъ время, когда уже невозможно будетъ выносить всѣхъ трудовъ и лишеній подобныхъ путешествій. Пусть же—если только мнѣ не суждено болѣе идти вглубь Азіи—воспоминанія о видѣнномъ тамъ и содѣянномъ въ теченіе долголѣтнихъ странствованій будутъ для меня отрадою до конца жизни. Пусть съ именами Лобъ-нора, Куку-нора, Тибета и многими другими будутъ воскресать въ моемъ воображеніи живые образы тѣхъ незабвенныхъ дней, которые удалось мнѣ провести въ этихъ невѣдомыхъ странахъ, среди дикой природы и дикихъ людей, на славномъ поприщѣ служенія наукъ»....

Императорское Географическое общество привѣтствовало славнаго путешественника въ торжественномъ собраніи, происходившемъ въ концертномъ залѣ дворца Великой Княгини Екатерины Михайловны, а Императорская Академія наукъ выразила неутомимому путешественнику особенную признательность и выбила въ честь Пржевальскаго золотую медаль, на лицевой сторонѣ которой изображенъ портретъ путешественника, съ надписью вокругъ: «*Николаю Михайловичу Пржевальскому Императорская Академія Наукъ*». 1886, а на оборотѣ надпись: «*Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи*», окруженная лавровымъ вѣнкомъ.

Послѣ возвращенія изъ путешествія и обычнаго пребыванія въ Петербургѣ, Пржевальскій поселился въ любимой имъ «Слободѣ» и занялся составленіемъ книги. Постоянными его гостями были его друзья-спутники, съ которыми онъ часто предпринималъ охотничьи экскурсіи и рыболовства. Удаленная отъ желѣзныхъ дорогъ, далекая «Слобода» для чуткой души Пржевальскаго была незаменима....

На слѣдующій годъ Пржевальскій задумалъ уже новое путешествіе.

Изданіе научныхъ результатовъ его прежнихъ экспедицій было обезпечено за счетъ двадцати пяти тысячъ рублей, пожалованныхъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Пржевальскій считалъ своею нравственною обязанностью принести посильную дань благодарности Его Высочеству и исходатайствовалъ дозволеніе посвятить Наслѣднику Цесаревичу описаніе четвертаго своего путешествія въ Центральной Азіи. Разрѣшеніе послѣдовало, и въ началѣ августа книга была издава подъ заглавіемъ: «Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи. *Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки; изслѣдованіе стверной окраины Тибета и пути черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима*».

Въ августѣ 1888 года Пржевальскій трогательно простился со «Слободой» и со старушкой няней, а черезъ два мѣсяца, на порогѣ пятаго путешествія, онъ еще болѣе трогательно простился съ нами—спутниками.

— Похороните меня непременно на Исыкъ-кулѣ, на красивомъ берегу. Надпись сдѣлайте простую: «Путешественникъ Пржевальскій». Положите въ гробъ въ моей экспедиціонной одеждѣ. Пожалуста, докторъ, не анатомируйте меня. Ты (обращаясь къ Роборовскому) сними съ меня фотографію съ Ланкастеромъ. Ланкастеръ оставляю Роборовскому, Пёрдѣ—Козлову, «Слободу» передаю Володѣ (племяннику) въ майоратъ...

На утро, двадцатаго октября, Николаю Михайловичу стало очень худо. Лежа на правомъ боку, онъ бредилъ, прикрывъ лицо рукою. По выраженію нижней части лица можно было думать, что онъ плакалъ. Потомъ вдругъ, поддерживаемый нами, всталъ во весь ростъ и, посмотрѣвъ кругомъ, сказалъ: *«ну теперь я лягу»*...

Мы помогли лечь; лицо и руки стали желтѣть.... нѣсколько учащенныхъ дыханія, два-три глубокихъ вдоха, и Николая Михайловича не стало.

Слезы. горькія слезы душили cadaго изъ насъ.... Мнѣ казалось, такое горе пережить нельзя.... *да оно и теперь еще не пережито*.

Послѣ отпѣванія, печальная процессія двинулась за городъ, къ мѣсту погребенія. Провожавшихъ было много. На перекресткахъ дорогъ встрѣчалась масса всадниковъ-киргизовъ, стоявшихъ съ обнаженными головами. Всю дорогу, двѣнадцать верстъ, пѣли пѣвчіе, смѣняемые хоромъ музыки. Стояла прекрасная погода,

солнце играло по ледянымъ вѣнцамъ Тянь-Шаня, въ прозрачной синевѣ неба рѣяли грифы-монахи.

Возлѣ могилы, зайдя впередъ, войска выстроились и пропустили съ должною почестью печальную процессію. Колесница-лафетъ сдѣлала заѣздъ къ могилѣ. Спутники-товарищи приняли съ нея послѣдній разъ на свои руки безцѣнный прахъ и понесли по покатоности внизъ къ склепу. Залпы орудій и пѣхоты грозно разнесли грустную вѣсть далеко по озеру и окрестнымъ горамъ. Началась служба. Тяжелое рыданіе возносилось, вмѣстѣ съ душевною мольбою, къ Всевышнему—упокоить великую душу усопшаго раба Николая....

Завѣтное желаніе покойнаго было исполнено: прахъ его остался навсегда въ Азіи и могила его находится у подножья Небеснаго хребта—тамъ, гдѣ высится стѣна этого хребта и гдѣ его бѣлоснѣжныя вершины кажутся утопающими въ голубыхъ водахъ Иссыкъ-куля.

— Прощай, дорогой учитель, да будетъ легка тебѣ земля! Чистый сердцемъ, великій душою, ты приковывалъ насъ къ себѣ всѣмъ существомъ—и душой и тѣломъ; самъ же ты со всѣмъ твоимъ умомъ и любовью привязывался только къ природѣ Азіи и ея глубокому научному познанію. Привязавъ себя, ты старался привязать и насъ: да будетъ же *твой завѣтъ* навсегда хранимъ нами!

Вѣсть о преждевременной кончинѣ Пржевальскаго произвела не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ, скорбное впечатлѣніе....

Девятаго ноября 1888 года Императорское Географическое общество устроило чрезвычайное собраніе, посвященное памяти Николая Михайловича Пржевальскаго. Это собраніе было открыто рѣчью вице-предсѣдателя П. Семенова-Тянь-Шанскаго: «... Говорить о Пржевальскомъ можно, разумѣется, безконечно много.... Въ нашей средѣ совершилась вся его славная дѣятельность, съ нами дѣлился онъ первыми впечатлѣніями четырехъ великихъ своихъ путешествій вглубь Азіи, передъ нами писалъ онъ, съ свойственною ему талантливостью, въ промежуткахъ своихъ путешествій, свои томы; многимъ изъ васъ, присутствующихъ, передавалъ онъ для научной разработки собранные драгоценные матеріалы, съ нами составлялъ онъ смѣлые планы новыхъ путешествій; при нашемъ дѣятельномъ участіи снаряжался онъ въ свои

экспедиціи. Однимъ словомъ, его дѣятельность въ теченіе двадцатилѣтія до такой степени сплелась съ дѣятельностью Географическаго общества, что лавры его вѣнка суть вмѣстѣ съ тѣмъ лучшія лавры почти полувѣковой дѣятельности нашего Общества.

Вамъ, конечно, извѣстно, что Пржевальскій удостоился всѣхъ высшихъ наградъ со стороны всѣхъ географическихъ обществъ, не не всѣмъ извѣстны тѣ отзывы, которыми сопровождались эти награды.... Приведу прежде всего отзывъ барона Рихтгофена, знаменитаго геолога и путешественника по Китаю, предсѣдателя Берлинскаго географическаго общества, по рецензіи котораго состоялось въ пользу Пржевальскаго присужденіе большой Гумбольдтовской медали, первое по ея учрежденіи. Рихтгофенъ, свидѣтельствуя о томъ, что ни одинъ отдѣльный путешественникъ не расширилъ нашихъ познаній о Центральной Азіи въ такой мѣрѣ, какъ Пржевальскій, прямо и притомъ въ двухъ мѣстахъ своей рецензіи признаетъ его геніальнымъ путешественникомъ, обладающимъ необыкновенною наблюдательностью. Говоря объ одномъ изъ этнографическихъ очерковъ Пржевальскаго, Рихтгофенъ признаетъ очеркъ этотъ одною изъ самыхъ интересныхъ и привлекательныхъ этнографическихъ картинъ, какія только встрѣчаются въ современныхъ путешествіяхъ. Въ частности, говоря объ Алтынъ-тагѣ, Рихтгофенъ признаетъ научное открытіе Пржевальскимъ этого хребта поразительнѣйшимъ географическимъ открытіемъ, имѣющимъ одинаково во важное значеніе, какъ для географіи, такъ и для уразумѣнія средне-азиатскихъ народныхъ отношеній.

Президентъ Лондонскаго географическаго общества, при присужденіи Пржевальскому еще въ 1879 году высшей награды, находящейся въ распоряженіи общества, высказалъ мнѣніе, что путешествіе Пржевальскаго по странѣ тангутовъ и сѣверному Тибету превосходитъ все то, что было обнародовано со временъ Марко Поло, и ставитъ одинаково высоко заслуги Пржевальскаго, какъ географа и какъ натуралиста; при этомъ г-нъ Алькокъ очень удачно догадывается, что побудила Пржевальскаго предпринять свои отчаянныя и опасныя путешествія его энтузіастическая любовь къ природѣ. Но если это такъ, прибавляетъ президентъ Лондонскаго географическаго общества, то тѣмъ болѣе чести Пржевальскому за то, что ему удалось привить къ своей страсти всѣ достоинства ученаго географа и самаго счастливаго и отважнаго изслѣдователя неизвѣстныхъ странъ.

Президентъ Шведскаго географическаго общества, которое

въ присутствіи своего просвѣщеннаго и любящаго географическую науку государя, присудило Пржевальскому свою высшую награду, медаль Веги, послѣ того, какъ та же награда присуждена была знаменитымъ шведскимъ путешественникамъ—Норденшельду и Паландеру, и не менѣе знаменитому изслѣдователю внутренней Африки Стэнли, поставилъ эти четыре имени въ первомъ ряду современныхъ путешественниковъ и выразилъ при этомъ свое глубокое сочувствіе къ тому правительству, которое такъ великодушно содѣйствовало снаряженію его экспедиціи и съ такою честью представляетъ свою страну въ географической наукѣ.

Этихъ трехъ отзывовъ достаточно для того, чтобы охарактеризовать мнѣнія о Пржевальскомъ ученыхъ обществъ въ Западной Европѣ. Свидѣтельскія же показанія нашихъ почтенныхъ ученыхъ, которымъ ближе всего извѣстны матеріалы, собранные Пржевальскимъ, вы услышите послѣ моей рѣчи»....

«Многіе изъ присутствующихъ», говоритъ академикъ Штраухъ—покойный директоръ Зоологическаго музея Академіи наукъ, «вѣроятно еще помнятъ грандіозное впечатлѣніе, которое производила устроенная въ началѣ 1887 года выставка собранныхъ Николаемъ Михайловичемъ предметовъ, наполнившихъ два большихъ зала въ новомъ зданіи академіи и составлявшихъ сами по себѣ уже цѣлый музей. Если мы ограничились бы еще замѣчаніемъ, что всѣ коллекціи покойнаго образцово приготовлены и прекрасно сохранены, то не затронули бы главной ихъ стороны, ихъ научнаго значенія. Николай Михайловичъ чрезвычайно систематично и съ рѣдкимъ пониманіемъ дѣла относился къ своимъ сборамъ. Какъ превосходный наблюдатель, онъ съ педантичной обстоятельностью заносилъ въ свои образцовые дневники всѣ наблюдавшіяся имъ біологическія явленія и другія свѣдѣнія. Такъ, по разъ заведенному плану, изъ года въ годъ дополнялись вмѣстѣ съ коллекціями и данныя, часто неоцѣнимой важности, касающіяся жизни центрально-азиатскихъ животныхъ; никакое одолимое человѣческими силами препятствіе не было въ состояніи удержать Николая Михайловича отъ пополненія пробѣловъ, замѣченныхъ имъ въ своихъ матеріалахъ. Мертвыя числа, показывающія количество привезенныхъ предметовъ, величайшая рѣдкость и большая денежная цѣнность многихъ изъ нихъ—все это блѣднѣетъ передъ тою научною цѣнностью, которую покойный сумѣлъ придать своимъ коллекціямъ, все это блѣднѣетъ передъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Николай Михайловичъ поставилъ свой матеріалъ на высоту, соответствующую

щую тѣмъ важнымъ задачамъ, которыя связаны съ изученіемъ животнаго населенія Центральной Азіи».

Академика-зоолога смѣнилъ на кафедрѣ Географическаго общества академикъ-ботаникъ, К. И. Максимовичъ. «Отрадное чувство встаетъ въ душѣ при мысли, что въ продолженіе тридцати съ небольшимъ лѣтъ наука обязана Россіи научнымъ приобрѣтеніемъ такихъ обширныхъ странъ, какъ Амурскій и Уссурійскій край, Сахалинъ, Туркестанъ, Монголія и сѣверный Тибетъ. Въ первыхъ изъ нихъ вмѣстѣ съ военнымъ занятіемъ явились и ученые экспедиціи, и едва Европа успѣла узнать, что Амуръ принадлежитъ Россіи, какъ въ печати уже появились труды о флорѣ и фаунѣ его. Впечатлѣніе, особенно въ Англіи, было глубокое: труды эти были толчкомъ для изданія правительствомъ цѣлаго ряда описаній колониальныхъ флоръ. Еще болѣе глубокимъ уваженіемъ встрѣчены геройскіе подвиги Н. М. Пржевальскаго. Въ письмѣ сэра Джозефа Д. Гукера, знаменитаго путешественника, изслѣдовавшаго между прочимъ и Гималай до рубежа Тибета, письмѣ, написанномъ по поводу весьма заинтересовавшей его вышеупомянутой статьи о флорѣ Монголіи и Тибета, онъ выразился о Пржевальскомъ, какъ едва ли не о первомъ научномъ путешественникѣ нашего времени, соединяющемъ военную отвагу съ многостороннею научною подготовкою и неимовернымъ трудолюбіемъ. Ливингстонъ и Стэнли, пишетъ онъ, были отважными піонерами, но только сумѣли проложить на картѣ пройденные ими пути, для изученія же природы не сдѣлали ничего. Послѣ заслуженнаго Барта нужно даже было послать другого путешественника, чтобы проложить на картѣ маршруты его. Только Пржевальскій, заключаетъ онъ, соединялъ въ своемъ лицѣ отважнѣйшаго путешественника съ географомъ и натуралистомъ».

Николай Михайловичъ скончался на порогѣ пятаго путешествія. Какъ бы предчувствуя свой конецъ, онъ помѣстилъ въ послѣднемъ своемъ сочиненіи, кромѣ инструкцій, какъ путешествовать по Средней Азіи, еще и перечисленіе задачъ, подлежащихъ исполненію, для болѣе основательнаго изученія пройденныхъ имъ странъ, скромно называя свои собственные труды *научными рекогносцировками*. Исполнимъ же послѣднее завѣщаніе его, найдемъ въ средѣ нашей отважныхъ и знающихъ путешественниковъ, готовыхъ закрѣпить за нами научное завоеваніе Центральной Азіи...

По волю МОНАРХА, двадцатаго октября 1892 года бюстъ Пржевальскаго былъ законченъ сооружеиёмъ и открытъ въ Александровскомъ саду, въ Петербургѣ.

Нѣсколько позднѣе былъ поставленъ величественный памятникъ и на могилѣ Пржевальскаго, на высокомъ берегу Исыкъ-куля. Исыкульскій памятникъ изображаетъ скалу, сложенную изъ большихъ глыбъ тяньшаньскаго гранита. На вершинѣ скалы большой бронзовый орелъ. Подъ когтями орла карта Азiи, на бронзовомъ листѣ; въ клювъ оливковая вѣтвь — эмблема мирныхъ завоеванiй науки.

Городъ Караколъ былъ переименованъ въ Пржевальскъ.

П. Козловъ.

КЪ РЕФОРМЪ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

Не подлежит сомнѣнiю, что неудачи, постигшия насъ въ Русско-японскую войну, заставили многихъ проявить напряженную моральную и организационную дѣятельность, которая не замедлила выдвинуть неотложность важныхъ реформъ въ арміи, совершила переоцѣнку многихъ устарѣвшихъ взглядовъ на военное искусство, подняла уровень нравственного воспитанiя и технического образованiя войскъ.

Къ числу желательныхъ мѣропріятiй слѣдуетъ отнести и реформы въ службѣ генеральнаго штаба, который (не смотря на извѣстный афоризмъ: «мозгъ арміи») сохранилъ среди преобразованiй послѣдняго времени наибольшій консерватизмъ.

Несомнѣнно, что крупный пробѣлъ въ службѣ генеральнаго штаба—это отчужденіе отъ творческой работы въ войскахъ, незамѣтной, но весьма существенной для развитія воинскаго духа и для совершенствованія въ обученіи войскъ.

Отсюда рядъ непростительныхъ ошибокъ въ Русско-японскую войну штабовъ, начальниковъ въ отношеніи управленія; рядъ непростительныхъ заблужденій, вслѣдствіе непониманія мощи командуемыхъ единицъ, способныхъ къ значительно большимъ подвигамъ и жертвамъ, т.-е. въ неумѣнніи использовать средства для побѣды. Извѣстенъ примѣръ растерянности высшаго управленія при переправѣ черезъ Дунай у Зимницы въ 1877 году и, наряду съ этимъ, Скобелевъ, сохраняющій полное спокойствіе, повимающій импульсъ боя и въ хаосѣ боевыхъ столкновеній геніально усмотрѣвшій побѣду надъ врагомъ.

Если мы обратимся къ нашимъ великимъ полководцамъ—Петру, Суворову, то увидимъ, что ихъ военный талантъ развивался не подъ влияніемъ штабной, канцелярской службы, а среди воинства, которому они посвятили свою жизнь и которое использовали для своей славы и величія.

По окончаніи послѣдней войны были сдѣланы попытки къ большому сближенію офицеровъ генеральнаго штаба съ войсками установленіемъ двухлѣтняго командованія «причисленными» ротой (эскадрономъ). Хотя эти мѣры и заслуживаютъ сочувствія и крайне желательны, но онѣ не могутъ имѣть существеннаго значенія, такъ какъ, вслѣдствіе недостаточнаго опыта причисленныхъ къ генеральному штабу, послѣдніе не въ состояніи проявить той творческой работы, которая необходима для того, чтобы выдвинуть армию на путь совершенствованія. Нерѣдко имъ приходится самимъ присматриваться къ тому, что сдѣлано болѣе опытными (но съ менѣе широкимъ военнымъ образованіемъ) строевыми начальниками.

Поэтому офицерамъ генеральнаго штаба, кромѣ командованія ротой (эскадрономъ), необходимо дать войсковую практику въ тотъ періодъ, когда они готовятся быть командирами полковъ, когда ихъ служебный опытъ настолько созрѣлъ, что они способны оказать существенное влияніе на творческую, созидательную работу въ войскахъ. Къ этому необходимо приступить самымъ рѣшительнымъ образомъ, не обращая вниманія на мелочныя неудобства, могущія произойти отъ этой реорганизаціи службы офицеровъ генеральнаго штаба, при возвращеніи ихъ обратно въ строевыя части.

Но прежде, чѣмъ перейти къ этому вопросу, необходимо въ общихъ чертахъ коснуться значенія штабовъ высшихъ войсковыхъ соединеній.

Учрежденіе штаба прежде всего обусловливается требованіями удобствъ управленія, которое въ высшихъ соединеніяхъ дѣлается настолько затрудненнымъ, что не подъ силу одному лицу. Чѣмъ выше войсковыя соединенія, тѣмъ болѣе требуется, такъ называемой, мозговой работы (для выясненія сущности обстановки и для подготовки къ данной операціи).

Высшему начальнику, освобожденному отъ трудной мозговой работы, предоставляется для окончательнаго рѣшенія критической анализъ и собственная воля, оказывающая огромное вліяніе на ходъ боевыхъ дѣйствій.

Корпусъ въ настоящее время есть низшая оперативная единица, обладающая полной самостоятельностью. Дивизія не имѣетъ такой самостоятельности и составляетъ маневренную единицу, способную выполнить лишь частныя задачи, преимущественно на поляхъ сраженій, а именно: выполнять роль (маневреннаго) резерва, заслона, угрозы и охраненія фланговъ и т. п. Отсюда вытекаетъ для этихъ соединеній необходимость имѣть начальника штаба, ближайшаго помощника для разработки оперативныхъ данныхъ, именно для той мозговой работы, которая могла бы освободить высшее начальство отъ лишняго труда и дать ему время на обсужденіе плана и на рѣшеніе операціи. Однако, дивизія, по своему боевому значенію, въ такой широкой подготовкѣ къ операціи не нуждается; дѣятельность ея штаба слагается, главнымъ образомъ, изъ организаціи техники управленія, что зависитъ не отъ одного начальника штаба, а отъ имѣющихся наличныхъ средствъ связи, отъ организаціи службы генеральнаго штаба и, наконецъ, отъ самой подготовки частей къ проявленію собственнаго почина въ развитіи данной операціи.

Бой настолько сложное психологическое явленіе, что никакія совершенныя техническія средства не въ состояніи замѣнить самаго главнаго условія въ управленіи войсками — развитія чувства личной инициативы, стремленія всѣхъ до послѣдняго солдата къ достиженію общей цѣли.

Это важное условіе — «полное единство цѣли» — современнаго боя упрощаетъ веденіе операціи менѣе крупными единицами, въ отношеніи тѣхъ операціонныхъ соображеній, которыя требуютъ трудной предварительной работы штаба.

Если эта разница въ операціонной работѣ на войнѣ рѣзко выражается, съ одной стороны, въ высшихъ организаціяхъ—въ арміи и корпусѣ, какъ оперативныхъ единицахъ, и, съ другой стороны, въ дивизіи, какъ маневренной единицѣ, то дѣятельность штаба корпуса и дивизіи въ мирное время еще болѣе отличается одна отъ другой. Корпусъ, состоящій изъ значительнаго числа отдѣльных частей пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи, инженерныхъ войскъ, самаго разнообразнаго назначенія, нуждается въ штабѣ, объединенномъ въ рукахъ одного начальника штаба для разработки, главнымъ образомъ, вопросовъ воспитанія и обученія различныхъ родовъ войскъ.

Другія функціи, которыя должны выполняться вообще начальникомъ штаба, это быть ближайшимъ помощникомъ начальника въ управленіи войсками. Если эта послѣдняя (опредѣленная закономъ для начальника корпуснаго и окружнаго штабовъ) обязанность совершенно игнорируется, то это доказываетъ насколько глубоко вкоренилось убѣжденіе, совершенно неосновательное, что начальникъ штаба есть только докладчикъ по всѣмъ дѣламъ управленія войскъ:

Управление дивизіи не нуждается въ подобной объединяющей дѣятельности штаба. Вопросы воспитанія и обученія одного рода войскъ (по преимуществу) не представляютъ собой сложности и могутъ быть разрѣшаемы, безъ предварительной разработки, самимъ начальникомъ, стоящимъ во главѣ управленія. Самъ законъ строго ограничиваетъ роль начальника штаба дивизіи, возлагая на него опредѣленныя обязанности по завѣдыванію дѣлопроизводствомъ штаба, въ отличіе отъ начальника штаба высшихъ войсковыхъ соединеній.

Отсюда вытекаетъ необходимость въ реформированіи штаба дивизіи—упраздненіемъ должностей начальника штаба и старшаго адъютанта генеральнаго штаба и оставленіемъ въ распоряженіи начальника дивизіи штабъ-офицера по службѣ генеральнаго штаба, роль котораго отвѣчала бы дѣятельности, опредѣленной закономъ и соотвѣтствующей современнымъ требованіямъ.

Съ раздѣленіемъ управленія дивизіи на штабъ дивизіи и управленіе дивизионнаго интенданта, вопросъ объ упраздненіи должности начальника штаба дивизіи и о передачѣ его функціи штабъ-офицеру какъ бы предрѣшается самъ собой. Подобно тому, какъ дѣлопроизводитель управленія дивизионнаго интенданта является ближайшимъ помощникомъ дивизионнаго интенданта по канцеляріи,

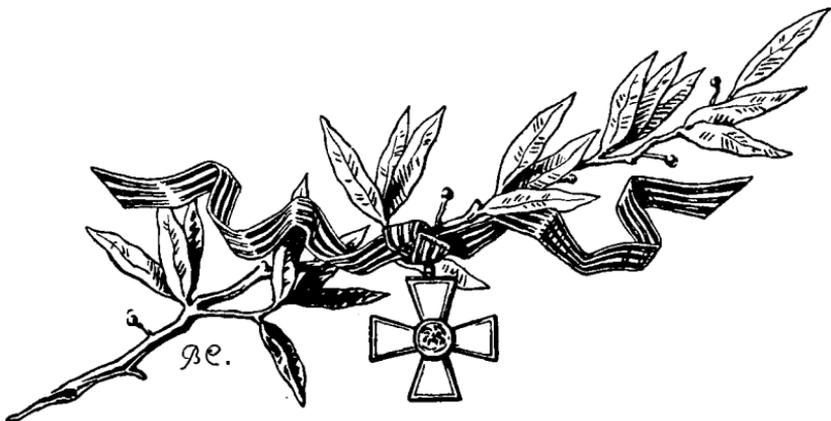
въ помощь штабъ-офицеру по службѣ генеральнаго штаба, для веденія канцелярской переписки и исполненія табели срочныхъ донесеній, долженъ быть назначенъ старшій адъютантъ по строевой части, офицеръ не генеральнаго штаба.

Упраздня одну высшую должность генеральнаго штаба, достигается возможность офицерамъ генеральнаго штаба въ штабъ-офицерскомъ чинѣ возвратиться въ войска, т.-е. достигается цѣль сближенія съ войсками передъ командованіемъ полкомъ.

Откомандированіе это, съ назначеніемъ помощникомъ командира полка, въ теченіе двухъ лѣтъ не менѣе, окажетъ, во-первыхъ, существенное вліяніе на подготовку будущихъ командировъ полковъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба, въ настоящее время являющихся въ видѣ гастролеровъ и часто, благодаря своей неподготовленности, вызывающихъ совершенно справедливыя нареканія команднаго элемента; во-вторыхъ, пребываніе въ полкахъ людей съ достаточнымъ опытомъ, съ широкимъ военнымъ образованіемъ, дастъ въ распоряженіе командира полка отличнаго помощника, въ отношеніи поднятія воинскаго образованія въ войскахъ.

Такимъ образомъ полное единеніе по цѣли, взаимное пониманіе, твердая моральная спайка управленія съ массами требуютъ еще большаго сближенія, сліянія генеральнаго штаба съ войсками, для совмѣстной творческой работы, безъ которой невозможенъ никакой прогрессъ въ арміи.

А. С.

Изъ Скобелевскихъ приказовъ ¹⁾.

(35 лѣтъ тому назадъ).

«... Въ виду того, что помѣщеніе и вообще бытъ солдата прямо отражается на его здоровьѣ и силѣ, а слѣдовательно боевой готовности и самой жизни его, предлагаю всѣмъ гг. начальствующимъ припомнить и примѣнить къ дѣлу всѣ данныя, вліяющія на здоровье солдата и хорошее состояніе его духа, вмѣстѣ съ тѣмъ обращать вниманіе на сохраненіе строгаго порядка на квартирахъ, гдѣ солдатъ естественно ускользаетъ отъ глазъ начальства. Для этого, между прочимъ, считаю необходимымъ, чтобы гг. строевые офицеры жили въ районѣ своихъ ротъ.

Предписываю принять къ исполненію слѣдующее:

1) Помѣщенія выбирать осмотрительно: въ нихъ не должно быть недостатка въ воздухѣ, они должны быть теплы, чисты, сухи и свѣтлы; всѣ щели должны быть закрыты, стекла вставлены, печи устроены. Вездѣ должна быть подъ рукою хорошая вода.

2) Въ каждой квартирѣ должны быть старшіе, отвѣчающіе за порядокъ въ помѣщеніи; нижніе чины должны ложиться на вечерней зарѣ, дежурные офицеры по баталіонамъ, дежурные по ротамъ должны часто обходить помѣщенія. Въ квартирѣ имѣть списокъ нижнихъ чиновъ, въ ней живущихъ. Каждая рота должна имѣть ротный дворъ или площадку для ученія.

3) Гг. начальники должны наблюдать, чтобы всѣ люди держали помѣщенія и себя въ чистотѣ, бѣлье должно быть всегда чисто, солдаты должны ходить въ баню или устроить ее.

4) Бездѣйствіе порождаетъ упадокъ духа, пьянство и болѣзни. Солдатъ долженъ быть всегда занятъ; поэтому, кромѣ постоянныхъ ученій, ознакомленія съ уставами и новымъ оружіемъ, гг. офицеры должны поощрять въ солдатахъ чтеніе и устройство разнаго рода игръ.

¹⁾ По поводу расположенія частей IV корпуса на квартирахъ въ Адрианополѣ и его окрестностяхъ.

Приборъ для рѣшенія графическимъ способомъ стрѣлковыхъ задачъ.

«Наука сокращаетъ намъ опыты быстро-текущей жизни».

Значеніе наглядности въ обученіи.

Трѣльба есть искусство. Нужна ли для искусства наука, или обладаніе искусствомъ достигается усиленными упражненіями, а всякая теорія только мѣшаетъ дѣлу. создавая не мастеровъ, а теоретиковъ-схоластиковъ? Не вспоминается ли въ этомъ случаѣ гениальный Моцартъ и посредственный Сальери, который ремесло поставилъ подножіемъ искусству; «звуки умертвивъ, музыку разъялъ, какъ трупъ: повѣрилъ алгеброй гармонию и только послѣ этого дерзнулъ — въ наукѣ искушенный — предаться нѣгѣ творческой мечты». Но Моцартъ не былъ только гениальнымъ самородкомъ, творящимъ изъ себя: семи лѣтъ онъ сталъ изучать музыку подъ руководствомъ отца-музыканта. Когда Рим-

скому-Корсакову (автору Садко, Псковитянки) предложили мѣсто профессора консерваторіи, то онъ хотя согласился, но вскорѣ почувствовалъ свою полную неподготовленность къ этой роли. «Отсутствіе серьезнаго знанія теоріи музыки и техники сочинительства», говоритъ онъ, «сказались остановкой и въ моей сочинительской фантазіи, въ основу которой стали входить тѣ же заѣзженные мною приемы, и только развитіе этой техники, къ которой я обратился, дало возможность новымъ живымъ струямъ вселиться въ мое творчество и развязать руки для дальнѣйшей сочинительской дѣятельности». Самые знаменитые художники должны внимательно изучать теорію перспективы, теорію тѣней и свѣтовыхъ контрастовъ, чтобы создавать свои великія произведенія. «Въ большомъ физическомъ кабинетѣ на университетскомъ дворѣ», пишетъ Рѣпинъ, «мы художники-передвижники, собирались въ обществѣ Менделѣева и Петрушевскаго, для изученія подъ ихъ руководствомъ свойствъ разныхъ красокъ». «Когда я начинаю картину», говорилъ Куинджи, «я положительно не знаю, когда ее окончу: черезъ мѣсяць, черезъ годъ, можетъ быть—никогда. Надо умѣть выстрадать картину. Да, что картину! Иногда облачко, которое не можешь сразу схватить, причиняетъ столько мукъ, что теряешь голову и работаешь недѣлями, мѣсяцами».

Если въ самыхъ возвышенныхъ искусствахъ, какъ музыка, живопись, необходимы серьезныя научныя познанія, то относительно важности ихъ для искусствъ прикладныхъ, казалось бы не должно быть и рѣчи. Недаромъ, въ настоящее время каждое государство усиленно насаждаетъ у себя профессиональное образованіе, прекрасно понимая, что безъ него немислимъ сельскохозяйственный и промышленный прогрессъ. Былой «практикъ», т.-е. человѣкъ, обладающій хотя научными, но несистематизированными знаніями, теперь всюду уступаетъ мѣсто человѣку строго точной науки, и мы часто видимъ профессоровъ университета, знаменитыхъ ученыхъ, въ роли руководителей фабрикъ или, по крайней мѣрѣ, завѣдующими лабораторіями, подъ контролемъ которыхъ ведется производство. «Съ давнихъ поръ», пишетъ Александеръ въ «Вѣстникѣ офицерской стрѣлковой школы», «идетъ жестокая война между теоріей и практикой стрѣльбы, но это бесполезная война. Теорія стрѣльбы есть ничто иное, какъ изложеніе выводовъ изъ многочисленныхъ опытовъ многолѣтней практики, собранныхъ въ видѣ научныхъ положеній ¹⁾). Уже въ силу этого одного, не можетъ

¹⁾ Наука есть систематизація нашихъ опытовъ. Она есть методическое обобщеніе здраваго смысла, говоритъ Льюисъ.

быть никакихъ противоположеній между теоріей и практикой. Теорія безъ практическаго подтвержденія—не есть теорія. Но одна практика дѣлается грузной, не эластичной, мало сознательной, если она не одухотворяется теоріей; въ такихъ случаяхъ отсутствуетъ ясное пониманіе свойствъ своей или непріятельской винтовки, свойствъ своего или непріятельскаго огня, примѣнительно къ той или другой обстановкѣ. Теорія безъ практики несовершенна, но практика безъ теоріи слѣпа. Эти два разныя направленія найдутъ свое равновѣсіе въ лицѣ офицеровъ, практически знакомыхъ съ дѣломъ стрѣльбы и при томъ сознательно изучившихъ ее въ теоріи. Въ лицѣ такихъ офицеровъ ремесло стрѣльбы сольется съ наукой стрѣльбы».

Существованіе военныхъ училищъ, академій, офицерскихъ школъ, гдѣ изучаютъ математику, механику, баллистику, артилерію, фортификацію, показываетъ, что всѣ эти науки считаются безусловно необходимыми для военнаго дѣла. Если иногда и происходитъ споръ, то только относительно объема этихъ предметовъ и способовъ ихъ изученія. Но стоитъ офицеру сойти съ той или другой школьной скамьи, какъ онъ съ удивительной быстротой забываетъ всѣ приобрѣтенныя теоретическія познанія и съ удовольствіемъ усваиваетъ взглядъ, что вся эта книжная премудрость вредитъ дѣлу, отвлекая его отъ практики, которой только и надобно заниматься. Въ дѣйствительности же оказывается, что книжная мудрость основательно забывается, а никакая практика не изучается, такъ какъ для самостоятельной обработки фактовъ изъ практики, для полученія изъ нихъ общихъ руководящихъ принциповъ, понятно, не хватаетъ привычки къ правильному мышленію. Нужно ли говорить, какой грустный результатъ получается отъ такого положенія вещей.

Теперь сдѣланъ рѣшительный шагъ впередъ. Требуютъ, чтобы военныя науки не замыкались школьными стѣнами, а изучались во все время службы, для чего вводится цѣлый рядъ обязательныхъ занятій: военная игра, рѣшеніе тактическихъ задачъ, рѣшеніе стрѣлковыхъ задачъ. Военную игру стараются облечь въ формы, возможно ближе подходящія къ дѣйствительности, чтобы сообщить ей необходимый интересъ. Но въ совершенно другомъ положеніи находятся занятія по рѣшенію стрѣлковыхъ задачъ, благодаря чему съ полной очевидностью обнаруживается всеобщая нелюбовь къ этимъ упражненіямъ. Если же ими занимаются, то только для проформы, чтобы отбыть номеръ, безъ всякаго вкуса, безъ всякаго

интереса; понятно, при такихъ условіяхъ, ничего цѣннаго отъ этого труда не получается. Какъ неудобоваримая умственная пища, она не переваривается мозгомъ. Всякій безпристрастный наблюдатель современной жизни арміи долженъ признать, что армія работаетъ много, хочетъ овладѣть своею специальностью, особенно искусствомъ стрѣльбы, не жалѣя для этого труда. Такъ почему же имѣеть мѣсто такое равнодушіе, даже нелюбовь къ тѣмъ познаніямъ, которыя, казалось бы, должны служить лучшими руководителями при стрѣльбѣ, какъ важнѣйшемъ дѣлѣ арміи? Орѣхи полезная пища, но если глотать ихъ вмѣстѣ со скорлупой, то ничего кромѣ вреда для организма не получится. Желудокъ не въ силахъ растворить скорлупу и добраться до зерна. Тоже происходитъ съ большинствомъ научныхъ знаній: они часто предлагаются въ такой формѣ, что мозгъ хотя и чувствуетъ въ нихъ нужный для него питательный матеріалъ, но совершенно не въ силахъ его усвоить. Если какое либо явленіе изучается при помощи описанія, а не путемъ чувственныхъ впечатлѣній, то часто со словами не соединяють никакихъ реальныхъ образовъ или соединяють съ ними ошибочныя представленія. Нельзя забывать, что между воспринятіемъ звуковъ, составляющихъ слово, и воспроизведеніемъ связанныхъ съ ними образовъ протекаетъ довольно значительный промежутокъ времени, почему многіе не въ силахъ слѣдить за разсужденіями, и совершенно ясныя слова остаются для нихъ пустыми звуками.

Отсюда, чтобы вывести какое-либо научное понятіе изъ ряда явленій, слѣдуетъ *не описывать ихъ, а демонстрировать тѣмъ или другимъ образомъ*. «Каждое мышленіе, въ особенности же изслѣдованія, открытія, изобрѣтенія требуютъ, чтобы въ распоряженіи фантазіи были ясныя, опредѣленные и живыя представленія съ подвижными составными частями, изъ которыхъ будутъ складываться новыя комбинаціи»²⁾).

Ясность же и живость представленій въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ того, приходится ли намъ для полученія ихъ пользоваться не только глазами, но также и руками, вообще движеніемъ.

Сравните степень ясности представленій, полученную при описаніи мѣста, съ картой мѣста; описаніе наружности человѣка, даже сдѣланное художникомъ слова, съ портретомъ этого лица; доказательство какой-либо теоремы на словахъ съ доказательствомъ при

²⁾ Лай. Экспериментальная дидактика.

помощи хорошаго чертежа, особенно, если онъ постепенно выполняется собственными руками. Даже такой художникъ, какъ Толстой, долженъ былъ къ описанію Бородинскаго боя дать планъ его. Снабжая наши книги чертежами, картами, фотографіями, мы идемъ навстрѣчу потребности нашего мозга—радостно воспринимать чувственныя впечатлѣнія и, наоборотъ, съ полной не охотой—отвлеченныя понятія. Выводъ ясенъ. Если желаютъ, чтобы въ арміи съ интересомъ занимались изученіемъ стрѣлковыхъ задачъ для выработки правильныхъ воззрѣній на сущность ружейнаго огня, для сознательнаго примѣненія этихъ воззрѣній къ стрѣльбѣ, то безусловно необходимо отказаться отъ отвлеченнаго математическаго способа рѣшенія такихъ задачъ, а нужно обратиться къ нагляднымъ способамъ, при которыхъ предъ глазами рѣшающаго задачу проходили бы всѣ ея элементы, въ видѣ отвѣчающихъ дѣйствительности образовъ. Такъ же важно, чтобы рѣшающій самъ передвигалъ элементы задачи для полученія необходимаго отвѣта, т. е. соединялъ бы постепенно зрительныя и двигательныя впечатлѣнія.

Есть одна книжка: П. фонъ-Герихъ. «Стрѣльба пѣхоты» — пособие при рѣшеніи стрѣлковыхъ вопросовъ и для изученія таблицъ стрѣльбы острой пули.

На стр. 3 этой книги даются формулы для рѣшенія нѣкоторыхъ стрѣлковыхъ задачъ, причемъ указывается, что могутъ при этомъ встрѣтиться слѣдующіе матеріальные факторы: вѣроятность попаданія въ сплошную поясную цѣль—В, уязвимая поверхность цѣли (человѣкъ, всадникъ)—У, число фигуръ поражаемой цѣли—Ч, ширина цѣли—Ш, густота цѣли—Г, количество стрѣлковъ—К, скорость огня—С, продолжительность огня—П, число выпущенныхъ патроновъ—Па, число попавшихъ пуль—По, величина потерь—Х. Между этими факторами существуютъ слѣдующія соотношенія:

$$1) \Gamma = \frac{\text{Ч}}{\text{Ш}} \quad | \quad 2) \text{Па} = \text{К} \cdot \text{С} \cdot \text{П} \quad | \quad 3) \text{По} = \text{Х} = \text{В} \frac{\text{Ч}}{\text{Ш}} \\ 4) \text{У} \cdot \text{По} = \text{В} \cdot \text{Г} \cdot \text{У} \cdot \text{К} \cdot \text{С} \cdot \text{П}.$$

Я увѣренъ, что большинство офицеровъ со страхомъ посмотритъ на эти формулы и никогда не рѣшится примѣнять ихъ. Даже для тѣхъ, кто и овладѣетъ ими, результатомъ рѣшенія будутъ—нѣсколько чиселъ, изъ которыхъ надо еще умѣть сдѣлать выводы; для этого необходимо ясно представлять себѣ тѣ дѣйствительныя явленія, которыя выражаются этими числами, а это сдѣлать до-

ступно только немногимъ. Стараются иногда дать рядъ мнемоническихъ правилъ для запоминанія нужныхъ данныхъ для стрѣльбы. «Но мнемоническія правила», говоритъ В. Ступинъ въ своихъ стрѣлковыхъ замѣткахъ, «обладаютъ общимъ недостаткомъ — отсутствіемъ наглядности. Про нижнихъ чиновъ и говорить не приходится, но даже и среди офицеровъ они быстро забываются. Въ цѣляхъ обученія, лучше рекомендовать способъ схематическаго изображенія всѣхъ необходимыхъ данныхъ и постараться, дабы эта схема возможно чаще была передъ глазами. Частое обращеніе со схемой, зрительная память скорѣе дадутъ результаты».

Попробуемъ при помощи таблицъ стрѣльбы рѣшить, напримѣръ, такую задачу: съ какой дистанціи прямымъ выстрѣломъ (560 шаг.) можно поражать кавалерію, цѣлясь *въ голову лошади*, считая, что она находится, въ среднемъ, на высотѣ 3 арш.=48 верш.³⁾ Положимъ (рис. 1), что это разстояніе 1.000 шаг.; превышеніе траекто-

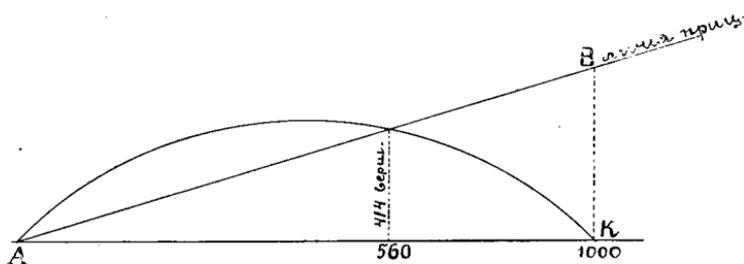

Рис. № 1.

ри для этой дистанціи у 560 шаг. будетъ 41,4 верш.: найдемъ—на какой высотѣ линія прицѣливанія проходитъ выше конца траекторіи на 1.000 шаговъ. (линія KB). Имѣемъ пропорцію:

KB : 41,4 = 1000 : 560; KB = $\frac{41,4 \cdot 1000}{560} = 74$ вершк. (дистанція велика). Положимъ, что теперь разстояніе 800 шаг., тогда превышеніе у 560 шаговъ будетъ=20 вершк., а разстояніе KB = $\frac{20 \cdot 800}{560} =$

= 29 вершк. (мало). Искомое разстояніе, для котораго линія прицѣливанія проходитъ на высотѣ 48 вершк., найдется такъ: при измѣненіи разстояній отъ 800 до 1000 шаговъ, т.-е. на 200 ш., величина KB измѣняется отъ 29 до 74 вершковъ, т.-е. на 45 вершковъ. А намъ нужно, чтобы она измѣнилась съ 29 на 48, т.-е. на 19 вершковъ.

³⁾ «Указанія» при производствѣ стрѣльбы 3-линейными остроконечными патронами. 1912 г.

На 1 вершокъ высоты дальность увеличивается на $\frac{200}{45}$, а на 19 вершковъ она увеличивается на $\frac{200 \times 19}{45} = 85$ аршинъ. Слѣдовательно, искомая дальность, съ которой цѣль съ высотой въ 3 аршина начинаетъ поражаться при стрѣльбѣ съ постояннымъ прицѣломъ, будетъ: $800 + 85 = 885$ шаговъ.

Это только по отношенію къ средней траекторіи, но пули ложатся снопомъ, причемъ 35% ихъ, т.-е. половина «сердцевины», ложится на значительной длинѣ. Слѣдовательно, цѣль начнетъ поражаться пулями сердцевины съ большей дистанціи, чѣмъ 885 ш. А если принять во вниманіе весь снопъ пуль, то цѣль начнетъ поражаться съ еще бѣльшаго разстоянія. Не правда ли, какой длинный, скучный, ничего не говорящій воображенію путь, да при томъ еще съ цѣлымъ рядомъ условныхъ допущеній!

Теперь допустимъ, что у насъ тщательно вычерчена въ определенномъ масштабѣ траекторія для 1000 шаговъ. Въ этомъ же масштабѣ изготовлена мишень всадника. Проведемъ линію прицѣливанія до 560 шаговъ, т.-е. соединимъ начало траекторіи съ точкой на траекторіи, находящейся въ разстояніи 560 шаговъ.

Будемъ перемѣщать нашу мишень такъ, чтобы линія прицѣливанія все время проходила черезъ голову лошади до тѣхъ поръ, пока подошва мишени не коснется траекторіи. Увидимъ, что это произойдетъ въ разстояніи 900 шаговъ.

Проведемъ линію, по которой движется цѣль, для чего соединимъ начало траекторіи съ подошвой цѣли.

Мы нашли, на какой дистанціи средняя траекторія начинаетъ проходить черезъ подошву цѣли, но сердцевина снопа пуль, начинаетъ поражать цѣль съ бѣльшей дистанціи; построимъ крайнюю траекторію снопа.

Мы рѣшили ту же задачу графически: передъ нами прошли всѣ явленія такъ, какъ они совершались въ дѣйствительности, но только, какъ на фотографіи, въ уменьшенномъ размѣрѣ. Мы видимъ среднюю траекторію, линію прицѣливанія для прямого выстрѣла, линію, по которой двигается цѣль, самую цѣль, положеніе важнѣйшихъ линій разсѣиванія выстрѣловъ и то, что происходитъ съ цѣлью на различныхъ дистанціяхъ во время ея движенія.

Результаты отъ такого графическаго рѣшенія являются вполне точные, наглядные. Но ясно, что все это было бы хорошо, если

бы не пришлось дѣлать всѣхъ этихъ (требующихъ большой точности) построений.

Приборъ, мною предлагаемый (фиг. 1), и назначается выполнить всѣ эти построения въ самое короткое время. На доскѣ прибора вычерчена траекторія для 1.200 шаговъ. Имѣется мишень всадника въ масштабѣ высотъ траекторіи. Чтобы получить линію прицѣливанія, протягивается нить съ грузами. Мишень двигаемъ вдоль линіи прицѣливанія, и когда подошва мишени касается траекторіи, мишень закрѣпляемъ на доскѣ булавкой и видимъ, что она поражается на 900 шагахъ. Другая нить позволяетъ намъ провести линію, по которой двигается цѣль. Чтобы получить разсѣиваніе выстрѣловъ, имѣется особая рамка, гдѣ нитями изображены положенія нужныхъ намъ траекторій (фиг. 2). Поставимъ рамку такъ, чтобы средняя траекторія на рамкѣ шла касательно къ траекторіи въ точкѣ, гдѣ находится подошва цѣли, и сейчасъ же увидимъ—съ какого разстоянія можетъ поражаться цѣль сердцевиной или крайними пулями снара ⁴).

Такимъ образомъ, въ самое короткое время приборъ позволяетъ, графически, съ достаточною точностью, рѣшить задачу, протянувши двѣ нити, подвѣсивши цѣль и наложивши рамку. Самый способъ рѣшенія удовлетворяетъ главныя требованія для хорошаго усвоенія данного вопроса: *полная наглядность остѣхъ его элементовъ и рядъ систематическихъ движеній при рѣшеніи задачи.*

Въ замѣткѣ, помѣщенной въ «Русскомъ Инвалидѣ»: «Стрѣлковый приборъ полковника Зыбина», слушатель моей лекціи какъ разъ отмѣчаетъ эту особенность работы на приборѣ, а потому я и позволю себѣ привести этотъ отзывъ. «Полковникъ Зыбинъ, считаясь съ потребностью въ наглядномъ методѣ при усвоеніи начальниками довольно путанной теоріи стрѣлковыхъ задачъ, указалъ на рѣшеніе не съ помощью цифровыхъ таблицъ, вычисленій, а съ помощью чертежа, чертежнаго построения, давая при этомъ и готовые элементы этихъ чертежей. Комбинировать эти элементы до крайности легко, благодаря остроумнымъ техническимъ приспособленіямъ, и эти же приспособленія избавляютъ рѣшающаго отъ слу-

⁴) Высоты траекторіи для 1.200 шаговъ построены въ масштабѣ 1 д.=1 арш., и разсѣиваніе на рамкѣ въ масштабѣ 1 д.=1 арш., а потому для данной задачи разсѣиваніе рамки надо удвоить, для чего достаточно за среднюю траекторію принять крайнюю траекторію.

чайныхъ личныхъ ошибокъ, Но это не значитъ вовсе, что все дается автоматически, не заставляя работать мысль рѣшающаго задачу. Приборъ, напротивъ, быстро проясняетъ вашу мысль насчетъ сути задачи, насчетъ метода и хода ея рѣшенія. Этотъ приборъ дѣлаетъ все въ задачѣ осязательнымъ, образнымъ, нагляднымъ: вы видите траекторію, видите дѣйствительную величину угловъ, видите сочетаніе всѣхъ линій выстрѣла и относительное положеніе всѣхъ данныхъ стрѣлковой задачи и ваша мысль столь же быстро творитъ нужныя вамъ комбинаціи, какъ при любомъ совершенно ясномъ для васъ дѣлѣ».

Если можно легко рѣшать стрѣлковыя задачи чертежемъ, то не слѣдуетъ ли совершенно отказаться отъ рѣшенія ихъ числовымъ способомъ? Понятно, нѣтъ. Но числовой способъ рѣшенія надо считать только вторымъ этапомъ при изученіи теоріи стрѣльбы. Когда, благодаря прибору, съ каждымъ стрѣлковымъ терминомъ будетъ соединяться вполне ясное представленіе, когда выработаются опредѣленные взгляды относительно правильныхъ пріемовъ ружейнаго огня въ различныхъ условіяхъ стрѣльбы, то затѣмъ полезно перейти къ пріемамъ числовыхъ рѣшеній, чтобы въ нужный моментъ сдѣлать необходимыя, хотя бы грубые, подсчеты. Правда, съ практической точки зрѣнія такихъ задачъ будетъ немного; главнымъ образомъ онѣ будутъ относиться къ стрѣльбѣ по невидимой цѣли, имѣющей теперь большую цѣнность.

Часто приходится слышать: «а можно ли взять приборъ въ поле на стрѣльбу; а со временемъ и въ бой?»

Въ поле никто не беретъ строевого устава, наставленій для сборки и разборки ружья или пулемета, наставленій по оконному дѣлу и множества другихъ разнообразныхъ пособій военнаго дѣла. Но каждому ясно, что все, что заключается въ этихъ книгахъ и пособіяхъ, нужно изучать внѣ поля, а тѣмъ болѣе внѣ боя, съ тѣмъ, чтобы въ нужный моментъ правильныя рѣшенія появлялись безсознательно, на основаніи раньше пріобрѣтенныхъ знаній. Всѣ подготовительныя упражненія нужны для образованія огромнаго запаса представленій, для бессознательной дѣятельности мозга, этого самаго лучшаго нашего руководителя во время наибольшаго душевнаго напряженія, когда некогда думать, а надо дѣйствовать.

При рѣшеніи задачъ въ нашей памяти накапливается рядъ фактовъ, выводовъ изъ фактовъ, опредѣленныхъ убѣжденій. А если самый способъ рѣшенія задачъ близокъ къ дѣйствительности, то прі-

обрѣтенныя знанія становятся особенно цѣнными и ложатся въ основу правильныхъ выводовъ при нашей умственной дѣятельности, давая то, что опредѣляется словами—«разумно-дѣйствующій человѣкъ».

По картинному выраженію профессора Сѣченова: «когда въ душу вступаетъ внѣшнее впечатлѣніе, то навстрѣчу ему изъ глубины души поднимается пѣлый рядъ прежнихъ впечатлѣній».

Описаніе прибора.

Доска съ линіями, замѣняющими цифровыя таблицы.

Приборъ состоитъ изъ доски длиною 4 аршина и шириною—около $1\frac{1}{2}$ аршина (фиг. 1), покрытой чернымъ линолеумомъ, въ который удобно втыкать, гдѣ нужно, булавки. По серединѣ доски проведена краскою бѣлая черта, раздѣленная на дюймы, изображающая горизонтъ цѣли.

Всѣ таблицы «Указаній для производства стрѣльбы» замѣнены кривыми линіями. Разсмотримъ, напримѣръ, какъ построена траекторія для 1.200 шаговъ, взамѣнъ таблицы превышеній. Беремъ эту таблицу. Выбираемъ для дальностей масштабъ 1 д. = 20 арш., а для превышеній—значительно крупнѣе—1 д. = $\frac{1}{2}$ аршина при построеніи профилей мѣстности, какъ извѣстно, всегда приходится прибѣгать къ двумъ масштабамъ).

Проводимъ горизонтальную линію п, выбравши на ней одну точку за начальную, откладываемъ отъ нея рядъ точекъ черезъ пять дюймовъ, что будетъ соответствовать измѣненію дальностей черезъ 100 шаговъ. Изъ точекъ отложенія возстановляемъ перпендикуляры, а на нихъ по таблицѣ превышеній откладываемъ въ избранномъ масштабѣ превышенія для 100 шаг.—12 верш. или 1,5 дюйм., для 200 шаг.—22,4 верш. или 2,8" и т. д. Верхи перпендикуляровъ соединяемъ кривой, которая изобразитъ намъ кривую полета пули на 1.000 шаговъ, а продолжая отложеніе ниже горизонта, получаемъ кривую для 1.200 шаговъ. Удобство замѣны таблицы такой кривой заключается въ томъ, что для любого разстоянія отъ стрѣлка до 1.200 шаговъ мы легко находимъ превышеніе траекторіи безъ всякихъ расчетовъ, а прямо прикинувши высоту по масштабной линейкѣ, приложенной къ прибору. Такъ, напримѣръ, нужно при стрѣльбѣ на 1.000 шаг. узнать превышеніе на

дистанцію 415 шаг. Чтобы найти его по таблицѣ превышеній, разсуждаемъ такъ:

Для 450 шаг. превышеніе	39,2	верш.
" 400 " "	37	"
на 50 " "	возрастаетъ на	2,2
" 1 " "		50
а на 15 " "	$\frac{2,2 \cdot 15}{50}$	= 0,6 в.

Слѣдовательно, для 415 шаг. превышеніе будетъ 37,6 верш. Между тѣмъ по кривой стоитъ только по масштабной линейкѣ прикинуть превышеніе для 415 шаг. и получимъ 4,7 д. или 37,6 верш.

Совершенно такимъ же способомъ строятся (каждая въ своемъ масштабѣ) остальные таблицы «Указаній». Напримѣръ, построимъ кривую отклоненій средней точки попаданія въ сторону, въ зависимости отъ дериваціи и вѣтра.

На средней линіи отъ центра прибора откладываемъ дистанціи въ масштабѣ 1"=100 арш., и по перпендикулярамъ къ нимъ *отклоненія*—въ масштабѣ 1"=4 арш. Получаемъ—соотвѣтственно таблицѣ дериваціи и трехъ таблицѣ отклоненій отъ вѣтра—4 кривыя. Такъ же построены съ лѣвой стороны доски кривыя отклоненій отъ измѣненія—высоты мѣста, давленія, температуры и вѣтра, дующаго вдоль директриссы.

Съ правой стороны доски даны въ масштабѣ 1"=4 арш. кривыя, замѣняющія таблицы, по которымъ опредѣляютъ разстоянія, проходимыя пѣхотою и кавалеріею за время полета пули.

Влѣво отъ центра доски по обѣ стороны горизонтальной линіи даны 2 кривыя, замѣняющія таблицу вѣроятностей попаданія въ вертикальную полосу неограниченной длины, а высотой въ ростъ и поясную мишень, при стрѣльбѣ одиночнымъ огнемъ. Въ головную мишень вѣроятность попаданія вдвое меньше. При залповомъ огнѣ вѣроятность попаданія составляетъ $\frac{2}{3}$ вѣроятности попаданія при одиночномъ огнѣ. Эти же кривыя позволяютъ найти вѣроятность попаданія въ обрѣзныя цѣли съ интервалами въ 1, 2, 3, 4 шага.

Вмѣсто таблицы, указывающей число патроновъ, приходящихся на 1 шагъ протяженія цѣли, которой приходится пользоваться,

вмѣстѣ съ таблицей Ронэ, даны двѣ взаимно перпендикулярныя линіи, особымъ образомъ раздѣленныя, при помощи которыхъ, какъ будетъ объяснено ниже, можно будетъ рѣшать цѣлый рядъ сложныхъ стрѣлковыхъ задачъ.

Въ правомъ углу доски даны 4 кривыя, замѣняющія таблицы пробивающей силы пуль: въ гравій, сырой песокъ, глину, сосновое дерево.

Рамка для опредѣленія вѣроятностей попаданія (фиг. 2). Извѣстно, что пули, выпущенныя изъ одного и того же ружья, однимъ и тѣмъ же стрѣлкомъ, не летятъ по одной траекторіи, а образуютъ цѣлый снопъ такихъ траекторій.

При стрѣлбѣ группою стрѣлковъ снопъ этотъ расширяется. Встрѣчая вертикальную мишень или горизонтальную поверхность, снопъ траекторій даетъ рядъ пробоинъ. Траекторіи въ снопѣ распределяются по особому закону: гуще къ центру, рѣже къ поверхности снопа и симметрично по отношенію къ центру. Если бы мы смотрѣли на снопъ траекторій сбоку съ какой-нибудь дистанціи и видѣли каждую траекторію (какъ слѣдъ ракеты), то на небольшомъ протяженіи *всѣ траекторіи имѣли бы видъ прямыхъ параллельныхъ линій*.

Какъ изобразить такой снопъ графически?

Выберемъ траекторію, идущую по сердцевинѣ снопа. Ее, какъ извѣстно, называютъ средней траекторіей. Сколько будетъ траекторій выше ея, столько же и ниже. Отдѣлимъ, положимъ, вверхъ отъ средней траекторіи четвертую часть общаго числа траекторій т.-е. 25%. Ширину такой части снопа, заключающую 25% всѣхъ траекторій, считая отъ средней, называютъ *среднимъ (вѣроятнымъ) отклоненіемъ*. Дальше нѣтъ надобности вести счетъ траекторій, а можно сразу сказать, сколько будетъ заключаться траекторій въ полосу любой ширины, занимающей опредѣленное мѣсто отъ средней траекторіи. Такъ, если взять за первой полосой, шириною въ срединное отклоненіе, еще полосу такой же ширины, то, не считая траекторій, можно сказать, что въ этой полосѣ будетъ заключаться 16% всѣхъ траекторій. Въ слѣдующей такой же 3-й полосѣ будетъ находиться 7% всѣхъ траекторій, а еще въ слѣдующей будетъ почти 2%. Тоже самое внизъ отъ средней траекторіи. Слѣдовательно, если извѣстно среднее отклоненіе для какой-нибудь дистанціи, то, выбравъ масштабъ, положимъ, 1" = 1 арш., снопъ траекторій графически (рис. 2) изобразить можно такъ: проводимъ

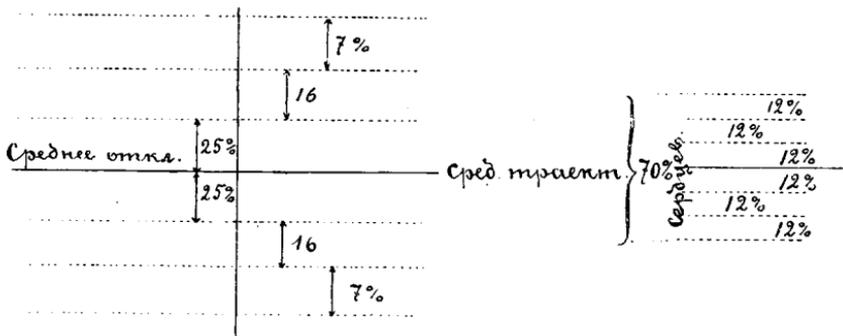

Рис. № 2.

линію, изображающую намъ среднюю траекторію; откладываемъ на перпендикулярѣ къ ней три раза вверхъ и внизъ по срединному отклоненію, а черезъ точки отклоненія проводимъ параллельныя средней траекторіи линіи; получаемъ 6 полосъ. Центральныя полосы заключаютъ по 25% траекторій; двѣ среднія по 16% и 2 крайнія по 7%. Во всѣхъ полосахъ 96% всѣхъ траекторій. Остальными 4% пренебрегаемъ. Такъ изображенный снопъ даетъ (въ избранномъ масштабѣ) величину и характеръ вертикальнаго разсѣиванія пуль.

Если мы будемъ смотрѣть сверху внизъ на снопъ траекторій, то получимъ ту же картину, только вѣроятное срединное отклоненіе въ стороны будетъ немного менѣе, чѣмъ срединное отклоненіе по вертикальному направленію.

Легко видѣть, что (прибавивши къ центральной полосѣ половину слѣдующей) мы получимъ полосу, куда попадаетъ 33%, а точнѣе—35%. Взявши такую же полосу съ другой стороны отъ средней траекторіи, получаемъ широкую полосу, заключающую 70% всѣхъ траекторій. Ее называютъ *сердцевинной*. Можно считать съ достаточною точностью, что въ сердцевинѣ пули распредѣляются равномѣрно. Сердцевину предпочитаютъ брать для всѣхъ расчетовъ, пренебрегая остальными 30% пуль, разбросанными по большой площади. Выгодно взять ширину сердцевины въ 72%, такъ какъ это число дѣлится на 2, 3, 4, 6...., что удобно для многихъ расчетовъ. Въ половинѣ такой сердцевины будетъ 1,6 срединнаго отклоненія.

Если раздѣлимъ сердцевину на 6 полосъ, то въ каждой полосѣ будетъ находиться приблизительно по 12% всѣхъ траекторій.

Было бы затруднительно строить сердцевину и ея части для

каждой дистанціи; назначеніе рамки — выполнить эту работу однимъ поворотомъ линейекъ.

Рамка состоитъ изъ 2 прямоугольныхъ концевыхъ пластинокъ, соединенныхъ между собою желѣзными прутьями.

На пластинкахъ укрѣплены вертикальныя оси, а на нихъ вращаются узкія линейки. На линейкахъ, считая отъ оси вращенія, въ равныхъ разстояніяхъ укрѣплены по 3 булавочныхъ головки, на которыхъ одѣты петлями нити такъ, чтобы онѣ слегка были натянуты. Нити изображаютъ траекторіи. Средняя красная нить, идущая отъ одной оси до другой и прикрѣпленная къ пластинкамъ, изображаетъ среднюю траекторію. На каждой пластинкѣ вычерчены по двѣ полуокружности, которая средней линіей дѣлятся на 4 отдѣла.

I отдѣлъ. Ближняя дуга позволяетъ поставить въ масштабѣ 1"=1 арш. вертикальныя сердцевины для стрѣльбы одиночнымъ огнемъ до 1.800 шаг. Болѣе отдаленная дуга — горизонтальныя сердцевины. Противъ черточекъ поставлены дистанціи, которымъ соотвѣтствуютъ эти сердцевины. Каждая двѣ нити ограничиваютъ полосу, куда попадаетъ 12% всѣхъ пуль, выпущенныхъ съ дистанціи, на которую поставлена линейка. Всѣ шесть полосъ захватываютъ 72%. Если по обѣ стороны крайней нити отложить, хотя бы на глазъ, еще такія же три полосы, то въ каждую изъ нихъ попадаетъ въ среднемъ по 4% всѣхъ выпущенныхъ пуль, или, считая всѣ 6 полосъ, по 48% съ каждой стороны.

II отдѣлъ. Ближняя дуга даетъ вертикальныя сердцевины для огня залпами, а болѣе отдаленная — горизонтальныя. Масштабъ 1"=1 арш.

III отдѣлъ. Ближняя дуга даетъ вертикальныя сердцевины для стрѣльбы одиночнымъ огнемъ до 3.200 шаг. Масштабъ 1"=4 арш. Болѣе отдаленная дуга даетъ сердцевины для залповаго огня. Горизонтальныя сердцевины можно считать равными вертикальнымъ.

IV отдѣлъ даетъ вертикальныя сердцевины для стрѣльбы группою пулеметовъ. Масштабъ 1"=4 арш.

III и IV отдѣлы слѣдуетъ употреблять при обстрѣливаніи глубокихъ цѣлей.

Чтобы рамку помѣстить на доскѣ въ нужномъ положеніи, ее подвѣшиваютъ за ремешокъ къ крючку на ремнѣ, перекинутомъ черезъ скобу. На другой сторонѣ этого ремня за доской привѣшенъ

грузъ, уравнивающій рамку. Если нужно наклонить рамку, то ремень ея соответственно передвигаютъ на крючкѣ. Скобу съ ремнемъ можно передвигать вдоль доски, а рамку двигать, если нужно, вверхъ и внизъ.

При отсчетѣ по нитямъ, глазъ надо ставить на высотѣ нити, иначе будутъ получаться ошибки.

Принадлежность въ прибору.

1) *Масштабная линейка.* Эта линейка составляетъ важную часть прибора, такъ какъ позволяетъ съ кривыхъ получать всѣ необходимыя табличныя числа или протяженія. На одной сторонѣ линейки даны высоты угловъ паденія, которыя позволяютъ найти углы паденія при стрѣльбѣ сверху внизъ или снизу вверхъ. На другой сторонѣ линейки имѣется масштаб превышеній для траекторіи до 3.200 шаг., въ $1'' = 20$ арш. Затѣмъ масштабъ для опредѣленія вѣроятностей попаданія въ $1'' = 10\%$. Наконецъ, линейка раздѣлена на дюймы и десятыя доли дюйма.

2) *Мишени.* Имѣются большія мишеньки: всадника, стрѣлка въ ростъ, поясная и головная въ масштабѣ $1'' = 1/2$ арш. Эти мишеньки служатъ *исключительно* для изученія поражаемыхъ пространствъ и другихъ задачъ на траекторіи 1.200 шаг. На обратной сторонѣ мишени въ ростъ приклеена поясная мишень для изученія точекъ прицѣливанія при стрѣльбѣ съ постояннымъ прицѣломъ на 560 шаговъ, а на обратной сторонѣ мишеньки всадника указаны вѣроятности попаданій въ фигурныя мишени.

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ употребляются малыя мишеньки, построенныя въ масштабѣ $1'' = 1$ арш. На картонѣ напечатаны четыре полевыхъ профиля, также въ масштабѣ въ $1'' = 1$ арш. Понятно, когда употребляютъ эти мишеньки, масштабъ дальностей долженъ быть $1'' = 1$ арш.

3) *Крючокъ для подвѣшиванія винтовки.* Если снять рамку съ ея крючка, то на обоихъ крючкахъ съ грузами можно подвѣсить винтовку за дуло и головку курка, поставивши рукоятку затвора вертикально.

4) *Траекторія полета пуль* (фиг. 3). На длинномъ желѣзномъ прутѣ, черезъ равныя промежутки (въ масштабѣ $3'' = 200$ арш.) подвѣшены на проволочкахъ пульки, совокупность которыхъ изобра-

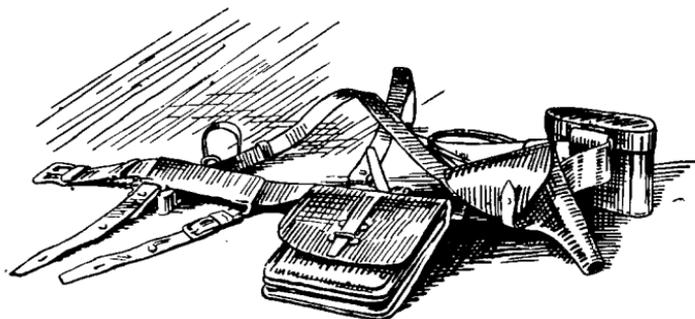
жаеть траэкторію. Однимъ концомъ пруть вставленъ въ каналъ ствола, а другимъ подвѣшивается за петлю тесемки, перекинутой черезъ лѣвый уголъ доски.

5) *Илы для поддержки нитокъ и цѣлей.*

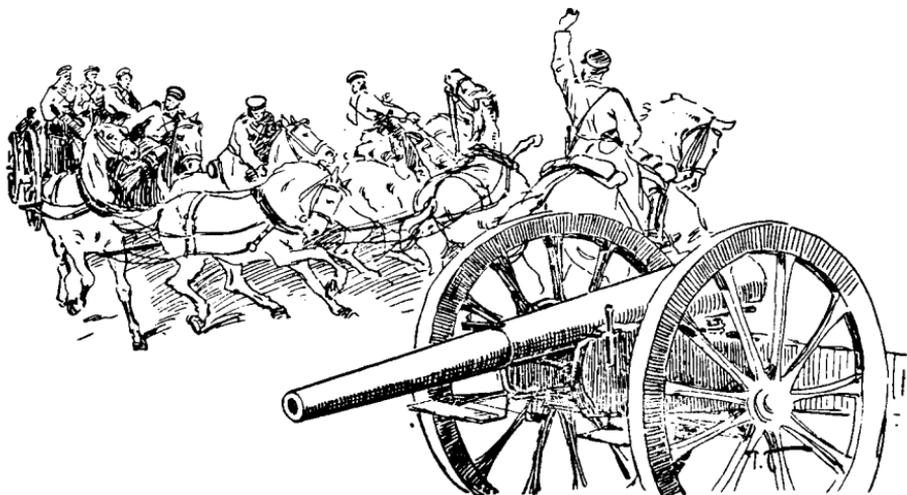
Способъ употребленія прибора всего лучше будетъ понять на примѣрныхъ рѣшеніяхъ различнаго рода стрѣлковыхъ задачъ.

С. Зыбинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вс.

По поводу «новыхъ изобрѣтеній по стрѣлковому дѣлу».

Въ «Военномъ Сборникѣ» за августъ мѣсяць текущаго года помѣщена статья, въ которой въ качествѣ «новыхъ изобрѣтеній по стрѣлковому дѣлу»—таково заглавіе статьи—описаны дальномѣры системы юнкера Александровскаго военнаго училища Юрьева.

Въ прошломъ году, въ то время, когда, во образѣ «учащагося» я находился въ стрѣлковой школѣ, воспользовавшись пребываніемъ въ разсадникѣ стрѣлковаго дѣла (со всѣми его развѣтвленіями) и имѣющимися у меня матеріалами я, написалъ статью «Современные дальномѣры», напечатанную въ «Русскомъ Инвалидѣ». Погруженный въ работу на пользу «будущаго» по предметамъ курса, я не нашель бы времени взяться за перо для составленія военно-техническаго фельетона на упомянутую тему, если бы

не прочиталъ какъ-то въ № 80 «Русскаго Инвалида» статью г. Былимъ-Колосовскаго о блестящихъ результатахъ испытанія (въ Кубанскомъ пѣхотномъ полку) одного изъ лучшихъ современныхъ дальномѣровъ — системы Герца. Статья эта произвела на меня большое впечатлѣнiе. Я рѣшилъ, что «не могу молчать» и, пользуясь гостепрiимствомъ «Инвалида», изложилъ на его страницахъ все, что назрѣло и наболѣло на душѣ за продолжительный періодъ времени по давно и хорошо знакомой мнѣ области телеметріи.

На мою статью о дальномѣрахъ, какъ я знаю, было обращено вниманіе въ нашей стрѣлковой школѣ; вскорѣ она появилась въ переводѣ на итальянскомъ языкѣ, но ее, видимо, не замѣтили въ томъ училищѣ на Знаменкѣ, въ Москвѣ, гдѣ я впервые, «четверть вѣка тому назадъ», познакомился съ военными науками, а въ частности и съ дальномѣрами.

Когда подъ Цусимой наши суда содрагались подъ мѣткими выстрѣлами, посылаемыми съ японскихъ броненосцевъ, располагавшихъ превосходными дальномѣрами типа, аналогичнаго съ извѣстными теперь системами Цейсса и Герца, на нашихъ корабляхъ, судя по указаніямъ на судѣ бывшаго адмирала Небогатова, дальномѣры Барра и Строуда получены были слишкомъ поздно, а главное—безъ инструкціи, и использованы не были. До насъ, находившихся въ нѣдрахъ Россіи, дошелъ слухъ (черезъ военныхъ корреспондентовъ), что въ числѣ различныхъ техническихъ средствъ, которыми были оборудованы японскія военныя пѣхотныя части, замѣчены были и дальномѣры современныхъ системъ. Это обстоятельство дало мысль, созрѣвшую, несомнѣнно, подъ впечатлѣніемъ патріотическихъ чувствъ, маститому преподавателю Алексѣевского военнаго училища, А. Постникову, прочесть офицерамъ и молодежи-юнкерамъ лекцію о новыхъ дальномѣрахъ Цейсса, воспроизведенную въ свое время въ «Военномъ Сборникѣ». Привѣтствуя этотъ добрый починокъ на страницахъ «Харьковскихъ вѣдомостей», я отмѣтилъ, что мною еще въ 1902 году, за два года до войны, было помѣщено въ «Вѣстникѣ Оф. стр. школы» описаніе дальномѣровъ Цейсса, что въ школѣ имѣется на испытаніи образецъ этого дальномѣра, и высказалъ увѣренность, что, при ассигнованіи соотвѣтственныхъ средствъ, школа будетъ настаивать на снабженіи арміи дальномѣрами наиболѣе универсальной системы. Вопросъ этотъ, связанный съ большими расходами, однако, не такъ легко было быстро разрѣшить, но тѣмъ не менѣе важность его сознается, и въ текущемъ году должно производиться

полигонное и войсковое испытаніе дальномѣровъ, представленныхъ на конкурсъ, съ выдачей изобрѣтателямъ значительныхъ денежныхъ премій. Къ сожалѣнію, въ нашъ округъ (Иркутскій), имѣющій крупное значеніе въ стратегическомъ отношеніи и отличающійся къ тому же своеобразнымъ климатомъ, образцы новыхъ дальномѣровъ для практическаго пользованія не поступили. А я увѣренъ, что дѣло испытанія дальномѣровъ, предназначенныхъ для обслуживания въ военное время пѣхоты, въ нашемъ округѣ могло бы быть поставлено не менѣе обстоятельно, чѣмъ гдѣ-либо....

Въ статьѣ своей, говоря о конкурсѣ, я высказалъ, съ своей стороны, предположеніе, что, оглядываясь на путь, пройденный техникой въ послѣдовательныхъ стадіяхъ совершенствованія приборовъ для опредѣленія разстояній, можно увѣренно сказать, что дальномѣръ будущаго, несомнѣнно, будетъ *оптический*. Такого рода дальномѣръ, прежде всего, способствуетъ лучшему распознаванію цѣлей, въ особенности, если онѣ плохо видны; даетъ возможность производить манипуляціи по опредѣленію разстоянія *съ одной точки стоянія*, безъ необходимости измѣрять на мѣстности базу, и притомъ скрытно, не выходя изъ окопа, быстро, [не стѣсняясь видомъ цѣлей, и, главное, замѣчательно точно. Къ такому *идеалу* наиболѣе приближаются дальномѣры Цейсса, Герца, Гана, Барра и Строуда. Что касается до дальномѣровъ базисныхъ, опредѣляющихъ разстояніе съ двухъ точекъ стоянія (лучшіе изъ нихъ Сушье, Гензольда и множество ихъ разновидностей; къ числу послѣднихъ принадлежитъ и «наступательный» дальномѣръ г. Юрьева), то въ минувшую войну дальномѣры такого типа не оправдали своего боевого назначенія, и только лишь пулеметныя команды съ успѣхомъ пользовались биноклями-дальномѣрами Сушье ¹⁾). Поэтому вновь «изобрѣтаемые» дальномѣры подобной категоріи могутъ быть примѣнены по стольку, поскольку они имѣютъ больше преимуществъ, сравнительно съ уже извѣстными «типами» дальномѣровъ, а разъ таковыхъ они не имѣютъ, то, естественно, должны быть игнорируемы.

Въ своей статьѣ я приглашалъ читателей, интересующихся вопросами объ изысканіи средствъ для опредѣленія разстояній, стремиться къ лучшему изъ того, чѣмъ располагаетъ въ настоящее время техника, и осудилъ всплывшій на верхъ, но уже давно осужденный, *стадиметрический методъ* опредѣленія въ бою дистан-

¹⁾ «Вѣстн. Оф. стр. школы», 1908, мартъ, стр. 214.

цій, основанный на *весьма условныхъ* началахъ, а именно: на извѣстности высоты цѣлей, т.-е. непріятельскихъ стрѣлковъ, предполагаемыхъ въ бою вытянувшимися неподвижно, во весь ростъ; между тѣмъ, какъ говорятъ люди, побывавшіе въ «пороховомъ дыму», цѣлями въ бою являются или чуть замѣтная фигура головы человѣка (появляющаяся изъ-за гребня закрытій или изъ-за складокъ мѣстности, чтобы выпустить пулю) или же перебѣгающія, согнувшіяся фигуры, быстро припадающія къ землѣ и быстро вскакивающія, чтобы снова перебѣгать. Еще болѣе условнымъ базисомъ представляется яко бы извѣстная величина фронта непріятельской позиціи и «фронта строя».

Въ статьѣ я указалъ, что движеніе въ этомъ (уже давно использованномъ) направленіи, культивируясь гдѣ-то въ «оранжереяхъ», но отнюдь не въ полѣ, стало принимать въ послѣднее время уродливыя, *утопическія* формы. Вѣдь, дѣло дошло до того, что одинъ изъ преподавателей военныхъ училищъ привелъ на страницахъ спеціального военнаго журнала таблицу (неуложившуюся на одной страницѣ, съ вычисленными въ тысячныхъ доляхъ размѣрами видимыхъ глазу на разстояніи 65 сант.) такихъ предметовъ, какъ: діаметръ пули около дульца гильзы—11,84, наибольшій діаметръ пули у дна—11,9, толщина спички обыкновенной коробки—3,46, спички, взятой изъ плоской коробки—3,25, толщина обыкновеннаго круглаго карандаша такая-то, эллиптическаго—другая и т. д.

Считая подобныя «утопіи» вредными для нашего практическаго по преимуществу дѣла, я счелъ необходимымъ предупредить ихъ наростаніе въ будущемъ, ибо вся эта труха сама собою отпадетъ при первомъ же выстрѣлѣ въ бою.

Статья Н. Юрьева несомнѣнно привлекла не одного меня, но и каждаго строевого офицера, интересующагося «новыми изобрѣтеніями по стрѣлковому дѣлу». Научный тонъ статьи, пересыпанный «паралаксами», наступательными тенденціями, сочувствіе къ изобрѣтеніямъ юнкера военнаго училища со стороны его начальства, принявшаго расходы на печатаніе описанія «изобрѣтеній» за счетъ училища, пояснительныя чертежи, ссылки на статьи въ «Артилерійскомъ журналѣ», яко бы въ подтвержденіе нѣкоторыхъ положеній, съ приведеніемъ давно извѣстныхъ формулъ, все это импонируетъ читателю, особенно неуспѣвшему еще разобраться. Но, достаточно пристальнѣе вчитаться въ статью, и выйти въ

поле и попробовать продѣлать *практически* то и другое, слѣдующимъ рецептамъ автора «новыхъ изобрѣтеній», чтобы тотчасъ же въ нихъ *разочароваться* и высказать предположеніе, что они по недоразумѣнію попали въ печать или, быть можетъ, появленіе ихъ въ печати было вызвано цѣлью вызвать въ печати же, по поводу *идей*, кроющихся въ основѣ конструкціи предлагаемыхъ измѣрительныхъ планшетокъ, соотвѣтствующее ихъ освѣщеніе, ибо съ другой стороны—такова, какъ я понимаю, роль и задачи военной печати ²⁾).

Въ лицѣ дальномѣровъ системы В. Юрѣва мы имѣемъ дѣло съ такъ называемыми *стадіями*, сопричисленными моимъ предшественникомъ по завѣдыванію въ былыя времена отдѣломъ по испытанію дальномѣровъ въ стрѣлковой школѣ, М. Ерогинымъ ³⁾, къ лику *«самыхъ древнихъ дальномѣровъ»* міра.

«Наступательный» дальномѣръ представляетъ собою планку треугольной формы съ дѣленіями по гипотенузѣ и длинному катету, причѣмъ раствореніе угла, противолежащаго короткому катету, взято такое, чтобы величины дѣленій по гипотенузѣ относились къ дѣленіямъ на катетѣ, какъ 11 къ 10. Дальномѣру дано названіе «наступательнаго» въ силу того, что, послѣ измѣренія одной угловой величины съ одной точки стоянія, приходится, пользуясь дѣленіями планки, дѣлать манипуляцію въ другой точкѣ стоянія, съ другими дѣленіями, для чего надо идти *впередъ*, считая шаги, и пройденное число шаговъ (базу) умножать каждый разъ на 10. Очевидно, изобрѣтатель мало или совсѣмъ незнакомъ съ призматическимъ дальномѣромъ Сушье, несмотря на то, что послѣдній весьма наглядно изображенъ и поясненъ въ учебникѣ артилеріи для военныхъ училищъ г. Будаевскаго. Посвятившій (въ своей книгѣ «Стрѣлковые дальномѣры») много страницъ прибору Сушье, М. Ерогинъ указываетъ: въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣль мало ясна или значительно удалена, съ большою выгодною можно было бы пользоваться способомъ непосредственнаго наблюденія цѣли и совмѣщенія съ нею отраженія сигнала; при этомъ база измѣряется движеніемъ *впередъ*. И слѣдовательно дальномѣръ Сушье при такомъ образѣ пользованія является такимъ же *«наступательнымъ»*, какъ и планшетка г. Юрѣва.

Приборовъ, построенныхъ на подобныхъ началахъ, множество. Когда въ 1894 году мнѣ пришлось дѣлать на страницахъ «Оружейнаго Сборника» заключеніе о качествахъ дальномѣра-планки

²⁾ Именно и имѣлся въ виду обмѣнъ взглядовъ. *Ред.*

³⁾ «Стрѣлковые дальномѣры» изд. 1893 г.

г. Малкова, которому родственна планка г. Юрьева, я не рѣшился сравнивать призматическій дальномѣръ Сушье, считавшійся въ то время лучшимъ, съ приборомъ Малкова. Я писалъ, «что это было бы слишкомъ наивно съ моей стороны». Видимая простота, прочность и дешевизна приборовъ такого типа, составляя какъ бы ихъ достоинства, совершенно, однако, парализуются главнымъ, присутствующимъ дальномѣрамъ такой категоріи, недостаткомъ—*малою ихъ точностью*.

Затѣмъ, обратите вниманіе на сравнительныя величины базъ у Сушье и Юрьева.

		1.000 шаг.	1.500 шаг.	2.000 шаг.	1.500 шаг.
		Б а з ы.			
Дальномѣръ	Сушье. . .	20 ш.	30 ш.	40 ш.	50 ш.
„	Юрьева . .	100 „	150 „	200 „	250 „

Такимъ образомъ юрьевскій «наступательный» дальномѣръ требуетъ наличія и измѣренія базъ въ *пять разъ длиннѣе*, чѣмъ приборъ Сушье, и въ такой же степени можно считать и потерю времени для промѣра такихъ длинныхъ базъ. При этомъ не приходится говорить о томъ, что никакой (даже самый наивный) противникъ не допуститъ безнаказанно производить откровенное хожденіе на позиціи одиночныхъ людей, занимающихся измѣреніемъ базъ, даже и въ наиболѣе устрашительномъ для него *наступательномъ* направленіи. Наконецъ, зачастую могутъ имѣть мѣсто случаи невозможности располагать на данной мѣстности ровною, какъ Ходынка, площадью длиной въ 100—250 шаговъ по направленію къ противнику, необходимою для выбора двухъ точекъ стоянія (соответственно угламъ растворенія между направленіями на цѣль и вспомогательный предметъ въ двухъ точкахъ стоянія) и измѣренія разстоянія между ними. Между тѣмъ призма Сушье, Гензольда, Вельдона и др. этого не боятся: нѣтъ удобнаго сигнала вправо, верти дальномѣръ въ противоположную сторону для поисковъ сигнала въ лѣвой сторонѣ; тамъ—скверно, дѣлай ипаче: измѣряй базу наступленіемъ къ цѣли или отходя отъ нея назадъ; эластичность, какъ видите, большая; нѣтъ шоръ, въ которыя невольюно заключается всякій, пользующійся приборомъ г. Юрьева.

«Графическій стадія-дальномѣръ» системы В. Юрьева—плодъ очевиднаго недоразумѣнія. Воздерживаясь отъ разсмотрѣнія его въ деталяхъ, скажу объ его виѣшнемъ видѣ; это—треугольной формы планка длиной въ 5 дм., а шириной въ 3¹/₂ дм., на длинномъ катетѣ (основаніи) которой нанесена шкала разстояній (въ

сотняхъ шаговъ), а на короткомъ (высотѣ) знаменитые «паралаксы», т.-е. прямыя, соотвѣтствующія различнымъ угламъ зрѣнія въ дальности; тутъ же рядомъ, на ребрѣ, нанесена шкала (какъ выражено въ подлинникѣ) «для измѣренія угловыхъ разстояній на мѣстности» (?).

У меня на столѣ лежитъ целлулоидная «стрѣлковая линейка» Н. Филатова, а по сосѣдству съ нею одна изъ книжекъ «Вѣстника Оф. стр. школы», въ которой описана линейка того же автора для пулеметовъ; обѣ онѣ—для острой пули. Смотрю я на нее и думаю: если авторы «новыхъ изобрѣтеній» не знаютъ, какъ должны знать не только офицеръ, юнкеръ, но какъ знаетъ въ моей стрѣлковой ротѣ каждый унтеръ-офицеръ, дальномѣръ Сушье, то, очевидно, они обладаютъ такою же неосвѣдомленностью и по отношенію къ «стрѣлковой линейкѣ» Н. Филатова. На этой линейкѣ нанесены: шкала-угломѣръ, шкала-дальномѣръ и ею также можно пользоваться для опредѣленія дистанціи при помощи измѣренія на мѣстности «вспомогательной базы». Въ чемъ преимущества юрьевской планшетки передъ филатовской линейкой я, простой смертный, не понимаю. Мудрый Эдипъ разрѣши?

«Графическій» дальномѣръ В. Юрьева, какъ читаемъ въ описаніи, позволяетъ «рѣшать въ бою различныя встрѣчающіяся на практикѣ задачи по стрѣльбѣ пѣхоты, безъ всякихъ вычисленій, чисто графическимъ путемъ и такой способъ», по мнѣнію автора описанія, «по своей наглядности и гарантіи отъ ошибокъ въ полѣ, превосходить другіе способы, основанные на вычисленіяхъ».

Считая эти претензіи не оправдывающимися идеей, положенной въ основаніе устройства дальномѣра, я—прежде чѣмъ выйти въ поле—сравнилъ показательныя данныя линейки Н. Филатова и В. Юрьева при опредѣленіи ими разстоянія до одного и того же предмета извѣстной высоты, а именно до телеграфнаго столба высотой въ 9 футовъ. Мѣра угла зрѣнія, подъ которымъ виденъ этотъ столбъ для обѣихъ линеекъ, одинакова; она = 15 дѣленіямъ, что соотвѣтствуетъ по даннымъ «стрѣлковой линейки»—600 шагамъ, а по расчету г. Юрьева, пользуясь его графиками—1.800 шагамъ. Разница, какъ видите, громадная, и, конечно, не въ пользу произведенія молодого изобрѣтателя.

Пользуясь случаемъ, скажу нѣсколько словъ вообще о примитивныхъ средствахъ для измѣренія разстояній, зная размѣры цѣли опредѣленныхъ размѣровъ. Способы эти давно признаны не отвѣчаю-

щими боевыми цѣлямъ, для которыхъ они предназначаются. Объектомъ для нихъ должны быть, какъ пишетъ В. Юрьевъ, «стоящій человекъ или всадникъ, высота дерева, строенія... интервалы между частями строя пѣхоты, между орудіями, пулеметами» и т. д. Я въ бою не былъ, но не могу себѣ представить боевой обстановки съ зѣвающими, стоящими во весь ростъ, неподвижно индивидуумами, уподобившимися мишенямъ.

«Во время боя», сообщаетъ очевидецъ ⁴⁾, «кругомъ шипятъ и лопаются снаряды, свистятъ пули противника, трещатъ наши винтовки и рѣзко звучатъ въ воздухѣ выстрѣлы скорострѣльныхъ орудій, но противника не видно. Какъ будто чистое поле извергаетъ массу металла, который несетъ съ собой столько страданій и смертей; изрѣдка только можно замѣтить перебѣгающія маленькія фигурки» и т. д.

«Какъ извѣстно, нынѣ поле битвы пустынно. Вслѣдствіе этого, появленіе малѣйшей цѣли вызываетъ жестокой огонь. Достаточно подняться одному или двумъ человекамъ, чтобы разразилась цѣлая буря» ⁵⁾.

Мы заставляемъ стрѣлка пользоваться мѣстностью для скрытаго приближенія къ противнику, путемъ быстрыхъ перемѣщеній и припаданія къ землѣ, кладемъ начальствующимъ лицъ, снимаемъ ихъ съ сѣдла, а со стороны противника видимъ перебѣгающія или мелькающія изъ за гребня окопа или изъ за бугорка головки; поэтому я увѣренно скажу, что дальномѣры, построенные на базѣ, за которую принимаютъ высоту роста видимаго съ головы до пятокъ одиночнаго противника, обратившагося въ дальномѣрную топографическую рейку, обязанную быть *постоянной* (поставьте преображенца, а рядомъ съ нимъ 16-й роты «кирилыча») — по нынѣшнимъ временамъ *никуда не годятся*, ибо, при современной пустотѣ полей сраженій, такихъ *одухотворенныхъ рекъ* вы не найдете. Трудно знать и высоту деревьевъ и уже совершенно непонятна такая база, какъ «интервалъ между частями строя пѣхоты», предполагаемый также какой-то опредѣленной величины.

Кромѣ того, сотруднику «Артилерійскаго журнала», казалось бы, должно быть болѣе, чѣмъ намъ, пѣхотнымъ офицерамъ, извѣстно, что уловить на мѣстности интервалъ между орудіями батарей, занимающихъ нынѣ въ большей части случаевъ закрытую позицію, считать его базой, представляется невозможнымъ.

⁴⁾ Русско-японская война въ сообщеніяхъ Николаевской академіи генералштаба. 1907 г. Ф. Семенова. Осада П. Артура.

⁵⁾ Два сообщенія объ японской арміи. «Воен. дѣло за границей». Апр. 1913.

По мнѣнію М. Ерогина, «необходимость точно знать высоту или длину предметовъ, до которыхъ опредѣляютъ разстоянія, составляетъ большую *невыгоду* стадій, такъ какъ позволяетъ ими пользоваться только въ *исключительныхъ* случаяхъ. Сверхъ того, вслѣдствіе незначительной высоты предметовъ, при измѣреніи могутъ явиться значительныя ошибки, которыя и ограничиваютъ пользованіе такими дальномѣрными дистанціями, не превышающими 1.000 шаговъ».

Артилерійскій комитетъ журналомъ за № 11, еще въ эпоху русско-турецкой войны, сирѣчь въ 1877 году, призналъ, «что *стадіи*, не смотря на простоту устройства и портативность, *негодны* для военныхъ цѣлей, потому что высота цѣлей лишь въ исключительныхъ случаяхъ бываетъ заранѣе точно извѣстна; кромѣ того высота цѣлей, встрѣчаемыхъ на войнѣ, бываетъ весьма мала, сравнительно съ дистанціей; поэтому приходится рѣшать треугольнички со столь малымъ угломъ, что ошибки въ опредѣленіи дистанціи выходятъ *велики*».

На войнѣ, по мнѣнію комитета, рѣдко встрѣчается ровное поле. Между тѣмъ, солдатъ, посланный по одному направленію и по временамъ останавливающийся, былъ виденъ на нѣкоторыхъ дистанціяхъ съ головы до колѣнъ, на другихъ—до пояса. «Опредѣлить съ нѣкоторой вѣроятностью, глазомѣромъ, насколько нижняя часть тѣла солдата прикрыта, оказалось невозможнымъ, и потому ошибки въ опредѣленіи разстояній вышли *весьма значительны*».

Нѣкоторое усовершенствованіе дальномѣровъ этого вида представляютъ стадиметрическія трубы (Гулье и др.) и бинокли-дальномѣры. Въ статьѣ («Сводъ опытовъ, произведенныхъ въ Офицерской стрѣлковой школѣ надъ дальномѣрами-биноклями»), помещенной въ 1899 году въ «Военномъ Сборникѣ», я охарактеризовалъ одинъ изъ типичныхъ образцовъ современныхъ стадій—бинокль Кольмона, но, однако, съ *невыгодной* для него стороны.

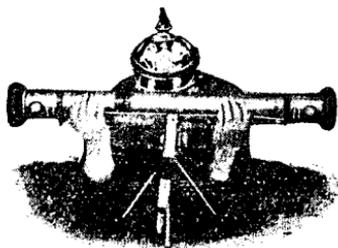
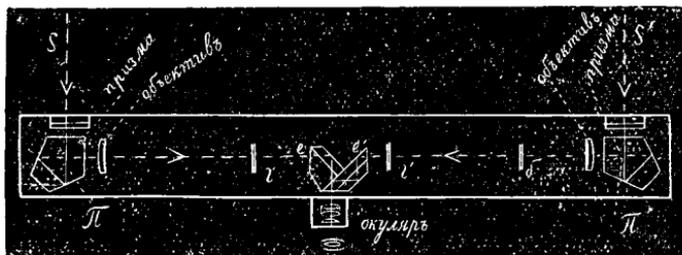
Въ настоящее время *совершеннаго* дальномѣра еще нѣтъ; вотъ почему въ пѣхотѣ иностранныхъ армій принято нѣсколько типовъ, другъ друга взаимно дополняющихъ; такъ, на примѣръ, въ германской пѣхотѣ введены призматическіе дальномѣры Гензоляда и труба-дальномѣръ Гана; у насъ—призмы Сушье и дальномѣры-бинокли Крауса и Сушье и, наконецъ, вводятся въ пулеметныя команды такъ называемые монокулярные дальномѣры Цейсса и т. д.

Нельзя отмѣтить того, что вопросъ о необходимости имѣть хорошей дальномѣръ для пѣхоты въ нашей арміи *живо* сознается. Въ этомъ году, какъ извѣстно, происходитъ испытаніе дальномѣровъ

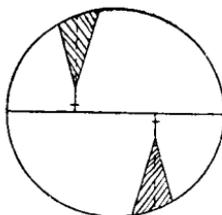
на конкурсъ, начиная съ 1-го февраля 1913 года. Испытаніе раздѣляется на *полюсное*: въ теченіе февраля, марта, апрѣля и мая мѣсяцевъ, и *войсковое*: въ теченіе іюля, августа и сентября. Окончательное рѣшеніе по конкурсу должно послѣдовать не ранѣе, какъ 1-го апрѣля 1914 года. Согласно предъявленнымъ требованіямъ, стрѣлковый дальномѣръ предназначается для употребленія пѣхотой въ бою, вблизи противника; дистанція должна опредѣляться съ одной точки стоянія, въ теченіе не больше 1 минуты; дальномѣръ долженъ быть проченъ, вѣсить не болѣе 5 фунтовъ и давать показанія съ точностью 4% на 3.000 шаговъ разстоянія.

Не зная образцовъ, представленныхъ на конкурсъ, я считаю полезнымъ представить изображеніе одного изъ лучшихъ *современныхъ* дальномѣровъ—Цейсса. На черт. 1 показанъ ходъ лучей въ трубѣ дальномѣра, а на черт. 2—какъ имъ пользуются. Система дальномѣра Герца очень похожа на систему Цейсса; о ней въ № 80 «Рус. Инв.» за прошлый годъ данъ былъ блестящій отзывъ представителемъ 76 пѣх. Кубанскаго полка. База у нихъ—*постоянная*, въ самомъ приборѣ; ей соотвѣтствуетъ разстояніе между объективами. Разстоянія опредѣляются съ одной точки стоянія, точно и весьма быстро, но, къ сожалѣнію, такіе дальномѣры очень дороги. У Цейсса въ полѣ зрѣнія (черт. 3) видно окошечко, въ которомъ предметы представляются перевернутыми. Перевернутое изображеніе надо подвести къ прямому; тогда на шкалѣ, что слѣва, будетъ показано разстояніе. У Герца—нѣсколько иначе (черт. 4).

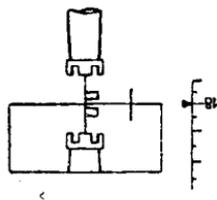
Черт. 1.

Черт. 2.

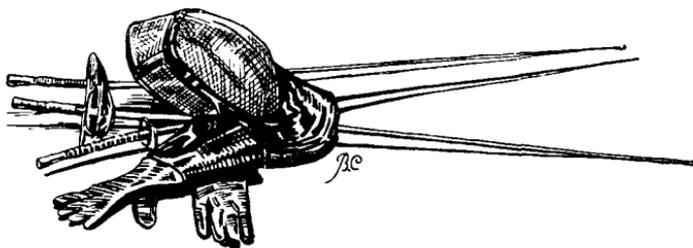
Черт. 3.

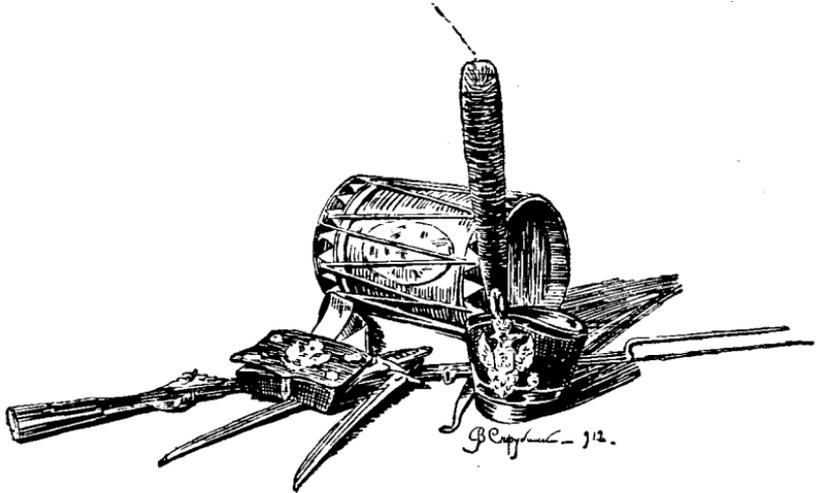

Черт. 4.

Въ заключеніе, искренно привѣтствуя *починъ* юнкера-одноклассника, родного мнѣ Александровскаго военнаго училища, сожалѣю, что, находясь далеко отъ родины и въ частности отъ Москвы, я не могъ своевременно поставить его проектъ на надлежащіе рельсы и дать импульсъ къ созданію чего-либо болѣе *полезнаго* для арміи, дать болѣе здоровое, *реальное* направленіе его творчеству... Какъ много поработавшій вокругъ дальномѣровъ, въ бытность въ стрѣлковой школѣ и внѣ ея, какъ лицо, передъ глазами котораго прошелъ цѣлый калейдоскопъ (и, надо сказать правду, въ большей части случаевъ наивныхъ или недостаточно продуманныхъ) предложеній для опредѣленія разстояній, я убѣдился въ томъ, что, прежде чѣмъ изобрѣтать, конструкторъ долженъ обладать самой *широкой* по данной отрасли *эрудиціей*, дабы не вышло того, на примѣръ, неудачнаго дебюта съ «новыми изобрѣтеніями», который имѣли, по нашему мнѣнію, авторъ статьи и юный изобрѣтатель, и все потому, что они не были, какъ надлежало бы, *ориентированы* въ матеріалъ, изъ котораго хотѣли создать нѣчто, отвѣчающее запросамъ арміи и имѣющее своей задачей помочь пробѣлу, ощущаемому въ ея стрѣлковой подготовкѣ.

С. фонъ Дитмаръ.

ДУХОВНАЯ СТОРОНА ВЪ БОЮ.

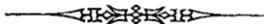
(Изъ поученій маршала Бюжо).

Духовная сила мнѣ всегда казалась превосходящей физическую; ее можно развить, возвышая душу солдата, прививая ему любовь къ славѣ, гордость своимъ полкомъ (*l'honneur régimentaire*) и, особенно, воспитывая въ немъ чувство патриотизма, зародышъ котораго таится во всѣхъ сердцахъ. Такъ подготовленныхъ людей легко подвинуть на великія дѣла, разъ сумѣли приобрести ихъ довѣріе; а чтобы достигнуть этого послѣдняго, надо по отношенію къ нимъ исполнять всѣ свои обязанности, сдѣлать изъ нихъ себѣ друзей, часто заводить съ ними бесѣду на военныя темы и доказать имъ, что вы способны хорошо руководить ими.

Въ бою надо подавать собою блестящій примѣръ мужества и хладнокровія...

Добавимъ отъ себя, что не есть ли *личный примѣръ* лучшее средство для воспитанія и развитія въ своихъ ученикахъ и подчиненныхъ желательныхъ въ нихъ качествъ *всегда и во всемъ?*

* * *

СТРѢЛКОВЫЯ ЗАМѢТКИ.

(Продолженіе) ¹⁾.

Практическій курсъ стрѣльбы.

ж) Учебно-показныя стрѣльбы на мѣстности.

Вриведенныя показныя стрѣльбы на стрѣльбищахъ, затѣмъ тактическо-стрѣлковыя занятія на планахъ и въ полѣ дадутъ достаточную подготовку начальникамъ для управленія огнемъ своихъ частей на боевыхъ стрѣльбахъ на мѣстности.

Какимъ характеромъ должна отличаться организація послѣднихъ? Если принять во вниманіе ограниченность отпуска патроновъ и желаніе дать практику большому числу лицъ, а съ другой стороны—затруднительность провести боевую стрѣльбу съ возможно меньшимъ числомъ условностей, то придется согласиться съ тѣмъ, что наиболѣе раціональнымъ будетъ, если стрѣльбамъ отдѣленій и взводовъ придать учебно-показной характеръ.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 9.

Отличительною особенностью организаціи стрѣльбъ на мѣстности является необходимость удовлетворить и условію безопасности и условію наиболѣе естественнаго теченія упражненія. Въ послѣднемъ отношеніи въ особенности важно, дабы начальники не были стѣснены въ смыслѣ широты развертыванія, а секторъ безопаснаго направленія выстрѣловъ былъ бы возможно шире.

Очевидно, для удовлетворенія такихъ условій имѣеть значеніе величина стрѣляющей части; съ увеличеніемъ послѣдней все труднѣе найти соотвѣтствующій участокъ мѣстности. Въ виду этого, организація боевыхъ стрѣльбъ на мѣстности ротами и частями большаго состава представляетъ все большія затрудненія—подходящихъ участковъ будетъ ограниченное количество. Кромѣ того, стрѣльбамъ частями подобной величины учебный характеръ можно придать лишь въ общихъ чертахъ; достаточнаго числа компетентныхъ лицъ для наблюденія за дѣйствіями не будетъ. Замѣчатся сдѣланныя ошибки будутъ лишь въ крупныхъ чертахъ, детали рѣшенія тактическо-стрѣлковыхъ задачъ будутъ сглаживаться, поэтому и не могутъ обсуждаться. Однимъ словомъ, здѣсь будетъ на лицо не ученіе, а искусство, главнымъ образомъ, въ смыслѣ сложности работы. Вслѣдствіе этого, такія стрѣльбы должны производиться въ концѣ періода обученія. Послѣдній же слѣдуетъ считать въ февралѣ мѣсяцѣ. Участіе же въ стрѣльбахъ принимаютъ два старшихъ срока службы.

Итакъ, для обученія взводовъ, какъ стрѣлковой единицы, выгоднѣе вести учебно-показныя стрѣльбы на мѣстности. Время—осенній и зимній періодъ до февраля. Въ февралѣ, какъ повѣрка годовой работы, производятся боевыя стрѣльбы на мѣстности съ маневрированіемъ для ротъ и частей большаго состава.

Приведу примѣръ организаціи учебно-показной стрѣльбы для взводовъ и отдѣленій на мѣстности, съ цѣлью выяснить—какіе вопросы по организаціи приходится разрѣшать и какой именно желательнѣе придать характеръ этимъ стрѣльбамъ.

Для учебно-показной стрѣльбы четырьмя взводами былъ намѣченъ слѣдующій участокъ (черт. 7).

Съ востока участокъ ограничивался хребтомъ. На этомъ хребтѣ, у сѣверной оконечности с. Иваново была намѣчена позиція для стрѣляющихъ взводовъ. Размѣры позиціи или ширина полосы наступленія опредѣляется допускаемыми крайними (въ видахъ безопасности) выстрѣлами. Направленіе таковыхъ, указанное на схемѣ, опредѣлило, что фронтомъ на западъ позиція можетъ

1) На дистанціи 2.200—2.300 шаговъ головная цѣпь съ интервалами въ 2 шага, ясновидимая (№ 1).

2) Цѣпь въ ростъ, спускающаяся по косоугру, на половину замаскированная верхушками кустовъ, на дистанціи 2.300 шаговъ, ясновидимая (№ 2).

3) Группа начальниковъ (дистанція 2.500 шаговъ), плохо различаемая невооруженнымъ глазомъ, ибо проектировалась на фонѣ лѣса.

4) Поддержка въ ростъ (дистанція 2.500 шаговъ), различаемая лишь въ бинокль по той же причинѣ.

Общія условія стрѣльбы были—0° температуры; сырая, туманная погода, талый снѣгъ.

Оборонительный характеръ общаго тактическаго заданія былъ достигнуть тѣмъ, что рота (въ составъ которой входили взводы) выполняла роль боковой походной заставы и была на нѣкоторое время какъ бы изолирована отъ прочихъ частей. Слѣдовательно, при встрѣчѣ съ болѣе сильнымъ противникомъ, она должна была временно удерживаться на хребтѣ у д. Иваново, какъ на важномъ опорномъ пунктѣ.

Итакъ, на позиціи фронтомъ на западъ можно было развернуть лишь два взвода, да и размѣры видимой части косоугра не позволяли расположить болѣе цѣпей. Необходимо было для остальныхъ двухъ взводовъ изыскать другую позицію и безопасное направленіе выстрѣловъ. Такое направленіе выстрѣловъ было найдено при расположеніи взводовъ на позиціи на линіи отдѣльнаго дома А, фронтомъ на юго-западъ. Въ силу условій мѣстности, для этихъ взводовъ пришлось ограничиться ближней дистанціей. Было выставлено двѣ цѣпи: одна въ ростъ на 800 ш. и вторая—головная на 300 ш., причѣмъ цѣпи были выставлены каждая нѣсколькими группами, соотвѣтственно контуру опушки кустовъ, къ которой онѣ и были примѣнены.

Выполненіе самой стрѣльбы велось слѣдующимъ образомъ.

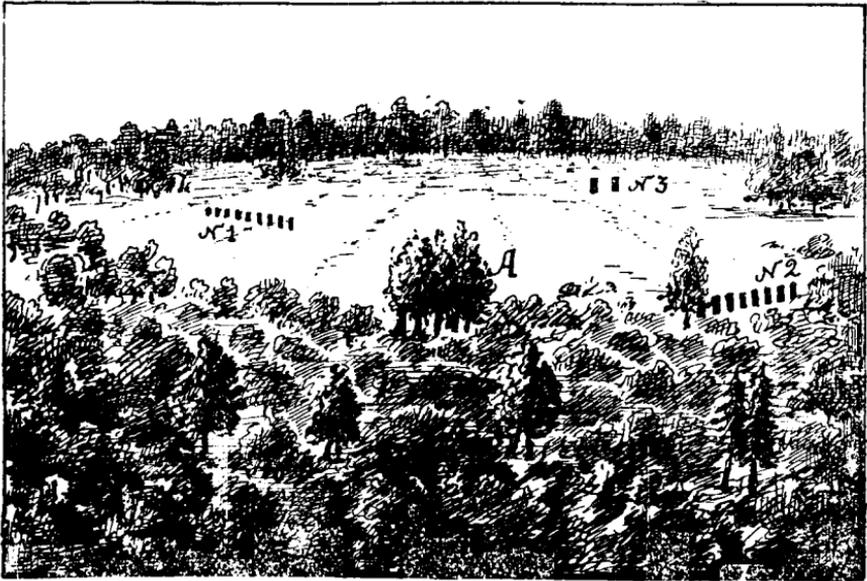
Ротую командовалъ руководитель. Подведя роту съ восточной стороны къ подножію хребта у с. Иваново, руководитель объявилъ, что получены донесенія о появленіи большихъ цѣпей на опушкѣ лѣса къ западу. Вмѣстѣ съ тѣмъ было объявлено рѣшеніе—занять хребетъ у с. Иваново двумя взводами, остальные два взвода держать въ резервѣ за правымъ флангомъ.

Былъ обсужденъ вопросъ—какимъ образомъ слѣдовало бы занять, въ данномъ случаѣ, позицію? Выработанное рѣшеніе начали приводить въ исполненіе.

Въ это время наблюдатели использовали дальномѣръ Герца и сообщили во взводъ, что до выступа кустовъ (А ч. 8) разстояніе равно 1.800 ш. Этотъ выступъ кустовъ являлся наиболѣе характернымъ ориентировочнымъ пунктомъ, иначе говоря, вспомогательной точкой ориентированія.

Для взводовъ участки наблюденія были назначены: для лѣваго—отъ праваго края выступа кустовъ влѣво; для праваго—отъ того же края кустовъ вправо.

Черт. 8.

Наблюдатели обоихъ взводовъ замѣтили цѣли №№ 1, 2 и 3. Цѣль № 4 осталась незамѣченной.

Затѣмъ были обсуждены условія рѣшенія стрѣлковыхъ задачъ по замѣченнымъ цѣлямъ, по каждой въ отдѣльности.

Условія почвы (талый снѣгъ) не благопріятствуютъ наблюденіямъ за паденіемъ пуль—рѣшено пристрѣлку не вести, а стрѣлять по всѣмъ цѣлямъ, по площадямъ. Появилась надобность въ опредѣленіи размѣровъ послѣднихъ. Ближайшей границей ихъ можетъ служить дистанція 1.800 ш. до указаннаго выступа кустовъ; дальней же границей служить лѣсъ, но разстояніе до него неизвѣстно. Послѣднее есть недостатокъ стрѣлковой развѣдки. Если была возможность опредѣлить разстояніе до одного ориентировочнаго пункта, то очевидно тоже могло быть сдѣлано и по отношенію другого. Вообще былъ сдѣланъ выводъ, что стрѣлковая развѣдка должна всегда да-

вать вилки—ближнюю и дальнюю границы обстрѣливаемого пространства.

Мотивы, которые выяснились при обсужденіи условій рѣшенія стрѣлковхъ задачъ, были слѣдующіе.

Принимая во вниманіе мѣсто первой цѣли относительно выступа кустовъ и опушки лѣса, рѣшили обстрѣлять площадь съ прицѣлами 21, 22, 23 и 24. Вѣроятность пораженія головной цѣли малая, но дать противнику безнаказанно перевалить бугоръ нельзя; поэтому принять видъ огня—рѣдкій, лучшими стрѣлками. Какимъ же образомъ при такомъ видѣ огня обстрѣлять площадь? Оказалось нужнымъ, чтобы отдѣленные, назначая стрѣлковъ, назначали каждому прицѣлъ изъ числа указанныхъ или для каждого отдѣленія одинъ изъ прицѣловъ. Половина мишеней была падающія. Наблюденія дали затѣмъ возможность сузить предѣлы обстрѣливаемой площади.

По группѣ начальниковъ, въ виду близости ея къ лѣсу, оказалось возможнымъ сразу ограничить размѣръ обстрѣливаемой площади двумя прицѣлами. Малая видимость цѣли невооруженнымъ глазомъ и незначительная ея ширина по фронту принудили назначить нѣсколько точекъ прицѣливанія. Цѣль быстро скрывающаяся, поэтому видъ огня—шквальный. Стрѣлки были ориентированы при помощи обоймы. Вспомогательной точкой ориентированія послужило отдѣльное дерево (*B*), выдѣляющееся надъ кустами. Линія прицѣливанія указана была по подошвѣ лѣса влѣво 50, раздѣлить вправо 5. Въ данномъ случаѣ и можно было назначить нѣсколько точекъ прицѣливанія лишь по обоймѣ, ибо на фонѣ подходящихъ замѣтныхъ точекъ не было.

Цѣль въ ростъ была признана цѣлью полузакрытой. Нижняя часть снопа пуль будетъ перехватываться кустами. Потому стрѣльбу здѣсь рациональнѣе вести по правиламъ стрѣльбы по высотѣ. Болѣе близкое положеніе къ ближайшей границѣ дало возможность сразу начать стрѣльбу при двухъ прицѣлахъ. Видъ огня—шквальный, ибо цѣль, очевидно, при первыхъ же пуляхъ поспѣшитъ скрыться въ кустахъ. Линія прицѣливанія взята по верхушкѣ кустовъ, отъ отдѣльнаго дерева (*B*) вправо 60, раздѣлить влѣво 20.

По цѣли № 4, совершенно невидимой на фонѣ лѣса, стрѣлки были также ориентированы по обоймѣ. Ориентировочнымъ пунктомъ служилъ правый бокъ выступа кустовъ. Линія прицѣливанія по подошвѣ лѣса. Видъ огня—шквальный. Стрѣльба при двухъ прицѣлахъ.

При рѣшеніи задачъ остальными двумя взводами выяснилось

что тяжесть работы на такихъ близкихъ дистанціяхъ ложится на отдѣленныхъ. Резервъ былъ расположенъ у восточной подошвы хребта, что у д. Иваново. По мѣрѣ выхода отдѣлений на гребень, нѣкоторыя изъ нихъ уже замѣчали цѣпи головную и въ ростъ. Требовалось немедленное открытіе огня этими отдѣленіями. По мѣрѣ же подхода и прочія отдѣленія принимали участіе въ стрѣльбѣ. Затѣмъ, въ силу задачи—охватить со стороны дома А флангъ противника, сильно пробравшагося впередъ—взводы должны были провести наступленіе на небольшое разстояніе, все время съ огнемъ по цѣлямъ. Выяснилось, что потребовалась самая усиленная дѣятельность со стороны отдѣленныхъ, дабы правильно направить движеніе, огонь и слѣдить за примѣненіемъ къ мѣстности. На долю же взводныхъ пришлось, давъ общее направленіе, затѣмъ лишь вводить поправки въ случаѣ надобности, однимъ словомъ руководить, а не приказывать. Распорядительная же роль возлагалась на отдѣленныхъ и старшихъ звеньевъ. Выяснилось также, что первоначально видъ огня могъ быть только шквальнѣй; по мѣрѣ же ослабленія огня противника, что въ данномъ случаѣ обозначалось паденіемъ мишеней, отдѣленные обязаны урегулировать и нашъ огонь, переходя на рѣдкій огонь въ звеньяхъ, а потомъ и лучшими стрѣлками.

Я нарочно болѣе подробно остановился на порядкѣ стрѣльбы, чтобы пояснить—какой именно учебно-совѣщательный характеръ желательно придать стрѣльбамъ взводовъ и отдѣленій, преслѣдуя этимъ то, чтобы ни одна мелочь исполненія не пропала незамѣченной.

Изъ сказаннаго о произведенной стрѣльбѣ можно сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) количество патроновъ, отпускаемыхъ для обученія, столь ограничено, что безусловно слѣдуетъ склониться къ описанной организаціи стрѣльбы—она позволяетъ избѣгать траты патроновъ происшедшей вслѣдствіе ошибки управляющаго огнемъ, и даетъ возможность принять участіе въ стрѣльбѣ всѣмъ присутствующимъ, своимъ мнѣніемъ; 2) самый порядокъ стрѣльбы, сопровождаемый предварительнымъ обсужденіемъ, приучаетъ къ извѣстному роду мышленія, заставляетъ болѣе вдумчиво отнестись ко всѣмъ условіямъ и послѣднія глубже запечатлѣваются въ памяти; 3) онъ можетъ получить и нѣкоторую отрицательную сторону, если не выждать сперва рѣшенія обучающагося; необходимо, чтобы послѣдній первоначально постановилъ свое рѣшеніе, а затѣмъ уже послѣднее подвергнуть обсужденію и дополненію; 4) производство такихъ стрѣльб нѣсколько мѣшкотно при мало подготов-

ленныхъ обучающихся; если же послѣдніе будутъ имѣть достаточную практику въ рѣшеніи тактическо-стрѣлковыхъ задачъ на плажахъ и въ полѣ, то учебныя стрѣльбы будутъ проходить живо и съ интересомъ; 5) нельзя ли такія стрѣльбы замѣнить рѣшеніемъ задачъ въ полѣ съ холостыми патронами? На это можно отвѣтить лишь отрицательно, *ибо упражненія съ холостыми патронами по своему существу всетаки всегда будутъ мертвыми, такъ какъ при нихъ нѣтъ живаго корректива—полета пули.*

з) Организация боевыхъ стрѣльбъ на мѣстности.

Перейдемъ къ освѣщенію вопроса объ организаціи боевыхъ стрѣльбъ на мѣстности для роты и частей бѣльшого состава.

Выше уже было указано, что главнѣйшимъ условіемъ въ данномъ случаѣ является необходимость дать полную свободу исполнителямъ. Свобода эта заключается въ томъ, чтобы исполнители, согласно слагающейся въ ихъ умѣ обстановки, могли произвольно распоряжаться своими частями и, несмотря на это, условіе безопасности для окружающихъ жителей было бы сохранено. Тогда только и возможно такія стрѣльбы назвать стрѣльбами съ маневрированіемъ.

Въ виду этого, на примѣръ, только что описанный участокъ мѣстности уже не годится для боевой стрѣльбы ротѣ, ибо естественная позиція даетъ возможность свободно развернуться только двумъ взводамъ. Выдвиженіе остальныхъ двухъ взводовъ является уже условностью, которую пришлось бы указывать исполнителю. А разъ это такъ, разъ исполнителю навязываютъ что-нибудь, то естественно ему придется въ сущности подсказать и всѣ подробности исполненія, иначе у него все равно сразу родится цѣлый рядъ вопросовъ: на какомъ фронтѣ я могу развернуться? на какой линіи я могу остановиться? какъ будутъ считать мое движеніе—подъ какимъ огнемъ я самъ нахожусь? какое направленіе моего фронта будетъ правильное, дабы выстрѣлы были безопасны? и т. д. Всѣ эти вопросы въ сущности сопряжены съ разносомъ или съ похвалой послѣ стрѣльбы. Вѣдь исполнители не знаютъ что хочетъ руководитель, ибо въ противномъ случаѣ пропалъ бы весь секретъ искусства. Съ другой же стороны, разъ приходится отвѣчать на всѣ указанные вопросы, то исполнителямъ очень мало что остается дѣлать—все рѣшеніе сведется къ стереотипу: «Прямо по цѣпи и т. д.»...

Итакъ, организація боевыхъ стрѣльбъ съ маневрированіемъ не должна задавать шарды исполнителямъ.

Вотъ именно здѣсь и нужно подчеркнуть то, что на боевыхъ стрѣльбахъ не будемъ имѣть возможности представить полную картину боя, вплоть до удара въ штыки.

Для этого необходимо имѣть не только большое пространство, но и ввести поправку въ оцѣнку результатовъ.

Для картины боя необходимо вести наступленіе съ огнемъ, но боевыхъ патроновъ мало: необходима замѣна ихъ холостыми патронами. Оцѣнка въ данномъ случаѣ дѣлается, исходя изъ числа выпущенныхъ боевыхъ патроновъ.

Для тактической цѣльности упражненія, установка мишеней должна считаться съ характеромъ мѣстности и выражать наиболѣе вѣроятное занятіе послѣдней противникомъ. Установки мишеней могутъ быть мертвыя и появляющіеся. Первые еще подраздѣляются на ясновидимыя, маскированныя и падающія. Для примѣненія вторыхъ необходимо наличие переносныхъ блиндажей. Вообще, послѣднихъ каждый полкъ долженъ имѣть не менѣе восьми, ихъ слѣдуетъ признать обязательнымъ приспособленіемъ.

Для рѣшенія стрѣлковыхъ задачъ необходимо, дабы мишени замѣчались исполнителями внезапно, какъ разъ въ необходимый моментъ.

Если мишени на мертвой установкѣ, то это можетъ быть достигнуто двояко: 1) используется элементъ мѣстности въ томъ смыслѣ, дабы рѣшающіе задачу до момента ея рѣшенія двигались бы скрытно. Именно въ такомъ смыслѣ использована деревня Hөflein на стрѣльбѣ, произведенной при баварской стрѣлковой школѣ («В. Сб.» № 11, 1912 г.); ту же службу сослужилъ хребетъ д. Иваново въ приведенномъ здѣсь примѣрѣ; съ такимъ же расчетомъ въ прошломъ году на боевой стрѣльбѣ на Военномъ полѣ Красносельскаго лагеря былъ использованъ всѣмъ хорошо извѣстный Авангардный лагерь, какъ скрытый подступъ для баталіона и 2-хъ батарей. 2) Нерѣдко мишени можно замаскировать, благодаря фону; лѣсъ и кусты даютъ такой фонъ, что мишени исполнителями обыкновенно не замѣчаются; въ такомъ случаѣ указывать ихъ лучше вспышками; хуже, если это будетъ сдѣлано руководителемъ, ибо вспышки представляютъ искусь для вниманія людей.

Нерѣдко желаніе дать батальную картину сводить пользу самого упражненія во многомъ на нѣтъ. При организациі упомянутой выше боевой стрѣльбы на Военномъ полѣ первоначально) собравшемся по этому поводу совѣщанію) было предложено— Авангардный лагерь использовать, какъ скрытый раіонъ для разверты-

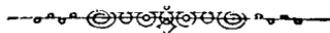
ванія отряда, цѣли же выставить главнымъ образомъ на линіи Царскаго валика и Лабораторной роши, выполняя въ такомъ случаѣ слѣдующіе боевые моменты: 1) столкновение частей походнаго охраненія; 2) развертываніе головныхъ частей и занятіе ими мѣстнаго рубежа—линіи шоссе; 3) выѣздъ артилеріи; 4) первые моменты огневой борьбы на указанномъ рубежѣ. Но при такой организаціи оказывалось, что пропадалъ самый эффектный номеръ одновременной стрѣльбы артилеріи и пѣхоты по однимъ и тѣмъ же мишенямъ, ибо раіонъ установки мишеней для артилеріи лежалъ за Лабораторной рошей. Совѣщаніе съ этимъ не хотѣло согласиться и прибавило еще огневое нападеніе на гл. силы противника, раіонъ которыхъ считался за Лабораторной рошею. Для послѣдняго пришлось продѣлать наступленіе съ шоссе на линію Лабораторной роши, около версты. Наступленіе нудное, безъ огня, безъ видимой такъ сказать цѣли, доставило многимъ впослѣдствіи нѣсколько неприятныхъ минутъ.

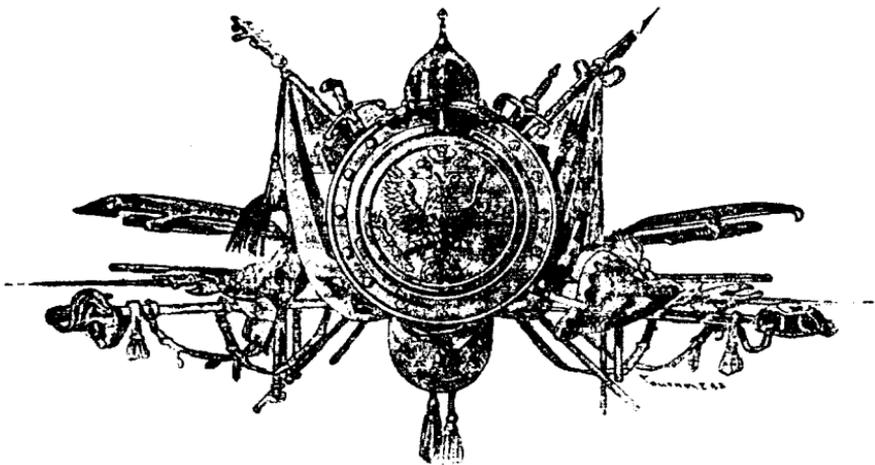
Вполнѣ же естественное и свободное развертываніе отряда въ раіонѣ Авангарднаго лагеря, затѣмъ переходъ черезъ оврагъ и занятіе линіи шоссе, какъ рубежа, было произведено сравнительно гладко, а одной ротою и очень искусно. На этомъ слѣдовало остановиться, ибо пунктъ, прибавленный совѣщаніемъ, далъ лишь цѣлый рядъ условностей и шарадъ для исполнителей. И все это ради сомнительной пользы отъ обозрѣнія батальной картины!

Приблизительно въ такомъ положеніи будетъ находиться всякая организація стрѣльбы. Наиболѣе естественнымъ выходомъ будетъ—ограничиться развертываніемъ и занятіемъ ближайшаго рубежа, а не стремиться провести наступленіе по всѣмъ зонамъ ружейнаго огня.

Въ силу же всего сказаннаго, можно лишь отнестись отрицательно и къ слѣдующей организаціи. Къ производству сперва (на мѣстѣ стрѣльбы) двухсторонняго маневра, а затѣмъ—замѣнѣ людей мишенями. Этотъ способъ имѣетъ единственную выгоду—онъ докажетъ необходимость примѣненія къ мѣстности. Но зато онъ мѣшкотный, начнется цѣлый рядъ споровъ—какимъ образомъ какая часть была расположена. Въ стрѣлковомъ же отношеніи всякій искусъ совершенно пропадалъ, ибо приэтомъ будетъ достаточно времени, дабы обезпечить крестъ въ предстоящей стрѣльбѣ.

В. Ступинъ.

ПѢХОТНЫЕ ТЕЛЕФОНИСТЫ.

Въ февральской книжкѣ «Военнаго Сборника» за текущій годъ помѣщена статья подъ заглавіемъ «Инженерный полкъ», въ которой разсматривается вопросъ снабженія армейскаго корпуса всѣми современными техническими средствами, сосредоточенными въ корпусномъ инженерномъ полку. Привѣтствуя попытку освѣтить вопросъ организаціи техническихъ частей, входящихъ въ составъ корпуса, нельзя не обратить вниманія на неудобства, которыя должна вызвать организація телефоннаго дѣла, предложенная въ упомянутой статьѣ, сводящаяся къ слѣдующему: «необходимо снять съ плечъ пѣхоты эту обузу, т.-е. телефонное дѣло, и все имущество и нижнихъ чиновъ полковыхъ телефонныхъ командъ направить на формированіе въ корпусномъ инженерномъ полку одной телефонной роты, обязанной знать и умѣть примѣнять не только одно телефонное дѣло, но всѣ способы оптической дневной и ночной передачи, т.-е. гелиографы, лампы для ночного дѣйствія и т. п.»

Едва ли есть основаніе считать обузой для пѣхоты телефонное дѣло, которое въ пѣхотѣ стоитъ лучше, чѣмъ въ саперныхъ частяхъ. Не далѣе, какъ лѣтомъ прошлаго года, такой взглядъ громко выска-

заль инспекторъ инженерныхъ войскъ одного изъ военныхъ округовъ въ присутствіи офицеровъ нѣсколькихъ саперныхъ баталіоновъ и прикомандированныхъ отъ частей округа офицеровъ пѣхоты. Не скрываетъ этого и авторъ упомянутой статьи. Да и дѣйствительно, какое можетъ встрѣтиться затрудненіе при изученіи телефоннаго дѣла для офицера, прошедшаго курсъ физики средняго учебнаго заведенія и подчитавшаго основательно учебникъ, которымъ, какъ приходилось наблюдать, пользуются и сами офицеры саперныхъ баталіоновъ? Справедливость этого доказана на опытѣ, такъ какъ командированіе въ саперные баталіоны офицеровъ и нижнихъ чиновъ для изученія телефоннаго дѣла практикуется лишь за послѣдніе два—три года, телефонное же дѣло въ пѣхотныхъ полкахъ уже давно стоитъ на должной высотѣ, несмотря на то, что еще не такъ давно телефонные аппараты и проводы приобрѣтались полками только на собственные средства. Тѣмъ не менѣе, для начинающихъ работу съ телефонами, командированіе въ саперные баталіоны, конечно, облегчитъ изученіе технической стороны дѣла, если обучать будетъ опытный саперный офицеръ. Если же, какъ бываютъ случаи, обученіе «прикомандированныхъ» будетъ возложено на рядового изъ бывшихъ телеграфистовъ, на урокахъ котораго обязаны присутствовать, не то въ роли классной дамы, не то яко-бы поучаясь у этого профессора на глазахъ своихъ солдатъ, офицеры пѣхоты, то дѣло сводится лишь къ обученію нижнихъ чиновъ телефонной техники въ узкомъ смыслѣ слова, да еще къ ущербу престижа офицеровъ пѣхоты въ глазахъ ихъ подчиненныхъ и въ особенности саперныхъ солдатъ.

Но кто же, спрашивается, научить офицеровъ, несущихъ обязанности начальника связи въ пѣхотныхъ полкахъ, да и офицеровъ артилеріи, практической сторонѣ дѣла, т.-е. быстрому и цѣлесообразному примѣненію техническаго средства къ тактической обстановкѣ? Въ саперныхъ баталіонахъ этому не учатъ, да и научить не могутъ по весьма понятной причинѣ—по собственному полному незнакомству саперныхъ офицеровъ съ этой стороной дѣла. Научить этому пѣхотнаго или артилерійскаго офицера можетъ только его наблюдательность, военный глазомѣръ, основанный на тактическихъ познаніяхъ, и практика во время маневровъ и боевыхъ стрѣльбъ частями подъ руководствомъ его строевыхъ начальниковъ, многіе изъ которыхъ къ тому же и офицеры генеральнаго штаба.

Едва ли основательны сѣтованія автора, что для несенія связи отрывается нынче много офицеровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что для команды

связи въ мирное время ни одинъ командиръ полка не пожалѣетъ даже и трехъ офицеровъ, такъ какъ это обезпечить ему прочность связи въ военное время, въ случаѣ убыли въ бою кого-либо изъ этихъ офицеровъ, цѣнныхъ для боевыхъ успѣховъ части.

Быстрое установленіе связи, отвѣчающее обстановкѣ боя, а также поддержаніе ея при наступленіи — дѣло не легкое, требующее не малаго искусства, достигаемаго практикой и только практикой. Имѣть ее можетъ только тотъ, кто, служа въ пѣхотной части и участвуя постоянно во всѣхъ ея маневренныхъ и другихъ боевыхъ упражненіяхъ, привыкъ управлять всѣми имѣющимися въ полку средствами связи, т.-е. телефономъ, фонарями (или лампами), флагами, гелиографами (которые имѣются во многихъ полкахъ), конными ординарцами, велосипедистами. Только у такого начальника связи получится взаимодѣйствіе всѣхъ имѣющихся средствъ связи; такъ, напримѣръ, конный ординарецъ сумѣетъ, пользуясь лошадью, облегчить пѣшему телефонисту размотку провода или отысканіе мѣста порчи его. Только у такого офицера связь всегда будетъ во время къ услугамъ начальника отряда, котораго онъ будетъ понимать съ полуслова, сжившись съ которымъ въ служебно-товарищеской средѣ части, онъ поставитъ для себя вопросомъ чести сдѣлать все, чтобы облегчить задачу своего полка и своего начальника.

Едва ли есть основаніе горевать, что пѣхотный солдатъ-телефонистъ проводить первый годъ службы въ ротѣ, такъ какъ за этотъ годъ онъ изучитъ службу въ полѣ, усвоитъ въ доступномъ для него объемѣ тактическія формы и терминологию, что очень полезно для будущаго телефониста. Затѣмъ уже изучитъ телефонъ, будетъ дежурить у телефона гдѣ нибудь въ канцеляріи, потомъ во время учебныхъ и боевыхъ стрѣльбъ въ сторожевомъ охраненіи. Затѣмъ, весной и лѣтомъ во время самостоятельныхъ занятій команды телефонистовъ, подъ руководствомъ начальника связи, ему не разъ придется подумать и смекнуть какъ дѣйствовать на мѣстности при той или другой тактической задачѣ полка, которую создалъ начальникъ связи, и какъ перейти къ налаживанью связи при полученіи отъ офицера вводной задачи.

Наконецъ, на маневрахъ и ученьяхъ частями полка, а затѣмъ въ общемъ и подвижномъ сборѣ, въ обстановкѣ похода, боя, ночлега, онъ окончательно окрѣпнетъ въ своихъ познаніяхъ, привыкнетъ къ обиходу словъ, употребляемыхъ въ полевыхъ войскахъ, узнаетъ всѣхъ начальниковъ своей части, старшихъ начальниковъ сосѣднихъ частей; многихъ изъ нихъ онъ видѣлъ, со многими

говорилъ. Въ результатѣ, къ осени второго года службы, у пѣхотнаго телефониста получаютъ такіе навыки, которые необходимы ему и которыхъ инымъ путемъ и въ другомъ мѣстѣ нигдѣ приобрѣсти нельзя. Кому приходилось сталкиваться съ работой пѣхотныхъ телефонистовъ на маневрахъ, тѣ знаютъ, что, при непрерывной бѣготнѣ, телефонистъ не имѣетъ времени для отдыха, такъ какъ по приходѣ на ночлегъ торопится связать часть съ сосѣдами и штабами, дежурить ночью у телефона или бѣжить провѣрять линію, если телефонъ отказалъ; подчасъ работаетъ и не ѣвши. Поэтому, чтобы телефонисты лихо работали, нужны большая тренировка ихъ въ бѣгѣ и привычка къ работѣ, которую можно получить только при обилии и разнообразіи занятій въ полку, да и дисциплина въ командѣ покрѣпче, чѣмъ у вспомогательныхъ войскъ: настоящая пѣхотная. А главный залогъ успѣха кроется въ томъ, что и пѣхотный и артилерійскій телефонистъ костями ляжетъ въ своей тяжелой работѣ, лишь бы достигнуть успѣха для своей родной части, долю котораго онъ приписываетъ и своей работѣ, и въ этомъ его гордость. Для своей части онъ недоспитъ, недоѣстъ, будетъ бѣгать до изнеможенія и все же будетъ крѣпокъ духомъ, а значить и въ работѣ. Охотно поработаетъ и для сосѣда по бригадѣ или дивизіи, которыхъ привыкъ считать за своихъ съ новобранства.

Такова ли будетъ психологія у людей команды телефонистовъ, присланной въ полкъ на время маневровъ изъ телефонной роты, обыкновенно квартирующей гдѣ нибудь за сотни верстъ отъ пѣхотнаго полка, къ которому теперь ихъ зачѣмъ то прислали? Придутъ они, повидимому, безъ офицера, такъ какъ авторъ статьи предполагаетъ въ телефонной ротѣ 5 офицеровъ, а въ корпусѣ восемь полковъ и три штаба. Неужели же саперный унтеръ-офицеръ, кромѣ узко технической стороны телефоновъ, ни въ чемъ больше не осведомленный, совершенно чуждый для полка, да еще въ большинствѣ случаевъ считающій себя превыше всяческой пѣхоты, окажется вмѣстѣ со своею командой на высотѣ современныхъ требованій, предъявляемыхъ къ связи въ пѣхотномъ полку?

Нѣтъ, даже если команда будетъ подъ начальствомъ сапернаго офицера, то и въ этомъ случаѣ будутъ отсутствовать тѣ необходимыя познанія и навыки, о которыхъ упоминалось выше, которыхъ нѣтъ у саперныхъ офицеровъ, да при существующемъ положеніи вещей и не можетъ быть. Для приобрѣтенія ихъ нужно даже не сжиться, а сродниться съ бытомъ и службой пѣхоты, для чего почаще, вмѣстѣ съ пѣхотой, выходить въ поле, не стѣсняясь грязью и снѣгомъ, а не ограничиваться только тѣмъ, что во время сапер-

ныхъ лагерей, все на одной и той же мѣстности, изъ года въ годъ, устраивать примѣрные маневры, чаще безъ войскъ. А пока нужныхъ навыковъ нѣтъ, едва ли слѣдуетъ мѣшать дѣлу, которое въ пѣхотѣ хорошо идетъ—предложеніемъ проекта, на практикѣ неудобовыполнимаго и имѣющаго въ основѣ своей такое вредное начало, какъ перемѣшиваніе частей и нарушеніе органической сплоченности ихъ, за допущеніе которыхъ и такъ уже приходилось дорого расплачиваться. Далѣе, по смыслу статьи (о телефонныхъ ротахъ) командиръ роты, разославъ по штабамъ и полкамъ корпуса своихъ слабо организованныхъ телефонистовъ, долженъ руководить и давать направленіе телефонной службѣ всего корпуса и являться отвѣтственнымъ за всякую неисправность въ телефонномъ сообщеніи. Казалось бы, это будетъ задача непосильная, невыполнимая.

Въ такомъ же безпомощномъ положеніи будетъ и командиръ полка: подготовленнаго офицера для связи, въ теперешнемъ смыслѣ, у него не будетъ. Такимъ явится офицеръ, незнакомый ни съ практикой телефонной связи, ни съ телефонистами; если же прибудетъ саперный офицеръ, то и это принесетъ мало пользы, такъ какъ онъ будетъ неопытный въ дѣлѣ связи въ пѣхотномъ полку, въ лучшемъ случаѣ хорошій техникъ. Что же будетъ дѣлать командиръ полка съ телефонистами, присланными ему отъ телефонной роты, которыхъ онъ раньше никогда и не видѣлъ, довѣря къ работѣ которыхъ у него не можетъ быть, которые не привыкли чувствовать въ немъ начальника, а полкъ считаютъ чужою имъ частью.

Отдѣлъ о телефонныхъ ротахъ авторъ статьи заканчиваетъ словами: «итакъ необходимъ сборъ въ одну роту всѣхъ, нынѣ разсѣянныхъ по полкамъ, пѣхотныхъ телефонистовъ и зачисленіе ея въ составъ инженернаго полка».

Избави Богъ отъ такого несчастья пѣхотные полки, органическую и неотъемлемую часть которыхъ составляютъ теперь команды телефонистовъ, стояція на высотѣ своей задачи и (на маневрахъ и въ военное время) приносяція колоссальную помощь при прохожденіи боевыхъ стрѣльбъ частями и для руководства встрѣчными маневрами частей полка, путемъ вводныхъ задачъ и т. п.!

Оторвать эти команды отъ полковъ, значитъ оставить командира полка безъ самаго серьезнаго средства связи, не только въ мирное, но и въ военное время, и кромѣ того лишитъ офицерскій составъ полковъ привычки и умѣнья пользоваться полевымъ телефономъ при учебно-боевой обстановкѣ въ мирное время, что не можетъ не принести вреда па войнѣ. Совершенно непонятно, почему авторъ

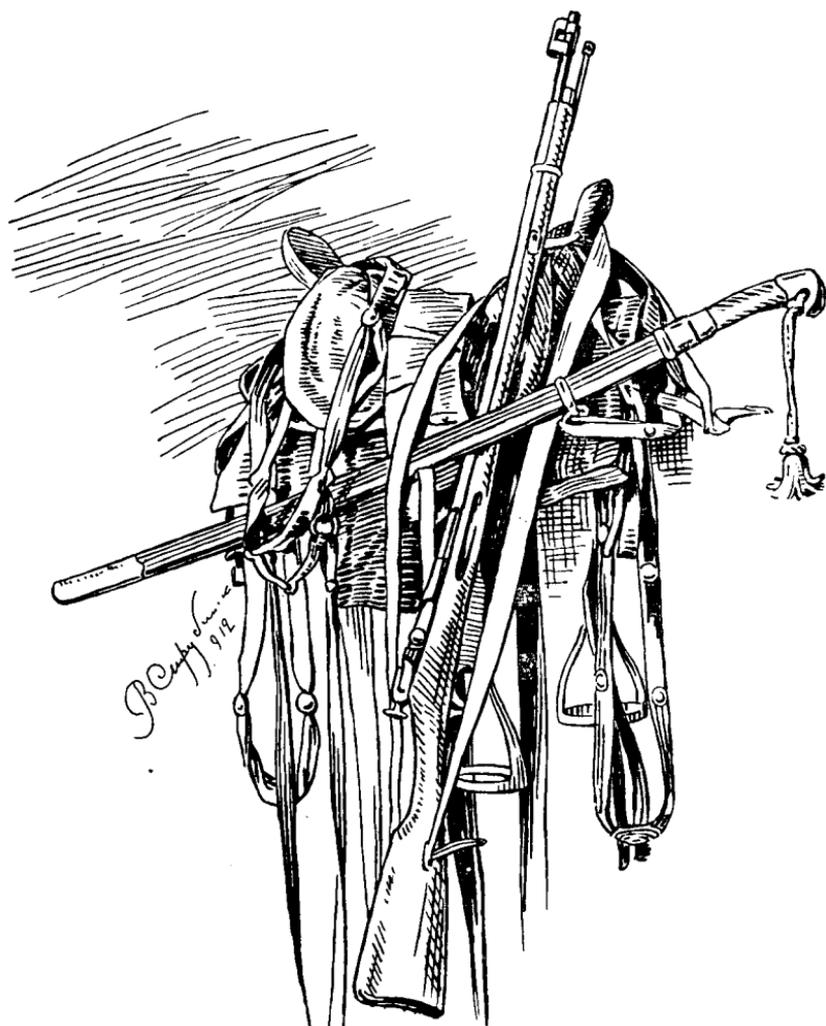
статьи, снисходя къ потребностямъ артилеріи, соглашается оставить ей телефоны, но настаиваетъ непремѣнно отобрать ихъ отъ пѣхоты. Развѣ пѣхота, какъ всякій другой родъ войскъ, не имѣетъ также своихъ задачъ, для исполненія которыхъ нужно имѣть своихъ спеціально обученныхъ телефонистовъ? При серьезномъ отношеніи, при близкомъ знакомствѣ съ пѣхотнымъ дѣломъ, на этотъ вопросъ нельзя отвѣтить отрицательно. Да, пѣхотнымъ телефонистамъ нуженъ именно *пѣхотный* навыкъ, а не какой нибудь другой, хотя бы и очень высокой марки. Поэтому, въ каждой пѣхотной части должна быть непремѣнно *своя* собственная команда связи, съ начальникомъ офицеромъ и нѣсколькими подготовленными замѣстителями, выбранными изъ числа офицеровъ, лучшихъ по тактической подготовкѣ, подвижныхъ, неутомимыхъ въ полевой работѣ на конѣ и пѣшкомъ, причемъ они должны быть ознакомлены со всѣми принятыми въ полкахъ средствами связи, до гелиографа включительно.

Что касается телефонной роты, то она можетъ существовать, независимо того, съ пользой для дѣла обслуживая штабы корпусовъ или даже и дивизій, гдѣ саперный офицеръ съ телефонистами будетъ всегда подъ руководствомъ офицера генеральнаго штаба, завѣдывающаго связью штаба, и гдѣ поэтому отъ саперъ требуется только знаніе техники телефоннаго дѣла и быстрота прокладки линій, въ чемъ они должны быть вполне компетентны. При такихъ условіяхъ командиръ телефонной роты получить возможность наблюдать за дѣятельностью чиновъ своей роты и руководить ею чрезъ своихъ младшихъ офицеровъ, съ центральной станціи или наѣздами, и рота будетъ у него въ рукахъ, а это заставитъ телефонистовъ работать какъ слѣдуетъ.

Въ мирное время командиръ телефонной роты явится естественнымъ контролеромъ сбереженія телефоннаго имущества въ пѣхотныхъ и артилерійскихъ частяхъ, а въ потребныхъ случаяхъ опытнымъ руководителемъ - техникомъ. При всемъ томъ, техническія изобрѣтенія имѣютъ теперь такое широкое примѣненіе въ жизни, что только г.г. специалисты могутъ опасаться довѣрить телефоны кому нибудь, кромѣ самихъ себя. Но на ряду съ этимъ они почему то находятъ нужнымъ отобрать пѣхотныхъ телефонистовъ для формированія инженерныхъ телефонныхъ ротъ, въ чемъ какъ будто сквозитъ желаніе пріобрѣсти телефонистовъ съ такимъ опытомъ и навыками по несенію службы связи, которые достигаются службой въ пѣхотѣ и отсутствуютъ у саперъ.

Н. Коппишъ.

ВЫЪЗДКА СТРОЕВОЙ КАЗАЧЬЕЙ ЛОШАДИ.

(Продолженіе) ¹⁾.

Весна. Лошади отъѣлись на сочныхъ травахъ, вычистились и вымылись въ росистыя зори, табунъ играетъ. Вотъ отдѣлилась молодая кобылка, высоко подняла тонкую шею, вытянула морду и идетъ легкою воздушною рысью, а другая подходитъ къ ней бокомъ. Она не знаетъ ни мундштука, ни удиль, а посмотрите — какой красивый и совершенно правильный у ней сборъ, какъ подобранный задъ, какъ легко, пружинисто и увѣренно идетъ она, далеко отки-

¹⁾ См. «Воен. Сборн.», № 9.

нужь пушистый хвостъ. Эта воздушная рысь, напоминающая испанскую—это ея естественныя движенія. Эта поднятая голова и (вслѣдствіе этого) центръ тяжести, поданный къ заду—этому ее никто не училъ, но въ минуты страсти, увлеченія, въ тѣ минуты, когда ей нужно быть легкой, увертливой, воздушной, она сама приняла именно это равновѣсіе, равновѣсіе на заду, подняла голову кверху, подобралась...

Какое изъ этихъ двухъ естественныхъ равновѣсій нужно военной казачьей лошади? То ли, въ которомъ лошадь перевариваетъ пищу и, опустивъ голову, полузакрывъ свои прекрасные глаза, еле бродить по стени, или то, когда она полна силы, энергіи, возбужденія, когда она сама танцуетъ, взвиваясь на дыбы, дѣлая пируеты въ воздухѣ? И мнѣ кажется, что противники равновѣсія лошади на заду, поднятой головы, доказывающіе, что это противоестественно и потому портитъ лошадь, упустили изъ виду эти минуты нервнаго возбужденія лошади, когда лошадь гарцуетъ и играетъ. Какъ смѣшно на походѣ, на шагу, на отдыхѣ не дать лошади опустить голову, не освободить ей поводъ, такъ равнымъ образомъ нелѣпо вести лошадь въ бой съ брошеннымъ поводомъ, съ опущенной головою, неловкую и неуклюжую.

Естественное равновѣсіе лошади и на переду и на заду, въ зависимости отъ того, что лошадь дѣлаетъ: нитается или рѣзвится; такъ и равновѣсіе лошади подѣ всадникомъ можетъ быть на переду—на походѣ, на скачкѣ, и на заду—на маневрахъ, въ схваткѣ, словомъ тогда, когда отъ лошади требуется совкость, ловкость, быстрые увѣренные повороты, прыжки, остановки на-короткѣ и снова быстрый ходъ впередъ или въ сторону.

Цѣль выѣздки, между прочимъ, и заключается въ томъ, чтобы, по волѣ всадника, набираниемъ поводевъ и главное *нажатіемъ шенкелей* заставлять лошадь «подбираться», поднимать голову, пружинить спину, подавая задъ подѣ передъ, идти легко и воздушно.

При выѣздкѣ лошади на мунштукѣ много говорится о сборѣ лошади и о постановкѣ ея головы. Мунштукомъ добиваются опусканія головы лошади книзу, сгибая ее въ затылкѣ, при свободно поднятой шеѣ. Этимъ достигается такъ называемое полное равновѣсіе лошади, дѣлающее лошадь способною выполнять самыя сложныя приемы высшей ѣзды.

При выѣздкѣ казачьей лошади на уздечкѣ не будемъ говорить ни о сборѣ лошади, ни о полномъ равновѣсіи ея. Тотъ изъ казаковъ, который пожелаетъ выѣздить свою лошадь на высшую школу,

обратится къ другому руководству, а не къ тому, которое говорить о выѣздкѣ *всякой* лошади въ 16 недѣль. То, что и на уздечкѣ можно дать правильную регулярную постановку головѣ лошади и добиться отъ нея всѣхъ приемовъ высшей школы—доказываетъ примѣръ итальянца Fe-d'Ostiani, лошадь котораго продѣлывала самые сложные приемы — испанскій шагъ, пассажъ, испанскую рысь, мѣну ногъ черезъ темпъ, галопъ назадъ, будучи выѣзжена на уздечкѣ ²⁾).

Рис. № 2.

Лошадь собранная на уздечкѣ, голова «топорикомъ».

Въ настоящемъ трудѣ я говорю о выѣздкѣ строевой казачьей лошади, а потому о сборѣ лошади нечего и думать. Сборъ долженъ быть естественный. Казачья лошадь, правильно выѣзженная, должна имѣть шею поднятую, голову поставленную почти подъ прямымъ угломъ къ шеѣ, то есть, какъ говорится, «*топорикомъ*»; задъ долженъ быть подобранъ подъ себя, спина слегка выгнута вверхъ, образуя пружину. Поводъ слегка натянутый, съ мягкимъ упоромъ на руку—это и будетъ правильная постановка головы казачьей лошади, ея «сборъ» (см. рис. 2 и рис. 2 bis).

Глава IV.

Работа въ рукахъ, какъ пассивная гимнастика лошади, и работа на препятствіяхъ, какъ гимнастика активная.

Достигается такая постановка головы лошади (топорикомъ), пружинистость и гибкость спины лошади, легкость движеній—соот-

²⁾ «Alta scuola et scuole di campagna» Conte Fe d'Ostiani.

вѣтствующей педантичной работой лошади на кордѣ, въ рукахъ, подъ сѣдломъ и на различныхъ комбинаціяхъ барьеровъ.

Корда приручаетъ лошадь къ человѣку, сбрасываетъ лишній пылъ, даетъ молодой лошади поиграться, дѣлаетъ ее спокойной и довѣрчивой (въ связи съ воспитаніемъ, о которомъ сказано выше); кромѣ того корда вымахиваетъ плечи лошади, даетъ размахъ ногѣ, безъ вреда для лошади, и гнетъ ея спину въ горизонтальной плоскости. Корда это тоже самое, что бѣгъ для новобранца — развиваетъ мускулы, легкія, даетъ гибкость тѣлу.

Работу въ рукахъ я могу сравнить съ пассивной гимнастикой. Выбатывается медленно, но вѣрно, мускулъ, идетъ увеличеніе гибкости суставовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ лошадь становится довѣрчивѣе и умнѣе. Ея голова во время этой работы находится въ пяти вершкахъ отъ головы человѣка. Если правда, что человѣческая голова излучаетъ флюиды, то эти флюиды дѣйствуютъ и на лошадь, и она становится внимательной и понятливой. Отбросимъ флюиды, и все таки эта близость человѣка, близость руки къ удилу, возможность самому исправить ошибку лошади, моментально наказать или огладить лошадь, имѣютъ громадное воспитательное значеніе. Можно выѣздить лошадь и не работая въ рукахъ, но эта выѣздка уже никогда не будетъ такъ тонка и изящна, какъ выѣздка лошади, работанной въ рукахъ. Работа въ рукахъ имѣетъ и другое значеніе. Лошадь еще молода, не сложилась, не сформировалась. Ея спина слаба, мускулы дряблы; сѣсть на нее — это пода-

Рис. № 2 (bis).

Естественная постановка головы лошади, работанной на уздечкѣ на свободномъ поводѣ.

вить ей спину, разбить ее на ноги; казакъ тяжелъ для нея. Оставить безъ работы—она жирѣетъ, балуется, дѣлается непокорной; работа въ рукахъ даетъ лошади небольшую, но весьма полезную гимнастику, не обременяя спины лошади всадникомъ; исподволь приучаетъ лошадь къ поводу и шенкелю (палочки), учить поворотамъ, откидыванію зада, приниманію, заставляетъ гнуть ноги и плечи и въ вертикальной и горизонтальной плоскостяхъ, словомъ, учить лошадь—и, когда всадникъ сядетъ на нее, она уже многое знаетъ, она идетъ подъ нимъ спокойно, ровно, увѣренно и смѣло. Ни закидокъ, ни опрокидываній, ни остановокъ, ни прыжковъ, ни козленія—она и всадникъ добрые старые знакомые; между ними твердо установились взаимное довѣріе и пониманіе другъ друга.

Работа подъ всадникомъ окончательно вырабатываетъ поводъ, гибкость лошади; вырабатываетъ правильные, ровные аллюры, гибкость и совкость лошади.

Работа на извѣстныхъ комбинаціяхъ препятствій имѣетъ громадное значеніе для выработки лошади, смѣлой въ полѣ, увѣренной въ себѣ, не задумывающейся ни передъ какимъ препятствіемъ. Я сравню ее съ работою человѣка на гимнастическихъ приборахъ. Какъ бы много человѣкъ ни работалъ пассивной гимнастикой, какіе бы изящные выпады онъ ни дѣлалъ, какія бы гири ни выжималъ, онъ никогда не будетъ смѣлымъ гимнастомъ, пока не поработаетъ на турникѣ, на параллельныхъ брусьяхъ, на транеціи, не займется прыжками, сальто-мортале и пр. Извѣстный рискъ, привычка къ нему, дѣлаютъ человѣка рѣшительнымъ и ловкимъ; глазъ становится вѣрнымъ, мускулатура дѣлается покорной волевому импульсу.

Лошадь работалась въ рукахъ, работалась подъ всадникомъ, напрыгивалась на препятствія—это все развило ея мускулатуру, но не давало ей большой практики быстро соображать и принимать правильныя рѣшенія. Она все еще не вполнѣ полевая. Мало того, и корда, и работа на вольту, и повороты—все это гнуло ея спину въ горизонтальной плоскости, но для хорошаго, сильнаго прыжка необходимо развить спину лошади и въ вертикальной плоскости. Извѣстныя комбинаціи низенькихъ барьеровъ и дадутъ лошади эту гимнастику спины, эту ея гибкость въ вертикальной плоскости. Барьеры не должны быть высоки ($1/2$ — $3/4$ аршина), чтобы не разстроить плечи и спину лошади, но они должны быть поставлены въ извѣстныхъ сочетаніяхъ. Это преодоленіе лошады цѣлаго сочетанія барьеровъ мало того, что развиваетъ

спину и задъ лошади, оно вырабатываетъ вниманіе въ лошади, дѣлаетъ ее расчетливою на прыжкѣ—а это уже качества драгоцѣнныя для полевой лошади.

Завершаетъ всю выѣздку, конечно, смѣлая полевая ѣзда.

Лошадь молодого казака должна полностью пройти работу на кордѣ, работу въ рукахъ и работу подъ всадникомъ и лишь отчасти на комбинаціяхъ препятствій. Эту послѣднюю лучше отложить на второй годъ ея службы, на осень и зиму. Если лошадь молодого казака будетъ легко преодолевать препятствія 1 аршинъ 4 вершка вышиною, не зная закидокъ, то на второй годъ ея службы вы доведете ея прыжокъ легко до 1 аршина 8 вершковъ и даже до $1\frac{3}{4}$ аршина, а для единичныхъ экземпляровъ до 2 аршинъ.

Приученіе лошади ложиться, приученіе къ чучеламъ и различнымъ предметамъ, приученіе къ выстрѣламъ и ѣздѣ въ полѣ идетъ все время вмѣстѣ съ выѣздкой, о чемъ въ соответствующихъ мѣстахъ и будетъ указано.

Глава V.

Первая недѣля выѣздки. Работа на кордѣ и работа въ рукахъ.

Первая недѣля... Одурѣлая отъ желѣзной дороги или отъ безконечнаго похода шагомъ и въ поводу на сотни и тысячи верстъ, съ такимъ же одурѣлымъ хозяиномъ, не вполне соображающая обстановку, стоитъ передъ вами лошадь молодого казака. Кто ее будетъ выѣзжать?

Лучше, если вы выѣздку лошадей молодыхъ казаковъ поручите старослужащимъ казакамъ, а на лошадей старослужащихъ казаковъ посадите молодежь, и начнете работу безъ стремянъ и поводьевъ, гимнастику на лошадяхъ и пр. Но, не будетъ большой бѣдой, если лошадей молодыхъ казаковъ будутъ выѣзжать и сами хозяева — молодые казаки. Выѣздка такъ проста, такъ понятна и такъ естественна, что съ нею справляется простой солдатъ, новобранецъ, взятый отъ сохи.

Первую недѣлю идетъ воспитаніе лошади и работа ея на кордѣ и въ рукахъ.

Урокъ въ манежѣ молодой лошади продолжается 45 минутъ—1 часъ. Лошади приводятся на уздечкахъ, съ отцѣпленными чумбурами, безъ сѣделъ. Каждый казакъ долженъ имѣть помощника. Вотъ тутъ и можетъ быть—старый казакъ работаетъ лошадь, моло-

дой ему помогает и въ это время присматривается къ его работѣ, чтобы потомъ, если то будетъ признано нужнымъ, работать самостоятельно.

По приказанію обучающаго, казаки разводятъ своихъ лошадей по манежу или по плацу (такъ какъ гонять лошадей на кордѣ можно гдѣ угодно, былъ бы мягкій и ровный грунтъ) такъ, чтобы между лошадьми было разстояніе 20—30 шаговъ, чтобы онѣ, бѣгая по вольту, не могли помѣшать одна другой.

Послѣ этого обучающій приказываетъ перекинуть поводья черезъ шею лошади и пропустить подъ щечный ремень, чтобы они не болтались, а если поводья очень длинные, то ихъ можно завя-

Рис. № 3.

Завязка фуражнаго аркана, какъ корды.

затѣ на шеѣ узломъ. Затѣмъ приказываетъ прицѣпить корды или фуражные арканы. Такъ какъ казачья уздечка не имѣетъ переносья, охватывающаго кругомъ, и, если привязывать корду за одно кольцо (внутреннее), какъ то указано § 63 Наставленія для вывздки, уздечка можетъ продернуться насквозь, будетъ висѣть внутрь и беспокоить лошадь, то корда должна быть продѣта черезъ оба кольца удила снизу: сначала черезъ внутреннее, потомъ черезъ наружное, и завязана узломъ на четверть ниже колець (рис. 3).

Показывая продѣваніе корды, обучающій долженъ обратить вниманіе на толщину дужекъ удила. Если удила очень тонкія или особенно, какъ то любятъ кавказскіе казаки, если они имѣютъ острые края, ихъ необходимо замѣнить удилами достаточно толстыми, съ гладкими, хорошо отшлифованными круглыми краями. Если бы такихъ не нашлось, нужно тонкое удило обматывать холщевой лентою, смачивая ее соленою водою.

Слѣдуетъ помнить, что *носитъ лошадь именно на острыхъ удилахъ, и нѣтъ ничего легче сдѣлать лошадь строптивой, заносистой, не берущей повода, то идущей за поводомъ, то лежащейся на поводъ, какъ ѣздя ее на тонкихъ или, что еще хуже, на острыхъ удилахъ.* Изъ двадцати лошадей, которыхъ я выѣздилъ, ни одна не носила, но никогда у меня не было тонкихъ удилъ. Въ Офицерской кавалерійской школѣ, на казачьемъ отдѣлѣ, таскали лошади, преимущественно работанныя кавказскими казаками на тонкихъ съ заостренными гранями удилахъ.

Какъ только корда прицѣплена—одинъ казакъ беретъ лошадь правой рукою подъ уздцы, становится сзади корды, придерживая ее лѣвой рукою, и начинаетъ водить ее шагомъ по кругу, посылая, если нужно, кнутовищемъ бича, который держитъ въ лѣвой рукѣ, тонкимъ концомъ назадъ. Другой казакъ, кордовый, беретъ корду въ лѣвую руку и постепенно выпускаетъ арканъ такъ, чтобы лошадь взяла полный кругъ.

Обучающій наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы всѣ лошади были правильно ведены по кругу, чтобы кордовые казаки крѣпко держали корды и были готовы оказать сопротивленіе лошади, если она закинется или понесетъ.

Когда вся смѣна станетъ ходить по кругу, обучающій командуетъ: *«пускай!»*

По этой командѣ казакъ, который водилъ лошадь подъ уздцы, плавно, не рѣзко освобождаетъ руку и, выпуская лошадь, отходитъ нѣсколько ближе къ кордовому, беретъ бичъ въ правую руку и готовъ послать лошадь впередъ, если она не пойдетъ.

Джемъ Филлисъ придавалъ большое значеніе работѣ лошади на кордѣ. Вотъ что онъ пишетъ въ заключеніе своей главы — «работа на кордѣ»...

«... Работа лошади на кордѣ представляетъ работу только подготовительную. Работа эта пріучаетъ лошадь къ человѣку, научаетъ ее начинать повиноваться ему. Лошадь работаетъ на кордѣ

³⁾ Дж. Филлисъ. «Основы выѣздки и ѣзды». Изд. I. 1901. Стр. 40.

одна, без всадника, ничто и никто ея не раздражаетъ, слѣдовательно, ничто не наталкиваетъ ее на сопротивленіе. Работая на кордѣ, берейторъ имѣетъ возможность, не подвергаясь ударамъ лошади, давать ей чувствовать на разстояніи свою власть». «Всѣ берейторы употребляли и употребляютъ корду, но придавали и придаютъ ей различное значеніе. Боше ея совсѣмъ не признавалъ. Что касается меня, то я очень цѣню пользу корды, но не смотрю на нее, какъ на средство утомлять лошадь, чтобы потомъ легче укротить ее...» ⁴⁾.

Итакъ, лошади пущены. Онѣ пойдутъ разное, въ зависимости отъ темперамента. Однѣ понесутся рѣзвымъ галопомъ, давая козловъ, подбрасывая задомъ, то валясь внутрь круга, то натягивая корду до предѣла; другія пойдутъ вялою рысцою, обнюхивая землю, сбиваясь на шагъ, пріостанавливаясь; третьи, будутъ стремиться повернуть назадъ, будутъ становиться на дыбы и тупо закидываться.

Первые три дня не нужно требовать отъ лошади, чтобы она мягко бѣжала свободно рысью на кордѣ. Пусть раньше освоится съ кордой, съ движеніемъ по кругу, пусть бѣжитъ, какъ хочетъ. Важно лишь то, чтобы она бѣжала по кругу.

Если она валится внутрь круга на кордового, ее нужно бичемъ отогнать наружу, заставить натянуть корду и идти по ней. Бичемъ слѣдуетъ только взмахнуть и лишь тогда, когда лошадь упорно не повинуется, ударить ее бичемъ. Бить слѣдуетъ по подпругѣ, по тому мѣсту, гдѣ лежитъ шенкель; если нельзя попасть по этому мѣсту, можно подогнать лошадь сзади, ударомъ бича подъ заднія ноги, но никогда не слѣдуетъ бить по передней лопаткѣ, по шеѣ или головѣ. Уже не говоря про то, что при такомъ ударѣ можно поранить и даже выхлестнуть глазъ, этотъ ударъ не только не пошлетъ лошадь впередъ, но можетъ даже заставить ее пятиться назадъ.

Если лошадь, напротивъ, стремится уйти изъ круга наружу, слѣдуетъ (подергиваніями корды и сильнымъ натяженіемъ ея къ себѣ и нѣсколько впередъ) заставить лошадь идти по кругу.

Если лошадь упорно не желаетъ идти по кругу, становится на дыбы, поворачиваетъ въ обратную сторону, слѣдуетъ бичевому казaku снова взять ее подъ уздцы и вести нѣсколько круговъ, идя рядомъ съ ней; можно и пробѣжать съ нею одинъ, два круга.

Прогонка на кордѣ должна продолжаться отъ 3 до 5 минутъ.

⁴⁾ Курсивъ мой.

Первые три дня, когда лошади еще не идут спокойно, горячатся и потому скоро устаютъ, 3 минуты, потомъ 5 минутъ.

По истеченіи этого времени обучающій командуетъ «*принять!*»

По этой командѣ кордовые натягиваютъ корду и притягиваютъ лошадь къ себѣ. При этомъ нужно ласково и громко говорить съ лошадыю, звать ее по имени, а, когда она подойдетъ, увѣренно и сильно огладить ее и похлопать. Робкое неуѣренное поглаживаніе лишь раздражаетъ лошадь; напротивъ, сильное увѣренное оглаживаніе, плавные, но твердые жесты, спокойный ласковый голосъ внушаютъ лошади довѣріе къ человѣку и, притянутая за корду къ человѣку первые разы, она скоро начинаетъ и сама приходитъ на зовъ. Огладивъ лошадь, потрогавъ ей ноги, кордовый поворачиваетъ лошадь въ обратную сторону, бичевый становится за кордою, лѣвою рукою беретъ лошадь подъ уздцы и, держа въ правой бичъ и посылая имъ, если нужно, лошадь, начинаетъ водить ее шагомъ по кругу направо. Кордовый держитъ корду въ правой рукѣ, помогая, если нужно, лѣвой.

Когда обучающій увидитъ, что всѣ лошади ходятъ по кругу, онъ командуетъ «*пускай!*» и казаки начинаютъ гонять лошадей на кордѣ направо.

Черезъ пять минутъ (3 минуты въ первые дни) обучающій командуетъ «*принять!*» и лошадей опять подтягиваютъ къ себѣ, оглаживаютъ и разговариваютъ съ ними.

Затѣмъ тоже самое дѣлается въ лѣвую сторону и потомъ опять направо. Такимъ образомъ въ первую недѣлю работы молодую лошадь надо гонять отъ 12 до 20 минутъ на кордѣ 3-хъ или пяти минутными репризами. Пускать и принимать лошадей одновременно и по командѣ нужно потому, что иначе однѣ могутъ работать больше, другія меньше, въ одну сторону лошадь будетъ работана болѣе, чѣмъ въ другую, и это непременно отзовется на ея гибкости и ловкости. Вотъ почему все время выѣздки обучающій долженъ имѣть часы передъ глазами, не полагаясь на свое чутье.

Черезъ 2, 3 дня лошади начнутъ свободно и послушно ходить по кордѣ широкою рысью. Тогда надо начать уже настоящую работу на кордѣ.

Кордовый долженъ занять относительно лошади такое положеніе, чтобы, при слегка натянутой кордѣ, его руки были нѣсколько впереди головы лошади. Кордовый не долженъ стоять столбомъ, какъ-то часто видишь, передавая корду изъ одной руки въ другую,

но долженъ ходить вмѣстѣ съ лошадыю, держа конецъ корды при прогонкѣ въ лѣвую сторону—въ лѣвой рукѣ, а бичъ въ правой, а при перегонкѣ лошади направо — корду въ правой, а бичъ въ лѣвой рукѣ. Когда лошадь бросила сопротивляться и бѣжить по кругу, кордовому уже не нужно помощника: онъ одинъ гораздо лучше и точнѣе управится.

Корда должна быть легко натянута, а рукою кордовый долженъ, какъ бы звать лошадь впередъ, все время мягко подтягивая корду рукою. Если корда ослабляется, начинаетъ «провисать», слѣдуетъ послать лошадь отъ себя бичемъ, но при этомъ не нужно ни громко шелкать, ни махать рукою, такъ какъ это только пугаетъ лошадь и мѣшаетъ сосѣдямъ, пугая и ихъ лошадей; но слѣдуетъ ударить лошадь по подпругѣ и тѣмъ отогнать ее на всю вытянутую корду. Если, напротивъ, лошадь натягиваетъ корду, идетъ бокомъ, откидывая задъ внѣ круга, слѣдуетъ (мягкимъ набираниемъ и сдаваниемъ корды) призывать лошадь стать снова на кругъ.

Какъ только лошади поймутъ это и начнутъ бѣгать правильно по кругу, надо приступить къ выработкѣ у лошади свободнаго движенія съ легко поднятой головой и гибкости въ ребрахъ.

Выпустивъ лошадь на всю корду, слѣдуетъ, зовя ее впередъ тою рукою, въ которой держится конецъ корды, посылать ее, осторожно пощелкивая бичемъ, на все болѣе и болѣе широкую рысь. Если лошадь при этомъ собьется и заскачетъ, слѣдуетъ мягкимъ набираниемъ и сдаваниемъ корды, а если не дѣйствуетъ, то и легкимъ подергиваниемъ корды, поставить лошадь снова на рысь. Не слѣдуетъ при этомъ забывать голоса: какъ только лошадь сбилась, заскакала, ее слѣдуетъ бранить гнѣвнымъ голосомъ, но лишь только она пошла рысью, слѣдуетъ опустить корду, дать отдыхъ ея рту и ласково похвалить ее. Не пройдетъ и недѣли, какъ лошадь научится легко и быстро бѣгать рысью на кордѣ.

Если, бѣгая на кордѣ, лошадь опускаетъ голову, бѣжить съ низко поставленной шеей, ее нужно подогнать бичемъ сзади, ударивъ подъ заднія ноги или по самимъ заднимъ ногамъ сзади; лошадь подберетъ задъ и подниметъ голову.

Когда лошадь отдѣлитъ хвостъ и пойдетъ широкою, свободною рысью, далеко выбрасывая впередъ ноги, ее слѣдуетъ хвалить голосомъ и держать корду возможно болѣе мягко.

Изъ этого описанія видно, что *работатъ лошадь на кордѣ* это совсѣмъ не то, что *гонятъ на кордѣ*. Работа на кордѣ даетъ лошади *правильное постановленіе головы, имѣя шею кверху, вы-*

мать его, поднимаетъ шею, давая головѣ постановку «топорикомъ» отъ посылы палочкой, и лежитъ болѣе мягко на рукѣ—наѣздникъ долженъ ее огладить и голосомъ похвалить ее.

«Трогаясь съ мѣста», говоритъ наше «Наставленіе» (§ 80), «слѣдуетъ приучать лошадь подаваться впередъ отъ посылы хлыста, не скупаясь на ласку, когда лошадь охотно и смѣло идетъ впередъ ровнымъ шагомъ...»

Рука при этомъ должна подавать голову лошади впередъ и вверхъ, давая ей постановку.

Десять минутъ по манежу налѣво. Затѣмъ обучающій командуетъ: «стой!» Наѣздники, подавая лошадь палочкой впередъ, въ то же время принимаютъ руку съ поводьями на себя и, останавливаясь сами, останавливаютъ и лошадей. Какъ только лошадь остановилась, ее слѣдуетъ огладить и освободить ей поводъ.

Послѣ остановки обучающій подаетъ снова команду «шагомъ маршъ» и приказываетъ переменить направленіе. Перейдя въ любомъ направленіи черезъ манежъ, наѣздникъ беретъ лошадь лѣвою рукою подъ узды, также раздѣляя поводья указательнымъ пальцемъ, въ правую руку беретъ палочку и ведетъ лошадь по манежу направо, заставляя ее поднимать голову до высоты своего плеча.

Такая работа направо продолжается тоже 10 минутъ. По истеченіи этого времени обучающій командуетъ «стой!» и, когда лошади остановятся, приказываетъ ихъ огладить и отвести отъ стѣнки. Когда лошади будутъ отведены отъ стѣнки, обучающій приказываетъ ласкать ихъ, похлопывать рукою по спинѣ и по крупу, гладить по животу, поднимать сначала переднія, потомъ заднія ноги, поколачивать по копыту, какъ съ боковъ, такъ и съ подошвы. За каждое исполненіе требованія наѣздника лошадей, наѣздникъ долженъ ее огладить и похвалить.

На недѣлѣ одинъ день—обыкновенно посреди недѣли (среда, или четвергъ)—лошадямъ, не достигшимъ 5-ти-лѣтняго возраста, слѣдуетъ дать отдыхъ, ограничиваться получасовой проводкой. Къ концу недѣли, т.-е. за пять часовыхъ уроковъ, лошадь должна научиться:

1) Спокойно бѣгать не широкою рысью, сбиваясь иногда на галопъ по кругу на кордѣ. У менѣе способныхъ лошадей корда будетъ еще или слишкомъ слаба, или слишкомъ натянута.

2) Подтягиваемая кордою, подходить къ наѣзднику и давать себя гладить.

3) Ходить рядомъ съ человѣкомъ шагомъ, подаваясь впередъ отъ легкаго удара концомъ палочки.

4) Ходить съ поднятою до высоты плечь челоуѣка головою, но еще съ сильнымъ упоромъ на руку.

5) Давать себя гладить по всему тѣлу; позволять поднимать переднія ноги и трогать копыта.

Тѣ лошади, которыя къ концу недѣли не достигнуть чего-либо, и во вторую недѣлю работаются приблизительно по росписанію первой.

Глава VI.

Вторая недѣля выѣздки. Продолженіе работы на кордѣ и въ рукахъ.

Вторая недѣля работы лошади является продолженіемъ первой недѣли, но лошади приводятся на работу посѣдланными строевыми сѣдлами: первые три дня работы безъ пахвовъ и нагрудника, съ подобранными кверху стремянами; вторую половину недѣли со стремянами, опущенными внизъ такъ, чтобы болтались, работа на кордѣ ведется болѣе интенсивно, 5-минутными репризами, въ теченіе 20 минутъ; работа въ рукахъ производится на шагъ и на сокращенной рыси (на троту), съ показомъ лошади правильнаго поворота кругомъ на задъ; лошадь обучается откидывать задъ подъ давленіемъ или ударами палочки. Продолжается все та же «пассивная гимнастика».

Со второй недѣли лошади молодыхъ казаковъ уже должны получать полную дачу фуража: 10 фунтовъ 20 золотниковъ овса, 10 фунтовъ сѣна и подстилку. Распределеніе дачъ должно быть совершенно такое же, какъ указано выше.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ недалеко отъ стоянки полка или сотни есть лѣсопильные заводы и гдѣ можно дешево достать древесныя опилки, очень хорошо, вмѣсто соломы, ставить лошадей на опилки. Лошадь не поѣдаетъ солому и не набиваетъ ею себѣ брюха въ ущербъ мускулатурѣ; смолистый аромать опилокъ дѣлаетъ отличнымъ воздухъ въ конюшнѣ, и въ нихъ не заводится болѣзнетворныхъ микробовъ, какъ то бываетъ въ гниющей соломѣ. Лошадь охотно лежитъ на опилкахъ и менѣе вымазываетъ себѣ шерсть, такъ что чистка становится легче.

Итакъ лошади приведены въ манежъ посѣдланными сѣдлами, съ подпругами, не туго подтянутыми, но однако же такъ, чтобы сѣдло не могло ни слѣзть, ни свалиться на бокъ. Поводья заложены

мать его, поднимаетъ шею, давая головѣ постановку «топорикомъ» отъ посылы палочкой, и лежитъ болѣе мягко на рукѣ—наѣздникъ долженъ ее огладить и голосомъ похвалить ее.

«Трогаясь съ мѣста», говорить наше «Наставленіе» (§ 80), «слѣдуетъ приучать лошадь подаваться впередъ отъ посылы хлыста, не скупясь на ласку, когда лошадь охотно и смѣло идетъ впередъ ровнымъ шагомъ...»

Рука при этомъ должна подавать голову лошади впередъ и вверхъ, давая ей постановку.

Десять минутъ по манежу налѣво. Затѣмъ обучающій командуетъ: «стой!» Наѣздники, подавая лошадь палочкой впередъ, въ то же время принимаютъ руку съ поводьями на себя и, останавливаясь сами, останавливаютъ и лошадей. Какъ только лошадь остановилась, ее слѣдуетъ огладить и освободить ей поводъ.

Послѣ остановки обучающій подаетъ снова команду «шагомъ маршъ» и приказываетъ перемѣнить направленіе. Перейдя въ любомъ направленіи черезъ манежъ, наѣздникъ беретъ лошадь лѣвою рукою подъ уздцы, также раздѣляя поводья указательнымъ пальцемъ, въ правую руку беретъ палочку и ведетъ лошадь по манежу направо, заставляя ее поднимать голову до высоты своего плеча.

Такая работа направо продолжается тоже 10 минутъ. По истеченіи этого времени обучающій командуетъ «стой!» и, когда лошади остановятся, приказываетъ ихъ огладить и отвести отъ стѣнки. Когда лошади будутъ отведены отъ стѣнки, обучающій приказываетъ ласкать ихъ, похлопывать рукою по спинѣ и по крупу, гладить по животу, поднимать сначала переднія, потомъ заднія ноги, поколачивать по копыту, какъ съ боковъ, такъ и съ подошвы. За каждое исполненіе требованія наѣздника лошадей, наѣздникъ долженъ ее огладить и похвалить.

На недѣлѣ одинъ день—обыкновенно посреди недѣли (среда, или четвергъ)—лошадямъ, не достигшимъ 5-ти-лѣтняго возраста, слѣдуетъ дать отдыхъ, ограничиваться получасовою проводкой. Къ концу недѣли, т.-е. за пять часовыхъ уроковъ, лошадь должна научиться:

1) Спокойно бѣгать не широкою рысью, сбиваясь иногда на галопъ по кругу на кордѣ. У менѣе способныхъ лошадей корда будетъ еще или слишкомъ слаба, или слишкомъ натянута.

2) Подтягиваемая кордою, подходит къ наѣзднику и даетъ себя гладить.

3) Ходить рядомъ съ человѣкомъ шагомъ, подаваясь впередъ отъ легкаго удара концомъ палочки.

4) Ходить съ поднятою до высоты плечъ человѣка головою, но еще съ сильнымъ упоромъ на руку.

5) Давать себя гладить по всему тѣлу; позволять поднимать переднія ноги и трогать копыта.

Тѣ лошади, которыя къ концу недѣли не достигнуть чего-либо, и во вторую недѣлю работаютъ приблизительно по распisanію первой.

Глава VI.

Вторая недѣля выѣздки. Продолженіе работы на кордѣ и въ рукахъ.

Вторая недѣля работы лошади является продолженіемъ первой недѣли, но лошади *приводятся на работу посѣданными строевыми сѣдлами*: первые три дня работы безъ пахвовъ и нагрудника, съ подобранными кверху стремянами; вторую половину недѣли со стремянами, опущенными внизъ такъ, чтобы болтались, работа на кордѣ ведется болѣе интенсивно, 5-минутными репризами, въ теченіе 20 минутъ; работа въ рукахъ производится на шагъ и на сокращенной рыси (на троту), съ показомъ лошади правильнаго поворота кругомъ на задъ; лошадь обучается откидывать задъ подъ давленіемъ или ударами палочки. Продолжается все та же «пассивная гимнастика».

Со второй недѣли лошади молодыхъ казаковъ уже должны получать полную дачу фуража: 10 фунтовъ 20 золотниковъ овса, 10 фунтовъ сѣна и подстилку. Распредѣленіе дачъ должно быть совершенно такое же, какъ указано выше.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ недалеко отъ стоянки полка или сотни есть лѣсопильные заводы и гдѣ можно дешево достать древесныя опилки, очень хорошо, вмѣсто соломы, ставить лошадей на опилки. Лошадь не поѣдаетъ солому и не набиваетъ ею себѣ брюха въ ущербъ мускулатурѣ; смолистый аромать опилокъ дѣлаетъ отличнымъ воздухъ въ конюшнѣ, и въ нихъ не заводится болѣзнетворныхъ микробовъ, какъ то бываетъ въ гниющей соломѣ. Лошадь охотно лежитъ на опилкахъ и менѣе вымазываетъ себѣ шерсть, такъ что чистка становится легче.

Итакъ лошади приведены въ манежъ посѣданными сѣдлами, съ подпругами, не туго подтянутыми, но однако же такъ, чтобы сѣдло не могло ни слѣзть, ни свалиться на бокъ. Поводья заложены

подъ подбородные ремни, корды пристегнуты, кордовые стоятъ по мѣстамъ, вытравивъ корды, бичевые водятъ лошадей налѣво. «Пускай!...»

Давши лошадямъ, первый разъ увидавшимъ на своей спинѣ сѣдла, покозлить и попрыгать, кордовые приводятъ ихъ къ порядку, подергивая кордою, и настойчиво добиваются, чтобы онѣ бѣжали рысью. Тутъ разговоръ, мягкое подергиваніе корды—все должно быть пущено въ ходъ для того, чтобы лошадь стала на рысь. Какъ только стала на рысь—ласковыя слова, мягкая рука у корды. Лошади очень скоро понимаютъ это и можно съ увѣренностью сказать, что на второй недѣлѣ вся смѣна побѣжить спокойно и увѣренно на мягко натянутой кордѣ.

Теперь нужно начать вымахивать лошадь въ плечахъ.

Эту работу опытный наѣздникъ и смышленный казакъ сдѣлаетъ лучше одинъ, безъ бичевого. При прогонкѣ лошади налѣво, держа конецъ корды въ лѣвой рукѣ, а бичъ въ правой, наѣздникъ ходитъ по маленькому кругу, стараясь, чтобы лѣвая рука была всегда немного впереди рта лошади, какъ бы зовя лошадь кордою впередъ и по кругу, въ правой рукѣ бичъ всегда на готовѣ послать лошадь или отогнать лошадь, если она валится на корду. Какъ только лошадь взяла ровную темпистую рысь, наѣздникъ, слегка посылая ее бичемъ и зовя кордою впередъ, побуждаетъ бѣжать скорѣе и скорѣе, выше поднять голову, дальше бросать ноги. Какъ только лошадь сбилась на наметъ, наѣздникъ слегка подергиваетъ чуть натянутую корду и говоритъ сердито — «рысь, рысь»; едва лошадь станетъ на рысь, онъ ласково оговариваетъ ее. Лошадь скоро запомнитъ не самое слово «рысь», а интонацію гнѣва, сопровождаемую непріятнымъ чувствомъ во рту, и, сбившись на наметъ, будетъ сейчасъ же становиться по первому слову наѣздника на рысь. Начнется та работа плеча и бока, та работа легкихъ, которыя такъ необходимы и полезны молодой лошади.

Пять минутъ рыси налѣво, подтянуть лошадей къ себѣ; пять минутъ направо и снова подтянуть, и опять налѣво и потомъ направо.

По окончаніи прогонки на кордѣ, лошадей подтягиваютъ или зовутъ къ себѣ, отцѣпляютъ корды, опрастываютъ поводья, оставляя стремена подтянутыми, а если (во второй половинѣ недѣли) они болтались, то поднимаютъ ихъ по путлицу наверхъ. Затѣмъ смѣна вытягивается налѣво по манежу.

Когда смѣна вытянется, обучающій приказываетъ поднять лошадямъ головы и, мягко зовя лошадь правой рукой впередъ и впе-

редь, каждый въ тоже время лѣвой рукою посылаетъ палочкою лошадь больше впередь; самому наѣзднику при этомъ нужно идти широкимъ свободнымъ шагомъ такъ, чтобы лошадь, не поспѣвая за человекомъ, побуждаемая палочкой, подобрала бы задъ и, пройдя хотя нѣсколько шаговъ маленькою рысью, стала «на троть». Какъ только она сдѣлала это, ее сейчасъ же нужно огладить, ласково поговорить съ нею и дать пройти нѣсколько шаговъ спокойно, съ опущенною головою. Лошадь пойметъ это сейчасъ же и начнетъ охотно становиться на троть по посылу палочкой и призыву рукою. Однако, работа на сокращенной рыси особенно первое время не должна быть продолжительна—нѣсколько шаговъ и отдыхъ. Потомъ, въ концѣ недѣли, можно проводить сокращенною рысью уже цѣлую стѣнку манежа.

Не слѣдуетъ думать, что сокращенная рысь отучитъ ходить лошадь широкимъ шагомъ, что лошадь, работанная такимъ образомъ, будетъ постоянно на походѣ рысить. Шагъ и сокращенная рысь—движенія настолько различныя, что у правильно работанной лошади шагъ вырабатывается до скорости 7 верстъ въ часъ. Сокращенная рысь заставляетъ лошадь «подобраться», т.-е. поджать задъ подъ передь, напречь свои мускулы, согнуть спину и эта напряженная работа мускулатуры служить къ выработкѣ мускуловъ молодой лошади. Это первое значеніе и первая польза отъ движенія лошади сокращенною рысью; далѣе во время движенія лошади сокращенною рысью, когда лошадь подобралась, напружинила задъ, удобнѣе всего работать шею и ротъ лошади и добиваться правильной постановки головы лошади «топорикомъ».

Та рука, которая держитъ поводья у рта лошади, не должна лежать мертво. Она должна вырабатывать тотъ мягкій поводъ, который при ѣздѣ на уздечкѣ составляетъ истинное удовольствіе.

Этой рукѣ должно быть легко, т.-е. лошадь, подаваясь впередь сокращенною рысью, должна мягко ложиться на поводъ. Конечно, этого сразу не будетъ и это, если хотите, самое важное и самое трудное при работѣ въ рукахъ. Если лошадь, посылаемая палочкою сзади, слишкомъ навалилась на руку, слѣдуетъ, мягко натягивая поводъ и сдавая его, заставить лошадь открыть ротъ, а потомъ, чуть она подастся въ затылкѣ, смягчить его, сдѣлать упоръ легкимъ и приятнымъ. Какъ только это сдѣлано, нужно лошадь огладить и дать ей свободу, чтобы она поняла, что она хорошо сдѣлала.

Можетъ быть и наоборотъ. Посылаемая впередь палочкой, лошадь пойдетъ впередь, опуститъ голову, отдѣляется отъ повода,

растянется и не возьметъ упора удила на беззубый край нижней челюсти, останется, какъ говорится, «за поводомъ». Тогда придется ее нагнать на поводъ, посылая болѣе энергично палочкой, взявши, если нужно, помощника, который шелъ бы сзади съ бичемъ, посылая лошадь подъ заднія ноги.

И опять, какъ только лошадь взяла поводъ, подобралась, смягчила ротъ, не слѣдуетъ скупиться ни на ласку, ни на похвалу голосомъ.

Рис. № 5.

Поворотъ въ рукахъ на задъ налѣво кругомъ.

Не нужно думать, что эта работа подобна работѣ лошади въ рукахъ на мундштукѣ. Тамъ выработка затылка лошади, тамъ приходится добиваться сбора лошади, потому тамъ все вниманіе обращено на выработку затылка, на движеніе верхней челюсти лошади, которая, сгибаясь вмѣстѣ съ головою въ затылкѣ, должна сомкнуть ротъ; здѣсь—мягкій поводъ, легкій упоръ на руку и держаніе шеи кверху, а головы слегка опущенной внизъ—цѣль работы въ рукахъ. Потому и выѣздка идетъ скорѣе и самыя приемы ея гораздо проще.

Послѣ десяти минутъ работы по манежу налѣво на сокращенной рыси, маленькими репризами съ частыми отдыхами и похвалою и ласкою лошади за каждую уступку требованіямъ, подается команда: «смына, стой!» Чуть посылая палочкой задъ лошади и

мягко набирая поводъ, наѣздникъ останавливаетъ лошадь. Затѣмъ приступаютъ къ обученію лошадей поворотамъ кругомъ на задѹ.

По командѣ *«нальво кругомъ»*, наѣздники становятся передъ лошадьми, берутъ лошадь подъ уздцы правой рукою, а въ лѣвой держатъ палочку, прикладывая ее къ правой передней лопаткѣ лошади (см. рис. 5).

По командѣ *«маршъ»*, обучаемые переступаютъ, обводя передъ лошади около ея лѣвой задней ноги, побуждая ее подавать передъ легкими ударами палочки по ея правой лопаткѣ такъ, чтобы задъ оставался на мѣстѣ. Конечно, это удастся не сразу. Лошади будутъ отказываться дѣлать это, подниматься на дыбы, кидаться въ сторону, осаживать. Нужно быть настойчивымъ и терпѣливымъ. Если лошадь поднимается на дыбы, нужно сильными цуками, а если нужно и ударомъ бича, поставить ее на землю и продолжать свои требованія; если она кидается въ сторону или осаживаетъ—нужно дать помощника, который бичемъ привелъ бы ее къ повиновенію. И, напротивъ, какъ только лошадь сдѣлала хотя шагъ въ сторону поворота, нужно ее обласкать и огладить. Къ концу недѣли лошади будутъ дѣлать этотъ поворотъ безупречно. Послѣ поворота наѣздники берутъ въ лѣвую руку поводья, а въ правую палочки и, по командѣ *«шагомъ маршъ»*, посылаютъ лошадей впередъ палочкой, зовя ее рукою и поводомъ впередъ. Проведя нѣсколько шаговъ, обучающій приказываетъ ставить лошадей на сокращенную рысь.

Такимъ же образомъ дѣлается поворотъ *«направо кругомъ»*.

Затѣмъ лошадей оглаживаютъ, опять поднимаютъ имъ ноги, заставляютъ стоять спокойно, когда похлопываютъ по сѣдлу, отпуская и поднимаютъ стремяна, а въ концѣ недѣли вставляютъ ногу въ стремя, берутся за гриву и, имѣя первоначально помощника, который держитъ лошадь, все время лаская ее и ласково съ нею разговаривая, приподнимаются на стремяни и снова опускаются на землю. Полезно, чтобы въ то время, когда наѣздникъ приподнялся на стремя, помощникъ подаль бы лошадь на одинъ, два шага впередъ, все время ласково говоря съ нею и оглаживая ее, и далъ бы ей горсть овса.

Въ концѣ второй недѣли выѣздки лошади, въ манежъ приносятся жерди, кладутся на землю и, передъ тѣмъ, какъ уводить лошадей изъ манежа, ихъ переводятъ, ведя на длинномъ свободномъ поводѹ и посылая, если нужно, палочкой черезъ эти жерди, заставляя свободно переступать черезъ нихъ и проходить не торопясь и не пугаясь.

Итакъ, къ концу второй недѣли лошади молодыхъ казаковъ должны быть обучены:

1) Свободно и легко, въ теченіе 20-ти минутъ, по пяти минутъ въ каждую сторону, бѣгать рысью на кордѣ. Рысь должна быть плавная, широкая, съ широко бросаемою ногою, поднятою головою и отдѣленнымъ хвостомъ.

2) Ходить легко со всадникомъ, какъ шагомъ, такъ и сокращенною рысью, мягко принимая поводъ и легко подаваясь впередъ отъ палочки.

3) Дѣлать въ рукахъ повороты на задѣ направо и направо кругомъ.

4) Позволять сѣдлать себя и мягко приподниматься на стременахъ и опускаться.

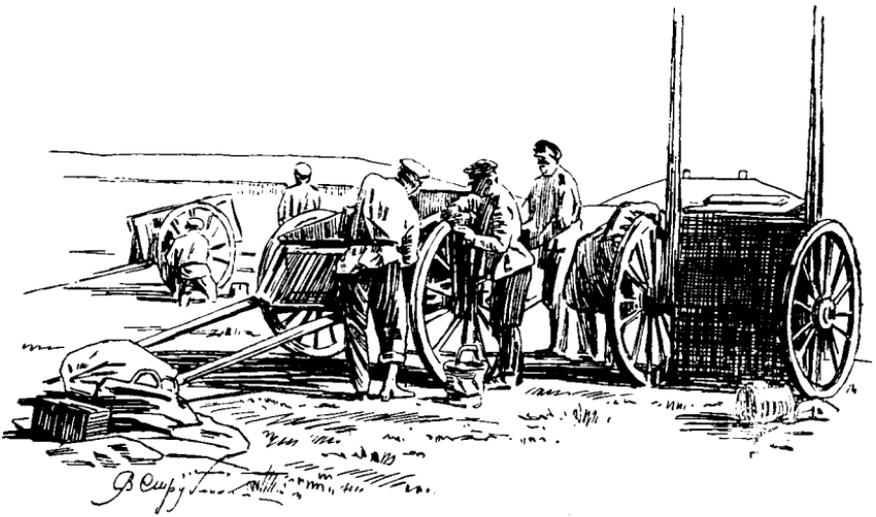
5) Смѣло переходить и перебѣгать рысью черезъ положенныя на землю по различнымъ направленіямъ жерди.

Если все это достигнуто и идетъ гладко, можно приступить къ дальнѣйшему обученію.

П. Красновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспитаніе война можетъ быть только въ стыдѣ наказанія, а не въ страхѣ наказанія.

Если бы я вдругъ увидѣлъ на Невскомъ проспектѣ разгуливающихъ ихтиозавровъ, плезиозавровъ, динозавровъ и т. п. допотопныхъ, то не былъ бы больше удивленъ, чѣмъ теперъ, когда я прочелъ увѣреніе г-на В. Н—аго въ № 104 «Русскаго Инвалида»—будто армія охраняется отъ злой воли преступниковъ *страхомъ* наказаній по уставу дисциплинарному и книгѣ XXII, и что будто законодатель, «заставляя бояться (?) наказаній дисциплинарныхъ, не говоря уже о XXII кн. Св. В. П.», именно имѣлъ въ виду этимъ страхомъ наказаній (замѣтите: даже дисциплинарныхъ) воспитать армію, спаять ее и охранить ее; будто законодатель, устанавливая наказанія дисциплинарныя («не говоря уже о XXII кн.»), и не могъ имѣть ничего иного въ виду, кромѣ этого—*заставить бояться*».

Авторъ, видите ли, въ ужасѣ отъ высказываемыхъ мною взглядовъ, что страхъ есть опаснѣйшая болѣзнь духа и что воспитаніе въ страхѣ—есть явное и величайшее заблужденіе, сознанный

ное и за границей и у насъ, и обществомъ и законодателями, еще въ вѣкъ Екатерины II, что и было выражено официально.

II г. Н—ій страшно тревожится: «Становясь на точку такого воспитателя духа» (это меня, значитъ), «невольнo напрашивается вопросъ ужасный (по въ чемъ ужасъ-то?) для всего уклада военной жизни: нуженъ ли въ арміи страхъ наказанія?... Мрачныя недоразумѣнія! *Армія не должна знать никакого страха!* (совершенно вѣрно, иначе это будетъ не армія). «*Страхъ*», по А. Дмитревскому, *опаснѣйшая бользнь для здороваго духа челоуька вообще, въ особенности для воина...*»

Увы! когда я на Невскомъ люблю культурными видами, мнѣ не только «невольнo», а и насильно не «напросится» вопросъ, да еще будто бы ужасный для уклада жизни—можно ли на Невскомъ обойтись безъ ихтиозавровъ, плезиозавровъ, динозавровъ...

Когда я смотрю на современное воспитаніе дѣтей (у умственно развитыхъ родителей) безъ страха розги при обученіи грамотѣ; когда я вообще всматриваюсь въ жизнь, всматриваюсь въ результаты воспитанія въ страхѣ или, наоборотъ, въ результаты воспитанія въ чувствѣ долга и въ возбужденіи интереса и приохочиваніи; когда я *даже въ учебникахъ законовѣдѣнія для подпрапорщиковъ* читаю¹⁾, что «*въ настоящее время въ карательной дѣятельности государства особенно сильно выдвигается цѣль исправленія...*» [причемъ необходимо оговориться, что можно признавать цѣлесообразность или даже необходимость кары (наказанія) въ воспитательномъ отношеніи, но не признавать цѣлесообразности или тѣмъ болѣе необходимости *страха* кары (наказанія)]: я убѣждаюсь, что мы учимъ, чтобы тотъ, кто провинился—пусть отбудетъ безстрашно наказаніе и, убѣдившись въ подчеркнутомъ наказаніемъ (часто условномъ—замѣчаніе и т. п.) промахѣ, проступкѣ, постарается не повторять того же самаго. Верхъ всѣхъ уголовныхъ наказаній—тоже по учебникамъ для подпрапорщиковъ²⁾—съ одной стороны, устрашеніе преступниковъ (но не воспитываемыхъ въ арміи), но, съ другой, тамъ же оговаривается, что «опытъ показываетъ, что при частомъ примѣненіи смертной казни преступленія не уменьшаются, а, напротивъ, учащаются...», что «благодаря наказаніямъ, хотя на время (при смертной казни совсѣмъ), изъ общества удаляются вредныя личности» (въ этомъ или въ исправленіи преступниковъ и заключается главный смыслъ и цѣль наказаній, а

¹⁾ Добровольскаго, изд. 1905 г.

²⁾ Вишнякова, изд. 1908 г.

вовсе не въ «устрашеніи») ... Когда я слышу кругомъ: надо служить «не за страхъ, а за совѣсть (чувство долга)» и въ особенности, когда я вспоминаю историческій афоризмъ Екатерины Великой, что «природа дала человѣку стыдъ вмѣсто бича», и принимаю при этомъ во вниманіе, что современная наша армія составляется не изъ преступниковъ и что, напротивъ, послѣдніе выбрасываются моментально изъ арміи, то мнѣ этотъ вопросъ «ужасный для всего уклада военной службы» — о необходимости воспитанія арміи въ *страхъ наказаній*, вмѣсто воспитанія въ *стыдъ* наказаній (относится къ совѣсти, къ чувству долга), представляется допотопнымъ плезиозавромъ на Невскомъ проспектѣ.

«Мрачное недоразумѣніе» не въ томъ, что страхъ есть опаснѣйшая болѣзнь духа и воспитаніе въ страхѣ есть душегубство всей арміи и отечества, а въ томъ, что въ XX вѣкѣ забываютъ или не хотятъ принять простыхъ и ясныхъ истинъ, высказанныхъ болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ нашей Великой Императрицей Екатериной II, которая всѣми своими дѣлами подтверждала, что не страхомъ наказаній, а чѣмъ-то другимъ, держатся и укрѣпляются основы арміи и даже государства.

«Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми», сказала она.

А г. Н—ій въ 1913 году фанатически увѣряетъ (притомъ иронизируя надъ моей темнотой), что нашу армію отъ преступленій охраняетъ *страхъ наказаній* ... Слѣдовательно, по логикѣ г-на Н—аго, чѣмъ мы въ большемъ страхѣ наказаній воспитаемъ свою армію, чѣмъ строже будутъ наказанія по уст. дисц. и кн. ХХII, тѣмъ больше охранимъ армію «отъ злой воли преступниковъ, тѣмъ выше будетъ ея нравственный элементъ» ...

* *
* *

Не надо быть психологомъ, чтобы понять, что сторонники воспитанія въ страхѣ, сторонники увеличенія строгости наказанія (увеличенія дисциплинарныхъ правъ), оказывающіеся въ концѣ концовъ сторонниками розги, смѣшиваютъ: *воспитаніе въ страхѣ наказанія съ воспитаніемъ въ стыдъ наказанія*.

Исторія жизни, какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ народовъ всего міра, показываетъ, что, какъ сказала Екатерина Вели-

кая, человѣку природа дала стыдъ, вмѣсто бича, а потому и управлять человѣкомъ и воспитывать его надо съ помощью стыда; бичъ же надо оставить для животныхъ (у которыхъ, какъ извѣстно, чувства стыда совершенно не имѣется) или для людей на самой низшей ступени развитія, явно обнаруживающихъ отсутствіе чувства стыда.

Стоитъ только оглянуться на окружающую жизнь, вспомнить свои кадетскіе и училищные годы, вспомнить рассказы Помяловскаго о бурсѣ и т. п. рассказы, чтобы уяснить себѣ ту простую аксіому воспитанія, *что если наказаній не стыдятся, то ихъ и не боятся.*

Въ бурсѣ уродливое направленіе воспитанія привело къ тому, что *стыдили* не за то, что бурсаки доводили себя до наказанія розгами, а именно за то, если кто боялся наказанія, т.-е. за «страхъ» наказанія, за «страхъ» сѣченія розгами... И мы знаемъ, что тамъ страхъ наказанія розгами — не дѣйствовалъ, не былъ нуженъ.

Въ прежнихъ военныхъ гимназіяхъ, въ кадетскихъ корпусахъ, именно для того, чтобы доказать свою безбоязненность передъ наказаніемъ, нѣкоторые, рискуя даже своимъ будущимъ, добивались наказанія.

Чрезвычайно поучительнымъ кажется мнѣ фактъ въ одной изъ существовавшихъ раньше военныхъ прогимназій. Какъ въ бурсѣ, всякіе проступки, шалости и пакости противъ своего начальства, воровство даже, считались молодечествомъ, удалствомъ, лихостью. Но вотъ пріѣхалъ новый директоръ съ просвѣщенными взглядами на воспитаніе (именно въ духѣ стыда, вмѣсто бича). Послѣ первой же обнаруженной кражи (вина и сметаны изъ погреба одного изъ воспитателей), директоръ приказалъ построить всю прогимназію и вызвалъ виновниковъ. Гордые своей «преступностью» и аффектируя свое презрѣніе къ предстоящему сѣченію розгами—смѣло, даже вызывающе дерзко, съ напускной веселостью, подошли къ директору мнившіе себя «Стеньками-Разиными» жалкіе мальчуганы. Всѣ ожидаютъ розогъ, воды соленой и прочихъ атрибутовъ... Нѣкоторые даже завидуютъ тѣмъ, которыхъ будутъ сѣчь, такъ какъ, если мальчишки не пикнутъ при сѣченіи, то, какъ послѣ удара по спинѣ мечомъ, они этимъ были бы какъ бы посвящены въ герои, въ «безстрашные», и стали бы предметомъ почтенія для всѣхъ.

Но, увы, директоръ не далъ свершиться подвигу презрѣнія къ розгѣ («къ страху наказанія»).

«И не стыдно вамъ, сыновьямъ честныхъ офицеровъ, уподобляться презрѣннымъ воришкамъ?» обратился онъ къ виновникамъ со смѣшаннымъ чувствомъ жалости къ мальчикамъ и гадливости къ совершенному. «Такъ вотъ вамъ, не для боли, а для стыда передъ всѣми товарищами» — и директоръ влѣпилъ каждому по пощечинѣ... Дальше ни розогъ, ни ареста не было; сбавили лишь баллы за поведеніе. Но вся прогимназія ясно сознала, что герои сегодняшняго дня далеко не герои и что воровство далеко не подвигъ и не молодечество, а нѣчто такое, чего надо стыдиться и на что «хорошіе» люди смотрять съ отвращеніемъ, съ гадливостью.

Кто не слышалъ про прежнюю поговорку: «кто не сидѣлъ подъ арестомъ, тотъ не офицеръ». И пока не восторжествуетъ сознание постыдности лишенія офицера свободы, подобно лишенію свободы вредящихъ обществу, т.-е. пока не сознается ошибка воспитанія корпуса офицеровъ въ страхѣ наказанія, а не въ стыдѣ его, — арестъ, какъ наказаніе, будетъ не только не дѣйствительнымъ, но и подрывающимъ понятія о нравственности и въ особенности о долгѣ; онъ не будетъ считаться постыднымъ.

Очевидно, «виды», «замѣчанія», «выговоры» установлены законодателемъ не для «страха наказанія», не для устрашенія испытанныхъ рыцарей безъ страха (и упрека), офицеровъ, а только для «усовѣщанія» (чтобы пристыдить хоть въ легкой степени).

Очевидно также, что если бы «страхъ наказанія» удерживалъ «злую волю» отъ казнокрадства и тому подобныхъ прелестей, то — или бы онъ удержалъ всѣхъ отъ казнокрадства и т. п., или никого, въ зависимости именно отъ достаточной или недостаточной силы этого страха наказанія. И какъ выводъ изъ этого долженъ былъ бы получиться абсурдъ, что *чѣмъ кто трусливѣе, чѣмъ кто больше боится наказаній, тѣмъ онъ надежнѣе на стезь гражданской и воинской добродѣтели и доблести* и, наоборотъ, *чѣмъ кто неустрашимѣе, тѣмъ онъ ненадежнѣе и подозрительнѣе, на счетъ присутствія въ немъ «злой воли»*. А отсюда и слѣдующій выводъ — что государству для внутренняго спокойствія отъ «проявленія злой воли» слѣдуетъ воспитывать и *у воиновъ не храбрость и неустрашимость, а страхъ передъ наказаніемъ*, заключающимся однако въ такихъ лишеніяхъ или въ такомъ причиненіи боли (сѣченіе розгами), которыхъ воину *стыдно* бояться.

Ясно, что казнокрадство прекратится тогда, когда всѣ проникнутся сознаниемъ постыдности для чести и достоинства война

и гражданина подобнаго дѣянiя. Этого сознанiя раньше не было; напротивъ, говорили открыто, съ убѣжденiемъ: «вовсе не грѣхъ нагрѣть казну; вѣдь казна у насъ всегда норовитъ что-нибудь урвать»...

И никакiя ревизiи и никакiя наказанiя не искореняютъ казнокрадства, пока соотвѣтствующее воспитанiе въ понятiяхъ о крайней постыдности подобнаго дѣянiя не исключитъ возможности какихъ либо компромиссовъ, какъ съ собственною совѣстью, такъ и съ мнѣнiемъ общества.

Вѣдь взглядитесь въ жизнь: вы увидите, что совѣтъ не важно — какое наказанiе понесетъ судимый; важно только признанiе его виновнымъ или невиновнымъ, т.-е. важенъ приговоръ общественной совѣсти. Въ этомъ сила и влiанiе и огромное значенiе условнаго осужденiя.

«Экспроприацiи» совершались вовсе не потому, что исчезъ страхъ наказанiя за разбой и грабежъ, а потому, что «экспроприацiй» перестали стыдиться многiя слабыя души, увлеченныя безумными ученiями о равномѣрномъ распредѣленiи богатства.

Точно также не отсутствiе наказанiя за соблазнъ жены или сестры товарища явилось причиною практикующейся готтентотской морали: «я соблазнилъ или укралъ чужую жену—хорошо, благо; у меня соблазнили или украли мою жену—плохо, зло», — а отсутствiе сознанiя постыдности донъ-жуанства, вслѣдствiе воспитанiя во взглядахъ, «что побѣды надъ женщинами—славны»...

Мордобойство всегда преслѣдовалось, какъ уголовное преступленiе по кн. XX-й, но стало исчезать только тогда, когда прониклись постыдностью и позоромъ мордобитiя.

Практика военной службы не только показываетъ, но все время подчеркиваетъ, что всѣ воинскiе чины удерживаются отъ проступковъ и преступленiй не «страхомъ наказанiя», а *мучительнымъ сознанiемъ, что совершенiе того или другаго проступка или преступленiя унижаетъ его въ глазахъ общества, начальства, т.-е. — стыдомъ.* Вотъ почему проступки и преступленiя уменьшаются и люди исправляются не тамъ, гдѣ преобладаетъ безразсудная строгость и внушенное тупое убѣжденiе, что наказанiя за проступки и преступленiя на военной службѣ установлены именно для страха, «для поддержанiя этой службы», «для дисциплины» или же, наоборотъ, какъ будто для закалки, — а тамъ, гдѣ основательно внушается, что несовершенiе того, *что должно*, что требуется отъ воина во имя пользы и интереса Царя и Отечества, есть стыдъ и

позоръ для сына Царя и Отечества, и что наказаніе только подчеркиваетъ несоотвѣтствіе такихъ то проступковъ и преступленій съ званіемъ защитника Царя и Отечества.

Пока приговаривалось: «пьянь да уменьь—два угодыя въ немъ» и что «Руси веселіе есть пити»—никакіе страхи наказанія не въ состояніи были удержать отъ желанія «выпить на копѣйку, а показать на рубль». Но вотъ когда, напримѣръ, въ Манчжуріи въ пьяницу плюютъ всѣ прохожіе китайцы, около него собирается толпа и начинаетъ поносить его, внушая стыдъ и отвращеніе у дѣтей къ подобному состоянію опьяненія, то, конечно, только тотъ будетъ напиваться, кто уже потерялъ стыдъ, совѣсть. т.-е. то, что отличаетъ его отъ животныхъ.

* * *

Не для того, чтобы подчеркнуть ошибку оппонентовъ, я не пропускаю даннаго случая смѣшенія однихъ явленій души съ другими, благодаря пренебреженію къ выводамъ науки о душѣ (психологіи); дѣлаю это только въ виду того, что подобное смѣшеніе является пагубнымъ и даже роковымъ при воспитаніи арміи и всего государства. Такъ, благодаря смѣшенію личнаго самолюбія, честолюбія, славолюбія съ чувствомъ чести и достоинства, стали воспитывать въ самолюбіи, честолюбіи, славолюбіи и послѣ удивляются «игрѣ самолюбіи, честолюбіи, славолюбіи» часто въ ущербъ именно чести и чувству собственнаго моральнаго и интеллектуальнаго достоинства.

Теперь пытаются страхъ наказанія смѣшать со стыдомъ наказанія, и... можно только представить себѣ будущихъ рыцарей *безъ страха* и упрека, воспитанныхъ именно *въ страхъ* (да еще только наказанія), «злую волю» которыхъ будетъ удерживать не совѣсть, не чувство долга, не чувство воинской чести, а именно этотъ вотный страхъ наказанія.

Считаю своимъ долгомъ отмѣтить чрезвычайную путаницу понятій въ выраженіяхъ г. Н—аго, въ родѣ слѣдующаго: «Да развѣ страхъ смерти самый ужасный страхъ? Не ужаснѣ ли для военнаго страхъ (?) оказаться не храбрымъ?»... Выходитъ такъ: не ужаснѣ ли (высшая степень страха) для военнаго страхъ—почувствовать въ себѣ страхъ?.. Явно, что г. Н—ий хотѣлъ сказать такъ: «не ужаснѣ ли страха смерти стыдъ для военнаго быть не хра-

брымъ, т.-е. стыдъ не преодолѣть въ себѣ чувство страха той же смерти (такъ какъ храбрость и есть преодолѣніе чувства страха, что для военнаго обязательно, а не только возможно).

Слѣдующія соображенія и опредѣленія страха и стыда легко покажутъ смѣшеніе этихъ понятій.

Какъ я не могу себѣ представить плезиозавра на Невскомъ, такъ я не могу представить себѣ, чтобы кто нибудь не зналъ— что такое страхъ и какъ онъ дѣйствуетъ на организмъ. Но приходится повторяться. Страхъ есть *ожиданіе* зла, бѣды, непріятности, боли и т. п. Отсюда понятно—почему «страхъ оказаться не храрымъ», т.-е. ожиданіе для себя возможности оказаться не храрымъ есть уже самовнушеніе, есть уже осуществленіе этой возможности, а потому ясно, что при воспитаніи воина этого допускать не слѣдуетъ. И всѣмъ извѣстно, что во всѣхъ атлетическихъ упражненіяхъ, въ лѣченіи болѣзни, успѣхъ достигается исключительно при условіи преодолѣнія страха. Кто не зналъ на службѣ великолѣпно физически развитыхъ евреевъ, которые однако никакъ не могли выучиться прыгать черезъ кобылу и дѣлать другія гимнастическія упражненія, по неумѣнію справиться съ чувствомъ страха. Всѣмъ также извѣстно, что страхъ болѣзни (мнительность) внушаетъ болѣзнь.

Кто занимался самовоспитаніемъ, воспитаніемъ другихъ и отдавалъ себѣ отчетъ въ самовнушеніи и внушеніи, тотъ знаетъ, что малѣйшее допущеніе страха грозитъ неисполненіемъ своего желанія, стремленія къ чему бы то ни было, по той простой причинѣ, что страхъ есть не только неувѣренность въ своихъ силахъ, а прямой собственный приговоръ своей слабости или невозможности борьбы. Вѣдь ясно, что, если я *боюсь* съ кѣмъ нибудь бороться, то признаю себя слабѣе и приговариваю себя къ пораженію. Притомъ страхъ парализуетъ волю и потому разрастается въ преобладающее (доминирующее) чувство; допущенный въ одномъ случаѣ онъ окажется непреодолимымъ и въ другихъ случаяхъ. Вотъ почему прежде воспитывали воиновъ такъ, чтобы они «лѣзли на рога самому чорту». И это правильно, потому что какой бы то ни было страхъ дѣлаетъ постепенно человѣка боязливымъ и во всемъ остальномъ со всѣми признаками и послѣдствіями этого низшаго чувства. А что можетъ быть парадоксальнѣе выраженія: «боязливый воинъ» или «воинъ со страхомъ».

Надо имѣть въ виду, что, *съ развитіемъ интеллекта, «страхи все болѣе и болѣе разсѣиваются и пропадаютъ (страхъ тем-*

ноты, чудовищъ, суетьрныя страхи и т. п.), уступая мѣсто въ случаѣ основательности страха—осторожности, опасенію.

Въ противоположность страху, стыдъ представляетъ собою сложное душевное состояніе, свойственное только людямъ, и обозначаетъ собою начало высшей жизни ³⁾. «Чувство стыда поднялось до высоты чувства совѣсти» ⁴⁾; опредѣляется стыдъ, какъ «мучительное сознаніе, что наши физическіе или нравственные недостатки видны другимъ» ⁵⁾... Чувство стыда начинается съ понятіемъ о наготѣ, а затѣмъ «постепенно поднимается на высоту цѣломудрія, чистоты, чувства чести, благородства души и сознанія нравственного достоинства» ⁶⁾.

Именно это и приличествуетъ воину, а потому въ воспитаніи воина надо развивать чувство долга (совѣсть), чести, достоинства и неизбѣжный съ ними стыдъ, а никакъ не страхъ и не самолюбіе, честолюбіе и т. п., характеризующіе низшую ступень нравственного и интеллектуальнаго развитія.

Вообще надо воспитывать не въ страхѣ наказанія, а въ стыдѣ наказанія. Наказаніемъ—подчеркивать постыдность того или другаго дѣянія, подчеркивать несовмѣстимость его съ воинскимъ званіемъ, но только не устрашать, такъ какъ *устрашенный* пушашной непріятностью воиновъ очевидно уже не воинъ: онъ естественно будетъ тѣмъ больше устрашаться, чѣмъ больше будетъ опасность.

Воина безъ страха и упрека можно воспитать только по системѣ: «то и то *надо*, т.-е. должно, исполнить, или того-то и того-то *надо*, т.-е. должно, достигнуть, а если не будетъ исполнено или достигнуто, то будетъ тебѣ непріятно, совѣстно, стыдно, будетъ *упрекъ* совѣсти».

Безсмертное слово Святослава: «мертвые бо *сраму* не имуть»—характеризуетъ воспитаніе его воиновъ въ презрѣніи къ страху смерти и въ развитіи чувства «стыда» («срама»).

Не имѣю возможности остановиться на всемъ томъ, что меня поражаетъ въ статьѣ г. Н—аго, но невозможно пропустить его заявленія, что «у святыхъ воиновъ первымъ была молитва, а вторымъ дѣло»..., а также неумѣстнаго примѣра... религіозности своего дѣда.

Какъ это г. Н—ій не принялъ во вниманія щекотливости подобныхъ доказательствъ (примѣрами близкихъ себѣ людей или лицъ, священной памяти для себя) въ полемикѣ. Вѣдь въ томъ, что въ любимомъ лицѣ кажется верхомъ правды, истины, «религіозности», дру-

³⁾, ⁴⁾, ⁵⁾ и ⁶⁾ Проф. Сикорскій.

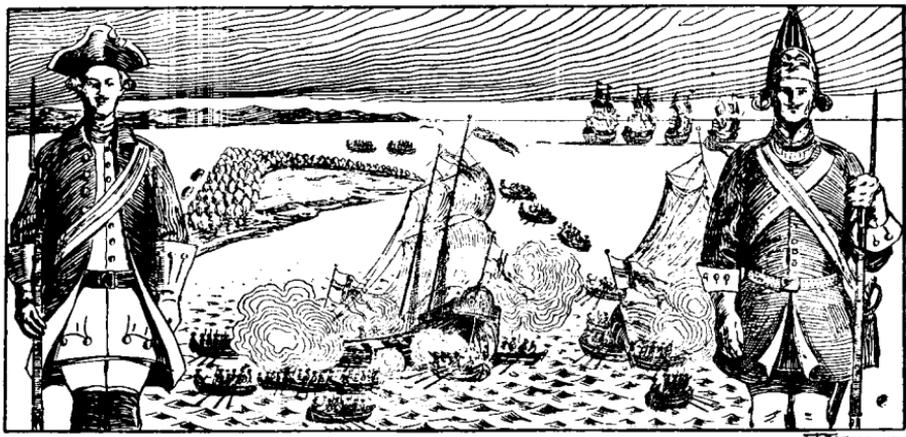
гіе могутъ увидѣть верхъ несправедливости и суевѣрія... Г. П—ій характеризуетъ привычку дѣда крестить ротъ, когда онъ зѣвалъ, «мелочной религіозностью»... Какъ ни щекотливъ отвѣтъ, но я беру смѣлость увѣрить г. Н—аго, что не только всякій челоувѣкъ ХХ вѣка, но и просвѣщенный священникъ найдетъ это не «религіозностью», а—суевѣрною привычкою, хотя подобно г. Н—му, отнесется къ этой привычкѣнисходительно и даже, можетъ быть, поощрительно.

Наконецъ, относительно защиты г. Н—имъ мнѣнія г. Гр. А. Д., что ребенокъ отъ чудовищъ, волковъ и т. п. ищетъ опасенія въ Богѣ, въ молитвѣ, я ограничусь нѣсколькими словами, сдѣлавъ прежде всего заявленіе, что я, навѣрно, еще большій поклонникъ таланта г. Гр. А. Д., чѣмъ г. Н—ій, но я помню и афоризмъ какого-то мудреца или многихъ мудрецовъ, что *геніальное или талантливое еще не есть истина*, такъ какъ можно геніально или талантливо ошибаться, заблуждаться, даже злодѣйствовать.

И какъ ни талантливо и красиво доказываетъ Гр. А. Д. необходимость воспитанія воиновъ въ защитѣ—прибѣганіемъ къ Богу, къ молитвѣ, а г. Н—ій то, что «у святыхъ воиновъ первымъ была молитва, а вторымъ дѣло,—я, твердо усвоившій наставленіе Спасителя-Христа о краткости моленія и о «Божіе—Богови, а Кесарево—Кесареви», не могу представить себѣ воина—тигра, ищущаго при оскорбленіи отечества или одного только ближняго, спасенія у Бога, въ молитвѣ. Не знаю изъ всей исторіи ни одного святого воина, у котораго бы первыми была молитва, а вторымъ дѣло. Не понимаю такого воина вообще, который бы, видя, какъ внѣшніе или внутренніе враги обижаютъ женщинъ или слабыхъ, первымъ сдѣлалъ бы молитву, а вторымъ—дѣло, т.-е. не обнажилъ бы сразу оружіе...

А потому не понимаю для воина и иного воспитанія, кромѣ того, чтобы первымъ рефлексомъ воина было хватаніе за эфесъ клинка, а затѣмъ уже испрошеніе у Бога благословенія на брань за правое дѣло. Такъ (исторія вся говоритъ) дѣлали «святые воины».

А. Дмитревскій.

Шведскіе boy-scout'ы.

Вриводимый ниже уставъ общества шведскихъ boy-scout'овъ является, какъ въ цѣломъ, такъ и въ деталяхъ, чрезвычайно интереснымъ, не только съ точки зрѣнія приѣмовъ моральнаго и физическаго воспитанія подрастающаго поколѣнія, но и со стороны практической близости всей организаци къ дѣлу подготовки населенія къ оборонѣ страны. Ни для кого не секретъ, что Швеція, содержащая въ мирное время небольшую армію полумилиціоннаго характера, въ настоящее время покрыта цѣлой сѣтью организацій, имѣющихъ прямое отношеніе къ вооруженнымъ силамъ страны. Широкое развитіе стрѣлковыхъ обществъ и цѣлый рядъ другихъ организацій, подъ разными названіями, внимательное къ нимъ отношеніе и широкое содѣйствіе со стороны правительства, любовное сочувствіе со стороны общества и народа — показываютъ, что Швеція, какъ въ лицѣ своего правительства, такъ и въ лицѣ всего общества, серьезно смотритъ на вопросъ о подготовкѣ населенія къ войнѣ. Къ организаціямъ такого же ха-

рактера, преслѣдующимъ, несомнѣнно, цѣли военной подготовки, нужно причислить и возникшее въ 1912 году «Общество шведскихъ boy-scout'овъ». Это—первое звено во всей системѣ, продуманной отъ начала до конца, вдохновляемой, несомнѣнно, единой волей, единой мыслью,—системѣ, которая дастъ странѣ морально и физически здоровыхъ молодыхъ людей, знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ настолько, что, влитые хотя бы въ слабые кадры, они окажутся исполнѣ на высотѣ современныхъ требованій.

Я далека отъ мысли навязывать руководителямъ нашихъ потѣшныхъ организацій всѣ тѣ положенія, которыя, будучи, можетъ быть, жизненными для шведскихъ юношей, могли бы оказаться совершенно непригодными для нашихъ «потѣшныхъ», но надъ многими руководящими началами и общими положеніями устава общества шведскихъ boy-scout'овъ намъ полезно задуматься. Въ послѣдніе годы развитіе потѣшныхъ организацій у насъ приняло значительные размѣры, и мысль о милитаризаціи школы и населенія, какъ будто, находить сочувствіе въ широкихъ кругахъ общества. Нашей великой родинѣ больше, чѣмъ кому бы то ни было, необходима подготовка населенія къ военному дѣлу, подготовка не только моральная и физическая, но и специальная—военная. Нельзя закрывать глаза на грозное явленіе развивающагося у насъ хулиганства, на отсутствіе въ значительной массѣ контингента будущихъ защитниковъ родины твердыхъ нравственныхъ началъ; отсюда—повелительная необходимость воспитывать эти начала съ юнаго возраста, вмѣстѣ съ культомъ любви и преданности своему Государю и родной странѣ. На ряду съ этимъ и практическая подготовка къ военному дѣлу, столь осложнившемуся въ послѣднее время, необходима чуть не съ первыхъ шаговъ сознательной жизни человѣка. Будущія войны, несомнѣнно, будутъ вестись не арміями только, но народами, въ широкомъ смыслѣ слова, для которыхъ въ минуту опасности существующія арміи явятся лишь слабыми кадрами, и лишь тотъ народъ будетъ бодро смотрѣть на свое будущее историческое существованіе, въ средѣ котораго окажутся привитыми наиболѣе полно и военныя знанія и военное воспитаніе.

Вотъ съ этой точки зрѣнія, руководителямъ нашихъ потѣшныхъ организацій и необходимо оцѣнить существующее положеніе вещей и чистосердечно отвѣтить на важный вопросъ: на вѣрномъ ли пути стоимъ мы въ дѣлѣ подготовки нашихъ «потѣшныхъ»?

Уставъ общества шведскихъ boy-scout'овъ.

§ 1.

Задачи общества. Общество имѣеть цѣлью содѣйствовать моральному и физическому воспитанію шведскихъ юношей, путемъ подготовки изъ нихъ «юныхъ развѣдчиковъ».

§ 2.

Девизъ общества. Девизъ общества—«будьте готовы».

§ 3.

Руководящія начала. Общество въ выполненіи своей задачи руководствуется слѣдующими началами:

1) «Развѣдчикъ» говоритъ всегда правду и всегда вѣренъ своему слову.

2) «Развѣдчикъ» всегда помнитъ свой долгъ по отношенію къ Богу и родной странѣ.

3) «Развѣдчикъ» всегда охотно слушается своихъ родныхъ, наставниковъ и старшихъ.

4) «Развѣдчикъ» долженъ быть всегда привѣтливомъ, предупредительномъ, благопристойномъ, готовомъ всегда помочь другимъ, особенно слабымъ.

5) «Развѣдчикъ»—хорошій товарищъ и другъ съ другимъ «развѣдчикомъ», къ какому бы классу общества онъ ни принадлежалъ.

6) «Развѣдчикъ» долженъ быть другомъ животныхъ.

7) Въ своей работѣ «развѣдчикъ» долженъ быть дѣятельнымъ и добросовѣстнымъ; всегда въ добромъ расположеніи духа, если даже ему приходится преодолѣвать какія-либо препятствія и затрудненія.

8) Образъ жизни «развѣдчика»—простой, правильный и опрятный; онъ не употребляетъ клятвенныхъ словъ, бранныхъ и грязныхъ выраженій.

9) «Развѣдчикъ» долженъ быть бережливымъ, дабы имѣть возможность, какъ пріобрѣтать все необходимое для себя, такъ и помогать другимъ.

10) «Развѣдчикъ» исполняетъ свой долгъ, не думая о наградѣ.

§ 4.

Испытанія. Чтобы имѣть право подвергнуться испытаніямъ на различные классы юныхъ развѣдчиковъ, необходимо, прежде всего, проявить себя со стороны безупречнаго поведенія и послушанія установленнымъ правиламъ.

Испытанія для «развѣдчиковъ» III, II и I класса устанавливаются слѣдующія:

III классъ юныхъ развѣдчиковъ. Чтобы приобрести право на званіе развѣдчика III класса требуется:

1) По крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ принимать участіе въ занятіяхъ отдѣленія или патруля — не менѣе 4 разъ.

2) Уяснить себѣ въ достаточной мѣрѣ значеніе девиза «развѣдчиковъ», значеніе закона, обѣщаній или напоминаній, значеніе примѣтъ, знаковъ.

3) Знать шведскій національный флагъ, а также правильные способы подъема его.

4) Умѣть вязать: морской узелъ, петлю, двойной узелъ.

II классъ. Чтобы приобрести право на званіе развѣдчика II класса требуется не менѣе мѣсяца работы въ качествѣ развѣдчика III класса и затѣмъ уже подвергнуться слѣдующему испытанію:

1) Умѣть перевязывать поверхностную рану и останавливать кровотеченіе, устроить носилки, поднять и перенести больного.

2) Умѣть плавать безъ отдыха на разстояніи 50 метровъ.

3) Умѣть пройти разстояніе въ 1.500 метровъ шагомъ «развѣдчика» въ 10 минутъ.

4) Умѣть приготовить въ полѣ два изъ слѣдующихъ блюдъ: вареный картофель, яйца, жареное мясо, кашу, кашицу и шоколадъ.

5) Умѣть штопать чулки, починять одежду, пришивать пуговицы.

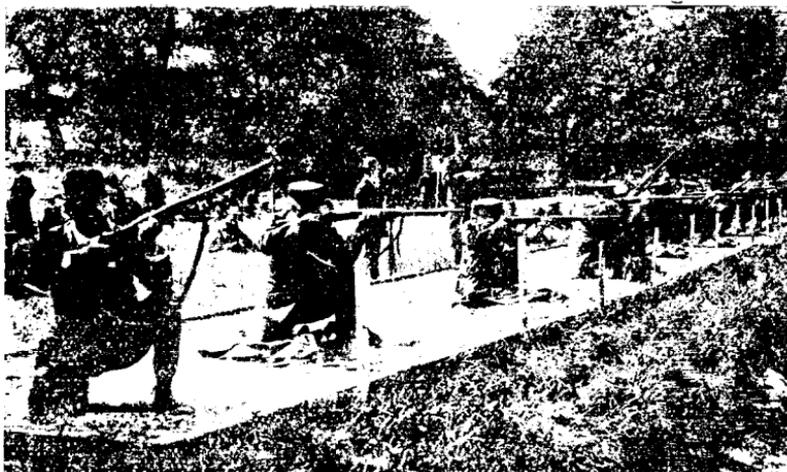
6) Умѣть передавать депеши и разбирать передаваемое посредствомъ семафорной сигнализаціи.

7) Умѣть ходить по слѣдамъ на разстояніи 1.200 метровъ въ 30 минутъ и проходить разстояніе въ 500 метровъ, отдавая себѣ ясный отчетъ въ сдѣланныхъ наблюденіяхъ.

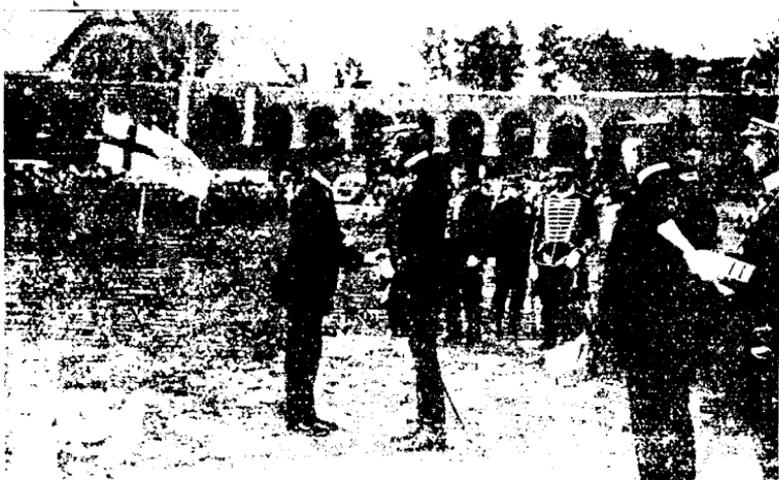
8) Знать наиболѣе употребительные условные знаки по картѣ

$\frac{1}{100.000}$ или $\frac{1}{200.000}$, также важнѣйшія 16 направленій по компасу.

9) Имѣть по сберегательной книжкѣ не менѣе одной кроны, заработанной собственнымъ трудомъ.

Стрѣльба стрѣлковыхъ обществъ.

Выдача королеми призовъ за стрѣльбу стрѣлковымъ обществамъ.

I классъ. Чтобы пріобрѣсти право на званіе «развѣдчика» I класса, требуется пребыть въ званіи «развѣдчика» II класса не менѣе 6 мѣсяцевъ и затѣмъ выдержать слѣдующее испытаніе:

1) Умѣть перевязать болѣе или менѣе глубокую рану, наложить поддерживающую повязку, ухаживать за впавшимъ въ обморочное состояніе, описать и показать способы оживленія утопленника, спасенія при пожарѣ, утопающихъ, при отравленіи угаромъ, при ознобленіи; имѣть представленіе о простѣйшихъ способахъ предохраненія отъ заразы при эпидемическихъ заболѣваніяхъ.

2) Умѣть проплыть безъ отдыха разстояніе въ 50 метровъ въ одеждѣ и 200 метровъ безъ одежды.

3) Умѣть пройти пѣшкомъ или на лыжахъ разстояніе въ 5 километровъ и обратно въ теченіе не болѣе 2¹/₂ часовъ и, черезъ два дня послѣ этого, подъ контролемъ, записать свои наблюденія.

4) Умѣть приготовить два изъ слѣдующихъ блюдъ: жареную или вареную рыбу, мясныя котлеты, голубцы, фруктовый супъ, хлѣбъ.

5) Умѣть передавать и разбирать депеши, передаваемые семафорной сигнализацией, со средней скоростью 35 буквъ въ минуту.

6) Умѣть изготовлять предметы изъ дерева, металла, матеріи или кожи, пригодные въ домашнемъ хозяйствѣ или въ лагерѣ.

7) Умѣть правильно пользоваться картой и начертить съ карты отчетливо кроки; съ помощью карты и компаса умѣть провести по мѣстности до даннаго пункта, невидимаго съ исходной точки и отстоящаго не менѣе какъ на 5 километровъ отъ этой исходной точки; также найти безъ компаса данный условный знакъ.

8) Умѣть опредѣлять разстояніе, размѣры предметовъ, высоту и число—съ ошибкой, непревышающей 25⁰/₁₀₀.

9) Подготовить мальчика по програмѣ, требуемой для развѣдчика III класса; также подготовить по отдѣлу, изложенному въ 3 п. испытанія для развѣдчиковъ II класса.

Испытанія на званіе «развѣдчика» II и I класса могутъ (послѣ признанія удовлетворительнымъ предварительнаго испытанія) измѣняться или совсѣмъ отмѣняться—на основаніи медицинскихъ свидѣтельствъ или по другимъ, заслуживающимъ уваженія, причинамъ.

§ 5.

Знакъ и форменная одежда. Знакъ общества носится всѣми принадлежащими къ обществу членами ¹⁾).

Одежду, присвоенную, развѣдчикамъ, не разрѣшается носить ранѣе выдержанія испытанія на «развѣдчика» III класса.

§ 6.

Составъ общества. Общество шведскихъ boy-scout'овъ состоитъ изъ отрядовъ (корпораций) развѣдчиковъ, которые на изложенныхъ здѣсь основаніяхъ организуются въ таковыя и вносятъ ежегодный постоянный взносъ въ «общія собранія» представителей отъ отрядовъ (корпораций).

¹⁾ Какъ знакъ общества, такъ и знаки, присвоенные разнымъ классамъ «развѣдчиковъ», имѣютъ надписи: «будьте готовы».

§ 7.

Общія собранія. 1) Очередныя собранія представителей корпорацій назначаются ежегодно въ январѣ мѣсяцѣ—въ пунктѣ, опредѣляемомъ главнымъ управленіемъ. О созывѣ собранія поставляются въ извѣстность заранее—не менѣе, какъ за 6 недѣль, и объ этомъ объявляется два раза въ официальномъ органѣ общества. Вѣдомость дѣлъ, подлежащихъ докладу въ собраніи, объявляется не менѣе какъ за 14 дней въ томъ же официальномъ органѣ.

2) Чрезвычайныя собранія назначаются въ томъ случаѣ, когда объ этомъ письменно заявятъ главному управленію не менѣе $\frac{1}{4}$ корпорацій развѣдчиковъ или когда само главное управленіе признаетъ это необходимымъ. О созывѣ собранія объявляется по крайней мѣрѣ за недѣлю и объ этомъ оповѣщается, вмѣстѣ съ вѣдомостью подлежащихъ разсмотрѣнію дѣлъ, въ официальномъ органѣ.

3) Каждая корпорація представляется въ обществѣ своимъ уполномоченнымъ. Одинъ и тотъ же представитель можетъ быть отъ нѣсколькихъ корпорацій; въ этомъ случаѣ полномочія должны быть отъ каждой корпораціи.

4) Право голоса принадлежитъ каждой корпораціи—съ однимъ голосомъ отъ каждыхъ 100 человекъ списочнаго состава мальчиковъ.

5) Собраніе представителей считается полномочнымъ съ тѣмъ числомъ представителей, которое прибудетъ на собраніе по объявленіи о семь установленномъ порядкомъ.

6) На обыкновенныхъ собраніяхъ разсматриваются слѣдующія дѣла: а) избраніе двухъ контролеровъ; б) выслушивается докладъ главнаго управленія и отчетъ о ревизіи за минувшій годъ; в) избраніе членовъ главнаго управленія и замѣстителей, избраніе двухъ ревизоровъ и двухъ замѣстителей къ нимъ на текущій годъ; г) утвержденіе бюджета на текущій годъ; д) обсужденіе предложеній и проектовъ, которые вносятся въ главное управленіе по крайней мѣрѣ на 3 недѣли впередъ; е) остальные дѣла.

§ 8.

Составъ главнаго управленія и право избранія въ него. Главное управленіе состоитъ изъ: начальника «развѣдчиковъ» (scout-chef), его помощника, начальника канцеляріи, казначея и 3-хъ членовъ безъ особыхъ функцій съ 3-мя къ нимъ замѣстителями. Глав-

нымъ управленіемъ назначается представитель отъ «Kristlige Föreningen av ungdomen»²⁾.

Правомъ избранія пользуются: а) шефомъ и его помощникомъ имѣютъ право быть избранными начальники отрядовъ (корпораций), пробывшіе въ этой должности не менѣе 2 лѣтъ; б) начальникомъ канцеляріи можетъ быть избрано лицо, проживающее въ Стокгольмѣ или его окрестностяхъ, опытное и пригодное для даннаго дѣла; в) казначеемъ избирается лицо совершеннолѣтнее, принимающее то или иное участіе въ дѣлѣ подготовки «юныхъ развѣдчиковъ» и проживающее въ Стокгольмѣ и его окрестностяхъ; г) члены безъ опредѣленныхъ функцій, или ихъ замѣстители избираются изъ учителей развѣдчиковъ, состоящихъ въ этомъ званіи не менѣе года.

Примѣчаніе. Одинъ изъ этихъ членовъ (съ замѣстителемъ) долженъ жить въ Стокгольмѣ или его окрестностяхъ.

§ 9.

Обязанности главнаго управленія. Обязанности главнаго управленія:

1) Содѣйствовать широкому распространенію въ Швеціи организацій «юныхъ развѣдчиковъ» и правильному ихъ примѣненію.

2) Приводить въ исполненіе постановленія собраній представителей отрядовъ (корпораций).

3) Обсуждать заявленія о вступленіи въ общество и утверждать постановленія, относящіяся къ корпораціямъ развѣдчиковъ.

4) Объединять дѣятельность корпорацій; нести сообща отвѣтственность за средства общества.

5) Устанавливать спеціальные знаки и правила для нихъ.

6) Выбирать изъ своей среды исполнительную комиссію и выработать надлежащую для нея инструкцію.

7) Именемъ собранія представителей рѣшать подлежащія его вѣдѣнію дѣла, опредѣляемые настоящимъ уставомъ, представляя, однако, наиболѣе важные вопросы на рѣшеніе собранія.

Шефъ развѣдчиковъ (его помощникъ) обязанъ:

1) Руководить преніями на общихъ собраніяхъ, а также на собраніяхъ лицъ главнаго управленія.

2) Наблюдать за дѣятельностью общества вообще.

3) Быть представителемъ общества.

²⁾ «Христіанское общество молодыхъ людей».

Начальникъ канцеляріи обязанъ:

1) Вести протоколы засѣданій: общихъ собраній, главнаго управленія и исполнительнѣйшей комиссіи.

2) Согласно указаніямъ шефа, устанавливать опредѣленный порядокъ въ канцеляріи и нести за него отвѣтственность.

3) Вести именные списки состава управленій отрядовъ (корпораций), также списки каждаго отряда съ указаніемъ ихъ распредѣленія, числа, руководителей и мальчиковъ.

4) Составлять годовой отчетъ о дѣятельности общества.

Казначей общества обязанъ:

1) Завѣдывать и нести отвѣтственность за наличныя средства и цѣнныя бумаги общества, согласно указаніямъ исполнительнѣйшей комиссіи.

2) Составлять опись и имѣть надзоръ за принадлежащимъ обществу имуществомъ.

3) Вести аккуратно кассовую книгу, которую предьявлять по первому требованію главнаго управленія и исполнительнѣйшей комиссіи.

4) Принимать годовые взносы.

5) Заканчивать отчетъ къ 1 декабря и представлять таковой въ распоряженіе ревизоровъ между 1 и 15 декабря.

§ 10.

Собранія чиновъ главнаго управленія. Лица, входящія въ составъ главнаго управленія, собираются обыкновенно на совѣщанія въ Стокгольмѣ или въ иномъ пунктѣ разъ въ полгода, въ іюнѣ и ноябрѣ, и, сверхъ сего, по приглашенію шефа развѣдчиковъ, когда обстоятельства этого потребуютъ.

Всѣ члены главнаго управленія пользуются однимъ голосомъ. При равенствѣ голосовъ одерживаетъ перевѣсъ мнѣніе предсѣдателя.

Собраніе считается законнымъ, если на лицо имѣется не менѣе 5 членовъ. Представитель отъ «Христіанскаго общества молодыхъ людей» имѣетъ право участвовать въ преніяхъ, но не участвуетъ въ постановкѣ рѣшенія.

§ 11.

Примыкающіе къ обществу отряды (корпорации) составляются изъ кружковъ въ той мѣстности, которая заявитъ желаніе войти

въ составъ общества. Они совмѣстно избирають правленіе (управленіе корпораціей) и представителя въ общее собраніе. Руководители отдѣленій развѣдчиковъ, принадлежащіе къ «Христіанскому обществу молодыхъ людей», назначаются представителями въ правленіяхъ корпорацій съ тѣми же правами и обязанностями, какъ и назначаемыя въ главное управленіе.

Обязанности управленій корпораціями. Управленіямъ отрядовъ (корпорацій) вмѣняется въ обязанность:

1) Содѣйствовать возникновенію и распространенію въ мѣстахъ нахожденія и окрестностяхъ организацій юныхъ развѣдчиковъ.

2) Доставлять въ главное управленіе ежегодно около 15-го ноября свѣдѣнія съ указаніемъ: состава управленія отряда (корпораціи), руководителей и мальчиковъ, по установленнымъ главнымъ управленіемъ формамъ.

3) Въ назначенное время высылать казначею общества годовой взносъ.

§ 12.

Измѣненія и дополненія къ этимъ правиламъ (о чемъ подаются письменныя заявленія главному управленію не менѣе какъ за 3 недѣли впередъ) могутъ быть приняты послѣ рѣшенія на двухъ общихъ собраніяхъ.

Воинская подготовка французской молодежи до поступления въ армию.

Во Франці очень много различныхъ обществъ, цѣль которыхъ готовить подростокующее поколѣніе къ военной службѣ. Одинъ разъ въ году, обыкновенно въ первыхъ числахъ іюня, общества эти сосредоточиваютъ свою молодежь въ Парижѣ, гдѣ центральное общество военного обученія во Франціи организуетъ повѣрку пройденнаго за годъ (Concours National d'Instruction militaire préparatoire).

Я люблю дѣвору и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ неукоснительно посѣщаю эти конкурсы. Послѣдній мною видѣнный 23-й конкурсъ состоялся въ 1911 году 12-го іюня н. ст. въ саду Тюльери.

Болѣе 150 обществъ и 104 школы Парижа, департаментовъ и даже Алжира отозвались на зовъ организаціоннаго комитета центрального общества. Къ 6¹/₂ часамъ утра молодежь собралась въ саду, готовая предстать передъ экзаменаціонными комиссіями для

повѣрочныхъ испытаній, согласно установленной программы, а именно: гимнастика (вольныя движенія); бѣгъ, прыжки (въ длину, въ соту, черезъ кобылу); гимнастическія упражненія на различныхъ аппаратахъ (гимнастическій городокъ походный, разборный; устраивается въ нѣсколько часовъ); общія свѣдѣнія, которыя долженъ знать солдатъ. Для поступающихъ въ спеціальныя роды войскъ—дополнительный экзаменъ. Для полученія надлежащаго диплома для отбыванія воинской повинности на нестроевыхъ должностяхъ сдается соотвѣтствующій дополнительный экзаменъ, на примѣръ, для санитаровъ.

Въ составъ экзаменаціонной комиссіи вошли: офицеры, преподаватели, унтеръ-офицеры школы Жуанвильской гимнастики и фехтованія, подъ общимъ наблюденіемъ генерала Веранда; непосредственнымъ руководителемъ занятій экзаменаціонной комиссіи былъ полковникъ Боблэ, начальникъ Жуанвильской школы.

Утро выдалось ясное, солнечное. Посторонней публики было мало.

Молодежь была раздѣлена на группы; въ первыя шесть группъ вошли молодые люди, подлежащіе отбыванію воинской повинности въ текущемъ и будущемъ году. Главная масса имѣетъ обмундированіе и снаряженіе линейной пѣхоты; вооружены ружьями; видны группы альпійскихъ стрѣлковъ, саперъ, моряки; артиллеристы въ пѣшемъ строю; въ таковомъ же строю часть кавалеріи и конныхъ артиллеристовъ.

Особую группу (седьмую) составляла молодежь въ конномъ строю (кавалерія).

Восьмая группа (poupilles)—это ученики городскихъ школъ и дѣтвора различныхъ гимнастическихъ обществъ и попечительствъ. Школьники въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, въ какіе одѣваются дома по праздничнымъ днямъ. Дѣти различныхъ гимнастическихъ и патриотическихъ обществъ и попечительствъ одѣты въ формы, характерныя для маленькихъ гимнастовъ: «съ плащомъ на лѣвой рукѣ», въ башмачкахъ, въ панталонахъ до колѣна, съ обнаженными рученками, на которыхъ уже обнаруживаются «мускулы», всѣ такіе стройные; мальчуганы имѣютъ молодежавый видъ и выправку. Экзаменъ этой безоружной группы заключается, конечно, въ гимнастикѣ и маршировкѣ. Два года тому назадъ одна изъ этихъ группъ мнѣ особенно понравилась, когда маршировала съ пѣніемъ и каждый дѣйствовалъ кастаньетами. Къ сожалѣнію, въ этомъ году

этихъ артистовъ не было на смотру, хотя военный министръ придаетъ самое серьезное значеніе пѣснямъ на походѣ (*chansons des routes*) и поручилъ составить сборникъ походныхъ пѣсенъ.

Къ 12-ти часамъ экзамены по группамъ были закончены— время завтрака и отдыха; но неутомимая молодежь разбрелась по сосѣднимъ кварталамъ: все такъ интересно для нихъ, въ большинствѣ невидѣвшихъ Парижа.

Въ 2 часа публика начала собираться въ садъ, чтобы присутствовать во время парада. Входная плата въ садъ— 50 сантим., а на трибуны— 3 франка.

Парадъ принималъ военный министръ, генераль Брэнъ (нынѣ покойный).

Дефилированіе открывали ученики городскихъ школъ; впереди линія значковъ, съ ассистентами и хоры музыкантовъ. Когда средина колонны городскихъ школъ поравнялась съ трибуной военного министра, то была остановлена, и вся масса продѣлала, довольно согласно, нѣсколько гимнастическихъ вольныхъ движеній. Удостоившись аплодисментовъ публики, школьники продолжали свое прохожденіе, имѣя на флангахъ своихъ учителей (штатскихъ), кои проходили мимо военного министра съ обнаженной головой. Погода пока благопріятствовала, но чувствовалось приближеніе дождя. Въ прошломъ году дефилированіе и гимнастика производились подъ сильнымъ дождемъ, все промокли до нитки, но все же парадъ состоялся до конца.

Слѣдующая группа дѣтвора продѣлала упражненія съ палками. Офицеръ, руководившій движеніями, стоялъ на отдѣльной эстрадѣ и для передачи команды пользовался свисткомъ. Гимнастическія общества проходили безостановочно. Пѣхота шла колоннами, имѣя командировъ штабъ-офицеровъ на коняхъ, и вообще производила впечатлѣніе удовлетворительно обученныхъ молодыхъ солдатъ. Прохожденіе конницы указывало, что нѣкоторая первоначальная одиночная подготовка молодежи дана, даже можно было замѣтить нѣсколько человѣкъ съ щеголеватой посадкой, но все же вмѣсто сомкнутаго строя получилась кавалькада, ѣзда врознь; мало благопріятствовалъ доброму впечатлѣнію и незавидный конскій составъ. Трудность, почти невозможность создать дѣльнаго кавалериста (или коннаго артилериста) при сокращенномъ сверхпредѣльно срокѣ отбыванія воинской повинности—заставила военное министерство изыскивать надлежащія мѣры: такъ, нынѣ, во всѣхъ населенныхъ

пунктахъ Франціи, расклеены афиши военнаго министерства, въ коихъ изложенъ новый законъ о преимуществахъ службы въ кавалеріи.

Послѣ прохожденія послѣдняго эшелона (санитары), предсѣдатель общества военной подготовки во Франціи, Адольфъ Шеронъ, произнесъ рѣчь, въ которой съ большою трогательностью помянулъ моряковъ, погибшихъ при катастрофѣ подводной лодки «Плювиозъ»; затѣмъ онъ благодарилъ генерала Брѣнъ за то, что онъ не отказался посѣтить настоящій конкурсъ. Сдѣлавъ краткій обзоръ дѣятельности общества, онъ кончилъ нѣсколькими пожеланіями: болѣе доступное пользованіе конскимъ составомъ и т. п. Между прочимъ, выразилъ пожеланіе, чтобы учителя первоначальныхъ школъ проходили хотя бы сокращенный курсъ въ спеціальной Жуанвильской школѣ во время отбыванія ими воинской повинности.

На это военный министръ отвѣтилъ:

«Я съ большимъ удовольствіемъ принялъ предложеніе предсѣдательствовать на сегодняшнемъ вашемъ 23-мъ ежегодномъ конкурсѣ, въ которомъ приняли участіе больше 200 обществъ и 104 школы. Предъ чудной картиной всѣхъ этихъ полезныхъ учреждений, сгруппированныхъ подъ флагомъ «центрального общества съ цѣлью воинской подготовки молодежи», я не могу не выразить своихъ восторженныхъ чувствъ и съ радостью приношу вамъ благодарность отъ имени правительства. Я привѣтствую прежде всего вашего президента, г-на Шеронъ, самоотверженность котораго и энергія въ такихъ широкихъ размѣрахъ способствовали развитію дѣятельности общества по военной подготовкѣ, и съ радостью приношу ему при всѣхъ собравшихся свою искреннюю благодарность».

Обращаясь къ собравшемуся педагогическому персоналу, военный министръ сказалъ:

«Армія, милостивые государи, проникнута убѣжденіемъ въ высокой полезности вашихъ трудовъ; она слѣдила съ сосредоточеннымъ вниманіемъ за прогрессомъ ихъ и понемногу увидѣла реализацію всѣхъ надеждъ, которыя она возлагала на васъ. Она глубоко радуется вашему успѣху.

«Армія убѣждена, что, помогая вамъ, она работаетъ для себя самой, и потому она приноситъ вамъ свою глубокую признательность и помощь, которая растеть съ каждымъ днемъ.

«Благодаря вамъ, въ армію каждый годъ поступаетъ молодежь съ основательной подготовкой, которая облегчаетъ общую задачу и дѣлаетъ ее плодотворнѣе и пріятнѣе.

«Добровольное послушаніе, котораго вы достигаете съ такимъ успѣхомъ, планомѣрность усилій обществъ и всѣхъ отдѣловъ въ преслѣдованіи общей цѣли, дружескія взаимныя отношенія, все это вмѣстѣ подготовляетъ умъ молодежи къ дисциплинѣ и долгу, безъ которыхъ не можетъ быть арміи.

«Такіе результаты дѣлаютъ вамъ честь; они являются наградой вашему усердію, и я понимаю радость, съ которой вы представляете намъ сегодня этихъ сильныхъ молодыхъ людей, хорошо развитыхъ, неутомимыхъ и хорошо воспитанныхъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніи».

Затѣмъ генералъ Брѣнь высказалъ, что впредь учителя начальныхъ школъ будутъ командироваться на нѣкоторое время въ Жуанвильскую школу, «дабы эти скромные и самоотверженные дѣятели могли давать ученикамъ школъ то физическое воспитаніе, которое сдѣлаетъ изъ нихъ превосходныхъ солдатъ».

«Милостивые государи, мы просимъ васъ сегодня продолжать эту благородную задачу. Развивайте физическія и нравственныя силы французской молодежи, на которую мы возлагаемъ наши лучшія надежды и на которой въ свою очередь будетъ лежать обязанность обезпечить благополучіе и величіе родины».

Когда утихли громкія рукоплесканія, которыми присутствующіе отвѣтили на эти послѣднія слова, военный министръ роздалъ нѣсколько орденовъ, согласно состоявшимся представленіямъ, подъ звуки «Марсельезы».

Съ оркестромъ во главѣ, въ 5 часовъ, стали расходиться эшелоны молодежи, безъ усталости проработавшіе съ 6-ти часовъ утра.

Какія же можно привести соображенія, которыя могли бы продвинуть рѣшеніе вопроса «о подготовкѣ» солдата на завтра въ нашемъ отечествѣ? Французская организація подготовки къ отбыванію воинской повинности указываетъ, что идея учрежденія обществъ задумана правильно. Мы не будемъ вдаваться въ подробности. На жизненность этого учрежденія указываетъ его приближеніе къ четверть-вѣковому существованію. А это много значить. Это учрежденіе имѣетъ свои отдѣлы въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ Франціи; это ясно указываетъ, что дѣятельность учрежденія встрѣчаетъ сочувствіе.

Наша армія также перешла на сокращенный срокъ отбыванія воинской повинности, а потому предварительная подготовка молодежи къ почетному званію вонна, до послѣдней капли крови вѣрнопреданнаго своему Государю Императору и защитника своего отечества, является вполнѣ *своевременной* и *возможной*.

Какъ именно осуществить военную подготовку у насъ? Думается, что значительной помощью при разработкѣ этого дѣла можетъ послужить опытъ западныхъ государствъ.

В. Тончаровъ.

СОНЪ НА ШИПКЪ.

(Посвящается любителямъ старой фортификаціи).

Васположившись въ уютномъ номерѣ монастырской гостиницы на Шипкѣ, я съ удовольствіемъ подумалъ о томъ, что наконецъ-то окончились мои двухмѣсячныя скитанія по Болгаріи, Сербіи и Греціи, и что я скоро снова увижу Россію.

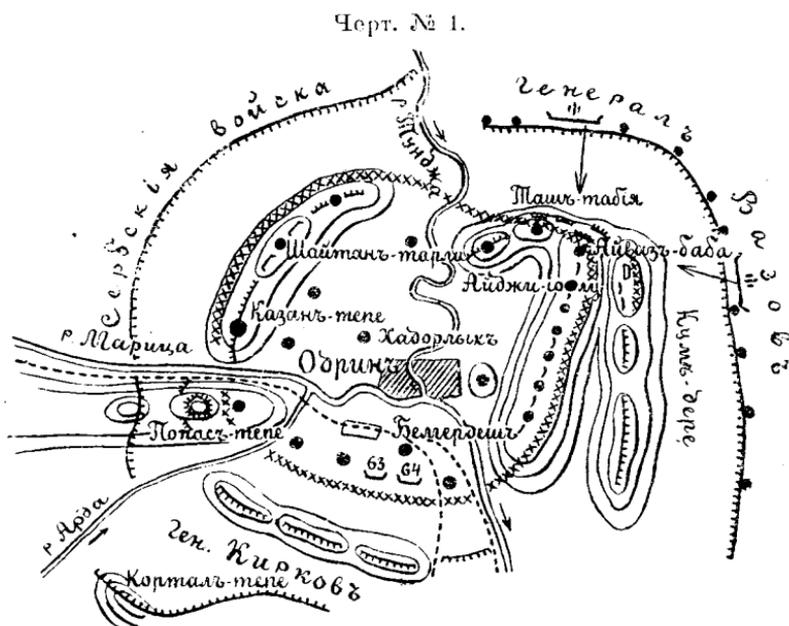
Масса впечатлѣній (послѣ осмотра полей сраженій Балканской войны, послѣ множества разсказовъ участниковъ боевъ, болгарь, сербовъ, грековъ и турокъ) не давала мнѣ заснуть, несмотря на физическую усталость.

Наконецъ я забылся.

Первое, что бросилось мнѣ въ глаза—это мачта беспроволочнаго телеграфа, работающаго съ Константинополемъ. Очевидно я нахожусь на фортѣ Хадарлыкъ—мѣстопребываніе Шукри-паши, коменданта Адрианополя.

Вмѣстѣ съ другими я прошелъ по темному коридору въ небольшой казематъ. За столомъ сидѣлъ Шукри-паша и нѣсколько офицеровъ. Были офицеры генеральнаго штаба, пѣхотинцы, артиллеристы, два инженера и врачъ. Ко времени моего прихода между инженерами повидимому уже шелъ горячій споръ; и Шукри-паша колебался перейти на чью-либо сторону. Одинъ изъ инженеровъ назывался Измаиль-паша, а другой—Черкезь-паша.

Измаиль-паша, сильно волнуясь, говорилъ: «снова повторяю, что штурмъ восточнаго сектора неизбеженъ. Третьяго дня я разыгралъ изъ себя перебѣжчика и (подъ видомъ умирающаго отъ голода) проникъ въ болгарскій лагерь. Воспользовавшись оплошностью часового, я скрылся изъ лагеря и по Марицѣ на лодкѣ вер-

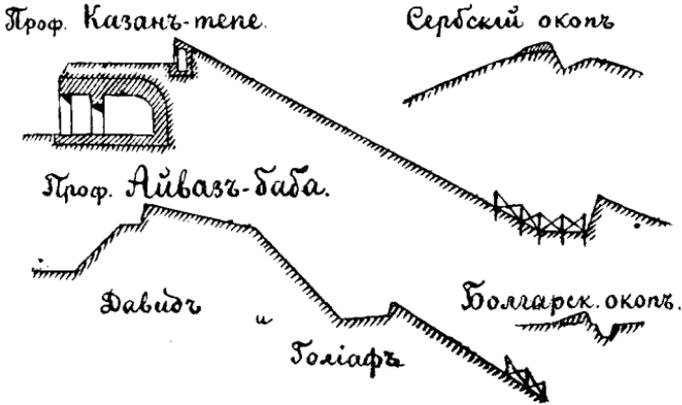

нулся домой. Видѣлся съ развѣдчиками. На восточномъ секторѣ идетъ накапливаніе артилеріи и подошла цѣлая дивизія изъ-подъ Чаталджи. Тамъ, вмѣсто Вельчева, назначенъ Вазовъ, служившій ранѣе въ Россіи начальникомъ инженеровъ крѣпости Кушки. Поэтому, господа, я и настаиваю на фортификаціонномъ усиленіи восточнаго фронта».

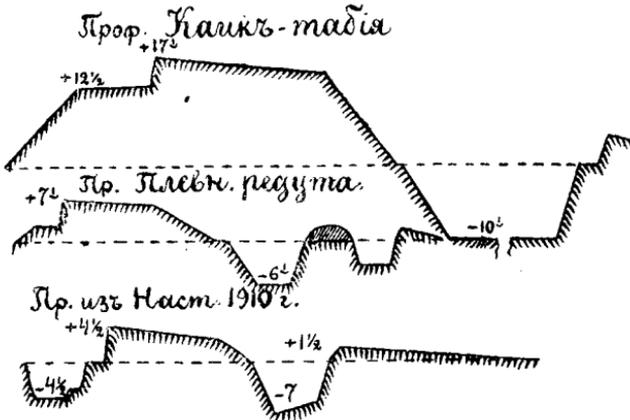
Не успѣлъ онъ кончить, какъ вскочилъ Черкезь-паша и сказалъ: «Мой коллега, Измаиль-паша, видимо увлекается. Никакого

штурма фортовой линіи быть не можетъ. Развѣ можно штурмовать цѣлый рядъ грозныхъ фортовъ, снабженныхъ казематами, ручными гранатами, пулеметами и проволочными сѣтями? Вы только сравните эти форты съ Плевненскими редутами. Развѣ они не неизмѣримо сильнѣ послѣднихъ? Редуты имѣли командованіе не бо-

Черт. № 2.

Черт. № 3.

лѣ трехъ аршинъ, а наши форты имѣютъ высоту отъ 6 до 7 1/2 аршинъ. Посмотрите, какой громадный обстрѣлъ имѣютъ форты, особенно на восточномъ фронтѣ, гдѣ они расположены на высотахъ. А вѣдь въ Плевнѣ второй изъ Гривицкихъ редутовъ имѣлъ обстрѣлъ только на сотню шаговъ и все-таки отбилъ всѣ атаки румынъ и русскихъ, уже взявшихъ штурмомъ первый редутъ. Ну, а

проволочная сѣть изъ колючей проволоки на желѣзныхъ кольяхъ, высотой въ 2½ аршина, въ 5—6 рядовъ: развѣ въ Плевнѣ было что-либо подобное? Наконецъ, сравните наши форты съ самыми сильными укрѣпленіями изъ Наставленій русскихъ 1910 года. Я особенно упираю на Наставленія русскихъ, такъ какъ они (послѣ неудачныхъ атакъ на Плевненскія укрѣпленія) прониклись уваженіемъ къ нашей фортификаціи. Посмотрите какую массу позицій построили русскіе въ Манчжуріи, какой громаднѣйшій опытъ они приобрѣли и все-таки они не отказались отъ Плевненской схемы. Не служить ли это доказательствомъ, что они стоятъ на правильномъ пути? Не скрою, и въ русской военной литературѣ появляются статьи, доказывающія, что редуты отжили свое время, что въ отвѣтъ на усовершенствованіе артилеріи нужно перейти къ новымъ формамъ фортификаціонныхъ построекъ. Но прочитайте труды корифеевъ фортификаціи, и вы можете быть спокойными. Всѣ эти новыя теченія не заслуживаютъ никакого вниманія. Какъ курьезъ, могу вамъ сообщить, что одинъ изъ русскихъ фортификаторовъ сталъ требовать, чтобы окопы не спускались на наружный скатъ горы, а располагались у топографическаго гребня, даже если имѣются впереди мертвыя пространства; дальше, конечно, уже идти некуда. Что же касается смѣны генерала Вельчева генераломъ Вазовымъ, то мы этому должны только радоваться. Вазовъ, повидимому, ничего въ фортификаціи не понимаетъ. Онъ, напримѣръ, отдалъ приказаніе: «чтобы всѣ окопы и укрѣпленія по линіи обложенія восточнаго фронта не могли быть использованы турками въ случаѣ ихъ контръ-атаки». Онъ совершенно забылъ, что укрѣпленія строятся не для того, чтобы ихъ отдавать неприятелю и затѣмъ отбирать назадъ».

«Не иронизируйте надъ Вазовымъ», сказалъ одинъ полковникъ пѣхотинецъ: «27-го января я командовалъ вылазкой, и вотъ что произошло. Узнавши, что въ эту ночь на болгарской позиціи происходитъ смѣна полковъ, и слѣдовательно новый полкъ недостаточно ориентированъ на мѣстности, я рѣшилъ захватить болгарскія позиціи и подорвать эту «Шайтанъ-батарею»¹⁾, посылающую свои снаряды даже въ мечеть Султанъ-Селимъ. Безъ шума спустились и перешли мы долину Кумъ-дере, затѣмъ перекололи охраненіе и однимъ махомъ ворвались въ окопы и редуты. Защитниковъ перебили еще полусонныхъ. На наше несчастье, только что смѣненный

1) 4—6 дюймовыя пушки.

полкъ не успѣлъ уйти съ позиціи въ лагерь и съ мѣста, со дна долины, бросился «на ножъ». Тщетно я пытался найти огневую позицію для отбитія контръ-атаки. Зацѣпиться было не за что, и мы были выбиты изъ редута. Ручаюсь вамъ, что при той неожиданности, съ которой мы произвели свою вылазку, я захватилъ бы редуты, даже въ томъ случаѣ, если бы они имѣли искусственныя препятствія. Но попробовали бы болгары отобрать отъ меня назадъ свое укрѣпленіе, съ несрытой горжей и препятствіями впереди ея. Я имъ его такъ дешево не отдалъ бы. Особенно мнѣ досталось при отступленіи, когда съ разсвѣтомъ открыли огонь изъ сосѣднихъ болгарскихъ окоповъ вдоль по долинѣ Кумъ-дере. Всего я потерялъ три тысячи человекъ, а болгары 800».

«По вопросу о расположеніи окоповъ на наружныхъ скатахъ высотъ я съ вами не согласенъ», замѣтилъ Измаиль-паша, обращаясь къ Черкезу. «Неужели вы думаете, что, несмотря на усовершенствованіе оружія, въ смыслѣ мѣткости, скорострѣльности, разрушительной силы снарядовъ, крутизны траекторіи шрапнели, гаубицъ и пр., мы, фортификаторы, не должны тронуться съ мѣста? Неужели на всѣ эти усовершенствованія мы по прежнему будемъ отвѣчать только утолщеніемъ блиндажей и брустверовъ? Вспомните, какіе ужасы намъ говорили о скорострѣльной артилеріи, говорили, что батарея, открывшая огонь на одну минуту ранѣе непріятельской, засыплетъ ее ураганнымъ огнемъ и несомнѣнно останется побѣдительницей. И однако, вмѣсто того, чтобы закрывать свои орудія броневыми башнями, спасающими даже отъ цѣльныхъ снарядовъ, артиллеристы взяли и перешли на стрѣльбу съ закрытыхъ позицій. Уничтоженная въ первыхъ бояхъ подъ Тюренченомъ, Вафангоу и Цзынь-Чжоу русская артилерія сдѣлалась неуязвимою въ послѣдующихъ бояхъ. А вѣдь сколько шума поднялось по поводу ухода батарей съ линіи стрѣлковыхъ окоповъ! Тутъ и упреки въ недостаткѣ мужества, тутъ и громадныя мертвыя пространства, тутъ и отсутствіе моральной звуковой поддержки и пр. Но обстоятельства побѣдили. Не могла же вѣдь полевая артилерія, идя по способу «утолщенія», превратиться въ неподвижную броневую, и выходъ изъ этого положенія былъ найденъ. Такъ и относительно огневыхъ стрѣлковыхъ позицій. Если бы противникомъ у насъ была русская пѣхота, времянь Плевны, когда она старалась преодолѣть нашъ ураганный огонь только однимъ духомъ своихъ героевъ солдатъ, то я первый посовѣтовалъ бы строить ярусы окоповъ для усиленія на-

шего огня. Но, къ сожалѣнію, способы атаки перемѣнились. Теперь у атакующей пѣхоты полная связь съ артиллеріей и онѣ дѣйствуютъ одновременно. Всѣ усилія атакующаго сводятся къ тому, чтобы задавить своимъ огнемъ огонь обороны и, главное, шрапнелью. Конечно, шрапнелью полевыхъ орудій не перебьешь защитниковъ окопа по полной профили, а только заставишь ихъ засѣсть на дно окопа и прекратить свой огонь. Но въ этомъ случаѣ прибѣгаютъ къ помощи гаубиць, и онѣ своей шрапнелью поражаютъ даже сидящаго внутри окопа. Только укажите цѣль, а мы свое дѣло сдѣлаемъ, говорятъ артиллеристы, спрятавши предварительно свои батареи въ оврагахъ, за деревьями или за лѣсомъ. Фортификація говоритъ: ну, отъ шрапнели гаубиць мы можемъ сдѣлать козырьки, а отъ пулеметнаго огня—бойницы. Но вѣдь для этого необходимо время и матеріаль, а разъ этого нѣтъ, то нужно же найти другой выходъ. Вотъ этотъ то выходъ и нашла новая фортификація—она говоритъ: въ отвѣтъ на усовершенствованіе оружія, мы, по примѣру артиллеристовъ, *прибѣгнемъ къ невидимости окопа*. Изъ тѣхъ газетъ, которыя до насъ доходили, вы всѣ узнали, что сербскіе и болгарскіе солдаты цѣловали свои пушки за ихъ работу по облегченію атаки. И дѣйствительно: *вырытые стѣпно окопы на скатахъ и у подножія высотъ у Куманова, Монастыря, Люле-Бургаса и въ другихъ мѣстахъ послужили могилою для ихъ защитниковъ. Вѣдь тамъ буквально лежали цѣлыя шерени убитыхъ шрапнелью стрѣлковъ*.

«Но, господа, развѣ это ужъ такая большая заслуга артиллеріи—стрѣлять по ясно видимому окопу, причемъ каждое попаданіе снаряда выше или ниже окопа поддается наблюденію. Нужно цѣловать не орудія, а тѣ учебники фортификаціи, которые научили наши войска строить окопы на скатѣ. Въ томъ же Люле-Бургаскомъ бою, въ центрѣ позиціи наши войска не успѣли построить заранѣе окопы на скатахъ, а расположились прямо на гребняхъ, и уже затѣмъ копались. Мертвыхъ пространствъ при этомъ совсѣмъ не оказалось, такъ какъ подступы обстрѣливались перекрестнымъ огнемъ. Тамъ же, на высотахъ, покрытыхъ кустарникомъ, наши стрѣлки окопались и на наружныхъ скатахъ и были совершенно невидны болгарамъ. Что располагая окопы на гребнѣ можно достигнуть полного обстрѣла, это желающіе могутъ провѣрить на моей позиціи, между фортами Коялыкъ и Ташъ-Табія. Всѣ окопы у меня сдѣланы на гребнѣ, задняя стѣнка окоповъ срѣзана на нѣтъ, а для гарнизона

окоповъ сдѣланы пещернаго типа убѣжища. Хотѣлъ бы я посмотрѣть, какъ болгарская артиллерія задавить огонь моихъ окоповъ, растянутыхъ по всему промежутку и вполне невидимыхъ съ поля».

«Трусливая фортификація!» произнесъ Черкезь-паша.

«Это обвиненіе въ трусости раздается при каждомъ новомъ шагѣ впередъ, въ смыслѣ борьбы съ усовершенствованіемъ оружія», возразилъ Измаилъ-паша? «Развѣ не возставали въ свое время противъ разсыпного строя, противъ залеганія цѣпей и, наконецъ, противъ самоокапыванія? Развѣ можно назвать трусами болгаръ и сербовъ, а вѣдь они изъ-за лопаты убитаго товарища готовы были поссориться другъ съ другомъ? Вѣдь это только въ русской арміи для производства самоокапыванія необходимо разрѣшеніе командира полка. А что мы видѣли въ настоящей войнѣ? Каждый стрѣлокъ, каждая цѣпь немедленно выкапываетъ для себя закрытіе отъ огня противника. Нынѣшнее поле сраженія представляетъ изъ себя множество окопиковъ для стрѣлковъ; эти окопки, то соединены вмѣстѣ (въ отдѣленные или взводные окопы), то, по мѣрѣ приближенія къ позиціи атакующаго, все болѣе и болѣе разбрасываются и по фронту и въ глубину. Неужели трусъ можетъ выкопать подъ огнемъ цѣлый рядъ окопиковъ и, наконецъ, закопаться въ непосредственной близости къ позиціи? Вотъ эта способность—зацѣпляться за каждый пройденный впередъ кусочекъ мѣстности и составляетъ отличіе нашихъ нынѣшнихъ враговъ. Я былъ на позиціи у Карагача въ Люле-Бургаскомъ бою. Тамъ рота болгаръ прорвала нашу позицію и «вкопалась» на линіи окоповъ. Въ теченіе пяти дней шелъ бой изъ за этого участка. Но, вмѣсто роты, черезъ день уже вкопался цѣлый баталіонъ, а еще черезъ день, на протяженіи двухъ верстъ, по дугѣ, обращенной во внутрь нашей позиціи, появился стрѣлковый окопъ непріятеля. Всѣ наши попытки отбросить назадъ болгаръ окончились неудачно. Позиція была разорвана на двѣ части, и мы отступили къ Чаталджѣ. Повѣрьте, господа, что, при такомъ способѣ веденія атаки, даже современный огонь не спасетъ позиціи отъ прорыва. Могли ли мы предполагать, что внутри нашей позиціи появится опорный пунктъ непріятеля? И выбить оттуда болгаръ можно было только конною атакой, иначе говоря—отвѣтить маневромъ обороняющагося на маневръ атакующаго».

— Позвольте, генераль, и мнѣ сказать нѣсколько словъ по поводу возникшаго спора, произнесъ сидѣвшій въ сторонѣ полковникъ ге-

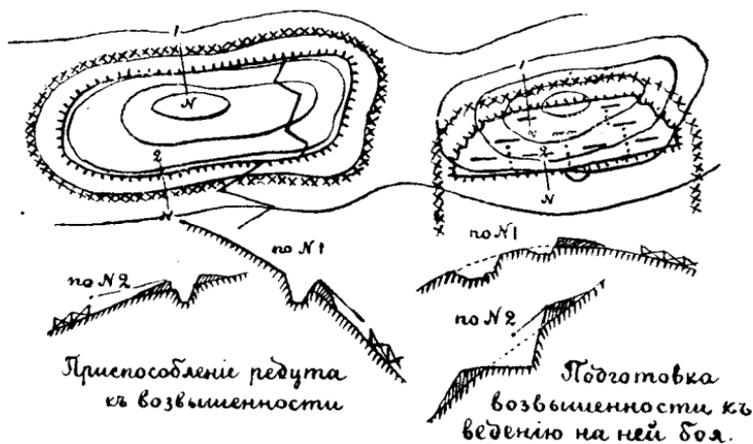
неральнаго штаба. Мнѣ кажется, что главная ошибка фортификаторовъ заключается въ томъ, что они рассчитываютъ одержать побѣду надъ атакующимъ *исключительно при помощи огня*. А между тѣмъ отбить атаку, не прибѣгая къ помощи маневра, можно только въ исключительныхъ случаяхъ. Сравните атакующаго и обороняющагося. Развѣ теперь они не одинаково борются другъ съ другомъ огнемъ изъ своихъ оконовъ? Но атакующій производитъ непрерывный маневръ, выражающійся въ приближеніи къ позиціи противника и въ накапливаніи, для производства штыкового удара. Видя появляющіеся, какъ грибы, окопы атакующаго, видя увеличивающіяся съ каждымъ часомъ силы непріятеля, у обороняющагося естественно появится потребность прибѣгнуть къ маневру, т.-е. усилить свои цѣпи и подтянуть къ обозначившемуся мѣсту штыкового удара свои резервы. И вотъ, въ возможности производить свой маневръ скрытно и неуязвимо отъ огня атаки, и заключается сила обороняющагося. Лишите его этого преимущества, и поражение обезпечено. Въ большинствѣ случаевъ окопъ, расположенный на скатѣ, не имѣетъ возможности отвѣчать маневромъ на накапливаніе противника, такъ какъ подвести людей сверху и съ фланговъ невозможно. Опять таки я оставляю въ сторонѣ тотъ частный случай, когда удастся заранѣе провести цѣлыя версты крытыхъ ходовъ сообщенія и снабдить окопы блиндажами и бойницами. Поэтому-то старая фортификація такъ и волнуется о всѣхъ мертвыхъ пространствахъ передъ фронтомъ позиціи. Въ учебникахъ всегда изображается профиль горы, имѣющей такъ называемый военный гребень, но въ жизни такихъ высотъ почти не встрѣчается. Либо совсѣмъ нѣтъ рѣзкихъ перегибовъ, и поверхность выпуклая, либо перегибовъ очень много. И значить, для борьбы съ мертвыми пространствами фронтальнымъ огнемъ, приходится либо спустить окопъ къ подножію горы, либо строить ярусы окоповъ по числу оказавшихся перегибовъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду еще слѣдующее основное различіе между окопами атаки и обороны. Каждый окопъ атакующаго вырывается для выполнения извѣстной огневой задачи и занимается этотъ окопъ только до тѣхъ поръ, пока онъ нуженъ. А затѣмъ занимается новая огневая позиція и о старой никто не вспоминаетъ.

Не то у обороны. Построивъ цѣлый рядъ огневыхъ позицій для обстрѣливанія атакующаго, буде онъ пойдетъ въ данномъ мѣстѣ, обороняющійся занимаетъ эти окопы гарнизонами и смотритъ на нихъ, какъ на нѣчто важное, что нельзя ни въ какомъ случаѣ от-

дать непріятелю. Мы здѣсь особенно ясно видимъ смѣшеніе — *цѣли боя* (разбить противника всѣми возможными къ тому средствами) съ однимъ изъ *средствъ* веденія боя (огневая позиція — окопъ). И этому частному средству боя придаемъ господствующее, даже рѣшающее значеніе. А между тѣмъ окопъ, какъ огневая позиція, имѣетъ значеніе только во время открытія изъ него огня; до и послѣ этого момента значеніе его равно нулю. Эта основная ошибка обороняющагося еще болѣе лишаетъ его возможности пользоваться маневромъ. Несмотря на то, что противника еще нѣтъ или у него незначительныя силы, оборона все таки занимаетъ свои окопы, имѣя цѣлью защищать ихъ до штыкового боя включительно. Вотъ это связываніе себя заранѣе по рукамъ и ногамъ и составляетъ главное отличіе укрѣпленной позиціи отъ неукрѣпленной. Отъ возможности найти для себя удобную огневую позицію, оборона лишается основного средства разбить противника — отвѣчать на маневръ маневромъ. Рельефиѣ всего это сказывается въ горахъ. Занимая какую либо высоту, мы сейчасъ же смѣшиваемъ цѣль со средствомъ. Вѣдь намъ нужно защищать до послѣдняго человѣка не подошву или скатъ горы, а исключительно гребень, такъ какъ только переходъ гребня въ руки непріятеля означаетъ наше пораженіе. А мы посадимъ стрѣлковъ у подошвы или на скатѣ горы, и — съ переходомъ окоповъ въ руки непріятеля — считаемъ себя побѣжденными! Да вѣдь изъ за гребня еще и боя не было! Да, не было и не будетъ, такъ какъ на гребнѣ не подготовлена позиція для веденія боя, хотя бы въ упоръ. А гарнизонъ даннаго участка позиціи будетъ либо перебитъ, либо такъ морально подавленъ, что не сможетъ зацѣпиться за гребень высоты. Въ бою на неукрѣпленной позиціи этого смѣшенія цѣли со средствомъ быть не можетъ, а потому, хотя и съ потерями и съ массой неудобствъ, но бой будетъ идти, только за обладаніе гребнемъ, а не подошвой горы. Приведу вамъ примѣръ изъ боя подъ Монастыремъ, на высотахъ Облаково. Вы всѣ отлично знаете, какимъ героическимъ духомъ были одушевлены сербы во время своихъ атакъ. По горло въ водѣ, подъ градомъ пуль, они перешли долину и заняли наши окопы у подошвы и на скатѣ горы. Защитники окоповъ пали смертью храбрыхъ или въ самихъ окопахъ, либо во время отступленія на верхъ горы. Но Джавидъ-паша подвелъ свѣжія войска и занялъ гребень Облаково. Цѣлый день и ночь пролежали сербы въ 30 шагахъ отъ гребня. Всѣ атаки ихъ были отбиты. И только прорывъ

въ долину, на правомъ флангѣ, заставилъ Джавидъ-пашу очистить Облаково и уйти изъ Монастыря. Этотъ бой, когда, со сравнительно малыми потерями, были захвачены окопы на скатѣ, а у самаго гребня пришлось остановиться, произвелъ очень сильное впечатлѣніе на сербовъ. И такъ, я формулирую свои положенія. Занимая какую либо позицію для обороны, необходимо прежде всего отыскать тѣ мѣста, изъ-за которыхъ придется вести бой до послѣдняго человѣка. Въ горахъ такими мѣстами являются вершины и гребни высотъ. Расположивши на этихъ мѣстахъ стрѣлковъ, сейчасъ же создайте себѣ закрытіе отъ огня противника. Отъ ружейныхъ пуль и шрапнели полевой артиллеріи достаточно глубокаго окопа, а отъ шрапнели гаубиць нужно сдѣлать легкіе ко-

Черт. № 4.

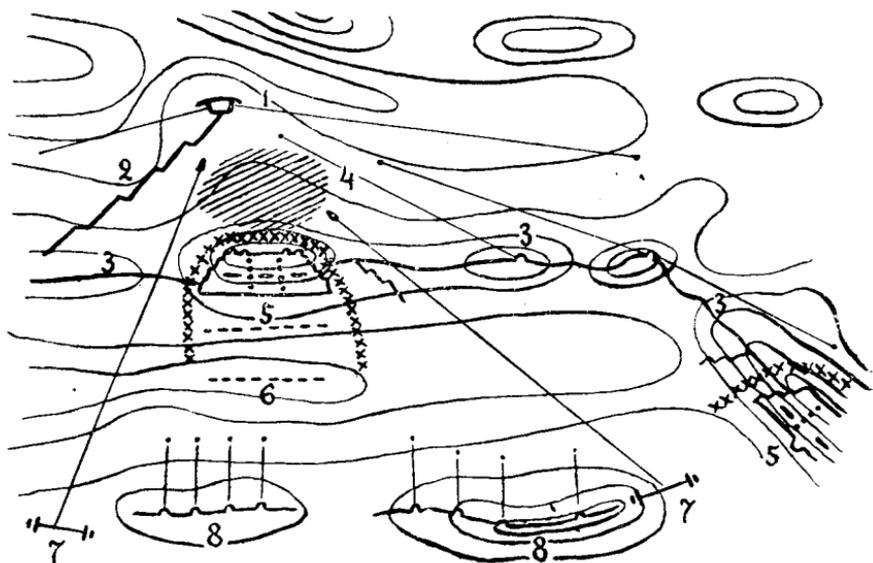

зырки. Для укрытія подведенныхъ резервовъ, если таковыя понадобятся по ходу боя, подготовьте отвѣсныя стѣнки на обратныхъ скатахъ горъ. Въ большинствѣ случаевъ обстрѣль изъ созданныхъ вами окоповъ будетъ только дальній, т. е. свыше 400 шаговъ, а впереди окопа, начиная съ 30—50 шаговъ, уже будутъ мертвыя пространства. Помня, что мертвымъ пространствомъ называется такое пространство, которое ни откуда не обстрѣливается, вы спуститесь подъ окопъ и посмотрите, не обстрѣливается ли данное пространство откуда нибудь сбоку дальнимъ огнемъ. Въ большинствѣ случаевъ такія мѣста окажутся либо справа, либо слѣва отъ окопа. Замѣйте ихъ. Тамъ во время боя нужно будетъ держать стрѣлковъ или пулеметы со специальной цѣлью—обстрѣливать данный участокъ мѣстно-

сти. Если вамъ будутъ говорить, что въ бою каждый стрѣлокъ поражаетъ только того непріятели, котораго видитъ вблизи передъ собой, то вы отвѣчайте: поэтому то я и располагаю флангирующія постройки такъ, что они видятъ только назначеннаго для нихъ непріятели. Тоже самое и непріятель: пока сидитъ въ мертвомъ пространствѣ, не видитъ расположеннаго надъ нимъ окна, но за то пулеметы или стрѣлки обороны, обстрѣливающіе его дальнимъ фланговымъ огнемъ, хотя и видны, но добраться до нихъ могутъ только сосѣди или спеціально посланные части. Конечно, упорно защищать позиціи, имѣющія только спеціальное назначеніе, не имѣетъ смысла. До штыка бой долженъ быть доведенъ только на тактическихъ «ключкахъ», выбранныхъ нами при занятіи позиціи. Но допустимъ, что имѣются такіе участки позиціи, которые либо вовсе не обстрѣливаются, либо не будутъ обстрѣливаться послѣ сбитія нашихъ стрѣлковъ съ флангирующіихъ позицій. Въ этихъ случаяхъ мы должны обратиться къ помощи артилеріи. Укажите ей данное мѣсто и скажите: здѣсь неизбѣжно будетъ произведено накапливаніе атакующаго, необходимо осыпать его шрапнелью. И повѣрьте, артилеристы выполнятъ свою задачу блестяще, пользуясь тѣмъ, что у нихъ батареи все равно уже расположены въ тылу на закрытыхъ позиціяхъ. Передвинуть же влѣво или вправо нѣсколько орудій для такой благодарной и спеціальной цѣли не составитъ труда. Но и этого мало. Зная, что все зло мертваго пространства заключается въ томъ, что атакующій тамъ произведетъ накапливаніе, т.-е. будетъ угрожать маневромъ, оборона должна со своей стороны тоже стянуть къ мѣсту будущаго штыковаго боя своихъ стрѣлковъ. Итакъ, мы знаемъ три средства борьбы съ мертвыми пространствами: 1) фланговый и перекрестный огонь стрѣлковъ и пулеметовъ; 2) шрапнельный огонь расположенныхъ сзади батарей и 3) отвѣтъ на накапливаніе атакующаго накапливаніемъ со своей стороны. Изъ этихъ способовъ борьбы только послѣдній примѣнимъ, какъ въ горахъ, такъ и на равнинѣ, какъ днемъ, такъ и ночью. Нужно помнить, что даже на открытомъ мѣстѣ окопавшіеся стрѣлки атаки создаютъ этимъ самымъ для себя какъ бы мертвое пространство и что однимъ огнемъ съ ними ничего не сдѣлаешь. Тоже самое и ночью, когда дальній обстрѣлъ становится невозможнымъ, приходится рассчитывать только на огонь въ упоръ и на штыковой бой. Вотъ почему, когда я слышу споры между защитниками и противниками окоповъ на склонахъ, я становлюсь всецѣло на ту сторону, которая даетъ возможность маневрировать

вать войсками также свободно, какъ и на неукрѣпленной позиціи. Но было бы ошибкой, имѣя время, имѣя материалъ, не устроить огневыхъ позицій и на скатѣ для обстрѣливанія противника дальнимъ огнемъ, если такового огня нельзя развить съ гребней. Разъ на скатѣ устраивается огневая позиція, то она только тогда выполнить свое назначеніе, если имѣть безопасную связь съ тыломъ. Быть можетъ эта позиція будетъ занята сотней стрѣлковъ, быть

Черт. № 5.

- 1) Капониръ на 2 пулемета; 2) ходъ сообщеній къ нему (1 верста длины)
 3) огневая позиція на промежуткѣ для пулеметовъ и стрѣлковъ; 4) зона мертвого пространства, поражаемаго шрапнельнымъ огнемъ специальныхъ орудій; 5) опорные пункты; 6) закрытія для стрѣлковъ при контръ-атакахъ; 7) специальныя батареи по пункту 4; 8) огневая позиція для обстрѣливанія непріятеля, занявшаго наши окопы и укрѣпленія.

можетъ тамъ будутъ только одни пулеметы, а быть можетъ не будетъ ни одного человѣка и ни одного пулемета. Но одно можно съ увѣренностью сказать, что до штыкового боя здѣсь не дойдетъ. Поэтому то каждая такая огневая позиція и требуетъ массы работы. Иногда для постановки двухъ пулеметовъ требуется сдѣлать одну версту ходовъ сообщенія.

Итакъ: сначала дѣлается ходъ сообщенія, а затѣмъ уже огневая позиція. Выполнить эту работу можно либо заранѣе, либо работая по ночамъ, либо примѣняя приемы постепенной атаки

съ ея сапами. На все это требуется очень много времени. Но, опять таки, будетъ большою ошибкой съ нашей стороны, если непріятелю удастся воспользоваться нашими огневыми позиціями, хотя бы какъ закрытіемъ отъ огня. Такъ какъ огонь съ такихъ позицій будетъ только дальній, то ихъ можно располагать вполнѣ независимо отъ ближайшихъ мертвыхъ пространствъ, а поэтому направленіе окоповъ и ходовъ сообщенія должно подчиняться продольному огню съ гребня позиціи. Я знаю, что въ Россіи былъ произведенъ маневръ съ боевой стрѣльбой для провѣрки сдѣланной позиціи. При этомъ цѣпи атакующаго нѣсколько разъ замѣнялись коробчатыми мишенями. Тамъ, къ концу маневра, начальникъ атаки категорически запретилъ своимъ частямъ залѣзать въ какую-либо фортификаціонную постройку обороны, зная навѣрное, что она является огневой ловушкой для его стрѣлковъ. Вотъ этимъ приѣмомъ мы и должны руководствоваться.

Теперь представьте себѣ, что по скату или у подошвы горы идетъ глубокая канава, могущая служить прекрасной огневой позиціей. Задача фортификаціи устроить связь между этой канавой и гребнемъ горы. Если этой связи сдѣлать нельзя, значитъ и канава не можетъ быть использована. Но, повторяю, будетъ преступленіемъ ввязываться изъ-за искусственной или естественной канавы въ штыковой бой.

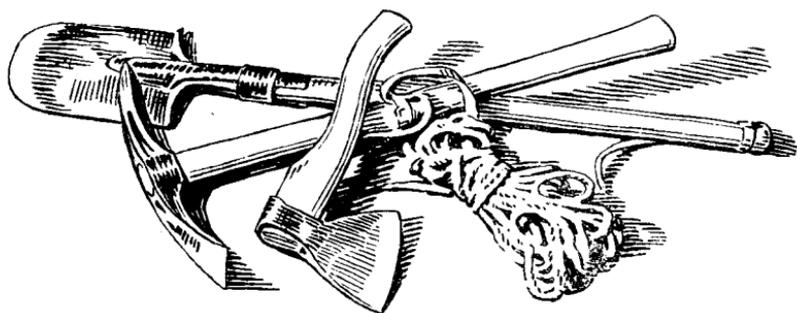
При защитѣ Тарабаша, наши окопы имѣли блиндированныя щели для стрѣлковъ и могли слѣдовательно вести огонь даже подъ шрапнелью. Но, когда черногорцы врываются въ наши окопы, они тамъ никого не находили, а сами сейчасъ же попадали подъ фланговый огонь со слѣдующей огневой позиціи. Къ великому негодованію черногорцевъ, имъ снова приходилось очищать только что захваченные окопы. Нечего и говорить, что для устройства подобныхъ позицій намъ понадобились бы, вѣроятно, цѣлыя недѣли. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда время измѣняется часами или днями, придется ограничиться подготовкой къ бою только гребней.

Между прочимъ, характерный эпизодъ произошелъ у болгаръ на ихъ позиціи на берегу Мраморнаго моря, у деревни Кумъ-Бургасъ. По верху плато у болгаръ шелъ сплошной окопъ съ обстрѣломъ свыше 150 шаговъ, а непосредственно подъ обрывистыми скатами имѣлись мертвыя пространства. Для обстрѣла ихъ старательные ротные командиры понастроили ярусы окоповъ. Наши войска подъ прикрытіемъ огня полевой артилеріи, поставленной на восемь пароходовъ, производили атаку этой позиціи. Огонь бол-

гарь все таки оказался настолько силенъ, что подойти къ ихъ позиціи днемъ ближе 800 шаговъ не удавалось. Ночью, съ криками «Алла!», «Алла!», наши бросились на штурмъ. Всѣ окопы, расположенные на скатѣ, мы заняли безъ боя, такъ какъ болгары ихъ не занимали; взять же верхній окопъ не удалось: бой тамъ шелъ на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ. На слѣдующую ночь мы, уже безъ всякихъ криковъ, подобрались къ позиціи болгаръ и бросились на штурмъ, имѣя ручныя гранаты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашимъ удалось ворваться на плато и занять участки верхняго окопа, но подошедшіе резервы болгаръ сбросили нашихъ внизъ.

Б. Жильцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вс.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ КАМПАНИИ ВЪ МАКЕДОНИИ.

Еще задолго до окончанія турецкой войны, между балканскими союзниками возникли тренія настолько серьезнаго свойства, что уже тогда можно было опасаться распадения союза и вооруженнаго столкновения между Болгаріей—съ одной стороны и Сербіей и Греціей—съ другой.

Сербская и греческая арміи, понесшія во время войны съ Турціей значительно меньшія потери людьми, чѣмъ болгарская, и успѣвшія отдохнуть за второй періодъ турецкой войны, находились въ несравненно болѣе выгодномъ состояніи.

Къ маю мѣсяцу онѣ вполне закончили свое сосредоточеніе, подготовили театръ войны въ инженерномъ отношеніи, обративъ особое вниманіе на улучшеніе путей сообщенія, и были готовы къ открытію военныхъ дѣйствій противъ болгаръ.

Болгарамъ оставалось отвѣтить только спѣшнымъ сосредоточеніемъ своихъ войскъ въ Македоніи и противъ старой сербской границы; однако, только послѣ заключенія мира съ Турціей, 18-го мая,

ство, что наступленіе, предпринятое 17-го іюня, ограничилось фронтомъ 4-й арміи, а другія арміи не приняли въ пемь никакого участія. Около 3-хъ часовъ утра 17-го іюня колонны 4-й арміи перешли (схема № 2) черезъ рр. Златановскую, Брегалницу и Лакавицу и атаковали сербскія позиціи. Въ теченіе дня Македонско-Одринское ополченіе, составлявшее правый флангъ арміи и направленное для овладѣнія линіей Султанъ-тепе—Парадла, успѣло взять только передовыя сербскія позиціи на линіи Китка—Дрѣнакъ—Емирица. 2-я бригада 4-й дивизіи овладѣла с. Добрево и лежащей нѣсколько западнѣе высотой 550. Двѣ бригады 7-й дивизіи заняли съ боя на правомъ флангѣ сс. Горній и Дольній Стуболь, а на лѣвомъ флангѣ Тахонъ. Далѣе къ югу, въ районѣ Штипа, части 8-й дивизіи продвинулись на правомъ берегу р. Брегалницы на линію Трогерци—Сушево—Богослово.

На лѣвофланговую дивизію 4-й арміи, 2-ю, была возложена задача сбить правый флангъ сербовъ и выйти на линію желѣзной дороги Салоники—Скопье. Къ выполненію поставленной задачи дивизія приступила весьма методично.

Двѣ ея бригады, 3-я и 1-я, вели выжидательный бой на р. Лакавицѣ, у Серка-планина, а 2-я бригада съ горной артилеріей была направлена отъ с. Трескавецъ черезъ с. Конче въ обходъ сербскихъ позицій за р. Лакавицей. Обходная колонна легко сбила слабыя части сербовъ и къ вечеру заняла с. Градецъ въ долиинѣ Вардара, лежащее у самой желѣзной дороги, которая на этомъ участкѣ проходитъ по лѣвому берегу рѣки. Повидимому, въ это же время 50-й пѣхотный полкъ, связывавшій 4-ю армію со 2-ю, занялъ ст. Удово.

Итогомъ наступленія 4-й арміи было овладѣніе частью передовыхъ позицій сербовъ и перерывъ желѣзнодорожнаго сообщенія на участкѣ Удово—Градецъ.

Между тѣмъ болгарское правительство, все еще не терявшее надежды на мирный исходъ сербско-болгарскаго спора и на русскій арбитражъ, узнавъ о наступленіи 4-й арміи, настаивало на немедленномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій. Приказаніе это было передано во всѣ дивизіи 4-й арміи, кромѣ 2-й, около 10 часовъ утра 18-го іюня. Но было уже поздно.

Съ утра 18-го іюня сербы повели значительными силами наступленіе, съ цѣлью отобрать назадъ потерянные наканунѣ пункты.

Всѣ парламентары, высланные болгарами, за исключеніемъ одного начальника штаба 2-й бригады 7-й дивизіи, были перебиты,

и 4-й арміи, уже начавшей, согласно полученнаго приказанія, отходить на первоначальныя свои позиціи, пришлось вступить въ бой съ насѣдавшими на нее сербами.

Къ вечеру 18-го іюня Македоно-Одринское ополченіе удержалось у высоты Китка, но потеряло с. Дрѣнакъ; 8-я дивизія безъ особаго труда и сравнительно спокойно оттянула свои выдвинутыя наканунѣ части назадъ за р. Брегалницу, но бывшія въ центрѣ двѣ бригады (7-й и 2-я бригада 4-й дивизіи) были отброшены въ безпорядкѣ и съ большими потерями за р. Златановскую.

Части 2-й дивизіи 18-го іюня продолжали удерживать сербовъ на фронтѣ р. Лаковицы, въ то время, какъ обходная колонна ея, двигаясь вверхъ по Вардару, дошла до с. Карешница.

19-го іюня 2-я бригада 2-й дивизіи, продолжая свое движеніе къ сѣверу, около 10-ти часовъ утра завязала бой съ правымъ флангомъ сербской Тимокской дивизіи 2-го призыва, расположенной между Серка-планина и ст. Криволакъ. Въ то же время 1-я бригада 2-й дивизіи перешла въ энергичное наступленіе къ Криволаку отъ Серка-планина. 3-я бригада въ наступленіи не участвовала и оставалась на мѣстѣ, поддерживая связь съ 8-й дивизіей у Штипа.

Въ 5½ часовъ дня 1-я и 2-я бригады повели рѣшительное наступленіе на сербскія позиціи лѣваго берега Вардара и къ 12 часамъ ночи послѣ горячаго боя овладѣли частью ихъ. Тимокская дивизія, припертая къ рѣкѣ и обойденная съ обохъ фланговъ, была совершенно отрѣзана отъ остальной массы сербской арміи.

20-го іюня болгары продолжали стягивать обручъ, охватывавшій Тимокскую дивизію, и къ ночи атаковали второй рядъ сербскихъ укрѣпленныхъ позицій.

Бой длился всю ночь и окончился лишь къ 3-мъ часамъ дня 21-го іюня. Результатомъ его былъ полный разгромъ Тимокской дивизіи; въ руки болгаръ попало 4 тысячи плѣнныхъ и до 30 орудій.

Однако, успѣхъ болгаръ при Криволакѣ являлся лишь частнымъ успѣхомъ, не повліявшимъ на ходъ операцій и не измѣнявшимъ общаго положенія дѣлъ на фронтѣ 4-й арміи.

Сербы не ограничились обратнымъ занятіемъ утерянныхъ первоначально позицій, но, начиная съ 19-го іюня, сами атаковали позиціи болгаръ за рр. Златановской и Брегалницей. Рѣшительнаго успѣха они не имѣли, но тѣмъ не менѣе нѣкоторые пункты болгарскихъ позицій перешли въ ихъ руки.

На правомъ флангѣ 4-й арміи Македоно-Одринское ополченіе,

упорно оборонявшее высоту Китка, къ 4-мъ часамъ дня 19-го іюня должно было очистить ее, несмотря на поддержку присланнаго изъ сосѣдней 5-й арміи 19-го пѣхотнаго полка.

Въ центрѣ потрепанная уже двѣ бригады 7-й и 2-я бригада 4-й дивизіи принуждены были отступать подъ натискомъ сербовъ, и уже 21-го іюня послѣдніе заняли весьма важную позицію у с. Ройчани и высоты 650.

Положеніе на этомъ участкѣ стало настолько серьезнымъ, что сюда была выслана изъ резерва главнокомандующаго 1-я бригада 6-й дивизіи (3-й и 36-й полки).

Въ направленіи Штипа 8-я дивизіи отбила всѣ атаки сербовъ. Южнѣе же, 3-я бригада 2-й дивизіи должна была быть подкрѣплена 49-мъ пѣхотнымъ полкомъ. Въ общемъ, до вечера 22-го іюня, положеніе на фронтѣ 4-й арміи было неопредѣленнымъ, но къ этому времени операціи противъ грековъ приняли для болгаръ столь неблагоприятный оборотъ, что успѣхъ рѣшительно склонился на сторону союзниковъ.

Для дѣйствій противъ грековъ, какъ сказано выше, была назначена 2-я армія (генерала Иванова) въ составѣ 56 баталіоновъ. 13 эскадроновъ: 48 скорострѣльныхъ и 70—80 нескорострѣльныхъ орудій.

При этомъ необходимо отмѣтить, что изъ числа этихъ 56 баталіоновъ часть была выдѣлена для содѣйствія 4-й арміи въ операціяхъ противъ сербовъ, а другая часть должна была охранять побережье и не могла принять прямого участія въ операціяхъ противъ грековъ. Наконецъ, Серская и Драмская бригады, сформированныя въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, были скорѣе милиціей, чѣмъ регулярными частями, и не могли имѣть большой боевой цѣнности.

Такимъ образомъ, противъ всей греческой арміи болгары выставили, въ сущности, около 20—25 баталіоновъ хорошихъ войскъ, т.-е. менѣе 30 тысячъ штыковъ, разбросанныхъ на фронтѣ въ 70 километровъ.

Къ открытію военныхъ дѣйствій 2-я армія занимала слѣдующее расположеніе.

На правомъ флангѣ, между городами Дойранъ и Гевгели, имѣя передовыя части на линіи Калиново—Богданци, находилась 3-я бригада 3-й дивизіи—6 баталіоновъ²⁾ и 36 нескорострѣльныхъ орудій.

2-я бригада 3-й дивизіи—8 баталіоновъ—находилась у станціи Кукушъ, выдвинувъ передовыя части къ станціи Салманово.

²⁾ Два остальныхъ баталіона, повидимому, были оставлены въ тылу арміи.

Далѣе на востокъ, на шоссе Сересь-Салопики, на правомъ берегу р. Струмы была расположена 1-я бригада 10-й дивизіи, усиленная 70-мъ пѣхотнымъ полкомъ=12 баталіоновъ.

На лѣвомъ берегу Струмы, въ районѣ Волочиста—Правишта и далѣе до Кавалы включительно, были расположены три полка 11-й дивизіи и дополняющій полкъ 7-й дивизіи—16 баталіоновъ.

Въ распоряженіи командующаго арміей оставалась Серская бригада и 69-й полкъ Драмской бригады=12 баталіоновъ.

1 баталіонъ 14-го полка оставался въ Салоникахъ. Задача 2-й арміи, повидимому, заключалась въ содѣйствіи удару 4-й арміи на правый флангъ сербовъ, удерживая одновременно греческое наступленіе.

17-го іюня всѣ части 2-й арміи держались оборонительно. Греки, узнавъ о началѣ всенныхъ дѣйствіи на сербскомъ фронтѣ, атаковали части 11-й дивизіи у с. Тойла, при с. Шемалтось и при Тузла-чифликъ.

Однако, части 11-й дивизіи сами перешли въ наступленіе и продвинулись до Лефтеры, Чайязы и Кале-чифликъ, заставивъ грековъ отступить за Струму.

На всемъ остальномъ фронтѣ 2-й арміи день прошелъ спокойно.

Вечеромъ греки напали на оставленный въ Салоникахъ 1 баталіонъ 14-го полка и, послѣ длившагося всю ночь боя на улицахъ и въ домахъ, вынудили остатки этого баталіона сдаться.

На 18-е іюня генераль Ивановъ приказалъ 3-й бригадѣ 3-й дивизіи взять гор. Гевгели, занятый 2-мя сербскими баталіонами; 2-й бригадѣ 3-й дивизіи у Кукуша и Салманова держаться оборонительно, а бригадѣ 10-й дивизіи и частямъ 11-й дивизіи продвигнуться впередъ и отвлечь на себя возможно значительныя силы грековъ.

Передовыя части 3-й бригады 3-й дивизіи въ 7 ч. утра завязали перестрѣлку съ сербами восточнѣе села Богородица. Въ скоромъ времени сербы отошли на укрѣпленную позицію между с. Богородица и р. Вардаръ. Атака болгаръ на эту позицію была успѣшна и послѣ полудня они принудили противника отойти за рѣку. Въ 4½ ч. дня болгарская пѣхота перешла подъ непріятельскимъ огнемъ р. Вардаръ, сбила сербовъ съ позицій на высотахъ праваго берега и заняла городъ Гевгели.

Въ это время на лѣвомъ флангѣ 2-й арміи 11-я дивизія выдвинула передозыя части на правый берегъ нижней Струмы, но, вообще, дѣйствовала вяло, точно такъ же, какъ и 1-я бригада 10-й

дивизіи, съ 70-мъ полкомъ (полковникъ Петевъ), не двинувшаяся отъ Нѣгована. Греки же въ весьма значительныхъ силахъ (4 дивизіи) перешли въ наступленіе на Салманово и легко сбили авангардъ 2-й бригады 3-й дивизіи, отошедшій на главныя силы бригады къ Кукушу.

19-го іюня греки продолжали наступленіе уже по всему фронту, какъ противъ позицій у Кукуша, такъ и въ направленіи Сересскаго шоссе у Нѣгована и Лакны. Главныя ихъ усилія были направлены въ охватъ праваго фланга Кукушскихъ позицій, но, несмотря на большое превосходство силъ, имъ не удалось добиться въ этотъ день значительнаго успѣха.

20-го іюня усилія грековъ продолжались въ прежнемъ направленіи, почему—для облегченія тяжелаго положенія 2-й бригады 3-й дивизіи—генераль Ивановъ былъ вынужденъ заполнить промежутокъ между ней и отрядомъ полковника Петева Серской бригадой и 69-мъ полкомъ. Отрядъ полковника Петева въ этотъ день серьезнаго боя не велъ.

Съ утра 21-го іюня возобновились греческія атаки. Въ этотъ день наступленіе грековъ противъ 1-й бригады 10-й дивизіи носило болѣе серьезный характеръ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ этой бригады началась паника, и она отступила въ полномъ безпорядкѣ, потерявъ 10 орудій. Драмская и Серская бригады тоже не оказались достаточно стойкими и тоже отошли.

Только на правомъ флангѣ, передъ Кукушемъ, полки 29-й пѣхотный Ямбольскій и 32-й Загорскій отбивали одну за другой греческія атаки, хотя противъ ихъ 8 баталіоновъ было направлено 3 греческихъ дивизіи. На этомъ участкѣ грекамъ такъ и не удалось добиться успѣха, но—вслѣдствіе отхода всѣхъ остальныхъ войскъ—командующій 2-й арміей былъ вынужденъ отдать приказъ объ отступленіи и этимъ двумъ полкамъ.

2-я армія отходила по слѣдующимъ направленіямъ. 11-я дивизія оттянулась за Струму, отрядъ полковника Петева и Серская бригада отступили на линію Сересь—Демиръ Хиссаръ и 2-я бригада 2-й дивизіи—на Горній и Дольній Порой.

Многія части 2-й арміи были деморализованы, а 2-я бригада 3-й дивизіи понесла огромныя потери.

Это дѣлало невозможнымъ для 2-й арміи задержать дальнѣйшее греческое наступленіе, которое начинало угрожать сообщеніямъ 4-й арміи по долину Струмицы на Петричь и Крѣсенское дефиле. Поэтому новый помощникъ главнокомандующаго, смѣ-

нившій генерала Савова, генераль Радко-Димитріевъ рѣшился оттянуть лѣвый флангъ и центръ 4-й арміи къ границѣ, на линію Царево-Село—Сива-Кобила—высота 1900. Отступленіе началось 23-го іюня, причѣмъ арьергардамъ пришлось сдерживать сильный напоръ сербовъ.

Центръ 4-й арміи, 2 бригады 7-й дивизіи и 2-я бригада 4-й дивизіи, уже 23-го іюня отошелъ за Кочане, а самый этотъ городъ былъ занятъ сербами, и центру 4-й арміи угрожалъ прорывъ, который поставилъ бы въ крайне опасное положеніе лѣвый флангъ арміи, 8-ю и 2-ю дивизіи, бывшія еще въ окрестностяхъ Штипа.

Однако сербы не сумѣли развить своего успѣха, и полкамъ 7-й и 4-й дивизій, подкрѣпленнымъ 24-мъ полкомъ, удалось удержаться сѣверо-восточнѣе Кочане, благодаря чему и отходъ лѣваго фланга прошелъ благополучно.

2-я и 8-я дивизіи, 1-я бригада 6-й дивизіи, и 49-й полкъ 24-го и 25-го іюня отошли на линію въ Чаталь—Плачковица-планина, гдѣ ихъ положеніе перестало быть опаснымъ; на слѣдующій день они продолжали отступленіе на сѣверо-востокъ.

При отступательномъ маршѣ 4-й арміи наиболѣе труднымъ было положеніе артилеріи и обозовъ: ихъ пришлось направить по единственному удобопроходимому пути на Струмицу—Петричъ—Крѣсенское дефиле—Джумаѣ. Однако, благодаря вялому наступленію грековъ, какъ будетъ видно дальше, всей артилеріи и обозамъ, кромѣ 18 орудій и около 500 повозокъ, удалось благополучно отойти къ Джумаѣ.

Къ 28-му іюня 4-я армія остановилась на новыхъ позиціяхъ, имѣя на правомъ флангѣ попрежнему Македоно-Одринское ополченіе, которое всѣ эти дни вело ожесточенные бои въ окрестностяхъ Султанъ-тепе и 26-го іюня вернуло высоту Китку; 2 бригады 7-й дивизіи и 2-я бригада 4-й дивизіи удерживались на линіи Цера—Каменица—Калиманица—дорога въ Царево-Село; 3-я бригада 7-й дивизіи на линіи Чука-Голакъ—Чавка и 2-я дивизіи—у Тробатовище. 8-я дивизіи была оттянута назадъ и составила армейскій резервъ у Сива-Кобила. Въ общемъ, 4-я армія, хотя и понесла большія потери и была сильно утомлена, по своей боеспособности не потеряла.

Сравнительно счастливымъ исходомъ своего отступленія 4-я армія была въ значительной степени обязана въ высшей степени доблестной оборонѣ нѣкоторыхъ частей 2-й арміи.

Какъ было описано выше, вечеромъ 21-го іюня 2-я армія на-

чала отходить на линію Сересъ—Демиръ Хиссаръ—Порою. Отходъ въ этомъ направленіи оставлялъ открытой для греческаго наступленія дорогу Дойранъ—Струмица, выводившую на сообщенія 4-й арміи. Прикрытъ это направленіе было дѣломъ настоятельной необходимости, и командующій 2-й арміей приказалъ 3-й бригадѣ 3-й дивизіи (полковникъ Каварналіевъ), занимавшей Гевгели, перейти 22-го іюня въ наступленіе на юго-востокъ, занять высоту Хиссаръ и удерживаться впереди Дойрана.

Полковникъ Каварналіевъ, притянувъ отъ станціи Удово 2 баталіона 50-го полка, занялъ около полудня высоту Хисаръ и встрѣтилъ наступленіе грековъ, оставившихъ почти безъ преслѣдованія части 2-й арміи, отходившія за Струму и къ Порою, и направившихъ свои главныя силы, 4 дивизіи, на Дойранъ. Несмотря на несоразмѣрность въ силахъ, 7 баталіоновъ полковника Каварналіева успѣли сдержать напоръ грековъ въ теченіе дня 22-го іюня. Въ ночь же на 23-е іюня сюда была направлена данная въ распоряженіе командующаго 2-й арміей 2-я бригада 6-й дивизіи (15-й Ломскій и 35-й Вратчанскій полки). Бригада шла всю ночь и, послѣ утомительнаго перехода по горамъ, прибыла на поле сраженія къ 6 ч. утра 23-го іюня, когда греки возобновили свои атаки на отрядъ полковника Каварналіева.

Командованіе всѣми болгарскими наличными войсками принялъ начальникъ 6-й дивизіи генералъ Теневъ.

Съ прибытіемъ 6-й дивизіи расположеніе болгаръ стало слѣдующимъ (схема № 3).

На лѣвомъ участкѣ полковника Каварналіева 1 баталіонъ 50-го полка оборонялъ станцію Дойранъ, 5 баталіоновъ 41-го и 42-го полковъ занимали высоты южнѣе станціи до высоты Хисаръ, включительно; наконецъ 2 баталіона 35-го полка занимали села Ратирци и Долня-Махла. На правомъ участкѣ полковника Пакова 2 баталіона 35-го полка и 3 баталіона 15-го полка развернулись на фронтѣ Долня-Махла—Реселія.

Въ резервъ у генерала Тенева не было ничего. Въ тылу 1 баталіонъ 50-го полка былъ оставленъ на станціи Удово, 1 баталіонъ 15-го полка противъ Гевгели и 1 бат. 50-го полка на сѣверномъ берегу Дойранскаго озера.

Такимъ образомъ, собственно на полѣ сраженія подъ Дойраномъ, противъ 4 греческихъ дивизій, наступавшихъ въ этомъ направленіи, 23-го іюня у болгаръ имѣлось всего 13 баталіо-

Главная атака грековъ была направлена на станцію Доїранъ и высоту Хисаръ.

Около 11 ч. утра былъ тяжело раненъ полковникъ Каварналиевъ (умеръ отъ ранъ); положеніе лѣваго участка стало тяжелымъ. Тѣмъ не менѣе войска участка держались до 5 ч. дня, когда греки сосредоточили огонь 18 батарей по станціи Доїранъ. Занимавшій станцію баталіонъ 50 го полка не выдержалъ и сталъ отступать, что повлекло за собой отходъ всего лѣваго участка. Отошедшимъ войскамъ удалось удержаться лишь сѣвернѣе города Доїранъ на высотѣ с. Воловецъ, гдѣ они и остановили грековъ.

Между тѣмъ на правомъ болгарскомъ флангѣ бой развивался удачно для болгаръ, и послѣ полудня они перешли въ наступленіе. Наступающія части уже достигли линіи желѣзной дороги на участкѣ сѣвернѣе Арджанскаго озера, когда узнали объ отходѣ лѣваго фланга: пришлось отступать. Несмотря на крайне тяжелыя условія, въ которыхъ происходило отступленіе (къ этому времени греческія передовыя части стали переходить Вардаръ противъ с. Мачукова), болгарамъ, двигавшимся всю ночь черезъ Богородицу и Богданци, удалось на разсвѣтѣ 24-го іюня присоединиться къ войскамъ лѣваго фланга.

Въ 6 ч. утра 24-го іюня отрядъ генерала Тенева началъ отступленіе на сѣверъ по Струмицкому шоссе. Когда колонна миновала р. Козлу-дере и поднималась на высоты праваго ея берега, съ юга въ оврагъ начали спускаться головныя части грековъ и ихъ артиллерія открыла огонь.

Отрядъ генерала Тенева вынужденъ былъ остановиться и принять новый неравный бой. Всѣ греческія атаки были отбиты, и генералъ Теневъ предполагалъ на слѣдующій день сравнительно спокойно продолжать отступленіе, когда въ 12 ч. ночи командующій 2-й арміей приказалъ по телефону продержаться у Козлу-дере во что бы то ни стало еще 24 часа, чтобы дать время отойти тяжелой артиллеріи 4-й арміи. Пришлось продолжать бой.

25-го іюня съ утра греки возобновили свои атаки, стараясь охватить лѣвый флангъ генерала Тенева черезъ села Кыяли и Орманли. Однако, какъ и наканунѣ, они были отбиты.

Между тѣмъ, послѣ полудня, резервы болгаръ уже были совершенно израсходованы и для противодѣйствія новой атакѣ противника на центръ, вдоль шоссе, генералъ Теневъ выдвинулъ три скорострѣльныхъ батареи безъ всякаго прикрытія. Наступленіе грековъ было временно остановлено, но около 8 ч. вечера новой атакой они завладѣли этими тремя батареями.

Для отбитія орудій былъ пущенъ въ контръ-атаку послѣдній резервъ—знаменныя роты Ломскаго и Вратчанскаго полковъ. Ударомъ въ штыки онѣ отобрали батарею, но за недостаткомъ лошадей удалось вывезти только 7 орудій; остальные же 5, въ томъ числѣ одно подбитое, пришлось бросить.

Это было послѣднее усиліе болгаръ, но оно заставило грековъ прекратить наступленіе, и требуемые 24 часа были выиграны.

Выступивъ въ 12 ч. ночи на 26-е іюня, отрядъ генерала Тенева спокойно отошелъ черезъ Струмицу на Хамзали, откуда начинается горная тропа на Пехчево; здѣсь къ нему присоединилась 1-я бригада 6-й дивизіи. Къ этому времени артиллерія и обозы 4-й арміи еще не кончили проходить отъ Струмицы на Петричь и подвергались опасности быть захваченными, почему—по направленію къ Струмицѣ—было выдвинуто 9 ротъ 3-го Бдинскаго полка. День 26-го іюня прошелъ для отряда генерала Тенева сравнительно спокойно; далѣе же на востокъ у Горняго Пороя греки атаквали остатки 2-й бригады 3-й дивизіи и принудили ее отойти на Петричь.

27-го іюня греки, овладѣвшіе накануне проходами черезъ Бѣласицу (въ силахъ около 2 дивизій), стали спускаться въ долину Струмицы и атаквали роты Бдинскаго полка, которыя и были почти уничтожены. Послѣ этого имъ удалось захватить хвостъ обозовъ и артиллеріи 4-й арміи, причемъ въ ихъ руки попало 18 орудій и около 500 повозокъ.

Однако, вслѣдъ за этимъ греки или отошли назадъ въ проходы Бѣласицы или прошли въ Рунельское дефиле; по крайней мѣрѣ на слѣдующій день долины Струмицы и Струмы были свободны, и нѣсколько отставшихъ повозокъ обозовъ 4-й арміи свободно прошли 28-го іюня черезъ Петричь и Крѣсенское дефиле.

Между тѣмъ отрядъ генерала Тенева, къ которому присоединилась еще шедшая за обозами сводная бригада полковника Паскалева (11-й и 51-й полки), 27-го іюня отошелъ черезъ горы къ Пехчеву, оставивъ арьергардъ на Драголева-планина.

28-го іюня 2-я армія заняла слѣдующее расположеніе:

На правомъ флангѣ 6-я дивизія съ остатками 3-й бригады 3-й дивизіи и бригадой полковника Паскалева заняли линію Біязъ-тепе—Пехчево—высота Джама, поддерживая связь съ 4-й арміей и имѣя передовыя части на линіи Гарвань-планина—высота Марось. Въ центрѣ 2-я бригада 3-й дивизіи и 1-я бригада 10-й дивизіи занимали высоты Крѣсенскаго дефиле, а дальше къ Драмѣ—пере-

Въ долинь р. Месты за эти дни они заняли Неврокопъ, Банско и Разлогу (Макомія); части же 11-й дивизіи, Серской и Драмской бригады отошли къ с. Якуруда и выс. Харманларъ.

10-го и 11-го іюля продолжались бои на лѣвомъ берегу Струмы, и остатки 29-го и 32-го полковъ отошли на линію Махала-Огнаръ — Бакыръ-тепе.

12-го іюля началась атака грековъ и на эти позиціи; положеніе оборонявшей ихъ горсти болгаръ становилось крайне тяжелымъ, когда подошли первыя подкрѣпленія—4 баталіона 1-го и 6-го полковъ. 2 баталіона 1-го Софійскаго полка въ развернутомъ строю, съ пѣніемъ болгарскаго гимна «Шуми Марица», атаковали противника у Махала-Огнаръ и отбросили его назадъ. Греческое наступленіе замерло.

Повидимому, греческая армія была утомлена настолько, что для нея необходимъ былъ нѣкоторый перерывъ. Поэтому она временно отказалась отъ дальнѣйшаго наступленія, и 13-го, 14-го и 15-го іюля вновь наступило затишье.

За это время къ болгарамъ подошла значительная часть 1-й арміи, и командованіе 2-й арміей принялъ генераль Кутинчевъ; къ вечеру 15-го положеніе болгаръ было таково.

Въ долинь Месты у Якуруды и Харманлара собрались части 11-й дивизіи, Серской и Драмской бригады; сюда же было направлено 8 баталіоновъ 9-й дивизіи. Командованіе надъ всѣми этими войсками было поручено генералу Сиракову. На лѣвомъ берегу Струмы у Бакыръ-тепе и на высотахъ Арисваница находились 29-й и 32-й полки, части 1-го и 6-го полковъ. На правомъ берегу Струмы остатки 16-го, 25-го, 41-го, 42-го и 50-го полковъ занимали линію Махала-Пресова—высота Краставъ. 6-я дивизія занимала высоту 1490, 2-я дивизія—с. Трабатѳвище, бригада полковника Паскалева—в. Чавка. Въ резервъ у Джумаи были 63-й и 64-й полки.

16-го іюля обѣ стороны перешли въ наступленіе.

Въ долинь Месты генераль Сираковъ совершенно разбилъ грековъ, гналъ ихъ до Неврокопа и занялъ этотъ пунктъ.

Въ долинь Струмы греки, наступая по обѣимъ берегамъ рѣки, атаковали Джумаю силами около 2 дивизій. Нѣкоторыя болгарскія части не выдержали и отступили въ беспорядкѣ, такъ что собрать ихъ удалось только у Баракова. Греки заняли Болгарское Габрово.

Тогда на позиціяхъ у Джумаи была выставлена вся свободная артилерія 2-й арміи, которая до сего времени не могла дѣйстви-

вать въ горахъ, и ея огонь остановилъ дальнѣйшее наступленіе грековъ; это возстановило бой въ центрѣ.

На правомъ флангѣ 6-я дивизія была двинута въ атаку на высоту Руйень, а бригада 2-й дивизіи на высоту Занога. Атака 6-й дивизіи была неудачна. Подойдя къ почти отвѣснымъ скатамъ Руйена, солдаты откровенно заявили, что у нихъ «кракя не ворвать» (ноги не ходять). Руйень остался въ рукахъ грековъ.

Но зато подъ натискомъ 27-го полка имъ пришлось очистить высоту Занога, которая и была ночью занята болгарами. Подступы къ высотѣ Біязъ-тепе тоже перешли въ руки болгаръ.

17-го іюля генераль Сираковъ продвинулся южнѣ Неврокопа.

6-я дивизія овладѣла подступами къ высотѣ Руйень; 2-я дивизія взяла Біязъ-тепе, Пехчево, Берово, высоту Панорица и подступы къ высотамъ Кавица и 1900. Въ то же время смѣшанныя части 3-й, 10-й и 1-й дивизій, 63-й и 64-й полки перешли въ наступленіе отъ Джумаи и овладѣли Болгарскимъ Габровымъ на правомъ берегу Струмы и оврагомъ р. Осеново на лѣвомъ. Четыре греческихъ дивизіи были отброшены къ юго-западу на 2-ю и 6-ю дивизію.

Въ случаѣ дальнѣйшаго успѣха болгаръ положеніе грековъ съ однимъ путемъ отступленія, обстрѣливающимся не только артиллерійскимъ, но и ружейнымъ огнемъ, легко могло стать критическимъ.

Весьма возможно, что, продолживъ свое наступленіе и 18-го іюля, болгары могли уничтожить и захватить часть греческой арміи, отомстивъ такимъ образомъ грекамъ за ихъ прежніе успѣхи, купленные дешевой цѣной. Несомнѣнно, что тогда грекамъ пришлось бы быть болѣе умѣренными въ своихъ требованіяхъ на Бухарестской конференціи. Къ несчастію для болгаръ, конференція эта уже 17-го іюля рѣшила заключить (съ 1 ч. дня 18-го іюля) перемиріе

Въ 6 ч. утра 18-го іюля на болгарскіе посты поспѣшили явиться греческіе парламентары, и военныя дѣйствія были пріостановлены въ ту минуту, когда, наконецъ, на греческомъ фронтѣ военное счастье стало улыбаться болгарамъ и склоняться на ихъ сторону.

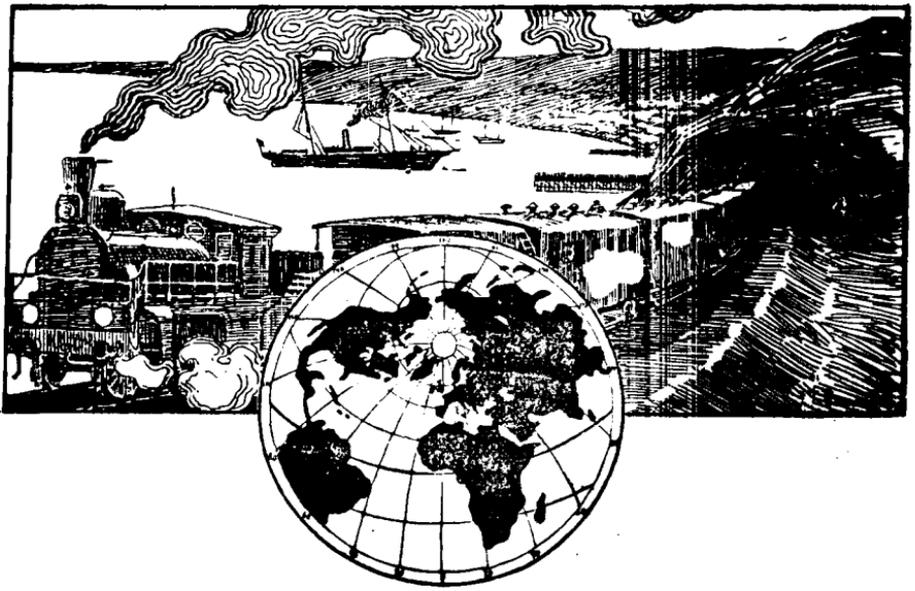
Во всякомъ случаѣ, даже тѣ отрывочныя свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій, которыя позволили составить настоящій очеркъ, говорятъ о высокой доблести болгарскаго солдата, и арьергардные бои бригадъ 3-й и 6-й дивизій со всей греческой арміей несомнѣнно должны украсить страницы военной исторіи молодой, но доблестной и близкой намъ по духу болгарской арміи.

Причины, заставившія Болгарію пойти на Бухарестскій миръ, нужно, конечно, искать не въ отсутствіи доблести у болгарскаго солдата, а въ томъ критическомъ положеніи, въ которомъ оказалась Болгарія съ минуты выступленія на сцену Румыніи, а также въ грубыхъ ошибкахъ главной квартиры, не обезпечившей надежно свой лѣвый флангъ со стороны Греціи.

Заканчивая настоящій краткій очеркъ, нельзя не признать, что болгарская и сербская арміи дали много доказательствъ высокаго воинскаго духа, живущаго въ ихъ рядахъ, о чемъ свидѣтельствуешь цѣлый рядъ штыковыхъ атакъ, предпринятыхъ обѣими сторонами. Русская армія съ болью въ сердцѣ слѣдила за борьбой двухъ братскихъ народовъ, освобожденныхъ кровью ея дѣдовъ и отцовъ. Нелицепріятная исторія несомнѣнно выяснитъ непосредственныхъ виновниковъ и зачинщиковъ этой братоубійственной войны, которой закончился недолгій болгарско-сербскій союзъ, казалось сулившій обоимъ славянскимъ государствамъ блестящее будущее. Мы же пока можемъ только пожелать болгарамъ и сербамъ скорѣе залечить свои раны и выразить надежду, что рано или поздно, забывъ старыя распри и обиды, они, наконецъ, поймутъ, что, только идя рука объ руку, они перестанутъ быть игрушками въ рукахъ враговъ славянства и смогутъ осуществить свои національные идеалы.

Р. У.

Гиссарскій край.

(Очерки горной Бухары).

(Окончаніе) ¹⁾.

гонь костра, разложеннаго среди сада, освѣщаль большое пространство, за которымъ темнота, казалось, сгустилась еще больше. Шипя и загораясь на угольяхъ, капало въ огонь баранье сало жарившагося на шампурахъ пашлыкя, около котораго хлопоталъ Ахметъ, раздувая огонь широкимъ вѣромъ, сплетеннымъ изъ камыша. Постоянное пребываніе на людяхъ, слѣдящихъ за каждымъ шагомъ глазами преданной собаки, до-нельзя утомляло; какъ-то невольно захотѣлось побыть одному у себя въ четырехъ стѣнахъ, внѣ наблюденія окружающихъ. Я уже подумывалъ приказать перенести свои вещи въ одно изъ помѣщеній сакли, какъ гдѣ-то вдали послышались голоса, сопровождаемые топотомъ конныхъ быстро идущихъ иноходью лошадей.

— Урусъ ѣдетъ, тюра, кивнулъ головою хозяинъ, сидѣвшій около костра и внимательно, не мигая, наблюдавшій за каждымъ моимъ движеніемъ.

Мечта остаться одному исчезла, и я уже обрадовался возмож-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 9.

ности повидать русскаго путника, волею судьбы и начальства заброшеннаго въ эту безпросвѣтную глушь Гиссарскаго края.

— Какой урусь, куда онъ ѣдетъ?

— Не знаю, тюра, полканъ-урусь два дня пріѣхалъ. Днем спать, ночью въ трубу смотреть, звѣзды считаетъ, сколько ихъ есть на небѣ.

Заинтересовавшись таинственнымъ звѣздохетомъ, я съ нетерпѣніемъ сталъ всматриваться въ темноту. Лай собакъ, съ ожесточеніемъ бросившихся на проѣзжавшихъ, звонко разносился по окрестностямъ. Нѣсколько мягкихъ гортанныхъ голосовъ какъ будто служили акомпаниментомъ внушительному командирскому баритону, что-то говорившему. Еще нѣсколько минутъ и на краю освѣщеннаго пространства остановилась группа конныхъ, среди которыхъ виднѣлась внушительная фигура старика полковника З., извѣстнаго астронома и геодезиста. Расправляя свои длинные сѣдые усы, онъ всматривался въ открывавшуюся передъ нимъ картину, видимо не узнавая меня.

— Кто здѣсь пріѣхалъ? сердитымъ тономъ уставшаго человѣка спросилъ онъ.

— Полковникъ изъ Сарая, предупредительно подскочилъ къ нему джигить.

— А, это вы, Д. Н.? Вотъ счастливая встрѣча! обрадовался З., слѣзая съ лошади. Радъ васъ видѣть. Какимъ это вѣтромъ васъ занесло? Не чайль, не гадалъ здѣсь своего встрѣтить.

Въ свою очередь я очень обрадовался З., съ которымъ судьба не разъ насъ сводила въ разныхъ пунктахъ Средней Азіи.

— Какъ разъ къ ужину подѣхали, отвѣтилъ я, пожимая руку этого симпатичнаго человѣка, прожившаго у меня въ Сараѣ (года два тому назадъ) нѣсколько дней. Отлично вмѣстѣ закусимъ. Есть консервы, шашлыкъ и пилау.

— Да и у меня есть кое-какіе запасы. Хотя я и рассчитывалъ добраться до Дюшамбе, но теперь охотно перекушу, поболтаю съ вами и, разумѣется, останусь здѣсь на ночлегъ, сдѣлавъ предварительно свои наблюденія, добавилъ З., вынимая изъ кожанаго чехла какой-то ящикъ съ оказавшимся въ немъ астрономическимъ инструментомъ, тотчасъ же водвореннымъ на поданный казакомъ треножникъ, и повѣсивъ тутъ же на стѣнкѣ нѣсколько хронометровъ. Начавъ тотчасъ же наблюденія, полковникъ, какъ вьюнь, вертѣлся между своей трубой и записной книжкой, положенной на табуретку, съ поставленнымъ около кибитки огаркомъ свѣчки въ стеклянномъ фонарѣ, скупо дававшимъ свѣтъ. Отсчитывая какіе-то

углы и бормоча цифры, З. записывалъ ихъ въ книжку и затѣмъ снова бросался къ трубѣ.

— Видите ли, какъ разъ время, и потому нельзя ни одной минуты пропустить, скороговоркой сообщалъ онъ мнѣ, изрѣдка отрываясь отъ работы. Днемъ же всегда уже все выкладки и вычисления заканчиваю.

Добрый часъ прошелъ, пока увлекшійся своими цифрами ученый вспомнилъ о необходимости подкрѣпитесь, закрылъ свою книжку; затѣмъ, осторожно снявъ инструментъ, спряталъ его снова въ ящикъ.

— Теперь будемъ ужинать... весело подошелъ онъ ко мнѣ, присаживаясь на кошмѣ и, вытянувшись, подложилъ подъ бокъ небольшую сѣдельную подушку. Отличный знатокъ края, прослужившій въ немъ почти сорокъ лѣтъ, З. былъ его живой исторіей, помня все событія и людей, прошедшихъ передъ глазами за время его долгой службы. Личное знакомство съ большинствомъ средне-азиатскихъ дѣятелей дѣлало его рассказы особенно цѣнными и интересными. Живыя, яркія характеристики во весь ростъ обрисовывали сошедшихъ со сцены лицъ. Они казались живыми въ мастерской обрисовкѣ рассказчика. Генераль-губернаторы, политическіе агенты и всякія прикосновенныя къ Бухарѣ лица смѣнялись въ огромномъ калейдоскопѣ.

— Эхъ, жаль, времени нѣтъ, да и перомъ не владѣю, вздохнулъ старикъ съ сожалѣніемъ на мое замѣчаніе, что такъ много интереснаго не попадаетъ въ печать. Мало ужъ насъ осталось, старыхъ туркестанцевъ, что съ самаго завоеванія въ краѣ живутъ. Больше теперь сюда попадаютъ гастролеры на три года, а потомъ удираютъ обратно, получая высшее назначеніе въ Европейской Россіи. Прежде какъ то больше привязывались къ краю и изъ такихъ офицеровъ и чиновниковъ вырабатывался симпатичный типъ степняка — стараго туркестанца. И отношенія въ Бухарѣ были другія. Позднѣе иное направленіе появилось: пріѣхали, получили что нужно и назадъ. А въ бухарскихъ дѣлахъ прямо грустныя картинки встрѣчались...

— Да неужели все такъ? удивился я.

— Ну, конечно, были хорошіе честные люди, но все таки тонъ былъ данъ В.; съ его легкой руки и пошло. Слишкомъ ужъ беззащѣнно работала состоявшая при немъ, трудно сказать въ качествѣ чего, знаменитая въ исторіи Туркестана, миссъ-Хоръ, та самая, о которой шутники сложили:

«Въ славномъ городѣ Ташкентѣ
 Проживаетъ мистрисъ-Хоръ
 Человѣкъ—иль обезьяна,
 Неизвѣстно до сихъ поръ».

Самъ В. дѣлами занимался мало, а она распоряжалась, какъ хотѣла. Бывало подарковъ отъ эмира раза три въ годъ столько привозили, что въ пріемной генерала она потомъ базаръ, вродѣ дешевки, устраивала. И въ тоже время мой пріятель, покойный кашгарскій консулъ, Н. Петровскій, всегда клятвенно увѣрялъ, что каждая бумага, касавшаяся нашихъ дѣлъ въ Средней Азіи, черезъ самое короткое время дѣлалась извѣстною въ Лондонѣ.

— Напортила за это время много, сердито почти крикнулъ З. И это послѣ того періода, когда нашъ престижъ стоялъ среди мусульманъ такъ высоко, благодаря П. П. Лессару! Вѣдь, посудите сами, когда полковникъ Громбчевскій въ 1890 г., во время своего путешествія, попалъ въ Кунжутъ, то кунжутцы просили его о принятіи въ русское подданство. А знаменитый Юнгенсбендъ, посѣтивъ за нимъ слѣдомъ Кунжутъ, при передачѣ хану кунжутскому приглашенія англійскаго правительства посѣтить Индію, услышалъ отъ хана совершенно неожиданно такой отвѣтъ:

«Мой покровитель—Великій Императоръ Александръ III—и я, мы въ Индію не ѣздимъ».

Но мы не поддержали этого движенія въ пользу Россіи, и въ возмездіе за такія дерзкія рѣчи англійскій подполковникъ Дюранъ въ 1891 г. занялъ всю страну, низложивъ дерзкаго хана...

За разговорами мы не замѣтили, какъ прошло время; часъ ужъ былъ поздній. Сидя на кошмѣ, я уже давно чувствовалъ сильный зудъ на всемъ тѣлѣ, но, заслушавшись интереснымъ разговоромъ, не обращалъ на это вниманія. Теперь же, при свѣтѣ вспыхнувшей спички, я къ своему ужасу увидѣлъ, что все платье мое было покрыто громаднымъ количествомъ блохъ, весело гурьбою прыгавшихъ по всѣмъ направленіямъ.

— Посмотрите, полковникъ, вѣдь насъ здѣсь буквально живьемъ съѣдятъ, вскочилъ я моментально на ноги, начавъ отряхиваться.

— Кто съѣстъ? удивился старикъ, раскуривая толстую папиросу и видимо находясь самъ подъ впечатлѣніемъ своихъ воспоминаній о далекомъ прошломъ.

— Блохи. Вѣдь ихъ здѣсь тысячи, сообщилъ я, снимая китель.

— Это скверно, задумчиво отвѣтилъ З. Дѣйствительно я отъ кого то слышалъ, что здѣсь ихъ въ лѣтнее время очень много, но не подозревалъ увидѣть такое количество.

Встряхнувъ всё свои вещи, мы устроились на плоской крышѣ сарая, но и здѣсь вся ночь прошла въ непрерывной борьбѣ съ злыми насѣкомыми. Лишь подѣ утро, совершенно измученные, мы заснули тяжелымъ сномъ на самое короткое время.

Глава VI.

Дожди.—Отношеніе мусульманскаго духовенства.—Веселый домъ.

Огромное количество воды, приносимое рѣками Сурханомъ, Каферниганомъ и ихъ многочисленными притоками, разливающимися по всей равнинѣ, образуя массу заболоченныхъ пространствъ, и буквально тропическіе ливни, выпадающіе въ лѣтнее время въ Гиссарской долинѣ, въ связи съ жаркою температурою, способствуютъ тому, что во всемъ Гиссарскомъ краѣ особенно многочисленны всевозможныхъ видовъ насѣкомыя, рождающіяся вслѣдствіе обильныхъ испареній въ несмѣтномъ количествѣ. Блохи, комары, скорпионы, тарантулы, фаланги являются положительно бичемъ для населенія, которое за эти мѣсяцы обыкновенно оставляетъ свои кишлаки и города и переселяется на возвышенности, въ горы, на лѣтовки, вмѣстѣ со своими стадами.

И тогда весь этотъ населенный край какъ будто вымираетъ, имѣя видъ полнаго заустѣнія. Всѣ улицы Гиссара и кишлаковъ заростають колосальныхъ размѣровъ травами и бурьяномъ, закрывающими совершенно всадника.

Змѣи, сколопендры, полозы и ящерицы, выползающіе изъ всѣхъ норъ, остаются долгое время хозяевами садовъ, до времени созрѣванія фруктовъ, когда, по необходимости, лишь небольшая часть людей возвращается (переживая невзгоды) заниматься сборомъ и сушкою фруктовъ, устраивая на это время высокіе помосты на столбахъ, чтобы хоть немного предохранить себя отъ нападеній безчисленныхъ враговъ.

Плохо выспавшіеся, съ до крови расчесанными тѣлами, поднялись мы утромъ, съ тяжелыми головами. Настроеніе было отвратительное. Наскоро проглотивъ по стакану чая, мы тотчасъ же двинулись дальше, вспоминая ужасную ночь, проведенную въ этомъ кишлакѣ. Небо было покрыто темными тучами, низко нависшими надъ землей, и какъ будто бы для того, чтобы мы испытали всё прелести жизни этихъ мѣсть въ лѣтнее время, застучали по землѣ крупныя капли дождя и затѣмъ дождь хлынулъ, какъ изъ ведра. Едва успѣвъ накинуть на плечи бурку и надѣвъ на голову башлыкъ,

мы ѣхали, окруженные густою стѣною дождя, черезъ которую положительно ничего не было видно. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ вездѣ вокругъ образовались цѣлыя озера, по которымъ, разбрасывая брызги и грязь, медленно шли наши лошади.

Арыки, наполнившіеся до верха, съ шумомъ несли массу воды, выливавшуюся черезъ берега, а тропинка, протоптанная глубоко въ землѣ, превратилась въ широкій быстрый потокъ, по которому неслись клячья грязной пѣны, сухой бурьянъ и какіе-то корни.

Разговоры сами собою прекратились, и мы ѣхали молча, прислушиваясь къ страшнымъ раскатамъ грома, какъ будто сотрясавшаго всѣ окрестныя горы. Длинные яркіе зигзаги молній разсѣкали темныя тучи и, вспыхивая ослѣпительнымъ блескомъ въ одной сторонѣ неба, протягивались до конца горизонта, освѣщая на мгновение верхушки горъ. Иногда казалось, что молнія ударяла въ землю гдѣ то совсѣмъ близко. Лошади пугливо храпѣли и шли крайне неохотно. Скопленіе электричества было огромно, и рѣдко кому удавалось видѣть такую грандіозную картину, которая открывалась передъ нашими глазами. Съ насъ вода стекала ручьями и бурка, намкнувъ, сильно тянула плечи. Закутавшись въ желтые суконные халаты, надѣтые сверхъ обыкновенныхъ, нукеры и джигиты плелись также понуро, прекративъ обычные разговоры. Со всѣхъ сторонъ виднѣлась (лишь на близкомъ разстояніи) густая растительность небольшихъ кишлаковъ, густо покрывающихъ равнину, всю изрѣзанную арыками, орошающими обработанныя поля.

Увязая въ топкой почвѣ, мы ѣхали со скоростью 3—4 версты въ часъ и поэтому лишь къ обѣду прошли небольшое разстояніе, 18—20 верстъ, до Дюшамбе, гдѣ я и не рассчитывала останавливаться, но волей неволей приходилось заѣхать, чтобы переждать разыгравшуюся непогоду подъ кровомъ и, хорошенько обсушившись, привести свой багажъ въ порядокъ передъ труднымъ путешествіемъ въ горахъ по рѣкѣ Варзобъ-Даръѣ, составляющей одинъ изъ главныхъ притоковъ рѣки Кафернигана.

Измокшіе, усталые, мы слѣзли съ лошадей во дворѣ амляклара, и тотчасъ же въ помѣщеніи около желѣзной печи, разогрѣтой почти до красна, началась сушка платья и вещей. День тянулся страшно долго. Дождь лилъ не переставая; въ комнатѣ было душно, не смотря на раскрытыя на террасу три двери. Побесѣдовавъ съ амлякдаромъ, пообѣдавъ и еще разъ выпавшись, мы чувствовали себя какъ будто арестованными. Ритмическій стукъ дождя навѣвалъ какую то тоску, а невозможность двинуться дальше крайне непри-

ятно дѣйствовала на настроеніе. Юркій татаринъ, переводчикъ Гиссарскаго бека, изъ силъ выбился, стараясь услужить и хоть чѣмъ нибудь оживить однообразіе длиннаго дня.

— Можетъ быть полковникъ хочетъ съ муллою поговорить? Очень интересно. Древній старикъ.

— Ну, хорошо: зовите муллу, согласились мы, и черезъ нѣсколько минутъ къ намъ входилъ красивый старикъ съ серебряною бородой и бирюзовыми, будто выцвѣтшими, добрыми глазами.

— Селямъ алейкюмъ. Радъ въ добромъ здоровѣ видѣть знатныхъ урусовъ, сказалъ онъ, неловко садясь на предложенный стулъ.

— Не можетъ ли почтенный имамъ намъ что либо рассказать о здѣшнихъ мѣстахъ?

— Нѣтъ, тюра, я человекъ новый въ городѣ. Приѣхалъ съ амлякдаромъ моимъ родственникомъ и ничего не знаю. Вся жизнь прошла въ чтеніи писанія и молитвахъ Всемогущему и Его пророку. Служилъ людямъ, чѣмъ могъ, но теперь уже становлюсь старъ и все забываю, я скорблю лишь о томъ, что люди враждуютъ постоянно между собой.

— Но развѣ это не должно быть? Вѣдь по закону правовѣрные должны относиться со враждою къ невѣрнымъ? спросилъ я, желая услышать мнѣніе представителя духовенства этихъ дальнихъ мѣстъ.

— Нѣтъ, тюра, это не такъ. Великій пророкъ сказалъ совершенно иныя слова.

«Скажи: мы вѣруемъ въ Бога и въ то, что Онъ послалъ намъ, въ то, что Онъ открылъ Аврааму, Измаилу, Іакову и двѣнадцати колѣнамъ; мы вѣруемъ въ святыя книги, которыя Моисей, Иисусъ и пророки получили съ неба; мы не дѣлаемъ между ними никакой разницы»²⁾. Какъ видишь, онъ не раздѣляетъ людей по ихъ вѣрѣ. Всѣ имѣющіе писаніе для него одинаковы. Пусть проститъ тюра стараго человека, мнѣ нужно идти молиться, заторопился имамъ, прощаясь.

Мы просидѣли нѣсколько минутъ молча, обдумывая сказанное, и только что хотѣли подвергнуть вопросъ обсужденію, какъ переводчикъ вновь уже выросъ передъ нами и, видимо желая во что бы то ни стало насъ развеселить, выступилъ съ новымъ предложеніемъ.

— Можетъ быть господа хотятъ посмотрѣть нашихъ джелябъ³⁾?

— Джелябъ? удивился не понимавшій по узбекски З. Что это такое?

²⁾ Коранъ. Глава 3, стихъ 78.

³⁾ Публичная женщина

— Джелабъ это веселыя дѣвушки для всѣхъ людей, пояснилъ татаринъ, и тутъ же для ясности перевелъ ихъ цензурное названіе, существующее на русскомъ языкѣ.

З. вначалѣ возмутился, но затѣмъ быстро успокоился.

— Что же, давайте, пожалуй, посмотримъ, нерѣшительно сказалъ онъ, немного конфузясь. Вѣдь такъ только; хотя какъ то мнѣ на старости лѣтъ и неловко, но я съ этимъ совершенно не знакомъ.

Я также изъявилъ согласіе, рассчитывая познакомиться съ новыми для меня картинками туземной жизни.

Накинувъ бурки на плечи и увязая по размокнувшей почвѣ, мы двинулись по узкимъ улицамъ города за нашимъ проводникомъ, все время предупредительно указывавшимъ каждую лужу и яму.

— Нехорошій городъ; нашъ Гиссаръ лучше, выражалъ онъ свое презрѣніе къ Дюшамбе, забывая совершенно, что Гиссарскія улицы ничѣмъ, въ сущности, кромѣ ширины, не отличаются отъ Дюшамбскихъ.

— Теперъ близко, сейчасъ придемъ. Онъ остановился, наконецъ, около высокихъ воротъ и, взявъ валявшуюся на землѣ палку, началъ съ ожесточеніемъ стучать ею по доскамъ.

Подозрительнаго вида пожилой узбекъ выглянулъ изъ калитки и, увидѣвъ насъ, остановился въ нерѣшительности.

— Скажи своимъ бабамъ, что русскіе тюры къ нимъ въ гости пришли, да живѣе поворачивайся, строго приказалъ переводчикъ и сейчасъ же, обратившись къ намъ, добавилъ: а, господа, можетъ быть пока мечеть посмотреть.

Это странное сочетаніи божественнаго и грѣховнаго заставило насъ расхохотаться.

— Что же, пойдете смотрѣть мечеть, рѣшилъ З. Лучше, чѣмъ стоять подъ дождемъ.

Сѣрая постройка старинной мечети съ небольшимъ дворикомъ, заросшимъ деревьями, была типичнѣйшей постройкою, не отличаясь ничѣмъ отъ всѣхъ старыхъ мечетей ханства. Полутемное помѣщеніе съ почернѣвшими куполами и изгрызенными временемъ стѣнами, было мрачно и непривѣтливо. Старыя кошмы и циновки покрывали полъ. Домъ молитвъ производилъ впечатлѣніе какого-то запустѣнія.

Видимо, когда-то, въ лучшія времена, куполь внутри былъ украшенъ лѣпною работою, но съ производствомъ позднѣйшихъ поправокъ, вся лѣпка была замазана ровнымъ слоемъ алебаstra, и лишь кое-гдѣ выдѣлялись слѣды какого-то орнамента и надписи.

Съ одной стороны виднѣлось нѣсколько бунчуковъ съ конскими хвостами, поставленныхъ около ниши, да бронзовый древней формы высокій свѣтильникъ, покрытый огромнымъ слоемъ сала и масла, указывали, что здѣсь находится могила какого-либо уважаемаго населеніемъ святого.

— Какъ плохо здѣсь смотрятъ за мечетью. Это не то, что наши церкви, замѣтилъ я, нарушая молчаніе.

— Это лишнее, тюра, неожиданно прозвучалъ сзади насъ чей-то голосъ, обернувшись на который, мы увидѣли стараго узбека съ ястребинымъ носомъ и хищными, какъ у птицы, глазами.

— Для Аллаха не нужно помѣщеніе—молитву ему можно совершать въ каждомъ мѣстѣ, продолжалъ онъ, непріязненно глядя на насъ. А мечеть служить должна лишь для собранія правовѣрныхъ и укрытія ихъ отъ солнечныхъ лучей и непогоды. Урусы, какъ идолопоклонники, забывшіе писаніе пророка Исы, этого понять не могутъ, уже уходя, добавилъ онъ, еще разъ окинувъ насъ враждебнымъ взглядомъ.

— Глупый человѣкъ, засуетился переводчикъ, чтобы разсѣять невыгодное впечатлѣніе... Онъ русскихъ не любитъ, этотъ человѣкъ. Пусть господа не обращаютъ вниманія на его слова. А теперь можно уже идти и къ джелябъ, неожиданно перевелъ онъ разговоръ съ непріятной темы.

Перейдя улицу, мы черезъ маленькую калитку вошли на небольшой дворъ, окруженный широкими террасами.

Высокая, полная старуха, одѣтая въ шелковый халатъ, и прежній узбекъ съ почтительными поклонами встрѣтили насъ при входѣ.

— Прошу тюрей подъ нашу кровлю, привѣтливо обратилась къ намъ старуха, указывая на двери внутрь одного изъ помѣщеній. Мои дѣвушки рады служить дорогимъ гостямъ, указала она на двухъ женщинъ, сидѣвшихъ и слегка привставшихъ при нашемъ входѣ.

Довольно большая комната съ поломъ, застланнымъ полосами яркихъ цвѣтовъ, и стѣнами, увѣшанными коврами и вышивками, имѣла видъ довольно нарядный. На коврѣ около низенькаго столика, на которомъ поставлены были различныя сласти, сидѣли мѣстныя очаровательницы.

Одна изъ нихъ высокаго роста, стройная, худошавая, съ бѣлымъ красивымъ лицомъ и бархатными огромными глазами, была очень красива въ своемъ ярко красномъ халатѣ, увѣшанномъ серебря-

ными украшеніями; другая съ грубыми чертами и косыми глазами, толстая, неповоротливая, являлась типичной киргизкой.

Нѣсколько человѣкъ мѣстныхъ купцовъ сидѣли тутъ же по стѣнамъ, вставъ при нашемъ входѣ и отвѣсивъ почтительные поклоны.

Мы присѣли невдалекѣ около стѣны, попросивъ всѣхъ садиться. Почти сейчасъ же намъ подали чайники зеленого чая и поставили передъ нами нѣсколько тарелокъ съ мѣстными сладостями.

— Это все хушторы (поклонники) вотъ той Анаргуль, гранатовый цвѣтокъ, какъ ее называютъ, сказалъ переводчикъ. Многіе здѣсь почти весь день проводятъ. Въ другихъ помѣщеніяхъ еще есть джелябъ, но тѣ не такъ красивы и поэтому дешевыя и меньше подарковъ отъ людей получаютъ.

— Можетъ быть тюра желаетъ послушать, какъ Анаргуль поетъ? спросила старуха, прислушивась къ словамъ переводчика.

Мы изъявили согласіе.

Анаргуль, посмотрѣвъ на насъ искоса своими красивыми глазами, протянула руку и взяла лежавшій около нея инструментъ съ четырьмя струнами и длиннымъ грифомъ, носящій названіе дутаръ (гитара), и, взявъ нѣсколько дребезжащихъ аккордовъ, довольно пріятнымъ груднымъ голосомъ заплѣла какую-то веселую пѣсню съ однообразными припѣвами, бросая порою кокетливые взгляды то въ нашу сторону, то на сидѣвшихъ у противоположной стѣны туземцевъ, восторженными восклицаніями сопровождавшихъ ее пѣніе.

Присѣвъ невдалекѣ отъ насъ, старуха то предлагала намъ чай, то подвигала ближе сласти.

— Не правда ли, тюра, моя Анаргуль поетъ, какъ птичка? съ гордостью замѣтила она, когда пѣсня была окончена.

— Почему ханумъ называетъ ее своей?

— Да вѣдь Анаргуль моя дочка, снова заговорила старуха: я ее здѣсь родила и выходила, когда сама молодой и красивой джелябъ была. Только не знаю, который изъ баевъ (что у меня чайхурами были) ей отцомъ приходится, размѣялась она. Всѣ отцами считаются.

— Развѣ такъ хорошо быть джелябъ? спросилъ я, разсматривая Анаргуль.

— Да, тюра, жизнь свободная, веселая—сама себѣ госпожа. Что хочеть дѣлаетъ. Съ кѣмъ хочеть идетъ. Не надо лица закрывать, когда среди людей ходишь. Лишь требуется, чтобы въ

мужскомъ халатѣ на улицу выходила. А замужней женщинѣ плохо. Сиди взаперти всю жизнь, не имѣй своей воли и никакого желанія не можешь исполнить безъ согласія мужа. Теперь, пока молодая, всѣ все для нея дѣлають, подарки носятъ, разговоры пріятные говорятъ, а она наряжается, играетъ на дутарѣ и поетъ—потому что на душѣ весело...

Заглянувъ въ другія помѣщенія, гдѣ встрѣтились такія же точно картины, и прослушавъ еще нѣсколько пѣсенъ, я, давъ денегъ, послалъ за пивомъ, конфектами и папирозами.

Старуха, разсыпавшись въ благодарностяхъ, сдѣлалась еще болѣе привѣтливой и, присѣвъ около насъ, приказала что-то одному изъ прислуживавшихъ мужчинъ, и черезъ нѣсколько минутъ появились блюда дымящагося плова.

Принесенное пиво и бутылка еврейской водки, разлитые по стаканамъ, развязали языки и уничтожили окончательно нѣкоторую принужденность. Разговоры сдѣлались громче. Струны дутаря звенѣли, а пѣсня смѣняла пѣсню. Глядя на насъ своими красивыми, съ оттѣнкомъ суровости, глазами, хозяйка порою кидала ласковые взгляды на свою красавицу дочь, видимо, постоянно любуясь ею.

— Ты удивляешься, тюра, что я и моя дочь и другія промѣняли жизнь замужемъ, на эту—веселую? Если хочешь, я тебѣ расскажу, какъ я ее начала.

Родилась я въ хорошей семьѣ, богатой, недалеко отъ Гиссара. Отецъ мой былъ мингъ-баши и имѣлъ стада, лошадей, пашни и дворы. Однѣхъ кибитокъ больше десяти. И росли мы съ сестрами, какъ степной цвѣтокъ весной, въ полномъ довольствѣ, не зная ни печали, ни заботъ. Какъ горныя козочки рѣзвились мы около нашихъ кибитокъ, получая подарки и ласки отца, очень любившаго своихъ маленькихъ козъ. Цвѣтныя ленты, бусы, серебряныя украшенія, разныя пахучія мыла дарилъ онъ мнѣ, какъ старшей, превращавшейся изъ дѣвочки въ молодую дѣвушку.

Заплетя свои волосы въ мелкія косы и нарядившись въ лучшее платье, видѣла я лишь нашихъ близкихъ родственниковъ, женщины которыхъ приходили къ матери и другимъ женамъ отца. Ъли конфекты, пили чай, пѣли пѣсни. Мать моего отца давно умерла и моя мать, какъ первая жена, была старшею среди женщинъ. И въ этомъ было счастье всей семьи, о чемъ я узнала лишь впоследствіи.

Въ двѣнадцать лѣтъ я была высокая, красивая, вся такая же, какъ моя Анаргуль, а осенью моя мать сказала мнѣ, что отецъ

отдаетъ меня въ жены сыну стараго купца Назарь-бая изъ Регара. Послѣ уразы былъ нашъ нисахъ, и я переѣхала въ домъ моего мужа въ Регаръ; съ этого времени кончились мои веселые дни, а началась моя тяжелая жизнь.

Нельзя уже было бѣгать свободно по степи, любуясь и играя съ тюльпанами, колокольчиками и срывая пышные махровые маки. Видъ горныхъ ущелій, покрытыхъ лѣсами, и снѣговья горы и солнечный закатъ, которыми я любовалась прежде, для меня были закрыты высокими стѣнами нашего дворика. Веселый звонъ ручьевъ и стрекотаніе кузнечиковъ смѣнились тишиною и криками двухъ старшихъ женъ моего мужа.

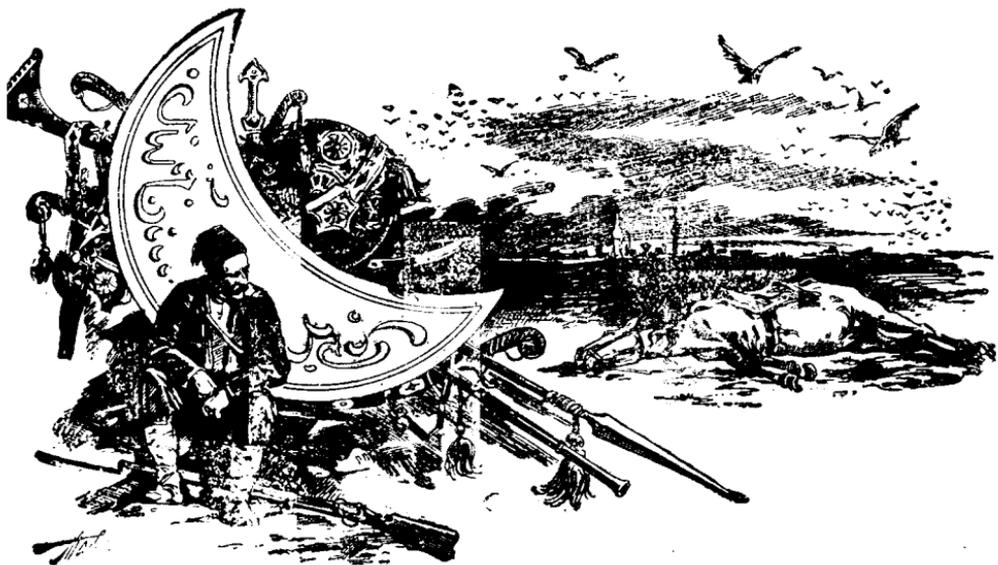
Меня давили темныя стѣны дома, хотѣлось снова видѣть просторъ полей, слышать пѣніе жаворонковъ, чувствовать ласки матери, звонкимъ голосомъ перекликаться съ моими сестрами... А мужъ мой, занятый цѣлый день въ своей лавкѣ торговлею, приходя лишь вечеромъ, совсѣмъ не говорилъ со мною, лишь лаская мое юное тѣло и не заглядывая въ мою душу. Не могли старшія жены спокойно видѣть, какъ нашъ господинъ чаще бросалъ взглядъ на меня, младшую, чаще приносилъ мнѣ конфеты, подарки. Стали онѣ вдвоемъ мучить меня, заставляя выполнять всякую работу въ домѣ; щипали, рвали волосы, бранили, и я, лишь уйдя въ свое помѣщеніе, орошала подушку слезами. Жаловаться мужу боялась—сказали, что сживуть со свѣта, если ему что скажу. Не давали мнѣ ѣсть; безъ мужа я голодала часто. Къ концу же года, видя, что я не беременна, рѣшили меня извести, для чего подсыпали какого то зелья въ пищу, и я стала сильно болѣть. Тогда и мужъ охладѣлъ ко мнѣ, и началась такая жизнь, что я просила и молила Аллаха послать ко мнѣ Азраила скорѣе, чтобы принять мою измученную душу. И часъ воли Аллаха насталъ, но не такъ, какъ я ожидала: на байгѣ, упавъ съ лошади, убился мой мужъ, а я осталась вдовою.

Ты, тюрка, самъ видишь, что я, получивъ избавленіе отъ мукъ, не захотѣла начать снова ту же жизнь въ домѣ другого мужа; хотя отецъ и хотѣлъ меня отдать другому. Я выбрала себѣ жизнь, сдѣлавшись джелябъ. Жаль мнѣ было заставить Анаргуль испытать тѣ же муки. Живемъ мы съ ней въ довольствѣ и на свободѣ.

Между тѣмъ посѣтители прибывали и, усаживаясь, принимались за чаепитіе. Общая картина давала впечатлѣніе, что мы находимся въ какомъ то своеобразномъ туземномъ клубѣ.

Д. Логофетъ.

СТРАНА ЛЬВА И СОЛНЦА.

(Продолженіе *)

КОЧЕВНИКИ.

Провинція населена также и кочевниками, главнымъ образомъ курдами ³⁷⁾. Въ западной части Керманшахана живутъ еще арабы, которые въ Персіи называются «Бедуи» ³⁸⁾.

Сказать съ полною достовѣрностью, сколько въ провинціи кочевниковъ, очень трудно. Прежде всего, наиболѣе необузданные изъ всѣхъ племенъ—пограничные курды—занимаются грабежомъ и постоянно переходятъ изъ Турціи въ Персію и обратно, желая уклониться отъ наказанія. Во вторыхъ, курдовъ считали очень давно, да и тѣ, кто дѣлали «шахшемару», т.-е. шахскій счетъ, для установленія размѣра маліата, имѣли цѣлью уменьшить настоящую численность, дабы соблюсти личныя выгоды. Во всякомъ

*) См. «Военный Сборникъ» № 9.

³⁷⁾ Подробный очеркъ жизни курдовъ см. Извѣстія штаба Кавказскаго военнаго округа 1911 г., № 33. Страна Льва и Солнца: Арделянъ или Перс. Курди-станъ.

³⁸⁾ Максимовичъ-Васильковскій, т. II, стр. 650.

случаѣ, цифры этой переписи все же могутъ служить отправною точкою для приводимыхъ ниже данныхъ, доставленныхъ персидскими рекогносцерами.

Всего въ Керманшаханѣ, за исключеніемъ области Кенгеверъ, персы насчитываютъ 27.300 семействъ или дымовъ, что составляетъ около 165.000 душъ. Цифра эта очень подходитъ къ численію Керзона (24.600 семействъ), а потому можетъ быть признана близкою къ дѣйствительности.

Все подвижное населеніе дѣлится на кочевниковъ, въ *чистомъ смыслѣ слова*, и на *полукочевниковъ*, которые на лѣто угоняютъ свой скотъ въ горы, а въ мѣстахъ зимовокъ возводятъ себѣ постоянныя жилища и занимаются земледѣліемъ, являющимся однако только подспорьемъ къ ихъ хозяйству.

Курды дѣлятся на племена (иль), вѣтви (тайфе), развѣтвленія (тирѣ), роды и, наконецъ, семейства. Во главѣ cadaго изъ этихъ подраздѣленій стоятъ родовые начальники съ титулами: ильбеги, ханъ, тушманъ, бекъ, ага и др., получающіе свою власть по наслѣдству отъ родителей. У нѣкоторыхъ курдовъ сохранилось еще демократическое начало, выражающееся въ подчиненіи начальниковъ народному собранію. Однако, въ большинствѣ случаевъ, власть собранія захвачена начальниками. Это не мѣшаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ жизни собираться выборнымъ отъ разныхъ племенъ для обсужденія общихъ дѣлъ. Но на такія собесѣдованія слѣдуетъ смотрѣть, какъ на собранія старѣйшинъ.

Въ зависимости отъ подвижности, храбрости, числительности, богатства, недоступности своего мѣстожителства, курдскія племена болѣе или менѣе зависимы отъ персидскаго правительства, или вѣрнѣе отъ мѣстнаго губернатора. Впрочемъ, послѣдній (во избѣжаніе хлопотъ и непріятностей) старается возможно меньше вмѣшиваться во внутренніе распорядки кочевниковъ. Главная его обязанность собирать съ нихъ маліать для шаха и дохода для себя, а также слѣдить, чтобы племена выставляли положенное число войсковыхъ частей или сарбазовъ.

Хотя въ настоящее время кочевники и отличаются меньшею самостоятельностью и непокорностью, но они все же стараются обманывать губернатора, уменьшая свою числительность, уклоняются отъ воинской повинности, разбойничаютъ и часто не исполняютъ распоряженій правительства. Въ этихъ случаяхъ губернаторы, для поддержанія престижа, послѣ долгихъ переговоровъ, прибѣгаютъ къ репрессіямъ.

Юношески свѣжія и нетронутыя природныя качества курдовъ крайне противоположны чертамъ остального населенія страны. Рыцарство (въ лучшемъ смыслѣ слова) лежитъ въ основаніи ихъ убѣжденій и дѣйствій. Если они и признають разбой, какъ необходимое дѣйствіе на чужой территоріи, то на ихъ землѣ даже самый заклятый врагъ находится въ полной безопасности. Онъ пользуется ихъ гостепрѣимствомъ и его честь связана съ честью племени. Даже попытка платы за гостепрѣимство считается оскорбленіемъ. Правда, кочевникъ принимаетъ подарокъ, но сейчасъ же спѣшитъ дать отвѣтный даръ. Двери его дома открыты для всякаго и, чѣмъ чужестранецъ больше ѣсть его хлѣба, тѣмъ большимъ уваженіемъ пользуется. Дружба курда продолжительна и искренна. Его слово вѣрно, а дѣйствія прямы и честны.

Женская нравственность и честь стоятъ очень высоко. Женщина пользуется во многихъ случаяхъ равноправіемъ; многоженство и затворничество ей неизвѣстны. Нерѣдко случается, что курдскія женщины сопровождаютъ мужей въ походы и участвуютъ даже въ бояхъ.

Уваженіе къ старшимъ и родителямъ стоитъ очень высоко. Не менѣе соблюдается и племенная солидарность. Если случится какая нибудь несправедливость, то всѣ готовы ее загладить, спѣшать отвѣтить за злодѣяніе, совершенное родичемъ. Отсюда вытекають кровавыя распри между племенами, продолжающіяся между многими поколѣніями. Причинами кровавой мести служатъ женщины, чаще убійства и разбои. Каждый сочленъ обиженнаго племени обязанъ отомстить на комъ нибудь изъ обидчиковъ. Если это удалось, то развивается новая причина распри, и право мести переходитъ къ тому племени, которое потерпѣло послѣднимъ. И такъ безъ конца, пока взаимное избіеніе не окончится общимъ побоемъ. Враждебныя отношенія могутъ быть прекращены на нѣкоторый промежутокъ времени, но, по истеченіи срока перемирія, снова продолжаютъ. Каждый храбрый считаетъ для себя позоромъ обратиться за помощью противъ врага къ родовому начальнику, а еще хуже къ персидской власти. Если обиженный считаетъ себя слишкомъ слабымъ для мести, то удаляется съ пути врага, такъ какъ встрѣтиться съ нимъ и не отомстить считается великимъ стыдомъ.

Насколько строго относятся кочевники къ необходимости кровавой мести, настолько же широки ихъ понятія въ дѣлѣ прощенія. Если кровный врагъ придетъ въ жилище курда и попроситъ про-

щенія за совершенный поступокъ—все ему отпускается. У нѣкоторыхъ племенъ существуетъ обычай являться за прощениемъ съ обнаженнымъ мечомъ, повѣшеннымъ на шею, и съ головою, покрытою надгробною пеленою. Этимъ онъ какъ бы отдаетъ себя на милость и признаетъ себя готовымъ быть убитымъ собственнымъ мечомъ. Обычай требуетъ въ такомъ случаѣ прощенія. Тогда примиреніе достигается возмѣщеніемъ убытка деньгами или скотомъ, а мировая закрѣпляется выдачею замужь нѣсколькихъ дѣвушекъ-родственницъ обидчика за родныхъ обиженнаго. Нерѣдки также случаи, когда самъ обидчикъ женится на дѣвушкѣ изъ лагеря обиженнаго. Если у обидчика нѣтъ средствъ или дѣвушекъ, родственники приходятъ на помощь соплеменнику. Въ случаѣ же отсутствія солидарности съ племенемъ, обидчикъ выходитъ съ сумою на дорогу для сбора подаяніемъ необходимаго количества денегъ.

Курдскіе кочевники керманшаханской провинціи дѣлятся на два большихъ иля: Кяльхоръ и Гуранъ и, кромѣ того, на нѣсколько отдѣльныхъ таифе.

Въ прилагаемой таблицѣ мы приводимъ нѣкоторыя статистическія данныя объ этихъ племенахъ. Къ крайнему сожалѣнію, въ рукахъ составителя нѣтъ данныхъ о кочевникахъ, населяющихъ восточный округъ Керманшахана или, вѣрнѣе, маленькое губернаторство—Магалъ-Кенгяверъ. Въ немъ живутъ два главныхъ племени: Кизиль (800 дымовъ) и Авшаръ (10.000), которыя по своимъ нравамъ и обычаямъ мало отличаются отъ описываемыхъ курдовъ.

Въ частности, про каждое племя можно сказать очень немного. Но и это малое представляетъ собою совершенно новое, притомъ часто противорѣчивое немногимъ европейскимъ свѣдѣніямъ. Это и заставляетъ утрудить вниманіе читателя чтеніемъ многихъ персидскихъ собственныхъ именъ племенъ, а главное географическихъ названій, изъ которыхъ только немногія можно найти на картѣ.

Кяльхоры, по преданію, переселены были въ провинцію Керманшаханъ халифомъ Гарунъ-аль-Рашидомъ, въ воспоминаніе о которомъ и основанъ маленькій городокъ или вѣрнѣе большая деревня Гарунъ-абадъ, лежащая на караванномъ пути между Керманшахомъ и Керендомъ и служащая ночлегомъ для каравановъ и паломниковъ.

Иль Кельхоръ дѣлится на 10 таифе: 1) Халеді, 2) Сіахъ-Сіахъ, 3) Мансури, 4) Колепá, 5) Гучмі, 6) Мянши, 7) Шіяні, 8) Шеркъ-Хоманъ, 9) Эльвенді и 10) Кяргахъ. Въ свою очередь каждое таифе дѣлится на нѣсколько тирэ.

Главное таифе Халеди.

Кочевыя племена провинці Керманшахана.

НАЗВАНІЯ ПЛЕМЕНЬ.	Ч и с л о.					Количество уплачивае- маго жалгага	Примѣчаніе.
	Дворовъ или ды- мовъ.	Выстав- ляемыхъ всадникъ.	Кобыль.	Кр. рог. скотаъ.	Овецъ.		
Иль Кяльхоръ.							
Таифе Халеди	1.000	200	1.000	—	10.000	2.000	По Керзону Кяль- хоръ 5.000, по Мак. В. 15.000 семействъ.
„ Сіахъ-Сіахъ	1.000	2.000	1.000	—	5.000	2.000	
„ Мансури	200	20	не	и	з	в	
„ Колена	200	80	2.000	—	2.000	500	
„ Гучми	200	—	200	1.000	2.000	500	
„ Мяниши	1.000	150	300	500	2.000	1.000	
„ Шяни	500	150	300	2.000	4.000	2.000	
„ Шеркъ-Хоманъ	150	100	200	500	9.000	500	
„ Эльвенди	200	150	200	500	2.000	500	
„ Кяргахъ	150	30	200	500	1.000	300	
Итого	4.600	2.880	5.400	5.000	37.000	9.300	
Иль Гуранъ.							
Таифе Гехваръ	700	60	1.000	—	2.000	500	По Керзону 5.000 семействъ, по Мак. В. 7.000 дымовъ.
„ Нейризи	300	70	250	3.000	5.000	300	
„ Базани	700	60	—	6.000	12.000	400	
„ Джафганъ-Шей	1.500	100	2.000	—	100.000	1.000	
„ Джафъ-Гадеръ	500	60	—	—	12.000	400	
„ Бюяни	400	30	35	—	500	250	
„ Галье-Хани	700	90	400	—	6.000	400	
Итого	4.800	470	3.685	9.000	137.500	3.250	
Отдѣльные таифе.							
Таифе Баджаланъ	500	200	250	4.000	5.000	800	По Керзону 1.500 с. по М. В. 4.000 с.
„ Шеряфъ-Байни	600	1.500	400	1.500	2.000	700	
„ Сенджаби	3.000	600	2.000	5.000	10.000	4.000	
„ Эйвани	1.000	150	200	1.000	2.000	3.000	
„ Каземъ-Хани	500	100	300	500	2.000	1.000	
„ Суфивандъ	200	10	30	400	1.000	500	
„ Зенгене	10.000	300	2.000	4.000	20.000	5.000	
„ Нилкели	300	100	200	500	1.000	500	
„ Пасревандъ	500	—	2.000	3.000	10.000	2.000	
„ Чутанкара	100	—	20	500	1.000	216	
„ Зуле-Мему	200	20	200	1.000	4.000	640	
„ Эхмедевендъ	1.000	200	200	2.000	10.000	2.000	
Итого	17.900	3.180	7.800	23.400	68.000	20.356	
А всего	27.300	6.530	16.885	35.400	242.500	32.906	

Весь иль Кяльхоръ управляется Давудъ-ханомъ-ильхани и Сехамъ-эль-мулькомъ, бывшимъ кетхудою таифе Халеди. Давудъ-ханъ очень могущественный, самостоятельный и властный чело-вѣкъ. У него пять сыновей, изъ которыхъ старшій, Джеванъ-Миръ-

ханъ-Зархали-э-Ляшкеръ, управляетъ таифе Халеди, помогаетъ своему отцу, въ особенности зимою, отдачею въ аренду кишлаковъ другимъ приходящимъ племенамъ: Зуле, Джомухъ, Таркашвяндъ и др. Второй сынъ, Али-Мардилъ-ханъ, имѣетъ главное наблюденіе за стадами кяльхоровъ и получаетъ для своего отца налогъ: одну овцу съ каждой сотни. Ильхани содержатъ на свой счетъ, на собственныхъ его лошадяхъ, четыреста отлично вооруженныхъ всадниковъ.

Кяльхоры шиты и притомъ отличаются своею фанатичностью. Всѣ иллаты очень храбры, гостепріимны и зажиточны. Всего кяльхоровъ насчитывается 4.600 дымовъ (шатровъ) или 27.600 человекъ. Двѣ трети земли, на которой живетъ племя, принадлежатъ Давудъ-хану, а остальная треть другимъ ханамъ Кяльхора. Племя должно выставять полкъ сарбазовъ, который, однако, существуетъ только на бумагѣ. Въ случаѣ нужды Кяльхоръ можетъ выставить 1.500 всадниковъ.

Таифе Халеди дѣлится на слѣдующія тирэ: 1) Али-Реза-венди, 2) Гучей, 3) Касе-Герани, 4) Гонгъ-Кяръ и 5) Абдоль-Мамэдъ, составляя въ общемъ 1.000 дымовъ.

Таифе имѣетъ кишлаки въ Хиланъ и Вижіанъ, а ейлаки въ Кевадеръ и Челэ. На ихъ земляхъ очень много лѣса, особенно дубоваго; земледѣіемъ они почти не занимаются, а главное ихъ богатство въ прекрасныхъ кобылахъ, которыхъ до 1.000 головъ.

Таифе Сіахъ-Сіахъ дѣлится на слѣдующія тирэ: 1) Мушь-Косиха, 2) Колла-Деразъ, 3) Арпа-Джураби и 4) Баяни, всего около 1.000 дымовъ, платящихъ маліату 2.000 тумановъ. Кишлакомъ таифе служатъ Челе и Гиланъ, а ейлакомъ паст-бища Деравяндъ и Бярсиминъ, принадлежація Векиль-эдъ-доулэ, у котораго они арендуются. Таифе также больше занимается скотоводствомъ. Все населеніе живетъ въ черныхъ палаткахъ, кромѣ начальника племени, сергенга Али-Джанъ-хана, обитающаго въ собственной деревнѣ.

Таифе Мансури живетъ въ горахъ между «Тянгъ» и «Чеганъ» и занимается главнымъ образомъ разбоемъ и воровствомъ. Эта отрасль промышленности не мѣшаетъ кочевникамъ заниматься скотоводствомъ, главнымъ образомъ, и земледѣіемъ: они сѣютъ пшеницу, ячмень, рисъ и кукурузу. Въ ихъ владѣніяхъ есть карьеры извести, которая доставляется въ городъ Керманшахъ на продажу. Несмотря на переходъ къ осѣдности, племя это отличается крайне дурными нравами, и драки и убійства у нихъ самое заурядное и ежедневное явленіе. Губернаторъ никакъ не можетъ справиться съ

таифе, такъ какъ оно при малѣйшей тревогѣ уходитъ въ дебри Луристана. Къ тому же мѣстожителство его отличается крайнею недоступностью и полнымъ отсутствіемъ дорогъ. На ихъ землѣ находится гробница имамъ-Заде, или шахзаде-Гассана, сына имама Джафара-Садыка.

Таифе Коленá состоитъ подъ начальствомъ Насръ-Олла-хана. Ейлаки таифе въ Миле-Сяръ, а на зиму иллаты эти частью остаются тамъ же, частью переходятъ въ теплыя страны, въ Турцію — въ окрестности Менделиджа (Мендели). Занимаются они преимущественно скотоводствомъ, а также сѣютъ пшеницу, ячмень и рисъ на земляхъ, арендуемыхъ у Векиль-эдъ-доулэ.

Таифе Гучли живетъ осѣдло въ трехъ деревняхъ: Шаи, Неи и Шованъ. Скотъ пасутъ и сѣютъ пшеницу и ячмень на землѣ, арендуемой у Векиль-эдъ-доулэ. Таифе находится подъ властью Шах-базъ-хана.

Таифе Мяниши дѣлится на тирэ: 1) Гель-Кошъ, 2) Казымъ-Хани и 3) Кялини, состоящихъ подъ начальствомъ двухъ братьевъ: Мехди-хана и Мамедъ-Вели-хана. Иллаты этого таифе Али-Аллахи.

Мяниши проводятъ лѣто въ Соргу и Гямке, а зимуютъ въ узкой и низкой долинѣ Коффаляръ и Голинъ, гдѣ климатъ настолько жаркій, что тутъ во второмъ весеннемъ мѣсяцѣ уже поспѣваютъ: винныя ягоды, орѣхи, гранаты, абрикосы, сливы, алуча и тута. Тутъ же на склонахъ горъ Гямке и Гель-Кошъ, между хребтами Нове и Кегяль, тянется громадный, безконечный лѣсъ изъ вѣковыхъ дубовъ. Въ немъ водятся во множествѣ дикія козы, олени, волки, медвѣди и тигры, что, конечно, развило среди таифе много охотниковъ. Поэтому, въ случаѣ нужды, Мяниши можетъ выставить 200 тюфенги (стрѣлковъ).

Таифе занимается кромѣ того скотоводствомъ и немного земледѣліемъ.

Таифе Шіяни переселилось изъ Дехъ-аббада и живетъ въ деревняхъ: Миръ-Эзизи, Гухъ, Габидъ, Шалэ-Шурэ, Барикъ и Теймуръ-ханъ. Деревни эти принадлежатъ потомкамъ богатыхъ купцовъ, которые передъ Давудъ-ханомъ иногда управляли племенемъ Кяльхоръ. На зиму нѣкоторые жители, несмотря на осѣдность, все же переселяются въ теплыя страны, а именно въ Нагаръ-Кубъ, Серабъ и Галье-Шахинъ. Начальствуетъ таифе Баба-ханъ, который и является главнымъ арендаторомъ земли у собственниковъ деревень, которымъ платитъ зерномъ: при хорошемъ урожаѣ 1000 хальваровъ въ годъ, при среднемъ 700, а при плохомъ 500.

Изъ этого видно, что таифе занимается земледѣліемъ, сѣя пшеницу, кукурузу и ячмень; поствы орошаются собственною водою. Затѣмъ Шіани имѣеть 4000 овецъ, 300 кобылъ и 2000 головъ рогатаго скота.

Таифе Шеркъ-Хоманъ проводитъ зиму въ Дирэ, а ейлаками ему служатъ Серабъ, Сярняшуръ, Шерефъ-абадъ, Керендъ, Хорунъ-абадъ, Зибири и Бондаръ. Оно подъ властью Махмудъ-хана.

Жители занимаются земледѣліемъ, причемъ поствы ихъ орошаются въ ейлакѣ водою рѣчки Шерефъ-абада, а въ кишлакахъ рѣкою, текущею изъ Коффаюра въ Голинъ, а оттуда въ Дирэ и, наконецъ, въ Эльвендъ. Въ Дирэ сѣютъ много рису, какъ ильхани Кяльхора, такъ и крестьяне. Потомки купца хаджи-Задеха подарили Давудъ-хану (дабы избавить себя на вѣчныя времена отъ уплаты разныхъ податей), слѣдующія имѣнія: Дирэ, Гиланъ, Коффаляръ, Гевадоръ, получившія общее наименованіе Чехаръ-Мельке. Тутъ же, въ нижней части Гилмана, владѣютъ небольшою землею дворяне Шеркъ-Хоманъ. Занимаются кочевники также и скотоводствомъ.

Таифе Эльвенди живетъ въ эйлакахъ Ньяваръ и Кякашимэ и въ кишлакахъ въ Галье-Шахинъ на рѣчкѣ этого имени, съ очень скверною водою, притокъ р. Эльвенда, занимаясь скотоводствомъ и немного земледѣліемъ, воздѣлывая въ эйлакѣ ячмень и пшеницу, а въ кишлакѣ рисъ. Но главное богатство таифе дѣло будущаго: на ихъ пастбищахъ открыты рожденія нефти, и англійская компанія, взявъ нефтеносныя земли за 500 тум. арендной платы, основала въ Гурету керосиновый заводъ.

Таифе находится подъ начальствомъ Мамедъ-Керимъ-хана.

Караванная дорога отъ Галье-Давуда до Сярре-Поль-Зохабъ охраняется четырьмя карасуранами, выставляемыми этимъ таифе.

Таифе Кяриахъ находится подъ личнымъ начальствомъ ильхани Давудъ-хана, но управляется назначеннымъ имъ кетхудою. Въ ейлакѣ таифе идетъ въ Махидештъ, на р. Мярекъ-аббадъ, гдѣ, благодаря своимъ грабежамъ, является бичомъ мѣстныхъ жителей. Каждый губернаторъ наказываетъ этихъ кочевниковъ и взимаетъ громадные штрафы, что не мѣшаетъ имъ разбойничать по прежнему. Кромѣ того таифе занимается скотоводствомъ.

С. Чернозубовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПО СЪВЕРНОЙ ПЕРСИИ ¹⁾.

XIV

Въ настоящее время курдскій вопросъ достигъ, мнѣ кажется, кульминаціоннаго пункта, а потому, я думаю, не лишне будетъ познакомить теперь же съ жизнью и воззрѣніями курдовъ, что освѣтитъ съ точки зрѣнія безпристрастнаго зрителя то ложное положеніе, въ которое поставленъ этотъ вопросъ, въ силу непониманія уклада ихъ жизни, вслѣдствіе чего и приходится держать въ Персіи излишнее количество русскихъ войскъ, когда можно было бы обойтись двумя-тремя стрѣлковыми полками.

Охотясь въ горахъ, намъ постоянно приходилось заходить въ курдскія селенія, какъ для ночлеговъ, такъ и на время дневокъ. Вотъ впечатлѣнія, которыя выносишь послѣ посѣщенія курдскаго селенія.

Прежде всего, что поражаетъ въ курдахъ—это замкнутость и подозрительность и при томъ такія, что гостепріимство, которымъ курды могутъ похвалиться, отодвигается на задній планъ. Если придти къ нимъ въ селеніе и попросить пріюта, то никто изъ курдовъ не пожелаетъ пускать къ себѣ въ «ханэ» (домъ), отговариваясь тѣмъ, что у каждого изъ нихъ въ домѣ лежитъ тяжело-боль-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 8.

ной. Они уже подмѣтили нашу боязнь имѣть дѣло съ больными, вслѣдствіе того, что въ селеніяхъ процвѣтають тифъ, оспа, есть и прокаженные, а потому, естественно, мы стараемся держаться подалеже отъ больныхъ. Но повышенный голосъ и явное намѣреніе отправиться самому, чтобы удостовѣриться въ наличіи больного, дѣлаетъ ихъ нѣсколько сговорчивѣе. Нѣкоторые соглашаются уступить свой ханэ, но просятъ такую колоссальную сумму, что невольно разсмѣешься въ отвѣтъ! Тогда остается одно: потребовать къ себѣ бека и пообѣщать, что, если черезъ нѣсколько минутъ не будетъ очищенъ ханэ, то мы размѣстимся въ его домѣ. Эта угроза сейчасъ же приведетъ къ желательному результату: бекъ обойдетъ нѣсколько ханэ и, выбравъ получше, прикажетъ немедленно очистить ихъ. Если хозяинъ начнетъ возражать противъ такого насильственнаго выселенія, то нѣсколько ударовъ бека по спинѣ злополучнаго владѣльца ханэ заставятъ его подчиниться волѣ бека. И вотъ, только теперь, послѣ того, какъ нашли мы пріютъ, отношенія къ намъ рѣзко мѣняются... Курды становятся почтительными, гостепріимными; каждый считаетъ своимъ долгомъ принести что-нибудь изъ своего скромнаго домашняго обихода..

Чѣмъ объяснить такую метаморфозу?

Я думаю, что это происходитъ оттого, что курды, какъ магометане, конечно, съ большой неохотой пускаютъ въ свои жилища христіанъ. Я знаю такихъ курдовъ, которые, послѣ пребыванія въ ихъ селеніи русскихъ, бросали это селеніе и больше не возвращались.

Конечно, это уже фанатики, какихъ теперь мало; но фактъ тотъ, что среди нихъ, слѣдовательно, держится мнѣніе, что христіане оскверняютъ ихъ дома, а потому они съ такой неохотой пускаютъ ихъ къ себѣ. Кромѣ этого обстоятельства, неудобство выселенія заключается въ томъ, что курду приходится перетаскивать изъ своего ханэ все имущество, движимое и недвижимое, а главное—женщинъ, для которыхъ очень трудно найти помѣщеніе у своего сосѣда или знакомаго, къ которому онъ перебирается.

Такимъ образомъ, курды, при видѣ «гостей», конечно, стараются всячески улизнуть отъ удовольствія «переселенія», вслѣдствіе чего каждый изъ нихъ стремится поставить непріемлемыя условія или запугать мнимо-больнымъ, надѣясь, что, быть можетъ, «гости» уйдутъ въ другое селеніе. Когда же «гости», наконецъ, устроятся и, такъ сказать, остальнымъ курдамъ не угрожаетъ ни-

какой опасности—природныя чувства курдовъ, гостепріимство и любопытство, берутъ верхъ надъ недовѣрчивостью.

Не успѣемъ мы расположиться, какъ начинается паломничество. Одинъ за другимъ входятъ къ намъ курды и, послѣ привѣтствованія «селямъ-алейкумъ» (здравствуй), кладутъ передъ нами свои подношенія, а затѣмъ усаживаются, по восточному, въ углу. Скоро около насъ образуется цѣлый складъ всякой дребедени: тутъ куски кизяка (родъ топлива), пучки юнжи (сѣно), лавашъ (хлѣбъ), кислое молоко, курдскій сыръ и пр., причемъ сыръ и лавашъ лежатъ на кизякѣ, который, по всей вѣроятности, благодаря своему плоскому виду, изображаетъ что-то вродѣ блюда. Но этого еще мало!.. Спустя нѣкоторое время на огромномъ блюдѣ приносятъ чашку съ какимъ-то горячимъ, довольно густымъ кушаньемъ; по бокамъ чашки лежатъ стопки тонкаго лаваша. Это ставится передъ нами, и всѣ курды, находящіеся въ комнатѣ, съ любопытствомъ приподнимаются, чтобы поглядѣть, какъ будемъ мы ѣсть. Но мы, конечно, не рѣшаемся, хотя и знаемъ, что все равно придется отвѣдать, чтобы не оскорбить хозяина этого кушанья. Нѣсколько минутъ длится молчаніе, въ продолженіе котораго курды съ удивленіемъ смотрятъ на насъ, нетерпѣливо ожидая, когда же, наконецъ, мы начнемъ закусывать. Но вотъ выходитъ одинъ изъ курдовъ, вѣроятно хозяинъ этого блюда, и уговариваетъ насъ попробовать. Чтобы доказать, что кушанье это не имѣетъ отравы, онъ обмакиваетъ въ него свои персты и обсасываетъ. Дѣлать нечего, мы беремъ по куску лаваша и намазываемъ. Кушанье — отвратительнаго вкуса, но, въ силу необходимости, приходится доѣдать взятый кусокъ лаваша.

Когда мы кончаемъ, намъ предлагаютъ еще, но мы, конечно, рѣшительно отказываемся. Чохъ саулъ! Чохъ саулъ! (большое спасибо), лепечемъ мы, отворачиваясь съ отвращеніемъ отъ блюда. Тогда хозяинъ поднимаетъ блюдо и отдаетъ его сидящимъ позади курдамъ. Они моментально уничтожаютъ содержимое, сопровождая актъ ѣды неистовымъ чмоканіемъ и обсасываніемъ пальцевъ.

Послѣ официального, такъ сказать, намъ подношенія хлѣба и соли, курды вступаютъ въ разговоръ. Они спрашиваютъ: кто мы? куда идемъ? чего намъ надо?

Выяснивъ, что мы охотники и пришли сюда только переночевать, не преслѣдуя никакихъ карательныхъ цѣлей или собиранія податей, что окончательно убѣждаетъ ихъ въ нашихъ добрыхъ намѣреніяхъ и располагаетъ къ намъ (сдержанности какъ не бы-

вало!..), курды придвигаются къ намъ поближе, рассматриваютъ наше оружіе. Кое-кто приноситъ свое, чтобы похвалиться.

Курды, какъ большіе любители и цѣнители оружія, не могутъ равнодушно смотрѣть на наши кавказскія шашки, разукрашенныя серебромъ, золотомъ и камнями. Одному изъ моихъ товарищей предлагали они большую сумму денегъ, чтобы онъ продалъ, и его отказъ огорчилъ ихъ очень сильно. Курды также стараются купить и ружья, въ особенности же патроны. Окончивъ осмотръ оружія, они переходятъ на принадлежности нашего туалета. Охотничьи сапоги приводятъ ихъ въ восхищеніе. Надо сказать, что съ приходомъ русскихъ, какъ среди персовъ, такъ и курдовъ, появилось тяготѣніе къ сапогамъ: они покупаютъ ихъ за большія деньги, гораздо дороже, чѣмъ стоятъ они на самомъ дѣлѣ, такъ что теперь персъ или курдъ въ сапогахъ есть признакъ состоятельности и знатности происхожденія (длинныя голенища охотничьихъ сапогъ такъ понравились курдамъ, что нѣкоторые изъ нихъ стали торговаться, словно мы могли имъ продать!). Насколько я помню, крайняя цѣна, предложенная курдами, достигала 13 тумановъ (около 25 руб.).

Мнѣ особенно памятна встрѣча въ селеніи «Арыкъ-Кама», гдѣ живетъ извѣстный и очень вліятельный среди курдскихъ племенъ Мамедъ-Джанго. Курды встрѣтили насъ какъ-то привѣтливѣе и лучше, чѣмъ въ другихъ селеніяхъ. Вначалѣ повторилась таже картина, что и выше. Самъ Мамедъ-Джанго не показывался, а прислалъ только угощеніе, но подъ вечеръ, когда мы хотѣли ложиться спать, пришелъ нукеръ (слуга хана) и сказалъ, что ханъ зоветъ насъ къ себѣ. Дѣлать было нечего; пришлось одѣться и идти къ нему. Здѣсь насъ ожидалъ обильный достарханъ (угощеніе) съ пѣніемъ и танцами курдовъ. Заунывное пѣніе ихъ очень похоже на пѣніе нашихъ кавказскихъ горцевъ. Это—воспоминанія о давно прошедшихъ боевыхъ дняхъ, славныхъ походахъ и дерзкихъ набѣгахъ. Во время пѣнія курды сидѣли съ опущенными головами и, покачиваясь изъ стороны въ сторону, казалось съ грустью думали о канувшей въ вѣчность свободной и разгульной жизни.

Когда мы выходили изъ ханэ гостепріимнаго хана, была уже глубокая ночь. Мѣсяцъ высоко поднялся надъ горизонтомъ, освѣщая узорчатыми бликами маленькое, сиротливо пріютившееся у высокой горы, селеніе.

Тѣни отъ гудѣвшихъ деревьевъ, казалось, ползли по землѣ, по серебрянной снѣгомъ. Внизу, въ ущельѣ, глухо ворчала горная рѣчка, которая, какъ дивная лента, сверкающая позолотой и серебромъ, причудливо извиваясь, словно змѣя, терялась во мракѣ угрюмаго ущелья. Только что выпавшій снѣгъ искрился, блестя, и его хрусть пріятно отдавался въ ухахъ...

XV.

Если сравнивать кого-либо съ горнымъ орломъ, такъ это курда. Любовь къ свободѣ и вольной жизни, такъ сильно развита у него, что курдъ, посаженный персидскою администраціею въ тюрьму, не выноситъ заключенія: онъ или бѣжитъ, или хирѣетъ въ неволѣ и умираетъ. Чувство свободы и независимости у курда развиты сильнѣе, чѣмъ у кавказскаго горца; вообще, у нихъ очень много родственныхъ сторонъ, такъ что—кто жилъ на Кавказѣ и знакомъ съ бытомъ горца—тому очень легко понять характеръ и натуру курда. Это дикарь, совершенно незнакомый съ цивилизаціею, не только съ европейскою, но даже и съ персидскою, вслѣдствіе обособленнаго и полукочевого образа жизни. Мнѣ кажется, что, если приобщить ихъ къ европейской культурѣ, то курды такъ же быстро вырождаются, какъ исчезаютъ нынѣ съ изумительною быстротою американскіе индѣйцы. Причина кроется въ національныхъ чертахъ ихъ независимаго и гордаго характера. Курды могутъ воспринять только внѣшнія стороны цивилизаціи, которыя поразятъ ихъ, т.-е., говоря словами Кантемира, это будутъ «петиметры». Дальше этого они не пойдутъ. Если же европейцы станутъ насѣдаты на нихъ, курды уйдутъ въ глубь горъ и здѣсь, изъ-за недостатка пастбищъ, какъ непримиримые враги, будутъ вѣчно драться между собой, уничтожая другъ друга. Они неспособны воспринять другихъ условій жизни, чѣмъ тѣ, въ которыхъ живутъ ²⁾. Они не переносятъ притѣсненій, ибо, въ противномъ случаѣ, будутъ истреблять другъ друга и бороться не на животь, а на смерть со своими притѣснителями. Они не желаютъ ничего другого, какъ только пользоваться свободой и независимостью. Какъ я говорилъ уже выше, курды ведутъ полукочевой образъ жизни. Съ началомъ зимы и до поздней осени они кочуютъ въ гор-

²⁾ Примѣръ усмиренія Туркменіи позволяеть и здѣсь надѣяться на лучшее.

ныхъ равнинахъ и только съ наступленіемъ холодовъ, когда въ горахъ выпадаетъ снѣгъ, спускаются въ предгорныя селенія, въ которыхъ когда-то жили армяне, персы, но, вслѣдствіе постоянныхъ грабежей и разбоевъ, бросили эти селенія много лѣтъ тому назадъ и переселились внизъ, поближе къ городамъ, гдѣ можно все-таки искать защиты. Удивительно жалкое впечатлѣніе производятъ эти полуразрушенныя селенія! Они такъ напоминаютъ бѣдные горскіе аулы, гдѣ крыша одной сакли служитъ дворомъ для другой, гдѣ кромѣ бѣдности и запустѣнія съ одной стороны, апатіи и индефферентности жителей съ другой, не видно болѣе ничего, что невольно вообразасшь себя въ горахъ Кавказа. Ахъ, какъ лѣнны курды!.. Его ханэ вотъ-вотъ развалится... Кругомъ сколько угодно подручнаго матеріала, чтобы поправить домъ, но онъ неподвижно сидитъ передъ тандыремъ (очагомъ) и непрерывно куритъ скверный турецкій табакъ. Вся домашняя работа всецѣло лежитъ на женщинахъ, а курды зимою отдыхаетъ, не желая ровно ничего дѣлать. Его главное богатство—баранта. Чѣмъ больше головъ, тѣмъ, значитъ, курды богаче. Изъ молока куртинки готовятъ особый сыръ, замѣчательно вкусный. Въ этотъ сыръ онѣ подмѣшиваютъ особаго рода горную траву, придающую сыру какую то остроту и нѣжность. Кромѣ того онѣ готовятъ еще великолѣпное кислое молоко и пекутъ лаваша. Все это и составляетъ пищу курда, который въ этомъ отношеніи очень нетребователенъ: кусокъ сыра и лаваша можетъ удовлетворить его въ теченіе цѣлаго дня. Любимый напитокъ курда—чай. Баранину они ѣдятъ очень рѣдко: въ большіе праздники или когда пріѣзжаютъ почетные гости.

Курдскія женщины пользуются гораздо большей свободой, чѣмъ персидскія. Онѣ имѣютъ право ходить съ открытыми лицами и отъ насъ, русскихъ, не только не прячутся, но, наоборотъ, съ большимъ любопытствомъ разсматриваютъ и даже разговариваютъ съ нами. Я знаю, что у многихъ курдскихъ племенъ жена хана замѣняетъ въ отсутствіи мужа и другихъ прямыхъ родственниковъ своего мужа по мужской линіи. Къ ней обращаются за совѣтами, и ея рѣшенію обязаны подчиниться.

Собственно говоря, курдскія племена только номинально подчиняются ханамъ. Все подчиненіе состоитъ въ томъ, что они обязаны уплачивать имъ установленную подать; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ ханы пользуются извѣстной властью: напримѣръ, могутъ наказывать непокорныхъ. Впрочемъ, это право принадле-

жить только тѣмъ изъ хановъ, которые пользуются всеобщимъ уваженіемъ и популярностью. Старики пользуются почетомъ и имъ принадлежитъ всегда первое мѣсто при обсужденіи какихъ-либо вопросовъ. Кромѣ того, есть еще такіе курды, которые своей безумною храбростью и отвагой во время набѣговъ и разбоевъ стяжали себѣ славу. Они, какъ легендарные герои, уважаются не только тѣмъ племенемъ, которому принадлежать, но также и многими другими племенами. Эти «герои» очень опасны—такъ какъ, благодаря популярности, легко могутъ взбудоражить нѣсколько племенъ на защиту «попраныхъ» правъ, вѣрнѣе—для достиженія личныхъ цѣлей.

Недавно мнѣ пришлось встрѣтить отца извѣстныхъ братьевъ Омеръ-хана и Гуссейнъ-ага, которые организовали въ прошломъ году нападеніе на Ширванскій полкъ у Зиндешта. Этотъ курдь, уже древній старикъ, но замѣчательно крѣпкій и здоровый, чрезвычайно похожъ на Тараса Бульбу. Лицо его покрыто глубокими шрамами, а тѣло прострѣлено не одной пулей. Въ какихъ только набѣгахъ онъ не участвовалъ! Онъ пользуется большимъ влияніемъ на сомайскихъ курдовъ.

А вотъ другой типъ: курдь Темиръ-Джанго. Это уже завѣдомый разбойникъ. Его тѣло положительно изрѣшето пулями и, несмотря на свой преклонный возрастъ, онъ также крѣпокъ и стоекъ, какъ левъ, а черные большіе глаза выражаютъ непреклонную волю и энергію. Его зовутъ русскіе: «Курдскимъ волкомъ».

Темиръ-Джанго кровникъ Симко, котурскаго хана.

Среди курдовъ очень распространена кровная месть. Эта путанная и сложная система мести создаетъ враждебныя отношенія между цѣлыми племенами. Съ этимъ обычаемъ приходится считаться очень основательно, такъ какъ въ противномъ случаѣ могутъ произойти крупныя непріятности.

Я говорю такъ, основываясь на печальномъ фактѣ, имѣвшемъ здѣсь мѣсто зимою прошлаго года.

Это—подчиненіе сомайскихъ курдовъ котурскому хану Симко.

Измаилъ Симко имѣетъ въ Сомаѣ много кровниковъ, но хойскій вице-консуль, вѣроятно, упустилъ это обстоятельство изъ виду и содѣйствовалъ упроченію Симко въ Сомаѣ, съ помощью вооруженныхъ силъ, въ лицѣ русскихъ войскъ. И что же вышло изъ этого? Пошли, конечно, вооруженныя столкновенія между приверженцами Симко и сомайскими курдами, а за послѣднее время они стали нападать и на русскія войска, считая ихъ за виновни-

ковъ того ужаснаго положенія и междуусобицы, которыя создались сейчасъ въ Сомаѣ.

Впрочемъ объ этомъ дѣлѣ я поговорю подробнѣе въ слѣдующей главѣ.

Закаленность, выносливость и спартанскій образъ жизни курдовъ поражаютъ всѣхъ. Закалка начинается еще съ дѣтства. Достаточно сказать, что курды на своихъ дѣтей обращаютъ очень мало вниманія. Ребенокъ во всякое время года ходитъ голышемъ. Еще зимою на немъ бываетъ рубашенка, но и только. Босой, онъ бѣгаетъ по селенію, играя съ баранами, и это при морозѣ въ 10—14 градусовъ! Весною, когда курды уходятъ на кочевье въ горы, дѣтишки совершаютъ переходы пѣшкомъ и такъ втягиваются и привыкаютъ къ лазанію по отвѣснымъ скаламъ, что, подрастая, они совершенно свободно и легко бѣгаютъ по горамъ. При такомъ образѣ жизни дѣтей, я думаю, что тѣ изъ нихъ, которые выживутъ, будутъ достаточно закалены, и всѣ трудности и лишенія походной жизни для нихъ—ноль. Правда, смертность среди курдскихъ дѣтей очень велика, но курды на это не обращаютъ никакого вниманія, говоря, что разъ Аллахъ подарилъ ему ребенка, то онъ, конечно, знаетъ, когда слѣдуетъ взять его къ себѣ. Вообще на этотъ счетъ у нихъ фаталистическій взглядъ. Судьба! говорить курдъ или: все равно надо умирать!

Курдъ дикъ, и эта дикость граничитъ у него съ кровожадностью. Убить человѣка для него—потребность, какъ для гастронома тонкій обѣдъ. Чѣмъ наглѣе грабежъ, чѣмъ дерзче разбой, чѣмъ больше убито сельчанъ, на которыхъ напали, чѣмъ больше крови пролито, тѣмъ больше почета и уваженія. Слава и популярность достигаются не умомъ, не мудростью и не талантами, а отвагой и храбростью. Курдъ, не побывавшій въ перестрѣлкѣ и не убившій никого, не цѣнится ни во что. Все построено на личномъ героизмѣ. Вчера ничтожество, но сегодня, благодаря совершенному подвигу, всеобщій почетъ и уваженіе...

Если курда начинаютъ притѣснять, онъ становится опаснымъ, какъ раненый звѣрь. Не такъ то легко разстается курдъ со свободой и вольностью!

Правда, открыто нападать въ такихъ случаяхъ онъ не любитъ, предпочитая дѣйствовать по-партизански. Этотъ родъ войны ему хорошо извѣстенъ. А что хуже партизанской войны, да еще въ горахъ, гдѣ каждая тропа извѣстна курду?

Въ концѣ концовъ русскимъ не избѣжать такого столкновенія, если будутъ давить и притѣснять курдовъ.

XVI.

Познакомивъ съ міровоззрѣніемъ, бытомъ и характеромъ курда, я перехожу къ выясненію тѣхъ ненормальныхъ отношеній, которыя сложились въ настоящее время между русскими и курдами и которыя могутъ привести къ нежелательному результату.

Уже теперь курды стали нападать на русскіе отряды, чего прежде не было. О прошлогоднемъ Зиндештскомъ нападеніи, гдѣ участвовали курды, я не говорю на томъ основаніи, что главными вдохновителями и инициаторами этого дѣла были турки, посты которыхъ находились по близости. Это они подговорили курдовъ, обѣщая имъ помощь, а затѣмъ, конечно, умыли руки и созерцали съ невинностью ребенка перипетіи столкновенія и, если бы успѣхъ былъ на сторонѣ курдовъ, они безусловно бы помогли имъ.

Кромѣ зиндештскаго дѣла, курды не нападали на русскихъ, а вообще они, конечно, грабили и разбойничали, за что строго обвинять ихъ нельзя. Въдъ Кавказъ болѣе 50-ти лѣтъ, какъ присоединенъ къ Россіи, а развѣ разбойничество прекратилось? Зелимъ-ханъ, Абдуль-керимъ, Мамедъ-али и др. рождаются самимъ народомъ и будутъ до тѣхъ поръ, пока горецъ не переродится. Съ этимъ зломъ насильственными мѣрами бороться нельзя. Законъ таковъ: чѣмъ больше притѣсняють дикій и свободолюбивый народъ, тѣмъ больше растетъ среди него озлобленіе. Поймають одного вожака, повѣсятъ его, появится другой. Разница будетъ только въ именахъ. Таковы курды.

Пребываніе русскихъ войскъ въ сѣверной Персіи было вызвано необходимостью охраны дорогъ внутри Персіи, чтобы содѣйствовать развитію нашей торговли. Правильная торговля можетъ быть только при безопасномъ сообщеніи. А кто грабилъ караваны и убивалъ путешественниковъ и торговцевъ? Преимущественно курды. Для усмиренія ихъ были посланы русскія войска, которыя, занявъ важные торговые пункты, обезпечили тѣмъ самымъ правильное движеніе. Курды ушли въ горы и грабежи на дорогахъ прекратились. Разбойничьи же набѣги на окрестныя селенія, конечно, продолжались, но, повторяю, что отъ этого ихъ нельзя отучить никакими наказаніями, ни угрозами, ни обѣщаніями. Безъ этого курды не могутъ жить; это впиталось въ ихъ плоть и кровь. Надо перевоспитать курдовъ.

Итакъ, казалось бы, что задача, которая была возложена на русскія войска, выполнена нами блестяще: почти безъ пролитія крови.

Время отъ времени курды обирали какого нибудь персіянина или армянина, убивали сирійца или еврея, или угоняли гдѣ нибудь баранту. Вотъ и все. Въ общемъ же наступило затишье.

Но отъ торговыхъ интересовъ русскіе консулы перешли къ политикѣ. Они стали «кроить» курдскія земли и подчинять ихъ непопулярнымъ ханамъ... Началось съ того, что Сомай (сомайскіе курды) подчинили котурскому хану Симко: какъ я уже говорилъ выше, среди сомайскихъ курдовъ у Симко имѣются кровники, которые отказались ему подчиниться. Началось броженіе. Симко, конечно, обратился къ хойскому вице-консулу за помощью; послѣдній отправилъ въ Куни экспедицію. Дѣло было зимою. Русскія войска, преодолевая страшныя трудности, добрались до ставки возмущившихся курдовъ и заставили непокорныхъ Темиръ-Джанго, Мамедъ-Шерифа и другихъ бековъ поклясться на коранѣ въ вѣрности Симко. Тѣ поклялись подъ угрозой разрушенія ихъ разбойничьяго гнѣзда, а также еще и потому, что стояла зима и уйти было некуда. Такимъ образомъ этой экспедиціей никакого примиренія достигнуто не было. Затѣмъ урмійскій и хойскій вице-консулы раздѣлили всѣхъ курдовъ на двѣ части. Одна половина отошла «подъ вліяніе» хойскому вице-консулу, другая урмійскому. Эта дѣлжка вызвала такое броженіе между курдами, что подъ Урміей появились даже вооруженные отряды, а громадное скопище ихъ въ окрестностяхъ Соуджъ-Булага рѣшило напасть на урмійскій отрядъ. Ждали изо дня въ день нападенія, но въ это время сомайскіе курды не выдержали и напали на нашъ постъ Селямерикъ. Нападеніе въ связи съ тревожными вѣстями заставило консуловъ одуматься и вновь «перекроить» курдовъ, что внесло нѣкоторое успокоеніе. Тѣмъ временемъ Симко, зная, что русскіе поддержатъ его, сталъ форменно грабить подчиненныхъ ему сомайскихъ курдовъ. Какъ фактъ, могу сообщить слѣдующее. Какъ то разъ приходитъ группа сомайскихъ курдовъ въ Дильманъ. Оказалось, что это «выборные» отъ Сомая; ихъ послали сюда жаловаться на Симко. «Онъ насъ разоритъ совсѣмъ! говорили они. Уберите его изъ Чіаря-Кала (резиденція Симко). Кого хотите посадите туда. Поставьте лучше своихъ солдатъ или кого угодно, но только выгоните Симко!». Вотъ какъ настроено противъ Симко одно изъ самыхъ могущественныхъ племень! Но кто такой Симко? Въ чемъ его заслуга?

Юноша этотъ, которому, кажется, нѣтъ еще и 22 лѣтъ, годъ тому назадъ занималъ почетный постъ котурскаго хана. Во время оккупации урмійскаго раіона турками, онъ не допустилъ къ себѣ въ Ко-

туръ ни одного турка; всякій разъ, когда они хотѣли перейти границу котурскаго ханства, Симко съ оружіемъ въ рукахъ отстаивалъ свои права, чѣмъ, естественно, возстановилъ противъ себя турокъ. Когда же въ Персію пришли русскіе, онъ объявилъ себя другомъ Россіи. Вотъ и вся его біографія! Особенныхъ заслугъ, какъ будто, не видно. Постепенный ходъ событій велъ къ тому, что Симко рано или поздно, а сталъ бы другомъ русскихъ. Могъ ли онъ перейти на сторону турокъ, которые были противъ него озлоблены и которые назначили даже приличное вознагражденіе за его голову? Мнѣ кажется: нѣтъ. Тѣмъ болѣе, что дѣдъ Симко былъ вѣроломно схваченъ турками и умерщвленъ ими въ Константинополѣ, а надо помнить, что Симко—курдъ; а у курдовъ существуетъ обычай кровной мести. Далѣе... Если Симко не допустилъ въ Котуръ турокъ, то дѣлалъ ли онъ это въ угоду русскимъ, чтобы доказать свою дружбу? Конечно нѣтъ! Во-первыхъ, онъ просто-напросто охранялъ свои земли изъ-за личныхъ выгодъ; а, во-вторыхъ, онъ видѣлъ въ туркахъ своихъ кровныхъ враговъ, которые замучили его дѣда. А между тѣмъ всю эту исторію раздули выше геркулесовыхъ столбовъ: Симко поклонникъ Россіи! Симко лучшій другъ русскихъ! и т. д.

И вотъ, въ награду за такое отношеніе къ русскимъ, его рѣшили отблагодарить и подарили ему Сомай. А Симко воспользовался, конечно, такимъ къ нему отношеніемъ и довѣріемъ и, не задумываясь о послѣдствіяхъ, сталъ разбойничать и грабить населеніе. Симко самъ говоритъ, что, какъ только русскіе уйдутъ изъ Сомаи, онъ убѣжитъ изъ Чіари-Кала.

Подобное «управленіе» Сомаемъ безусловно приведетъ къ партизанской войнѣ со всѣмъ населеніемъ персидскаго Курдистана, потому что за сомайскими курдами возстанутъ и другія племена.

Политика русскихъ консуловъ для курдовъ непонятна. Вѣдь если бы русскіе не стояли за Симко, его давнымъ давно или выгнали бы изъ Чіари-Кала, или убили бы! А такъ какъ этого сдѣлать имъ не разрѣшаютъ, то они думаютъ, что хищничествамъ и беззаконіямъ Симко потворствуютъ сами же русскіе, тѣмъ болѣе, что Симко неоднократно прикрывался русскимъ именемъ, говоря, что «дѣлаетъ» это съ вѣдома русскихъ.

Вотъ почему миръ, заключенный зимою въ Куни, оказался такъ непрочень.

Съ іюня, Темиръ-Джанго и другіе, клявшіеся зимою въ вѣрности Симко, опять возстали на защиту поправныхъ правъ и для изгнанія Симко изъ Сомаи.

Симко обратился, понятно, за помощью къ хойскому вице-консулу. Опять былъ посланъ отрядъ въ Чиари-Кала.

Правда, русскіе активно не выступали противъ возставшихъ курдовъ, но, охраняя тыль и резиденцію Симко, развязали ему тѣмъ самымъ руки, благодаря чему Симко, забравъ съ собою всѣхъ всадниковъ, погнался за Темиръ-Джанго. Въ горахъ произошло столкновение. Темиръ-Джанго отступилъ и ушелъ въ Турцію. Въ руки Симко, между прочимъ, попался любимый сынъ Темиръ-Джанго, котораго, конечно, сейчасъ же зарѣзали.

Этого злодѣянія Темиръ-Джанго никогда не забудетъ и не проститъ Симко. Отнынѣ, какъ кровожадный звѣрь, будетъ онъ искать случая отомстить Симко... А недовольныхъ у Темиръ-Джанго очень много... Говорятъ, что Темиръ-Джанго сказалъ: «Я не хочу сражаться теперь съ Симко потому, что за спиной его стоятъ русскіе солдаты, по настанетъ время и мы помѣримся съ нимъ».

Сейчасъ въ Соматъ страшное недовольство противъ русскихъ за то, что они вмѣшиваются въ распри и личныя отношенія курдовъ: «Мы васъ не трогаемъ, говорятъ они; чего хотите вы отъ насъ? Мы знаемъ сами, какъ надо рѣшать свои дѣла».

Іюньское нападеніе на урмійскаго консула подъ Урміей есть опять таки результатъ недовольства и броженія среди курдовъ. Правда, нападеніе это, не стоящее выѣденнаго яйца, было страшно раздуто.

Вообще, за послѣднее время нападенія участились и, если консулы хотятъ сохранить добрыя отношенія съ курдами, то необходимо, прежде всего, немедленно выгнать Симко изъ Чиари-Кала и водворить его на жительство въ Котуръ, а, во вторыхъ, не вмѣшиваться въ личныя дѣла курдовъ, предоставивъ рѣшать ихъ самимъ курдамъ... Вѣдь у нихъ существуютъ извѣстные обычаи, которыми они и руководятся. Для чего же навязывать то, что не отвѣчаетъ укладу жизни и нѣтъ возрѣніямъ?

XVII.

О томъ, что можетъ дать сѣверная Персія въ торгово-экономическомъ и финансовомъ отношеніяхъ, а такъ-же выгодно ли присоединеніе ея къ намъ со стратегической точки зрѣнія, я напишу въ слѣдующій разъ, когда установится на Балканахъ status quo и окончательно выяснится позиція Турціи... Теперь же я хочу указать лишь на то обстоятельство, что въ настоящее время въ

сѣверной Персїи находится слишкомъ много войскъ, численность которыхъ можно было бы сократить со спокойной совѣстью.

Главная роль въ бою принадлежитъ вообще пѣхотѣ, а въ горахъ тѣмъ болѣе... Артилерія нужна здѣсь, только горная, а никакъ не полевая, при непроходимости для нея дорогъ, да и та только для того, чтобы «попугать» курдовъ.

Это происходитъ оттого, что стрѣльба шрапнелью, вслѣдствіе отлогой траекторіи и нахождения противника за гребешками горъ или глинобитными стѣнками, не наноситъ ему никакого урона.

Единственный родъ снаряда, которымъ достигается здѣсь нѣкоторый успѣхъ это—граната.

Въ настоящее время въ Азербейджанѣ находится дивизионъ полевой артилеріи, батареи котораго въ теченіе цѣлаго года не посылались ни въ одну экспедицію, тогда какъ горныя батареи стрѣлковаго дивизиона постоянно странствуютъ то туда, то сюда. Вернулись изъ одного похода, смотришь, собираются въ другой. Да если и сравнить полевую пушку 1900 года и горную, образца 1909 года, состоящія на вооруженіе въ данную минуту, то безусловно всѣ выгоды на сторонѣ послѣдней. Начну съ того, что движеніе даже горной артилеріи здѣсь очень затруднительно и сопряжено съ большими трудностями, а для полевой совершенно невозможно, потому что (какъ сказано) нѣтъ дорогъ. Какъ я уже писалъ, вмѣсто дорогъ, въ горахъ Персїи существуютъ тропы, по которымъ ишакъ или верблюды свободно проходятъ. Сможетъ пройти и горная артилерія (взявшись на вьюки, хотя и съ опасностью сверзиться въ пропасть), но не полевая. Я думаю, было бы безуміемъ даже пробовать...

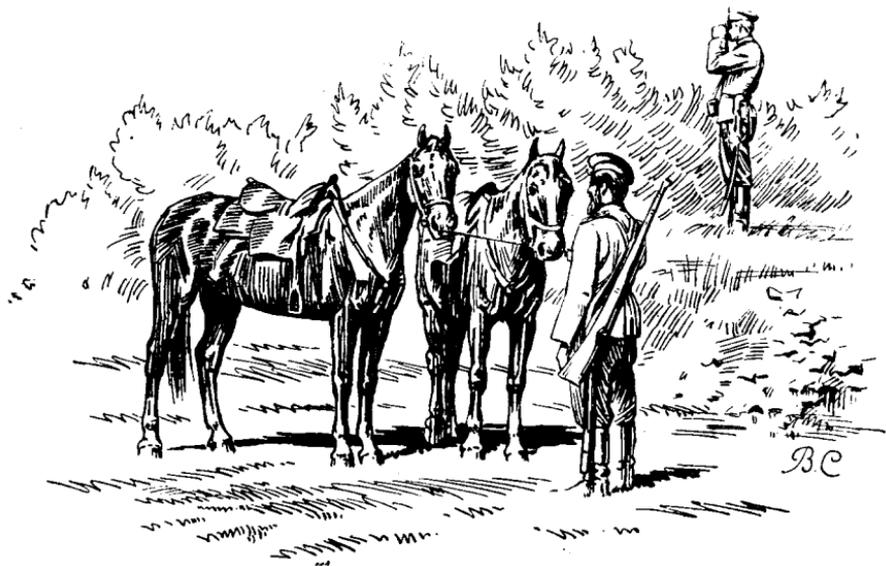
Въ силу этого полевая артилерія обрекается здѣсь на бездѣйствіе. А что хуже бездѣйствія и томительнаго ожиданія! Удобство примѣненія къ мѣстности горной артилеріи не только лучше, но выгодно еще и въ томъ отношеніи, что высота закрытій на позиціяхъ нужна меньше, чѣмъ для полевой, благодаря чему уменьшается мертвое пространство; да, наконецъ, имѣя щиты, горная артилерія можетъ свободно становиться на открытыхъ позиціяхъ, тогда какъ полевая въ этихъ случаяхъ несла бы большія потери личнаго состава. Дѣло въ томъ, что артилеріи приходится здѣсь, въ силу невыгодной топографіи мѣстности и отлогой траекторіи, становиться на близкихъ дистанціяхъ, а курды на такомъ разстояніи великолѣпные стрѣлки...

Баллистическія же свойства, какъ той такъ и другой—одина-

ковы. Такимъ образомъ, подводя резюме всему вышесказанному, нельзя не согласиться, что горная артилерія нужнѣе полевой и, въ случаѣ надобности, боевыя свойства ея могутъ быть использованы съ большимъ успѣхомъ. Если же необходимо имѣть въ Персіи такъ много артилеріи, то надо, въ такомъ случаѣ, замѣнить полевую артилерію горной или же развернуть стрѣлковыя батареи до 8 орудійныхъ (стрѣлковыя батареи имѣютъ сейчасъ запряженными по 4 орудія), что было бы самымъ цѣлесообразнымъ, а въ финансовомъ отношеніи гораздо экономнѣе.

Ж.

ВЪ ЛАГЕРЯХЪ ОСЕНЬЮ.

Люблю я, пользуясь послѣдними хорошими осенними днями, проводить свободное время въ нашихъ покинутыхъ и опустѣлыхъ лагеряхъ...

Люблю я осеннее, сѣрое, тусклое утро, съ мелкимъ, словно сквозь частое, частое сито, сѣющимъ дождикомъ, когда всѣ лагеря, такъ недавно еще шумные, веселые и оживленные, а теперь безжизненные, тихіе, молчаливые и осиротѣлые, съ офицерскими бараками, окруженными маленькими садиками, каменными ротными канцеляріями, собраніемъ, садомъ и низкими земляными валиками солдатскихъ палатокъ, кажутся покрытыми легкой водянистой пеленой; когда съ cadaго деревца, каждой вѣтки, кустика, листка, каждой ягодки ярко-краснаго пучка рябины, падаютъ такія тихія печальныя слезы, слезы осени, слезы грусти по быстро промелькнувшему лѣту...

Люблю я осеннюю лагерную тишину, гдѣ царитъ такое тоскливое молчаніе, молчаніе умершаго лагеря и красиво-шелестящихъ деревьевъ, и гдѣ такимъ рѣзкимъ и непріятнымъ дисонансомъ изрѣдка прозвучитъ пронзительный свистокъ паровоза или донесется далекій, далекій грохотъ и грубый шумъ неугомной городской жизни.

Люблю я осень въ лагеряхъ, когда съ знакомыхъ старыхъ деревьевъ срываются сухія блѣдно-желтыя листья и, съ трескомъ лопааясь, падаютъ на широкія линейки послѣдніе крупные каштаны, которые такъ любятъ собирать и увозить къ себѣ на родину наши солдаты.

Люблю я лагери въ осеннюю погоду, въ осенній мелкій дождикъ, гдѣ рождаются такія бодрія настроенія, мечты о новыхъ лагеряхъ, осеннихъ пѣсняхъ, напѣвахъ, минувшихъ, такъ ярко всплывающихъ предо мною, лагерныхъ впечатлѣніяхъ.... Вспоминается осенняя солдатская жалобная пѣсня:

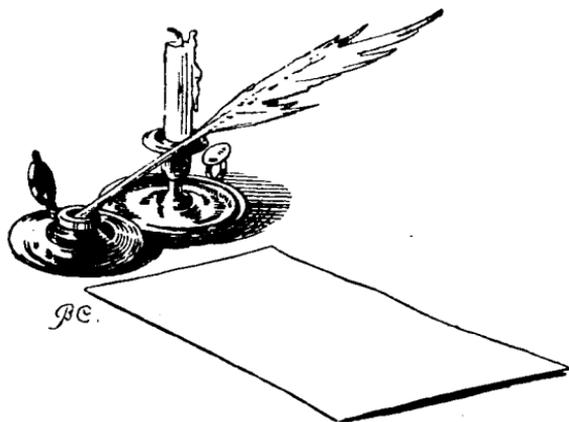
«Не осенній мелкій дождикъ,
Брызжетъ, брызжетъ сквозь туманъ...
Слезы горькія льетъ молодецъ на свой бархатный кафтанъ.»

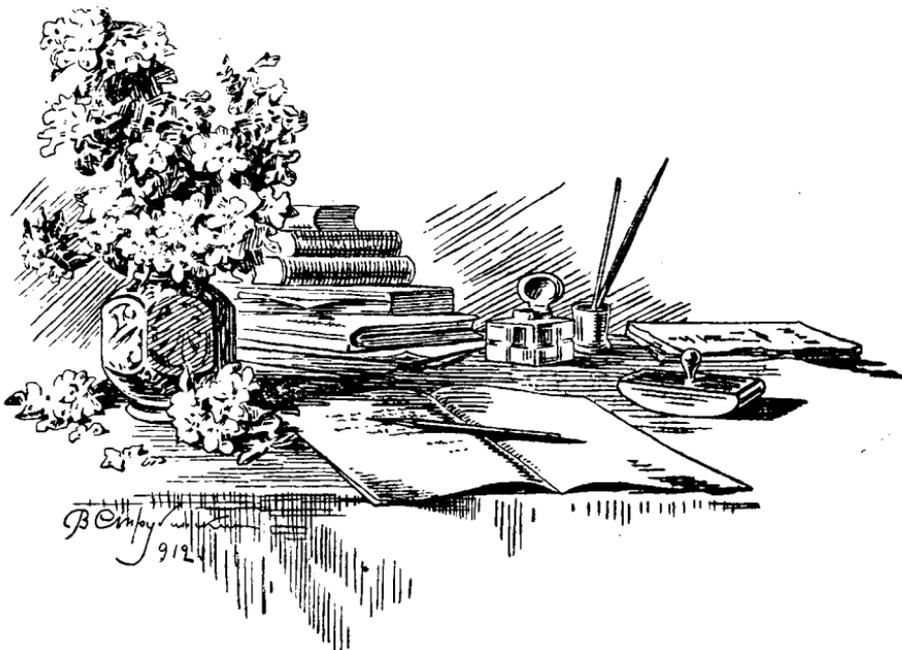
Мнѣ жаль ласковыхъ и тихихъ лагерей, дышащихъ такой нѣжной военной поэзіей, тихой прелестью, меланхолическими думами и неизгладимыми яркими впечатлѣніями промелькнувшей кипучей бодрой жизни, такъ дружно звучащей въ нашемъ старомъ полку гдѣ заложилась чудная товарищеская спайка, созданная длинной работой ряда самоотверженныхъ, влюбленныхъ въ суровое военное дѣло, памятныхъ поколѣній...

Мнѣ жаль ихъ, затихшихъ военныхъ лагерей, гдѣ готовилось къ войнѣ еще одно молодое, сильное, горячо вѣрующее въ неуязвимую славу родныхъ знаменъ, военное поколѣніе...

Мнѣ жаль ихъ, умолкшихъ на зиму лагерей....

А. Лангъ.

ХУРТУМЪ И ЁРШИКЪ ¹⁾.

Повѣсть.

(Продолженіе).

VII.

асовъ около трехъ ночи сталъ стихать вѣтеръ и вой Ершика, дотолъ относимый его порывами, сталъ тревожить обитателей дома.

Первой проснулась на кухнѣ за своей перегородкой Марья.

— Василій, а Василій! окликнула она денщика.

Отвѣтомъ ей былъ басистый храпъ солдата.

Марья стала прислушиваться. «Ершикъ» рвался, вылъ и лаялъ, выливая всю тоску своей собачьей души...

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 9.

— Ой, не къ добру это, прошептала Марья. Впервые съ нимъ, сколько на цѣпи сидить. Собака толковая—зря не станетъ... О, Господи!

«Пойду-ка, побужу Василия», рѣшила она и, наскоро одѣвшись, встала.

Но денщика не такъ то легко было разбудить и прошло по крайней мѣрѣ четверть часа, пока солдатъ началъ понимать окружающее.

— А? что? воетъ? говорилъ онъ, приходя въ себя; ну, пусть воетъ...

— Да очухайся ты, не унималась Марья; подь, посмотри... О-охъ, не проста это. Собака толковая...

Ее все больше охватывало непонятное волненіе. А лай и вой «Ершика» все лились, и слышался въ нихъ и ужась, и тоска, и призывъ на помощь.

— Ахъ, штобъ васъ! Наговорятся на ночь про разныхъ овиниковъ, огрызнулся Василій, а потомъ чудится имъ... Вотъ я его...

Онъ всталъ, накинулъ шинель и, схвативъ стоящую въ углу хворостину, выскочилъ на крыльцо.

— Ты что, паскуда, очумѣль, что-ли!? набросился онъ на «Ершика», кинувшагося къ нему навстрѣчу съ жалобнымъ воемъ.

Нотолько онъ замахнулся, чтобы ударить собаку, какъ «Ершикъ» взвился на дыбы, схватилъ его за горло и прежде, чѣмъ присѣвшій отъ страха Василій успѣлъ опомниться, повалилъ, легъ ему на грудь, но вмѣсто того, чтобы кусать, завылъ протяжно и тоскливо, глядя въ лицо солдата жалобными глазами.

Всю эту картину, при тускломъ свѣтѣ нарождавшагося утра, видѣла вышедшая вслѣдъ за Василіемъ Марья. Она бросилась къ собакѣ и стащила ее за ошейникъ.

— Ахъ, ты такъ! храбрился блѣдный, какъ полотно, денщикъ, вскакивая съ земли. Ты кусаться!... Вотъ я тебя! И онъ кинулся по двору, ища палку поосновательнѣе.

— Да полно тебѣ! Ишь ты Аника-воинъ! Нашелъ время драться. Гляди-тко лучше!

— А что глядѣть то? огрызнулся Василій.

Марья молча указала ему на собаку. Взившись на заднія лапы и натянувъ цѣпь насколько можно, повиснувъ на ней, «Ершикъ» раздрающимъ тоскливымъ воемъ заливался въ сторону конюшни.

— Подь, Василій, посмотри, убѣждала его Марья. О-охъ, не къ добру это.

Но денщикъ оставался непреклоненъ.

— Стану съ вами я тутъ валандаться! Мало дня! Овинникъ што-ль, либо домовой ходить, по вашему понятію? презрительно фыркнулъ онъ и пошелъ къ дому.

— Креста на тебѣ нѣтъ! Безбожникъ! крикнула ему вслѣдъ Марья и отправилась одна въ обходъ дома.

Черезъ десять минутъ весь домъ былъ на ногахъ.

Василій съ зажженнымъ фонаремъ, хотя въ этомъ не было никакой необходимости, бѣжалъ впереди ротмистра. Сзади слѣдовала Марья, причитая, плача, жестикулируя и ругая Василя. Остальные домашніе, испуганные извѣстіемъ, кое-какъ одѣвшись, сбились въ столовой.

Вѣтеръ ослабѣлъ и налеталъ перывами. Мутный воздухъ начиналъ сѣрѣть, колыхался точно влажная полупрозрачная завѣса и тумана очертанія предметовъ. Свинцовыя тучи громоздкой стаяй тянулись низко надъ землею. Деревья сада то застывали неподвижно, то съ жалобнымъ стономъ раскачивались оголенными вѣтвями и кланялись, точно стараясь умиловить какое то грозное божество. Опавшій листъ не шуршалъ подъ ногами, а стлался влажнымъ и желтымъ ковромъ на вязкую землю.

Когда приближались къ конюшнѣ, издали можно было скорѣе угадать напряженнымъ глазомъ, чѣмъ распознать что то черное на землѣ.

— Вонь! Во-о-онь! Го-луб-чи-и-къ! заголосила Марья.

Налетѣлъ вѣтеръ, скрипнула и застучала замкомъ (на сорванной съ пробойника клямкѣ) конюшенная дверь; точно крылья черной птицы затрепались въ воздухѣ фалды коротенькаго мундира.

Ражанцовъ лежалъ наискось, ногами къ дверямъ. Фуражка была нахлобучена на глаза и онъ производилъ издали впечатлѣніе мирно спавшаго человѣка, если бы не ужасныя подробности, открывавшіяся съ приближеніемъ... Изъ подъ козырька фуражки, вмѣсто знакомаго лица и бороды, виднѣлся застывшій темно-коричневый кровяной сгустокъ; такая же коричневая влага легла вокругъ головы и плечъ, пропитавъ землю. Разсѣченная на макушкѣ фуражка вздулась волдыремъ и изъ нея медленно, почти незамѣтно, тянулась къ землѣ тонкая и густая струя застывшей крови. Изъ скрюченныхъ кровавыхъ обрубковъ пальцевъ далеко откинутой правой руки еще струилась алая кровь; временами конвульсивно вздрагивала рука...

VIII.

Ражанцовъ остался живъ. Поднятая рука и солдатская привычка носить въ фуражечной подкладкѣ заколотыя иголки съ нитками, обмотанными вокругъ нихъ, спасли его. Подававшій первую помощь врачъ не могъ понять, откуда взялись у него на головѣ двѣ поперечныя ранки—одна тоненькая и короткая, другая значительно длиннѣе и толще. Осмотрѣли фуражку и на линіи прорѣза нашли двѣ иголки. Тоненькая была сломана пополамъ и острый конецъ ея отсутствовалъ, а на толстой едва различалась простымъ глазомъ царапина—слѣдъ ударившаго ее кинжала. Средніе пальцы правой руки были обрублены, точно скошены по первый суставъ, а съ двухъ боковыхъ была снесена мякоть съ частью ногтя.

Большая потеря крови сдѣлала его очень слабымъ и очнулся онъ только на вторыя сутки въ госпиталѣ, куда его доставили. Первымъ вопросомъ его было, что случилось съ «Хуртумомъ». Но ни госпитальные служители, ни сестра милосердія ничего не знали о подробностяхъ происшествія.

Разказалъ ихъ Юрій, прибѣжавшій на третій день въ сопровожденіи бонны, узнавъ отъ отца, что его другу лучше.

Торжественно безмолвны и пустычны были безконечные госпитальные корридоры. Сѣрая полотняная дорожка, протянутая лентой между двухъ полосъ желтаго крашенаго пола, скрадывала глухой гулъ шаговъ. Пахло смѣсью лекарствъ, изъ которой выдѣлялся рѣзкій запахъ карболки и іодоформа. Высокія двери въ палаты были плотно заперты, какъ будто хранили за собой непроницаемую тайну. Только изрѣдка изъ-за стѣны доносился заглушенный крикъ или тихій стоны.

Послѣ долгаго странствованія, ввели ихъ въ просторную, свѣтлую комнату, гдѣ въ три ряда, съ равными промежутками, тянулись кровати вперемежку съ бѣлыми небольшими столиками.

— Вотъ, указалъ служитель въ фартукѣ съ засученными рукавами рубашки.

Юрій не узналъ своего друга. Съ бѣлой, точно чалма, повязкой на головѣ, съ притянутой на бинтѣ къ груди, закутанной рукой блѣднымъ лицомъ и ввалившимися закрытыми глазами, лежалъ, вытянувшись подъ сѣрымъ одѣяломъ, какой то человекъ. И только рыжеватая окладистая борода напоминала о Ражанцовѣ.

Нѣсколько мгновений стоялъ Юрій въ нерѣшительности съ бьющимся и замирающимъ сердцемъ. Такъ жутко и необычайно было здѣсь. Такъ тяготила эта тишина, гдѣ каждый звукъ раздавался преувеличенно громко. Давила симметричность и однообразие кроватей, съ дощечками на высокихъ шестахъ, напоминающихъ могильные кресты, съ вытянувшимися неподвижно подъ этой эмблемой смерти искалѣченными, полуживыми людьми.

Какой то солдатъ, сосѣдъ Ражанцова, какъ потомъ узналъ Юрій, — съ раздавленной при паденіи на него лошади грудной клѣткой, издавалъ горломъ какіе то странные свистящіе звуки, точно наигрывалъ на флейтѣ.

— Ег schlift (*спитъ*), тихо сказала фрейленъ.

— Уйдемъ, прошепталъ Юрій, прижимаясь къ ней отъ страха.

Въ это время Ражанцовъ открылъ глаза. Они были тусклы, безжизненны и глядѣли неподвижно. Но вдругъ по лицу его скользнула улыбка, волосы бороды и усовъ едва замѣтно зашевелились, затопорщились, и онъ тихо сказалъ:

— А, барчукъ!

— Вотъ мама тебѣ прислала, заторопился Юрій, чувствуя себя неловко и не зная съ чего начать разговоръ.

Онъ протянулъ и положилъ на колѣни больному свертокъ съ чаемъ, сахаромъ и полубутылкой коньяка.

— Дай Богъ ей здоровьца, тихо и ласково сказалъ Ражанцовъ.

Потомъ помолчалъ, подумалъ и, удовлетворяя неотвязную мысль, спросилъ:

— А «Хуртума» тово... увели?

— Увели, повторилъ Юрій и, обрадовавшись, что есть о чемъ говорить, принялся, спѣша и сбиваясь, рассказывать о видѣнномъ на мѣстѣ происшествія, о слышанной отъ отца безрезультатной погонѣ и такихъ же безрезультатныхъ поискахъ.

Когда тема эта изсякла, наступило тягостное молчаніе. Ражанцову, видимо, было трудно говорить.

— Ты усталъ? Я пойду, полувопросительно сказалъ Юрій, ерзая на скамейкѣ и не зная, что предпринять.

— Подъ-ка сюда, протянулъ къ нему Ражанцовъ здоровую руку.

Когда Юрій, не безъ боязни, придвинулся къ нему, онъ придержалъ его за плечики, еще больше наклонилъ къ себѣ и, щекоча его лицо бородой, зашепталъ на ухо:

— «Ершика» съ цѣпи то спусти... безпремѣнно спусти... пусть побѣгаетъ на волѣ... а ты погляди за нимъ, какъ онъ побѣжитъ... Спустишь?

— Спущу, сказалъ Юрій, удивляясь пустяжности просьбы, которую его другъ облакалъ такою тайнственностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ косясь на бонну.

— Не запамятуй, еще разъ напомнилъ Ражанцовъ, и, когда Юрій еще разъ пообѣщавъ исполнить, по лицу его пробѣжала удовлетворенная и какъ будто лукавая усмѣшка.

Когда собрались уже уходить, внезапно и порывисто подошла къ Ражанцову нѣмка.

— Пошалуйста, вотъ возмѣйть... мой братъ bei Metz (*подъ Мецомъ...*) зъ ружьямъ... Grosser Gott (*о, мой Богъ!*), какъ она страдалъ...

И показавъ одной рукой на грудь, куда былъ раненъ ея братъ подъ Мецомъ, она другой сунула Ражанцову въ руку какую-то мелочь и быстро, сжавъ ее рукопожатіемъ, бросилась вонъ. Она была взволнована. Въ глазахъ ея стояли слезы.

IX.

Въ эти дни всѣ забыли о «Ершикѣ». Даже Юрій навѣщавъ его рѣже, чему отчасти была виною ненастная вѣтреная погода. Василиій былъ золь на собаку и ее взяла подъ свое покровительство Марья.

— Пса-то не обманешь! Смышленный песь—чуветь несчастье, словно человекъ грустить, говорила Марья, возвращаясь на кухню съ миской, въ которой носила «Ершику» похлебку.

И, дѣйствительно, за эти дни «Ершикъ» совершенно перемѣнился. Послѣ того, какъ мимо него пронесли безчувственнаго Ражанцова, онъ легъ, пересталъ выть и лаять и такъ неподвижно лежалъ по цѣлымъ днямъ подлѣ конуры, не прикасаясь къ пищѣ. Когда къ нему приближался Юрій или Марья, онъ вскакивалъ, жалобно повизгивая, лизалъ руки, бросался въ сторону конюшни, лаялъ и вылъ, поворачивая къ нимъ свою взъерошенную морду; опять подбѣгалъ къ нимъ и, снова оборачиваясь, какъ бы приглашая слѣдовать за собою, бросался и вылъ въ ту сторону, гдѣ произошло несчастье съ его друзьями.

— Ишь, горюеть, объясняла себѣ Марья.

Юрій никакъ не могъ понять поведенія собаки. Да и не осо-

бенно задумывался надъ этимъ. Онъ зналъ одно, что «Ёршикъ» сталъ скучный, отказывается продѣлывать свои штуки и что съ нимъ не такъ весело играть, какъ прежде.

Конечно, никому и въ голову не приходило спускать «Ёршика» съ цѣпи и онъ все время проводилъ на привязи.

Вернувшись изъ госпиталя, Юрій рѣшилъ привести въ исполненіе просьбу друга. Улучивъ моментъ, когда бонна сѣла заниматься съ сестренкой, а старшіе были заняты съ гостями, Юрій одѣлъ пальтишко, шляпенку и выскочилъ на дворъ.

Было часовъ около четырехъ дня. Красноватое солнце медленно клонилось къ закату, по небу скользили разорванными клочьями серебристо-дымчатая облака. Выжженная волнистая окрестности утопали въ какомъ-то тускло-золотистомъ сіяніи. Дулъ неизмѣнный вѣтеръ и, несмотря на солнечные лучи, было холодновато.

— Ёршикъ! Ёршикъ! позваль Юрій.

Лязгая цѣпью по проволокъ, собака подбѣжала къ нему и, жалостно повизгивая, принялась лизать ему руки. Она замѣтно похуѣла и утратила былую жизнерадостность.

— Ёршикъ, стой!... но собака, не подозрѣвая, что ей хотять дать свободу, по обыкновенію послѣднихъ дней, бросилась въ противоположный конецъ проволоки и завyla въ сторону конюшни.

— Ёршикъ, подожди-же!

Съ большимъ трудомъ Юрію удалось отстегнуть карабинъ цѣпи.

Первое мгновеніе собака не вѣрила своей свободѣ, затѣмъ радостно взвизгнула и, изъявляя Юрію свою признательность, лизнула его въ лицо.

Потомъ, сдѣлавшись серьезной и какъ бы исполняя свой долгъ, затрусилла на черный дворъ, оборачиваясь на Юрія, таякая, повиливая хвостомъ и приглашая его всѣми собачьими жестами и возгласами слѣдовать за собою.

Грустно стояла покинутая конюшня. Дверь покачивалась и скрипѣла на вѣтру. Наискось, подлѣ двери, еще ясно обозначалось коричневымъ пятномъ мѣсто, гдѣ лежалъ Ражанцовъ.

Внимательно обнюхалъ его «Ёршикъ» и залаялъ, но въ этомъ лаѣ уже не было печали, какъ будто онъ былъ увѣренъ, что его хозяинъ живъ.

Слѣдовать за собакой въ конюшню Юрій побоялся. Тамъ былъ полумракъ и казалось, что кто-то спрятался и выжидаетъ момента, чтобы наброситься.

Долго «Ершикъ» пробылъ въ конюшнѣ. Когда онъ появился на порогѣ, морда его была озабоченной. Внимательно обнюхивая землю, шагъ за шагомъ онъ подвигался впередъ. Вотъ онъ у пролома въ заборѣ, черезъ который вывели конокрады лошадей, вогъ уже въ полѣ. Слѣды погони, очевидно, его путаютъ. Онъ дѣлаетъ петли, кружится на одномъ мѣстѣ, возвращается назадъ и снова ведетъ.

Раздается его радостный лай. Онъ смотритъ на Юрія, бросается впередъ и неудержимо, весело лаетъ.

— Ершикъ! Ершикъ! Ершикъ!

Собака оборачивается, бросается впередъ и снова радостно лаетъ, какъ бы говоря: «Да иди же за мной!»

— Ершикъ! Ершикъ! Ершикъ!

Убѣдившись, что Юрій и не думаетъ за нимъ слѣдовать, «Ершикъ» раза два прощально тявкнулъ и, уткнувшись носомъ въ землю, подкидывая на ходу задомъ, безъ колебаній понесся въ волнистое пространство предгорій.

— Ершикъ! Ершикъ! Ершикъ!... голосъ Юрія подхватывалъ вѣтеръ и, точно издѣваясь, уносилъ въ сторону.

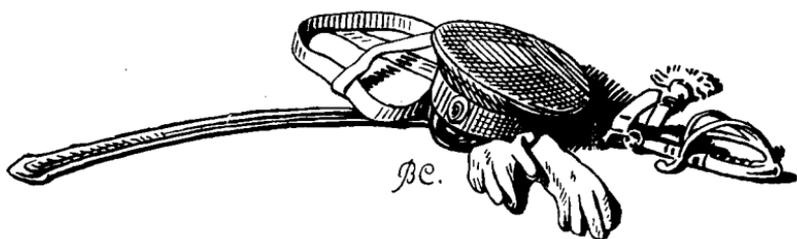
— Ершикъ! А Ершикъ!... въ голосѣ послышались слезы.

Собака еще разъ мелькнула и исчезла въ складкахъ мѣстности, точно нырнула въ тускло-золотистый океанъ выжженныхъ солнцемъ волнистыхъ предгорій.

Трилицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Спортъ за границей.

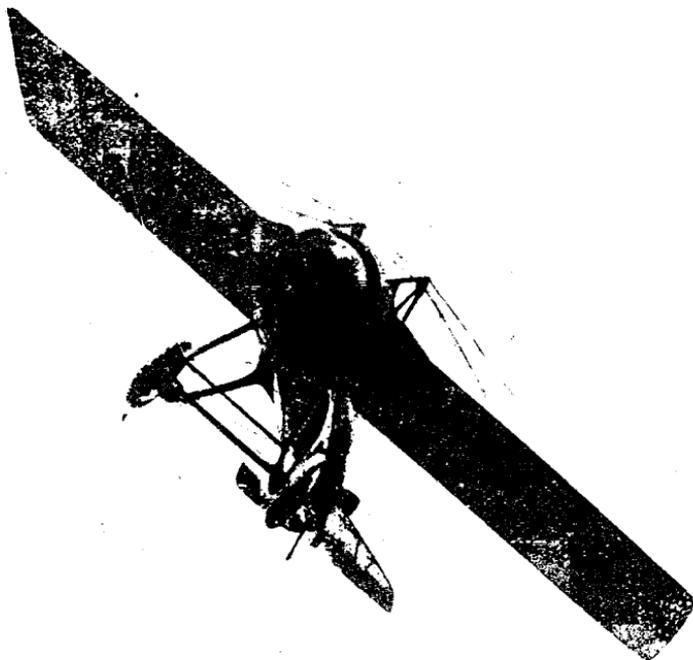
10-го (23-го) сентября извѣстный французскій летчикъ Гарро совершилъ безостановочный перелетъ черезъ Средиземное море изъ С. Рафаэля въ Бизерту, покрывъ разстоянiе въ 760 километровъ въ 7 часовъ 53 минуты; Гарро летѣлъ на монопланъ Моранъ-Сонье (Morane-Saulnier) съ 60-ти сильнымъ моторомъ Гномъ.

Отважный летчикъ отказался отъ сопровожденiя его судами и и не захотѣлъ летѣть на гидропланъ, увеличивая тѣмъ самымъ рискъ полета надъ моремъ. Взявъ съ собою 250 литровъ эссенци, Гарро поднялся на воздухъ въ 5 часовъ 47 минутъ утра, рассчитывая быть въ Бизертѣ черезъ 6 часовъ. По словамъ авiатора, въ виду Корсики и особенно между этой послѣдней и Сардинiей, у него были сильныя опасенiя, что моторъ сдастъ. Но особенно тяжелой была послѣдняя часть перелета, когда, потерявъ изъ виду Сардинiю, окруженный воздухомъ и водой, борясь съ порывами сильнаго вѣтра, съ лицомъ, сжигаемымъ палящими лучами солнца, Гарро убѣдился, что расходъ эссенци превысилъ его расчеты; дѣйствительно, при спускѣ въ Бизертѣ, въ аппаратѣ оставалось эссенци всего 5 литровъ.

Въ 1 часъ 40 минутъ дня побѣдитель воздушной стихiи достигъ береговъ Африки.

Прево, другой известный французский летчикъ, получилъ кубокъ Гордонъ-Беннетта, развивъ на монопланѣ Денердюссена со 160 сильнымъ моторомъ Гномъ (см. рис. № 1) скорость 200 кил. 803 м. въ часъ; Прево пролетѣлъ разстояніе въ 200 километровъ въ 59 минутъ 45,6 секунды.

Рис. № 1.

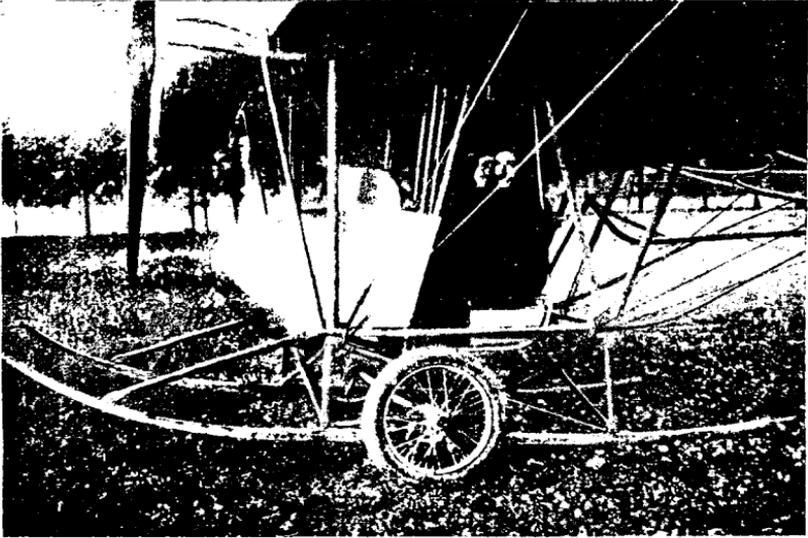
ФРАНЦІЯ. Прево во время своего полета со скоростью 200 кил. въ часъ

Не менѣе интересенъ полетъ авіатора Моро на монопланѣ его системы съ автоматическимъ стабилизаторомъ, давшій его изобрѣтателю призъ Бонне (1.000 фр.).

По условіямъ приза, летчикъ долженъ былъ, управляя однимъ рулемъ направленія, совершить круговой полетъ не менѣе 20 километровъ по кругу въ 5 километровъ, при вѣтрѣ не менѣе 5 метровъ въ секунду. Моро, вмѣстѣ съ повѣрявшимъ его лейтенантомъ флота Лафонъ (см. рис. № 2), совершилъ полетъ на высотѣ 110 ме-

тровъ въ теченіе 25 минутъ, скрестивъ руки, не дотронувшись до рычаговъ и управляя ногами рулемъ направленія; вѣтеръ былъ силою 15 метровъ въ секунду.

Рис. № 2.

ФРАНЦІЯ. Авиаторъ Моро и лейтенантъ Лафонъ на новомъ аэропланѣ Моро.

Съ военной точки зрѣнія, такое облегченіе работы летчика заслуживаетъ самага серьезнаго вниманія, не говоря уже о бѣльшей безопасности полета.

Развилъ небывалую скорость въ истекшемъ мѣсяцѣ и дирижабль, установивъ новый рекордъ: новый дирижабль англійскаго адмиралтейства «Астра-Торресъ» (Astra-Torrès) показалъ на пробномъ испытаніи скорость въ 83 километра 200 м. въ часъ (см. рис. № 3).

Въ приѣмныя испытанія было включено условіе расположенія дирижабля подъ открытымъ небомъ на 24 часа. Въ медальонѣ на прилагаемомъ рис. № 3 показано предложенное для этой цѣли приспособленіе. Послѣднее состоитъ изъ желѣзнаго столба, перевозимаго на автомобилѣ и прочно устанавливаемаго на землѣ помощью отяжекъ; дирижабль удерживается носовою своею частью на верхушкѣ столба посредствомъ конуса, вершиной прикрѣпленнаго къ столбу, а основаніемъ—къ дирижаблю; конусъ легко вращается на оси столба, позволяя все время держать дирижабль по вѣтру.

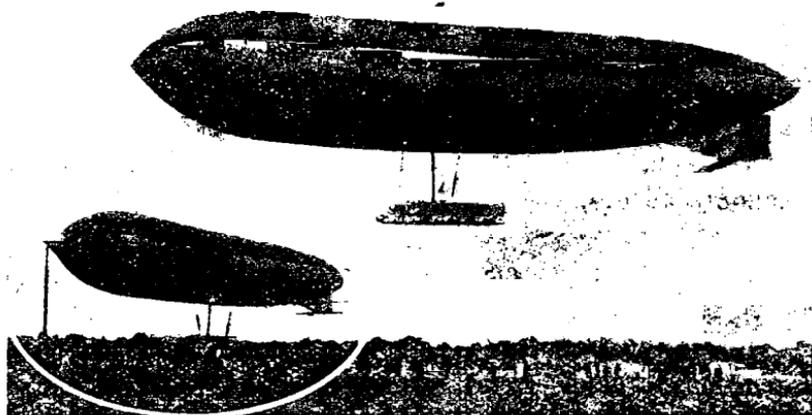
На испытаніи сила вѣтра колебалась отъ 11 до 17 метровъ въ секунду, и дирижабль спокойно пробылъ 24 часа подъ открытымъ небомъ.

Конструктивныя данныя «Астра-Торресъ» слѣдующія: діаметръ—13 м. 50; длина—70 м.; объемъ—7.000 куб. м.; подъемная сила—около 2.500 килогр.; двигатели—два мотора Шеню 200 НР.

«Illustration» посвящаетъ большую статью съ прекрасными рисунками Сабаттѣ «школѣ атлетовъ» (Collège d'athlètes), открытой въ Реймсѣ, благодаря энергіи извѣстнаго лейтенанта Хебера (Hébert) и щедрости маркиза де-Полиньяка.

Цѣль учрежденія названной школы, по словамъ директора ея—Хебера, создать «нормальныхъ людей» съ помощью его системы. Школа располагаетъ отличнымъ стадиономъ со всѣми необходимыми гимнастическими приборами; тутъ же свѣтлыя просторныя помѣщенія школы и открытый бассейнъ съ прекрасной водой.

Рис. № 3.

АНГЛІЯ. Новый дирижабль «Астра-Торресъ».

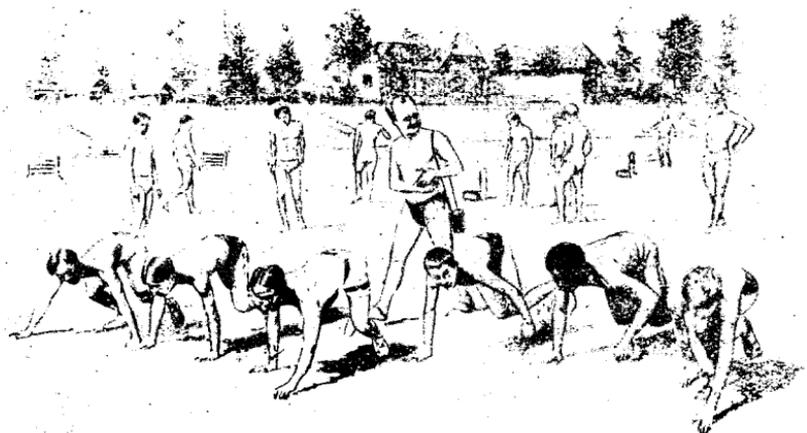
Ученики школы, какъ для упражненій, такъ и для отдыха, не знаютъ другого костюма, какъ короткій купальный и, въ случаѣ необходимости, просторный пенюаръ, вполне замѣняющій древнюю тогу. Жить обнаженнымъ подъ благотворнымъ вліяніемъ воздуха, солнца и воды, съ ничѣмъ нестѣсненными движеніями—это первое требованіе разумной культуры тѣла. Благодѣтельное вліяніе этого режима сказывается очень скоро. Сбросивъ стѣснительную одежду,

Рис. № 4.

Различныя упражненія учениковъ.

Рис. № 5.

Ходьба на четверенькахъ

тѣло. въ полномъ смыслѣ слова, начинаетъ расцвѣтать, подобно растенію, долго остававшемуся въ тѣни и вынесенному на солнце.

Ученики школы, закаляя свой организмъ, перестаютъ бояться холода и навсегда разстаются съ простудой. Разстаются они и съ папирсой, такъ какъ... папирсы негдѣ носить. И вотъ, освобожденные отъ отравы никотиномъ, приученные къ жарѣ и холоду, драпируясь въ тогу или съ обнаженнымъ торсомъ, атлеты ведутъ жизнь далеко ушедшихъ отъ насъ античныхъ временъ. И эта жизнь полна и духовной красоты и благожелательнаго общенія другъ съ другомъ, бесѣдъ, занятій...

Лейтенантомъ Хеберомъ установлены подробныя правила тренировки, но цѣль ихъ вовсе не стремленіе создать рекордистовъ; «человѣкъ, какъ всякое живое существо, говоритъ Хеберъ, долженъ добиться своего полного физическаго развитія простой практикой въ упражненіяхъ, для которыхъ созданъ его организмъ». Эти 8 упражненій (*exercices naturelles*) слѣдующія: ходьба, бѣгъ, прыганье, лазанье, подниманіе, бросаніе, плаванье и борьба; эти упражненія и должны войти въ составъ часового урока, который повторяется два раза въ день—утромъ и послѣ полудня—на стаціонѣ.

Двѣнадцать испытаній опредѣляютъ собой наименьшій предѣлъ элементарнаго развитія, обозначаемый полемъ на личномъ листкѣ каждаго ученика для того, чтобы онъ могъ слѣдить и работать надъ своимъ развитіемъ:

- 1) бѣгъ на 100 метровъ въ 16 секундъ;
- 2) бѣгъ на 500 метровъ въ 1 мин. 40 сек.;
- 3) бѣгъ на 1.500 метровъ въ 6 минутъ;
- 4) прыжки въ высоту (безъ разбѣга) на 0,80 метра;
- 5) прыжки въ высоту (съ разбѣгомъ) на 1 метръ;
- 6) прыжки въ длину (безъ разбѣга) на 2 метра;
- 7) прыжки въ длину (съ разбѣгомъ) на 3,5 метра;
- 8) лазаніе по канату (безъ помощи ногъ) на 5 м.;
- 9) выжиманіе груза въ 40 килогр.;
- 10) бросаніе груза въ 7 килогр. на 6 метр.;
- 11) плаваніе на 100 метровъ въ 3 мин.;
- 12) ныржаніе подъ воду на 10 сек.

Если достигаютъ большаго, прибавляется соотвѣтствующее количество очковъ, сумма которыхъ и обозначаетъ степень общаго развитія даннаго лица.

Кромѣ двухъ ежедневныхъ уроковъ, ученики занимаются сами

своей тренировкой, играми, спортивными состязаніями, слушаютъ соотвѣтствующія лекціи по анатоміи и т. п.

Рис. № 6.

Маленькія «атлетки» въ бѣгѣ на 100 метровъ.

Рис. № 7.

Солнечная ванна на зеленыхъ скатахъ стадіона.

Взрослые, юноши, дѣти могутъ почерпнуть въ этомъ полезномъ учрежденіи тѣ запасы здоровья, которые такъ необходимы въ антигигіеническихъ условіяхъ современной городской жизни. Прилагаемые рисунки №№ 4, 5, 6 и 7 даютъ нѣкоторое представленіе о жизни и дѣятельности «Школы атлетовъ».

Лѣтомъ этого года Гренобльскій отдѣлъ «*éclaireurs de France*» организовалъ интернаціональный праздникъ «развѣдчиковъ» въ живописной гористой мѣстности Дофина.

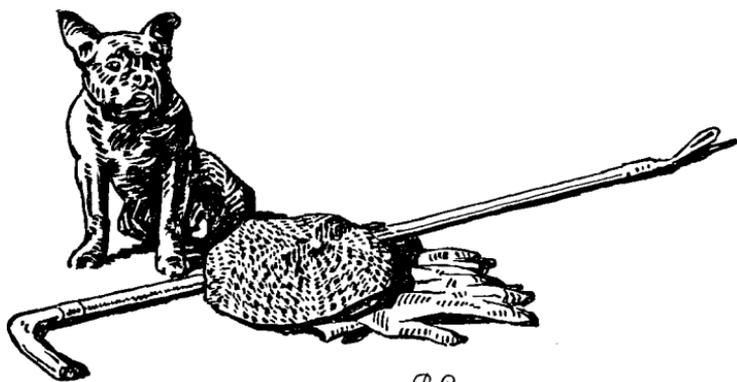
Торжество началось пріемомъ собравшейся молодежи въ Гренобль, послѣ чего молодые, жизнерадостные «развѣдчики» отпра-

вились собственноручно устраивать свой палаточный лагерь близъ Грандъ-Шартрезъ въ отрогахъ Альпъ.

Горныя экскурсіи, игры, состязанія заставили быстро промелькнуть восемь дней здоровой жизни въ палаткѣ или прямо «на снѣгѣ», жизни, полной физическихъ упражненій, проявленій инициативы и товарищескаго общенія со своими однолѣтками.

Пользу подобныхъ «сборовъ» молодежи отрицать нельзя и можно только пожелать, чтобы и у насъ шире развились подобныя спортивныя экскурсіи на лоно природы, главнымъ образомъ, учениковъ училищъ большихъ городовъ.

Вронскій.

вс.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

«Revue militaire générale», руководимая, послѣ смерти генерала Ланглуа, бывшимъ французскимъ генералисимусомъ, генераломъ де Лакруа, является, быть можетъ, самымъ интереснымъ журналомъ, посвященнымъ военнымъ вопросамъ общаго, оперативнаго характера. Въ сентябрьскомъ номерѣ заключается чрезвычайно ясный очеркъ операціи сербской арміи во время второй балканской войны. Призракъ европейскаго вмѣшательства виситъ надъ каждой балканской войной; во время военныхъ дѣйствій стратеги армій малыхъ государствъ не исходятъ изъ тѣхъ же принциповъ борьбы для уничтоженія противника, которые установлены великодержавнымъ военнымъ искусствомъ, а непрерывно подчиняются дипломатическимъ внушеніямъ. Операція болгарской арміи на Овчемъ Полѣ—это дурная политика и жалкая, подчиненная ей стратегія. Сербская армія своими главными силами, въ виду ожидавшагося столкновенія съ болгарями, развернулась не на кратчайшихъ путяхъ въ Софію, и не на старой сербо-болгарской границѣ: прикрывать важнѣйшія старыя сербскія земли, направленіе на Нишъ, не приходилось, такъ какъ здѣсь граница была установлена твердо. Главныя силы сербовъ собрались южнѣе, на Овчемъ полѣ, и этотъ районъ сербскаго развертыванія понятенъ, такъ какъ онъ прикрывалъ спорную область Македоніи и ободрялъ грековъ къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ. Болгарскій полководецъ, руководясь чистой стра-

тегій, намѣтилъ бы главный ударъ въ лѣвый флангъ сербскихъ силъ—примѣрно, на Егри-Паланку и Власина, чѣмъ сербскія арміи королевича Александра и генерала Янковича отрѣзывались бы отъ Сербіи и скоро должны были бы обезсилѣть въ чуждой еще имъ Македоніи. Но такое рѣшеніе было связано съ отвѣтственностью—открыто признать себя зачинщикомъ второй балканской войны; политика не могла разрѣшить стратегіи нанести бывшему союзнику ударъ въ его исконныхъ земляхъ; политика могла позволить лишь создать иллюзію крупнаго аванпостнаго недоразумѣнія, которое могло сойти за поводъ для того, чтобы столкнуть непріятельскія войска, непосредственно мѣшающія занять спорный участокъ территоріи. Болгары такъ и поступили: они развернулись на широкомъ фронтѣ, почти кордономъ, противъ спорной территоріи, и этимъ кордономъ перешли въ наступленіе. При этомъ почти вся тяжесть операціи выпадала на 5 дивизій арміи ген. Ковачева, растянутыхъ на 70 верстъ... 2 изъ 5 болгарскихъ армій выполняли совершенно второстепенную операцію—сторожили старую границу. Глубокое презрѣніе къ врагу должны были исповѣдывать болгарскіе генералы, принявшіе такой штатскій, дипломатическій планъ вооруженнаго захвата Македоніи.

Лѣвый флангъ арміи Ковачева — 2-я дивизія, въ раіонѣ Криво-Лаковицы—имѣлъ большой успѣхъ надъ арміей генерала Янковича. Рѣшающимъ же явился неуспѣхъ праваго фланга — 7-й дивизіи. Сербы встрѣтили болгаръ короткимъ переходомъ въ наступленіе.

Не останавливаясь на интересномъ очеркѣ сербскаго маневрированія, отмѣчу, что это сраженіе на Овчемъ-Полѣ или, вѣрнѣе, на р. Брегалницѣ, удивительно напомнило наше сраженіе на р. Шахъ: примѣрно тотъ же фронтъ, близкое и параллельное развертываніе обѣихъ армій предъ боемъ, захожденіе наступающихъ болгаръ лѣвымъ флангомъ, переходъ сербовъ въ наступленіе противъ праваго фланга; успѣхъ сербовъ здѣсь не развивается, а резервы передвигаются на югъ, для противодѣйствія побѣдоносному болгарскому лѣвому флангу. Отдѣльные бои дивизій, шатаніе войскъ по фронту, вмѣсто развитія одержанныхъ успѣховъ, и въ результатѣ—такой же, какъ и на р. Шахѣ, нерѣшительный исходъ сраженія. Но политика и не требовала отъ сербовъ полнаго уничтоженія болгарской вооруженной силы: начавшееся вторженіе румынъ и турокъ должно было смирить врага. Какъ слѣдствіе отсутствія стремленія къ вполне рѣшительному удару—рядъ отдѣльныхъ чрезвычайно (въ суммѣ) кровопролитныхъ столкновеній на всемъ фронтѣ.

Какъ и сраженіе на р. Шахѣ ¹⁾, сраженіе на р. Брегалницѣ

¹⁾ Параллели съ этимъ сраженіемъ у Реджинальда Кана, автора цитируемой статьи, нѣтъ, она остается на отвѣтственности рецензента. <

весьма типично, какъ прообразъ будущихъ сраженій на европейскомъ театрѣ войны; съ точки зрѣнія военного искусства оно любопытнѣе операций 1-й балканской войны, и было бы нежелательно, чтобы оно ускользнуло отъ нашего изученія, въ виду общаго ослабленія нашего вниманія къ Балканамъ.

Подполковникъ дю-Мениль, описывая сраженіе у Леманса, возвращается къ любимой французской темѣ о томъ, что возможно выполнить съ импровизованными солдатами. Положеніе французскихъ армій, импровизованныхъ во вторую половину войны 1870—71 гг., было дѣйствительно тяжело. Достаточно сказать, что на вооруженіи имѣлось 89 различныхъ образцовъ ручного огнестрѣльнаго оружія—были сложныя, деликатныя винтовки Спенсера и два образца, заряжающіеся съ дула; были ружья безъ штыковъ и ружья съ неполнѣ подходящими къ нимъ патронами. А пополненіе патроновъ столькихъ образцовъ! Офицерскій вопросъ былъ разрѣшенъ декретомъ, предоставившимъ начальникамъ дивизій право производить во всѣ чины, до полковника включительно. Соображенія внутренней политики вторгались въ организацію войскъ: патріотическая Бретань захотѣла выставить 60.000 армію. Сначала эта идея улыбнулась республиканскому правительству, кредиты были отпущены, но затѣмъ явилось опасеніе, какъ бы это войско не явилось «черной» силой, орудіемъ въ рукахъ правыхъ партій, «шуанами»—и въ результатѣ всѣ снабженія бретонцамъ умышленно направлялись съ задержкой, а вожди и инициаторы бретонскаго ополченія вынуждены уйти въ отставку.

Слабо чувствовала себя и германская армія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ фонъ-деръ-Гольцъ въ своемъ описаніи Луарской кампаніи, въ которомъ онъ оправдываетъ бездѣйствіе принца Фридриха-Карла въ декабрѣ внутреннимъ состояніемъ арміи, внушавшимъ опасенія. Со страницъ труда фонъ-деръ-Гольца такъ и вѣетъ та тоска по покою, по спокойной зимней стоянкѣ, которую испытывала германская армія; конница хотѣла передохнуть отъ развѣдочной службы, отъ постоянного блужданія по деревнямъ и рощамъ, откуда частенько свистѣли пули. Обозы остались прежніе, а пѣхота сократилась на половину; маневрированіе сдѣлалось тяжелымъ. Много резервистовъ, потерянное соответствіе между чиномъ и должностью начальниковъ, офицеры запаса на отвѣтственныхъ мѣстахъ, нижніе чины босикомъ, въ полотняныхъ штанахъ; «за исключеніемъ нѣсколькихъ стойкихъ лицъ, всѣ были сыты по горло счастливыми боями. Воинственный задоръ горѣлъ лишь перемежающимся, дрожащимъ пламенемъ; у всѣхъ было желаніе, наконецъ, отдохнуть»... Это признаніе фонъ-деръ-Гольца, характеризующее состояніе прус-

скихъ войскъ черезъ три мѣсяца войны и нужное фонъ-деръ-Гольцу для объясненія поведенія принца Фридриха-Карла, прощалось ему, пока онъ былъ на дѣйствительной службѣ, а нынѣ вызываетъ скорпіоны нѣмецкой критики. А. Кречманъ писалъ своей женѣ о ростущихъ не порядкахъ, о томъ, что баварцы совершенно распустились, и командиру ихъ корпуса, фонъ-деръ-Тану, командующій арміей въ бою сказалъ: убирайтесь вы къ со всей вашей ракальей. Особенно дорого современному французскому автору, въ виду необходимости быть всегда на чеку для противодѣйствіямъ лѣвымъ, заключеніе Кречмана: «вотъ солдаты одногодичной службы!»²⁾.

Подполковникъ Анри Мордакъ—разбираетъ довольно предвзято вопросъ «о крѣпостяхъ и стратегіи», дабы придти къ рѣшенію, что французы, оставивъ только 4 современныхъ крѣпости на германской границѣ, поступаютъ правильно, равно какъ и нѣмцы, выступающіе на своихъ границахъ съ болѣе сложными системами цѣлыхъ укрѣпленныхъ раіоновъ.

Авторъ, слѣдуя по стопамъ Мольтке, признаетъ за крѣпостями значеніе лишь въ томъ случаѣ, если въ связи съ крѣпостью оперируетъ полевая армія. Значеніе Страсбургскаго и Мецскаго укрѣпленныхъ раіоновъ авторъ видитъ въ томъ, что они позволяютъ нѣмцамъ получить экономію въ силахъ, развертываемыхъ непосредственно на французской границѣ—экономію на фронтѣ, необходимую, чтобы занести кулакъ достаточныхъ размѣровъ въ обходъ черезъ Бельгію.

Крѣпости очень полезны, какъ прикрытіе фланга—вообще, какъ гигантскіе опорные пункты—въ полевомъ сраженіи; но надо считаться съ воспитаннымъ вѣками въ людяхъ предрасудкомъ—въ случаѣ боевыхъ неудачъ искать убѣжище за крѣпостными фортами; такъ въ средніе вѣка, при опасности, и воины, и смерды укрывались за стѣны крѣпкихъ замковъ...

Фланговья позиціи, для облегченія занятія которыхъ часто устраивались крѣпости, представляютъ, по мнѣнію французскаго стратега, устарѣвшій фехтовальный приѣмъ. Съ этимъ положеніемъ автора согласиться трудно, вспоминая современные разсужденія нѣмцевъ относительно фланкирующей роли Торнъ-Грауденскаго укрѣпленнаго раіона. Еще труднѣе согласиться съ авторомъ, считающимъ возможнымъ въ современныхъ условіяхъ устраивать временныя крѣпости внутри государства въ теченіе самой войны, по примѣру Плевны. Французамъ это утѣшеніе нужно, такъ какъ они запускаютъ устрой-

²⁾ Въ Баваріи передъ 1870 годомъ былъ одногодичный срокъ отбыванія воинской повинности.

ство всѣхъ внутреннихъ крѣпостей, съ Парижемъ включительно, и рассчитываютъ до известной степени на вдохновеніе мобилизаціоннаго періода. Устройство Шлевны противъ хорошо снабженной артилеріей и обученной современной арміи отнюдь рекомендоваться не можетъ—такая западня будетъ хуже, чѣмъ Мецъ оказался для Базена.

Въ общемъ, нужно согласиться съ авторомъ, что крѣпости во Франціи имѣютъ весьма дурную репутацію.

Въ «Spectateur militaire», капитанъ Мера приступаетъ къ любопытной темѣ о Ницше и его мысляхъ о войнѣ. Знаменитый философъ самъ соприкасался съ военнымъ дѣломъ; забракованный сперва за близорукость, Ницше попадаетъ въ 1867 г. ѣздовымъ въ артиллерійскій полкъ. Отбываніе воинской повинности представляетъ для него свѣтлыя стороны; ему нравится постоянный призывъ къ энергіи, къ чему сводится солдатская служба въ вѣкъ общаго скептицизма, парализующаго усилія внѣ казармы. Среди чужихъ въ казармѣ научаешься познавать самого себя. Всю свою работу Ницше исполнялъ тщательно и съ интересомъ; и, дѣйствительно, быть первымъ между тридцатью всадниками, не лучше ли это, чѣмъ полученіе филологическаго диплома?

Ницше падаетъ съ коня, ломаетъ себѣ ребро, увольняется въ неспособные. Онъ получаетъ кафедру въ Швейцаріи, для занятія коей онъ принужденъ натурализоваться швейцарскимъ гражданиномъ. Но вспыхиваетъ франко-прусская война; онъ читаетъ телеграммы о сраженіи подъ Вертомъ, о германской побѣдѣ, большихъ потеряхъ. Онъ въ качествѣ лазаретнаго служителя устраивается въ армію, попадаетъ къ Мецу, гдѣ лежатъ десятки тысячъ раненыхъ. Ницше видитъ только обратную сторону войны, но все же постигаетъ мрачную и вѣчную красоту войны. Онъ испытываетъ священный, почти вдохновенный ужасъ. Онъ посланъ сопровождать 11 раненыхъ въ Карлсруэ. 3 дня и 3 ночи заключенъ онъ въ одномъ товарномъ вагонѣ съ ними. Отъ раненыхъ онъ заразился самъ дифтеритомъ и дизентеріей, еле выжилъ; здоровье его осталось разстроеннымъ и можетъ быть здѣсь положенъ былъ зачатокъ сумасшествію конпа его жизни. Но какъ измѣнился онъ весь за войну! Это не былъ больше лояльный швейцарецъ начала войны, разсуждавшій объ ужасномъ ударѣ грома—объявленіи войны, объ ужасномъ демонѣ, напущенномъ на нашу культуру. Ницше вдохновляется примѣромъ студентовъ Кильскаго университета, которые всѣ полностью записались въ ряды арміи. Война перевернула Ницше, и онъ прославляетъ войну: «Она будитъ энергію людей; она возбуждаетъ самый мозгъ ихъ. Она заставляетъ

ихъ искать въ порывѣ къ идеалу, въ порывѣ къ красотѣ, въ исполненіи долга—конецъ слишкомъ жестокой коварной жизни. Лирическій поэтъ, мудрецъ, которыхъ не понимаютъ въ періодъ мира, ихъ слушаютъ въ вѣкъ войны. Люди получаютъ потребность въ мудрецахъ и поэтахъ—и ощущаютъ ее. Та же повелительная необходимость, которая строитъ ихъ за вождями, дѣлаетъ ихъ и внимательными къ генію. Человѣчество становится дѣйствительно человѣчествомъ, стремящимся къ героическому и верховному только тогда, когда на него надавить война...»

Пруссію философъ не любилъ. Оставаясь на реальной точкѣ зрѣнія, онъ отвергалъ ходячее мнѣніе, что въ 1870 году побѣдила высшая культура прусскаго народа. Побѣдили большія знанія нѣмецкихъ офицеровъ, лучшее обученіе нѣмецкихъ солдатъ, болѣе научная тактика; побѣдило лучшее командованіе, единство взглядовъ, послушаніе тѣхъ, которыми командовали: коротко говоря, элементы, которымъ нѣтъ мѣста въ понятіи—культура. Культура была только во Франціи. Культура—это художественное единство стиля во всѣхъ жизненныхъ проявленіяхъ энергіи народа; культура—это совокупность качествъ, отличающихъ данную расу, очерчивающихъ ея характеръ ³⁾; это вкусъ, цвѣтъ, форма, поворотъ, даваемый вещамъ и событіямъ; это точка зрѣнія на жизнь, манера обрисовки ея контуровъ, способъ ея переживанія.

«До сихъ поръ мы всегда подражали французамъ во всемъ, и обыкновенно весьма неловко. Во всемъ, что касается формы, мы еще зависимъ—и нужно, чтобы зависѣли—отъ Парижа». Германія еще находится въ стадіи «Bildung»—формированія. Эта стадія мирится «съ варварствомъ, т.-е. съ отсутствіемъ стиля или хаотическимъ смѣшеніемъ всѣхъ стилей».

«Признаю, я замѣчаю признаки вырожденія, заставляющіе опасаться и за общество, и за искусство. Нѣкоторые люди, которымъ не хватаетъ государственнаго инстинкта, хотятъ не служить государству, а пользоваться имъ для личныхъ нуждъ. Ничего божественнаго не видятъ они въ государствѣ и, чтобы утилизировать его вѣрнымъ и раціональнымъ способомъ, они заботятся о томъ, какъ бы избѣгать встряски войны: и они стремятся устроить дѣла такъ, чтобы война стала невозможной. Съ одной стороны, они изобрѣтаютъ системы европейскаго равновѣсія; съ другой стороны, они силятся вырвать у самодержцевъ право объявленія войны, чтобы болѣе при-

³⁾ Сравнить съ опредѣленіемъ русскаго философа Леонтьева: культура—это своеобразие. Какъ далека этотъ просвѣщенный взглядъ на культуру отъ воззрѣній нашихъ западниковъ, хотя бы въ рамкахъ нашего военного дѣла (несомнѣнная область проявленія энергіи народа), стремящихся къ уничтоженію всякаго своеобразія и къ насажденію чужеобразія...

вольно опираться на эгоизмъ массъ и ихъ представителей. Они чувствуютъ потребность ослабить монархическіе инстинкты народовъ.

«... За различными манифестаціями въ пользу мира я вижу тѣхъ, кто всего болѣе взволнованъ боязнью войны—солитеровъ международной плутократіи, которые, естественно безъ всякаго государственнаго инстинкта, подчиняютъ политику, государство и общество денежнымъ и спекулятивнымъ вопросамъ».

«Есть только одно средство, чтобы духъ спекуляціи не разслабилъ духа государственности—война и еще война. Въ ея возбужденіи людямъ становится ясно, что государство основано вовсе не для того, чтобы защищать эгоистическихъ индивидуумовъ отъ демона войны; совсѣмъ наоборотъ: любовь къ родинѣ, преданность государямъ помогаютъ вызвать моральный подъемъ—знаменіе болѣе высокой доли... Слѣдовательно, я правъ, слагая здѣсь торжественный гимнъ войнѣ. Ужасенъ резонансъ ея серебрянаго лука. Она слѣдуетъ къ намъ—мрачна, какъ ночь. Однако, ее сопровождаетъ Аполлонъ, Аполлонъ, законный вождь государствъ, очищающій ихъ богъ... Такъ скажемъ: война нужна государству»

«Streffleurs militärische Zeitschrift» посвящаетъ статью фельдмаршалу Радецкому—къ столѣтнему юбилею назначенія его начальникомъ штаба союзныхъ армій въ 1813 году. Карьера генерала Радецкого представляетъ одно изъ лучшихъ доказательствъ несостоятельности теоріи г. Калнина относительно спеціализаціи генеральнаго штаба и свидѣтельствуетъ, что правъ былъ Мольтке, хотя лично почти и не служившій въ строю, но пришедшій къ твердому выводу, что единственно надежный способъ подготовки высшаго команднаго состава заключается въ томъ, чтобы не позволять офицерамъ генеральнаго штаба спеціализироваться въ канцеляріяхъ, а заставлятъ непрерывно чередовать строевую и штабную службы.

Радецкій—кирасирскій подпоручикъ производства 1786 года—сразу же начинаетъ свою военную карьеру многолѣтней войной съ Турціей. Онъ служитъ не въ строю, а въ штабѣ Ласси, ординарцемъ. Въ 1791 заключенъ миръ, Радецкій въ штабѣ генерала Боле, нѣсколько разъ раненъ. Въ 1795 онъ раненъ при штурмѣ Майнца, гдѣ находился въ штабѣ фельдцейхмейстера Клэрфай. Въ 1796 онъ адъютантъ Боле, и на итальянскомъ театрѣ выдерживаетъ удары

Бонапарта. Его заболѣвшаго принцепала, слегшаго въ Валеждію, чуть не захватываютъ французы—адъютантъ атакуетъ французовъ съ гусарами, чтобы дать возможность Болѣ ускользнуть.

Конецъ года—Радецкій майоръ; короткое время онъ носитъ мундиръ піонера—ему поручено сформировать піонерный баталіонъ; затѣмъ онъ генераль-квартирмейстеръ италіанской арміи, осажденъ въ Мантуѣ, капитулируетъ.

Въ 1799 году онъ въ штабѣ Меласа, раненъ. Особенно отличился при Треббін, будучи колонновожатымъ (по ироническому выраженію г. Калнина—поводыремъ) колонны князя Лихтенштейна. Подъ Нови всѣмъ памятна инициатива Меласа, дѣятельно поддержавшаго Суворова ударомъ въ правый флангъ и тылъ французовъ. На самомъ дѣлѣ Радецкому удалось съ трудомъ вырвать у Меласа разрѣшеніе на эту атаку...

33 лѣтъ отъ роду, Радецкій полковникъ; въ 1800 году онъ переживаетъ, будучи генераль-адъютантомъ Меласа, тяжелый день Маренго. Послѣ 14 лѣтъ штабной службы онъ возвращается въ родной родъ войскъ, получаетъ кирасирскій полкъ, участвуетъ подъ Гогенлинденомъ. 5 лѣтъ подрядъ—періодъ мира—командуетъ Радецкій полкомъ; и удивительно—полкъ этого «нестроевого», какъ называли бы его теперь нѣкоторые въ Россіи, получаетъ въ Австріи репутацію лучшаго, «образцоваго» кавалерійскаго полка. Въ кампаніи 1805 года онъ въ Италіи, командуетъ легкой кавалерійской бригадой, проходитъ въ 5 дней 270 километровъ въ горахъ, что по тому времени было замѣчательно.

Въ 1806 году началась реформа австрійской арміи и разумѣется Радецкаго вырвали изъ строя. Ему поручили организацію обозной части, ветеринарнаго надзора и школы верховой ѣзды.

Кампанію 1809 года—пятидневный бой, Аспернъ, Ваграмъ—Радецкій проводилъ въ роли бригаднаго командира, выдѣляясь, какъ искусный арьергардный начальникъ. Въ концѣ года—Радецкій, генераль-квартирмейстеръ, работаетъ надъ подготовкой генеральнаго штаба, надъ составленіемъ военно-статистическаго описанія Австріи—съ точки зрѣнія новой войны съ Франціей, надъ составленіемъ исторіи послѣднихъ войнъ, надъ развитіемъ въ Австріи военной литературы и журналистики.

Въ 1812 году Радецкій рѣшительно отсовѣтываетъ выставленіе контингента въ помощь Наполеону. Въ 1813 году Радецкій—начальникъ штаба Шварценберга, который сначала командуетъ двадцатитысячной богемской арміей, а затѣмъ является въ роли общаго главнокомандующаго. Радецкому принадлежитъ нѣсколько любопытныхъ докладовъ по дѣйствіямъ 1813 года. Между прочимъ, ему принадле-

жить мысль—отказаться въ 1813 году отъ національныхъ армій, а составить 3 смѣшанныхъ арміи; включеніе контингентовъ разныхъ государствъ въ одну армію преслѣдовало цѣль—крѣпче сплотить союзныя войска и ослабить невыгоды коалиціи, въ которой обыкновенно войска каждаго государства ведутъ самостоятельную политику. Успѣхъ Лейпцига заставилъ даже наиболѣе горячихъ враговъ всякой ломки организаціи простить Радецкаго.

Между прочимъ, Радецкій чрезвычайно расхваливаетъ русскую артилерію и осуждаетъ австрійскую, «единственную на свѣтѣ, исходящую изъ убѣжденія, что все, что было хорошо въ семилѣтнюю войну, примѣнимо и теперь, и потому не могущую ни съ кѣмъ помѣряться».

Особенно любилъ Радецкаго Императоръ Александръ I. Улыбаясь, съ благодарнымъ умиленіемъ, Радецкій любилъ рассказывать потомъ, что въ 1813 и 1814 годахъ, въ дни походовъ и боевъ, въ самомъ жестокомъ огнѣ его всегда умѣлъ находить гвардейскій казакъ съ серебряной фляжкой, докладывавшій: «добрый Царь Александръ шлетъ вашему превосходительству водочки». И Радецкій не упускалъ случая подкрѣпиться...

Черезъ 35 лѣтъ послѣ Лейпцига, гдѣ Радецкій выступилъ въ заглавной роли начальника штаба анти-французской коалиціи, этотъ лучший австрійскій генераль оказался еще не устарѣвшимъ и подъ Кустоцей (1848 г.) разбилъ на голову сардинцевъ. А что представлялъ бы изъ себя начальникъ, прослужившій 62 года въ офицерскихъ чинахъ и специализировавшійся на штабной или на строевой службѣ?

Правда, штабная служба Радецкаго включаетъ 15 кампаній: въ ней больше поля и пороху, чѣмъ чернилъ. Надо и намъ стремиться сдѣлать штабную службу полевой, а не специализироваться нестроевыми инвалидами.

Генераль Роне, въ «*Artilleristische Monatshefte*», дѣлится нѣсколькими мыслями, навѣянными старыми таблицами стрѣльбы. Превосходство ихъ надъ современными заключалось исключительно въ томъ, что ихъ можно было купить въ книжной лавкѣ и свободно критиковать, тогда какъ на современныхъ стоитъ надпись — «секретно», едва ли способствующая глубокой и всесторонней работѣ надъ ними офицеровъ. По крайней мѣрѣ этимъ исключено сотрудничество военной литературы и журналистики.

Очень любопытны мѣры, въ которыхъ выражались данныя первыхъ таблицъ 1859 года. Въ гражданской жизни того времени употреблялась мѣра: дюймъ и двѣнадцатая его часть—линія. Но въ таблицахъ стрѣльбы и на прицѣлахъ кто-то и зачѣмъ-то выдумалъ новую мѣру—шестнадцатую часть дюйма. При измѣненіи же матеріальной части въ артилеріи счетъ шелъ на сотыя части дюйма.

Разстояніе указывалось въ шагахъ—2,4 фута; при переходѣ на метрическую систему шагъ былъ опредѣленъ въ 80 сантиметровъ—на 5 сантиметровъ больше, чѣмъ раньше. Неумышленно были тѣмъ самымъ увеличены всѣ аллюры, выраженные въ уставѣ въ шагахъ, больше, чѣмъ на 5%. Только черезъ 14 лѣтъ замѣтили, что прибавленная рысь крайне утомляетъ лошадей, и исправили ошибку.

Дальности давались въ шагахъ, ширина ровъ и размѣры крѣпостныхъ построекъ въ планѣ—въ двѣнадцатифутовыхъ саженьяхъ, размѣры въ профили—въ футахъ. Вычисленіе угловъ встрѣчало серьезныя затрудненія. Метрическая система позволяетъ легче окончить въ головѣ вычисленіе, чѣмъ раньше съ таблицей логарифмовъ. Роне благославляетъ метрическую систему, избавившую германскихъ артиллеристовъ отъ многихъ хлопотъ, и удивляется, какъ раньше усложняли свое дѣло люди. А не приходилось ли читателю встрѣчать русскіе чертежи, въ которыхъ разстоянія выражены и понынѣ въ аршинахъ, а высоты—въ футахъ? Мнѣ лично приходилось учиться по такимъ чертежамъ; попробовалъ бы генераль Роне вычислить по по нимъ въ головѣ тангенсы... Мы еще не дошли до благъ метрической системы.

Въ старину любили точность. Таблица давала время полета съ точностью до сотой секунды, тогда какъ деревянные дистанціонныя трубки того времени могли бы смѣло довольствоваться полусекундами. Теперь дальше десятыхъ секунды не идутъ.

Роне обращаетъ вниманіе, что на современныхъ дистанціонныхъ трубкахъ гравировуются мѣры—или разстоянія—въ метрахъ, или время горѣнія—секунды, или соответственное число дѣлений прицѣла. Каждая мѣра имѣетъ своихъ сторонниковъ, между тѣмъ нынѣ, съ введеніемъ приборовъ для механической установки трубокъ, было бы выгодно никакихъ дѣлений на трубкѣ не наносить: во-первыхъ, непріятель, по подобраннымъ трубкамъ, не опредѣлитъ дистанціи, съ которой стрѣляетъ батарея, а, во-вторыхъ, одна и та же трубка можетъ служить у разныхъ образцовъ орудій. Дѣленія будутъ наноситься только на приборахъ, устанавливающихъ трубку.

Очень неудобно сохранившееся въ германской артилеріи со старины дѣленіе градуса на 16 частей. Кругъ угломѣра по этой традиціи дѣлится на 5.700 частей, причемъ во всѣхъ расчетахъ принимается,

что каждое дѣленіе равняется тысячной дистанціи. Завѣдомая ошибка, дѣлаемая при этомъ германскими артиллеристами, равна 10⁰/о—исключительно за консерватизмъ. Другія государства, принявшія дѣленіе угломѣра на 6.400 частей, допускаютъ ошибку менѣе 2⁰/о, считая каждое дѣленіе за тысячную дистанціи.

Русскаго читателя непріятно поражаетъ тонъ французской печати относительно Австріи. Неприемлемыми для Россіи условіями мечтаютъ французскіе публицисты оторвать Австрію отъ союза съ Германіей. Эта тема обошла общую печать, начиная съ солиднѣйшей газеты «Temps»; мы ее встрѣчаемъ и на страницахъ «Journal des sciences militaires», въ изложеніи г. Л. Амфу. Авторъ полагаетъ, что для Австріи, какъ и для Франціи, наступилъ рѣшительный часъ. Австрійская дипломатія сумѣетъ осмотрѣться и приобрести на Балканахъ друзей. Экономическое завоеваніе Балканъ ведется уже давно. Но Австрія, какъ двойственная монархія, теперь плохо уравновѣшена. Теперешній фактической руководитель ея сумѣетъ передѣлать ее въ тройственную монархію; славяне не будутъ въ ней болѣе поработаны. Но для этого надо, чтобы центробѣжныя стремленія австрійскихъ славянъ умалились. Австрія должна выступить другомъ балканскихъ славянъ для внутренней реформы, и внутренняя реформа ея нужна для успѣха балканской политики. Въ конечномъ результатѣ, авторъ допускаетъ объединеніе, подъ гегемоніей Габсбурговъ, всѣхъ балканскихъ народовъ.

Особенно улыбаются французамъ мечты о трещинахъ, наблюдаемыхъ въ тройственномъ союзѣ. Австрія не прибѣгала бы къ такимъ разорительнымъ мобилизаціямъ, если бы была вполне увѣрена въ поддержкѣ Германіи и Италіи. Слабая и плохо скроенная Австрія поневолѣ жметя подъ опеку Германіи, но сильная германо-венгрославянская тріединая Австрія будетъ продолжать великогабсбургскую политику, подобно тому, какъ болгары дрались за великоболгарскій идеалъ, сербы — за великую Сербію и греки — за великую Элладу. А великогабсбургская политика — это борьба съ Гогенцолернами, борьба за вліяніе въ южной католической Германіи, за Баварію и Вюртембергъ. Явись сильная, конкурирующая съ Германіей, Австрія — и Франція вновь можетъ свободно стать на ноги (подъ этимъ можно разумѣть, какъ «реваншъ», такъ и освобожденіе отъ необходимости неуклонно держаться союза съ Россіей). А современное вооруженіе Германіи, не отвѣчаетъ ли оно

этому предположенію — борьбы Германіи, на худой конецъ распаденія тройственнаго союза, своими собственными силами противъ всей Европы?

Какъ-то не думается, что въ XX вѣкѣ возможно продолженіе великогабсбургской политики за вліяніе въ Германіи, такъ какъ въ такомъ случаѣ католицизму, въ лицѣ Габсбурговъ, пришлось бы посягнуть на принципъ единой, національной Германіи, защищенной Пруссіей. Национальность теперь безусловно перевѣситъ. Но если романскій западъ всталъ бы на поддержку гегемоніи Габсбурговъ, если бы славянская политика Австріи встрѣтила поддержку, развѣ не пришлось бы считаться съ призракомъ сѣверо-восточнаго, русско-германскаго союза, который могъ бы дѣла дѣлать?

Весьма любопытна, въ томъ же журналѣ, статья скрывшагося подъ инициалами D. S. автора: «Рота сумасшедшаго Боливэя». Автору капитанъ Боливэй показываетъ свою роту, выведенную изъ казармъ, по случаю эпидеміи, и размѣщенную въ отдѣльной усадьбѣ. Боливэй прежде всего говоритъ, что его считаютъ сумасшедшимъ, и говорятъ только изъ вѣжливости, что онъ оригиналь, такъ какъ всѣ опасаются, что съ торжествомъ его идей наступитъ конецъ общему спокойствію и благодущію въ арміи. Боливэй презираетъ эти сужденія, такъ какъ все равно, когда наступитъ часъ его страницы въ капитанскомъ спискѣ, то и онъ попадетъ въ маіоры, какъ другіе. Чувствуется глухое раздраженіе противъ условій производства во французской арміи, въ которой протекція депутатовъ господствующей политической партіи играетъ рѣшительную роль. Весь покраснѣвъ, на дворѣ усадьбы, въ которой расквартирована рота, капитанъ Боливэй, выводимый, какъ типъ лучшаго французскаго офицера, кричитъ: «чтобы теиерь хорошо дѣлать въ арміи свое ремесло, нужно плевать на все!» «Военный долженъ плевать на все, чтобы прилично выполнять свое ремесло. Вотъ хорошая тема для вступительнаго экзамена въ академію. Въи этого нѣтъ характера! Безъ характера нѣтъ начальника!»

И Боливэй ведетъ свою роту совершенно самостоятельно. Утромъ, въ концѣ зимы, у него общія занятія. Работаютъ только по спеціальностямъ. «У меня нѣтъ часовъ по расписанію, рождающихся лѣнь, скуку, утомленіе. Здѣсь время не убиваютъ, здѣсь работаютъ. Кто захочетъ отдохнуть, тотъ у насъ побоится заявить объ этомъ — и сдѣлать. У насъ царство здраваго смысла...»

Короткій срокъ службы требуетъ болѣе рациональной организаціи труда, чѣмъ въ старое время, когда служили долго, на занятія выходили свободные отъ назначеній люди. У Боливца утромъ въ одной комнатѣ работаютъ 10 сапожниковъ, въ другой—10 портныхъ. Здѣсь и молодые солдаты; часть работающихъ—настоящіе сапожники, а часть Боливѣй пропускаетъ временно. Нельзя въ современной арміи допускать, чтобы рота на походѣ не могла содержать себя въ порядкѣ; солдатъ долженъ умѣть подкинуть подметки. Оттого, что работаетъ 10 сапожниковъ, вмѣсто 2—3, разумѣется работа будетъ окончена гораздо скорѣе, и Боливѣй на другую половину дня сумѣетъ вывести на занятіе въ поле такую многочисленную роту, о которой другимъ капитанамъ и мечтать не приходится. Въ другихъ комнатахъ—другія мастерскія: работаетъ полдюжины столяровъ, два слесаря, два маляра. Нужно поддерживать обширную матеріальную часть для обученія роты стрѣльбѣ, фехтованію, нужно исправлять сломанные въ поляхъ заборы.

Въ ротѣ было нѣсколько телефонистовъ, и около нихъ также каждую недѣлю обучались новыя смѣны, такъ что всѣ солдаты въ ротѣ умѣли говорить по телефону и срастить разорвавшійся проводъ. У сигналистовъ такихъ временныхъ учениковъ не было. По циркуляру всѣ солдаты и офицеры должны умѣть принимать и передавать дашеши по азбукѣ Морзе. Но для этого нужна ежедневная практика. У Боливца было по два сигналиста во взводѣ, неуступающихъ въ искусствѣ семафорить морякамъ; «а я самъ не умѣю сигнализировать, и другіе въ ротѣ не умѣютъ; мы спокойны, такъ какъ изъ начальства никто тоже системой Морзе не владѣетъ—для этого нужно не имѣть другихъ занятій».

Пользуясь сосѣдствомъ пулеметнаго взвода, вся рота оказалась обученной работѣ по подачѣ лентъ съ патронами, по снятію пулемета съ лафета для переноски его на рукахъ и т. д. Баталіонъ—не единица обученія. Всѣ специальности должны быть не чужды ротѣ. Это особенно ствѣчаетъ французскому характеру: долгое время зубрить одно и то же ему претитъ, а энциклопедизмъ ему улыбается. Въ ротѣ подготовлено нѣсколько серьезныхъ специалистовъ, а масса людей переходитъ отъ одного къ другому (кромѣ сигнализациі). Имѣется и учебная команда въ ротѣ—въ видѣ взвода, составленнаго изъ кандидатовъ въ унтеръ-офицеры и возвратившихся въ роту изъ командировокъ, коихъ необходимо подтянуть. «Я чувствую, что я пропагандирую новыя идеи, за которыя бы раньше мнѣ отрубили голову... Но теперь нравы смягчились, и я расплачиваюсь лишь маленькой задержкой въ производствѣ въ штабъ-офицеры...»

Утреннія занятія не производятся въ ротѣ, такъ какъ обыкно-

венно, за выдѣленіемъ людей во всѣ команды и нестроевыхъ, только идиоты не освобождены отъ этихъ занятій со старослужащими... И хотятъ, чтобы ими интересовались. А солдатъ не хочетъ прослыть дуракомъ... кто увернется отъ этихъ скучнѣйшихъ занятій, улавливающихъ только пятую часть состава, слыветъ сообразительнымъ парнемъ. Съ какимъ энтузіазмомъ идетъ на занятія солдатъ, неувернувшійся отъ нихъ потому, что недостаточно умѣетъ выкручиваться... Другіе не идутъ на занятія—и онъ не хочетъ. Только то занятіе серьезно, на которомъ присутствуетъ вся рота. Хотятъ, чтобы всѣ были на занятіяхъ, и чтобы всѣ команды работали...

Занятія офицеровъ по взводной системѣ рѣшительно отвергаются капитаномъ Боливэемъ. Два офицера, поочередно, работаютъ въ ротѣ и имѣютъ черезъ день свободное время послѣ обѣда, необходимое для поддержанія въ нихъ интереса къ жизни и для того, чтобы подготовиться и провести съ толкомъ тѣ полевые занятія, которыя имъ поручаются...

Будемъ ждать окончанія мыслей автора о новомъ обученіи роты, преподносимаго имъ отъ лица донкихотствующаго и со странностями капитана.

Весьма любопытныя указанія встрѣчаются въ исторической работѣ полковника Сенъ-Шапель относительно дисциплины и дисциплинарныхъ взысканій во французской арміи. Онъ рассказываетъ, какъ жестоко поддерживалась дисциплина въ республиканской арміи у Писшегрю, какъ разстрѣливались мальчишки-барабанщики, ограбившіе старуху. За одинъ мѣсяць въ бригадѣ солдаты строились 5 разъ, чтобы присутствовать при разстрѣлѣ своихъ же, виновныхъ въ томъ, что они брали крестьянское добро безъ спроса. Наполеонъ въ значительной степени способствовалъ измѣненію взглядовъ въ арміи на заработокъ на войнѣ своимъ знаменитымъ приказомъ 1796 года о богатствахъ Италіи, куда онъ поведетъ войска. Однимъ изъ слѣдствій этого приказа явился восторгъ жителей при вступленіи черезъ три года на итальянскую почву арміи Суворова. Грабили начальники, а Наполеонъ совершенно вѣрно замѣчалъ въ приказѣ, что солдатъ не можетъ не интересоваться возможной добычей, если у него начальники думаютъ о ней. «Я произведу ужасныя экзекуціи или откажусь командовать этими разбойниками». Въ Парижъ же, Директоріи Наполеонъ писалъ, извиняясь, что солдаты попали послѣ голодовки въ обѣтованную землю и хотятъ полакомиться ея благами... Стремленіе Наполеона привязать къ себѣ войска и первая попытка госу-

дарственного переворота, произведенная Ожеро, посланнымъ въ Парижъ, не могли, конечно, благотворно отразиться на дисциплинѣ. Ожеро, послѣ того, какъ онъ арестовалъ въ Парижѣ роялистически настроенный и враждебный директоріи совѣтъ пятисотъ, получилъ въ командованіе Рейнскую армію, ходилъ расшитый золотомъ съ головы до пятъ, съ громадной и блестящей свитой, а его жена каждый день ѣздила только въ золотой парадной каретѣ — gala, какой итальянскіе государи пользовались иногда при особенно торжественныхъ выѣздахъ... Солдаты издѣвались.

Въ ужасное состояніе впала италіанская армія, когда временно ею началъ командовать, послѣ Наполеона, Бертье. Римъ былъ ограбленъ до чиста, подѣ аккомпаниментъ рѣчи Бертье, передававшего привѣтъ свободныхъ гражданъ Франціи тѣнямъ Катона, Брута, Цицерона... Контрибуціи брались и деньгами и драгоценными вещами; ничто, однако, на приходъ не записывалось; солдатамъ жалованье не выдавалось. Изъ доклада Бертье видно, что вся италіанская армія, кромѣ четырехъ полковъ, бунтовала въ 1798 году. На смѣну Бертье послали славившагося твердостью Массену. Его пріѣздъ ознаменовался приказомъ отобрать всю серебряную утварь изъ церквей. Массена вообще славился умѣніемъ обирать—въ одну ночь въ Миланѣ онъ успѣлъ обобрать кассы госпиталей, монастырей и даже ломбардъ всего на сумму свыше милліона.

А войска жалованья все же не получали. Оберъ-офицеры римскаго гарнизона явились съ требованіемъ къ Массенѣ—отдать отчетъ въ суммахъ, полученныхъ реквизиціей, и заплатить задержанное за много мѣсяцевъ жалованье. Массена отказалъ. Офицеры арміи въ письмѣ, полномъ угрозъ, потребовали отъ директоріи смѣны Массены. Его убрали немедленно: замѣстителю его, Сенъ-Сиру, пришлось уже считаться съ бунтомъ населенія, которому стало невозможно выдерживать общій грабежъ. Генераль Гарданъ, посланный усмирять какой-то городокъ, рѣшилъ, чтобы экзекуція осталась въ памяти у жителей, потребовать отъ нихъ 30.000 франковъ. «Маіоръ Тьебо», сказалъ онъ своему начальнику штаба: «вотъ пироги, которымъ искупаютъ себя господа бунтари; но такъ какъ я такіе пироги въ одиночествѣ ѣсть не люблю, то я васъ прошу принять кусочекъ». «И онъ мнѣ передалъ 5.000 франковъ. находка мнѣ понравилась», пишетъ послѣдній въ своихъ воспоминаніяхъ.

Сенъ-Сиръ тщетно боролся съ общимъ духомъ грабежа, съ нравами, распушенными его предшественниками—Наполеономъ, Бертье, Массеной. Онъ подалъ въ отставку. Его замѣстили генераломъ Шампіономъ, который писалъ директоріи: «я разыщу этихъ прожорливыхъ кровопійць.. Склады, въ которыхъ должно быть продовольствія на

30.000 человекъ въ теченіе 3 мѣсяцевъ, пусты. Свора вашихъ обжоръ-комиссаровъ все оголила»... Но тогда въ арміи, на однихъ правахъ съ Шампіонэ, поставлена была гражданская комиссія съ комиссаромъ въ головѣ. Протестовавшаго Шампіонэ убрали. Новый командующій арміей, Макдональдъ, долженъ былъ очистить, завоеванное Шампіонэ, Неаполитанское королевство изъ-за народнаго возстанія.

Такъ, паденіемъ дисциплины и возмущеніемъ населенія, была подготовлена почва для италіанскаго похода Суворова.

А. Сбѣчинъ.

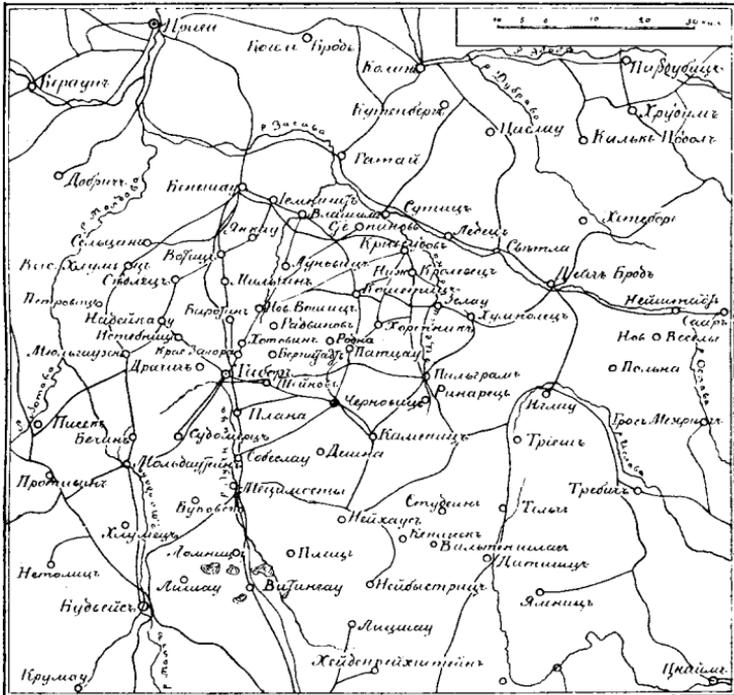
ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Австро-Венрія. Большіе маневры 1913 года.— *Франція.* Большіе маневры 1913 года.

Австро-Венрія.

Большіе маневры въ Австро-Венгрии въ этомъ году происходили въ юго-восточной Богеміи, вокругъ историческаго города Табора съ 14-го по 17-е сентября н. с. Они представляли собою нѣсколько характерныхъ особенностей: 1) прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что, несмотря на значительное число участвовавшихъ войскъ, 10 пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ дивизіи, они продолжались не болѣе 2 дней (фактически всего 26 часовъ), если не считать послѣдняго дня—17-го сентября, когда, по внезапному рѣшенію главнаго руководителя, вновь назначеннаго генераль-инспекторомъ всѣхъ вооруженныхъ силъ, эрцъ-герцога Франца Фердинанда, и повидному противъ желанія начальника генеральнаго штаба, всѣ войска были объединены подъ командою самого эрцъ-герцога для производства эффектнаго, бравурнаго маневра противъ безобиднаго обозначеннаго противника; 2) въ то время, какъ на маневрахъ французскихъ и германскихъ войскъ мы видимъ рельефное выраженіе съ обѣихъ сторонъ наступательнаго духа, требовавшаго отъ войскъ наибольшаго напряженія силъ, здѣсь находимъ на первомъ планѣ принципъ сбереженія силъ солдата (усиленные переходы прежнихъ маневровъ повидному приводили къ полному переутомленію резервистовъ и вызывали постоянныя напоминанія о сбереженіи силъ солдата) и склонность къ стратегическому маневрированію, вмѣсто стремленія къ достиженію быстраго тактическаго успѣха.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что первоначальное описаніе этихъ маневровъ, появившееся въ австрійскихъ газетахъ во время самаго хода ихъ, заключало въ себѣ много неточностей, происходившихъ отъ того, что корреспонденты смѣшали предположенія для маневровъ, дѣйствительно очень пространныя и довольно залутанныя, съ самимъ ходомъ маневровъ.

Общее предположеніе: главные силы *синихъ* вторглись съ сѣвера въ Богемію и оперируютъ къ западу отъ р. Молдавы; отъ нихъ выдѣлена восточная армія, перешедшая Эльбу между Колинъ и Пардубицемъ и двинувшаяся къ р. Засавъ; эта 3-я армія имѣетъ назначеніе разбить силы противника, собирающіяся вокругъ г. Табора. Главныя силы *красныхъ*, находясь противъ главныхъ силъ *синихъ* къ западу отъ р. Молдавы, высылаютъ 4-ю армію къ г. Табору съ назначеніемъ разбить противника, появившагося къ востоку отъ р. Молдавы на рѣкѣ Засавъ; одинъ корпусъ 4-й арміи къ 14-му сентября перевезенъ по желѣзной дорогѣ въ Таборъ, прочія войска еще находятся въ 15—25 километрахъ позади.

Составъ армій и исходное положеніе въ полдень 14-го сентября: сѣверная (*синяя*) 3-я армія генерала отъ кавалеріи ф. Брудермана состояла изъ IX корпуса генерала ф. Хорнштейна—29 дивизія и 26 ландверная дивизія (при корпусѣ 2 инж. роты, понтонный паркъ,

телегр., телеф. и искровая команды), своднаго XVIII корпуса генерала ф. Бокенхеймера—5 и 10 дивизіи (при корпусѣ были 2 инж. роты, телегр., телеф. и искровая команды и авіаціонный паркъ съ 5 аэропланами), отдѣльной ландверной пѣхотной дивизіи г.-м. ф. Крейза и отдѣльной 3 кавалерійской дивизіи (изъ 2 бригадъ по 2 полка, съ 2 батареями, пулеметнымъ отдѣленіемъ и велосипедною ротою) г.-м. ф. Брудермана. При арміи находились: дивизионъ тяжелыхъ гаубицъ, телеграфное отдѣленіе, 2 искровыхъ станціи и авіаціонный паркъ; общій составъ арміи: 57 баталіоновъ, 34 эскадрона, 29 пушечныхъ и 12 гаубичныхъ батарей (легкихъ и тяжелыхъ), 4 инженерныхъ роты, 1 велос. рота и войска сообщеній.

Расположеніе войскъ утромъ 14-го сентября было слѣдующее: главная квартира 3-й арміи—Сутицъ на р. Засавѣ; 29 дивизіи съ тяжелою артилеріею у Бенешау, 26—Влашимъ, 10—Степановъ, 5—Кривсудовъ, 13—Хумполець; протяженіе фронта—55 километровъ; 3 кавалерійская дивизія впереди фронта у Луньвиць; 13 ландверная дивизія, какъ видно, была удалена отъ главныхъ силъ на разстояніе около 20 километровъ.

Южная (красная) 4-я армія генерала отъ инфантеріи ф. Ауфенберга состояла изъ VIII корпуса генерала барона Гисля—9 дивизіи и 21 ландверная дивизія (при корпусѣ 2 инж. роты и войска сообщеній, какъ при XVIII корпусѣ—6 аэроплановъ), своднаго XVII корпуса г.-л. барона Кирбаха—19 дивизіи и 44 ландверная дивизія (2 инж. роты и войска сообщеній, какъ при IX корпусѣ), отдѣльной 3 пѣхотной дивизіи г.-л. эрцъ-герцога Іосифа Фердинанда съ 1 инж. ротою; отдѣльной 9 кавалерійской дивизіи г.-м. Зарембы (2 бригады по 2 полка, 2 батареи, пулеметное отдѣленіе и велосип. рота). При арміи—дивизионъ тяжелой артилеріи, телегр. отдѣленіе, 2 искровыхъ станціи и авіаціонный паркъ. Общій составъ арміи: 57 баталіоновъ, 37 эскадроновъ, 29 пушечныхъ и 10 гаубичныхъ батарей, 5 инж. ротъ, 1 велос. рота и войска сообщеній.

Исходное положеніе 4-й арміи: главная квартира съ 1 баталіономъ въ г. Таборѣ; 9 пѣх. дивизія съ тяжелою артилеріею южнѣ Мильчинъ, 21 ландверная дивизія—Ново-Вошицъ, 9 кавалерійская дивизія съ 2 баталіонами—Патцау; протяженіе общаго фронта (на сѣверо-востокъ) передовыхъ частей въ 30 километровъ; 3 дивизія—къ югу отъ Шланы въ 20 километрахъ позади фронта; 19 дивизія—Бечинъ въ 30 кил. позади фронта и 44 ландв. дивизія—Мольдаутейнъ въ 40 кил. позади фронта.

Такимъ образомъ, разстояніе между обоими противниками составляло не болѣе 20 километровъ; въ 3-й синей арміи два корпуса съ кавалерійской дивизіею занимали сосредоточенное положеніе противъ одного непріятельскаго корпуса съ кавалеріею, и одна дивизія находилась влѣво на отлетѣ (20 кил.); въ 4-й красной арміи сосредоточеніе не было окончено; одинъ корпусъ съ кавалеріей былъ выдвиг-

нуть впередъ, а три дивизіи находились позади въ разстояніи 20, 30 и 40 километровъ отъ фронта.

Начало военныхъ дѣйствій назначено было въ 2 часа дня 14-го сентября; съ полудня допускались развѣдки частями не болѣе эскадрона или роты съ пулеметами на разстояніи не свыше 5—10 километровъ. Впрочемъ, по предположенію, начальникамъ сторонъ было извѣстно общее расположеніе противника, а упомянутыя развѣдки ничего новаго не могли выяснить.

Положеніе заслуживаетъ интереса; обѣ стороны имѣли задачей разбить противника. Само заданіе подсказывало сѣверной, синей, арміи генерала Брудермана быстро продвинуться впередъ съ 2 корпусами, пытаясь разбить выдвинутый VIII корпусъ противника до подхода подкрѣпленій; но все же надо было принять во вниманіе, что маневры начались въ 2 часа и исполнить эту задачу до наступленія темноты было невозможно. Генераль Брудерманъ однако ею и не задался; онъ рѣшилъ 14-го продвинуться впередъ лишь на 15 километровъ, перевести 3 кавалерійскую дивизію на правый флангъ для обезпеченія связи съ главными силами за р. Молдавой и притянуть съ лѣваго фланга 13 ландверную дивизію. Въ виду этого, 29 дивизія перешла въ Вотицъ, 26 ландверная—въ Янкау, а 10 и 5 соответственно лѣвѣ послѣдней; общій фронтъ двухъ корпусовъ составлялъ 25 километровъ; 13 ландверная дивизія имѣла столкновеніе съ кавалеріею противника и дошла до Кошетица, все же въ 17 километрахъ отъ фланга прочихъ войскъ; 3-я кавалерійская дивизія перешла на правый флангъ—между Вотицъ и Сѣдлецъ; переводъ ея на правый флангъ далъ возможность кавалеріи противника задержать 13 ландверную дивизію и помѣшать ей соединиться съ главными силами.

Распоряженія на 14-е сентября командующаго южной, красной, арміею генерала Ауфенберга сводились къ слѣдующему: принимая во вниманіе близость противника къ выдвинутому впередъ VIII корпусу и удаленіе своихъ резервовъ, генераль Ауфенбергъ рѣшаетъ отвести VIII корпусъ на 7 километровъ назадъ на позицію Хотовинь-Бергштаттъ; 3 дивизія (находившаяся къ югу отъ Планы) передвигается на 5 кил. къ сѣверу отъ Планы одною бригадою, а вторая остается въ Планѣ; дивизіи XVII корпуса продвинулись всего на 15 километровъ впередъ; 19 дивизія изъ Бечина къ Драчичу, а 44 ландверная изъ Мольдаутейна на 7 километровъ сѣвернѣе Бечина; только 9 кавалерійская дивизія получила приказаніе двинуться изъ Патцау впередъ и задержать движеніе войскъ противника (13 ландв. дивизія), по донесеніямъ находящихся около Хумполеца.

Тутъ, на крайнемъ восточномъ флангѣ арміи, произошло единственное столкновеніе 14-го сентября: 13 ландверная (синяя) дивизія, какъ извѣстно, должна была совершить фланговое движеніе, чтобы

приблизиться къ лѣвому флангу своей арміи; она слѣдовала 2 колоннами—сѣверная (изъ 2¹/₂ эскадроновъ, 9 баталіоновъ и 5 батарей) должна была по шоссе съ сѣвера подойти къ Кошетицу, южная изъ 1¹/₂ эскадрона, 3 баталіоновъ и 3 батарей направлялась туда же черезъ Зелау, выславъ боковой отрядъ изъ 2 ротъ по дорогѣ на Хорепникъ.

9 кавалерійская дивизія красныхъ, оставивъ приданные ей 2 баталіона въ Патцау, направилась съ 2 батареями, пулеметами и велосипедною ротою къ Хорепникъ. Вскорѣ она столкнулась съ боковымъ отрядомъ противника; авангардъ дивизіи развернулся и отбѣсилъ двѣ роты противника; генераль Заремба повелъ главныя силы дивизіи внизъ по долинѣ р. Целивка, оставляя отряды на переправахъ, и дошелъ до шоссе, по которому наступали главныя силы 13 ландверной (синей) дивизіи (сѣверная колонна). Въ 4 часа дня показался авангардъ синей дивизіи; генераль Заремба приказалъ 2 коннымъ батареямъ выѣхать на позицію и 2 эскадронамъ слѣзться и открыть огонь; авангардъ синихъ также выставилъ артилерію, развернулся и одинъ полкъ пѣхоты сталъ наступать въ боевомъ порядкѣ подъ огнемъ конныхъ батарей; полкъ подвигался медленно и повидимому хотѣлъ охватить лѣвый флангъ противника. Между тѣмъ ген. Заремба получилъ донесеніе, что другая колонна противника форсируетъ переправу у Зелау, и охранявшій ее отрядъ не въ состояніи долге держаться. Тогда генераль, считая свою задачу исполненною, рѣшилъ отступить; онъ послалъ пулеметы на переправу у Зелау для задержанія южной колонны противника, а велосипедной ротѣ велѣлъ прикрывать отступление батарей; все было исполнено по программѣ и 9 кавалерійская дивизія благополучно вернулась въ Патцау, выславъ на ночь 2 баталіона пѣхоты къ юго-западу отъ Хорепника для охраны; 13 ландверная (синяя) дивизія была задержана на 2 часа на переправахъ черезъ р. Целивка и только въ темнотѣ добралась до Кошетица.

Какое впечатлѣніе производятъ распоряженія главнокомандующихъ арміями, получившихъ приказаніе разбить противника? Одинъ съ силами, вдвое превосходящими силы противника, почти топчется на мѣстѣ, другой отдастъ распоряженіе о сосредоточеніи назадъ. Для этого не было основанія, такъ какъ VIII корпусъ не могъ быть атакованъ засвѣтло въ тотъ же день и, во всякомъ случаѣ, могъ держаться до подхода резервовъ, которые могли подойти къ утру. Но вѣроятно ген. Ауфенбергъ помнилъ инструкцію о «сбереженіи войскъ» и, кромѣ того, принялъ во вниманіе, что это не война, а маневры—моральный элементъ (отступление) не играетъ роли, а при оборонѣ позиціи придется считаться не со снарядами и пулями, рассчитывая на стойкость войскъ, а съ «посредниками» и ихъ рѣшеніями.

Слѣдуетъ отмѣтить, что генераль Ауфенбергъ, получивъ донесеніе,

что противникъ продвинулся впередъ, для лучшаго обезпеченія сосредоточенія своихъ силъ, рѣшилъ ночью отодвинуть назадъ VIII корпусъ еще на 5 километровъ, и обѣ дивизіи, выступивъ въ 3 ч. 30 м. утра, отошли на позицію непосредственно близъ г. Табора къ сѣверо-востоку отъ дороги Таборъ—Истебницъ. Для обезпеченія праваго фланга расположенія, къ 5 часамъ утра 15-го сентября, на высоты къ сѣверо-востоку отъ г. Табора были притянуты 2 баталіона и 4 батареи 3 дивизіи и баталіонъ изъ г. Табора.

На 15-е сентября генераль Брудерманъ отдалъ слѣдующія распоряженія по 3-й синей арміи для атаки позиціи противника, которая предполагалась на линіи Мильчинъ — Ново-Вошицъ (отступление VIII корпуса состоялось вечеромъ и противникомъ не было установлено): IX корпусу, выступивъ въ 3 часа утра, атаковать лѣвый флангъ позиціи противника у Мильчина; ему назначался для движенія участокъ къ западу отъ Янкау; обѣ дивизіи наступали, каждая двумя колоннами, имѣя главныя силы въ правыхъ колоннахъ; общій фронтъ наступленія корпуса составлялъ около 5½ километровъ. Атака праваго фланга непріятельской позиціи у Ново Вошица была поручена 5 дивизіи (лѣвофланговой XVIII корпуса), которую должна была поддержать 13 ландверная дивизіа изъ Кошетица. Позади значительнаго промежутка между обѣими атакующими группами слѣдовала 10 дивизіа въ видѣ армейскаго резерва; 3 кавалерійская дивизіа на крайнемъ правомъ флангѣ, которой былъ приданъ 1 баталіонъ съ пулеметною командою, имѣла назначеніе идти на Истебницъ и дѣйствовать противъ подходившихъ отъ Бечина силъ противника, обезпечивая правый флангъ своей арміи.

Генераль Ауфенбергъ на 15-е сентября отдалъ слѣдующую диспозицію: VIII корпусъ занимаетъ позицію къ сѣверо-востоку отъ дороги Таборъ—Истебницъ; 3 дивизіа (изъ Планы) частью занимаетъ крайній правый флангъ позиціи къ сѣверо-востоку отъ г. Табора, а частью—въ резервѣ позади этого фланга; обѣ дивизіи XVII корпуса продолжаютъ движеніе на сѣверъ и занимаютъ высоты южнѣе Истебница на лѣвомъ флангѣ позиціи VIII корпуса; 9 кавалерійская дивизіа (съ 2 баталіонами) у Патцау снова получаетъ назначеніе задерживать наступленіе 13 ландверной синей дивизіи и, въ случаѣ необходимости, отступать на 3 дивизію (южнѣе Табора).

Когда IX синій корпусъ въ 6 ч. 30 м. утра подошелъ къ Мильчину, противника уже и слѣдъ простылъ; корпусъ сдѣлалъ продолжительный привалъ; тѣмъ временемъ къ Ново-Вошицу подошла 10 дивизіа (армейскій резервъ) и 5 дивизіа (лѣвый флангъ); онѣ тоже остановились на привалѣ, поджидая 13 ландверную дивизію изъ Кошетица; но послѣдняя не подходила. Она снова была задержана 9 кавалерійскою дивизіею красныхъ съ ея 2 баталіонами пѣхоты;

баталіоны эти заняли позицію къ сѣверу отъ Патцау и, когда 13 ландверная дивизія стала подходить отъ Кошетица, открыли огонь и заставили противника развернуться; подъ вліяніемъ превосходства силъ, 2 баталіона красныхъ начали отходить, но тогда вступила въ бой 9 кавалерійская дивизія, находившаяся къ востоку отъ нихъ; атаками во флангъ и огнемъ пулеметовъ, конныхъ батарей и велосипедистовъ она остановила наступленіе передовой линіи синихъ и заставила ихъ выдвинуть полкъ изъ резерва; въ это время 2 баталіона красныхъ снова перешли въ наступленіе, угрожая сообщеніямъ 13 ландверной дивизіи съ ея арміей. Краснымъ въ концѣ концовъ пришлось отступить, но они не отпускали 13 ландверную дивизію; она такъ и осталась вокругъ Патцау и въ общей атакѣ главныхъ силъ противника участія принять не могла.

Пока IX и XVII корпуса синей арміи отдыхали у Мильчина и Ново-Вошица, командующій красною арміею генераль Ауфенбергъ, съ подходомъ XVII корпуса къ Истебницу (части его для сего прошли только 10—15 километровъ), рѣшилъ перейти въ общее наступленіе; оно началось въ 10 часовъ утра: VIII корпусъ двинулся на сѣверъ, его 21 ландв. дивизія по дорогѣ Таборъ—Мильчинъ, а 9 дивизія лѣвѣе на Баротинъ; XVII корпусъ отъ Истебница двинутъ сначала на сѣверъ, а потомъ получилъ приказаніе двигаться на сѣверо-востокъ къ Мильчину; 3 дивизія направлена на Бергштадтъ съ приказаніемъ навлечь на себя возможно болѣе силъ противника. Лѣвофланговая 44-я ландв. дивизія общаго фронта наступленія была задержана 3-й кавал. дивизіею противника, но затѣмъ послѣдняя отступила на сѣверъ.

Тѣмъ временемъ командующій синею арміею, генераль Брудерманъ, также рѣшилъ продолжать наступленіе и направилъ IX корпусъ по дорогамъ на Истебницъ, Баротинъ и Таборъ, 5-ю дивизію—на Бергштадтъ, а 10-я дивизія опять составляла резервъ позади промежутка между двумя наступающими группами.

Такимъ образомъ, обстановка вылилась во встрѣчное столкнове-ніе, при которомъ IX синій корпусъ подвергся атакѣ 2 корпусовъ противника (VIII и XVII); 5-я синяя дивизія ввязалась въ бой съ 3-й красною въ районѣ Бергштадта, а резервъ синихъ (10 дивизія) сначала выдѣлилъ 1 полкъ въ поддержку 5-й дивизіи у Бергштадта, а потомъ ожидалъ распоряженій командующаго арміею и, когда получилъ приказаніе поддержать IX корпусъ, то было уже поздно—судьба IX синяго корпуса была рѣшена. Его 26-я ландв. дивизія на линіи Баротинъ—Хотовинъ въ 1 часъ 30 мин. дня встрѣтилась съ 2 дивизіями VIII корпуса красныхъ, изъ которыхъ 21-я ландв. дивизія задерживала ее съ фронта, а 9-я дивизія отъ Баротина произвела атаку во флангъ. На западномъ флангѣ по дорогѣ въ Истебницъ

29-я синяя дивизія встрѣтила 19-ю красную, развернулась и атаковала ее; но атака не успѣла еще обрисоваться, какъ подошла 44-я ландв. дивизія красныхъ и тотчасъ пошла въ атаку; въ это время пришло извѣстіе о поражениі 26-й ландв. синей дивизіи у Баротина и 29-я дивизія синихъ начала отступать эшелонами съ лѣваго фланга. На правомъ флангѣ красныхъ 3-я дивизія близъ Бергштадта успѣшно оборонялась противъ 5-й синей дивизіи и одного полка резерва (10-й дивизіи); ее поддержали подошедшія двѣ конныя батареи 9 кавал. дивизіи.

Въ 4 часа дня данъ былъ общій отбой, и маневры закончились несомнѣннымъ успѣхомъ командующаго армію красныхъ, генерала Ауфенберга, которому удалось 2 корпусами разбить IX корпусъ, пока одна его пѣхотная дивизія и кавалерія удерживали остальные части противника, а резервъ послѣдняго бездѣйствовалъ.

Тотчасъ по окончаніи маневровъ, 15-го сентября, главный руководитель, эрцъ-герцогъ Францъ-Фердинандъ, издалъ распоряженіе о производствѣ 17-го сентября маневра двухъ армій и кавалерійскаго корпуса подъ его общимъ начальствомъ противъ обозначеннаго противника; 15-го войска ночевали на занимаемыхъ позиціяхъ, а 16-го сентября предприняли незначительныя передвиженія, вызываемыя новымъ предположеніемъ. Оно заключалось въ слѣдующемъ: послѣ боя у Иглау, красная армія отступила на сѣверо-западъ на линію Баротинъ—Ново-Вошицъ; преслѣдуя ее, синяя армія, эрцъ-герцога Франца-Фердинанда, дошла до линіи Таборъ—Родна, выставивъ аванпосты по линіи Драчичъ—Бергштадтъ—Радвановъ. Синяя армія 17-го сентября атакуетъ противника.

Расположеніе синей арміи эрцъ герцога 16-го сентября вечеромъ было слѣдующее: на правомъ флангѣ XVIII корпуса вокругъ Родна; лѣвѣе его 13-я ландв. дивизія; 3-я дивизія у Шейнова; VIII корпусъ къ востоку отъ Табора; отъ XVII корпуса 44 ландверная дивизія южнѣе г. Табора, а 19-я дивизія въ резервѣ у Плана за крайнимъ лѣвымъ флангомъ арміи; кавалерійскій корпусъ подъ командою генералъ-инспектора кавалеріи, генерала графа Хюна, на лѣвомъ флангѣ въ 8 километрахъ къ юго-западу отъ Драчича.

Противникъ обозначался IX корпусомъ, расположеннымъ въ двухъ группахъ у Баротина и къ сѣверо-востоку отъ Ново-Вошица, имѣя резервъ за своимъ правымъ флангомъ.

По диспозиціи эрцъ-герцога 4 дивизіи праваго фланга произвели наступленіе съ фронта, а VIII и XVII корпуса атаковали правый флангъ противника, причемъ обѣ дивизіи XVII корпуса переходили по понтонному мосту южнѣе Драчича въ обходъ фланга противника, а кавалерійскій корпусъ атаковалъ (на мѣстности нѣсколько болотистой) выдвинувшійся впередъ резервъ противника. Маневръ закончился атакою 19-й дивизіи, составлявшей резервъ эрцъ-герцога.

Въ 11 ч. 30 м. утра 17-го сентября былъ данъ общій отбой и эрцъ-герцогъ Францъ-Фердинандъ, собравъ въ полѣ генераловъ и начальниковъ частей, сдѣлалъ критическій разборъ маневровъ.

Франція.

Большіе маневры во Франціи, особенно въ послѣдніе годы, имѣютъ характеръ событія первостепенной важности и представляютъ живѣйшій интересъ и при томъ не только для военныхъ; вся печать внимательно слѣдитъ за ними и комментируетъ распоряженія начальствующихъ лицъ и дѣйствія частей войскъ; палаты посылаютъ на маневры комиссіи своихъ делегатовъ, и вся страна, видимо, одушевлена съ одной стороны желаніемъ знать о состояніи и пригодности вооруженныхъ силъ, требующихъ громадныхъ жертвъ и затратъ, съ другой—патріотическими симпатіями къ арміи, на которую возлагаетъ столько надеждъ.

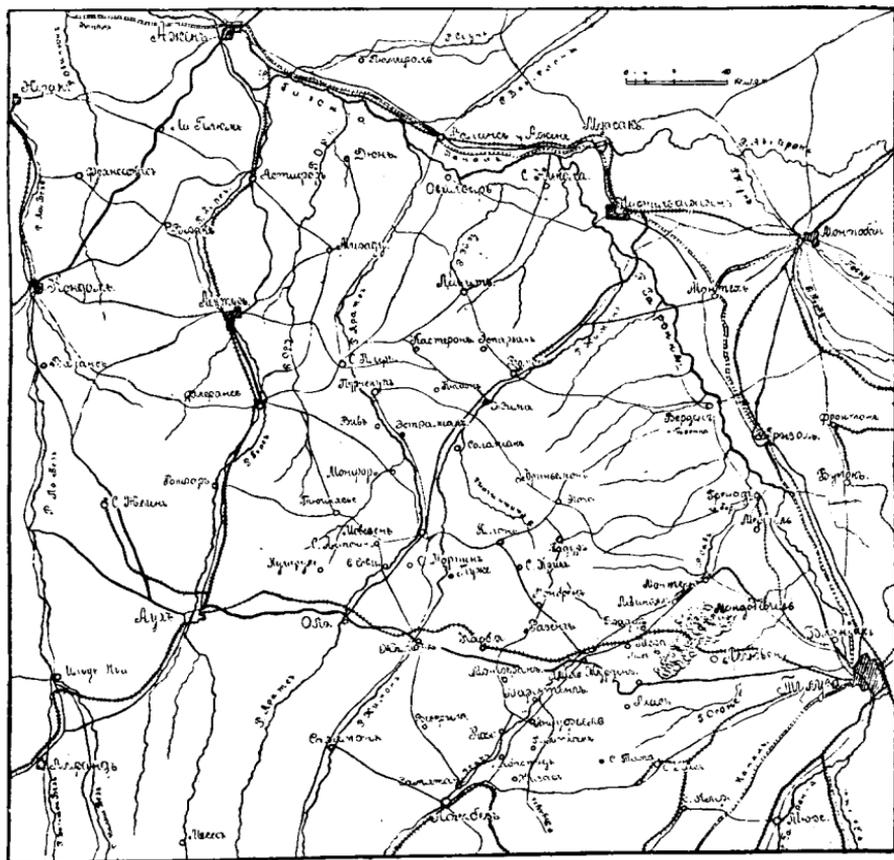
Поэтому организація большихъ маневровъ и исполненіе операцій возлагаетъ на центральныя военныя учрежденія, на штабы и на части войскъ всѣхъ отраслей службы, громадный трудъ и требуютъ отъ нихъ полнаго напряженія—каждый генералъ знаетъ, что за его дѣйствіями слѣдятъ миллионы глазъ; каждая часть знаетъ, что ея усердіе будетъ оцѣниваться всѣми. Большіе маневры—это экзаменъ арміи передъ страной.

Въ 1913 году маневры происходили въ юго-западной Франціи, на лѣвомъ берегу р. Гаронны на участкѣ между Тулузой и Аженъ; они продолжались съ 11-го по 17-е сентября и были подраздѣлены на два періода; въ нихъ участвовало 4 корпуса: XII, XVI, XVII и XVIII (Ангюлемъ, Кастръ, Тулуза и Тарбъ), одна колониальная дивизія пѣхоты, 6-я кавалерійская дивизія и отдѣльная кавалерійская бригада; всего въ строю находилось свыше 100.000 человекъ (на довольствіи около 120.000).

Раіонъ маневровъ обнималъ собою одну изъ самыхъ цвѣтущихъ и населенныхъ мѣстностей Франціи; долина рѣки Гаронны отличается плодородіемъ и богатствомъ; къ западу отъ рѣки мѣстность чрезвычайно пересѣченная, вслѣдствіе обилія рѣкъ и ручьевъ бассейна Гаронны, образующихъ множество глубокихъ долинъ между окружающими ихъ возвышенностями, западные склоны которыхъ большею частью крутые, а восточные—отлогіе. Наиболѣе крупныя здѣсь рѣки, впадающія въ Гаронну, начиная съ востока—Савъ, Жимонъ, Аратсъ, Герсъ и Безъ. Хорошихъ дорогъ здѣсь много; главныя національныя шоссе ведутъ съ юго-запада отъ Мирандъ—Аухъ на сѣверъ къ Ажену, на сѣверо-востокъ къ Монтобану и на востокъ къ Тулузѣ, но въ направленіи, въ которомъ происходили военныя

дѣйствія, съ юго-востока на сѣверо-западъ, между Тулузой и Аженъ, магистральныхъ дорогъ нѣтъ.

До начала маневровъ генеральнымъ штабомъ, въ лицѣ начальника его генерала Жофра и его старшаго помощника, генерала де-Кастельно, былъ изданъ цѣлый рядъ инструкцій: для сосредоточенія войскъ, для организаціи воздухоплавательной части, механической

тяги въ обозахъ и пр.; рассмотрѣніе инструкцій было помѣщено на страницахъ «Русскаго Инвалида» (№ 84 и 86). Здѣсь ограничимся указаніемъ, что посредники были распределены на 4 группы, каждая изъ дивизионнаго генерала, 3 начальниковъ секторовъ, 12 посредниковъ и 18 ихъ помощниковъ; при каждой арміи состояло по 1 дирижаблю и по 3 отряда летчиковъ (изъ 6 аэроплановъ въ каждомъ отрядѣ), причемъ аэропланы соединены были въ однородныя группы по системамъ: на сѣверной сторонѣ монопланы Блеріо, бипланы М. Фармана и бипланы А. Фармана; на южной—бипланы Бреге, монопланы Ньюпоръ и монопланы Депердюсенъ; отряды были снабжены грузовиками, легкими автомобилями, мастерскими и па-

латками и совершили полеты со всѣхъ концовъ Франціи къ своимъ стоянкамъ на маневрахъ, сопровождаемые по дорогамъ принадлежащими къ нимъ автомобилями.

При командующемъ армію находился инспекторъ воздухоплавательной части, который по указаніямъ командующаго арміей ежедневно составлялъ планъ дѣятельности дирижабля и отряда аэроплановъ. Въ авіаціонномъ центрѣ арміи находился начальникъ его, дѣлавшій распоряженія по исполненію плана, составленнаго инспекторомъ воздухоплавательной части. Донесенія о развѣдкахъ съ высоты ниже 1.000 метровъ не принимались во вниманіе, какъ не соотвѣтствующія обстановкѣ военного времени.

Снабженіе арміи механическою тягою было обильное; кромѣ легкихъ автомобилей для штабовъ, имѣлось при сѣверной арміи 43 грузовика, при южной—25 и, кромѣ того, спеціально для доставки свѣжаго, мороженнаго мяса, 24 приспособленныхъ для сего парижскихъ автобуса. Наконецъ, организовано было снабженіе водою для питья, для чего для каждаго баталіона пѣхоты и дивизіона артилеріи имѣлась наемная повозка съ 700 литрами воды (по 1 литру на человѣка въ день).

По поводу организаціи маневровъ слѣдуетъ отмѣтить, что на особую тщательность подготовительныхъ работъ имѣли вліяніе два обстоятельства, получившіе осуществленіе въ послѣднее время при военномъ министрѣ Мессими: учрежденіе центрального управленія генеральнаго штаба и назначеніе еще въ мирное время начальниковъ штабовъ отдѣльныхъ армій при членахъ высшаго военного совѣта, которые предназначаются въ военное время для командованія этими арміями. Двое изъ означенныхъ генераловъ командовали на маневрахъ арміями: генералъ По—сѣверною, синюю (Parti P) и генералъ Шомеръ—южною, красною (Parti C).

Согласно предположенія для маневровъ, главныя силы синей и красной сторонъ оперировали къ востоку отъ р. Гаронны. Красные, въ виду появленія значительныхъ силъ противника противъ ихъ лѣваго фланга, отошли къ югу, выславъ на лѣвый, западный, берегъ р. Гаронны къ Тулузѣ армію С генерала Шомера для обезпеченія своего лѣваго фланга. Синіе, задержанные заботами о снабженіи войскъ, выдѣлили на лѣвый берегъ р. Гаронны къ Аженъ армію P генерала По, назначеніе которой—наступать на юго-востокъ и нанести пораженіе красной арміи С, воспрепятствовавъ ей принять участіе въ предстоящемъ новомъ общемъ сраженіи.

Обѣ арміи, участвовавшія въ маневрахъ, сосредоточились 9-го сентября вечеромъ: синяя, генерала По, въ окрестностяхъ Аженъ, а красная, генерала Шомера, близъ Тулузы; 10-го назначена была дневка, а 11-го сентября въ 6 часовъ утра начались маневры.

Въ составъ синей арміи Р входили: XII корпусъ генерала Рока изъ 23-й и 24-й дивизій подъ начальствомъ генераловъ Леблана и Кастелли; XVIII корпусъ генерала Масъ-Латри изъ 35-й и 36-й дивизій, генералы Бренъ д'Обиньоекъ и Мишеленъ; 1-я колоніальная пѣхотная дивизія генерала Вимара и сводная кавалерійская бригада генерала Греле; 2 батареи тяжелой артилеріи; дирижабль «Fleurus» и 18 аэроплановъ.

Южную красную армію С составляли: XVI корпусъ генерала Фори изъ 31-й и 32-й дивизій, генералы Бессе и Вуархе; XVII корпусъ генерала Планьола изъ 33-й и 34-й дивизій, генералы Бурдеріа и Мартенъ; 6-я кавалерійская дивизія генерала Шарлери де ла Маселиеръ; двѣ батареи тяжелыхъ 12 см. орудій по 4 орудія; дирижабль «Adjutant Vincenot» и 18 аэроплановъ.

Пѣхота, призывомъ резервистовъ, согласно инструкціи, должна была быть доведена до возможно большаго состава, но въ дѣйствительности въ строю находилось не свыше 140 человекъ въ ротѣ, а во многихъ ротахъ и меньше. Слѣдуетъ отмѣтить особую организацію пулеметныхъ командъ: въ каждомъ полку были 3 пулеметныхъ взвода по 2 пулемета, причемъ 1 взводъ—на вьюкахъ безъ патронныхъ ящиковъ (всего 4 лошади или мула), 1 взводъ—на повозкахъ (тоже) и 1 взводъ—на самокатахъ.

Въ кавалеріи отдѣльная дивизія состояла изъ кирасирской и драгунской бригадъ, обѣ по 2 полка, и 2 конныхъ батарей, а отдѣльная бригада изъ 2 драгунскихъ и 1 конно-егерскаго полковъ; полки выступили въ составѣ 4 эскадроновъ. При каждомъ корпусѣ, сверхъ того, находилось 6 эскадроновъ (1 полкъ легкой кавалеріи и дивизионъ драгунъ).

Организація артилеріи была нѣсколько импровизованною: изъ артилеріи корпуса, передачею людей и лошадей, было образовано на каждую пѣхотную дивизію по 2 дивизиона изъ 3-хъ батарей каждый; для образованія корпусной артилеріи изъ 2-хъ дивизионовъ были взяты батареи изъ другихъ корпусовъ; на корпусъ приходилось всего 18 батарей по 4 орудія или 72 орудія; орудія имѣли 6-конную запряжку и въ каждой батареѣ было 4 зарядныхъ ящика въ 4-конной запряжкѣ. Инженерныя роты были по одной при пѣхотной дивизіи и при корпусѣ. Изъ телеграфныхъ частей 1 рота придана была каждой арміи и по одной командѣ изъ 2-хъ взводовъ корпусу, отдѣльнымъ дивизіямъ и кавалерійской бригадѣ; цѣлая рота находилась въ распоряженіи посредниковъ.

Во время маневровъ главная квартира генерала Жоффа находилась въ Кастельсаразенѣ, штабъ посредниковъ—въ Муасакѣ, а иностранные офицеры жили въ городѣ Монтобанѣ.

Утромъ 11-го сентября арміи обоихъ противниковъ занимали слѣ-

дующее исходное для маневровъ положеніе: сѣверная (синяя) армія генерала По — главная квартира Аженъ, XII корпуса одна дивизія — Та-Шлюмъ, другая — Франсескасъ; XVIII корпусъ размѣщенъ былъ почти перпендикулярно къ расположенію XII корпуса у Неракъ и южнѣе въ долину р. Безъ; колониальная дивизія составляла общій авангардъ — вокругъ Мираду, а кавалерійская бригада находилась въ Лектурѣ.

Южная (красная) армія генерала Шомера — главная квартира въ Тулузѣ и всѣ 4 дивизіи къ западу на одной линіи отъ Бланиака до Мюре, имѣя каждая впереди авангардъ, XVI корпусъ на правомъ флангѣ, XVII — на лѣвомъ; кавалерійская дивизія впереди центра расположенія арміи у Лиль Журденъ.

Такимъ образомъ, генералъ По принялъ для своей арміи расположеніе въ глубину съ общимъ авангардомъ, что соответствовало идеѣ наступленія, согласно заданія. Генералъ Шомеръ, наоборотъ, избралъ расположеніе въ одну линію съ авангардами отъ дивизій, что отвѣчало задачѣ прикрытія теченія Гаронны у Тулузы и обезпеченія фланга главныхъ силъ. Съ 11-го сентября (на 3 дня) въ 1-й періодъ маневровъ начальникамъ сторонъ была предоставлена полная самостоятельность дѣйствій. Генералъ Шомеръ рѣшилъ, что задачу прикрытія фланга главныхъ силъ онъ наилучшимъ образомъ выполнить переходомъ въ наступленіе противъ арміи синихъ.

Въ первый день маневровъ красная, южная, армія генерала Шомера отъ ближайшихъ окрестностей г. Тулузы продвинулась впередъ четырьмя дивизионными колоннами съ авангардомъ при каждой; правифланговый XVI корпусъ до линіи Мондонвиль — Легювенъ, лѣвофланговый XVII корпусъ — до С. Лисъ; авангарды дивизій дошли до берега р. Савъ и выслали смѣшанные передовые отряды на высоты лѣваго берега рѣки на линіи Кадуръ — Безериль; тяжелая артиллерія находилась при лѣвомъ флангѣ XVI корпуса у Легювенъ; 6-я кавалерійская дивизія была направлена изъ Лиль Журденъ черезъ Жимонъ въ Аухъ, куда прибыла въ полдень и находилась, такимъ образомъ, довольно далеко на крайнемъ лѣвомъ флангѣ общаго расположенія; изъ этого слѣдуетъ, что назначеніе кавалеріи было скорѣе наступательное, чѣмъ развѣдывательное, такъ какъ впереди фронта ея противника не было и о направленіи движенія непріятельскихъ колоннъ она свѣдѣній дать не могла; въ этомъ отношеніи, вѣроятно, начальникъ отряда полагался на воздушныя развѣдки.

Синяя, сѣверная, армія генерала По, отъ окрестностей Аженъ перешла въ наступленіе на юго-востокъ въ слѣдующемъ порядкѣ: общій авангардъ, колониальная дивизія, продвинулась отъ Мираду къ Кастеронъ, выславъ передовыя части на высоты лѣваго берега р. Жимонъ; кавалерійская бригада изъ Лектура перешла къ участку

Мовезень—Колонь, обеспечивая правый флангъ колоніальной дивизіи (кавалерія была усилена однимъ баталіономъ пѣхоты съ пулеметами, но артилеріи не имѣла). Главныя силы синей арміи перешли въ 4-хъ колоннахъ: дивизіи XII корпуса изъ Ла-Плюмъ черезъ Астафоръ къ Мираду и отъ Франсескасъ къ Беракъ; дивизіи XVIII корпуса совершили значительные переходы и изъ долины р. Безъ (раіонъ Неракъ—Кондомъ) перешли одна въ Лектуръ, другая—во Флерансъ. Послѣ полудня кавалерійская бригада получила указаніе изъ главной квартиры своей арміи о появленіи непріятельской кавалеріи у Ауха, потянулась изъ Мовезень на западъ и вошла въ соприкосновеніе съ кавалеріей противника. Столкновеній въ первый день не произошло.

Теперь обратимся къ дѣятельности летчиковъ и дирижаблей. Погода была отличная и можно было ожидать полного успѣха воздушныхъ развѣдокъ. Дѣйствительно, летчики доставили цѣнныя свѣдѣнія: отрядъ моноплановъ Блеріо, поднявшись изъ С. Клеръ, куда генераль По съ утра перенесъ авіаціонный центръ изъ Ажена, направился къ Тулузѣ и очень скоро сообщил о движеніяхъ непріятельскаго праваго фланга; дирижабль «Fleurus» виталь надъ расположеніемъ арміи генерала Шомера, но, по свидѣтельству очевидцевъ, онъ держался на слишкомъ малой высотѣ и за его развѣдками поэтому нельзя признать военнаго значенія.

На сторонѣ красныхъ летчики очень точно опредѣлили движеніе колоннъ XII лѣвофланговаго непріятельскаго корпуса, но замѣчательно, что авангарда, колоніальной дивизіи, они не видали и о немъ свѣдѣній не дали; быть можетъ, это слѣдуетъ приписать чрезвычайно пересѣченной мѣстности и полевому обмундированію колоніальной дивизіи («Fr. mil.»). Дирижабль «Adjutant Vincenot» получилъ приказаніе идти къ Ауху и донести, двигается ли противникъ по долинѣ р. Герсъ или же восточнѣе; задачу свою онъ выполнилъ и вернулся въ полдень. Летчикъ, поручикъ Дитрихъ, при спускѣ въ С. Клеръ повредилъ аппаратъ; другой летчикъ въ С. Мартенѣ также имѣлъ легкую аварію.

Во второй день маневровъ 12-го сентября происходили лишь столкновенія частей кавалеріи и нѣкоторыхъ передовыхъ частей пѣхоты; обѣ арміи совершили передвиженія для занятія исходнаго положенія въ виду предстоящаго сраженія.

Генераль Шомеръ продвинулъ свою армію впередъ въ прежнемъ направленіи, имѣя намѣреніе на другой день выдвиненіемъ болѣе сильнаго лѣваго фланга дѣйствовать противъ праваго фланга противника. На правомъ флангѣ 31-я дивизія перешла изъ Мондонвилъ въ Коксъ, другая, 32-я, дивизія XVI корпуса продвинулась изъ Легювенъ въ Монбрень, выславъ авангардъ къ сторонѣ Колонь. Изъ

частей XVII корпуса 33-я дивизія перешла отъ С.-Листъ къ Монферанъ, а 34-я южнѣе, къ Саматанъ; обѣ дивизіи выслали авангарды по дорогамъ къ сторонѣ Жимонъ; тяжелая артилерія передана XVII корпусу; 6-я кавалерійская дивизія получила приказаніе оставаться у Ауха и беспокоить правый флангъ противника. Изъ этого расположенія видно, что три дивизіи лѣваго фланга заняли фронтъ Монбрень—Саматанъ, а 31-я правофланговая дивизія оказалась довольно оторванною, вокругъ Кокса.

Генераль По рѣшилъ въ этотъ день передвинуть общее расположеніе войскъ нѣсколько къ югу и вмѣсто четырехъ колоннъ, имѣть главныя силы въ двухъ колоннахъ. Колоніальная дивизія должна была оставаться общимъ авангардомъ-завѣсою въ Кастеронѣ, выслать передовые отряды на берегъ р. Жимонъ къ Бомону и южнѣе и прикрывая фланговое движеніе главныхъ силъ; кавалерійская бригада составляла правый флангъ завѣсы у Обіа. Изъ частей XII корпуса одна дивизія изъ Мираду вверхъ по р. Аратсъ перешла на линію Бивъ—Монфоръ и выслала авангардъ къ Соломіакъ на р. Жимонъ; другая, слѣдуя позади ея, дошла изъ Беракъ до С.-Клеръ. Въ такомъ же порядкѣ двигались и дивизіи XVIII корпуса; одна изъ Флеранса дошла до Тюикасье, выслать авангардъ къ С.-Антоненъ близъ р. Аратсъ, а другая позади ея перешла изъ Лектура въ Рокфоръ. Части XVIII корпуса были нѣсколько задержаны кавалерійскою дивизіею противника; авангардъ долженъ былъ развернуться и открыть артилерійскій огонь, послѣ чего кавалерійская дивизія отошла къ Обіа; одинъ эскадронъ ея внезапно напалъ на обозъ гусарскаго полка противника въ Тюикасье и захватилъ его. У Обіа произошло столкновеніе кавалерійской дивизіи съ кавалерійскою бригадою противника, которая у Жимонъ имѣла перестрѣлку съ егерями авангарда XVII корпуса и послѣ этого отошла къ Обіа. Съ появленіемъ въ этомъ пунктѣ кавалерійской дивизіи противника бригада отошла на линію Мовезенъ—Нугаруле, прикрывая правый флангъ XVIII корпуса.

По исполненіи диспозиціи, части синей арміи заняли фронтъ Бомонъ—Мовезенъ, имѣя на правемъ флангѣ кавалерію, на лѣвомъ—колоніальную дивизію, а въ центрѣ два корпуса (въ каждомъ одна дивизія позади другой). У противника, какъ сказано, всѣ четыре дивизіи были расположены въ одной линіи отъ Коксъ до Саматанъ, а кавалерія впереди лѣваго фланга у Обіа. Летчики въ этотъ день проявили меньше дѣятельности, такъ какъ погода была значительно менѣе ясною. Генераль Шомеръ, получивъ свѣдѣнія о расположеніи противника и имѣя намѣреніе на слѣдующій день направить главный ударъ противъ его праваго фланга, приказалъ 34-й дивизіи (лѣвофланговой XVII корпуса) совершить ночной переходъ изъ Сама-

тань—Ломбездъ въ Жимонь, а двумъ среднимъ дивизіямъ, 32-й и 33-й, продвинуться впередъ до Колонь и Жимонь.

Въ третій день 13-го сентября произошло общее столкновение главныхъ силъ. Южная, красная, армія занимала фронтъ въ 20 километровъ отъ Коксъ (31-я дивизія) на Колонь (32-я дивизія) до Жимонь—33-я и 34-я дивизіи (послѣдняя прибыла только въ 7 часовъ утра послѣ ночного марша); какъ видно, между XVI и XVII корпусами образовался значительный промежутокъ. По диспозиціи генерала Шомера 31-я, 32-я и 33-я дивизіи должны были выступить въ 6 часовъ утра и наступать—первыя двѣ черезъ переправы на р. Жимонь на сѣверо-западъ, а 33-я на сѣверъ къ Мовезень. По приходѣ въ Жимонь, 34-й дивизіи, она съ 8-ми часовъ утра должна была наступать, охватывая правый флангъ противника; 6-я кавалерійская дивизія находилась къ западу отъ Жимонь, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ и должна была содѣйствовать 34-й дивизіи въ дѣйствиіи во флангъ и тылъ противника; тяжелая артилерія слѣдовала при 33-й дивизіи.

Диспозиція для сѣверной, синей, арміи генерала По гласила: армія переходитъ въ общее наступленіе; колоніальная дивизія изъ Кастеронъ переправляется черезъ р. Жимонь въ 5 часовъ утра у Жима; 23-я дивизія XII корпуса, находившаяся во второй линіи у С. Клеръ, выступаетъ въ 1 часъ утра и слѣдуетъ на переправу у Соломіакъ (эта дивизія въ этотъ день сдѣлала переходъ въ 43 километра, не имѣя отсталыхъ); 24-я дивизія XII корпуса переправляется между Соломіакъ и Мовезень; 36-я дивизія XVIII корпуса совершаетъ переправу у Мовезень; наконецъ, 35-я дивизія XVIII корпуса, находившаяся во второй линіи у Рокфоръ, вмѣстѣ съ кавалерійскою бригадою составить «оттянутый эшелонъ» и будетъ слѣдовать позади правого фланга арміи; тяжелая артилерія переходитъ въ Монфоръ.

Особенностью диспозицій обѣихъ сторонъ является отсутствіе общаго резерва въ рукахъ командующаго арміею, если не считать таковымъ нѣсколько оттянутыя назадъ дивизію съ кавалеріею на южныхъ флангахъ, которыя, однако, какъ покажетъ ходъ маневра, не находились въ рукахъ главнокомандующаго.

Въ ходѣ маневра, прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить, что, такъ какъ выступленіе частей синей арміи генерала По было назначено гораздо раньше, чѣмъ въ арміи генерала Шомера, то XVI корпусъ послѣдняго не успѣлъ дойти до р. Жимонь и, отдѣленный промежутокъ въ 12 километровъ отъ XVII корпуса, былъ атакованъ 4-мя дивизіями противника, изъ коихъ колоніальная, 23-я и 24-я атаковали его съ фронта между Коксъ и Колонь, а 36-я, переправившись у Мовезонъ и оставивъ 1 полкъ для удержанія передовыхъ частей 33-й дивизіи, обходила его лѣвый флангъ, наступая къ С. Крикъ и

не обращая вниманія на движеніе съ юга запоздавшихъ частей XVII корпуса. Такимъ образомъ, на сѣверномъ участкѣ синія армія генерала По имѣла полный перевѣсъ, и въ 2 часа дня XVI корпусъ отступилъ на линію Кадуръ—Монбрень.

На южномъ участкѣ XVII корпуса картина была совсѣмъ иная: 33-я дивизія двумя колоннами наступала изъ Жимонъ къ Мовезентъ; подходя туда, она легко отбросила оставленный здѣсь полкъ 36-й синей дивизіи и заняла Мовезентъ, оказавшись за правымъ флангомъ и почти въ тылу арміи противника. Съ своей стороны 34-я красная дивизія XVII корпуса въ 8 часовъ утра выступила изъ Жимонъ и направилась на Тюкасье; на пути у С. Сови она встрѣтила 35-ю синюю дивизію противника («оттянутый эшелонъ»), которая, подвергаясь атакѣ 34-й дивизіи и 33-й отъ Мовезентъ, должна была отступить и оказалась совершенно отрѣзанною отъ своей синей арміи генерала По; 6-я кавалерійская дивизія красныхъ, заставляя отступить синюю кавалерійскую бригаду, съ своей стороны содѣйствовала отступленію 35-й дивизіи.

Въ 2 часа дня маневры перваго періода были закончены (назначенный въ 12 часовъ официальный завтракъ былъ отложенъ; это особенно подчеркиваетъ «France militaire», какъ доказательство чисто военной постановки маневровъ). Посредники признали бой нерѣшеннымъ, такъ какъ каждая сторона имѣла извѣстныя преимущества. Все же нужно сказать, что, по отношенію къ главной задачѣ—оборонѣ участка р. Гаронны у Тулузы для красной арміи и завладѣнія этимъ участкомъ для синей, положеніе генерала Шомера съ 2-мя дивизіями противъ четырехъ дивизій противника казалось было болѣе затруднительное, чѣмъ генерала По. Въ этотъ третій день маневровъ летчики проявили значительную дѣятельность, главнымъ образомъ въ отношеніи отысканія непріятельскихъ батарей на укрытыхъ позиціяхъ, причемъ наибольшія услуги опять оказали легкіе монопланы Блерію. Дирижабли въ этотъ день держались на достаточной высотѣ; ими пользовались для освѣщенія фланговъ; благодаря наблюденіямъ дирижабля «Fleurus», генералу По своевременно удалось остановить 35-ю дивизію и спасти ее отъ уничтоженія. Тяжелая артилерія обѣихъ сторонъ въ бою участія не принимала.

Съ 3-хъ часовъ дня 13-го сентября до 6-ти часовъ вечера 15-го сентября послѣдовалъ перерывъ маневровъ съ цѣлью дать отдыхъ войскамъ и занять исходныя положенія для втораго періода маневровъ. Предположеніе для этого періода заключалось въ томъ, что главныя силы красныхъ (предполагаемыя) на правомъ берегу р. Гаронны принуждены были отступить еще южнѣе, уничтоживъ переправы у Бурель, Вердентъ и Гризоль; поэтому красная армія генерала Шомера получила приказаніе въ ночь на 16-е сентября отойти

за р. Савъ, продолжая обезпечивать лѣвый флангъ своихъ главныхъ силъ.

Синяя армія генерала По получила приказаніе продолжать наступленіе и, разбивъ противника, дѣйствовать противъ лѣваго фланга главныхъ силъ красныхъ. Въ составѣ арміи произошла незначительная перемѣна: армія генерала Шомера была ослаблена 4-мя баталіонами XVII корпуса (14-й полкъ и 1 баталіонъ 83-го полка), отправленными въ Тулузу для несенія гарнизонной службы, по случаю прибытія президента республики.

Расположеніе армій обоихъ противниковъ вечеромъ 15-го сентября было слѣдующее: сѣверная, синія, армія генерала По занимала фронтъ около 35 километровъ отъ Бомонъ до Обіа, вдоль рѣкъ Жимонъ и Аратсъ, имѣя передовыя части на переправахъ; колоніальная дивизія вокругъ Эспарзакъ; XII корпусъ—Эстрадакъ-Кюмонъ; XIII корпусъ—Мовезень-Обіа; кавалерійская бригада—Обіа-Аухъ за правымъ флангомъ.

Южная, красная, армія генерала Шомера имѣла протяженіе фронта около 20 километровъ отъ Бриньмонъ на Колонъ до Жимонъ; XVI корпусъ между первыми двумя пунктами, а XVII—между двумя вторыми; 6-я кавалерійская дивизія въ районѣ Саматанъ—Безериль, эшелonomъ позади лѣваго фланга, Разстояніе между передовыми частями противниковъ было не болѣе 1 километра.

Генераль Шомеръ 15-го вечеромъ отдаетъ диспозицію, согласно которой армія ночью должна отойти за р. Савъ, ниже Ломбезъ и къ 6-ти часамъ утра 16-го сентября на лѣвомъ берегу этой рѣки оставить только кавалерію: 6-ю кавалерійскую дивизію впереди Саматанъ, а корпусную кавалерію—впереди фронта. Несмотря на близость противника, это движеніе, подъ прикрытіемъ ночи, было совершено безпрепятственно и утромъ 16-го сентября войска заняли слѣдующее расположеніе къ востоку отъ р. Савъ: XVI корпусъ на правомъ флангѣ между Монтегю и Марестенгъ; 31-я дивизія двумя полками въ первой линіи охраняетъ переправы отъ Монтегю до Меранвиль, имѣя въ резервѣ одинъ полкъ позади лѣса и боковой отрядъ на крайнемъ правомъ флангѣ у Мервиль; 32-я дивизія обороняетъ переправы отъ Л'Иль Журденъ до Марестенгъ, имѣя 2 полка въ первой линіи, одинъ—въ резервѣ позади Л'Иль-Журденъ, а 81-й полкъ сѣвернѣе Ліаса образуетъ корпусный резервъ; корпусная кавалерія на лѣвомъ берегу р. Савъ; расположеніе корпуса по фронту имѣетъ около 28 километровъ, а безъ бокового отряда—22 километра. Участокъ отъ Марестенгъ до Лабастидъ около 8 километровъ занимаетъ 34-я дивизія XVII корпуса, имѣя 2 полка въ первой линіи и одинъ въ резервѣ у Помпіакъ (одинъ полкъ въ Тулузѣ); 33-я дивизія того же корпуса, вмѣстѣ съ тяжелою артилеріею, составляетъ общій резервъ арміи у С. Лисъ.

Генераль По рѣшилъ рано утромъ, 16-го сентября, занять высоты впереди фронта своего расположенія между Бомонъ и С. Сови, для чего приказываетъ авангардамъ въ 3 часа утра двинуться черезъ переправы. Когда авангарды дошли до означенныхъ высотъ они убѣдились, что противникъ отступилъ. Генераль По приказалъ продолжать наступленіе: колоніальной дивизіи по направленію на Коксъ и Монтегю, XII корпусу на Колонъ и Л'Иль-Журденъ и Андюфіель, XVIII корпусу—черезъ Жимонъ на Казо—Ломбезъ. Въ началѣ, не зная объ отступленіи противника, войска наступали большимъ числомъ малыхъ колоннъ, но съ 9-ти часовъ утра начали стягиваться въ походныя колонны и продолжали движеніе по главнымъ путямъ; перестроенія на очень пересѣченной мѣстности нѣсколько замедлили движеніе; все же около полудня головы колоннъ показались на высотахъ лѣваго берега р. Савъ и на правомъ флангѣ части XVIII корпуса отѣснили 6-ю кавалерійскую дивизію, которая отошла къ Саматанъ и Ломбезъ. Генераль По, въ виду утомленія войскъ и желая воспользоваться ночью для овладѣнія переправами на рѣкѣ Савъ, отложилъ атаку позиціи противника до слѣдующаго дня.

Въ послѣдній день маневровъ 17-го сентября синія армія генерала По атаковала позицію красной арміи генерала Шомера позади р. Савъ. Еще ночью, по приказанію генерала По, сводный отрядъ колоніальной дивизіи (1 полкъ пѣхоты, 3 батареи и 2 эскадрона) въ 2 часа утра, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, атаковалъ переправу у Прадеръ, а въ 3 часа утра въ центрѣ одинъ полкъ 23-й дивизіи (XII корпуса) атакуетъ переправу у Л'Иль Журденъ; эта послѣдняя атака, несмотря на упорное сопротивленіе противника, по приговору посредниковъ, признается удавшеюся, и переправа у Л'Иль Журденъ переходитъ въ руки синихъ. Въ 5 часовъ утра генераль По дѣлаетъ распоряженіе объ общемъ наступленіи: лѣвофланговый отрядъ изъ Прадеръ направляется на Пюждранъ (сѣвернѣе Ліаса); въ центрѣ 23-я дивизія идетъ на Пюждранъ, а 24-я—на Марестенгъ; XVIII корпусъ наступаетъ на Андюфіель, Казо и Лабастидъ; отъ него на крайнемъ правомъ флангѣ выдѣляется отрядъ изъ 1 полка, 3 батарей и 1 эскадрона къ Саматанъ, куда направляется и кавалерійская бригада для прикрытія праваго фланга арміи. Наконецъ, колоніальная дивизія (за выдѣленіемъ лѣвофланговаго отряда) сосредоточивается у Разенгъ, составляя общій резервъ арміи.

Такимъ образомъ, сѣверная армія атаковала фронтально по всему своему протяженію (французская тактика), но правый флангъ ея, въ виду меньшаго фронта противника, охватывалъ лѣвый флангъ его. До 9-ти часовъ утра происходилъ бой по всей линіи съ перемѣнными колебаніями, причемъ, однако, части сѣверной арміи уже поднимались по склонамъ возвышенностей на главную позицію крас-